ISSN 1561-7793

ВЕСТНИК
Томского государственного университета

2025. № 519. Октябрь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2025. № 519. October

Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

16+

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель); **В.В. Демин**, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); **Н.А. Глущенко**, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь); **В.Н. Берцун**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, д-р биол. наук, доц.; **С.Н. Воробьев**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательства Томского государственного университета; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слижов**, канд. хим. наук, доц.; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р физ.-мат. наук, проф.

EDITORIAL COUNCIL OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **N. Glushchenko,** PhD in History, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, Dr. of Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Physics and Mathematics; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of TSU Press; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor, **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:
Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глущенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прозументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief
Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor
Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

№ 519 Октябрь 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Андреева М.И., Янтыкова А.А. Лексико-семантическая специфика терминов хирургии в английском языке 5
Гумерова А.Л. Фантастическое пространство в мемуарах Н.П. Анциферова 14
Жданов С.С., Ильницкая А.А., Курьянов С.О. Роль «Путешествия в полуденную Россию» В.В. Измайлова в формировании новороссийского текста русской словесности начала XIX в. 21
Михайленко К.А. Авторский корпус и жанровые разновидности путевых дневников в сибирской литературе первой половины XIX в. 32
Московкина Е.А. Образ малютки и эвкатастрофа взросления в литературной сказке 40
Стрельникова А.Б. Символистская критика и новые тенденции в русском академическом литературоведении начала XX в. 49

ФИЛОСОФИЯ

Красильникова М.Б. Преодоление власти времени: метафизика смерти в исповедальной прозе Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского 56
Жижилева Л.И. Человек сквозь призму символики рождения и смерти в культуре 63
Соболева К.П., Черникова И.В. Онтологическая и когнитивная концептуализация сущности самосознания 68
Чечеткина И.И. Возможна ли эпистемологическая редукция химии к физике по Э. Нагелю? 74

ИСТОРИЯ

Гудков И.А. Владивостокский железнодорожный узел и тихоокеанский маршрут ленд-лиза (1941–1945 гг.) 85
Корнеев Б.М. Протестантские и антикатолические мотивы в исторической пьесе «Король Иоанн» (1538) Джона Бейла 94
Миркин В.В. Технологическая трансформация отечественной радиоэлектроники в 1990-е гг. – от лампы к транзистору, от «аналога» к «цифре» (по материалам журнала «Радио») 101
Новоселов П.А. Информационное обеспечение Отдельного Корпуса жандармов Российской Империи во второй половине XIX в. (по материалам Пермской губернии) 111
Прокопенко К.А., Хрулева О.С. Организация санитарного просвещения в Томской губернии в XIX – начале XX в. 118
Столетова А.С. Трудовое самосознание рабочих Русского Севера второй половины XX в. 125
Шуберт В.Д. Формирование и деятельность зороастрийского общества Онтарио в Канаде 136

ПЕДАГОГИКА

Мосина О.А., Мамадиев А.Х., Хазова С.А. Реализация здоровьесберегающих функций физической культуры в региональной системе образования по данным экспертной оценки 142
Савченко И.А., Козлова Ю.В., Золотарёв М.И. *Quick Response* в обучающей навигации: урбанизированная экосистема иноязычного образования 152
Семенова Н.А., Поздеева С.И., Куровская Л.В. Исследование ценностного отношения школьников к целям достижения культурного суверенитета страны 160

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

Multidisciplinary research journal

№ 519 October 2025

CONTENTS

PHILOLOGY

Andreeva M.I., Yantykova A.A. Lexical and semantic specifics of English surgical terminology 5
Gumerova A.L. Fantastic space in the memoirs of N.P. Antsiferov 14
Zhdanov S.S., Ilnitskaya A.A., Kuryanov S.O. The role of V.V. Izmailov's "Journey to Midday Russia" in the formation of the Novorossiysk text in Russian literature of the early 19th century 21
Mikhaylenko K.A. Author's corpus and genre varieties of travel diaries in Siberian literature of the first half of the 19th century 32
Moskovkina E.A. The image of a midget and the eucatastrophe of growing up in a literary fairy tale 40
Strelnikova A.B. Symbolist criticism and new trends in Russian academic literary studies at the turn of the 20th century 49

PHILOSOPHY

Krasilnikova M.B. Overcoming the power of time: The metaphysics of death in Tolstoy's and Dostoevsky's confessional prose 56
Zhizhileva L.I. Person through the prism of the symbolism of birth and death in culture 63
Soboleva K.P., Chernikova I.V. Ontological and cognitive conceptualization of the essence of self-awareness 68
Chechetkina I.I. Is it possible to epistemologically reduce chemistry to physics according to E. Nagel? 74

HISTORY

Gudkov I.A. Vladivostok railway junction and the Lend-Lease Pacific corridor (1941–1945) 85
Korneev B.M. Protestant and anti-Catholic themes in John Bale's historical play "King Johan" (1538) 94
Mirkin V.V. Technological transformation of Russian radio electronics in the 1990s: From vacuum tubes to transistors, from analog to digital (based on materials from the magazine "Radio") 101
Novoselov P.A. Information support of the Separate Corps of Gendarmes of the Russian Empire in the second half of the 19th century (based on materials from Perm Province) 111
Prokopenko K.A., Khruleva O.S. Organization of health education in Tomsk Province in the 19th – early 20th centuries 118
Stoletova A.S. Labor consciousness of workers of the Russian North in the second half of the 20th century 125
Schubert V.D. Formation and activity of the Zoroastrian Society of Ontario in Canada 136

PEDAGOGICS

Mosina O.A., Mamadiev A.Kh., Khazova S.A. Implementation of health-preserving functions of physical education in the regional education system according to expert assessment data 142
Savchenko I.A., Kozlova Yu.V., Zolotarev M.I. *Quick Response* in learning navigation: An urbanized ecosystem of foreign language education 152
Semenova N.A., Pozdeeva S.I., Kurovskaya L.V. Study of schoolchildren's value attitudes to the goals of achieving the cultural sovereignty of the Russian Federation 160

Терентьева О.С., Малкова И.Ю., Зиновьева В.И. Педагогическое сопровождение социальной адаптации студентов с нарушениями опорно-двигательного аппарата в образовательной среде вуза …… 168
Хамидуллаев Х.Ф., Турамуратова И.И. BICS и CALP. Дихотомия между академическими и разговорными компетенциями при овладении вторым языком …… 178

ПРАВО

Барамидзе Д.Д. Правовое регулирование охраны многолетней (вечной) мерзлоты в Российской Федерации …… 185
Боренштейн А.Л., Балашов К.Г., Быстров И.Ю. Некоторые аспекты проведения комплексной психолого-лингвистической экспертизы в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» …… 195
Лютова О.И. Цифровой механизм исполнения налоговой обязанности: понятие и элементы …… 205
Тью Ван Хунг, Нгуен Тхи Хуен Чанг. Модели расследования наркоторговли в сети Darknet: опыт Российской Федерации, Китая и рекомендации по применению во Вьетнаме …… 211
Черкасов К.В., Переседов А.М. К вопросу об эффективности существующей системы обязательных требований …… 224

Terentyeva O.S., Malkova I.Yu., Zinovieva V.I. Pedagogical support of social adaptation of students with musculoskeletal disorders in the educational environment of the university …… 168
Khamidullaev Kh.F., Turamuratova I.I. BICS and CALP: The dichotomy between academic and conversational competencies in second language acquisition …… 178

LAW

Baramidze D.D. Legal protection of permafrost in the Russian Federation …… 185
Borenstein A.L., Balashov K.G., Bystrov I.Y. Some aspects of conducting a comprehensive psychological and linguistic examination in connection with the adoption of the Federal Law "On Amendments to Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation" …… 195
Lyutova O.I. Digital mechanism of tax obligation fulfillment: Concept and element …… 205
Chu Van Hung, Nguyen Thi Huyen Trang. Models for investigating drug trafficking on the "darknet": Experience of the Russian Federation, China, and recommendations for application in Vietnam …… 211
Cherkasov K.V., Peresedov A.M. On the effectiveness of the existing system of mandatory requirements …… 224

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 81-13
doi: 10.17223/15617793/519/1

Лексико-семантическая специфика терминов хирургии в английском языке

Мария Игоревна Андреева[1], Азалия Алиевна Янтыкова[2]

[1, 2] Казанский государственный медицинский университет, Казань, Россия
[1] mariia99andreeva@yandex.ru
[2] azalia-302003@mail.ru

Аннотация. Исследование выполнено в русле структурного подхода. С помощью анализа семантической структуры реализована классификация терминологических единиц хирургии в английском языке. На материале конкордансов выявлены особенности словосочетаний с номинациями хирургических игл и шовного материала. Опрос респондентов – обучающихся медицинских и немедицинских специальностей, показал различия в ассоциативных рядах терминов. По полученным данным составлена расширенная словарная статья термина **needle** игла.
Ключевые слова: термины хирургии, семантика, корпус, конкорданс, словарная статья

Для цитирования: Андреева М.И., Янтыкова А.А. Лексико-семантическая специфика терминов хирургии в английском языке // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 519. С. 5–13. doi: 10.17223/15617793/519/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/519/1

Lexical and semantic specifics of English surgical terminology

Maria I. Andreeva[1], Azaliya A. Yantykova[2]

[1, 2] Kazan State Medical University, Kazan, Russian Federation
[1] mariia99andreeva@yandex.ru
[2] azalia-302003@mail.ru

Abstract. This study aims to identify the semantic and lexical features of surgical terminology in the English language and to compile an expanded dictionary entry for a terminological unit. The research is based on 148 terms extracted from surgical dictionaries. Additionally, the authors compiled a corpus of 214 contexts of term usage from the British National Corpus. An original alphanumeric code was developed to mark the contexts. The novelty of the research lies in its comprehensive approach and the developed algorithm for studying terminology, which can subsequently be applied to various groups of linguistic units. Methods of semantic, contextual, and lexicographic analysis, as well as comparison and a questionnaire survey, were employed to study the semantic and lexical features of surgical terminology. In accordance with the set objectives, the study was conducted in five stages. The semantic analysis carried out in the first stage showed that, based on archisemes, the terms are divided into five groups, namely: surgical needles, types of suture material, suturing techniques, types of surgical knots, and instruments. A prevalence of terms nominating needles and suture materials was revealed. The high frequency of terminology from these groups in the authors' corpus determined their further, more detailed study. In the second stage, it was determined that numerals, participles, and adjectives are used for the nomination of needles, reflecting their functions, appearance, and place of application. The choice of sutures depends on the depth, shape, and tissues involved in the suturing process. In the third stage, phrases containing the terms were identified in the corpora. The KWIC search function visually distributes units in the British National Corpus. Similar functions and concordances for the term "needle" in the Oxford Handbook of Clinical Surery were generated using the AntConc tool. The search revealed a predominance of verbs of motion (*insert*, *plunge*, *pass*, *advance*), adjectives (*percutaneous*, *hypodermic*), and fixed phrases (*pins and needles*, *needle in a haystack*). Based on the results of an anonymous survey conducted in the fourth stage, it was found that associations with the terms "needle" and "suture material" differ among students from medical and non-medical universities. Associations related to feelings and emotions (*pain*, *crying*, *tingling*) were presented only by respondents from non-medical universities. Meanwhile, medical students used a wide range of medical terminology related to needles and sutures, namely tissues, their types, and locations. The data obtained at all stages of the work were used to compile an expanded dictionary entry for the term "needle." The dictionary entry includes six zones: the headword, literal and figurative translation, phrases, fixed collocations, and examples. The zones were marked and separated to facilitate visual perception and understanding.
Keywords: surgical terminology, semantics, corpus, concordance lines, dictionary entry

© Андреева М.И., Янтыкова А.А., 2025

***For citation*:** Andreeva, M.I. & Yantykova, A.A. (2025) Lexical and semantic specifics of English surgical terminology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 519. pp. 5–13. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/519/1

Введение

Медицинская терминология находится в фокусе исследований, акцентирующих внимание на переводческих [1], семантических [2, 3], лексических [4], педагогических аспектах [5].

Теоретико-методологической базой данного исследования послужили труды по семантике И.А. Стернина [6], М.В. Влавацкой [7], корпусной лингвистике Т. МакЭнери [8], Дж. Синклер [9], Д. Байбера [10], лексикографии М.И. Солнышкиной [11], А.Н. Гавинского [12], А.С. Герда [13], О.М. Карповой [14].

Как справедливо отмечают учёные, наука в целом и медицинская наука в частности не стоят на месте [4]. Глобализация и достижения в области медицины предопределяют в том числе и языковой интерес к медицинской терминологии. В рамках господствующей в науке антропоцентрической парадигмы ориентированные на человека явления и языковые единицы рассматриваются как одни из важнейших и заслуживают отдельного внимания. Е.Н. Степанова подчеркивает, что изучение лексической структуры и принципов словообразования медицинских терминов будущими врачами играет важнейшую роль в их дальнейшей профессиональной деятельности [5]. Р. Ибрагимова, рассматривая инструкции к применению лекарственных средств, утверждает, что широкий охват терминосистемы медицины требует точной, ясно выраженной, однозначной и уместной классификации и предлагает три базовые семантические группы: анатомической, клинической и фармацевтической терминологии [15]. Контекст и семантика медицинской терминологии находят свое отражение также в работах Е.В. Бекишевой. Автор подчеркивает такой, на первый взгляд нехарактерный, аспект данных языковых единиц, как многозначность. Интересным представляется контекстологический подход, используемый для выбора верного термина в соответствии со значением. Например, русскому термину **ямка** будут соответствовать четыре латинских (**fossa, fossula, fovea, foveola)**, но каждый только для определенной анатомической структуры [16].

Структурно-семантический подход является одним из общепринятых в науке подходов к анализу значения слова. Мы разделяем точку зрения И.А. Стернина и выделяем в составе значения слова архисему и дифференциальные семы [6]. Под архисемой понимается сема, общая для единиц определённого класса, объединяющая их категориальные свойства и признаки [17]. Дифференциальные семы отражают различия в значении слов. Например, сема «*инструмент*» будет являться архисемой для терминологических единиц хирургии (ТЕХ) **скальпель** и **стетоскоп**. Дифференциальные семы двух инструментов будут различны – **скальпель** («*хирургический*», «*нож*», «*острый*», «*режущий*»), **стетоскоп** («*диагностический*», «*прослушивание*», «*головка*», «*провод*», «*слуховой канал*»).

Безусловно, для семантизации ТЕХ немаловажную роль играет контекст [3]. Вопрос ближайшего окружения языковой единицы в тексте получил широкое развитие в теориях М.Т. Тагиева и А.В. Кунина [18]. Авторы вводят понятие «конфигурация» для описания языковой единицы и ее ближайшего окружения.

Одним из способов, позволяющих эффективно изучить ближайший контекст языковой единицы в большом тексте, являются линии соответствия, или конкордансы (от англ. concordance lines ‘линии соответствия’). В частности, функция поиска KWIC (от англ. key words in context, *ключевые слова в контексте*), внедренная Х.П. Луном в 1958 г., размещает ключевое слово в центре строки, а линии соответствия с возможностью цветового маркирования элементов в пре- и постпозиции к ключевому слову расположены слева и справа (см. рис. 2, *б*). Данная функция внедрена во многие крупные языковые корпусы, например British National Corpus (дBNC), Corpus of Contemporary American English (COCA) и др. Более того, учеными разработаны отдельные инструменты анализа текстов, позволяющие визуализировать линии соответствия и ближайшее окружение на материале авторского корпуса. Примером может служить инструмент AntConc, используемый в данном исследовании (см. раздел «Материалы и методы»).

Однако разностороннее исследование хирургической терминологии английского языка с последующей фиксацией полученных данных в форме расширенной словарной статьи терминологических единиц остается, на наш взгляд, исследовательской нишей.

Цель статьи – выявление семантических и лексических особенностей терминологии хирургии в английском языке и фиксация полученных результатов в форме расширенной словарной статьи ТЕХ. Для достижения поставленной цели необходимо реализовать пять исследовательских задач, а именно: (1) выявить семантические группы ТЕХ; (2) определить лексические и семантические особенности наименований хирургических игл и техник наложения швов; (3) выявить наиболее частотные словосочетания с ТЕХ **needle** *игла*; (4) выявить ассоциации с ТЕХ **needle** *игла*, **suture** *шовный материал* у респондентов; (5) составить расширенную словарную статью ТЕХ **needle** *игла.*

Материалы и методы

Исследование реализовано на материале 148 ТЕХ, извлеченных из лексикографических источников [18, 19]. Более того, изучались 214 контекстов употребления ТЕХ, зафиксированные в BNC. Контекстуальный анализ ТЕХ включал обработку лексем из Оксфордского клинического руководства для хирургов (ОКРХ) объемом 209 292 токена / словоформы [21].

Использованные методы соответствуют этапам исследования. Этапы 1 и 2 предполагали объединение

ТЕХ в группы на основе общих для них сем, выявленных в ходе компонентного анализа. Данный метод различает архисемы и дифференциальные семы [6]. Термины классифицировались на основании выявленной общей архисемы.

На этапе 3 была выявлена специфика словосочетаний с ТЕХ. Мы использовали тексты BNC для контекстуального изучения ТЕХ и их ближайшего окружения. Составленный издательством Oxford University press в конце XX в. корпус содержит тексты объемом 100 млн словоформ, принадлежащих различным жанрам, и является надежным инструментом для имплементации вариативных задач лингвистического анализа [22]. Также в работе использовался многофункциональный офлайн-инструмент AntConc, позволяющий обрабатывать текст. Файл исследовательского корпуса в формате txt загружается в AntConc и анализируется в соответствии с выбранными параметрами, а именно морфологическими и грамматическими (распределение суффиксов), лексическими (словосочетания) и т.д. Для данной исследовательской работы интерес представляли возможные сочетания с ТЕХ в ОКРХ. Следует отметить KWIC репрезентацию контекстов слов и цветовую маркировку первых четырех единиц слева и справа от ключевого слова в предложении. Данное расположение имеет первостепенное значение для лексикографов и лингвистов в целом, поскольку оно упрощает исследование.

Четвертый этап предполагал работу с респондентами (n = 100) в возрасте от 18 до 25 лет, студентами медицинских (n = 50) и немедицинских (n = 50) специальностей. Онлайн-опрос был разработан с использованием Яндекс Форм и включал 10 вопросов. Опрос являлся анонимным, и единственная личная информация была связана с возрастом и полом.

На пятом этапе мы составили расширенную словарную статью в рамках общепринятых в лексикографии норм и регламента.

Результаты и обсуждение

Семантическая классификация 148 единиц, выполненная на этапе 1, предполагала компонентный анализ ТЕХ (пример приведен в табл. 1).

Классификация основана на анализе определений ТЕХ, полученных из толковых онлайн-словарей английского языка [23–25]. Единицы были сгруппированы на основе общей архисемы. В частности, в табл. 1 приведено несколько терминов, номинирующих хирургические инструменты.

Данные компонентного анализа позволили разделить ТЕХ на пять семантических групп, а именно: типы игл, швы, техника наложения швов, типы узлов и инструменты (рис. 1).

Превалирующими являются номинации типов игл (47)[5] и шовного материала (46). Например, **taper-point needles** *заострённые иглы*, **absorbable running suture** *рассасывающийся непрерывный шовный материал*. Репрезентативна также выборка единиц, номинирующих основные техники наложения швов (28).

Таблица 1

Семантическая структура ТЕХ

ТЕХ	Архисема	Дифференциальные семы			
a retractor[1] *ранорасширитель*	инструмент	операционный	ткань	раскрытие	острый
a scalpel[2] *скальпель*					
forceps[3] *пинцет*				удержание	две рукоятки
a probe[4] *зонд*				обследование	длинный, тонкий

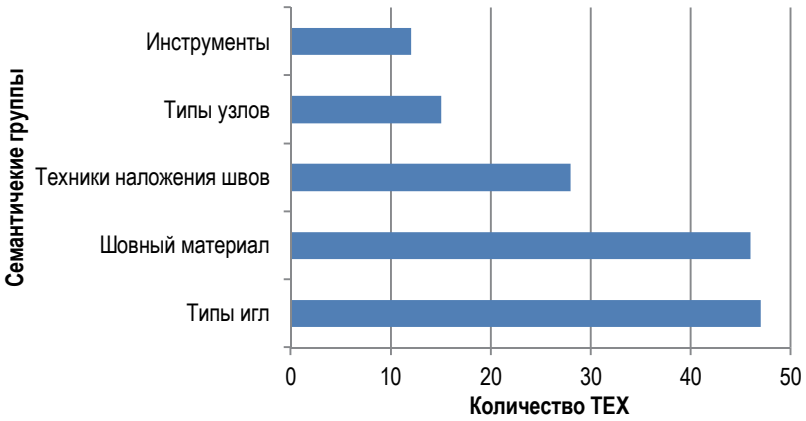

Рис. 1. Семантические группы ТЕХ

Например, **interrupted horizontal mattress suture** *горизонтальный матрацный шов.* Частотность номинаций типов узлов (15) и инструментов (12) сравнительно ниже. Например, **square knot / reef knot** *прямой / рифовый узел*, **retractor** *ранорасширитель*.

Особенности номинаций хирургических игл. На этапе 2 была рассмотрена лексико-семантическая специфика номинаций наиболее частотной группы «Типы хирургических игл». В лексическом составе 15 ТЕХ выявлен числовой или буквенно-числовой компонент,

обозначающий кривизну и размер иглы (**1/4 circle** ***четверть круговой (90 градусов)***, **3/8 circle** *3/8 окружности (135 градусов)*, **5/8 circle** *5/8 окружности*, **1/2 circle** ***полукруглый (180 градусов)*** с изгибом в 1/2 круга, также подтипы иглы с изгибом в 1/2 круга включают в себя (от большего к меньшему размеру): **CT-1** *длина 36 мм*, **CT-2** *длина 26 мм* и **CT-3** *длина 22 мм*; **где кривизна хирургических игл** определяется радиусом круга, частью которого она является.

Логичным представляется номинация иглы по её действию. В семантическом составе восьми единиц находим семы действий «cut» *резать*, «pierce» *пронизывать*. В частности, **cutting needles** *режущие иглы*, **reverse cutting needles** *реверсивные (обратные) режущие иглы*, **side cutting or spatula points** *с режущими сторонами или наконечником в виде шпателя*, **piercing needles** *колющие иглы.*

В основе девяти номинации игл лежат их свойства и форма. Например, **blunt** *тупая*, **sharp** *острая*, **rigid** ***жесткая***, **flexible** *гибкая*, **slim** *тонкая*, **stable** *устойчивая*, **round bodied needles** *игла с округлым корпусом*, **taper** *конусообразная.* По степени травматизации выделяют две основные группы **swaged / atraumatic needles** *атравматические иглы* и **traumatic needles** *травматические иглы.*

Изученные единицы номинированы в соответствии с их функциональной нагрузкой, формой, действиями. Подчеркнем, что это упрощает и ускоряет медицинскую коммуникацию.

Особенности номинаций техник наложения швов. Основу данной классификации составили номинации хирургических техник наложения швов (табл. 2).

Таблица 2

Семантическая структура ТЕХ, номинирующих sutures *швы*

ТЕХ	Архисема	Дифференциальные семы	
interrupted suture *прерывистый/узловой шов*	шов	хирургический	прерывистый
continuous suture *непрерывный шов*			непрерывный
buried suture *погруженный шов*			погруженный
interlocking suture *соединительный шов*			соединительный
loop suture *обвивной шов*			обвивной

Лексический состав пяти единиц содержит словосочетание **interrupted suture**, букв. *прерывистый шов*, перен. мед. *узловой шов.* Перенос значения в переводе ТЕХ на русский язык основывается на том, что узел прерывает сплошную нить шовного материала. Терминологическое сочетание **interrupted suture** *узловой шов* расширяется использованием модификаторов со значением «место», а именно, **intradermal** *внутрикожный*, **cruciate** *крестообразный*, **horizontal** *горизонтальный*, **vertical** *вертикальный*. Более того, в ТЕХ **simple interrupted intradermal suture** выявлена дополнительная сема «углубление». В соответствии с данной техникой, хирург делает проколы во внутрикожной области вертикально по отношению к разрезу, швы располагаются под кожей в виде простого прерывистого узора.

Сема «место» конкретизируется вертикальным и горизонтальным положением швов в единицах **interrupted cruciate suture** *узловой крестообразный шов*, **interrupted horizontal mattress suture** *узловой горизонтальный матрасный шов*, **interrupted vertical mattress suture** *узловой вертикальный матрасный шов.* Более того, семным конкретизатором является «форма» стежка, а именно **cruciate** *крестообразный* шов.

Антонимичны техники непрерывного наложения шовного материала с модификатором **continuous** *продолжительный*, например, **simple continuous suture** *простой непрерывный шов*, **continuous intradermal suture** *непрерывный внутрикожный шов.*

Более того, сема «место» объективируется при номинации расположения узлов по длине объемного непрерывного шва, а именно: *шов по Ревердену* (**Reverdin – Blanket Stitch – Lock Stitch** / **Ford Interlocking Suture**) линейный **непрерывный сквозной обвивной шов «взахлёстку», при котором узлы завязывают в начале и в конце шва**.

Для четырех единиц общей является лексема **buried**, *букв. погребённый, перен. мед. заглубленный, погружённый*, а именно, **buried suture** *погруженный шов*, **half-buried vertical mattress suture** *полупогруженный вертикальный матрацный шов*, **half-buried horizontal suture** *полупогруженный горизонтальный шов*, **modified half-buried suture** *модифицированный полупогруженный шов.* Номинации основаны на том, что в данных техниках узел локализуется внутри раны, т.е. погружается. Однако следует отметить, что в техниках **half-buried suture** *полупогруженный шов* узел располагается на поверхности и только на одном крае раны, что снижает ущемление по краям ткани. Таким образом, слово **half** *половина* отражает степень погруженности шовного материала.

Слово **loop** «виток» выявлено в лексическом составе техники **three loop pulley suture** *трехпетельный блоковидный шов.* Обвивной шов создаётся для сшивания раны стенок артерий и кишечника.

В номинациях ТЕХ были выявлены эпонимы. Так, лексический состав девяти единиц содержит имена собственные и фамилии. Основанием номинации в данном случае является лицо, с которым связано изобретение техники наложения шва. Прорывы в медицинской науке и технике, безусловно, носят имена своих первооткрывателей. Рассматриваемые в работе ТЕХ содержат фамилии хирургов конца XIX – начала XX в. Например, **Ford Interlocking Suture** *соединительный шов Форда*, **Gambee Suture (1951)** *шов Гамби*, **Cushing Suture / Connell Suture (1892)** *шов Кушинга / шов Коннелла*, **Lembert Suture (1826)** *кишечный шов Ламбера*, **Halsted Suture (1893)** *шов по Холстеду*, **Parker Kerr Suture** *шов Паркера-Керра*, **Jobert Suture (1830)** *шов Жобера.* Следует отметить, что большая часть из эпонимов ТЕХ относятся к кишечным швам, либо является одним из этапов кишечных анастомозов, прототипом современных техник наложения швов.

Номинативная природа способов наложения хирургических швов разнообразна и обусловлена местом и глубиной наложения шва, сшиваемыми тканями и формой стежков.

Изучение сочетаний с TEX needle** игла **на материале текстов.

Принимая во внимание выявленную частотность TEX **needle** *игла*, на третьем этапе исследования мы обратились к изучению особенностей ее значения и сочетаний в корпусах. Поиск контекстов был осуществлен в текстах BNC, на материале топ 100 вхождений со словом **needle** *игла* (рис. 2, *а*). Кроме того, с помощью инструмента обработки текста AntConc были рассмотрены тексты ОКРХ. Часть полученных линий соответствий для TEX **needle** игла в формате KWIC представлена на рис. 2, *б*.

а *б*

Рис. 2. Частотность сочетаний в препозиции слова **needle** *игла*: *а* – по данным корпуса BNC; *б* – по данным ОКРХ, анализируемого в AntConc

При поиске в BNC была выполнена сортировка по сочетаниям, отмечены первые три единицы левого контекста. Как видим на рис. 2, *а*, в препозиции TEX **needle** *игла* преобладают знаменательные слова в форме прилагательных (48), существительных (30), причастий прошедшего и настоящего времени (18) и глаголов (4). Эти слова относятся как к медицинской, так и к немедицинской области.

Словосочетание **pins and needles** номинирует *ощущение покалывания в какой-либо части тела, которое может быть вызвано несколькими причинами*. В частности, неподходящей обувью, описываемой в следующем примере. Например, ES10[6] *He could never trust his legs, especially when his shoes pinched so badly that they made his feet tingle and twitch with **pins and needles*** [22] / рус. *Он никогда не доверял своим ногам, особенно когда его ботинки так сильно жали, что его ступни **покалывало***.

Прилагательные **hypodermic** *подкожный*, **transjugular** *трансяремный*, **percutaneous** *чрескожный*, безусловно, принадлежат медицинскому дискурсу. ES23 <…> *and other contagious diseases associated with used sharp medical instruments, such as **hypodermic needles*** [22] / рус. <...> *и другие инфекционные заболевания, связанные с использованием острых медицинских инструментов, таких как **иглы** для подкожных инъекций*, ES15 *catheter was placed into the portal vein to act as a target for the **transjugular needle*** [22] / рус. *катетер был введен в воротную вену в качестве мишени для **трансъюгулярной иглы***, ES40 <…> *malignant cells are frequently disseminated in the peritoneal cavity after **percutaneous** fine **needle** aspiration* [22] / рус. <...> *злокачественные клетки часто распространяются в брюшной полости после **чрескожной** аспирации **тонкой иглой***.

Среди глаголов, обычно используемых с TEX **needle** *игла*, BNC регистрирует глаголы **to insert** *вставлять* ES28 ***Insert needle** on same row between centre loops* [22] / рус. ***Вставь** иглу в том же ряду между центральными петлями*, **to plunge** *вводить*, ES43 *As he **plunged the needle** into Wayne's shoulder, Phil started to laugh* [22] / рус. *Как только он ввел **иглу** в плечо Уэйна, Фил начал смеяться*, **to pass** *проводить* ES8 *Use the forceps or skin hook to evert the skin and **pass the needle** from deep to superficial on the dermal surface of the wound* [24] / рус. *Используйте щипцы или крючок, чтобы вывернуть кожу, и проведите **иглу** от глубокой к поверхностной зоны раны* [24], **to advance** *продвигать* ES57 ***Advance the needle** slowly until a 'give' is felt as the vein is entered* [24] / рус. *Медленно продвигайте **иглу**, пока не почувствуете «отдачу» при введении в вену*.

Проведенный анализ корпусных текстов показал комбинаторную специфику слова **needle** *игла* с рядом глаголов действия и прилагательными. Выявленное устойчивое сочетание также принадлежит медицинской терминологии и номинирует симптоматику.

Опрос респондентов. Этап 4 предполагал анонимный опрос на русском языке, который был проведен

среди студентов ВУЗов медицинских (n = 50) и немедицинских специальностей (n = 50) с помощью Яндекс Форм. Опрос был направлен на выявление специфики номинаций хирургических инструментов и шовного материала. Во вступительной части опроса были отмечены пол, возраст, год обучения и факультет. Далее респонденты указали свои ассоциации к словам **игла** и **шов** (данные ТЕХ были указаны в опросе только на русском языке) и выбрали наиболее подходящие определения данных предметов. Отметим, что количество ассоциаций не было ограничено. В среднем респонденты предоставили от одной до трех ассоциаций.

Ассоциативный спектр ТЕХ **игла** включал (1) характеристики данного объекта, выраженные прилагательными: *железная, острая, тонкая, металлическая, хирургическая, стерильная*; причастиями: *колющая, уколотый, проколовший, вонзавшийся, проткнувший*; и глаголами: *проткнуть, колоть, впиваться*; (2) тип профессионального предназначения, в частности, *швейная, хирургическая; укол, больница, хирург, врач*; (3) эмоциональные или тактильные ощущения, такие как *боль, острота, порез, кровь*; (4) часть медицинского инструментария – *шприц*. Наблюдаем расхождения ассоциаций среди студентов медицинских и немедицинских вузов. В частности, у первых ассоциативный спектр строился на профессиональном предназначении **иглы** и включал в себя описание хирургических игл, в то время как ассоциации последних фокусируются на эмоциональных и болевых ощущениях, вызываемых иглой.

ТЕХ **шов** вызывает среди респондентов ассоциации, связанные с (1) профессиональным предназначением, выраженными существительными: *хирургия, швея, платье, аппендицит, стационар, ателье, ткань, строчка*; и прилагательными – *хирургический, операционный, стерильный*; (2) видами определенных хирургических швов в форме прилагательных: *п-образный, обвивной, непрерывный, узловой, кисетный*; а также большое количество эпонимов: *шов Ламбера, Шов Ревердена–Мультановского, шов по Донати, шов Кракова*; (3) локализацией шва, например, *кишечный, кожный, подкожный, серозный*; (4) характеристиками шва, в частности *ровный, эстетический, декоративный, фигуристый*. Наблюдаем высокую степень различий ассоциаций среди студентов медицинских и немедицинских ВУЗов. В частности, широкий спектр ассоциаций, предложенный студентами медицинских специальностей, носил профессиональную медицинскую направленность. Другая группа респондентов же сделала уклон на характеристику шва и описание наложения швов на различных тканевых материалах.

Далее респонденты выбрали, на их взгляд, более подходящее определение ТЕХ **хирургическая игла**. Мы предоставили 3 определения на выбор (1) «общее название игл, предназначенных для сшивания тканей» [26]; (2) «прокалывающая игла для сшивания ткани организма при хирургических операциях и анатомических вскрытиях» [27]; (3) «тонкий заостренный металлический стержень с отверстием для вдевания нити, употребляемый для шитья» [28]. В форме вопроса ссылки на словари не указывались.

Отметим, что преимущественно респонденты выбрали более узкоспециальное второе определение (69 ответов). 24 человека истолковывают ТЕХ **хирургическая игла** в соответствии с первым определением. Выбрали третий вариант 7 респондентов. Распределение полученных ответов указывает на превалирование детальных медицинских образов в ассоциативном ряду респондентов.

Расширенная словарная статья ТЕХ needle игла. Словари фиксируют основную информацию о слове **needle** *игла* [23–25]. Однако данная информация не отражает специфику ТЕХ в полной мере. В силу этого результаты исследования ТЕХ **needle** *игла*, полученные на всех этапах, легли в основу расширенной словарной статьи данной языковой единицы.

Следуя правилам компиляции словарных статей, мы придерживаемся четкой структуры, включающей следующие зоны: заголовочное слово в исходной форме (лемму) (например, **needle** *игла*), перевод, словосочетания, устойчивые выражения и контексты [29, 30]. Каждая из зон словарной статьи маркирована символом. А именно, знак ● используется для определения общей структуры словарной статьи, ☙ используется в зоне словосочетаний, символ ♦ применяется для зоны устойчивых сочетаний, символ книги 🕮 введен в зоне контекстов. Слово **needle** выделено полужирным шрифтом, перевод и примеры – курсивом, для разделения зон использован знак точки с запятой.

a needle, букв. *игла* ● типы хирургических игл ☙ сочетания буквенно-числового кода (**кривизна хирургических игл** определяется радиусом круга, частью которого она является, где 1 обозначает минимальное, а 5 – максимальное искривление) **1/4 circle needle**, ***четверть круговой (90 градусов)***, **3/8 circle needle**, ***3/8 окружности (135 градусов)***, **1/2 circle needle**, ***полукруглый (180 градусов)*** *с изгибом в 1/2 круга*, **5/8 circle needle**, *5/8 окружности*, **CT-1 needle**, *1/2 окружности с длиной 36 мм*, **CT-2 needle** *1/2 окружности с длиной 26 мм*, **CT-3 needle** *1/2 окружности с длиной 22 мм*; ☙ сочетания со свойствами игл: **cutting needle**, *режущая игла*, **piercing needle**, *колющая игла*, **blunt**, *тупая*, **sharp**, *острая* **rigid**, *жесткая*, **flexible**, *гибкая*, **(a)traumatic needle** *(а)травматическая игла*; ☙ сочетания с задействуемыми тканями **hypodermic**, *подкожный* **transjugular**, *трансъюгулярный*, **percutaneous** *чрескожный*;

● действия, выполняемые при помощи игл ☙ **to insert a needle**, *вставить иглу*, **to plunge a needle**, *вонзить иглу*, **to advance a needle**, *продвинуть иглу*, **to pass a needle** *продеть иглу*;

● устойчивые сочетания со словом **needle** ♦ **pins and needles**, букв. *иголки и булавки*; перен. *покалывания,* ♦ **on pins and needles**, букв. *на иголках и булавках; перен. в состоянии волнения*, ♦ **a needle in a haystack**, *букв. иголка в стоге сена*; перен. *используется в ситуациях, когда очень сложно обнаружить что-то*;

🕮 *Trying to identify mentally ill through a simple health screening is like looking for* ***a needle in a haystack*** / рус. *Пытаться выявить психически больных с помощью простого медицинского обследования – все равно, что искать* ***иголку в стоге сена*** [25]. *Medical staff were*

on pins and needles *before the surgery* / рус. *Перед операцией медицинский персонал* ***был как на иголках*** [25]. *Pass* ***the needle*** *obliquely through the skin at a point approximately 2mm distal to the point of planned entry to the vein* / рус. *Проведите* ***иглу*** *наискось через кожу в точке, расположенной примерно на расстоянии 2 мм от точки планируемого введения в вену* [24].

Заключение

Изучаемые в работе терминологические единицы номинируют типы медицинских игл, шовный материал, техники наложения швов, типы узлов и инструменты. Превалирование названий игл и шовного материала в изучаемых ТЕХ очевидно в силу хирургического контекста исследуемого материала. Данные ТЕХ являются неотъемлемой частью даже рутинных хирургических вмешательств.

Хирургические иглы номинируются в соответствии с их формой, функциями, местом применения, поэтому в составе названия иглы могут содержаться буквенно-числовые обозначения, причастия, прилагательные. Номинации техник наложения шовного материала основаны на продолжительности, форме, глубине шва, а также сфере их применения, т.е. сшиваемых тканях.

Медицинский контекст содержит словосочетания слова **needle** *игла* с глаголами, прилагательными и причастиями. Преимущественно номинированы глаголы движения.

Ассоциации респондентов со словом **игла** фокусируются как на характеристиках, так и на действиях данного объекта. Интересными представляются номинации эмоционального компонента, ощущений при контакте с иглой. Ассоциации с ТЕХ **шов** затрагивают его локацию, тип и характеристики. Подчеркнем, что ассоциативный ряд ТЕХ **игла** и **шов** различается среди респондентов медицинских и немедицинских вузов.

Данные, полученные на всех этапах исследования легли в основу расширенной словарной статьи ТЕХ **needle** *игла*, фиксирующей зоны частотных сочетаний с частеречной маркировкой, устойчивые выражения и примеры.

Перспективой исследования видится применение разработанного алгоритма для анализа терминологических единиц других специальностей, как медицинских, так и немедицинских. Составление расширенных словарных статей для большего количества единиц с возможностью издания словаря. Наведение потенциальных сем ТЕХ из контекстов и включение соответствующих зон в словарные статьи.

Примечания

[1] Здесь и далее перевод выполнен авторами статьи. «Инструмент, используемый в медицинских операциях с целью раздвижения тканей в месте разреза» [23].

[2] «очень острый нож, используемый для разреза тканей во время хирургических операций» [23].

[3] «металлический инструмент с двумя ручками, используемый во время хирургических операций для захвата и удержания» [23].

[4] «длинный тонкий инструмент, используемый врачами при медицинских обследованиях или хирургических операциях» [23].

[5] Здесь и далее в скобках указывается количество единиц, составляющих данную группу.

[6] Предложения с ТЕХ, включенные в авторский корпус, были кодированы буквенно-числовым кодом. Например, код ES10 обозначает пример (example sentence) номер 10. В словарной статье код примера не указывается.

Список источников

1. Kaplaukhova E.N. Features of translation of medical terminology // Судебная система России на современном этапе общественного развития : сб. науч. тр. Всерос. студ. науч. конф., Ростов-на-Дону, 09 декабря 2022 года. Ростов н/Д : Индивидуальный предприниматель Беспамятнов Сергей Владимирович, 2022. P. 1775–1779.
2. Zakirova A.A., Andreeva M.I. Additional Meanings of Human Body-related Idioms: Context, Semantics // Kemerovo State University Bulletin. 2022. Т. 24, № 1. С. 121–128.
3. Булина Е.Н., Андреева М.И., Солнышкина М.И. Специфика номинаций песнопений Вяйнямейнена в текстах перевода эпоса «Калевала» на русский и английский // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 445. С. 12–21. doi: 10.17223/15617793/445/2
4. Arzhanykh Ya.V. Eponymy in English medical terminology // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. № 7-3 (46). P. 59–61.
5. Степанова Е.Н. О мотивации студентов медицинского вуза при изучении дисциплины «Латинский язык и основы медицинской терминологии» // Advances in Science and Technology : сб. ст. LVIII междунар. науч.-практ. конф., Москва, 31 января 2024 года. М. : ООО АКТУАЛЬНОСТЬ.РФ, 2024. С. 199–201.
6. Стернин И.А., Саломатина М.С. Семантический анализ слова в контексте. Воронеж : Истоки, 2011. 150 с.
7. Влавацкая М.В. Теоретические основы комбинаторной лингвистики: лексикологический и лексикографический аспекты (на материале русского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2013. 51 с.
8. McEnery T., Hardie A. Corpus Linguistics: Method, theory and practice. Cambridge University Press, 2011. 312 p.
9. Sinclair J. Corpus, Concordance, Collocation. Oxford University Press, 1991. 179 p.
10. Biber D. Corpus linguistics: Investigating language structure and use. Cambridge University Press, 1998. Vol. 2. P. 230–239.
11. Солнышкина М.И., Гафиятова Э.В. Методика проведения лингвистического эксперимента: к вопросу об определении словаря языковой личности // Russian Journal of Humanities. 2018. Т. 10, № 3-3. С. 275–292.
12. Гавинский А.Н. Теоретические основы выбора оптимальной структуры двуязычных отраслевых словарей как одно из средств упорядочения научно-технической терминологии : автореф. дис. … канд. филол. наук. Киев, 1978. 23 с.
13. Герд А.С. Основы научно-технической лексикографии. Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. 69 с.
14. Карпова О.М. Лексикографические портреты словарей современного английского языка // Лексикографические портреты словарей современного английского языка. Иваново : Изд-во ИвГУ, 2004. 192 с.
15. Ibragimova R. Medical terminology and its differences // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 1-6. С. 21–24.
16. Бекишева Е.В. Репрезентация типов многозначности в медицинском дискурсе: на материале русской и греко-Латинской медицинской терминологии // Филологическая проблематика в системе высшего образования: Аспекты субстанциональности языка : материалы IX межвуз. науч.-практ. конф. (Самара, 25 января 2023 года). Вып. 9. Самара : Самарский государственный университет путей сообщения, 2023. С. 17–22.

17. Новиков Л.А. Синонимия // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М. : Советская энциклопедия, 1990. 688 с.
18. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка. М. : Междунар. отношения, 1972. 150 с.
19. Акжигитов Г.Н., Акжигитов Р.Г. Большой англо-русский медицинский словарь. М. : РИПОЛ классик, 2007. 256 с.
20. National Library of Medicine (US). Friends. MedlinePlus. National Institutes of Health and the Friends of the National Library of Medicine, 2006. Vol. 5, № 1. P. 110–112
21. McLatchie G., Borley N., Chikwe J. Oxford Handbook of Clinical Surgery. United Kingdom : Oxford University Press, 2013. 622 p.
22. British national corpus // Oxford Text Archive Core Collection. 2007. URL: http://corpus.byu.edu/bnc/ (дата обращения: 09.02.2025).
23. Cambridge advanced learner's dictionary and thesaurus. URL: http://dictionary.cambridge.org/-dictionary/british/ (дата обращения: 09.02.2025).
24. Oxford English dictionary. URL: https://www.oed.com/?tl=true/ (дата обращения: 09.02.2025).
25. Merriam-webster. URL: https://www.merriam-webster.com/ (дата обращения: 09.02.2025).
26. Улумбеков Э.Г. Большой энциклопедический словарь медицинских терминов: более 100 тысяч терминов. ГЭОТАР-Медиа, 2013. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/medic2/18242?ysclid=m5wbxoadqw640958866 (дата обращения: 09.02.2025).
27. Англо-русский словарь нормативно-технической терминологии. URL: https://translate.academic.ru/surgical%20needle/en/ru/?ysclid=m5wc3o8zft27441641 (дата обращения: 09.02.2025).
28. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. URL: https://gufo.me/dict/ozhegov/игла?ysclid=m5wc7i1j2f73906529 (дата обращения: 09.02.2025).
29. Гавинский А.Н. Теоретические основы выбора оптимальной структуры двуязычных отраслевых словарей как одно из средств упорядочения научно-технической терминологии : автореф. дис. … канд. филол. наук. Киев, 1978. 23 с.
30. Гайнутдинова Д.З., Галиахметова А.Т., Андреева М.И. Лексикографическая фиксация архитектурных и строительных терминов - метафор в двуязычном Словаре // Казанская наука. 2019. № 6. С. 104–107.

References

1. Kaplaukhova, E.N. (2022) [Features of translation of medical terminology]. *Sudebnaya sistema Rossii na sovremennom etape obshchestvennogo razvitiya* [The Judicial System of Russia at the Current Stage of Social Development]. Proceedings of the All-Russian Student Scientific Conference. Rostov-on-Don. December 09, 2022. Rostov-on-Don: Individual'nyy predprinimatel' Bespamyatnov Sergey Vladimirovich. pp. 1775–1779. (In Russian).
2. Zakirova, A.A. & Andreeva, M.I. (2022) Additional Meanings of Human Body-related Idioms: Context, Semantics. *Kemerovo State University Bulletin*. 24 (1). pp. 121–128.
3. Bulina, E.N., Andreeva, M.I. & Solnyshkina, M.I. (2019) Spetsifika nominatsiy pesnopeniy Vyaynyameynena v tekstakh perevoda eposa "Kalevala" na russkiy i angliyskiy [The specifics of nominating Väinämöinen's runes in the Russian and English translations of the Kalevala epic]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 445. pp. 12–21. IRR doi: 10.17223/15617793/445/2
4. Arzhanykh, Ya.V. (2020) Eponymy in English medical terminology. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 7-3 (46). pp. 59–61.
5. Stepanova, E.N. (2024) [On the motivation of medical university students when studying the discipline "Latin language and fundamentals of medical terminology"]. *Advances in Science and Technology*. Proceedings of the LVIII International Conference. Moscow. January 31, 2024. Moscow: OOO AKTUALNOST.RF. pp. 199–201. (In Russian).
6. Sternin, I.A. & Salomatina, M.S. (2011) *Semanticheskiy analiz slova v kontekste* [Semantic analysis of a word in context]. Voronezh: Istoki.
7. Vlavatskaya, M.V. (2013) *Teoreticheskie osnovy kombinatornoy lingvistiki: leksikologicheskiy i leksikograficheskiy aspekty (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov)* [Theoretical foundations of combinatorial linguistics: lexicological and lexicographic aspects (based on Russian and English languages)]. Philology Cand. Diss. Kemerovo.
8. McEnery, T. & Hardie, A. (2011) *Corpus Linguistics: Method, theory and practice*. Cambridge University Press.
9. Sinclair, J. (1991) *Corpus, Concordance, Collocation*. Oxford University Press.
10. Biber, D. (1998) *Corpus linguistics: Investigating language structure and use*. Vol. 2. Cambridge University Press. pp. 230–239.
11. Solnyshkina, M.I. & Gafiyatova, E.V. (2018) Metodika provedeniya lingvisticheskogo eksperimenta: k voprosu ob opredelenii slovarya yazykovoy lichnosti [Methods of conducting a linguistic experiment: on the issue of defining the vocabulary of a linguistic personality]. *Russian Journal of Humanities*. 10 (3-3). pp. 275–292.
12. Gavinskiy, A.N. (1978) *Teoreticheskie osnovy vybora optimal'noy struktury dvuyazychnykh otraslevykh slovarey kak odno iz sredstv uporyadocheniya nauchno-tekhnicheskoy terminologii* [Theoretical foundations for choosing the optimal structure of bilingual specialized dictionaries as a means of organizing scientific and technical terminology]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kiev.
13. Gerd, A.S. (1986) *Osnovy nauchno-tekhnicheskoy leksikografii* [Foundations of scientific and technical lexicography]. Leningrad: Leningrad State University.
14. Karpova, O.M. (2004) *Leksikograficheskie portrety slovarey sovremennogo angliyskogo yazyka* [Lexicographic portraits of modern English language dictionaries]. Ivanovo: Ivanovo State University.
15. Ibragimova, R. (2021) Medical terminology and its differences. *Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire*. 1-6. pp. 21–24.
16. Bekisheva, E.V. (2023) [Representation of types of polysemy in medical discourse: based on Russian and Greek-Latin medical terminology]. *Filologicheskaya problematika v sisteme vysshego obrazovaniya: Aspekty substantsional'nosti yazyka* [Philological Issues in the Higher Education System: Aspects of the Substantiality of Language]. Proceedings of the IX Interuniversity Conference. Samara. January 25, 2023. Issue 9. Samara: Samara State Transport University. pp. 17–22. (In Russian).
17. Novikov, L.A. (1990) Sinonimiya [Synonymy]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
18. Kunin, A.V. (1972) *Frazeologiya sovremennogo angliyskogo yazyka* [Phraseology of the modern English language]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian).
19. Akzhigitov, G.N. & Akzhigitov, R.G. (2007) *Bol'shoy anglo-russkiy meditsinskiy slovar'* [Comprehensive English-Russian medical dictionary]. Moscow: RIPOL klassik.
20. National Library of Medicine (US). Friends. (2006) MedlinePlus. *National Institutes of Health and the Friends of the National Library of Medicine*. 5 (1). pp. 110–112.
21. McLatchie, G., Borley, N. & Chikwe, J. (2013) *Oxford Handbook of Clinical Surgery*. United Kingdom: Oxford University Press.
22. British national corpus. (2007) *Oxford Text Archive Core Collection*. [Online] Available from: http://corpus.byu.edu/bnc/ (Accessed: 09.02.2025).
23. *Cambridge Advanced Learner's Dictionary and Thesaurus*. (n.d.) [Online] Available from: http://dictionary.cambridge.org/-dictionary/british/ (Accessed: 09.02.2025).
24. *Oxford English Dictionary*. (n.d.) [Online] Available from: https://www.oed.com/?tl=true/ (Accessed: 09.02.2025).
25. Merriam-Webster. (n.d.) [Online] Available from: https://www.merriam-webster.com/ (Accessed: 09.02.2025).

26. Ulumbekov, E.G. (2013) *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar' meditsinskikh terminov: bolee 100 tysyach terminov* [Large encyclopedic dictionary of medical terms: more than 100 thousand terms]. GEOTAR-Media. [Online] Available from: https://dic.academic.ru/dic.nsf/medic2/18242?ysclid=m5wbxoadqw640958866 (Accessed: 09.02.2025).
27. *Anglo-russkiy slovar' normativno-tekhnicheskoy terminologii* [English-Russian dictionary of regulatory and technical terminology]. (n.d.) [Online] Available from: https://translate.academic.ru/surgical%20needle/en/ru/ ?ysclid=m5wc3o8zft27441641 (Accessed: 09.02.2025). (In Russian).
28. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (n.d.) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. [Online] Available from: https://gufo.me/dict/ozhegov/igla?ysclid=m5wc7i1j2f73906529 (Accessed: 09.02.2025).
29. Gavinskiy, A.N. (1978) *Teoreticheskie osnovy vybora optimal'noy struktury dvuyazychnykh otraslevykh slovarey kak odno iz sredstv uporyadocheniya nauchno-tekhnicheskoy terminologii* [Theoretical foundations for choosing the optimal structure of bilingual specialized dictionaries as a means of organizing scientific and technical terminology]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kiev.
30. Gaynutdinova, D.Z., Galiakhmetova, A.T. & Andreeva, M.I. (2019) Leksikograficheskaya fiksatsiya arkhitekturnykh i stroitel'nykh terminov - metafor v dvuyazychnom Slovare [Lexicographic recording of architectural and construction terms-metaphors in a bilingual Dictionary]. *Kazanskaya nauka*. 6. pp. 104–107.

Информация об авторах:
Андреева М.И. – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Казанского государственного медицинского университета (Казань, Россия). E-mail: mariia99andreeva@yandex.ru
Янтыкова А.А. – студент Казанского государственного медицинского университета (Казань, Россия). E-mail: azalia-302003@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
M.I. Andreeva, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Kazan State Medical University (Kazan, Russian Federation). E-mail: mariia99andreeva@yandex.ru
A.A. Yantykova, student, Kazan State Medical University (Kazan, Russian Federation). E-mail: azalia-302003@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.02.2025;
одобрена после рецензирования 13.09.2025; принята к публикации 10.10.2025.

The article was submitted 12.02.2025;
approved after reviewing 13.09.2025; accepted for publication 10.10.2025.

Научная статья
УДК 82.09
doi: 10.17223/15617793/519/2

Фантастическое пространство в мемуарах Н.П. Анциферова

Анна Леонидовна Гумерова[1]

[1] *Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, gratia4@yandex.ru*

Аннотация. Решается проблема о соотношении реалистического и фантастического на примере мемуарной литературы. С помощью описательно-функционального метода проанализированы главы мемуаров Анциферова с особым акцентом на описание фантастического пространства – сюжет и структуру таких описаний. Кроме этого, такие фрагменты сопоставлены с теоретическими взглядами Н.П. Анциферова в его научных работах.
Ключевые слова: Н.П. Анциферов, мемуары, фантастическое пространство, фантастика, воображение

Источник финансирования: исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-78-10093 «Поэтика пространства: кросскультурные связи русской и зарубежной фантастической литературы» (https://rscf.ru/en/project/24-78-10093/).

Для цитирования: Гумерова А.Л. Фантастическое пространство в мемуарах Н.П. Анциферова // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 519. С. 14–20. doi: 10.17223/15617793/519/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/519/2

Fantastic space in the memoirs of N.P. Antsiferov

Anna L. Gumerova[1]

[1] *A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, gratia4@yandex.ru*

Abstract. The article addresses the problem of the relationship between the realistic and the fantastic using memoir literature as an example. Memoir literature was chosen because its genre characteristics are factuality and documentary nature; memoirs are presented as a source of evidence about realities. Memoir literature is a complex of documentary and fiction literature, therefore, within memoirs, elements of plot or composition may appear that are inherent in the first place to fiction; in particular, the fantastic, i.e. the unreal, the fictitious, the supernatural. The memoirs of Nikolai Antsiferov, a historian and literary scholar, are of interest due to the particular role of the reception of fiction read by Antsiferov, which is reflected in the descriptions of real places and events that actually occurred, thus creating a place for fantastic elements within the memoir narrative. Using the descriptive-functional method, chapters of Antsiferov's memoirs were analyzed with a special emphasis on the description of the fantastic space – the plot and structure of such descriptions. In addition, such fragments were compared with the theoretical views of Antsiferov in his scientific works. During the study, it was noted that in Antsiferov's narrative, the surrounding world is often perceived by him as fantastic: "The Island of the Blessed" as a special utopian space in the chapters "Childhood" and "Adolescence/Years of Adolescence", the world of the game in the chapters "Adolescence" and "Prima Vera", "The City of Kitezh" (the Christmas days he spent visiting friends in Baranovka) in the chapter "In the Morning Fog", "Ibsen's world" seen during his trip to Norway in "Incipit vita nova", "the unknown" or "special" world in Italian and French cities, in the chapter "Quanti e bella jiovinezza", etc. Such fantastic fragments in Antsiferov are almost always linked with references to certain works of art, mostly also fantastic: romantic ones, fairy tales etc. The combination of the real and the fantastic in Antsiferov's memoir can be compared with his attitude to the fantastic, the legendary, the work of human imagination, which is manifested in his scientific works. In the monograph (dissertation research) *The Problem of Urbanism in Russian Literature*, mainly in the chapters devoted to Dostoevsky, Antsiferov emphasizes Dostoevsky's utopianism, applies to Dostoevsky's creative method the definition of "reality – deepened to fantasy", and speaks of the transformed existence in his works. In his memoirs, writing about the fantastic space, he speaks of "true existence" or the erasure of the boundaries between a fairy tale and reality. Everyday reality, thanks to the appearance of fantastic elements in it, acquires utopianism and becomes genuine existence. The relationship between real and fantastic spaces in Antsiferov's memoirs coincides with his approach to the relationship between the real and the fantastic, which we see in his scientific works.
Keywords: N. P. Antsiferov, memoirs; fantastic space, fantastic/fantasy, imagination

Financial support: The research was carried out at the Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the support of a grant from the Russian Science Foundation, Project No. 24-78-10093: Poetics of Space: Intercultural Relations of Russian and Foreign Science Fiction Literature, https://rscf.ru/en/project/24-78-10093/

© Гумерова А.Л., 2025

***For citation*:** Gumerova, A.L. (2025) Fantastic space in the memoirs of N.P. Antsiferov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 519. pp. 14–20. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/519/2

Понятие фантастического/фантазии/фантастики в литературе в настоящее время активно исследуется благодаря развитию фантастической литературы с конца XIX в., и его в свою очередь необходимо определить. В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» фантастика в литературе определяется как «разновидность художественной литературы, в которой авторский вымысел от изображения странно-необычных, неправдоподобных явлений простирается до создания особого – вымышленного, нереального, “чудесного мира”» [1. С. 1119]. Статья написана В.С. Муравьевым, известным переводчиком и исследователем в том числе фантастической литературы, специалистом по творчеству Дж. Свифта. К.С. Льюис, автор фантастических произведений и историк литературы, в теоретико-литературной монографии 1961 г. «An Experiment in Criticism», обращаясь к термину fantasy, который для него в это время обозначает человеческую фантазию или литературное повествование, связанное с фантазией, определяет этот термин как «любое повествование, где речь идет о невозможном и сверхъестественном» [2. P. 50]. Сам термин «фантастическое» приводит нас к классической монографии Ц. Тодорова «Введение в фантастическую литературу», где фантастическое определяется как «колебание, испытываемое человеком, которому знакомы лишь законы природы, когда он наблюдает явление, кажущееся сверхъестественным» [3. С. 25] – т.е. нечто, встроенное в бытовой мир, но представляющееся сверхъестественным. Фантастическое в рамках этой концепции размещается на линии, ведущей от необычного в чистом виде, через фантастическое-необычное и фантастическое-чудесное, к чудесному в чистом виде: по мнению Тодорова, фантастическое в чистом виде размещается на границе, «отделяющей фантастическое-необычное от фантастического-чудесного» [3. С. 40]. Именно эти три определения важны для данного исследования – описание фантастического пространства в мемуарах Анциферова определяется как описание в рамках реалистического мемуарного повествования особого, нереального, вымышленного мира, с элементами необычайного и сверхъестественного, однако не переходящего в чудесное в буквальном смысле.

Мемуары Н.П. Анциферова (1889–1959) – историка и автора локально-исторического метода в литературоведении – над которыми он работал с конца тридцатых годов XX в. до конца жизни, посвящены его детству, отрочеству, рассказам о друзьях юности и о горячо любимой им супруге Татьяне Оберучевой, переживанию сложных исторических событий начала XX в., научным занятиям и путешествиям, тяжелым событиям советского времени. При жизни мемуары не были завершены и существовали в нескольких вариантах, преимущественно машинописных. В 1992 г. они были изданы А.И. Добкиным под названием «Из дум о былом». Это издание остается наиболее полным на настоящий момент, однако в нем опущены многие значимые фрагменты в частности фрагмент о Рождестве в Барановке, ключевой для данной работы, который поэтому цитируется по конволюту 1956–1957 гг. из семейного архива М.С. Анциферова[1]. В 2015 г. в серии «Русская Италия» были опубликованы полные варианты глав мемуаров, посвященные путешествиям Н.П. Анциферова по Италии в 1910–1914 гг.

Большая часть мемуаров посвящена периоду с конца XIX в. до начала Первой мировой войны; последняя глава, над которой Анциферов вел работу уже после 1956 г., посвящена советскому периоду с 1918 до 1939 г.

Николай Павлович Анциферов начинает работать над мемуарами в конце 1930-х гг., вскоре после своего ареста в 1937 г., в лагере; как отмечает Д.С. Московская в статье «Мемуары Н.П. Анциферова как документ истории и памятник литературы», одна из частей главы мемуаров, посвященной советскому времени, открывается словами: «Согласно традиции моей жизни, каждое десятилетие после смерти отца (он умер в 1897 г.) я посещал дом своего детства в Никитском саду» [4. С. 209]. Из этих слов Анциферова можно заключить, что причиной для начала работы над мемуарами были не только желание обратиться к воспоминаниям о прошлом при переживании страшного и тяжелого настоящего, но и предшествующее посещение мест памяти, дома детства. При знакомстве с мемуарами Анциферова мы непременно обращаем внимание на то, насколько значимую роль в них играют места, в которых Анциферов жил – Ялта, Никитский сад, Киев, Барановка, Петербург, Норвегия, Венеция, Флоренция, Париж. И это не просто страны или даже города – такого рода местами памяти для него становятся улицы и дома.

Однако в его повествовании, особенно в первых главах мемуаров, относящихся к рассказам о детстве и отрочестве, встречаются воспоминания и о вымышленных пространствах. В главе «Детство» он пишет об острове, который он придумал для нарисованных им зверей: «Чтобы быть уверенным в их благополучной будущности я придумал превосходный, как мне казалось, выход: они – эта белка и этот заяц живут на таком острове, где нет ни волков, ни лисиц, ни удавов <…> Мой остров находится так далеко от всякого материка, где-то в Великом Океане – что даже кондор не имеет сил долететь туда. Этот остров блаженных был моей первой утопией, продиктованной чувством жалости ко всему, что не защищено от хищников» [5. Л. 64]. Об этой своей фантазии Анциферов вспоминает и в следующей главе мемуаров, «Отрочество»: «Утопизм был мне всегда свойственен, начиная с острова блаженных моих младенческих мечтаний, этого острова, где живут только миролюбивые птицы и звери» [6. С. 57] Действительно, в этой фантазии Анциферова возникает утопическое пространство; и эта фантазия была бы обычной для ребенка. Однако выражение «острова блаженных» появляются у Н.П. Анциферова

и в кандидатской диссертации «Проблемы урбанизма в русской литературе. Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций», которую Анциферов защитил в 1944 г., т.е. во время работы над мемуарами.Поэтому вполне возможно определенное тематическое переплетение между двумя текстами. Так, глава «Идея Петербурга и золотой век» буквально начинается со слов об утопизме у Достоевского [7. С. 531]. В этой главе можно видеть один из немногих примеров в творчестве Анциферова, где он говорит о фантастическом произведении, о «Сне смешного человека» Достоевского. В своих рассуждениях об этом рассказе Анциферов особенно подчеркивает, что герой во время своего фантастического путешествия оказывается именно на острове, на Архипелаге, и что это наша преображенная земля [7. С. 544]. В дальнейшем он называет место действия рассказа «островами блаженных»: «Так Достоевский возвращается *с островов блаженных* на скорбную землю, на которой стоит город великого страдания <…> Видение Архипелага вернуло к жизни готового покончить с собой петербуржца» [7. С. 546]. Финал «Сна смешного человека», причина возвращения главного героя к жизни и истина, которую он увидел, могут пониматься по-разному, но Анциферов в своей трактовке сосредоточивается не на изображении счастливых людей или на том, через что прошел герой, а именно на видении Архипелага, островов блаженных; т.е. истиной, возрождающей человека к жизни, для него оказывается сама возможность существования утопического пространства.

Следующая глава мемуаров, «Prima vera», во многом посвящена теме рыцарской игры – игры, проникающей в жизнь; играющие подростки, сам Анциферов и его друзья Дмитрий и Татьяна Навашины, придумывают персонажей-«рыцарей», дают им имена и погружаются с помощью этих персонажей в литературно-исторический мир Англии шекспировского времени. «Каждый из нас, играющих так срастался со своим героем, что мы <…> гуляя где-нибудь в лесу гуляя где-нибудь в лесу, затевали беседы и споры, называя себя именами наших героев. Игра так вплелась в жизнь, что грани стерлись» [6. С. 73]. См. об этом подробнее [8].

Однако еще более яркий пример появления фантастического пространства в мемуарах Анциферова мы видим в следующей главе мемуаров, «В тумане утреннем», где речь идет уже не о вымышленном пространстве. В эпизоде описания Рождества 1910 г., которое Анциферов встречает в Барановке у своих друзей Курбатовых, снова появляются слова о вплетении – на этот раз сказки – в жизнь. Дружба с Курбатовыми была очень значима для Анциферова, начиная с 1905 г., и Рождество, проведенное в Барановке, произвело на него глубокое впечатление; в его описании березовая роща становится коралловыми рифами и северным раем.

> «Всё вокруг превращено в коралловые рифы. <…> Белая земля, белые стволы берёз, белые ветви, усеянные кристаллами снега, игравшего радужными огнями. Искрящийся воздух, совсем недвижимый, и над всем – густо синее, глубокое, празднично-торжественное небо. Почему рай – это знойный, пряный юг? Разве это не рай? Разве возможна большая чистота, большая прозрачность и большая радость земли? <…> Так прошло ещё несколько дней. Наступили лунные ночи, и коралловые рифы были залиты таинственным светом. Мы мало беседовали друг с другом. Но никогда между нами не было такого молчаливого понимания, такого непроизвольного лада. Что это было? Зимняя сказка? Сон в зимнюю ночь? Не хочется употребить эти слова. Сказка противопоставляется были, а сон – яви. Но подлинны только быль и явь. То, что было в эти рождественские дни в Барановке, можно назвать подлинным бытием, но бытием, которое выводит за пределы нашего быта, наших событий. Мы пожили в граде Китеже» [5. Л. 301].

В финальном фрагменте этого эпизода Анциферов сопоставляет три элемента: сказку/сон, т.е. некоторое фантастическое бытие; быт, т.е. обыденную жизнь; и подлинное бытие, которое больше похоже на сказку или сон, но при этом реально. Причем это подлинное бытие для Анциферова становится не столько явлением или состоянием, сколько пространством – градом Китежем. Анциферов говорит о возможности пожить в граде Китеже как о чем-то реальном, а не кажущемся – «мы пожили в граде Китеже», а не «мы *словно* пожили в граде Китеже»; выражение «коралловые рифы», в которые превращаются земля и березы, в каком-то смысле подчеркивает «подводность» происходящего. Интересно, что в уже цитированной главе «Идея Петербурга и золотой век» Анциферов сопоставляет град Китеж и Петербург: «Затонувший “град Китеж” с подводным звоном своих колоколов – символ “преображенного града”. Из глубин былого возродится он к новой жизни на спасенной земле. Петербургу, “утомившему” русскую землю, пророчили гибель. И ему предсказывали стать “затонувшим городом”» [7. С. 533].

В главе «Петербургский фланер» этой же работы Анциферов, говоря о проблеме реализма Достоевского применительно к изображению города, пишет: «Достоевский не только “в человеке ищет человека”, он и в городе ищет особую индивидуальность, он хочет постигнуть все глубины души Петербурга. И в этих своих исканиях Достоевский, в строгом согласии со своим пониманием жизни *как реальности – углубленной до фантастики* (курсив мой. – *А.Г.*), приходит к выводу, что “Петербургское утро, казалось бы, самое прозаическое на всем земном шаре”, – является “чуть ли не самым фантастическим в мире”» [7. С. 339]. Можно предположить, что под фантастикой Анциферов вслед за мыслью Достоевского подразумевает некий глубокий мистический уровень, уровень интуитивного и бескорыстного созерцания творения, выводящий за пределы обыденной действительности; в любом случае очевидно, что более глубоким уровнем представляется для Анциферова фантастический уровень бытия. В мемуарах он пишет о подлинном бытии, которое становится таковым благодаря слиянию сказки с бытом, в диссертации говорит о фантастическом как о

чем-то более глубоком, чем реальность, и это фантастическое для него неразрывно связано с пространством.

В следующих главах мемуаров появляются рассказы Анциферова о совершенных им путешествиях; страны и города, которые он видит, приобретают фантастически-литературные черты. Так, в главе «Incipit vita nova», рассказывая о своих путешествиях по Норвегии, Анциферов характеризует пейзажи как «мир Ибсена» или сопоставляет их с пейзажами произведений Кнута Гамсуна. Анализируя эту главу мемуаров, М.Р. Ненарокова подчеркивает желание Анциферова стать «не просто читателем, а <…> невидимым литературным персонажем <…> Время от времени Анциферов как бы опознает вокруг себя то, о чем он читал» [9. С. 50].

Шестая глава мемуаров посвящена времени учебы в университете, учителю Анциферова И.М. Гревсу и заграничным путешествиям. Путешествие в Италию с участниками семинара Гревса, описанное в этой главе, оказало огромное влияние на мировосприятие Анциферова. Однако и в рассказе о другой своей поездке, о посещении Франции, Анциферов, описывая дворик у самой древней церкви в Париже – St.-Julien de Pauvre, говорит: «Мы сели на холодные мраморные ступени, и воображение перенесло нас в далекие времена. Я воображал, что у меня шпага <…> На ограде покоился кот, черный “бодлеровский” кот. Глаза его светились в лучах полной луны. Мы действительно перенеслись в какой-то неведомый мир» [6. С. 259]. Здесь снова проявляются три составляющих – реальность, воображение, причем переносящее участников события в прошлое – благодаря своего рода памяти места, значимой для локально-исторического метода Анциферова – и проявленный таким образом неведомый мир. Анциферов, как и в рассказе о Барановке, подчеркивает словом «действительно» внутреннюю реальность, достоверность происходящего. Как и в части «Норге», этот неведомый мир явно литературен, и своего рода маркером такого перемещения в другой мир становится персонаж Бодлера – черный кот.

Схожая формулировка о перемещении в иной мир появляется и в главе «По Италии», в рассказе о Венеции. «Странный город уводил из жизни. Ни земли, ни зелени – все иное, уводящее в особый завороженный мир, в «соловьиный сад» [6. С. 277]. Снова перед нами то же сочетание – реально существующая Венеция уводит путешественников в особый мир, и этот мир Анциферов тоже характеризует через литературное произведение, в данном случае через цитату из поэмы Блока.

Рассказывая о своей последней прогулке по Флоренции, Анциферов вспоминает фонтан из сказки Андерсена, которая, таким образом, благодаря той же памяти места проявляется и приобретает реальность.

> «Там фонтан – Porcelli – Медный кабан, описанный Андерсеном. Мальчик-художник совершал на этом Медном кабане свои поездки по флорентийским галереям в ночные часы. Сказку эту я знал с детства, но совсем забыл о ней. При виде Медного кабана мне сразу вспомнилась забытая сказка, как далекое эхо на мое детство. И вдруг сказка стала как бы реальностью. Не вымысел Медный кабан, а быль. Стерлись грани между явью и сном» [6. С. 291].

Кроме того, здесь Анциферов почти дословно повторяет слова, сказанные им о Рождестве в Барановке; если там он говорит о подлинном бытии, возникающем при соединении сказки и сна, т.е. фантастического вымысла, с одной стороны, и быта и яви, т.е. подлинной реальности – с другой, то здесь он пишет о исчезновении границ между сказкой и реальностью, вымыслом и бытом, сном и явью. В этих эпизодах особенно важна их принадлежность к литературному миру. К схожей теме он обращался и в брошюре «Теория и практика литературных экскурсий»: «Но разве не законно <…> и желание читателя, полюбившего эти литературные образы, войти в соприкосновение с теми местами, которые вдохновили писателя, ощутить и над собой их власть?» (цит. по: [10. С. 17]). Здесь теоретизируется то, что Анциферов не раз описывает в своих мемуарах – он, читатель, ощущает над собой власть места, вдохновлявшую Ибсена, Андерсена, Бодлера и других писателей и поэтов.

В главе «Идея Петербурга и золотой век» Анциферов повторяет схожую мысль применительно к творчеству Достоевского: «Достоевский создает образ преображенного мира <…> Любимая мысль писателя, постоянно им повторяемая, заключалась в том, что мы должны осознать себя в раю – не там, в потустороннем мире, а здесь, во времени, на земле и, осознав это, мы будем в раю, мы узрим преображенный мир. “Жизнь есть рай, и все мы в раю, да не хотим знать того, а если бы захотели узнать, завтра же и стал на всем свете рай”. “Жизнь есть рай, ключи у нас”. <…> Нужно уметь увидеть “рай на земле” – так, как он существует на ней. Он-то и есть реальное бытие» [7. С. 534].

В статье «Мемуары Н.П. Анциферова как документ истории и памятник литературы» Д.С. Московская отмечает, что в последней главе мемуаров Анциферова, посвященной советскому времени и написанной уже после 1956 г., «почти не встретятся символические локусы – земные прообразы потерянного Рая» [3. С. 210]. Однако, как показано в этой же статье, и здесь есть исключения: среди ада, Inferno, как Анциферов называет этап после ареста 1937 г., появляется картина «мира Божия» – вновь в сочетании с художественным вымыслом (песней Сольвейг) и реальностью:

> «Станция неведомо где. <…> Смотрю на мир Божий. Сопка. На нее взбираются ели – белые от инея, тянутся к небу. А небо синее, даже не синее, а лиловое… и чудится мне от этих сверкающих белизной елей, от этой лиловато-густой лазури льется музыка. Мне слышится песня Сольвейг <…> Это голос моей Тани! Она со мной, всюду, всегда. С полным сознанием значения этого слова пишу. И мог в этом Inferno пережить минуту счастья» (цит. по: [3. С. 212]).

Таким образом, по всему тексту мемуаров Анциферова, от «Детства» до завершающей, посвященной уже советскому периоду, «Рассеялся туман», мы видим одну и ту же повторяющуюся ситуацию: нечто – сказка, сон, фантазия, воспоминание об историческом

прошлом, фрагмент из художественного произведения – проникает в реальный обыденный мир и становится высшей реальностью; почти всегда это связано с определенным местом и с путешествием, и довольно часто – с религиозным переживанием.

Такое проявление детского воображения, игры, восприятие прочитанной литературы можно сопоставить с отношением Н.П. Анциферова к фантастическому, легендарному, работе человеческого воображения, которое проявляется в его научных работах – как в монографии «Проблемы урбанизма в русской литературе», так и в других. Можно сказать, что отношение реального и фантастического пространств в мемуарах Анциферова совпадает с его представлениями о соотношении реального и фантастического в научном творчестве. Особое отношение к пространству представляет собой основную часть метода Н.П. Анциферова – метода в литературоведении, который он развивает во всех своих научных работах. В книге «Душа Петербурга» (1922) изображение Петербурга в литературе связывается с отношением автора к природно-географической и архитектурной данности города, и именно в этой книге Анциферов выбирает самые прямые слова об общении с genius loci с помощью правильной экскурсии, так, как если бы речь шла о реальном живом существе: «Как же научиться понимать язык города? Как вступить с ним в беседу? <…> Тогда явится возможность вызвать беседу с душой города и, быть может, почувствовать некоторое подобие дружбы с ним, войти с ним в любовное общение…» [11. С. 19–20]. Очевидно, здесь тоже описывается своего рода соединение реального пространства города и фантастической беседы с душой города, которые вместе создают «подлинную реальность», о которой Анциферов многократно говорит в мемуарах. Кроме этого, философской основой мемуаров в определенном смысле может быть названа известная статья-манифест Анциферова «Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность». Д.С. Московская пишет: «Воспоминания Анциферова, задуманные как литературное произведение, должны быть поставлены в один ряд с научным дневником его жизни, эссе “Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность”, над которым велась работа с 1918 г. и прекратилась в 1942 г.» [4. С. 210]. Анциферов начинает писать эту статью в 1918 г. и пишет до 1942, т.е. частично работа над статьей переплетается с работой над мемуарами. Помимо прочего, Анциферов пишет о созданной людьми легенде, глубоко связанной с историческим местом и одухотворившей его.

«Историк <…> должен вместе с тем понять и объяснить роль “возвышающего обмана” легенды, узаконенной сознанием человеческого общества и в нем обретшей свое историческое бытие. Для пояснения этой мысли возьму пример: Петр в Риме. Историческая наука в лице подавляющего числа своих представителей отрицает факт его посещения Рима. Но те, кто был в “Вечном городе” <...> для тех весь Рим уже полон присутствием апостола Петра. Души миллионов в течение веков, тысячелетий наполняли город св. Петра. Излучение энергии их веры насытили образом этого апостола все камни Рима. Вот эту форму исторической “внутренней действительности” не следует забывать историку» [12. С. 147–148].

Анциферов пишет здесь о легенде, возникающей в народном сознании. Однако с достаточным основанием мы имеем право отнести его слова и к художественной литературе в том случае, если и в ней отражена такого рода легенда. Так это происходит, по мнению Анциферова, в «Медном всаднике» Пушкина: в книге «Душа Петербурга» Анциферов называет поэму Пушкина «поэмой-мифом» [11. С. 66], а самого Медного всадника – genius loci Петербурга [11. С. 27].

Стихотворение Пушкина «К чему холодные сомненья» Анциферов цитирует в статье «Историческая наука…» и комментирует его: «Так поэт на священном месте утверждает правду мифа», причем в тексте статьи слова о ‘правде мифа’ подчеркнуты [12. С. 159]. Но для его метода не менее важны слова «на священном месте». Анциферов повторяет дорогую для него мысль: «Плох тот Историк, который совсем не поэт, который не способен ощутить действенное бытие легенды, связанной с “историческим местом”. Итак, легенда рассматривается как истинное sui generis событие в жизни души человечества, независимо от того имело ли оно фактическую основу в жизни внешней» [12. С. 159] Здесь легенда, причем в данном контексте скорее вымысел, становится знаком действенного бытия.

В предисловии к монографии В.В. Умнягина «Соловки. Пейзаж соловецкого разномыслия» Д.С. Московская пишет: «Способность сознания уравнять фактически существующее пространство и пространство воображаемое, наслоить на географическую карту ментальную “Карту памяти”, наполненную образами и легендарными сюжетами, всем тем, что в равной степени имеет отношение как к художественной литературе, так и к научному или популярному историописанию, впервые в отечественной гуманитаристике была замечена Н.П. Анциферовым» [13. С. 9]. Как мы видим, это происходит не только в научных работах Анциферова, но и в его мемуарах – фактически существующие места наполняются литературными, фантастическими, вымышленными образами и таким образом преображаются в описании Анциферова в подлинную или высшую реальность.

Дильтей определяет автобиографию как «осмысление человеком своего жизненного пути, получившее литературную форму»; он особенно подчеркивает роль осмысления и самоосмысления, которое «позволяет бескровным теням прошлого обрести вторую жизнь» и выстраивает прошлое определенным образом [14. С. 249]; комментируя рассуждения Дильтея об автобиографии, Е.В. Иванова указывает, что каждая из трех автобиографий, которые Дильтей считает наиболее совершенными образцами жанра («Исповедь» Августина, «Исповедь» Руссо, «Поэзия и правда» Гёте), «имела свою идейную доминанту» [15. С. 17]. В этом смысле мемуары Анциферова представляют собой определенного рода осмысление его жизни; в его мемуарах реальное пространство сливается с фантастическим, мир воспоминания – с миром воображения и творчества, и идейной доминантой мемуаров становится вера автора в возможность такого преображения мира.

Примечания

[1] Благодарю заведующую отделом рукописей ИМЛИ им. А.М. Горького РАН д-ра филол. наук Д.С. Московскую за возможность ознакомиться с этим конволютом.

Список источников

1. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М. : Интелвак, 2003. 1600 с.
2. Lewis C.S. An Experiment in Criticism. Cambridge University Press, 1965. 133 p.
3. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу. М. : Дом интеллектуальной книги, 1999. 144 с.
4. Московская Д.С. Мемуары Н.П. Анциферова как документ истории и памятник литературы // Вторые московские Анциферовские чтения : сб. ст. по материалам Междунар. конф., посвященной 140-летию В.Д. Бонч-Бруевича. М. : ГЛМ, Три квадрата, 2014. С. 201–216.
5. Анциферов Н.П. Память в борьбе со временем (Из дум о былом). Конволют 1. Семейный архив М.С. Анциферова. [1956–1957 гг.].
6. Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания / вступ. ст., сост., прим. и аннотированный указатель имен А.И. Добкина. М. : Феникс : Культурная инициатива, 1992. 512 с.
7. Анциферов Н.П. Радость жизни былой… Проблемы урбанизма в русской художественной литературе / сост., вступ. ст. Д.С. Московская. Новосибирск : Свиньин и сыновья, 2014. 656 с.
8. Гумерова А.Л. Игра в рыцарей на страницах мемуаров Н.П. Анциферова // Детские чтения. 2023. № 23 (1). С. 175–192.
9. Ненарокова М.Р. Литературные аллюзии в воспоминаниях Н.П. Анциферова («Норге») // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 7-4. С. 50–58.
10. Степанов Б.Е. О «социологизме» в литературоведческой рефлексии Н.П. Анциферова // Анциферовский сборник – II. Москва ; Берлин : Директ-медиа, 2021. С. 14–23.
11. Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Пб. : Брокгауз-Ефрон, 1922. 226 с.
12. Анциферов Н.П. Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность (Фрагменты) (1918–1942) / публ. и подготовка текста А. Свешникова, Б. Степанова // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник-2003. М., 2004. С. 136–162.
13. Московская Д.С. Вместо предисловия // Умнягин В.В. Соловки. Пейзаж российского разномыслия (на материале воспоминаний соловецких узников и романной прозы 2000-х гг.). М. : ИМЛИ РАН, 2021. С. 7–14.
14. Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе / пер. с немецкого под ред. В.А. Куреного // Дильтей В. Собрание сочинений в шести томах. Т. III. М. : Три квадрата, 2004. 418 с.
15. Иванова Е.В. Биография как жанр: западноевропейская и русская традиция // Биография в истории культуры : сб. ст. М. : Рутения, 2018. С. 7–36.

References

1. Nikolyukin, A.N. (ed.) (2003) *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. Moscow: Intelvak.
2. Lewis, C.S. (1965) *An Experiment in Criticism*. Cambridge University Press.
3. Todorov, Ts. (1999) *Vvedenie v fantasticheskuyu literaturu* [Introduction to Fantastic Literature]. Moscow: Dom intellektual'noy knigi.
4. Moskovskaya, D.S. (2014) [Memoirs of N.P. Antsiferov as a historical document and a literary monument]. *Vtorye moskovskie Antsiferovskie chteniya* [Second Moscow Antsiferov Readings]. Proceedings of the International Conference dedicated to the 140th anniversary of V.D. Bonch-Bruevich. Moscow: GLM, Tri kvadrata. pp. 201–216. (In Russian).
5. Antsiferov, N.P. (1956–1957) *Pamyat' v bor'be so vremenem (Iz dum o bylom). Konvolyut 1. Semeynyy arkhiv M.S. Antsiferova* [Memory in the struggle with time (From thoughts about the past). Volume 1. Family archive of M.S. Antsiferov]. [Manuscript]. Semeynyy arkhiv M.S. Antsiferova [M.S. Antsiferov Family Archive].
6. Antsiferov, N.P. (1992) *Iz dum o bylom: Vospominaniya* [From thoughts about the past: Memoirs]. Moscow: Feniks: Kul'turnaya initsiativa.
7. Antsiferov, N.P. (2014) *Radost' zhizni byloy… Problemy urbanizma v russkoy khudozhestvennoy literature* [The joy of life past… Problems of urbanism in Russian fiction literature]. Novosibirsk: Svin'in i synov'ya.
8. Gumerova, A.L. (2023) Igra v rytsarey na stranitsakh memuarov N.P. Antsiferova [Playing knights on the pages of N.P. Antsiferov's memoirs]. *Detskie chteniya*. 23 (1). pp. 175–192.
9. Nenarokova, M.R. (2015) Literaturnye allyuzii v vospominaniyakh N.P. Antsiferova ("Norge") [Literary allusions in the memoirs of N.P. Antsiferov ("Norge")]. *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologiy.* 7-4. pp. 50–58.
10. Stepanov, B.E. (2021) O "sotsiologizme" v literaturovedcheskoy refleksii N.P. Antsiferova [On "sociologism" in the literary studies reflection of N.P. Antsiferov]. In: *Antsiferovskiy sbornik – II* [Antsiferov Collection – II]. Moscow; Berlin: Direkt-media. pp. 14–23.
11. Antsiferov, N.P. (1922) *Dusha Peterburga* [The Soul of Petersburg]. Petrograd: Brokgauz-Efron.
12. Antsiferov, N.P. (2004) Istoricheskaya nauka kak odna iz form bor'by za vechnost' (Fragmenty) (1918–1942) [Historical science as a form of struggle for eternity (Fragments) (1918–1942)]. In: Sveshnikov, A. & Stepanov, B. (eds) *Issledovaniya po istorii russkoy mysli. Ezhegodnik–2003* [Studies in the History of Russian Thought. Yearbook–2003]. Moscow. pp. 136–162.
13. Moskovskaya, D.S. (2021) Vmesto predisloviya [Instead of a preface]. In: Umnyagin, V.V. *Solovki. Peyzazh rossiyskogo raznomysliya (na materiale vospominaniy solovetskikh uznikov i romannoy prozy 2000-kh gg.)* [Solovki. The landscape of Russian dissent (based on the memoirs of Solovki prisoners and novel prose of the 2000s)]. Moscow: IWL RAS. pp. 7–14.
14. Dilthey, W. (2004) Postroenie istoricheskogo mira v naukakh o dukhe [The Construction of the Historical World in the Human Sciences]. In: Kureny, V.A. (ed.) *Sobranie sochineniy v shesti tomakh* [Collected Works in Six Volumes]. Vol. III. Moscow: Tri kvadrata.
15. Ivanova, E.V. (2018) Biografiya kak zhanr: zapadnoevropeyskaya i russkaya traditsiya [Biography as a genre: Western European and Russian tradition]. In: *Biografiya v istorii kul'tury: sb. st.* [Biography in the history of culture: collection of articles]. Moscow: Ruteniya. pp. 7–36.

Информация об авторе:

Гумерова А.Л. – канд. филол. наук, старший научный сотрудник отдела теории литературы Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: gratia4@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
A.L. Gumerova, Cand. Sci. (Philology), senior research fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: gratia4@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.07.2025;
одобрена после рецензирования 11.09.2025; принята к публикации 10.10.2025.

The article was submitted 11.07.2025;
approved after reviewing 11.09.2025; accepted for publication 10.10.2025.

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/519/3

Роль «Путешествия в полуденную Россию» В.В. Измайлова в формировании новороссийского текста русской словесности начала XIX в.

Сергей Сергеевич Жданов[1, 2], Алина Анатольевна Ильницкая[3, 4], Сергей Олегович Курьянов[5]

[1, 3] *Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия*
[2] *Сибирский государственный университет геосистем и технологий, Новосибирск, Россия*
[4, 5] *Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия*
[1, 2] *fstud2008@yandex.ru*
[3, 4] *ilnitskaya.alina@mail.ru*
[5] *so_k@inbox.ru*

Аннотация. Рассмотрены элементы новороссийского текста, или мифа о Новороссии, представленные в «Путешествии в полуденную Россию» В.В. Измайлова. Новороссийский фрагмент травелога сопоставлен с иными текстам русской словесности конца XVIII – первой половины XIX в. В качестве основных пространственных сверхтекстов Новороссии выделены степной текст, а также локальные городские тексты (херсонский, николаевский, очаковский, одесский), включая связанные с ними образы новороссийской персоносферы русской культуры.
Ключевые слова: сверхтекст, миф о Новороссии, новороссийский текст, травелог, Украина, персоносфера, пространство, мифологема, мифема, В.В. Измайлов

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 24-28-01431 «Репрезентация пространства Украины в русской культуре конца XVIII – XIX веков (на материале отечественных травелогов): дискурсы, нарративы, топосы», https://rscf.ru/project/24-28-01431/

Для цитирования: Жданов С.С., Ильницкая А.А., Курьянов С.О. Роль «Путешествия в полуденную Россию» В.В. Измайлова в формировании новороссийского текста русской словесности начала XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 519. С. 21–31. doi: 10.17223/15617793/519/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/519/3

The role of V.V. Izmailov's "Journey to Midday Russia" in the formation of the Novorossiysk text in Russian literature of the early 19th century

Sergey S. Zhdanov[1, 2], Alina A. Ilnitskaya[3, 4], Sergey O. Kuryanov[5]

[1, 3] *Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation*
[2] *Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russian Federation*
[4, 5] *V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation*
[1, 2] *fstud2008@yandex.ru*
[3, 4] *ilnitskaya.alina@mail.ru*
[5] *so_k@inbox.ru*

Abstract. The article examines the elements of the Novorossian text, or myth, in V.V. Izmailov's "Journey to Midday Russia" in comparison with other works of Russian literature from the late 18th to 19th centuries. This text in the travelogue can be represented as a system of local texts—the steppe text, the Kherson text, the Nikolaev text, the Ochakov text, and the Odessa text. The image of the Novorossian steppe here is predominantly a non-anthropic, wild, empty, and at times mortal space, i.e., an entropic topos in the process of being ordered/domesticated. This, in turn, actualizes the myths of creation and apocalypse, which are essentially connected with the pre-temporal and post-temporal states of being. The wilderness of the steppe in Izmailov's text is contrasted with the wilderness of a semi-natural garden (in the variant of the Novorossian (Nikolaev) locus of Spassky), depicted in a sentimentalist vein and suggesting the possibility of both contemplative solitude and erotic pleasure. Among the general features of the urban texts of Novorossia, a characteristic lacuna is noted—the almost complete disregard for the image of Potemkin and a weakened manifestation of the image of Catherine II, which in later texts are firmly associated with the representation of the Novorossian space. The Kherson text is the most extensively represented by Izmailov, in which the mythologemes of the wondrous emergence of the city, the trading city, the port city, and the southern capital are highlighted, which are also characteristic of Izmailov's variant of the Odessa text. Both local texts in Izmailov's work are also characterized by the motif of the attractiveness of the urban space. The mythologeme of the cultural kinship between the new Kherson

© Жданов С.С., Ильницкая А.А., Курьянов С.О., 2025

and Tauric Chersonese is also actualized within the framework of a general classical myth superimposed on the perception of the liminal South of the Russian Empire. Furthermore, the mythologeme of Kherson's multiculturalism is noted, including its expression in the particular mythologeme of the "city of churches," which is also characteristic of the Nikolaev text in Izmailov's work. Within the framework of Kherson's multiculturalism and port status, one can also consider the mythologeme of the city as a mediator between the North and the South. The Nikolaev and Odessa texts are represented in the travelogue by smaller fragments. The mythologemes of the Odessa text have been enumerated above. As for the Nikolaev text, it is characterized by the mythologemes of the "city of shipbuilders, port city," the "city—spiritual center of Orthodoxy in the south of Russia," and the "city near which the romantic Spassky tract is located." Finally, Izmailov's Ochakov text differs from the aforementioned local texts in the strong expression of the personosphere of the space of historical memory—through the images of Münnich, the not directly named Potemkin, and Suvorov—as well as its pronounced liminality between Russianness and Turkishness, which corresponds to the mythologemes "Ochakov—a city of Russian military glory" and "contemporary Ochakov—a city of battle ruins."
Keywords: hypertext, myth of Novorossiya, Novorossiya text, travelogue, Ukraine, personosphere, space, mythologeme, mytheme, V.V. Izmailov

Financial support: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-01431: Representation of the Ukrainian Space in the Russian Culture of the Late XVIII – XIX Centuries (Based on the Material of Russian Travelogues): Discourses, Narratives, Toposes, https://rscf.ru/project/24-28-01431/

***For citation*:** Zhdanov, S.S., Ilnitskaya, A.A. & Kuryanov, S.O. (2025) The role of V.V. Izmailov's "Journey to Midday Russia" in the formation of the Novorossiysk text in Russian literature of the early 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 519. pp. 21–31. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/519/3

Пространственный сверхтекст, изучение которого было положено работами В.Н. Топорова [1, 2] и который в большом количестве современных исследований именуется локальным, топосным, топическим и проч., в современной науке о литературе достаточно подробно описан. Теоретические выкладки на сей счет появляются уже в 1990-х гг. и остаются в центре внимания исследователей до сегодняшнего дня. Это и само утверждение термина «сверхтекст», сделанное Н.А. Купиной и Г.В. Битенской [3], и работы Н.Е. Меднис [4, 5], В.В. Абашева [6], А.П. Люсого [7, 8], А.Г. Лошакова [9], М.П. Гребневой [10], Н.А. Рудиковой [11], О.Б. Лебедевой и А.С. Янушкевича [12], С.О. Курьянова [13], а также коллективная монография «Сверхтекст: генезис, структура, семантика» [14], где рассматриваются разновидности сверхтекста, и другие исследования.

В связи с этим не обойдено вниманием гуманитаристов оказалось и пространство Новороссии в текстах русской словесности XIX в., которое рассматривалось в исследованиях, посвященных первоначально новороссийской образности как части образа Украины (например, А.В. Марчукова [15], Т.А. Васильевой [16]), а в последнее время особо выделенному топосу Новороссии [17] либо лиминальному Юго-Западу Российской империи [18]. В контексте репрезентации данного пространства следует подчеркнуть», по Т.А. Васильевой, «решающее влияние» в том числе «Путешествия в полуденную Россию» В.В. Измайлова, оказанное «на формирование образа современной Малороссии в имперской словесности» [16. С. 55], а также, как будет показано далее в статье, и новороссийского текста русской литературы. При этом и в диссертации Т.А. Васильевой, и в иных литературоведческих работах по измайловскому травелогу [19–22] акцент делался на малороссийскую пространственность, а новороссийский аспект оставался малоизучен. Соответственно, авторы данной статьи ставят перед собой цель показать характерные признаки новороссийского текста, опираясь на «Путешествие в полуденную Россию» В.В. Измайлова.

В зависимости от позиции интерпретатора в новороссийский текст в качестве самостоятельных и в то же время сверхтекстоформирующих входят локальные (городские) тексты – одесский, херсонский, николаевский, екатеринославский и прочие, а также тексты региональные – донбасский и крымский. Вероятно, есть смысл выделять отдельно северопричерноморский и североприазовский тексты. Видимо, следует отдельно говорить об асканийском тексте (тексте Аскания-Нова). Отдельно стоит выделить днепровский текст, который соотносится с медиационно-транзитным топосом Днепра, соединяющим пространства Белоруссии, Малороссии и Новороссии. Соответственно, особо следует выделить локус днепровских порогов как одного из знаковых мест новороссийского текста. В любом случае все названные нами тексты, если и не являются текстами русской литературы, как минимум существуют в виде текстов культуры. И каждый из этих текстов состоит из мифологем и мифем, которые, безусловно, являются сверхтекстоформирующими для всего большого новороссийского сверхтекста. Заметим также, что, если крымский текст изучен уже достаточно широко в отечественном литературоведении (работах А.П. Люсого [7], Н.П. Ивановой [23, 24], С.О. Курьянова [13], В.В. Курьяновой [25], П.В. Алексеева [26] С.С. Жданова [27] и др.), то по новороссийскому тексту в целом работ существенно меньше. Из некрымских локальных текстов Новороссии относительно исследован одесский текст [17, 28–34].

Обращение к новороссийскому сверхтексту предполагает в том числе дихотомию природного и антропного пространственных типов, а также выделение различного рода переходных (демиприродных) локусов. В рамках природного пространства здесь основным топосом выступает степь. Соответственно, самый распространенный миф о Новороссии – «Новороссия – степной край». Исторически это то самое Дикое Поле (Великая Степь), через которое шли в разное время и в разных направлениях готы, гунны, сарматы, печенеги, половцы, монголы. Так, «природные локусы Новороссии представлены прежде всего степью», маркируемой

«масштабностью/простором» и «неосвоенностью/неокультуренностью ландшафта» [17. С. 219] в одном из первых значимых новороссийских текстов – «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П.И. Сумарокова, написанном примерно в одно время с рассматриваемым в данной статье измайловским, но последний получил более широкую известность. Новороссийская степь есть еще неосвоенное, неупорядоченное природное пространство, где антропность подавлена дикой природностью. Причем в том же сумароковском тексте стапной топос амбивалентен, выступая в антиантропной, мортальной, непривлекательной и – противоположной – привлекательной ипостаси. Так, неприветливым николаевским степям Сумароков противопоставляет «окрестности вокруг Херсона и Одессы», отмеченные «водной и растительной образностью» [17. С. 220].

В измайловском «Путешествии…» образ степи более гомогенен и прежде всего опирается на негативную характеристику данного пространства. Свои заметки о Херсоне автор начинает с репрезентации «неприятной» дороги по новороссийской степи, где трава «пожелтела от засухи» и «саранча покрывает нагие поля» [35. С. 276], следуя через это пространство, путешественник попадает в недавно построенный город Херсон. Находя простирающуюся степями дорогу от Херсона к Николаеву достаточно унылой, нарратор сетует, что вокруг «нет никакого селения, кроме почты и постоялого двора. Нет нигде ни деревца, ни цветочка, ни ручейка; одна желтая трава, перегоревшая от засухи, служит покровом сей наготы; ничто не прохлаждает воздуха» [35. С. 308], и пишет о том, что даже картина солнечного заката, которая так пленительна в других местах, в здешней степи «расположила» его «к унынию» [35. С. 309]. Мортальность степи проникает во внутреннее пространство человеческой души: «душа остается мертва, подобно предметам, ее окружающим» [35. С. 309]. Вариантом мотива уныния в степном топосе Новороссии выступают у Измайлова мотивы печали, ужаса, визуальной неэстетичности: «Кроме степей и почтовых дворов, печально стоящих, не встречал я ничего приятного» [35. С. 270]; «Ужасный вид!» [35. С. 271]; «Этот двор стоит один посреди степи так печально» [35. С. 273]. Эту мотивную триаду «визуальная непривлекательность – пустота – уныние/печаль/скука»[1] как маркеры новороссийского степного пространства мы встречаем также у Сумарокова [17. С. 219].

Кроме того, мотивы пустоты и безжизненности у Измайлова актуализируют отсылку к целому мифологическому комплексу представлений, восходящих к хаотическому началу мира до творения демиургом и в конце тварного существования как превращения степи в пространство апокалиптической пустыни: «Нет нигде следов жизни; поля лежат пустые; одно небо с землею сливается[2]; зелень и трава не приносят удовольствия. Там… представляешь себе то время, когда хаос царствовал в творении, и живые существа не населяли еще мир наш; или когда воспоследует всеобщее разрушение в природе, и дикие пустыни покроют везде следы живущих ныне людей» [35. С. 271–272]. Эта мортальная и энтропийная стихийность степи заострена в тексте через образ бури, когда ониризм нарратора являет ему, «что все стихии мира хотят разорвать союз свой и погрузить вселенную в новый беспорядок» [35. С. 272–273].

Негативные коннотации в изображении новороссийской степи (прежде всего в варианте николаевских степей) мы встречаем в позднейших текстах русской словесности XIX в. В степях Херсонщины «все наводит скуку и тоску» на нарратора в травелоге о путешествии в 1810 г. по южным окраинам Российской империи И.М. Долгорукого [36. С. 99]. Антиантропностью, масштабностью, непривлекательностью, ужасом маркировано изображение новороссийских степей в травелоге А.Ф. Воейкова (1825): «…в безлюдных степях, где путешественник обнимает зеленое дерево, как друга, с которым давно не видался и которого встретишь здесь не надеялся; где студеный колодезь охраняется как сокровище <…>, уродливые каменные истуканы пугают»[3] [37. С. 119]. Новороссийские степи отмечены «мотивами новизны, неосвоенности, сопротивляющейся антропному вмешательству дикости» [18. С. 39] и в травелоге М.П. Жданова (1843).

Более сложная репрезентация степи в гоголевском «Тарасе Бульбе» Н.В. Гоголя (1835), где, с одной стороны, присутствуют мотивы неосвоенности, новизны, пустоты, неантропности топоса, а с другой – последний охарактеризован скорее положительно, отмечен привлекательностью и растительной витальностью, которую мы встречаем еще у Сумаркова в амбивалентном изображении степного пространства: «…все то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию, до самого Черного моря, было зеленою, девственною пустынею. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений; одни только кони, скрывавшиеся в них, как в лесу[4], вытаптывали их. Ничего в природе не могло быть лучше: вся поверхность земли представлялась зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов» [38. С. 17]. Важными элементами этого описания становятся образные приметы степи: полевые цветы («голубые, синие и лиловые волошки», «желтый дрок», «белая кашка» и «занесенный Бог знает откуда колос пшеницы») и птицы («шныряли куропатки», «неподвижно стояли ястребы», «крик… тучи диких гусей», «чайка… роскошно купалась в синих волнах воздуха») [38. С. 17]. В романе Г.П. Данилевского «Беглые в Новороссии» (создан в 1859 г.) картины новороссийской степи при всей авторской индивидуализации описаний имеют уже вполне традиционный вид мифологизированных константных представлений [13. С. 30]: «…они были, наконец, на рубеже того непочатого или мало еще початого края Новороссии <…> Пошла сплошная, необозримая степь, заросшая густыми цветущими травами. Сел и хуторов не было видно вовсе» [39. С. 106]. Соответственно, новороссийская степь есть не просто пространство Новой России, но и новая земля в принципе, находящаяся еще в процессе творенная как преобразования хаоса, доадамическая и в этом смысле мифопоэтическая.

Важным маркером степного пространства Новороссии является ковыль: «…на полях здешних растет трава ковыль, мешает росту иной другой» [35. С. 392]. В измайловском варианте степи мы фактически не встречаем образов разнотравья. Образ ковыля же проникнут не растительной витальностью, а мортальностью / бесплодностью, губящей все остальное, что усиливает мотив антиантропности степного топоса: «Здесь степи не обрабатываются в течение нескольких столетий и затверделые, подобно камню[5], не родят… травы и сена, оттого что на полях растет трава ковыль <…> и что сверх того позволяется крестьянам <…> разводить огонь, который нередко зажигает траву. Она сгорает так, что уже земля после того ничего не производит» [35. С. 391–392]. К образу ковыля, отсутствующему, надо заметить, в сумароковском тексте, в дальнейшем обращаются многие русские писатели. Мы встречаем его у Долгорукого и Воейкова, причем в тесной связи с водным ониризмом, когда пространство степи контаминируется метафорически с природным и не менее антиантропным топосом моря/океана: «По всей дороге до Николаева <…> вы ничего не видите, кроме дикой степи, никакого растения: один ковыль, как волна, вьется по земле» [36. С. 106]; «седой ковыль волнуется как Океан беспредельный» [37. С. 119]. Интересно, что морская образность косвенно реализуется и в измайловском тексте, где постоялый двор в степи уподоблен острову[6], на котором человек представляется «занесенным на край света в необитаемой пустыне, подобно Робинзону» [35. С. 273]. Данилевский в «Беглых в Новороссии» также пишет о картине «божьей степи», где, «куда ни глянешь, все поле да поле, ковыль расстилается» [39. С. 106].

Впрочем, уже у Измайлова мы находим и первые свидетельства освоения степи, превращение ее из дикого, природного в демиприродное, рустикальное пространство (в варианте скотоводства прежде всего): у разумных землевладельцев в Новороссии «вырастают не только высокие травы, но и разные цветы: зелень свежа; и они косят сено несколько раз в год» [35. С. 392–393]; «восстановился мир – и Болгарцы с Молдаванами снова поселились на мирных полях, завели снова скотоводство» [35. С. 394].

Помимо характеристик топоса степи, природных примет Новороссии у Измайлова мало – и потому, что их немного в новороссийском пространстве, и потому, что автора больше интересуют антропные свойства пространства. Впрочем, важную роль в «Путешествии…» отводится Днепру, неразрывно связывая образ реки с образом херсонского локуса, где «из каждого уголка… виден блеск Днепра», «усеянный зелеными островами, покрытый судами, и быстро текущими вслед за плывущими барками», т.е. отмеченного наряду с природностью и антропностью [35. С. 279]. Описание Николаева начинается с картины окрестностей города – «долины, окруженной пригорками, при впадении Ингула в Буг, в нескольких верстах от Черного моря» [35. С. 313].

Гораздо более положительная характеристика иного типа демиприродного пространства – сада как особого сочетания природного и антропного пространств. Одно из ключевых мест николаевского текста – описание Спасского урочища, находящегося в предместье Николаева: «Если вы хотите увидеть романическое[7] убежище, пустыню, сотворенную для любви и счастья, то взгляните на Спасское урочище, в двух верстах от Николаева» [35. С. 315]. Измайлов говорит о данном локусе как квинтэссенции сентименталистской идиллии, «божественного уединения» [35. С. 317], представляющей в этом плане полную в своей облагороженной демиприродности противоположность пустыни дикой степи. Идиллическое начало выражено в различных диминутивных характеристиках местных сублокусов («светлинький домик» [35. С. 315], «рощица» с «густой тенью», «тихие зеленые лесочки», «излучистые тропинки», «поющие птички» [35. С. 316]) и содержит отсылку к Делилю, видевшему сад как «образ вселенной, не порывающей с Природой, но умело усовершенствовавшей ее плодами цивилизации и труда человека» [40. С. 206]. Локус Спасского как важного место николаевского текста отмечен в текстах Сумарокова [17. С. 221] и Долгорукого, в травелоге которого, как и у Измайлова, демиприродное пространство отмечено мотивом сакральности: «Какой божественный уголок в природе! Натура! Где ты взяла свои замыслы и планы, кои образовала на этой благословенной почве земного шара?» [36. С. 182].

Локус Спасского также связан с крайне значимым образом новороссийской персоносферы – князя Потемкина-Таврического. Одним из первых, соединивших мифему «Потемкин» с мифом Новороссии, был Г.Р. Державин в оде «Водопад»: «Чей одр – земля; кров – воздух синь; чертоги – вкруг пустынны виды?» [41. С. 185]. В то же время в эпоху написания текстов Сумарокова и Измайлова под влиянием Павла I, стремившегося изгнать из пространства исторической памяти все, связанное с Екатериной II и, в частности, образ одного из ее главных фаворитов и фактически первого, если мы говорим о мифопоэтике, genius loci Новороссии. В сумароковском тексте имя Потемкина напрямую упомянуто два раза, при этом без связи с локусом Спасского (хотя сам топоним связан в мифотрадиции с мифом о спасении Потемкина, о чем нам, например, позднее собщает Долгорукий[8]). В новороссийском фрагменте у Измайлова Потемкин, неназванный напрямую, выступает под псевдонимом «Русский наш Ришелье», который в рамках локуса Спасского выступает как его демиург: «…там одним взором и словом повелевал он природе, которая переменялась вдруг перед ним в своих видах под рукою каменосечцев, плотников и садовников» [35. С. 317]. Вообще же новороссийская мифема Потемкина тесно связана с мифемой Екатерины II и в том числе с событийным субтекстом екатерининского южного вояжа по новым территориям Российской империи. Эти два образа в пространстве Новороссии имеют демиургический оттенок упорядочивания хаотического и пустого пространства степи. Ср. в травелоге Долгорукого: «…я уж в Николаеве, там, где не было ничего, кроме продолжения степи; там, где чудотворная рука Екатерины воздвигла новые грады, покорила новые себе языки»

[36. С. 111]; «Когда Екатерина набивала сваи в Петербургские болота и творила канавы, Потемкин на другом краю света нашел девственную природу и в степи насаждал вертограды!» [36. С. 184]. Также Спасское названо одним из «мест славы знаменитого вельможи» [36. С. 201].

При этом репрезентация Спасского в измайловском тексте содержит отсутствующие в сумароковском мотивы запустения, забвения и тщеты земного существования как проникновения энтропии в идиллическое упорядоченное пространство сада: «Теперь ничего не осталось; дом и сад запустели, и ничто в мире не сохранило их памяти… Подумайте о ничтожности вещей человеческих!» [35. С. 318]. Ср. у Долгорукого: «Но умер Князь, и замыслы его с ним похоронились» [36. С. 120]. Наконец, Спасское в измайловском тексте есть не только locus amoenus, но и locus amoris, в котором сочетаются мотивы идиллической dolce far niente и эротических переживаний: «пустыня, сотворенная для любви и счастия» [35. С. 315]; «беседка, приготовленная для таинств любви и как будто скрытая самим Амуром» [35. С. 315–316], «сие сладкое убежище, где должно бы укрываться одним нежным любовникам, было увеселительным жилищем великолепия, скуки и, может быть, праздности» [35. С. 317]. Эротический подтекст мифологического образа сада, возможно, также содержит намек на увлечения Потемкина. У Долгорукого это ярче выражено в описании аналогичного Спасскому локуса Богоявленского: «Сад при нем назывался Витовкой. В то время, как он убирал его, Госпожа Вит кружила ему голову» [36. С. 185].

Помимо демиприродного пространства сада, новороссийская пространственная антропность в травелоге Измайлова выражена в локальных городских текстах – херсонском, николаевском, очаковском, одесском и других, являющихся важными структурными элементами большого новороссийского сверхтекста и, соответственно, новороссийского мифа. Именно изображению городов автором уделено наибольшее внимание.

Одним из первых локальных сверхтекстов, сформулированных Измайловым, является херсонский. В процессе описания города складываются первые с ним связанные мифологемы и мифемы. Так, рождение Херсона писатель называет «чудом»[9]: «…посреди степи, в пустом месте одна воля назначает место города – и город возносится, люди селятся, земля обрабатывается» [35. С. 280] (мифологема – «город, созданный волей Потемкина», впрочем, здесь напрямую не названного, в отличие от текста того же Долгорукого). Говорит Измайлов и о густонаселенности молодого города, упоминая, что сюда «стекаются купцы изо всех краев земли» [35. С. 280]; здесь есть «купеческое предместье» с «домиками иностранных купцов», названное «лучшей частью города» [35. С. 278]; «Нигде жители не имеют столько средств к обогащению позволительному, как здесь. Коммерция есть душа города и жителей» всякий человек более или менее участвует в торговле» [35. С. 390] (мифологема – «Херсон – торговый город»). Важными составляющими элементами последней являются культурная гетерогенность, многоголосие, смешение нравов, обычаев, вер: «Херсон есть город купеческий и довольно многолюдный. Здесь живут Поляки, Немцы, Французы, Англичане, Греки и Жиды. Здесь перемешиваются нравы, обычаи и веры нескольких народов» [35. С. 289]. Удивляет Измайлова и французская речь («язык Вольтера и Расина»), которая «гремит во всех устах» [35. С. 290]. В целом поликультурность Херсона позволяет рассматривать его как медиационный локус, где происходит не только торговля, но и трансфер культур: «Вот дух здешнего общежития, который мало-помалу сообщается от чужестранцев и к русским жителям в Херсоне!» [35. С. 292]. Примечательно, что Измайлов кладет начало развитию одной из важнейших мифологем, связанных с основанием Херсона, – отсылке названия города к Херсонесу Таврическому как образу, актуализирующему пласт античной культуры, контаминирующийся с новороссийским пространством, которое, соответственно, и новое, и крайне древнее одновременно: «…новой Херсон цветет, подобно древнему Херсону» [35. С. 280]. В основе мифологемы «греческий проект» Екатерины II, предусматривавший воссоздание Византийской империи, но завершившийся присоединением Крыма, Северного Причерноморья и Приазовья, с приобретением которых Россия получала свою долю античного наследства и возвращалась туда, где брало начало русское православное христианство, – в древний Херсонес, в честь которого и был назван вновь построенный Херсон. В рамках поликультурности Измайловым формируется и мифологема «Херсон – город церквей». Важное место автор отводит описанию собора, построенного внутри крепости: «Простой вид церкви пленяет; тенистые деревья обрамляют ее» [35. С. 281]. Отметим демиприродность локуса собора, который в духе сентиментализма выступает соединением природного и сакрального начал: «Храм Бога – в тени природы» [35. С. 281]. Кроме того, данный локус связан с пространством исторической памяти, актуализируя образ Екатерины II, в котором подчеркивается прежде всего имперскость, ассоциируемая с мифопоэтическим маскулинным образом царя-«Хозяина»[10] пространства, а затем уже феминность: «Собор, построенный… для приезда возвышеннейшего из путешественников (отсылка к южному вояжу императрицы. – *Авт.*), громкого в мире, знаменитого в России, Хозяина посещаемой страны, Главы видимых Им народов, Царя – женщины, словом – Екатерины II» [35. С. 281]. Встречается нарратору и Синагога с «возвышенным местом», «окруженном балюстрадой» для проведения богослужений [35. С. 387].

Благодаря зданию Адмиралтейства, которое чарует путешественника «белым камнем» и «звуком работы» [35. С. 383], происходит невольное сравнение Херсона с Петербургом, мифологизируя, таким образом, город, хотя бы на короткое время, как «южную столицу». Херсонское адмиралтейство являлось первым на юге России и было основано в 1778 г. по указу императрицы Екатерины II на Днепровском лимане для строительства парусных судов всех классов для Черноморского флота Российской империи. Здание Адмиралтейства отмечено также мотивами визуальной привлекательности и многолюдности: «Оно прекрасно <…>

очень приятно гулять по берегу, выстланному камнем, мимо верфей, при движении тысячи работников, под громом рубящих топоров, имея в глазах живость многолюдства и картину моря» [35. С. 384]. В связи с образом Адмиралтейства следует отметить, что херсонское пространство маркирует, наряду с мирно-торговым, военно-водная образность. Измайлов обращается также и к описанию местности, обозначая важнейшие для того периода части города: «крепость, начатая Аннибалом в 1778 году», с «каменными зданиями», арсеналом [35. С. 280], «Комендантский дом», «гауптвахту», – что порождает мифологему «Херсон – город-порт», включающую в себя мотив медиационности. Через Херсон, сыгравший в конце XVIII в. важную роль в развитии внутренних и внешних экономических связей России. Ср. у Долгорукого: «Торговля животворит совершенно берега Днепровы при скучном Херсоне. <…> Днепр приносит сюда все богатство лесов Белорусских: на нем чрез Кременчуг приплыло сюда в 1810 году до 150 тысяч дерев. Какое важное пособие для Крыма и Николаевской степи!» [36. С. 197].

В целом привлекательностью маркирован весь образ Херсона, за исключением локуса въезда в город, не показавшего «ничего приятного», а вот уже домики купеческого предместья «пленили» нарратора [35. С. 278]. При этом приятность Херсона как нового топоса в плане архитектурного облика противопоставлена приятности столичных, культурно «богатых», роскошных топосов, в том числе актуализирована антитеза херсонского и петербургского текста, метонимически сгущенного в локусе Эрмитажа: «Нигде, конечно, не увидишь величества Архитектуры, ни Луврской колоннады, ни Римского пантеона, ни Петербургского эрмитажа; но зато увидишь простоту, вкус и приятность, которые… не в одних богатых палатах, не в одних мраморных зданиях заключаются» [35. С. 279].

Наконец, в измайловском травелоге подчеркнута лиминальность Херсона, в данном историческом контексте его расположение на границе с маркированным турецкостью пространством, а в историческом прошлом – близость к Византии и вообще античной Ойкумене, выраженной топосами Крыма и Овидиополя, а также медиационность между мифопоэтическим Севером и Югом: «Туда к Югу далее… стоит Царь-Град, древняя Византия <…> На правой руке по берегу Черного моря простираются наши владения… до города Овидиополя и Днестра, который служит границею между нашею и Турецкою землею. На левой руке… цветет во всей красоте полуостров Крым, славный в древности по своей коммерции» [35. С. 300].

Николаевский текст у Измайлова, по сравнению с херсонским, представляется меньшим по размеру, но не менее красочным[11]. Данный текст строится на трех основных мифологемах: «город судостроителей, город-порт», «город – духовный центр православия на юге России» и «город, рядом с которым находится романтическое Спасское урочище» (о последнем говорилось выше). Путешественник называет «главными украшениями города» Адмиралтейство, крепость и суда, стоящие на якоре [35. С. 314]. В восприятии Измайлова Николаев приобретает значение православной святыни благодаря главной соборной церкви Св. Григория, которая в аспекте внутреннего устройства пространства «есть здание вкуса и нежности. <…> Четыре арки составляют своды; шесть мраморных колонн горизонтально пересекают трапезу; над алтарем сгибается купол, поддерживаемой восьмью колоннами, из которых четыре окружают жертвенник, а другая окружена царскими дверьми, и алтарь представляет полукружие» [35. С. 314]. Адмиралтейский собор (Собор святого Григория Армянского[12]) – православный храм, связанный с именем князя Григория Потемкина, существовал в Николаеве с XVIII по XX в. При этом, напомним, имя Потемкина и его роль в херсонском тексте упомянуты Измайловым скупо, лишь в репрезентации Спасского. Этот локус связан у Измайлова с еще одним образом николаевской персоносферы – швейцарца Фабра, «у которого оно куплено за 5000 р.» [35. С. 318]. Образ данного иностранца закрепился в пространстве исторической памяти николаевского текста в сюжете исторического анекдота. Согласно ему, Фабр был ограблен разбойниками, а его жена изнасилована, что переводит регистр повествования о Спасском из идиллического в авантюрно-приключенческий. В эмоционально окрашенном варианте Измайлова «злодеями» выступают переплывшие Буг «Запорожцы»[13] [35. С. 319]. В лаконичном сумароковском изводе названный Фабрием иностранец и его жена страдают от набега турок [17. С. 234].

Что касается очаковского текста, то в отечественной литературе он формируется до Измайлова (и Сумарокова) в оде Державина «Осень во время осады Очакова», где актуализируется мифологическое, по сути, противостояние Севера и Юга, когда «российский Марс» Потемкин ведет полки на полуденные земли – «древнее царство Митридата» [41. С. 122]. В рамках персоносферы очаковского текста поэтом упомянуты «мать» «росских Ахилессов» Екатерина II [41. С. 123] и князь С.Ф. Голицын. Образ русского воинства также весьма мифологизирован: «богини северной сыны» [41. С. 123]. В тексте Сумарокова эта персоносфера включает Миниха [17. С. 231], Суворова и ряд других военных, причем образ Суворова имеет черты мифологизации [17. С. 232].

Как и у прочих авторов, репрезентация Очакова у Измайлова тесно связана с пространством исторической памяти, актуализирующей целый пласт батальных сюжетов лиминального Юго-Запада империи. Так, автор отмечает занимательность степной дороги от Очакова до Одессы, «потому что Карл XII укрывался на ней после Полтавской баталии» [14. С. 358], – таким образом не только включая мифему «Карл XII», а вместе с ним и, конечно, мифему «Мазепа» в миф о Новороссии, но и связывая миф о Новороссии с мифом о Полтавской баталии – событийным сверхтекстом. Основной же очаковский текст Измайлова строится на мифологеме, связанной с военной славой города («Очаков – город славы русского оружия»). В измайловском тексте упомянуты сюжеты двух осад Очакова: «…город, которой два раза исчезал в крови и пламени под нашим победоносным оружием – был взять Графом Минихом в 1737 году и возвращен Туркам в

1739 году, – возник снова из своих развалин и пал уже в конечное разрушение от руки последнего завоевателя» [35. С. 338]. При этом, заметим, что имя последнего завоевателя – Потемкина – опять не названо. С очаковским текстом связан и локус Кинбурнской косы с крепостью, в осаде которой отличился Суворов, чей образ также мифологизирован: «наш Рымникский с 1-го октября 1787 года покрыл себя славою» [35. С. 346]. В целом измайловское описание пространства войны сдержанней, чем в текстах Сумарокова и Долгорукого, лишено черт батального ониризма [17. С. 232] и травестии [17. С. 233]. Особенно отличился в этом плане второй автор, соединяя начала Эроса и Танатоса в сцене разгромленного Очакова, где «наши знатные дамы, в награду сладострастному победоносцу, возили на санях свои прелести, переезжали костры мертвых тел и в богатых землянках, средь роскоши и неги, забывали в объятиях Потемкина все ужасы военного ополчения» [36. С. 126–127]. Измайлов же более сдержан, не изменяя, впрочем, высокому стилю нарратива, описывая, например, гибель турок на Кинбурнской косе: «Тысячи погибли на сухом пути; тысячи <…> нашли один разверстый гроб в море» [35. С. 349].

В пространстве настоящего Измайлов, как Сумароков, а впоследствии Долгорукий, изображает Очаков мортальным топосом, не восстановленным после войны: «…ныне… в нем только одни остатки… укреплений, непреодолимых для всякого оружия, кроме Русского; развалины домов и мечетей, пустые стены и насыпные бугры, где заступ претыкается о груды тел человеческих» [35. С. 339]. Положительно в повседневном Очакове охарактеризован, также подобно Сумарокову, местный карантине, место, способное «усладить душу страждущего» и вызвать «сладкое умиление» у наблюдателя, а также отмеченное «порядком» и «чистотой» [35. С. 351].

Одесский текст в измайловском травелоге еще менее значителен по объему, чем николаевский, а также фактически лишен персоносферы и пространства исторической памяти (в рамках бывшей турецкости города), что отличает вариант Измайлова от изводов одесского текста у других авторов. Одним из конституэнтов одесского текста здесь является мифологема о чуде (стремительного/мгновенного) возникновения Одессы, что в целом характерно для репрезентаций новороссийской городской триады – Херсона, Николаева, Одессы: «Рождение Одессы есть… чудо. В 1794 году было здесь одно пустое место; но в 96 году мгновенно вознесся город, поселилось множество жителей» [35. С. 359].

Другая мифологема «Одесса – большой торговый порт» включает в себя два компонента. Во-первых, это торговость топоса, акцентируемая Измайловым: при возникновении Одессы «торговля открылась, и теперь купеческие суда стоят в гавани» [35. С. 359]; «здешние жители» «все купцы, люди, занятые коммерциею; едва ли найдется один из них, который бы не имел участия в торговле. Одна живет в городе и в умах» [35. С. 360–361]. Отмечается «живость» местной биржи [35. С. 360]. Сконцентированность на одной торговле отличает измайловскую Одессу от его же Херсона. В первой нет интеллектуальной жизни, бесед о «высоком», светского общества: «Одесса есть коммерческий город, и… в нем не должно искать общежития» [35. С. 362]. Ср. у Долгорукого: «торговля… одна и красит Одессу» [36. С. 140]; «Многие богатые купцы <…> насылают приказчиков, кои не в праве роскошничать, берегут деньги и копят их; следовательно, город не оживотворен, он мне показался скучен» [36. С. 163–164]. Торговостью отмечен образ Одессы А.С. Пушкиным («Там хлопотливо торг обильный свои подъемлет паруса» [42. С. 201]), И.П. Бороздной («Прилив гостей иноплеменных, алчбою злата привлеченных, и своеземных торгашей» [43. С. 81]). Как и у Сумарокова, мирно-торговый характер Одессы имеет вектор проектности, реализации потенций в будущем: «Черноморская коммерция может сделаться со временем выгоднее Балтийской; но торговля <…> любит процветать под тенью мира» [35. С. 363]. Во-вторых, Измайлов указывает на портовость города, его связь с морем: «Она есть одна из знатнейших гаваней в России» [35. С. 362]. Имплицитно эта портовость подразумевает потенциальную претензию Одессы на столичный статус (мифологема южной столицы), его конкуренцию с российским Северо-Западом в лице Петербурга (и Риги) как актуализацию южного вектора петровской политики, продолженного его наследниками: «Сей порт есть для Черного моря то же, что Рига для Балтийского <…> Все главные товары <…> входят в Россию <…> только через три порта, объявленные главными: через Одессу, Ригу и Кронштадт» [35. С. 363]. Расположение города на берегу сообщает ландшафту столь ценимую сентименталистами панорамную зрелищность, которая подчеркнута в мотив города-амфитеатра, где сценой, соответственно, служит водная гладь: «…открылся мне город Одесса на берегу Черного моря и на горе; здания возвышаются в виде амфитеатра; разноцветные флаги развиваются у пристани» [35. С. 359]. Контаминация образов города и моря порождают также особый ониризм – образ города-корабля: «кажется, что гора со всеми домами, со всеми зданиями плывет с морем» [35. С. 359].

Эта визуальная привлекательность Одессы связана, в свою очередь, с мифологемой Одессы-красавицы, очаровывающей странника: «Красота домиков, картина моря, живость биржи, толпа торгующих, шум пристающих кораблей – все делает его (город Одессу. – *Авт.*) очень приятным» [35. С. 360]. Отметим, наряду с мотивом привлекательности, также мотивы наполненности жизнью/движением/звуками и солнечности в репрезентации городского пространства: «люди ходили, шумели, толпились; солнце текло к последним пределам горизонта; огненная заря пылала на небе и на море; и вечерняя серенада… прибавляла к очарованию места и природы» [35. С. 360]. Соответственно, Измайлов изображает Одессу как типажный идиллический южный город, чью космополитическую обобщенность усиливает мотив серенады (не просто песни), которая имплицитно актуализирует мотив влюбленности нарратора-фланера в город. Давая ему оценку, автор не находит нужных слов в родном языке и обращается к привычному в дворянской среде для выражения эмоций французскому: «Для сего городка

не может быть точного выражения на нашем языке; но Французы назвали бы его конечно le joli» [14. С. 360]. С французского языка «le joli» обозначает «красивый, милый». Но в то же время в этом определении можно увидеть намек на нерусскость красоты Одессы. Ср. у Долгорукого: «Для всех тех, кои привыкли к Русским городам, всякий иностранный (и Одесса строится, думаю, на манер такой же) покажется с виду нехорош. У нас что красит города и даже многие села? Церкви, колокольни и башни <…> В Одессе церквей мало, колоколен нет, ни что не выходит из кучи равного строения; и так первый на нее взгляд не обворожает» [36. С. 132].

Таким образом, травелог Измайлова, один из основных, лежащих в основании новороссийского текста русской словесности, содержит в себе ряд конституэнтов, характерных для последнего, и может быть представлен в виде системы локальных текстов – степного, херсонского, николаевского, очаковского, одесского, которые имеют разную степень выраженности в «Путешествии в полуденную Россию».

Образ новороссийской степи здесь есть преимущественно неатропное, дикое, пустое, порой мортальное пространство, т.е. энтропийный топос, находящийся в процессе упорядочивания/освоения, что, в свою очередь, актуализирует мифы творения и апокалипсиса, связанных, по сути, с довременным и послевременным состояниями бытия. Пустыни степи в измайловском тексте противопоставлена пустыня демиприродного сада в варианте новороссийского (николаевского) локуса Спасского, изображенного в сентименталистском ключе и предполагающего возможность как созерцательного уединения, так и эротического наслаждения.

Из общих особенностей городских текстов Новороссии у Измайлова отметим характерную лакуну – практически полное игнорирование образа Потемкина и ослабленное проявление образа Екатерины II, которые в позднейших текстах прочно связаны с репрезентацией новороссийского пространства.

В этом, на наш взгляд, проявляется особенность павловской эпохи, во время которой создавалась первая редакция «Путешествия…».

Наиболее широко представлен Измайловым херсонский текст, в котором выделена мифологемы чудесного появления города, торгового города, города-порта, южной столицы, которые также характерны для измайловского варианта одесского текста. Для обоих локальных текстов у Измайлова свойствен также мотив привлекательности городского пространства, особенно ярко выраженный в одесском горно-морском пейзажном описании. Актуализирована и мифологема культурного родства нового Херсона и Херсонеса Таврического в рамках общего античного мифа, накладывающегося на восприятие лиминального Юга Российской империи. Кроме того, отметим мифологему поликультурности Херсона, в том числе выраженную в частной мифологеме города церквей, свойственной также николаевскому тексту у Измайлова. Далее, в рамках поликультурности и портовости Херсона можно выделить мифологему медиационности города между Севером и Югом.

Николаевский и одесский тексты представлены в травелоге меньшими по объему фрагментами. Мифологемы одесского текста перечислены нами выше. Что касается николаевского текста, то для него характерны мифологемы «город судостроителей, город-порт», «город – духовный центр православия на юге России» и «город, рядом с которым находится романтическое Спасское урочище».

Наконец, очаковский текст у Измайлова отличается от вышеперечисленных локальных текстов сильной выраженностью персоносферы пространства исторической памяти – образами Миниха, неназванного напрямую Потемкина, Суворова, а также подчеркнутой лиминальностью между русскостью и турецкостью, что соответствует мифологемами «Очаков – город славы русского оружия» и «современный Очаков – город батальных руин».

Примечания

[1] Топос новороссийской степи в ее ярко выраженной антиантропной ипостаси есть прямая противоположность сентименталистского идеала облагороженной природы.

[2] Это слияние пространств земли и неба есть также маркер хаоса как синкретического начала.

[3] Здесь и далее орфография и пунктуация текстовых источников XIX в. приближены к современным. – *Авт.*

[4] У Гоголя мотив безлесности степного пространства сглажен, поскольку образ высокой травы выступает аналогом лесного локуса.

[5] Мотив каменности есть маркер неоконченности творения, когда земная твердь еще слабо наполнена жизнью.

[6] С другой стороны, на водное пространство перенесены свойства земного, когда воды Ингульца уподоблены характеризуемой ужасом равнине, получающей, однако, несвойственную обычно стихии земли динамику: «Не можно было взирать без ужаса на влажную равнину, которая волновалась, кипела и чернела» [35. С. 274].

[7] Ср. с развитием измайловской характеристики Спасского как «романического» локуса у Долгорукого, у которого это место, «где можно писать романы, пылать страстью и дать ее почувствовать другому» [36. С. 184].

[8] См. у Долгорукого: «Говорят, что этот сад, или все место, названо Спасским потому, что Князь, живши в Николаева, катаясь по Бугу, против этого берега утонул было, но спасен; отсюда и имя дано месту» [36. С. 119].

[9] Мотив чудесного возникновение антропного (городского) пространства посреди антиантропного, дикого топоса степи есть locus communis новороссийского текста, что мы встречаем эксплицитно в сумароковском травелоге относительно образов Николаева и Одессы. Имплицитно же этот мотив, связанный с мотивом быстрого роста новороссийских урбанистических локусов, маркирует и Херсон Сумарокова [17. С. 223].

[10] Примечательно, что на образ монарха в контексте новороссийского пространства накладывается не менее мифопоэтический образ Петра как творца-демиурга Новой России в целом, т.е. Российской империи. По филиации идей нарратор восклицает при созерцании «чудом» порожденного Херсона: «Так творил людей Петр I! Так повелевает природе и человечеству могущество творческого Духа!» [35. С. 280]. В этом мотиве освоения нового топоса также можно увидеть скрытую параллель между петербургским и херсонским текстами.

[11] Это контрастирует с травелогом Долгорукого, где херсонский текст уступает николаевскому по объему и количеству положительных характеристик. «Скучный Херсон» [36. С. 197] – основная характеристика города в «Путешествии моем кое-куда…». «Скучный Херсон» [44. С. 90] упомянут и в записках Ф.Ф. Вигеля.

[12] Долгоруков травестирует образы сакрального пространства и демиурга-Потемкина, сообщая последнему черты трикстера в пересказанном историческом анекдоте: князь «хотел дать изображению» святого «вид Азиятский и для того списал с одного Турка лицо, которое в одежде Священномученика поставлено в иконостас» [36. С. 113].
[13] Образ запорожцев в русских текстах рубежа XVIII–XIX вв., как правило, негативен. Ср., например, противопоставление положительно охарактеризованных казаков Хмельницкого как борцов за свободу запорожским казакам-разбойникам в тексте Ф.Н. Глинки [45. С. 71].

Список источников

1. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Семиотика города и городской культуры: Петербург. Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. XVIII. С. 3–29.
2. Топоров В.Н. Петербургский текст. М. : Наука, 2009. 820 с.
3. Купина Н.А., Битенская Г.В. Сверхтекст и его разновидности // Человек – текст – культура. Екатеринбург : АО «Полиграфист», 1994. С. 215–222.
4. Меднис Н.Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск : НГУ, 1999. 392 с.
5. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе : учеб. пособие. Новосибирск : НГПУ, 2003. 170 с.
6. Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь : Изд-во Пермского университета, 2000. 404 с.
7. Люсый А.П. Крымский текст в русской литературе. СПб. : Алетейя, 2003. 314 с.
8. Люсый А.П. Московский текст: Текстологическая концепция русской культуры. М. : ВЕЧЕ ; Русский импульс, 2013. 320 с.
9. Лошаков А.Г. Сверхтекст как словесно-концептуальный феномен: монография. Архангельск : Поморский университет, 2007. 344 с.
10. Гребнева М.П. Концептосфера флорентийского мифа в русской словесности. Томск : ТГУ, 2009. 182 с.
11. Рудикова Н.А. Образы Парижа в русской и французской литературах конца XVIII – середины XIX вв.: диалог культур : дис. … канд. филол. наук. Томск, 2011. 222 с.
12. Лебедева О.Б, Янушкевич А.С. Образы Неаполя в русской словесности XVIII – первой половины XIX веков. Салерно, 2014. 436 с.
13. Курьянов С.О. «Тайный ключ русской литературы»: формирование и становление крымского текста в русской литературе X–XIX веков. М. : ИНФРА-М, 2019. 308 с.
14. Сверхтекст: генезис, структура, семантика / науч. ред. С.О. Курьянов. М. : Директ-Медиа, 2023. 224 с.
15. Марчуков А.В. Образ Украины в русском сознании. Николай Гоголь и его время. М. : Регнум, 2011. 294 с.
16. Васильева Т.А. У истоков украинофильства: образ Украины в российской словесности конца XVIII – первой четверти XIX века : дис. … канд. филол. наук. Томск, 2014. 232 с.
17. Жданов С.С. Репрезентация пространства Новороссии в «Путешествии по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году» П.И. Сумарокова // Научный диалог. 2024. Т. 13, № 5. С. 215–239. doi: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-215-239
18. Жданов С.С. Пространственные образы лиминального Юго-Запада Российской империи (на материале «Путевых записок по России» М.П. Жданова) // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 3. С. 30–63. doi: 10.22455/2686-7494-2024-6-3-30-63
19. Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790–1840. СПб. : Академический проект, 2004. 271 с.
20. Булкина И. Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное : дис. … д-ра философии по русской литературе. Тарту, 2010. 213 с.
21. Жданов С.С. «Нехай же москвичи к провинциям суровы…»: образ Кременчуга в травелоге И.М. Долгорукого // Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай: матэрыялы XIV Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 85-годдзю філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Рэспубліка Беларусь, Мінск, 26 верасня 2024 г. Мінск : БДУ, 2024. С. 31–37.
22. Шарыпова В.С. Образ Киева в травелоге В.В. Измайлова «Путешествие в полуденную Россию Владимира Измайлова» // Образы Новороссии в русской культуре: между прошлым и будущим : материалы I Всерос. науч.-практ. конф. Симферополь : Издательский дом КФУ, 2025. С. 59–63.
23. Иванова Н.П. «Он был когда-то здесь...» (взаимосвязь пушкинского и крымского тестов русской поэзии XIX–XX вв.) // Русский язык в поликультурном мире : сб. науч. ст. VIII Междунар. симп. : В 2 т., Ялта, 09–13 июня 2024 года. Симферополь : Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2024. С. 13–19.
24. Иванова Н.П. Оппозиция «мечта – реальность» в крымском тексте В.Я. Брюсова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2019. Т. 5 (71), № 1. С. 60–69.
25. Курьянова В.В. Крымский текст в творчестве Л.Н. Толстого. Симферополь : Бизнес-Информ, 2015. 220 с.
26. Алексеев П.В. Крымский травелог Г.Н. Потанина: особенности структуры и идеологический контекст // Проблемы поэтики и стиховедения : материалы X Междунар. науч.-теоретич. конф. Алматы : «Ұлағат», КазНПУ им. Абая, 2024. С. 230–234.
27. Жданов С.С. Образы крымских городов в травелоге Н.С. Всеволожского // Образы Новороссии в русской культуре: между прошлым и будущим : материалы I Всерос. науч.-практ. конф. Симферополь : Издательский дом КФУ, 2025. С. 16–21.
28. Калмыкова В.В. Одесский текст русской литературы (к постановке проблемы) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2014. № 6. С. 84–96.
29. Ладохина О.Ф. К вопросу о современном «одесском тексте» // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 2. С. 84–89.
30. Ладохина О.Ф. Трикстер в одесском тексте русской литературы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2-2. С. 219–223.
31. Панов А.С. Амбивалентность образа Одессы в репрезентациях русских и американцев в первой трети XIX в. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2016. № 2 (4). С. 110–119.
32. Треблер С.М. Одесский «локальный» текст в прозе Дины Рубиной // Говор: альманах. 2022. № 9. С. 414–418.
33. Хоменко Е. Литературный миф Одессы в малоизвестных текстах XIX века // Bibliotekarz Podlaski. 2020. T. XLVIII, № 3. С. 241–254.
34. Шеховцова Т.А., Юрченко С.П. Одесский текст и одесский миф в русской прозе 1920–1930-х годов // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія «Філологія». 2020. Вип. 86. С. 35–48.
35. Измайлов В.В. Путешествие в полуденную Россию. В письмах, изданных Владимиром Измайловым. Ч. 1. М. : В университетсвкой типографии у Ридигера и Клаудия, 1800. 441 с.
36. Долгорукий И.М. Славны бубны за горами, или путешествие мое кое-куда 1810 года. М. : Университетская типография (Катков и К°), 1870. 355 с.
37. Воейков А.Ф. Екатеринослав (из записок одного русского путешественника) // Новости литературы. 1825. Кн. 13, № 9. С. 119–144.
38. Гоголь Н.В. Тарас Бульба. М. : Изд-во АН СССР, 1963. 256 с.
39. Данилевский Г.П. Собрание сочинений : В 10 т. Т. 1. М. : ТЕРРА, 1995. 496 с.
40. Лотман Ю.М. «Сады» Делиля в переводе Воейкова их место в русской литературе // Делиль Ж. Сады. Ленинград: Наука, 1987. С. 191–209.
41. Державин Г.Р. Стихотворения. Л. : Сов. писатель, 1957. 470 с.
42. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : В 17 т. Т. 6. М. : Изд-во АН СССР, 1937. 700 с.

43. Бороздна И.П. Поэтические очерки Украины, Одессы и Крыма. Письма в стихах к гр. В.П. З[авадскому] Ивана Бороздны. М. : Типография С. Селивановского, 1837. 242 с.
44. Вигель Ф.Ф. Записки Филипа Филиповича Вигеля: издание «Русского архива» (дополненное с подлинной рукописи). Ч. 6. М. : Университетская типография, 1893. 195 с.
45. Жданов С.С. Пространственные образы Западной Украины в «Письмах русского офицера» Ф. Н. Глинки // Интерэкспо ГЕО-Сибирь. XX Международный научный конгресс, 15–17 мая 2024 г., Новосибирск : сб. материалов : В 8 т. Т. 5: Международная конференция «Электронное геопространство: философско-гуманитарное и социально-правовое измерение». Новосибирск : СГУГиТ, 2024. С. 68–81. doi: 10.33764/2618-981X-2024-5-68-81

References

1. Toporov, V.N. (1984) Peterburg i "Peterburgskiy tekst russkoy literatury" [Petersburg and the "Petersburg text of Russian literature"]. In: *Semiotika goroda i gorodskoy kul'tury: Peterburg. Trudy po znakovym sistemam* [Semiotics of the City and Urban Culture: Petersburg. Works on Sign Systems]. Issue XVIII. Tartu. pp. 3–29.
2. Toporov, V.N. (2009) *Peterburgskiy tekst* [The Petersburg Text]. Moscow: Nauka.
3. Kupina, N.A. & Bitenskaya, G.V. (1994) Sverkhtekst i ego raznovidnosti [Supertext and its varieties]. In: *Chelovek – tekst – kul'tura* [Man – Text – Culture]. Ekaterinburg: AO "Poligrafist". pp. 215–222.
4. Mednis, N.E. (1999) *Venetsiya v russkoy literature* [Venice in Russian Literature]. Novosibirsk: NSU.
5. Mednis, N.E. (2003) *Sverkhteksty v russkoy literature* [Supertexts in Russian Literature]. Novosibirsk: NSPU.
6. Abashev, V.V. (2000) *Perm' kak tekst. Perm' v russkoy kul'ture i literature XX veka* [Perm as a Text. Perm in Russian Culture and Literature of the 20th Century]. Perm: Perm State University.
7. Lyusyy, A.P. (2003) *Krymskiy tekst v russkoy literature* [The Crimean Text in Russian Literature]. St. Petersburg: Aleteyya.
8. Lyusyy, A.P. (2013) *Moskovskiy tekst: Tekstologicheskaya kontseptsiya russkoy kul'tury* [The Moscow Text: A Textological Concept of Russian Culture]. Moscow: VECHE; Russkiy impuls.
9. Loshakov, A.G. (2007) *Sverkhtekst kak slovesno-kontseptual'nyy fenomen* [Supertext as a Verbal-Conceptual Phenomenon]. Arkhangelsk: Pomor University.
10. Grebneva, M.P. (2009) *Kontseptosfera florentiyskogo mifa v russkoy slovesnosti* [The Concept Sphere of the Florentine Myth in Russian Literature]. Tomsk: TSU.
11. Rudikova, N.A. (2011) *Obrazy Parizha v russkoy i frantsuzskoy literaturakh kontsa XVIII – serediny XIX vv.: dialog kul'tur* [Images of Paris in Russian and French Literature of the late 18th – mid-19th centuries: a dialogue of cultures]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
12. Lebedeva, O.B. & Yanushkevich, A.S. (2014) *Obrazy Neapolya v russkoy slovesnosti XVIII – pervoy poloviny XIX vekov* [Images of Naples in Russian Literature of the 18th – first half of the 19th centuries]. Salerno.
13. Kuryanov, S.O. (2019) *"Taynyy klyuch russkoy literatury": formirovanie i stanovlenie krymskogo teksta v russkoy literature X–XIX vekov* [The "Secret Key of Russian Literature": The Formation and Development of the Crimean Text in Russian Literature of the 10th–19th Centuries]. Moscow: INFRA-M.
14. Kuryanov, S.O. (ed.) (2023) *Sverkhtekst: genezis, struktura, semantika* [Supertext: Genesis, Structure, Semantics]. Moscow: Direkt-Media.
15. Marchukov, A.V. (2011) *Obraz Ukrainy v russkom soznanii. Nikolay Gogol' i ego vremya* [The Image of Ukraine in Russian Consciousness. Nikolai Gogol and His Time]. Moscow: Regnum.
16. Vasilyeva, T.A. (2014) *U istokov ukrainofil'stva: obraz Ukrainy v rossiyskoy slovesnosti kontsa XVIII – pervoy chetverti XIX veka* [At the Origins of Ukrainophilism: The Image of Ukraine in Russian Literature of the late 18th – first quarter of the 19th century]. PhD thesis. Tomsk.
17. Zhdanov, S.S. (2024) Reprezentatsiya prostranstva Novorossii v "Puteshestvii po vsemu Krymu i Bessarabii v 1799 godu" P.I. Sumarokova [Representation of the Space of Novorossiya in P.I. Sumarokov's "Journey through all of Crimea and Bessarabia in 1799"]. *Nauchnyy dialog*. 13 (5). pp. 215–239. doi: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-215-239
18. Zhdanov, S.S. (2024) Prostranstvennye obrazy liminal'nogo Yugo-Zapada Rossiyskoy imperii (na materiale "Putevykh zapisok po Rossii" M.P. Zhdanova) [Spatial Images of the Liminal South-West of the Russian Empire (based on M.P. Zhdanov's "Travel Notes on Russia")]. *Dva veka russkoy klassiki*. 6 (3). pp. 30–63. doi: 10.22455/2686-7494-2024-6-3-30-63
19. Shenle, A. (2004) *Podlinnost' i vymysel v avtorskom samosoznanii russkoy literatury puteshestviy. 1790–1840* [Authenticity and Fiction in the Authorial Self-Consciousness of Russian Travel Literature. 1790–1840]. St. Petersburg: Akademicheskiy proekt.
20. Bulkina, I. (2010) *Kiev v russkoy literature pervoy treti XIX veka: prostranstvo istoricheskoe i literaturnoe* [Kyiv in Russian Literature of the First Third of the 19th Century: Historical and Literary Space]. PhD thesis in Russian Literature. Tartu.
21. Zhdanov, S.S. (2024) ["Let the Muscovites be harsh to the provinces…": the image of Kremenchug in I.M. Dolgoruky's travelogue]. *Slavyanskiya litaratury ў kantekstse susvetnay* [Slavic Literatures in the Context of World Literature]. Proceedings of the 14th International Conference dedicated to the 85th anniversary of the Faculty of Philology of the Belarusian State University. Republic of Belarus, Minsk. September 26, 2024. Minsk: BSU. pp. 31–37. (In Russian).
22. Sharypova, V.S. (2025) [The Image of Kyiv in V.V. Izmailov's Travelogue "Journey to Midday Russia by Vladimir Izmailov"]. *Obrazy Novorossii v russkoy kul'ture: mezhdu proshlym i budushchim* [Images of Novorossiya in Russian Culture: Between Past and Future]. Proceedings of the 1st All-Russian Conference. Simferopol: KFU. pp. 59–63. (In Russian).
23. Ivanova, N.P. (2024) ["He was once here..." (the interrelation of the Pushkin and Crimean texts of Russian poetry of the 19th–20th centuries)]. *Russkiy yazyk v polikul'turnom mire* [The Russian Language in a Multicultural World]. Proceedings of the 8th International Symposium: In 2 vols. Yalta. June 09–13, 2024. Simferopol: V.I. Vernadsky Crimean Federal University. pp. 13–19. (In Russian).
24. Ivanova, N.P. (2019) Oppozitsiya "mechta – real'nost'" v krymskom tekste V.Ya. Bryusova [The "Dream – Reality" Opposition in V.Ya. Bryusov's Crimean Text]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*. 5 (71) (1). pp. 60–69.
25. Kurianova, V.V. (2015) *Krymskiy tekst v tvorchestve L.N. Tolstogo* [The Crimean Text in the Works of L.N. Tolstoy]. Simferopol: Biznes-Inform.
26. Alekseev, P.V. (2024) [The Crimean Travelogue of G.N. Potanin: Structural Features and Ideological Context]. *Problemy poetiki i stikhovedeniya* [Problems of Poetics and Versification]. Proceedings of the 10th International Conference. Almaty: "Ulagat", Abay KazNPU. pp. 230–234. (In Russian).
27. Zhdanov, S.S. (2025) [Images of Crimean Cities in N.S. Vsevolozhsky's Travelogue]. *Obrazy Novorossii v russkoy kul'ture: mezhdu proshlym i budushchim* [Images of Novorossiya in Russian Culture: Between Past and Future]. Proceedings of the 1st All-Russian Conference. Simferopol: KFU. pp. 16–21. (In Russian).
28. Kalmykova, V.V. (2014) Odesskiy tekst russkoy literatury (k postanovke problemy) [The Odesa Text of Russian Literature (Towards the Formulation of the Problem)]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly*. 6. pp. 84–96.
29. Lado khina, O.F. (2015) K voprosu o sovremennom "odesskom tekste" [On the Question of the Modern "Odesa Text"]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki.* 2. pp. 84–89.
30. Ladokhina, O.F. (2014) Trikster v odesskom tekste russkoy literatury [The Trickster in the Odesa Text of Russian Literature]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2-2. pp. 219–223.

31. Panov, A.S. (2016) Ambivalentnost' obraza Odessy v reprezentatsiyakh russkikh i amerikantsev v pervoy treti XIX v. [The Ambivalence of the Image of Odesa in the Representations of Russians and Americans in the First Third of the 19th Century]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie.* 2 (4). pp. 110–119.
32. Trebler, S.M. (2022) Odesskiy "lokal'nyy" tekst v proze Diny Rubinu [The Odesa "Local" Text in the Prose of Dina Rubina]. *Govor: al'manakh.* 9. pp. 414–418.
33. Khomenko, E. (2020) Literaturnyy mif Odessy v maloizvestnykh tekstakh XIX veka [The Literary Myth of Odesa in Little-Known Texts of the 19th Century]. *Bibliotekarz Podlaski*. XLVIII (3). pp. 241–254.
34. Shekhovtsova, T.A. & Yurchenko, S.P. (2020) Odesskiy tekst i odesskiy mif v russkoy proze 1920–1930-kh godov [The Odesa Text and the Odesa Myth in Russian Prose of the 1920s–1930s]. *Visnik Kharkivs'kogo natsional'nogo universitetu imeni V. N. Karazina. Seriya "Filologiya".* 86. pp. 35–48.
35. Izmaylov, V.V. (1800) *Puteshestvie v poludennuyu Rossiyu. V pis'makh, izdannykh Vladimirom Izmaylovym* [Journey to Midday Russia. In letters, published by Vladimir Izmailov]. Part 1. Moscow: V universitetskoy tipografii u Ridigera i Klaudiya.
36. Dolgorukiy, I.M. (1870) *Slavny bubny za gorami, ili puteshestvie moe koe-kuda 1810 goda* [Fame is Behind the Hills, or My Journey to Some Places in 1810]. Moscow: Universitetskaya tipografiya (Katkov i Ko).
37. Voeykov, A.F. (1825) Ekaterinoslav (iz zapisok odnogo russkogo puteshestvennika) [Ekaterinoslav (from the notes of a Russian traveler)]. *Novosti literatury.* 13 (9). pp. 119–144.
38. Gogol, N.V. (1963) *Taras Bul'ba* [Taras Bulba]. Moscow: USSR Academy of Sciences Press.
39. Danilevskiy, G.P. (1995) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. In 10 vols. Vol. 1. Moscow: TERRA.
40. Lotman, Yu.M. (1987) "Sady" Delilya v perevode Voeykova ikh mesto v russkoy literature [Delille's "Gardens" in Voeykov's translation and their place in Russian literature]. In: Delille, J. *Sady* [Gardens]. Leningrad: Nauka. pp. 191–209.
41. Derzhavin, G.R. (1957) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
42. Pushkin, A.S. (1937) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. In 17 vols. Vol. 6. Moscow: USSR Academy of Sciences Press.
43. Borozdna, I.P. (1837) *Poeticheskie ocherki Ukrainy, Odessy i Kryma. Pis'ma v stikhakh k gr. V.P. Z[avadskomu] Ivana Borozdny* [Poetic Sketches of Ukraine, Odesa and Crimea. Letters in verse to Count V.P. Z[avadsky] by Ivan Borozdna]. Moscow: Tipografiya S. Selivanovskogo.
44. Vigel, F.F. (1893) *Zapiski Filipa Filipovicha Vigelya: izdanie "Russkogo arkhiva" (dopolnennoe s podlinnoy rukopisi)* [Notes of Filipp Filippovich Vigel: publication of the "Russian Archive" (supplemented from the original manuscript)]. Part 6. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
45. Zhdanov, S.S. (2024) [Spatial Images of Western Ukraine in F.N. Glinka's "Letters of a Russian Officer"]. *Interekspo GEO-Sibir'. XX Mezhdunarodnyy nauchnyy kongress, 15–17 maya 2024 g., Novosibirsk: sb. materialov: V 8 t. T. 5: Mezhdunarodnaya konferentsiya "Elektronnoe geoprostranstvo: filosofsko-gumanitarnoe i sotsial'no-pravovoe izmerenie"* [Interexpo GEO-Siberia. 20th International Scientific Congress, May 15–17, 2024, Novosibirsk: Proceedings: In 8 vols. Vol. 5: International Conference "Electronic Geospace: Philosophical-Humanitarian and Socio-Legal Dimension"]. Novosibirsk: SSUGT. pp. 68–81. doi: 10.33764/2618-981X-2024-5-68-81

Информация об авторах:
Жданов С.С. – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник языкового центра «Лингва» Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия); зав. кафедрой языковой подготовки и межкультурных коммуникаций Сибирского государственного университета геосистем и технологий (Новосибирск, Россия). E-mail: fstud2008@yandex.ru
Ильницкая А.А. – лаборант-исследователь языкового центра «Лингва» Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия); преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия). E-mail: ilnitskaya.alina@mail.ru
Курьянов С.О. – д-р филол. наук, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия). E-mail: so_k@inbox.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
S.S. Zhdanov, Dr. Sci. (Philology), leading research fellow, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation); head of the Department of Language Training and Intercultural Communications, Siberian State University of Geosystems and Technologies (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: fstud2008@yandex.ru
A.A. Ilnitskaya, lab assistant, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation); lecturer, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: ilnitskaya.alina@mail.ru
S.O. Kuryanov, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Russian and Foreign Literature, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: so_k@inbox.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.06.2025;
одобрена после рецензирования 04.09.2025; принята к публикации 10.10.2025.

The article was submitted 01.06.2025;
approved after reviewing 04.09.2025; accepted for publication 10.10.2025.

Научная статья
УДК 82-94 (571.1/.5)
doi: 10.17223/15617793/519/4

Авторский корпус и жанровые разновидности путевых дневников в сибирской литературе первой половины XIX в.

Кристина Антоновна Михайленко[1]

[1] *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, Mikhaylenko_ka@mail.ru*

Аннотация. Исследуются путевые дневники первой половины XIX в. о Сибири в социологическом аспекте с опорой на теорию габитуса Пьера Бурдье. Внимание уделяется корпусу авторов дневниковой прозы как агентов литературного поля, рассматривается ее жанровая специфика. Освещается роль путевых дневников ученых, чиновников, писателей в формировании как их символического капитала, так и социокультурного ландшафта Сибири. Классификация путевых записок Н.П. Матхановой дополняется за счет использования социологического подхода, раскрывающего связь между социальными позициями агентов и содержанием их записей.
Ключевые слова: путевые дневники, социология литературы, Сибирь, жанр, габитус, диспозиции

Для цитирования: Михайленко К.А. Авторский корпус и жанровые разновидности путевых дневников в сибирской литературе первой половины XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 519. С. 32–39. doi: 10.17223/15617793/519/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/519/4

Author's corpus and genre varieties of travel diaries in Siberian literature of the first half of the 19th century

Kristina A. Mikhaylenko[1]

[1] *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, Mikhaylenko_ka@mail.ru*

Abstract. The article studies travel diaries about Siberia from the first half of the 19th century through the lens of the sociology of literature, particularly drawing on Pierre Bourdieu's theory of habitus. The author aims to systematize these texts by identifying the interrelationship between the social positions of their creators—scientists, officials, and writers—and their narrative strategies. Special attention is paid to the role of diaries in shaping both the symbolic capital of the authors and the sociocultural landscape of Siberia. The relevance of this work stems from the need to reconsider the position of memoir and diary prose in Siberian literature, where it often finds itself on the periphery. Despite an extensive body of research devoted to documentary genres, the generic nature of Siberian travel diaries, their place in the literary field, and their influence on the regional literary process have not been studied systematically enough. The article raises the issue of the marginalization of these texts and their generic ambiguity. The author draws upon the classification of travel notes by N.P. Matkhanova, supplementing it with a sociological criterion that takes into account the habitus of the authors—their education, status, and profession. The research material consisted of approximately 100 texts of travel diaries. Applying Bourdieu's theory to Siberian memoir and diary prose allows for revealing the connection between the authors' social roles and the peculiarities of their texts. The author supplements Matkhanova's existing classification by employing a sociological approach, which helps to systematize the diaries not only according to genre but also according to social criteria. Particular attention is paid to the role of travel diaries in the accumulation of symbolic capital. The main conclusions of the study testify to the genre diversity of travel diaries, which are conditionally divided into scientific reports, official memoranda, fictionalized texts, and layperson's notes. However, the boundaries between these varieties are often blurred due to the syncretic nature of diaries. Scientists, such as Spassky and Bunge, emphasized the research character of their notes, contributing to the popularization of knowledge about Siberia. Officials, including Speransky and Korsakov, recorded administrative and ethnographic details, reflecting their official duties. Writers, for example Shchukin and Avdeeva, combined documentarity with artistry, creating texts that can be classified as fictionalized notes. The author emphasizes that diaries not only recorded reality but also reflected the social trajectories of their creators. For instance, the Decembrists, finding themselves in Siberia, transformed their economic and social capital into symbolic capital, using memoirs and diaries as a tool for self-identification. Siberia in this context emerges as a space of cultural transfer, where the interaction between local residents and newcomers (exiles, travelers, scientists) facilitated the exchange of symbolic capitals and the formation of a regional identity.
Keywords: travel diaries, sociology of literature, Siberia, genre, habitus, dispositions

***For citation*:** Mikhaylenko, K.A. (2025) Author's corpus and genre varieties of travel diaries in Siberian literature of the first half of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 519. pp. 32–39. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/519/4

© Михайленко К.А., 2025

Первая половина XIX в. характеризуется активным изучением Сибири, что довольно часто отражалось в мемуарно-дневниковых текстах (личные дневники, воспоминания, деловые отчеты, путевые записки), где формировались разные модели репрезентации сибирского социокультурного ландшафта, связанные с интенцией агентов (путешествие, ссылка, экспедиция, деловая поездка), действующих в границах определенного «времяпространства».

Актуализировавшееся еще в XX в. направление в литературоведении, связанное с изучением документальных жанров, в настоящее время не только не утратило своей силы, но и получило новый виток развития, что в том числе связано с обращением исследователей к автодокументальным формам, которые традиционно занимали периферийные позиции в литературном каноне. В этом смысле мемуарно-дневниковая проза о Сибири представляет собой уникальный, самобытный материал, изучение которого видится наиболее продуктивным в междисциплинарном аспекте: на пересечении литературоведения и социологии литературы.

Актуальность работы обусловлена также необходимостью переосмыслить положение мемуарно-дневниковой прозы в сибирской литературе, где она нередко «маргинализируется». При этом важно учитывать следующее: если при изучении фикциональных произведений вполне возможно использование только имманентного анализа, то в отношении источников мемуарного характера, где происходит диффузия документального и художественного, обращение к контексту их создания, к фигуре автора как агенту, обладающему уникальным габитусом, продуктивно и необходимо. Однако жанровая природа мемуарно-дневниковых текстов о Сибири, их место в поле литературы, влияние на региональный литературный процесс, роль в формировании символического капитала их авторов не изучены в системной взаимосвязи. В связи с этим целью исследования является систематизация текстов путевых дневников о Сибири первой половины XIX в. с опорой на теорию социальных полей Пьера Бурдье и некоторые положения социологии литературы Л.Д. Гудкова, Б.В. Дубина, а также выявление корреляции между социальной позицией авторов (ученые, государственные служащие, писатели) и их нарративными стратегиями.

Характеризуя корпус путевых дневников о Сибири, мы руководствуемся классификацией, предложенной Н.П. Матхановой, в которую встраиваем социологический подход, позволяющий показать авторов дневников как агентов социального поля, не обладающих профессиональным писательским габитусом. Письменная практика, отражающая изменения на уровне диспозиций, в данном случае есть ответ авторов на пересечение не только пространства физического, но и социального (смена страты), на изменение положения относительно привычного габитуса: офицеры, чиновники, ученые оказываются в новой для себя роли (путешественника, временного жителя Сибири) в разнородном социальном пространстве на территории неизведанной Сибири.

Степень изученности темы можно рассматривать с нескольких исследовательских позиций: соотношения документального и художественного в мемуарно-дневниковой прозе (Л.Я. Гинзбург, Ю.В. Манна, И.О. Шайтанова, А.Г. Тартаковского); роли документалистики в истории сибирской литературы (М.К. Азадовский, Е.И. Дергачева-Скоп, Н.Н. Покровский. Ю.С. Постнов, Е.К. Ромодановская, В.П. Трушкин, В.Г. Одиноков, Л.П. Якимова, Б.А. Чмыхало, Ю.В. Шатин, К.В. Анисимов, А.А. Григорьев, И.А. Щукин, С.В. Мельникова, Н.П. Матханова); формирования образа Сибири в русской литературе XIX в. (В.И. Тюпа, К.В. Анисимов, А.В. Юдельсон, В.А. Ламин, М.В. Шиловский, Н.Н. Родигина, А.Ю. Горбенко); влияния документальных жанров на социокультурный ландшафт Сибири (И.А. Айзикова).

Но, несмотря на обширный корпус проведенных исследований, проблемным остается традиционный вопрос, являются ли мемуарно-дневниковые тексты литературой, который, как нам представляется, вполне логично снимается в дискурсе социологии литературы, где литература, рассматриваемая как часть культурного института, выступает носителем важнейших социально значимых функций: ретрансляции социальных изменений, формирования общественного мнения и идеалов, а также сохранения культурных традиций. Литература в этом смысле позволяет «поддерживать культурную идентичность общества» [1. С. 13], способствует формированию *социокультурного ландшафта*, под которым в рамках исследования мы понимаем «территориальную систему, состоящую из природных и антропогенных компонентов и комплексов, развивающихся во взаимосвязи, это продукт взаимоотношений физической реальности, социальных практик и рефлексий, отраженных в текстах» [2. С. 147].

Вместе с тем так называемая «литература с главенствующим документальным началом» [3], репродуцирующая действительность, ставящая в центр нарратива не вымышленную, а реальную реальность – факт, безусловно, отличается литературной обработанностью факта, определяемой индивидуально-авторскими габитусом и диспозициями. В исследовании под габитусом понимается система диспозиций (установок, паттернов мышления и действий), усвоенная агентом в процессе социализации, некий отпечаток социального, определяющий не только образ мыслей и порядок действий, при этом диспозиции – это предрасположенности, склонности, которые ситуативно порождают практики. Именно диспозиции задают те самые рамки, в которых действует агент поля литературы.

Именно габитус детерминирует индивидуально-авторскую позицию, с которой воспринимаются и репрезентируются факты в дневниковой прозе, в том числе в сибирской[1], авторами которой чаще всего являлись люди, далекие от профессионального литературного творчества. Фактический материал, собранный ими лично и определяющий «документальное начало» их дневниковой прозы, формируется различными источниками – «официальные документы, свидетельства, воспоминания автора, записи устных рассказов и т.д.» [4. С. 193].

Субъективное начало нарратива выступает точкой «отсчета» и «центром упорядочивания реальности» [1. С. 41], организующим саму «архитектуру» документального источника (например, подневные записи в путевых дневниках), являясь в то же время индикатором социальных сдвигов. В литературном поле мемуарно-дневниковая проза становится площадкой фиксации и осмысления ценностно-нормативной эрозии, происходящей в обществе. В этом смысле поле литературы, в частности документальные жанры, резонирует с полем власти. Наиболее ярко это прослеживается в мемуарно-дневниковой прозе политических ссыльных, где тема власти сама по себе – смыслообразующая: «*Я сознавался внутренне, что гораздо бы лучше было, если бы само правительство взяло инициативу и шло вперед, не задерживая, а поощряя успехи просвещения и гражданственности. Тогда бы я первый стал под хоругвь самодержавия*» [5. С. 13], – пишет Н.В. Басаргин в своих полных глубокой рефлексии относительно организации государственной власти в России записках, которые, в свою очередь, являются выразительным примером социальной власти, влияния на сознание, мироощущение окружающего социума или, по крайней мере, его отдельных групп [6].

Если рассматривать мемуарно-дневниковую прозу как автофикшен, то это в некотором смысле репрезентация кольцевой авторской рецепции, основанной на системе представления индивида о себе. Память здесь – это связующее звено между разными видами эго-текстов, в том числе мемуарами и дневниками, она не только сохраняет прожитый опыт, но и отражает индивидуально-авторские диспозиции. При этом документальная проза как часть литературы демонстрирует культурность форм репрезентации действительности – «модусом ее существования является бытие автономной личности, удерживающей в акте сознания и творчества историческую память общества» [1. С. 56].

Специфика путевых дневников, в отличие от дневников сугубо личных, интимных, видится в авторской интенции быть услышанным: «…иногда дневник ведется по совету кого-то из близкого окружения автора или с целью поделиться впоследствии впечатлениями от пережитого, от путешествия, быть может, принести пользу тому, кто когда-нибудь прочтет эти записи» [7. С. 74]: «*Желал бы я, чтоб предлагаемые мною опыты путешествий по Сибири* ***привлекли внимание соотечественников*** *и послужили бы* ***поводом к точнейшим розысканиям законов и богатства Природы*** *в сей стране по местоположению своему отдаленной; но по многим отношениям близкой к сердцу всякого Русского*»[2] [8. С. 4], – читаем в дневнике историка, сибиреведа Григория Ивановича Спасского. Привлечь внимание, инициировать дальнейшие исследования, сподвигнуть к открытию Сибири – лишь часть проявленной авторской интенции. В дневниках достаточно явно высвечивается бытие самого автора, субъективность его восприятия реальности, обусловленного текущими диспозициями: «*Нигде путешественник, хотя объехал бы он горы Аппенинские, взбирался на ледяные высоты Швейцарии; или бы прошел топкости Бельгии и ужасные утесы Шотландии и Скандинавии – нигде не увидит он тех редких предметов в новости как в Сибири: ибо в чуждых оных землях касался уже и взор и рука до всего сущего от времен давних, а здесь юная Натура во всей целости своей и совершенстве. <…> О! как величественна в Сибири природа …*» [8. С. 4–5], – так через социальную позицию нарратора-ученого выявляется подход к описанию действительности. Сибирь в этом случае выступает как объект этнографического анализа. Однако в это же время наблюдаем эмоциональное восприятие пространства («*юная Натура*», «*величественна*»), свидетельствующее о пристрастном отношении к региону, где на первом плане – ценностная картина мира автора, выраженная в интенции показать красоту и величие сибирского края.

Н.П. Матханова выделяет путевые записки как одну из разновидностей мемуарной прозы, включающей воспоминания и дневники [9. С. 77], разделяя записки на несколько видов в соответствии с описываемым объектом и авторской интенцией. Так, исследовательница обозначает *записки «в чистом виде»* с обывательским описанием природы, быта и нравов; *научные и деловые отчеты*, носящие исследовательский характер, принадлежащие ученым, профессиональным исследователям; *беллетризованные / публицистические записки*, включающие элементы художественного, отражающие не только наблюдаемые объекты, но индивидуально-авторское мировидение; *путеводители с описанием пути*, достопримечательностей, цен и других сведений, вызывающих интерес у туриста. Несмотря на то, что подобное разделение видится весьма условным, учитывая синкретическую природу мемуарных-дневниковых текстов, оно вполне продуктивно для корпуса сибирских путевых дневников – в действительности достаточно сложно отнести тот или иной источник к запискам «в чистом виде». Как правило, в подобных текстах можно наблюдать совершенно разные описываемые объекты (природа, быт, обычаи, города, персоналии) и доминирующую авторскую модальность. Кроме того, фикциональный элемент так или иначе фиксируется в различного вида источниках. Что касается дифференциации Матхановой корпуса текстов на дневники и записки, то в этом отношении мы все-таки придерживаемся позиции, что исследуемые источники являются именно путевыми дневниками, что отражается в их индивидуально-авторской природе, дискретности, ретрансляции личного опыта, синхронности записей текущему для автора времени.

В контексте нашего исследования релевантным, как было указано выше, видится подход, связанный с обращением к автору как агенту поля литературы, в котором реализуется не только некая интенция, но манифестируются его ценности («самоценности авторской субъективности» [1. С. 55]), установки (габитус), через которые пропускается рецепция особого топоса – Сибири. Попадая в новое, чужое, пространство в разное время и по разным причинам, разные агенты оказываются в схожей *позиции* открывателя неизведанных земель: «*Посвящая благосклонной публике мой труд, под заглавием Путевых Заметок и Впечатлений: по Западной Сибири, Восточной России, Московской и Тверской губерниям, с которыми местами я имел в виду короче познакомить читателей: из них одни могут припомнить и поверить мои очерки с известными им уже*

предметами, другие не странствующие, подобно мне, могут ***усвоить мой взгляд*** *<…> при обозрении больших городов, стараясь по возможности доставить занимательность моему рассказу, я имел в виду: не только любопытные, но вместе и необходимые, для путешествующего, предметы*», – пишет Иосиф Федорович Белов в своих «Путевых заметках и впечатлениях по Западной Сибири» [10. С. 5–6].

При этом индивидуально-авторская рецепция, отражающая «индивидуальную манеру пересечения социального пространства, выражающую диспозиции некоторого габитуса» [11. С. 438], в то же время имеет схожие черты. Так, источники мемуарного характера являются следствием изменений в социальной, в том числе интрагенерационной, траектории их авторов. Например, декабристы перемещаются из привилегированной дворянской позиции в ссыльнокаторжную, что приводит к трансформации их капитала из экономического и социального в символический. Сформированный в социальном пространстве образ несчастных, мучеников, сакрализованный в воспоминаниях местных жителях, способствует формированию устойчивых представлений о политических ссыльных, декабристского мифа. В этом смысле написание агентами мемуаров, дневников, путевых записок – это своего рода долгосрочные инвестиции в создание своего символического капитала, что, скорее всего, не было сознательным «вложением» среди авторов текстов в момент их создания.

Для формирования корпуса сибирских путевых дневников использовались библиографический указатель «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях» под редакцией П.А. Зайончковского (1801–1856 гг.) [12], монография Н.П. Матхановой «Сибирская мемуаристика XIX века» [9] и аннотированный указатель «Русский травелог XVIII – начала XX веков» под редакцией Т.И. Печерской [13]. Выявлено 100 изданий путевых дневников, посвященных Сибири. Важно отметить, что значительная часть их авторов – представители русской интеллигенции, обладающие обширным образованием, сочетающие, как правило, несколько социальных ролей: чиновник, ученый, писатель, просветитель и т.д., в связи с чем в анализе мы учитывали социальное положение автора, соответствующее времени создания дневника.

Так, рассматривая корпус путевых дневников, мы выделили следующие основные категории агентов: писатели, госслужащие, офицеры, ученые, отдельно рассмотрены дневники местных жителей, в том числе купцов.

Наибольшую долю в корпусе сибирских путевых дневников занимают научные дневники, соответствующие в классификации Н.П. Матхановой «*научным и деловым отчетам*», созданным профессиональными учеными*:* «О забайкальских бурятах» *О.М. Ковалевского*, «Новейшие ученые и живописные путешествия по Сибири, изданные Григорием Спасским, Императорской Санкт-Петербургско академии наук корреспондентом и разных ученых обществ членом» и «Письма из Сибири» *Г.И. Спасского*, «Отрывки из путешествия к Ледовитому морю для отыскания мамонта» *М.Ф. Адамса*, «Путешествие доктора Бунге по восточной части Алтая в 1826 году» *А.А. Бунге*, «Путешествия коллежского регистратора Геденштрома к Ледовитому морю и к землям, открытым на оном от устья реки Лены к Востоку (1808–1810)» *М.М. Геденштрома*, «Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849)» *М.А. Кастрена*, «Извлечение из дневниковых записок, содержащих в себе сведения и наблюдения, собранные в болотных пустынях северовосточной Сибири» *А.-Э. Кибера*, «Путевые записки адмирала Ф.П. Врангеля» *Ф.П. Врангеля*, «Путешествие в Восточный Алтай» *П.А. Чихачева*, «Извлечение из описания экспедиции, бывшей в Киргизскую степь в 1816 г.» *И.П. Шангина*, «Геологическое путешествие по Алтаю. С историческими и статистическими сведениями о Колывано-Воскресенскнх заводах» *Г.Е. Щуровского*, «Рассказы о сибирских золотых приисках» *П.И. Небольсина.*

Печатались перечисленные дневники в основном в краеведческом журнале Г.И. Спасского – «Сибирский Вестник» (позже переименованном в «Азиатский Вестник»), в «Записках Сибирского отдела Императорского Русского географического общества», «Вестнике Русского географического общества», «Записках Русского географического общества». Некоторые дневники выходили отдельными изданиями (например, «Новейшие ученые и живописные путешествия по Сибири…» Г.И. Спасского, «Путешествие доктора Бунге по восточной части Алтая в 1826 году» А.А. Бунге).

Основной круг тем путевых дневников ученых включает в себя быт, нравы, обрядовую культуру инородцев (бурят, эвенков, ненцев, хантов и др.), исторические, статистические, экономические, демографические сведения о крае, описание рудников, растительного и животного мира, климата.

Авторская интенция в научных дневниках напрямую связана с социальной ролью нарраторов: с одной стороны, это исследование явлений материального мира с целью открытия дикого края и популяризации сведений о нем, с другой – это накапливание символического капитала региона через введение в научный оборот нового знания о Сибири, в том числе посредством публикаций о ней в специализированных журналах.

Следующую группу текстов, близких к деловым отчетам, составляют дневники государственных служащих, чиновников, оказавшихся в Сибири по долгу службы: «Дневник графа М.М. Сперанского» *М.М. Сперанского*, «Жизнь и описание путешествия казака Назимова из Восточной Сибири, с границ Китайской империи, в Санкт-Петербург пешком» и «Поездка к минеральным ключам, находящимся в Нижнеудинском уезде Иркутской губернии» *В.И. Беккера*, «Сибирские письма. Письмо первое: (Проезд с Учурской ярмонки до Удского острога. Удский острог. Население его. Несколько слов о торговле края)» и «Поездка из Якутска на Учурскую ярмарку: (Письмо к редактору)» *Н.Д. Свербеева*, «Мое путешествие на край ночи и к границам Китая: Отрывок из воспоминаний» *А.Х. Бенкендорфа*, «Замечания о Сибири сенатора Корнилова» *А.М. Корнилова*, «Путевые заметки от Москвы до Иркутска: Дневник», «Дневные заметки:

(Пребывание в Иркутске и путешествие в Охотск. 13 марта – 24 апреля 1849 г.)», «Путевые заметки: (От Якутска до Охотска и пребывание в Охотске. 25 апреля – 31 мая 1849 г.)» *М.С. Корсакова*.

Путевые дневники государственных служащих публиковались в общественно-политическом журнале «Сын отечества» (в котором, как известно, до 1825 г. печатались декабристы), в «Записках Сибирского отдела Императорского Русского географического общества», «Вестнике Русского географического общества», «Отечественных записках», однако были выявлены источники, сохранившиеся в виде автографа (например, дневник М.С. Корсакова).

Дневники чиновников содержат сведения о государственных учреждениях, ведении торговли, встречах авторов с местными чиновниками, ценах на продукцию (например, дневник М.М. Сперанского). Кроме того, в источниках описываются коренные народы, проживающие на территории Сибири, их быт, нравы, обычаи (напр., дневники Н.Д. Свербеева). Дневники также включают описание облика сибирских городов, образа жизни сибиряков, исторические, статистические и этнографические сведения о крае. Среди источников есть и такие, которые посвящены декабристам и местной интеллигенции (например, дневник М.С. Корсакова).

Дневники госслужащих, отражающие индивидуально-авторские установки, обусловленные габитусом агентов (уровнем образования, статусом, профессиональными обязанностями, ценностями и др.) и их текущими диспозициями (цели деятельности, позиция, политические взгляды), эксплицированными в образе действий в конкретном хронотопе и реакциях на стимулы, позволяют воссоздать не только картину административной системы первой половины XIX в., но и культурной среды, социально-экономических процессов. Указанные источники, отражающие региональную специфику, важны для понимания динамики взаимоотношений центра и периферии, процесса освоения Сибири.

Путевые дневники представителей армии и флота Российской империи так же по большей части тяготеют к форме отчетов, содержащих различные географические сведения: «Путевые заметки и впечатления по Западной Сибири» *И. Белова*, «На реке Амуре в 1854–1855 гг. Воспоминания офицера из отряда Н.Н. Муравьева» *А.Е. Баранова*, «Остров Сахалин и экспедиция 1853–1854 гг. Дневник 25 авг. 1853 г. – 19 мая 1854 г.» *Н.В. Буссе*, «Путевые записки адмирала Ф.П. Врангеля» *Ф.П. Врангеля*, «Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним» *Г.И. Давыдова*, «Впечатления моряка во время двух путешествий кругом света» *В.С. Завойко*, «Заметки жителя того света. Поездка на тот свет. Путь в Охотск. Исторический журнал брига „Охотск“» *Л.А. Загоскина*, «Посещение главного бурятского храма на Гусиных озерах. Второй отрывок из дневника ген.-лейт. бар. Зедделера» *Л.И. Зедделера*, Амурская экспедиция 1854 года: (Рассказ очевидца)» *А.С. Сгибнева*.

В этой части корпуса наблюдается множество самостоятельных моноизданий («Путевые заметки и впечатления по Западной Сибири» И. Белова, «Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним» Г.И. Давыдова), из периодики следует назвать историко-литературные журналы «Русская старина» и «Исторический вестник», где публиковалась мемуарно-дневниковая проза, учено-литературный журнал «Москвитянин», «Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества»

Тексты этой группы авторов включают описание внешнего вида городов, обычаев и верований, языка и быта коренных народов (заметки о татарах, киргизах, калмыках, башкирах, быт и нравы нивхов, бурят). Если дневники государственных деятелей в основном затрагивали Восточную и Западную Сибирь, то здесь описываются Дальний Восток, Сахалин, Камчатка, Якутск – отдаленные территории, что было связано со спецификой (целью) физического пересечения авторами пространства – экспедиции, движение к месту службы, в том числе плавание (сплавы). Среди агентов встречаются и морские офицеры, объектами их описания становятся водоемы. Кроме того, встречаются отголоски темы каторги и ссылки, например, в дневнике А.С. Сгибнева фиксируются сведения о ссыльнокаторжных, в том числе петрашевцах.

Перечисленные тексты создавались государственными служащими, выполняющими специальные поручения или участвующими в экспедициях. Это определяет специфику габитуса и текущих диспозиций, влияющих на содержание документов: подробное описание маршрутов, оценка состояния инфраструктуры, природные и культурные особенности посещаемых мест, контакты с местным населением и административное устройство.

Если путевые дневники чиновников и офицеров, перемещающихся из центра в отдаленные земли, представляют собой в основном научные заметки, в том числе официальные отчеты, то *записки* «*в чистом виде*», как правило, принадлежащие местным жителям, содержащие то же описание природы, быта и нравов инородцев, но без интенции внести научный вклад или выполнить служебное задание, местами представляют собой комментарии наблюдаемого *изнутри*, отчего не менее любопытны, чем деловые отчеты, сфокусированные на рецепции сибирского края *извне.* Назовем «Путевой журнал купца Михаила Барамыгина, во время поездки из Нижнеколымска в Анюйскую крепость в 1855 году» *М.Н. Барамыгина*, «Из прошлого Сибири. Мученики и мучители» *П.Т. Баснина*, «Из дореформенной Сибири» *Н.Ф. Борисовского*, «Переезды с Александром Гумбольтом по Сибири» *Д. Ермолова*, «Письма из Сибири», «Письма из Сибири 1826 года» *П.А. Словцова*.

Публиковались такие записки в историко-литературных журналах «Исторический вестник» и «Русский архив», в журнале «Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества», в энциклопедическом журнале Н.А. Полевого «Московский телеграф», «Азиатском вестнике» Г.И. Спасского.

Круг тем этих публикаций включает описание быта и нравов коренных народов, портреты сибирских купцов, интеллигенции, чиновничества, ссыльнопоселенцев, сибирской администрации. Освещается явление миссионерства в Сибири.

В силу своей синкретичности некоторые дневники находятся на границе жанров, например, дневник Г.Н. Потанина «Полгода в Алтае: (Май – октябрь 1856 г.)» по своему содержанию тяготеет к путевому (а местами и бытовому) очерку, в который искусно вплетаются исторические сведения о крае. Повествование сконцентрировано на жизни героя-нарратора в станице Чарышской Томской губернии, описание быта местного населения ведется с позиции активного участника событий, заготовителя кедровых орехов, охотника, рыболова.

В этом смысле дневник Потанина видится переходным между записками «в чистом виде» и *беллетризованными / публицистическими записками*, которые явно выделяются на фоне научных дневников, официальных отчетов. Авторство беллетризованных дневников чаще всего принадлежит писателям, агентам поля литературы, наиболее близких к его ядру. В связи с этим произведения из этой части корпуса весьма синкретичны, дневниковый характер здесь фрагментарен и часто условен: «Поездка в Кяхту» *Е.А. Авдеевой*, «Воздушный тарантас (путевые заметки по Восточной Сибири)» *М.А. Александрова*, «Две поездки» *Н.К. Баженова*, «Письма о Восточной Сибири» *А.И. Мартоса*, «Поездка в Забайкальский край» *В.П. Паршина*, «Воспоминания. Отъезд в Камчатку» *Л.И. Рикорд*, «Очерки Сибири», «Поездка в Якутск», «Поездка на остров Ольхан», «Поездка на Туранские горячие воды» *Н.С. Щукина*, «Записки первого золотоискателя в окрестностях Иркутска» *С.С. Щукина*. Среди авторов как временные жители Сибири, так и представители местного населения – В.П. Паршин, Н.С. Щукин, С.С. Щукин, которые через документальную прозу прямым образом влияли на становление сибирской литературы. Кроме того, в этой группе сочинений находятся и женские эго-тексты (Е.А. Авдеевой, Л.И. Рикорд), которые имеют свою специфику, в том числе в силу большей эмоциональности героини-нарратора, что выражается в стиле письма, деталях, бытовых эпизодах.

Публиковались такого рода записки как отдельными изданиями, так и в периодике: официальный орган военно-морского ведомства «Морской сборник», «Сын отечества», «Журнал министерства внутренних дел», «Отечественные записки», исторический журнал «Русская старина».

Совмещая документальность с фикциональностью, авторы беллетризованных дневников также обращались к традиционным для корпуса сибирской мемуарно-дневниковой прозы темам: сибирских городов, коренных народов, природе, истории края, преломляя их через индивидуально-авторский габитус.

При исследовании корпуса путевых дневников были выявлены неатрибутированные тексты («Переезд через Барабинскую степь», «Шаманский порог на реке Ангаре: (Из записок путешественника»).

Публиковались неатрибутированные источники в литературно-историческом «Журнале для чтения воспитанникам военно-учебных заведений», в «Библиотеке для чтения».

В текстах подробно рассматриваются сибирские реки, образ жизни беглых поселенцев, промыслы в Сибири, жизненный уклад сибирских чиновников, купцов, приказчиков, мещан, крестьян, казаков.

При первом приближении мы стремились показать разнородность формируемого посредством мемуарно-дневниковой прозы поля литературы, взглянув на него через призму социальных ролей их авторов. Это принципиально значимо в контексте нашей работы, в которой мы исследуем движение агентов сибирского поля литературы в двух различных модусах: «первый – движение навстречу Сибири как позитивное действие, активность, предопределенная волей и желанием самого человека», добровольно осуществляющего пересечение физического и социального пространств, что актуализирует «мотив преобразования, в контексте которого человек ощущает себя воином, первопроходцем, естествоиспытателем, просветителем» (путевые дневники) и «противоположный модус – это движение вынужденное, его версии: каторга, этап, ссылка, переселение» [14. С. 65] (мемуары ссыльных), как следствие, образ Сибири – пространства «лиминальной смерти», который со временем трансформируется в «сакральное место прозрения божественных истин и заповедей» [15. С. 108].

Если рассматривать поле литературы как пространство реализации чистого искусства (искусства для искусства), то мемуарно-дневниковая проза не только не попадает в него, но даже не рассматривается с этой позиции, однако при подходе с точке зрения социологии литературы к установлению границ литературного поля, при котором имеются в виду любые проявления фикционального, воспоминания и дневники не элиминируются из литературного пространства, а становятся неотъемлемыми элементами структуры.

Взрывной рост количества публикуемых текстов мемуарно-дневникового жанра в периодической прессе, сборниках и отдельных моноизданиях на всем протяжении XIX в. способствует размытию границ поля сибирской литературы, отличающегося «слабой кодификацией» [11. С. 383]. Кроме того, сам вход в поле культуры возможен и без наличия значительного символического капитала. Попытка агента (автора) воспроизвести фрагменты действительности, сопряженная с художественным ее осмыслением, не только обусловлена авторской интенцией, но и репрезентацией автора-творца, отражающей оригинальное мировидение агента. В этом смысле автор не обязательно должен быть признанным писателем и обладать культурным багажом. Вспомним, например, мемуары сибирских авторов (непрофессиональных писателей) о декабристах, среди этих сочинений присутствуют совершенно любительские повествования, что не лишает упомянутые тексты их документальной и в некоторых случаях даже эстетической значимости.

При этом поле организуется как «**сеть** объективных отношений (господства или подчинения, взаимодополнительности или антагонизма и т.д.) между позициями» [11. С. 391]. В этом смысле актуализируется вопрос о позиции мемуарно-дневниковой прозы (в аспекте ее жанровой принадлежности) внутри поля литературы в целом, и о позиции путевых дневников среди мемуарно-дневниковых текстов в частности.

Авторы мемуарно-дневниковой прозы, репрезентующие Сибирь посредством ретрансляции усвоенных, вспоминаемых фрагментов действительности, связанных с реально существующими исторически значимыми личностями (например, декабристами или петрашевцами), обладают властью «освящения»: например, в воспоминаниях сибирских авторов о декабристах образы последних, будучи объектом и результатом индивидуально-авторского восприятия, «освященные», «канонизированные» автором, «освящают» своим присутствием пространство, место своего пребывания в Сибири.

Именно в пространстве, в данном случае – сибирском, происходит интеракция, способствующая миграции своеобразного символического капитала – от местного населения к «чужим», приезжим, и наоборот. Так, рассказы, легенды, народное мифотворчество сибиряков интегрируются в воспоминания ссыльных, ценностно обогащая создаваемые ими тексты, с другой стороны, сибиряки – реципиенты того культурного капитала, которым обладают временные жители Сибири. В этом смысле последняя видится пространством культурного трансфера[3], в котором происходит взаимодействие различных габитусов, инициирующее диффузию между различного рода символическими капиталами. Более того, каждая из сторон такого взаимодействия, принимая на себя некий изначально *чужой* набор диспозиций и интерпретируя его в контексте *своего* габитуса, нарабатывает себе свой символический капитал.

Так, ссыльные, путешественники, государственные служащие усваивают ранее неизвестные нормы, обычаи, традиции, мышление сибирских жителей, в том числе инородцев, что впоследствии объективируется в материальных носителях информации – изданиях различных видов (моноиздания, сборники, дайджесты), и жанров (воспоминания, дневники, путевые записки, письма и т. д.). В свою очередь такой символический капитал позволяет им идентифицировать себя как членов определенной социальной группы «сибиряков» – ссыльных, декабристов, путешественников, первооткрывателей Сибири. Агенты могут находиться дистантно друг от друга с точки зрения времени и пространства, однако их всегда сближает репрезентация коллективного социального капитала.

Кроме того, временные жители, свободные от экономической деятельности, а значит, от накопления этого вида капитала, «инвестируют» свой символический капитал, созданный до прибытия в Сибирь, в местное социальное поле, в частности литературное, что прослеживается, например, в продуцировании местными жителями оригинальных произведений мемуарно-дневниковой прозы (мемуары сибирских авторов о декабристах, путевые дневники и записки сибиряков). Рожденные в Сибири ученые, писатели также не раз в своей жизни пересекают границы Сибири и центральной России (например, Потанин, Ядринцев, Наумов и др.), по-своему накапливая свой символический капитал, формируя свой образ писателя, ученого, общественного деятеля, мыслителя, реформатора и т.д.

Таким образом, в XIX в. дневники являлись релевантной формой самоидентификации личности, ретрансляции ценностных авторских установок, формирования культурного, социального, а в перспективе и символического капиталов. Дифференцируемые в соответствии с авторским габитусом и интенцией, источники мемуарного характера, инкорпорированные в поле литературы, способствовали интериоризации авторского опыта, самовыражения и самопознания.

При этом дневники буквально манифестировали общественное положение их авторов, способствуя легитимации их статуса: ссыльные, ученые, писатели, государственные служащие, которые посредством документального фиксирования опыта получали возможность стать частью социального, а в дальнейшем и литературного поля. Кроме того, научные дневники, фиксирующие значимые факты реальной действительности, открытия, ускоряли процесс нарабатывания символического капитала их авторов за счет признания профессиональным сообществам легитимности задокументированных данных.

Итак, сибирскую мемуарно-дневниковую прозу в первой половине XIX в. следует рассматривать не только как некую рефлексивную практику, но и как интрагенерационную траекторию в контексте авторского бытия, способствующую накоплению символического капитала. В этом смысле именно габитусы агентов и пространство как «освящающий» топос становятся базовыми установками в классификации мемуарно-дневниковой прозы Сибири.

Примечания

[1] Включение текстов путевых дневников в корпус сибирской мемуарно-дневниковой прозы продиктовано двумя основными факторами: «личный опыт пребывания автора в Сибири и наличие сибирских реалий в его произведении» [9. С. 38], в чем мы полностью разделяем исследовательскую позицию Н.П. Матхановой.

[2] Авторские орфография и пунктуация сохранены.

[3] Используется термин французских культурологов М. Вернера и М. Эспаня. Только особенность в данном случае в том, что этот обмен осуществляется внутри единого государства. Это лишний раз доказывает самобытность сибирского края.

Список источников

1. Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Литература как социальный институт: Статьи по социологии литературы. М. : Новое литературное обозрение, 2004. 350 с.

2. Айзикова И.А. Типы социокультурного ландшафта Сибири в зеркале путевой прозы XIX в Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 91. С. 145–175. doi: 10.17223/19986645/91/8
3. Местергази Е.Г. Литература нон-фикшн/non-fiction : экспериментальная энциклопедия : русская версия. М. : Совпадение, 2007. 325 с.
4. Анохина А.В. Проблема документализма в современном литературоведении // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 189–194.
5. Басаргин Н.В. Записки Николая Васильевича Басаргина. М. : Тип. Ф. Иогансон, 1872. 171 с.
6. Михайленко К.А. Мемуары сибирских авторов о декабристах // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 512. С. 29–41. doi: 10.17223/15617793/512/4
7. Вьолле К. Дневник в России в конце XVII – первой половине XIX как автобиографическая практика // Автобиографическая практика в России и во Франции. М. : Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, 2006. С. 57–111.
8. Спасский Г.И. Новейшие ученые и живописные путешествия по Сибири, изданные Григорием Спасским, Императорской Санкт-Петербургской академии наук корреспондентом и разных ученых обществ членом. Ч. 1–2. СПб., 1819–1822. 182 с.
9. Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2010. 551 с.
10. Белов И. Путевые заметки и впечатления по Западной Сибири. М. : тип. А. Семена, 1852. 107 с.
11. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с франц. ; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2005. 576 с.
12. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях : Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. Т. 2, ч. 2 / сост.: О.С. Острой и др. ; науч. ред. П.А. Зайончковский. М. : Книга, 1978. 341 с.
13. Русский травелог XVIII – начала XX веков : аннотированный указатель / сост.: А.А. Богодерова, Н.А. Ермакова, А.Е. Козлов [и др.] ; под ред. Т.И. Печерской. Новосибирск : Немо Пресс, 2018. 829 с.
14. Мельникова С.В. Путь в Сибирь как опыт «пороговой» ситуации в мемуарах православного духовенства XVII–XIX веков // Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 63–76. doi: 10.17223/18137083/81/5
15. Айзикова И.А. Культурный ландшафт Сибири в духовной литературе второй половины XIX в.: воображаемая и социальная география // Текст. Книга. Книгоиздание. 2021. № 27. С. 103–125. doi: 10.17223/23062061/27/6

References

1. Gudkov, L.D. & Dubin, B.V. (2004) *Literatura kak sotsial'nyy institut: Stat'i po sotsiologii literatury* [Literature as a Social Institution: Articles on the Sociology of Literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Ayzikova, I.A. (2024) Types of socio-cultural landscape of Siberia in the mirror of travel prose of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology.* 91. pp. 145–175. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/91/8
3. Mestergazi, E.G. (2007) *Literatura non-fikshn/non-fiction: eksperimental'naya entsiklopediya: russkaya versiya* [Non-fiction Literature: An Experimental Encyclopedia: Russian Version]. Moscow: Sovpadenie.
4. Anokhina, A.V. (2013) Problema dokumentalizma v sovremennom literaturovedenii [The problem of documentalism in modern literary studies]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 4. pp. 189–194.
5. Basargin, N.V. (1872) *Zapiski Nikolaya Vasil'evicha Basargina* [Notes of Nikolai Vasilyevich Basargin]. Moscow: Tip. F. Ioganson.
6. Mikhaylenko, K.A. (2024) Memoirs of Siberian authors about the Decembrists. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 512. pp. 29–41. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/512/4
7. V'olle, K. (2006) Dnevnik v Rossii v kontse XVII – pervoy polovine XIX kak avtobiograficheskaya praktika [Diary in Russia at the end of the 17th – first half of the 19th century as an autobiographical practice]. In: *Avtobiograficheskaya praktika v Rossii i vo Frantsii* [Autobiographical Practice in Russia and France]. Moscow: IWL RAS. pp. 57–111.
8. Spasskiy, G.I. (1819–1822) *Noveyshie uchenye i zhivopisnye puteshestviya po Sibiri* [The latest scientific and picturesque travels in Siberia]. Parts 1–2. St. Petersburg. (In Russian).
9. Matkhanova, N.P. (2010) *Sibirskaya memuaristika XIX veka* [Siberian Memoir Literature of the 19th Century]. Novosibirsk: SB RAS.
10. Belov, I. (1852) *Putevye zametki i vpechatleniya po Zapadnoy Sibiri* [Travel Notes and Impressions of Western Siberia]. Moscow: tip. A. Semena.
11. Bourdieu, P. (2005) *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social Space: Fields and Practices]. Transl. from French by N.A. Shmatko. Moscow: Institut eksperimental'noy sotsiologii; St. Petersburg: Aleteyya.
12. Ostroy, O.S. et al. (1978) *Istoriya dorevolyutsionnoy Rossii v dnevnikakh i vospominaniyakh: Annotirovannyy ukazatel' knig i publikatsiy v zhurnalakh* [History of Pre-Revolutionary Russia in Diaries and Memoirs: An Annotated Index of Books and Publications in Magazines]. Vol. 2, part 2. Moscow: Kniga.
13. Bogoderova, A.A., Ermakova, N.A., Kozlov, A.E. et al. (2018) *Russkiy travelog XVIII – nachala XX vekov: annotirovannyy ukazatel'* [Russian Travelogue of the 18th – Early 20th Centuries: An Annotated Index].Novosibirsk: Nemo Press.
14. Mel'nikova, S.V. (2022) Put' v Sibir' kak opyt "porogovoy" situatsii v memuarakh pravoslavnogo dukhovenstva XVII–XIX vekov [The path to Siberia as an experience of a "threshold" situation in the memoirs of the Orthodox clergy of the 17th–19th centuries]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. 4. pp. 63–76. doi: 10.17223/18137083/81/5
15. Ayzikova, I.A. (2021) The cultural landscape of Siberia in the religious literature of the second half of the 19th century: Imaginary and social geography. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 27. pp. 103–125. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/27/6

Информация об авторе:
Михайленко К.А. – аспирант филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Mikhaylenko_ka@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
K.A. Mikhaylenko, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Mikhaylenko_ka@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.07.2025;
одобрена после рецензирования 17.09.2025; принята к публикации 10.10.2025.

The article was submitted 23.07.2025;
approved after reviewing 17.09.2025; accepted for publication 10.10.2025.

Научная статья
УДК 82.091
doi: 10.17223/15617793/519/5

Образ малютки и эвкатастрофа взросления в литературной сказке

Евгения Александровна Московкина[1]

[1] *Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, evgenya.moskovkina@yandex.ru*

Аннотация. Проведен анализ мифопоэтического модуса миниатюризации в авторской сказке. В качестве объекта исследования привлечены тексты мировой литературы разных периодов, объединенные репрезентативными для сказочного эпоса модификациями героя-малютки и развязки-Утешения. В результате выявления и сопоставления метасюжетов, мотивов, типов (функций) конфликта и героя, выведенных в произведениях детской литературы, обоснован антропологический статус концепта взросления (преимущественно, в коллизиях инициации).
Ключевые слова: эвкатастрофа, литературная сказка, карлик, метасюжет, сказочный финал, мотив, символ, конфликт

Для цитирования: Московкина Е.А. Образ малютки и эвкатастрофа взросления в литературной сказке // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 519. С. 40–48. doi: 10.17223/15617793/519/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/519/5

The image of a midget and the eucatastrophe of growing up in a literary fairy tale

Eugenia A. Moskovkina[1]

[1] *Altai State University, Barnaul, Russian Federation, evgenya.moskovkina@yandex.ru*

Abstract. Based on the structural-semiotic approach in literary studies, an attempt is undertaken to decode the mythopoetic mode of miniaturization, which performs the function of a metatext in the literary fairy tale. The object of the study comprises texts from world literature of various periods, united by the modifications of the "tiny hero" (dwarf, Lilliputian, elf, brownie, gnome) that are representative of the fairy tale epic. The criteria for the poetological analysis became the protagonist, meta-plot, chronotope, nature of the conflict, and the significance of the denouement. The fairy-tale midget is typically depicted as a representative of the magical world: appearing as a strange phenomenon—an exemplar of a wondrous folk, a foreigner, a non-aging child, a little adult, or an animated doll. Furthermore, ordinary children in stories about diminutive creatures may be reduced in size. The latter usually assume the archetypal function of a seeker, exploring miniature worlds. The metamorphosis of an inquisitive child is a necessary condition for narrowing the boundaries of the "big" world as an experience of comprehending the microcosm. Another function of miniature beings is to accompany the soul of the central hero into the otherworld, into alternative being. Fairy-tale psychopomps help the child's imagination cross the boundaries between sleep and reality, the heavenly and the earthly, light and darkness. The function of the magical helper, realized, for example, in such a modification of the miniature hero as the animated doll, supports ancestral ties: outliving its owners, the doll symbolizes immortality and condenses the magical properties of a fetish. The meta-plots ("there and back again," "sacrifice of a god," "quest for treasure") support various aspects of initiation, shading the opposition 'adult / child'. The chronotope of the literary fairy tale, in contrast to the folkloric one, is subjectivized and has a centripetal character—it unfolds inward towards the hero, who is separated from the integral archetypal characters by his multidimensionality. The adventures of the tiny ones here are often transferred to the plane of fantasy, reverie, sleep, or delirium. Another principle of complicating the chronotope is its stratification through parallel worlds, invisible spaces, intuitive insights; and time that thickens or rarefies. The nature of the conflict in the literary fairy tale within the dramaturgy of miniaturism is conditioned by the regular participation of this mythologeme in categories of the existential order: loneliness, memory, fear, death, faith. In all "miniaturizing" narratives, aesthetic and psychological "exits" of the denouement towards the ideological-axiological perspective of Consolation have been revealed. Consolation is the result of overcoming the insignificance complex: the acceptance of the drama of growing up. Eucatastrophe—the guarantee of a happy ending—is the signaling circuit of initiation.
Keywords: eucatastrophe, literary fairy tale, midget, meta-plot, fairy tale ending, motif, symbol, conflict

***For citation*:** Moskovkina, E.A. (2025) The image of a midget and the eucatastrophe of growing up in a literary fairy tale. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 519. pp. 40–48. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/519/5

© Московкина Е.А., 2025

Сказочные романы и повести принимают свойства «панхронной уравновешенности» фольклорной волшебной сказки, с одной стороны, и приобретают черты «поливалентности» литературного текста-кода как «мыслящего устройства» [1. С. 62–65] – с другой. Внутренняя гетерогенность, смысловая игра, явное присутствие субтекстов (прежде всего – следов волшебной сказки как «первожанра» [2. С. 29]) и «повышенная условность» [1. С. 70–71] литературной сказки – причина поисков идейно-аксиологического ключа, определяющего специфику этой жанровой платформы. Одна из попыток выявить жанрообразующие знаковые опоры сказки предпринята Д.Р. Толкином, по убеждению которого всякая сказка содержит в своей основе такие ценностные семемы, как Фантазия, Исцеление, Бегство, Утешение [3].

«Миниатюрные существа» (фэйри) – своего рода сказочный канон, органично распределяющий все обязательные функции сказки. Миниаюризм – оптимальная для детской литературы эстетическая стратегия, но при этом и культурная универсалия, художественная программа, которая подразумевает одновременно компактность и широкий охват[1]. Принимая во внимание беспрецедентное по масштабу «расселение» «малюток» в сюжетографии детской литературы, любопытно отследить конфигурации метасюжета, хронотопа, системы персонажей, характера конфликта в произведениях, объединенных миниатюрным протагонистом.

Сказочный малютка, как правило, изображается в качестве представителя волшебного (тонкого, «плоского», потаенного) мира; выступает странным феноменом, уникумом: образчиком дивного народца, чужестранцем, психопомпом, невзрослеющим ребенком[2], маленьким взрослым, ожившей куклой. Кроме того, обычные дети в историях о сказочных малютках могут быть уменьшены (либо задуманы аномально маленькими), что позволяет им осваивать микрокосмос – гостить в мире фэйри (В.Ф. Одоевский «Городок в табакерке» (1834), Я. Ларри «Необыкновенные приключения Карика и Вали» (1937)), либо вынуждает адаптироваться в колоссально увеличенном космосе, повторяя подвиг Мальчика-с-пальчика (в гендерном резонансе – Дюймовочки: С. Лагерлеф «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями» (1906–1907), Э. Кестнер «Мальчик из спичечной коробки» (1963)).

Утешение выделяется на фоне других «ценностей» сказки (Фантазия, Бегство, Исцеление) тем, что вводит в детскую литературу самую сложную проблематику, категории экзистенциального порядка: одиночество, страх, смерть, вера. Через эти психологические и метафизические дебри читателю сказки помогает пробиться гарантия счастливого финала. Эвкатастрофическая сказка, как полагает Толкин, – это «истинная форма волшебной сказки и высшая ее функция» [3. С. 208][3]. Эвкатастрофичность сказки в некотором роде противопоставлена «депрессивному канону» элитарной взрослой литературы: «Мы так бедны отвагой и верой, – утверждает Х. Л. Борхес, – что видим в счастливом конце лишь грубо сфабрикованное потворство массовым вкусам. Мы не способны верить в рай» [6. С. 256]. Привилегия эвкатострофы остается за сказкой с ее имманентным оптимизмом[4]. Усиливая разные аспекты инициации, оппозицию ‘взрослый/дитя’ поддерживают и метасюжеты сказки («туда и обратно», «принесение бога в жертву», «поиск сокровища»).

Характерными героями для «утешительного» типа сюжетов становятся психопомпы («проводники душ»), открывающие детскому воображению границы между сном и явью, горним и дольним, светом и тьмой. Они являются на рубеже дня и ночи, в моменты детского страха или отчаяния; их «малость» сродни скрытности – способ маскировки, условие приобщения к тайне. Как и другие типы героев-лилипутов, литературные стражи границ восходят к фольклорным прототипам: Вилли-Винки (сонный человечек), Оле Лукойе (Песочный человек[5]) – детские версии Морфея.

Чернушка – министр волшебного королевства – из сказки А. Погорельского «Черная курица» (1829) приходит к Алеше – девятилетнему воспитаннику пансиона, мучительно скучающему по родным, – ночью и знакомит его с удивительными подземными жителями (*«множество маленьких людей, ростом не более как с пол-аршина»* [9. С. 231]). Сжатое до миниатюры («*все было в самом маленьком виде, как будто для небольших кукол*» [9. С. 231]) хтоническое пространство, в которое попадает мальчик, явно корреспондирует с загробным миром[6]: «*Они спустились вниз по лестнице, как будто в погреб, и долго-долго шли по разным переходам и коридорам ... Иногда коридоры эти так были низки и узки, что Алеша принужден был нагибаться*» [9. С. 228]. Как справедливо утверждает О.И. Тиманова, «в цепи отсылок к поэтике устной волшебной сказки, исторические корни которой уходят в систему обрядов инициации... в облике Министра Подземного царства, Чернушка – двойник, эквивалент бога Сна (Смерти)» [11. С. 20].

Герой одноименной готической сказки-притчи Ф.В. ван Эдена «Маленький Йоханнес» (1884) в сопровождении господина Изыскателя совершает паломничество в загробный мир, чтобы встретиться с останками тех, к кому его влекло при жизни последних. «Безобразный» (и героя, и читателя смущают невнятность, неуловимость образа этого персонажа) портрет сказочного «Вергилия»: «*Йоханнес... увидел рядом с собой человечка в черном с себя ростом, не выше. У него были большая голова с оттопыренными ушами... тщедушное тельце и тонкие как спички ножки. Лица было не разглядеть. Лишь пара маленьких блестящих глаз буравила Йоханнеса взглядом*» [12. С. 121–122], – отсылка к апокрифическим представлениям христиан о госте из преисподней.

Вектор сказочного путешествия Алисы (Л. Кэрролл «Алиса в стране чудес» (1886)), заданный в первой главе повести, – «Вниз по кроличьей норе» – не оставляет сомнений в танатологической адресации кролика-«Гермеса», за которым девочка следует на протяжении всего повествования. Вполне вероятно, что кэрролловский кролик стал литературной репликой кроликов-гробовщиков «*в черных одеждах*» из сказки К. Коллоди «Приключения Пиноккио» (1881).

Вечный ребенок – Питер Пэн (Дж. Барри «Питер Пэн и Венди» (1911)) – уносит оставленных без присмотра детей на Нигдешний остров.

Отсутствие «координат» сказочного локуса свидетельствует о его «нездешности».

Пожалуй, самый известный сказочный малыш, олицетворяющий любовь и смерть, открывающий портал в вечность, – Маленький Принц (А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц» (1942)) – хранитель крохотного астероида в необъятной вселенной, инопланетный ангел, провожающий закаты и вселяющий надежду[7].

Господин Лильонкваст – «*очень маленький человечек в клетчатом костюмчике с высоким темным цилиндром на голове*» [14. С. 769] – из цикла А. Линдгрен о миниатюрных существах «Крошка Нильс Карлссон» (1952) провожает тяжело больного мальчика (Йёрана Петтерссона) в Страну Между Светом И Тьмой, открывающую путь в свободную и прекрасную Страну, Которой Нет. Лейтмотив этой сказки: «*Это не имеет ни малейшего значения... Ни малейшего значения в Стране Между Светом И Тьмой*» [14. С. 772] – своеобразный кодекс отречения от бренного бытия.

Карлсон А. Линдгрен («*маленький толстенький самоуверенный человечек*» [15. С. 6]), несомненно, из той же «породы»: он навещает Малыша в разгар экзистенциального кризиса последнего; символической деталью служит неочевидность, неявленность Карлсона, его «воображаемость» (как полагают домочадцы Малыша[8]); сверхъестественные способности – умение летать – другое его отличительное качество (выбор игры «в приведения», тоже, конечно же, не случаен); локус – домик на крыше (между небом и землей)[9] – еще одно указание на трансцендентность героя[10].

Маленькие (невзрослые) герои сказок Пройслер – «Маленький водяной» (1956), «Маленькая Баба Яга» (1957), «Маленькое приведение» (1966) – прямо апеллируют к потустороннему миру[11], пиксты в «Маленьком свободном народце» (2006) из цикла сказочного фэнтези Т. Пратчетта не боятся погибнуть, потому что уже мертвы.

Исключительным свойством гостей из «чужого» (тонкого) мира является их метафизичность: Питер Пэн лишается тени (чтобы конфуз не повторился, тень приходится пришить). Господин Уух (Х. Мякеля «Господин Уух» (1973)) периодически ссорится с отражением в зеркале, которое, обидевшись, исчезает, но герою всякий раз с трудом удается «*пригвоздить*» его «*к месту глазами*» [18. С. 54].

Еще один важный атрибут и умозрительный двойник психопомпа – птица. Птица во многих культурах символизирует душу[12]. Барри утверждает, что желание его героя «*вернуться в кроны деревьев*» связано с тем, что все дети, «*прежде, чем стать людьми... были птицами. Поэтому неудивительно, что первые недели они немного диковаты и у них чешутся лопатки, где еще недавно были крылья*» [20. С. 18]. Сказочник помещает своего не желающего взрослеть мальчика в Кенсингтонский сад (аналог Эдема) и отдает на воспитание птицам (главный наставник – ворон Соломон – учит Питера «*птичьим повадкам*», важнейшая из них – «*быть довольным и счастливым*» [20. С. 28]), о которых и Питер Пэн впоследствии учится заботится («*он ухаживал за неоперившимися птенцами, когда те болели краснухой*» [20. С. 30]). Окончательно порвав с людьми, Питер «*с особой добротой относится к ласточкам, потому что ласточки – это души умерших младенцев*» [20. С. 108] (Дж. Барри «Питер Пен в Кенсингтонском саду»).

В сказке С. Лагерлёф «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями» заколдованный Нильс, «извлеченный» из привычной жизни, фактически «погибший» для близких, странствует по свету в сопровождении птиц.

Буратино – не собственно человек и «вечный» человечек, ведущий своих «апостолов» в кукольный рай, неоднократно доверяет свою судьбу птицам: лебедю, петуху; «*пожилая ворона*» предупреждает героя о плутовстве кота Базилио и лисы Алисы; Мальвина – девочка-кукла с голубыми волосами, литературным прототипом которой является «мертвая» фея из «Пиноккио» Коллоди, окружена птицами – сорока, ястреб, ласточки входят в ее лесную свиту; стрижи и сорока в кульминационный момент приводят на выручку отчаявшимся куклам папу Карло (А. Толстой «Приключения Буратино, или Золотой ключик»).

Древний, забытый всеми «страшный» господин Уух больше всего любит птиц. Птицы в повести Мякеля символизируют жизнь и обновление. Подарок Ууха маленькой девочке Римме – щепка, превращающаяся в птицу, – окно в его легкую и бескорыстную душу.

«Нездешние» миниатюрные или инфантильные создания – существа вне времени, вне потока истории. Ни одно из них не имеет родных, внятного представления о собственном возрасте. Так, «застрявший» в детстве Питер Пэн – обаятельное дитя, не знающее бремени ответственности и взросления, с нежной, как поцелуй, улыбкой, обнажающей молочные зубы (у всех, кто видел эту улыбку, «*сердце таяло*» [20. С. 213]); на вопрос о возрасте Карлсон отвечает уклончиво: он «*мужчина в самом расцвете сил*» [15. С. 12]; господин Уух – старичок и дитя вместе: непрерывно сталкиваясь с бытовыми трудностями «*старый Уух*» [18. С. 83] чувствует себя «*очень маленьким и совсем потерянным*» [18. С. 24], он «*слишком низенький для взрослого*» [18. С. 51], его часто принимают за ребенка: «*здесь нет маленьких детишек, кроме тебя?*» [18. С. 91]; Момо – «вечная» девочка, которая, как никто другой, умеет слушать, ждать, слышит музыку времени и поэтому оказывается избранницей мастера Хора (персонификации времени и смерти) в его Доме-Нигде – из одноименной сказки М. Энде (М. Энде «Момо» (1973)) – утверждает, что она «*была всегда*» [21. С. 14]; накситралли (Э. Рауд «Муфта, Полботинка и Моховая борода» (1973)), путешествующие «*с детства*», тоже без определенного возраста: детство, о котором вспоминает Полботинка, не имеет никакой адресности и прямой временной отнесенности: «*О детство, такое близкое и такое далекое...*» [22. С. 86–87], и даже «*фотодокументы*», свидетельствующие о юности Муфты, где герой запечатлен еще во фланелевой муфте, а его бабушка красуется в белоснежной свадебной муфте из шкуры белого медведя, тоже отсылают к довольно абстрактному прошлому.

Не самый распространенный в детской литературе метасюжет – «принесение бога в жертву» – все же находит воплощение в «карликовой» модальности.

Питер Пэн – только «*наполовину человек*» – его удел быть «*Серединкой на Половинку*» [20. С. 26] (в этой дуалистичности прочитывается христологический код; имя Питер, в свою очередь, – аллюзия к святому Петру, владеющему ключами от Царства Небесного). Особенно интригует необычное кредо героя: «*Умереть – вот настоящее приключение!*» [20. С. 212]. В христианской проекции прочитывается и «самопрезентация» Питера: «*Я юность! Я радость! ...Я птенец, разбивший свою скорлупу!*» [20. С. 272][13]. Ср. «аз есмь свет миру» (Ин 8, 12), «Аз есмь дверь» (Ин 10, 9), «аз есмь путь и истина, и живот» (Ин 14, 6).

Драма смерти в детской литературе обычно смягчается тем, что в жертву приносятся не сказочные человечки, но ожившие игрушки[14]. Например, крах «*крошки*» Щелкунчика в сказке Гофмана (Э.Т.А. Гофман «Щелкунчик и Мышиный Король» (1816)) компенсируется закономерной метаморфозой и явлением прекрасного юноши – племянника искусного Дроссельмейера; оловянный солдатик (Г.Х. Андерсен «Стойкий оловянный солдатик» (1838)) гибнет во имя любви, актом собственной жертвенности отрицая смерть. Генерал, лишившийся вооружения, гибнет в «Путешествии “Голубой стрелы”» (1954) Д. Родари. Смерть (включая недвусмысленное распятие) и воскресение переживает миксантропический фарфоровый кролик в сказке К. Дикамилло (К. Дикамилло «Удивительные путешествия кролика Эдварда» (2006)).

Кроме того, ожившие игрушки нередко выступают представителями загробного мира, проводниками душ или «тенями» предков: Кукла Роза, охраняющая вечный сон маленькой нищенки (Д. Родари «Путешествие “Голубой стрелы”»); Мимми – мамина кукла, помогающая Петеру – герою сказки А. Линдгрен – справиться со страхами («Нет разбойников в лесу» (1952)); Сипсик из одноименной сказки Э. Рауд (1962–1970) – воплощение неловкой, но искренней братской любви к девочке, выходящей из младенческого возраста; Леди Дейзи из повести Д. Кинг-Смита («Леди Дейзи» (1992)), доставшаяся девятилетнему Неду в наследство от умершей в раннем детстве пратетушки; многострадальный кролик Эдвард, что выпадает из объятий истаявшей в болезни малышки Сары-Рут (Дикамилло «Удивительные путешествия кролика Эдварда») и т.п.

Находясь в исторической коннотации с культом предков и душами умерших, сказочные куклы наиболее безболезненно позволяют проигрывать сценарий смерти. Согласно В.Я. Проппу, в народных сказках куклы балансируют «на границе волшебных помощников и волшебных предметов» [24. С. 413]: в «Василисе Прекрасной» мать, умирая, оставляет дочери куклу с родительским благословением. Полагаясь на то, что «куколки широко фигурируют в верованиях самых различных народов», Пропп приходит к заключению о магических и семиотических свойствах этого предмета. В сказке кукла может говорить голосом умершей героини, «служит заместителем ушедшего под землю» [24. С. 413]. В ритуалах разных народов куклу делают в память об умершем и оказывают ей всяческие почести, в куклу заманивают душу больного [24. С. 414]. Хтоническая символика куклы акцентируется, например, в сказке А. Линдгрен «Мирабель» (1952): кукла здесь вырастает прямо из земли, из зернышка, которое дарит героине «*маленький удивительный старичок*» [14. С. 789]. Таким образом, куклы в литературной сказке обеспечивают связь поколений: как символ бессмертия они переживают своих владельцев, конденсируют магические свойства фетиша (выполняют охранительную функцию).

С концептом Утешения граничит особенно травматичная для социализирующегося ребенка тема одиночества**:** Скала Покинутых, безусловно, символический локус в «Питере Пэне» Барри. Питер Пэн – не только сбежавший, но и забытый, оставленный ребенок, замкнувшийся, завершившийся в своем одиночестве. Сходными свойствами наделяется сеттинг в «Детях воды» (1863) Кингсли: «*в кромешной тьме*» «*по дну ледяного моря*» «*семь дней и ночей*» пробирается герой к Сверкающей стене, проходит сквозь Белые Врата, «*которые никогда не открывались*», и попадает на Край Пустоты [20. С. 423–430]. В той же тональности, но в более резкой акцентуации пространственного контраста изображается затерявшаяся во вселенной мини-планета Маленького принца А. де Сент-Экзюпери.

Важно отметить, что хронотоп авторской сказки, в отличие от фольклорной, субъективирован и имеет центростремительный характер – развертывается внутрь героя, отделенного от цельных персонажей-архетипов своей многомерностью. Приключения малюток здесь нередко переносятся в плоскость фантазии, грезы, сна или бреда. Иной принцип усложнения хронотопа – его расслоение за счет параллельных миров, незримых пространств, интуитивных прозрений; сгущающегося или разрежающегося времени.

Другим способом демонстрации несоразмерности индивидуального и социального, внутреннего и внешнего, относительности малого и большого является введение сказочных малюток в положение парии: «униженные» во всех смыслах существа нередко олицетворяют всю несправедливость мира; они наказаны беспричинно и не по росту мужественно выносят страдания. Таковы, например, Маленький Мук и карлик Нос Гауфа (В. Гауф «Карлик Нос», «Маленький Мук» (1826)); изгнание, отлучение гоблинов от «большого» мира в сказке Дж. Макдональда «Принцесса и Гоблин» (1891) превращает их в озлобленных маленьких монстров, напротив, следствием выхода карликовых демонов из горных недр становится преображение мстительных уродцев в безобидных шотландских домовых.

Масштабы одиночества хорошо известны и маленьким героям других сказок, и потому многие из них сочувствуют всем (даже не очень симпатичным) одиноким существам. Господин Уух намерен встретиться для дружеской беседы с «*носатой акулой, которая живет под камнем в пруду, печет кексики и без умолку болтает. Бедная! Она так долго была одна, что теперь как начнет говорить, так остановиться не может*» [18. С. 45]. Скверный характер меланхолика и циника Ондатра из муми-эпопеи Т. Янссон тоже оправдывается одиночеством: «*он так долго жил один, что теперь говорит ровно то, что думает*» [25. С. 67]

(Т. Янссон «Маленькие тролли и большое наводнение» (1945)). Муми-крохи искренне сопереживают и яростной комете, грозящей смести все на своем пути («*Подумать только, как ей там одиноко... <…> Тому, кого все боятся, должно быть очень одиноко*» [25. С. 143] (Т. Янссон «Когда прилетит комета» (1946)), и зловещей Морре[15], одичавшей от одиночества («*Но представьте, как сейчас одиноко Морре – никто ее не любит, и она сама так ненавидит всех*» [25. С. 271] (Т. Янссон «Шляпа Волшебника») (1948)).

Одиночество – что-то вроде проклятия. Так, солипсизм – плата героя за отказ от «грубого» мира людей в «Маленьком Йоханессе» В. ван Эдена: ищущему эльфийской гармонии Йоханнесу невыносимо пребывание наедине с собой – «*В каждом темном углу прятался призрак одиночества*» [12. С. 89]. Одиночество – маркер фатальной избранности Волшебника, живущего на краю света на вершине черной неприступной горы и скитающегося по вселенной верхом на черной пантере: «*Должно быть, на Луне очень одиноко, – проговорил Муми-тролль. – Бедный Волшебник, скитается там и все ищет, ищет...*» [25. С. 289]. Один из своих «визуальных нарративов» – «Кто утешит малютку Кнютта?» (1960) – Т. Янссон создает «в ответ» на письмо «от маленького мальчика, который жаловался на то, что постоянно один, – пишет биограф Янссон Т. Карьялайнен. – Никто никогда не замечает его и не смотрит ему в глаза. Он живет в постоянном страхе. Ребенок подписал письмо именем Кнютт», «История, написанная Туве, была адресована всем испуганным и незаметным малюткам и малышам» [26. С. 266]. «*Нет такого поступка, за который можно наказывать одиночеством*» [22. С. 410], – гласит знаменитая история о накситраллях Э. Рауд.

Именно поэтому отдельную группу персонажей в сказках с функциональной доминантой ‘Утешение’ представляют неприкаянные одиночки: редкие представители исчезнувшего народца, вечные дети, демонологические невидимки (эльфы, гномы, домовые) – случайные гости в мире больших, стремящиеся покинуть его либо приспособиться к его условиям. Так, Ниссе, Эльфа Муй, карлики Петер и Петра, стокгольмские эльфы и домовые в цикле историй о маленьких существах А. Линдгрен «Крошка Нильс Карлсон» (1952) остаются незамеченными человеком по причине его обывательского астигматизма[16].

В детской литературе второй половины XX в. градус психологизма повышают фантастически независимые, но парадоксально уязвимые маленькие взрослые – Карлсон, господин Уух, накситралли.

Якобы развлекая Малыша, который считает себя одиноким, Карлсон показывает мальчику масштабы подлинного безграничного одиночества маленького человека перед могущественной и неподвластной ему урбанистической вселенной. В браваде и выдумках Карлсона разверзается космос оставленности: трагедия сиротства проступает сквозь рассказы о неправдоподобной «*лучшей в мире*» бабушке (лазающей по деревьям), подсвечивает портрет «*очень одинокого петуха*» в домике Карлсона, а безнадежный карлсоновский эгоизм – следствие вынужденной самодостаточности.

Забавный нестрашный, трогательно нелепый господин Уух, которого дети превращают в игрушку, безнадежно одинок и беспомощен. Он все делает неверно (глупо, навыворот): пришивает к веткам яблони опавшие листья; удит рыбу с помощью якоря; ходит по земле на одной лыже; моется в одежде; наводит порядок, перетаскивая книги из одной кучи в другую; пугая других, сам многого боится. Фольклорное «дурацкое» поведение Ууха, напоминающего героя бытовой сказки, оборачивается драмой, когда выясняется, что этот неумелый и ранимый демонологический малыш вынужден защищать целый лес, который по вине человека вскоре превратится в кладбище. Дети, контактирующие с лесным невидимкой – несомненно, эмблема будущего, надежды на продолжение жизни. Однако в кульминационной сцене повести появляется своеобразный символ времени – всепожирающее дерево, сразившись с которым герой отбывает в страну забвения. В свете предыдущей главы, где Уух пускается в воспоминания, рассуждает о космической гармонии и приходит к спокойному пониманию, что «*однажды он просто не проснется*» [18. С. 111], финальный сон героя может оказаться последним.

Целый ряд жалких в своей беспомощности представителей чужого мира показывает А. Линдгрен в цикле рассказов «Крошка Нильс Карлсон»: ютящегося в крысиной норе «*без удобств*» домового Ниссе; «*маленького-премаленького мальчика и маленькую-премаленькую девочку*», рискующих быть затоптанными в городском потоке, – карликов Петера и Петру; хрупкую эльфу Муй, оставшуюся без платья накануне королевского бала. Сбившиеся в крохотную кучку, всеми покинутые, затерявшиеся в пространстве и времени накситралли также с первых страниц вызывают сочувствие. «Добывайки» (1952–1982) М. Нортон – ведут скрытную жизнь, поскольку могут стать жертвой не только предприимчивых людей, падких на «диковинки», но и «опасных» животных: смертельные враги маленьких человечков – кошки и хорьки, ласки, вороны и др.

Еще одна семиотическая доминанта в сюжетологии Утешения – тема памяти.

Подчеркнуто инфантильные герои безнадежно (даже трагически) беспамятны, и в этом секрет их беспечности. Память с ее душевными «якорями» – непреодолимая преграда для взросления: «*летать может только тот, кто весел, бесхитростен и бессердечен. А взрослые уже не такие*» [20. С. 296][17]. Феноменальной забывчивостью отличаются Питер Пэн, Карлсон, господин Уух и др. «Стирание» памяти в «Детях воды» (1863) Ч. Кингсли – залог их освобождения от бремени земной жизни: «*Там были дети, не знавшие радости на земле... Там были дети, никому не нужные раньше, и всех их забрали... феи*» [20. С. 394]. Примкнувший к детям воды главный герой – маленький трубочист Том, тоже «*позабыл все прежние печали: и грязные темные*

трубы, и усталость, и голод, и постоянные колотушки... словом, он позабыл свою прежнюю жизнь» [20. С. 347].

Беззаботное забытье указывает на особое свойство детской литературы – «безвременность» сказочного «иномирия», которая «создает ощущение необъятного, неисследованного мира времени» [3. С. 221]. Поэтому счастливый конец – это и не конец вовсе[18].

По мысли Толкина, «внезапная чудесная благодать» сказки «не отрицает существования дискатастрофы, то есть горя и неудачи: возможность и такого исхода – залог радости спасения; она отрицает... финальное поражение на вселенском уровне и в этом смысле является евангелием, благой вестью, дарящей мимолетный отблеск Радости, Радости за пределами стен мира, острой, как горе» [3. С. 208].

В сказках Т. Янссон, например, конец света напоминает о себе с исправной регулярностью («*...отнесемся к этому делу философски. – К какому делу? – К концу света, разумеется, – спокойно объяснил Ондатр*» [25. С. 66]), однако ее малютки непреклонны в своем оптимизме: «*– Думаю, все будет хорошо*» [25. С. 475]. «*Это только у злодеев все кончается плохо*» [25. С. 475]. «Как бы там ни было, это был мой самый первый хеппи-энд!» [25. С. 7], – установка на эвкатастрофу дается автором в предисловии к первой повести муми-саги.

О значении счастливого финала в книгах для малышей рассуждает К.И. Чуковский: «... маленькие дети не терпят, чтобы в тех сведениях о жизни, какие дают им литература, театр и живопись, был хоть намек на окончательную победу несчастья и зла» [28. С. 756].

Эвкатастрофа в сказках о «всяческой мелюзге» притягательна, прежде всего, абсолютной невероятностью, поскольку спасение мира здесь осуществляют крохотные существа, обладающие колоссальным могуществом, они же откроют читателям невидимые прекрасные земли, где каждый доволен обществом и счастливо одинок, и подарят Утешение, приближаясь и причащаясь вместе с читателем к тайне бытия и небытия, к играм замедляющегося и ускоряющегося времени, к формуле ничтожности и ценности жизни.

Утешение – чрезвычайно сложная и ответственная, неизменно катарсическая развязка в литературной сказке. Миниатюрный герой с его подчеркнутой беззащитностью непременно выносится течением нарратива от неблагополучия к благополучию. В миниатюризирующем «царстве наивности» [29. С. 219] пересекаются взгляды и сталкиваются нужды ребенка и взрослого[19]. Таким образом, малютки, как правило, втягивают читателя в крайне «интенсивный сюжет» [30. С. 135].

«Царство малюток» – наиболее «инфантильный» способ обработки метасюжетов в детской литературе, во многом соотносимый с комплексами возрастной психологии. Склонность к миниатюризму детской литературы – отклик на естественную предрасположенность ребенка, осваивающего пространство «великанов». Кстати, о вкусовых и эстетических приоритетах «миниатюризирующих грез» свидетельствуют «Мемуары Муми-папы» (1950) Т. Янссон: «*В те времена мир был велик, а все маленькое было куда приятнее в своей малости, нежели теперь, и нравилось мне гораздо больше*» [25. С. 358][20].

А. Генис справедливо подчеркивает мифологичность детской литературы, отличающейся известной степенью лапидарности: «Герои детских книг обобщены и универсальны, как олимпийские боги, христианские святые или психологические архетипы. В них, даже самых маленьких, влезает больше, чем кажется. Пользуясь этим, детские книги вмещают весь мир и делают его выносимым» [30. С. 235–236], «Миниатюра – это одно из месторождений, где добывают величие» [29. С. 219][21].

Жизнеспособность историй о маленьких человечках в детской литературе обусловлена потребностью ребенка в самореализации. Изменение пропорций, смена ракурсов (приоритетов) между большим и маленьким развивают творческий глазомер, демонстрируют возможности нестандартного мышления, в «царстве малюток» реализуется принцип игры и игрушки как прием моделирования и совершенствования действительности. Через образ лилипута отстаивается значимость маленького для постижения большого.

Между тем образ малютки – та культурная «ДНК», которая вопреки, казалось бы, очевидной отнесенности к детству, игре, терапевтической адаптивности («потешности») пикарески, вновь ставит вопрос о правомерности деления литературы на детскую и взрослую. Скольжение смыслов, компактность философских обобщений, резонанс архетипических сигналов требуют от автора сказки особого искусства тайного чревовещания, отточенной техники создания многослойного текста, не «сосланного» в детскую, не отрезанного от полноценного взрослого искусства [3. С. 178–179, 187]. «Между макрокосмом и микрокосмом существует корреляция, – полагает Г. Башляр, – <…> крошечное и необъятное созвучны друг другу»; «Слова – раковины, внутри которых слышен шум моря. Сколько историй умещается в миниатюре одного единственного слова!» [29. С. 235–237, 246]. Таким образом, литературные мальчики-с-пальчики и их семиотические валентности становятся смысловыми конденсатами, прорезающими культуру со скоростью слова.

Примечания

[1] Философия пространства сказки декларируется в фэнтези Т. Пратчетта: «*Миров много, и они существуют бок о бок, как горошины в стручке, а то и один в другом, как мыльный пузырь внутри пузыря побольше*» [4. С. 225]. Ср. «центростремительное» описание локации дома Поросенка в «Винни Пухе» А. Милна: «*Поросенок жил в очень большом доме посредине букового дерева, а буковое дерево находилось посредине Сто-акрового Леса, а Поросенок жил посредине своего дома*» [5. С. 79]. Взаимопересечение и взаимоуглубление «миров» здесь педалируется за счет оппозиции: Поросенок – «*Очень Маленькое Животное*» / *Сто-акровый буковый Лес* – ландшафт, заполненный очень большими деревьями. Учитывая созвучие названия дерева слову «книга» (book), логично предположить, что сказочный лес Милна – это, по сути, литературное пространство, безграничное в своем «полиглотизме» и многослойности.

[2] Идея преимущества инфантилизма особенно актуальна в XX в.: она входит в детскую беллетристику с образом обаятельного Питера Пэна Барри (Дж. Барри «Питер Пэн в Кенсингтонском саду» (1902)) и развивается во многих других произведениях: например, в русской советской

литературе тема вечного детства воплощается в куклах «Буратино» (1935) А. Толстого, коротышках Н. Носова (Н. Носов «Трилогия о Незнайке» (1956–1966)) и др.

[3] В комментариях переводчика (С. Лихачевой) «Эвкатастрофа» (Eucatastrophe), дословно “благое потрясение” – «авторский неологизм Толкина, образованный с помощью греческой приставки εὐ-, от εὐ□, «хороший», и греческого же слова καταστροφή в исходном его значении: “потрясение”, “внезапная перемена”, “завершение”» [3. С. 384].

[4] К сходному заключению приходит и Дж. Кэмпбелл: «Счастливый конец справедливо презирается как введение в заблуждение; ибо мир, каким мы его знаем и каким мы его видим, сулит нам лишь один конец: смерть, разрушение, расчленение и распятие нашего сердца с уходом того, что мы любили <…> ... сказка о счастьи не может быть воспринята всерьез: она принадлежит далекой призрачной стране детства, защищенной от реальностей» [7. С. 34–35]. «Терапевтичность» сказки О. Ранк и Г. Закс объясняют ее мифологической генеалогией: «Сказки представляют собой как бы “сниженную” форму мифа – последнюю форму, в которой мифическое творчество еще приемлемо для сознания взрослого культурного человека» [8. С. 220].

[5] Мотив песка как амбивалентный символ праха – вечного и бесконечного, ускользающего времени и тщеты (песочные часы – материализация этого смысла), зыбучести, неустойчивости и постоянства, напрасных надежд и страхов – нередок в авторской сказке: так, он становится лейтмотивом в сказке Э. Несбит «Пятеро детей и Чудовище» (1902), центральная фигура которой – исполняющий желания песочный эльф, Муравьиный Лев из муми-эпопеи Туве Янссон (1938–1957) – еще одна версия песочного монстра.

[6] Обращение к «психологизированной географии подземного мира» [10. С. 101] в сказочном хронотопе, как полагает М. Евзлин, вероятно, вытекает из архетипического содержания бессознательного, объясняющего его структуру.

[7] Кстати, формула Утешения вводится автором «Маленького принца» в посвящении к повести, адресованной тому, «*кто очень нуждается в утешении*» [13. С. 4]. В послании атеисту Леону Верту, «когда он был маленьким», как будто зашифровано евангельское «Будьте как дети» (Мф. 18: 3).

[8] Ел. Тагер считает, что посредством Карлсона «ребенок спасается в мечту» [16. С. 246]. Иллюзорность Карлсона подчеркивает Э.-М. Меткаф: Карлсон, проникающий в жизнь Малыша через окно, всякий раз, когда мальчик испытывает чувство унижения или несправедливости, – компенсаторное alter ego героя [17. С. 20].

[9] Домик на крыше Карлсона, вероятно, отчасти списан с кафе у «Высокого Чердака», где герой сказки «В Стране Между Светом И Тьмой» бывал по воскресеньям с родителями, когда еще был здоров: пограничное пространство и тема воскресения, таким образом, и человечку с пропеллером из трилогии о Малыше и Карлсоне (1955–1968) сообщают свойства проводника душ.

[10] В повести В. Райнхардт «Верхом на шмеле» (2016) миниатюрное разумное существо, повидавшее смерть, носит имя, сходное с именем героя Линдгрен: Карл Кальссон – харизматичная гусеница, путешествующая по ветвям деревьев на самодельном «байке», пережившая метаморфозу и ставшая мотыльком.

[11] Эстафету «карманной» демонологии О. Пройслер современная эстетика принимает с большим энтузиазмом: компьютерные покемоны (Pocket Monsters) Сатоси Тадзири (1996), вероятно, той же природы.

[12] В аспекте мифопоэтики птица – «вестник смерти и символ души» [19. С. 347].

[13] Мифопоэтический код послания Питера соотносится с риторикой инициации. Анализируя переходные обряды разных народов, Дж. Кэмбелл комментирует цитату из египетской «Книги мертвых»: «“Я выхожу из яйца в сокровенной стране”. Это провозглашение идеи смерти как возрождения» [7. С. 357]. Еще одна отмеченная исследователем знаменательная эпистема сказки, закономерно вытекающая из реплики Питера, связана с пафосом эвкатастрофы – «дикая и беззаботная, неистощимая радость непобедимой жизни» [7. С. 36].

[14] «Ожившая вещь или овеществленный («механический») человек, – пишет В.Н. Топоров, – образы нередкие в мифопоэтических традициях, как архаичных, так и в современных, как в фольклорных, так и в литературных, не только подчеркивают инаковость природы человека и вещи, но и указывают две границы, у которых они в пределе могут встретиться, – очеловечивающаяся вещь и овеществляющийся человек <…> бескорыстное внимание к вещи... свидетельствует о преодолении тяготения “вещности”, о выходе на иной путь и на осознание совершившегося прорыва в сферу духа» [23. С. 27–28].

[15] Т. Карьялайнен, обобщая версии разных исследователей в интерпретации образа Морры, приходит к заключению, что Морра выполняет важную сюжетообразующую функцию: «Морра – необходимое зло, живущее в мире, полном беззаботных и добрых существ. ... Морра вносила в текст интригу и создавала баланс темного и светлого в рассказах о солнечных днях в Муми-доле... Она одновременно все и никто. Она злой двойник самой писательницы и каждого из читателей, в ней живет вечное и горькое одиночество. Тоска Морры по теплу – это человеческая тоска, которая ... поджидает удобного момента, чтобы вырваться наружу ... от нее не убежать. Она выжидает» [26. С. 198–199].

[16] Обнаруживший за трубой на крыше многоэтажки домик Карлсона трубочист, вначале озадаченный, погрузившись в работу, тут же забывает об этом.

[17] То же восхищение свободой ребенка от привязанностей и обязательств М. И. Свердлов отмечает и у Милна: «Барри и Милн, англичане, видят ребенка как полубожественное существо... Потому что у него нет моральных проблем, он находится вне поля морали, и в этом его благословение. Это не плохо, это прекрасно, это удивительно, это заслуживает любования... Милн и говорит, что ребенок естественным образом бессердечен (heartless)... Ценность для ребенка – это его «я», он живет своим “я”» [27].

[18] Темой конечности детства и неизбежного расставания с ним проникнута вся вторая книга «Винни-Пуха». В «Контрадикции» говорится о счете коров, что, по мнению В.П. Руднева, «в сочетании с цифрой семь заставляет вспомнить знаменитый сон фараона из Книги Бытия, где семь худых коров пожирают семерых тучных» [5. С. 301]. «Эсхатологическая интерпретация сновидения фараона Иосифом Прекрасным», по мысли исследователя, накладывается на прощальные мотивы сказки Милна. При этом автор книги подчеркивает: «…конечно, это не настоящее до-свидание» [5. С. 168]. Кстати, в русском переводе эта фраза (в оригинале «But, of course, it isn't really Good-bye») звучит еще более выразительно за счет антитезы: ‘конечно / не собственно конец’.

[19] Рассуждая об известной мере критичности детского взгляда, Толкин ссылается на суждение Честертона: «...дети... невинны и любят справедливость; в то время как мы в большинстве своем греховны и, естественно, предпочитаем милосердие» [3. С. 186].

[20] Собственно, визуальный нарратив Янссон – тоже предупредительный шаг навстречу ребенку.

[21] М. Евзлин приводит разбор одного хеттского мифа об исчезновении бога: «Исчезновение Телепинуса означает “остановку” жизненного процесса <…> Бога находит маленькая пчела после того, как великие и малые боги терпят неудачу». Для понимания значения эвкатастрофичности сказки этот эпизод весьма иллюстративен: «обращение за помощью к *маленькой* пчеле как к последней надежде» указывает на «“непрочность”, “необеспеченность” мировой системы, на всегда наличествующую возможность *катастрофы.* “Чудо”, некое последнее отчаянное усилие предотвращают катастрофу – пчела находит бога» [10. С. 127–128].

Список источников

1. Лотман Ю.М. Текст в тексте // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике искусства. СПб. : Академический проект, 2002. С. 58–78.
2. Липовецкий М.Н. Поэтика литературной сказки. Свердловск : Урал. ун-т, 1992. 183 с.
3. Толкин Дж. Р.Р. О волшебных сказках // Толкин Дж.Р.Р. Чудовища и критики. М. : АСТ, 2018. С. 151–221.
4. Пратчетт Т. Маленький свободный народец. М. : Эксмо, 2024. 384 с.
5. Милн А. Winni Пух. Дом в Медвежьем Углу. М.: Аграф, 2000. 320 с.
6. Борхес Х.Л. Четыре цикла // Борхес Х.Л. Сочинения : В 3 т. М., 1997. Т. 2. С. 255–256.
7. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. М. : Ваклер, REFL-book, АСТ, 1997. 384 с.
8. Ранк О., Закс Г. Психоаналитическое исследование мифов и сказок // Между Эдипом и Озирисом: Становление психоаналитической концепции мифа. Львов : Инициатива; Москва : Совершенство, 1998. С. 207–244.

9. Погорельский А. Черная курица, или Подземные жители // За горами, за лесами: Сказки русских писателей XIX в. М. : Просвещение, 1989. С. 217–249.
10. Евзлин М. Космогония и ритуал. М. : Радикс, 1993. 344 с.
11. Тиманова О.И. Мифопоэтические контексты «Волшебной повести» Антония Погорельского «Черная курица, или Подземные жители» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2008. № 4 (16). С. 19–27.
12. Эден Ф. ван. Маленький Йоханес. М. : РИПОЛ классик / КиТ, 2019. 206 с.
13. Сент-Экзюпери А. де Маленький принц. М. : Эксмо, 2008. 104 с.
14. Линдгрен А. Все о ...: Мио, мой Мио!; Братья Львиное Сердце; Супер-сыщик Калли Блумквист; Крошка Нильс Карлссон: Повести-сказки. СПб. : Азбука-классика, 2005. 816 с.
15. Линдгрен А. Три повести о Малыше и Карлсоне. СПб. : Азбука-Аттикус, 2021. 424 с.
16. Тагер Ел. О переводных книгах для детей // Звезда. 1959. № 2. С. 246.
17. Меткаф Э.-М. Астрид Линдгрен. М. : Шведский институт, 2002. 41 с.
18. Мякеля Х. Страшный господин Уух: повесть. СПб. : Азбука-Аттикус, 2017. 128 с.
19. Иванов В.В., Топоров В.Н. Птицы // Мифы народов мира: энциклопедия : В 2 т. Т. 2. М. : Российская энциклопедия, 1994. С. 346–349.
20. Барри Дж. Питер Пэн и Венди: сказочные повести. Кингсли Ч. Дети воды: сказочная повесть. Грэм К. Ветер в ивах: сказочная повесть. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. 672 с.
21. Энде М. Момо. М. : Махаон, Азбука-Аттикус, 2022. 336 с.
22. Рауд Э. Муфта, Полботинка и Моховая борода. М. : Астель, АСТ, 2007. 414 с.
23. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М. : Прогресс-Культура, 1995. 624 с.
24. Пропп В. Морфология волшебной сказки; Исторические корни волшебной сказки. М. : КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2022. 640 с.
25. Янссон Т. Шляпа Волшебника: Муми-тролли и все-все-все. Книга 1: повести-сказки. СПб. : Азбука-Аттикус, 2024. 576 с.
26. Карьялайнен Т. Туве Янссон: Работай и люби. М. : АСТ, 2019. 376 с.
27. Свердлов М.И. «Винни-Пух» Алана Милна: типизация эгоизма и любовь вопреки. URL: https://magisteria.ru/masterpieces-of-childrens-literature/winnie-the-pooh-by-alan-milne
28. Чуковский К.И. Борьба за сказку // Чуковский К.И. Самое лучшее. Серебряный герб. От двух до пяти. М. : АСТ, 2013. С. 479–538.
29. Башляр Г. Поэтика пространства. М. : Ад Маргинем Пресс: музей современного искусства «Гараж», 2022. 320 с.
30. Генис А. Камасутра книжника. Уроки чтения. М. : АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2024. 313 с.

References

1. Lotman, Yu.M. (2002) Tekst v tekste [Text within the text]. In: Lotman, Yu.M. *Stat'i po semiotike iskusstva* [Articles on the Semiotics of Art]. St. Petersburg: Akademicheskiy proekt. pp. 58–78.
2. Lipovetskiy, M.N. (1992) *Poetika literaturnoy skazki* [The Poetics of the Literary Fairy Tale]. Sverdlovsk: Ural University Press.
3. Tolkien, J.R.R. (2018) O volshebnykh skazkakh [On Fairy-Stories]. In: *Chudovishcha i kritiki* [The Monsters and the Critics]. Moscow: AST. pp. 151–221.
4. Pratchett, T. (2024) *Malen'kiy svobodnyy narodets* [The Wee Free Men]. Moscow: Eksmo.
5. Milne, A.A. (2000) *Winni Pukh. Dom v Medvezh'em Uglu* [Winnie-the-Pooh. The House at Pooh Corner]. Moscow: Agraf.
6. Borges, J.L. (1997) Chetyre tsikla [The Four Cycles]. In: *Sochineniya* [Works]. In 3 vols. Vol. 2. Moscow. pp. 255–256.
7. Campbell, J. (1997) *Tysyachelikiy geroy* [The Hero with a Thousand Faces]. Moscow: Vakler, REFL-book, AST.
8. Rank, O. & Sachs, H. (1998) Psikhoanaliticheskoe issledovanie mifov i skazok [The Psychoanalytic Study of Myths and Fairy Tales]. In: *Mezhdu Edipom i Ozirisom: Stanovlenie psikhoanaliticheskoy kontseptsii mifa* [Between Oedipus and Osiris: The Formation of the Psychoanalytic Concept of Myth]. Lvov: Initsiativa; Moscow: Sovershenstvo. pp. 207–244.
9. Pogorelskiy, A. (1989) Chernaya kuritsa, ili Podzemnye zhiteli [The Black Hen, or The Underground People]. In: *Za gorami, za lesami: Skazki russkikh pisateley XIX v.* [Beyond the Mountains, Beyond the Forests: Fairy Tales by Russian Writers of the 19th Century]. Moscow: Prosveshchenie. pp. 217–249.
10. Evzlin, M. (1993) *Kosmogoniya i ritual* [Cosmogony and Ritual]. Moscow: Radiks.
11. Timanova, O.I. (2008) Mifopoeticheskie konteksty "Volshebnoy povesti" Antoniya Pogorel'skogo "Chernaya kuritsa, ili Podzemnye zhiteli" [Mythopoetic contexts of Antony Pogorelsky's "Magic Tale" "The Black Hen, or The Underground People"]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina.* 4 (16). pp. 19–27.
12. Eeden, F. van (2019) *Malen'kiy Yokhannes* [Little Johannes]. Moscow: RIPOL klassik / KiT.
13. Saint-Exupéry, A. de (2008) *Malen'kiy prints* [The Little Prince]. Moscow: Eksmo.
14. Lindgren, A. (2005) *Vse o ...: Mio, moy Mio!; Brat'ya L'vinoe Serdtse; Super-syshchik Kalli Blumkvist; Kroshka Nil's Karlsson: Povesti-skazki* [All about ...: Mio, My Son; The Brothers Lionheart; Bill Bergson, Master Detective; Little Nils Karlsson: Fairy Tale Novellas]. St. Petersburg: Azbuka-klassika.
15. Lindgren, A. (2021) *Tri povesti o Malyshe i Karlsone* [Three Stories about Little Boy and Karlsson]. St. Petersburg: Azbuka-Attikus.
16. Tager, E. (1959) O perevodnykh knigakh dlya detey [On translated books for children]. *Zvezda*. 2. p. 246.
17. Metcalf, E.-M. (2002) *Astrid Lindgren*. Moscow: Swedish Institute. (In Russian).
18. Mäkelä, H. (2017) *Strashnyy gospodin Uukh: povest'* [Mr. Clutterbus: A Story]. St. Petersburg: Azbuka-Attikus.
19. Ivanov, V.V. & Toporov, V.N. (1994) Ptitsy [Birds]. In: *Mify narodov mira: entsiklopediya* [Myths of the Peoples of the World: an Encyclopedia]. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Rossiyskaya entsiklopediya. pp. 346–349.
20. Barry, J.M., Kingsley, C. & Grahame, K. (2024) *Piter Pen i Vendi: skazochnye povesti. Kingsli Ch. Deti vody: skazochnaya povest'. Grem K. Veter v ivakh: skazochnaya povest'* [Peter Pan and Wendy: fairy tale novellas. Kingsley C. The Water-Babies: a fairy tale novella. Grahame K. The Wind in the Willows: a fairy tale novella]. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus.
21. Ende, M. (2022) *Momo*. Moscow: Makhaon, Azbuka-Attikus. (In Russian).
22. Raud, E. (2007) *Mufta, Polbotinka i Mokhovaya boroda* [Muff, Half-Shoe and Mossbeard]. Moscow: Astel, AST.
23. Toporov, V.N. (1995) *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in the Field of Mythopoetics: Selected Works]. Moscow: Progress-Kul'tura.
24. Propp, V. (2022) *Morfologiya volshebnoy skazki; Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [Morphology of the Folktale; Historical Roots of the Wonder Tale]. Moscow: KoLibri; Azbuka-Attikus.
25. Jansson, T. (2024) *Shlyapa Volshebnika: Mumi-trolli i vse-vse-vse. Kniga 1: povesti-skazki* [Finn Family Moomintroll: The Moomins and All-All-All. Book 1: Fairy Tale Novellas]. St. Petersburg: Azbuka-Attikus.
26. Karjalainen, T. (2019) *Tuve Yansson: Rabotay i lyubi* [Tove Jansson: Work and Love]. Moscow: AST.
27. Sverdlov, M.I. (n.d.) *"Vinni-Pukh" Alana Milna: tipizatsiya egoizma i lyubov' vopreki* [Alan Milne's "Winnie-the-Pooh": The Typification of Egoism and Love in Spite of Everything]. [Online] Available from: https://magisteria.ru/masterpieces-of-childrens-literature/winnie-the-pooh-by-alan-milne (Accessed: 15.02.2026).

28. Chukovskiy, K.I. (2013) Bor'ba za skazku [The Struggle for the Fairy Tale]. In: *Samoe luchshee. Serebryanyy gerb. Ot dvukh do pyati* [The Very Best. The Silver Coat of Arms. From Two to Five]. Moscow: AST. pp. 479–538.
29. Bachelard, G. (2022) *Poetika prostranstva* [The Poetics of Space]. Moscow: Ad Marginem Press: Garage Museum of Contemporary Art.
30. Genis, A. (2024) *Kamasutra knizhnika. Uroki chteniya* [The Book Lover's Kama Sutra. Reading Lessons]. Moscow: AST: Redaktsiya Eleny Shubinoy.

Информация об авторе:
Московкина Е.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: evgenya.moskovkina@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
E.A. Moskovkina, Cand, Sci, (Philology), associate professor, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: evgenya.moskovkina@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.05.2025;
одобрена после рецензирования 17.07.2025; принята к публикации 10.10.2025.

The article was submitted 28.05.2025;
approved after reviewing 17.07.2025; accepted for publication 10.10.2025.

Научная статья
УДК 82.01/.09
doi: 10.17223/15617793/519/6

Символистская критика и новые тенденции в русском академическом литературоведении начала XX в.

Анна Борисовна Стрельникова[1, 2]

[1] *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*
[2] *Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия*
[1, 2] *annas24@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена изучению аспектов влияния символистской критики на академическое литературоведение в России начала XX в. Выявлено, что символистская критика способствовала обращению литературоведения к современному литературному процессу; философско-эстетическая программа символизма во многом обусловила появление нового предмета исследования и соответствующей предмету методологии; научные публикации, наметившие новые литературоведческие направления, в аспекте лингвостилистики обнаруживают существенные элементы публицистического стиля.
Ключевые слова: русские символисты, символистская критика, русское академическое литературоведение, поэтика, публицистика

Источник финансирования: результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2024-0008.

Для цитирования: Стрельникова А.Б. Символистская критика и новые тенденции в русском академическом литературоведении начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 519. С. 49–55. doi: 10.17223/15617793/519/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/519/6

Symbolist criticism and new trends in Russian academic literary studies at the turn of the 20th century

Anna B. Strelnikova[1, 2]

[1] *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*
[2] *National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation*
[1, 2] *annas24@yandex.ru*

Abstract. The article considers the impact that symbolists' critics had on Russian academic literary studies at the turn of the 20th century. In the history of Russian literature, Symbolism is a phenomenon of a special order, extending beyond the framework of a literary movement or school: Russian Symbolism formed its own philosophical and artistic system, which influenced the subsequent development of various areas and institutions of culture. The Symbolists perceived criticism as a type of creative activity and emphasized its special interpretive and prognostic potential. In contrast to the traditions of 19th-century criticism, the Symbolists outlined a number of principles defining the specificity of "new" criticism: a focus on questions of aesthetics (language, style, form) and the original artistic concept presented in the work, the strengthening of the philosophical component in the process of interpretation, and a change in the linguistic and stylistic toolkit of critics themselves. These same substantive orientations determine the main aspects of the influence of Symbolist criticism on Russian literary studies of the early 20th century, namely, its object, subject, methodology, concepts, and also the style of scholarly discourse. At the turn of the 20th century, the contemporary literary process increasingly becomes the object of academic literary studies. A significant stage in the temporal and spatial convergence of Russian literature and literary studies was the publication in 1914–1916 of the monograph *Russkaya literatura XX veka (1890–1910)* edited by S.A. Vengerov, which creates a panorama of the contemporary literary process. In this monograph, the same writer could appear in the collection both as an object of study and as the author of an article. Considering the change in the internal specificity of the object under examination, the subject of scholarly knowledge in Russian literary studies at the beginning of the 20th century naturally changed as well. Symbolist criticism was directed towards the understanding of a work of art as an aesthetic phenomenon, original and unique in the integrity of its idea and form. This orientation had a philosophical-aesthetic justification, expressed in the idea of pan-aestheticism, according to which the world is an aesthetic phenomenon embodying the creative energy of its creator. The interpretation of a work of art among the Symbolists is of a subjective-interpretive nature and is fundamentally far from any claim to discovering some objective and universally shared content. This idea would later be

© Стрельникова А.Б., 2025

developed in the mid-20th century (and beyond) in connection with the emergence of the Konstanz School, which formed the theory and methodology of receptive aesthetics. In both their criticism and their artistic works, the Symbolists outlined a whole range of groundbreaking ideas that subsequently received theoretical justification and development in literary, linguistic, and philosophical scholarship: the philosophy of dialogue, the theory of poetic language, and others. The crucial literary studies works of V.M. Zhirmunsky and V. Shklovsky from the second half of the 1910s reveal, in their stylistic aspect, a number of characteristics that do not align with the unemotional and abstractly generalizing discourse of the scholarly article; their style is formed at the intersection of scientific, publistic and belles-lettres styles.
Keywords: Russian symbolists, symbolists' criticism, Russian academic literary studies, poetics, publicistics

Financial support: This research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No FSWM-2024-0008.

***For citation*:** Strelnikova, A.B. (2025) Symbolist criticism and new trends in Russian academic literary studies at the turn of the 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 519. pp. 49–55. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/519/6

Рубеж XIX–XX вв., открывающий в истории русской литературы и культуры эпоху модерна, традиционно рассматривается как пограничный, переходный от классической художественной парадигмы к неклассической. В контексте исследований В.Н. Топорова, когда история русской литературы представлена не периодами, а циклами, временной интервал порубежья может рассматриваться как «узел», в котором происходит «свертывание предыдущей структуры и завязь новой» [1. С. 6]. «Узловая» сущность исторического этапа, в отличие от гетерогенности самого цикла, определяется принципиальной нестабильностью ввиду внутренних «осмотических процессов», обусловливающих динамику переходного состояния и способствующих возникновению новых микро- и макроединств. Таким образом, смысл «узловой» эпохи определяется не только и не столько тем, что происходит в рамках определенного временного интервала, сколько проясняет внутреннюю логику движения от того, что было, к тому, что стало, а роль «узла», по определению исследователя, заключается «в исторической оценке и прогнозировании одновременно, в указании конца и начала и наметке путей, соединяющих их» [1. С. 6].

Представление о переходности эпохи рубежа XIX–XX вв. объективно связано с кризисом христианской религии, разочарованием в господствующих в науке и культуре второй половины XIX в. идеях эволюционизма, европоцентризма и позитивизма, изменением представлений о причинно-следственной логике развития исторического процесса. В результате в культуре модерна предметом художественной и философской рефлексии становится субъект, с его сложным, многоуровневым и многоаспектным внутренним миром, что манифестирует попытку самособирания личности, оказавшейся под угрозой распада ввиду фрагментарности и бессистемности мира окружающего. В этой связи намечается и интенсивное развитие гуманитарных наук, и смещение фокуса от естественно-научного знания на знание о человеке и его внутренней жизни. Так, Д.С. Мережковский с присущей ему проницательностью фиксировал: «Мы начинаем замечать, что слишком увлеклись материальной стороной культуры, могуществом техники, довольно подозрительными дарами цивилизации» [2. С. 416]. Не менее характерным для умонастроений эпохи выглядит и высказанное в начале 1897 г. замечание журнального обозревателя С. Поварнина: «Как резкой характеристической чертой 60-х гг. было господство естественных наук, так теперь, по нашему мнению, на смену им выступают Науки о человеке – философия, психология, история, социология. Начинается новый период умственной жизни. Особенно характерно постепенное возрастание интереса к философии, проходящее красной чертой в современной науке и литературе» (цит. по: [3. С. 50]). Добавим здесь, что справедливо вышесказанное и в отношении современной эпохе науки о литературе.

Кризис, наметившийся в европейском и отечественном литературоведении конца XIX в., был связан с постановкой и осмыслением целого ряда принципиальных вопросов о предмете и методах изучения литературы и научном статусе самого исследовательского направления. Ввиду специфики развития отечественного литературоведения в советскую эпоху, сегодня важным видится объективное изучение и осмысление логики развития истории отечественного литературоведения. Существенный вклад в изучение истории отечественной науки о литературе внесли работы «Русская наука о литературе в конце XIX – начале XX века» (под редакцией П.А. Николаева) [4], «Наука о литературе в XX века: (История, методология, литературный процесс)» (под редакцией А.А. Ревякиной) [5], «Пути и вехи: Русское литературоведение в XX веке» Д.М. Сегала [6], сборник материалов конференции «Русское литературоведение XX века: имена, школы, концепции» [7]; обозначим в этом ряду и исследование, представленное в обобщающей и систематизирующей форме учебного пособия – «Русское академическое литературоведение: История и методология (1900–1960-е годы)» В.Е. Хализева, А.А. Холикова и О.В. Никандровой [8] (тот случай, когда учебная литература имеет несомненное научное значение). В частности, в пособии авторы, говоря о методологии литературоведческой науки, высказывают мысль о существенной значимости вненаучных интерпретационных опытов, реализовывавшихся на рубеже XIX–XX вв. в форме «символистских критико-литературных штудий» [8. С. 19–20]. В этом же направлении размышляет В.Н. Крылов, исследовавший культурный феномен символистской критики и высказавший предположение о том, что «литературно-критическая деятельность символистов была ориентирована не столько на осмысление собственного творческого опыта, сколько опыта общенаправленческого; в ней преобладала установка на теоретическое самосознание литературного процесса конца XIX – начала XX в.» [3. С. 17].

В статьях О.А. Клинга на основе анализа разных редакций статьи «Задачи поэтики» установлено, что понимание поэтики как науки у В.М. Жирмунского (а также русских формалистов) восходит к символистской критике [9], а линия философского литературоведения, намеченная в работах Д. Мережковского, А. Белого, Вяч. Иванова и прервавшаяся в трудах формальной школы, нашла свое продолжение в 1920-е гг. в научных трудах М.М. Бахтина [10]. Из вышесказанного создается представление о многоаспектности влияния символистской критики на отечественное литературоведение предреволюционной эпохи и возникает потребность установления его граней.

Символистская критика – феномен, занимающий особое место в истории русской литературной критики: символизм выходил за рамки эстетической школы, формируя собственную философско-художественную систему, основные положения которой отражались как в художественных, так и литературно-критических текстах, которым символисты уделяли повышенное внимание. Символизм, в основе которого антимиметический художественный принцип, претендовал на создание собственного мира, некой культурной надстройки над миром реальным, позволяющей преодолеть его хаос и раздробленность, открывая непреходящие ценности и смысл человеческой жизни. На смену представлениям о литературе-зеркале, отражающем общественное сознание определенного исторического периода, приходит представление о художественном произведении как самоценном эстетическом феномене. Отсюда возникала глубокая потребность в обновлении целей и задач литературной критики, отвечающей специфике осмысляемого ею предмета и способной задать новую перспективу в понимании литературного произведения и литературного процесса. Потребность эта была продиктованная недоверием символистов к традициям критики XIX в., удел которой был «брюзжать, что-то зачем-то признавать и что-то зачем-то отвергать – очень часто случайно, без всякой почвы под ногами и без всякой литературной перспективы» [11. С. 203], а принципы во многом способствовали тому, что само понятие «критика» в сознании обычного человека стало ассоциироваться со словом «брань» [12]. В работе В.Н. Крылова, освещающей вопросы генезиса, функций и принципов символистской критики, установлено, что особое значение этого вида творческой деятельности сами символисты видели в ее интерпретационном и прогностическом потенциале [3. С. 284]. В этой связи (и в противовес традициям критики XIX в.) современниками обозначался целый ряд определяющих специфику «новой» критики принципов: фокус на вопросах эстетики (язык, стиль, форма) и представленной в произведении оригинальной художественной концепции, усиление философской составляющей в процессе истолкования, изменение языкового и стилистического инструментария самого критика [3. С. 62]. Думается, эти же содержательные установки в сущности определяют основные аспекты влияния символистской критики на отечественное литературоведение начала XX в., а именно: его объект, предмет, методологию, концепции, а также стилистику научного высказывания.

Отечественное академическое литературоведение XIX в. было по преимуществу обращено к исследованию фольклора и словесности минувших эпох (труды Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни). В этом контексте примечательно и воспоминание Ф.Д. Батюшкова о А.Н. Веселовском: «В течение многих лет мне не удавалось убедить Александра Николаевича прочесть “Братьев Карамазовых” Достоевского» (цит. по: [8. С. 43]). Исключением, подтверждающим общее правило, являются работы С.П. Шевырева, академического ученого, выступавшего также и в роли критика, и А.Н. Пыпина, завершившего свой четырехтомный труд об истории русской литературы исследованием творчества писателей конца XVIII – первой половины XIX в. При этом поздние работы А.Н. Веселовского (о А.С. Пушкине (1899) и В.А. Жуковском (1904)) свидетельствуют об изменении фокуса литературоведческой науки и постепенном приближении ее к осмыслению современного литературного процесса. Принципиальную роль в этом поступательном процессе обращения литературоведения к современности (и пересечение ее в аспекте объекта исследования с литературной критикой) сыграли труды Ф.Д. Батюшкова, Д.Н. Овсянико-Куликовского, М.Н. Розанова, молодого В.М. Жирмунского.

Знаменательным этапом встречи во времени и пространстве отечественной литературы и литературоведения становится издание в 1914–1916 гг. трехтомной коллективной монографии «Русская литература XX века (1890–1910)» под редакцией профессора С.А. Венгерова [13]. В контексте разговора о символисткой критике это знаменитое издание обращает на себя особое внимание ввиду двух примечательных фактов. Во-первых, один и тот же писатель мог выступать в сборнике как объект изучения и как автор статьи. Во-вторых, издание создавало довольно широкую панораму современного литературного процесса, включая представителей самых разных эстетических направлений – З. Гиппиус, Д. Мережковский, Ф. Сологуб, Вяч. Иванов, М. Горький, И. Бунин, Б. Зайцев и др. Такая «плюралистская» установка была свойственна и Пушкинскому семинарию, которым Венгеров руководил: «Ни в самих темах, ни в тех отправных пунктах, которые в них намечены, нет ничего обязательного. И рядом с темами, предлагаемыми мной, дается широкая возможность писать на всякого рода “вольные” пушкинские темы» [14. С. 15]. Этот же подход был свойствен и символисткой критике, поскольку писатели сознательно делали акцент на индивидуально-интерпретационном характере своей работы, о чем свидетельствуют работы В. Брюсова, Д. Мережковского, И. Анненского и др. [15. С. 19–20]. Эта тенденция будет развиваться в литературоведении во второй половине XX–XXI вв.: «персонализм» оказался принципиально важен ввиду гуманитарной специфики научного знания о художественной литературе, поскольку аналитизм литературоведческой мысли, лишенный «*следа* личности и мироотношения филолога» [8. С. 17], имеет характер механистический и не позволяет проникнуть в суть творения искусства.

С учетом изменения внутренней специфики осмысляемого объекта в русском литературоведении начала

XX в. естественным образом менялся и предмет научного знания. Как говорилось выше, символистская критика была обращена к осмыслению художественного произведения как эстетического феномена, оригинального и неповторимого в своей неразделимой целостности – идеи и формы. Эта установка имела философско-эстетическое обоснование, выражающееся в идее панэстетизма, согласно которой мир есть эстетический феномен, воплощающий в себе творческую энергию создателя. Как отмечает в своей работе Ю.А. Говорухина, вместо социальной действительности, имевшей принципиальное значение для позитивистской критики, в фокусе внимания оказывается «идея Красоты, которая не зарождается, а уже есть, запечатлена в текстах и может быть уловлена критиком (В. Соловьев), религиозно-философская перспектива (Д. Мережковский), «онтология меонизма» (Н. Минский) и т.п.» [15. С. 23]. В этой связи показательно развитие в русле теории литературы начала XX в. такого направления, как поэтика, цель и задачи которого будут позже изложены в статье В.М. Жирмунского начала 1920-х гг. (первое издание в 1921 г.). Сам Жирмунский в предисловии к сборнику своих трудов «Вопросы теории литературы» фиксировал, что «живые импульсы для методологических исканий в области вопросов литературной формы фактически были восприняты нами от теоретиков символизма, заставивших по-новому заинтересоваться и академической традицией изучения поэтики» [16. С. 8]; что Вяч. Иванов, А. Белый и «их единомышленники» «углубляя исконные романтические устремления русского символизма, видели в поэтическом произведении систему символических выразительных средств для художественной интуиции поэта, и таким образом пытались наметить связь между проблемами философско-историческими и формальными» [16. С. 9]. По мнению Жирмунского, существенный вклад в изучение поэтического слова внесли именно современные ученому поэты, «нередко более сведущие в вопросах поэтического искусства, чем ученые филологи» [16. С. 18]. В числе этих поэтов-символистов ученый называет В. Брюсова и его работы по стихотворной технике А. Пушкина, Ф. Тютчева и др; Вяч. Иванова и его Поэтическую Академию, объединившую поэтов и филологов, занимающихся изучением поэзии; А. Белого и его книгу «Символизм» (признанной в качестве «поворотного этапа» в изучении русского стихосложения [17. С. 27]).

Рассуждая о сущности поэтики как научной дисциплины, В.М. Жирмунский подчеркивает условность разделения в искусстве содержательного («что») и формального («как») аспектов. Позиция исследователя в этом вопросе со всей ясностью выражена в следующем фрагменте: «Всякое новое содержание неизбежно проявляется в искусстве, как форма: содержания, не воплотившегося в форме, т.е. не нашедшего себе выражения, в искусстве не существует. Точно также всякое изменение формы есть, тем самым, уже раскрытие нового содержания, ибо пустой формы не может быть там, где форма понимается, по самому определению, как выразительный прием по отношению к какому-нибудь содержанию» [16. С. 21].

По мнению В.М. Жирмунского, «в пределах поэтики, как науки о поэтическом искусстве, не может быть двойственности между “выражаемым” и “выражением”» [16. С. 22]. Отсюда следует вывод о необходимости развития в рамках теоретической поэтики специальных направлений исследований по аналогии с лингвистическими дисциплинами, имеющими дело с единством формы и содержания лингвистического знака – поэтических фонетики, словообразования и словоизменения (морфологии), синтаксиса, поэтической семантики и лексикологии и т.д. Объединяющая все эти дисциплины поэтическая стилистика, заключенная в триединство с тематикой и композицией, обеспечивала бы исследователя художественного произведения необходимой методикой.

Истолкование художественного произведения у символистов носит субъективно-интерпретационный характер, оно точно и полно в единственной заданной воспринимающим сознанием критика перспективе, всегда частной и принципиально далекой от претензии на открытие некоего объективного и общеразделяемого содержания художественного произведения. Это было обусловлено логикой символистского искусства, в рамках которого истина есть тайна, и познание тайны всегда субъективно, это прозрение, осуществляющееся через самоуглубление и самопознание. Как совершенно справедливо указывает Ю.А. Говорухина [15. С. 23], эта идея получит свое развитие начиная с середины XX в. в связи с возникновением Констанцской школы, сформировавшей теорию и методику рецептивной эстетики, предполагающей индивидуальную интерпретационную стратегию в процессе созидания художественного смысла произведения (феноменологическое направление) и постоянное переосмысление художественного произведения в культуре (историко-литературное направление). Зоны смысловой неопределенности, или белые пятна, активизирующие интерпретационную деятельность читателя (в частности, критика, профессионального филолога), обеспечивают жизнь произведения в перспективе времени и обусловливают возможность новых прочтений ввиду изменений горизонта читательских ожиданий, возникновения исторической дистанции, изменения контекста восприятия произведения, появления иного воспринимающего субъекта и т.д. В этом смысле, установка, заданная в современном учебном пособии по русскому академическому литературоведению, безапелляционна: «Безоглядный интерпретационно-аналитический оптимизм («пришел, увидел, исчерпывающе полно познал) несостоятелен» [8. С. 23].

Еще одной отличительной чертой символистской критики становится ее адресат. Показательно, что символисты первыми создали «высокую» критику, противопоставленную критике массовой. «Высокая» критика символистов была «делом элитарным» [15. С. 18] и адресовалась узкому кругу «профессионалов», культивируя образ критика/читателя-поэта [15, 18], видящего даже дальше, чем самый гениальный художник. Эта установка соотносима с философией диалога – направлением философской мысли, возникшим в 1920-е гг. и в отечественной литературоведческой

науке связанным в первую очередь с именем М.М. Бахтина. Действительно, в критике символистов и их художественной практике в целом был намечен целый ряд прорывных, часто весьма провокационных для своего времени идей, впоследствии получивших теоретическое обоснование и развитие в литературоведческой, лингвистической и философской науках. Ближайшими преемниками идей символистов стали русские формалисты (как это ни странно с учетом эстетического противостояния футуристов и символистов). Прием остранения (Б. Шкловский) вырастал из символистской мысли о необходимости создания в искусстве образа, преодолевающего привычные контексты (ср. со стратегией создания непривычных, нарушающих автоматизм восприятия образов (например, «зеленые собаки ревности» или «голодные царевны в пустыне»), о которой в одной из своих статей говорит Ф. Сологуб [19]). Концепции поэтического языка (Р. Якобсон) предшествовало представление символистов о музыке, превосходящей в своем значении все другие виды искусства, и принципиальное внимание русских поэтов-символистов к форме стиха, выражавшееся не только в их произведениях, но и критической и эссеистической рефлексии (В. Брюсов, А. Белый). Как совершенно справедливо отметил уже Жирмунский, А. Блок был «отнюдь не ученик, а скорее – учитель футуристов». Символистская идея о самоценности созданных в искусстве «единичностей» по-своему подготовила развитие теории формализма и вслед за ней структурализма. Думается, что истоки и логика развития в отечественном литературоведении каждой из вышеперечисленных идей заслуживают отдельного внимания и могут быть подробно исследованы в связи с изучением эссеистского и публицистического творчества Ф. Сологуба, З. Гиппиус, И. Анненского, В. Брюсова и других видных представителей символистского движения.

Наконец, обратим внимание на стилистику некоторых «прорывных» для своего времени литературоведческих статей – «Преодолевшие символизм» В. Жирмунского (1916) [16. С. 278–321] и «Искусство как прием» В. Шкловского (1917) [20]. Содержательно публикации отражали те важные установки, о которых речь шла выше. Объектом исследования в статье В.М. Жирмунского была современная исследователю поэзия акмеистов, заявивших о себе в начале 1910-х и в 1912 г. объявивших о новом в русской литературе эстетическом направлении (акмеизме). Предметно, это действительно был глубокий анализ поэтических произведений, ориентированный на символистскую критику с точки зрения воссоздания индивидуального образа художника через анализ поэтики его произведений (А. Ахматова, О. Мандельштам, Н. Гумилев) и выстраивающий внутреннюю логику развития литературного процесса от символизма к постсимволизму (творчеству поэтов «Гиперборея»). Статья В. Шкловского, в которой автор апеллирует к творчеству классиков (Л. Толстого, Ф. Тютчева) с неизменной оговоркой об использовании данного материала исключительно в силу его общеизвестности, становится одной из ключевых в истории ОПОЯЗа (организации, изначально обращенной к проблемам современного поэтического языка) и знаковой для развития теории литературы, впервые предлагая для исследования художественного произведения понятия прием, остранение, автоматизация. При этом в стилистическом аспекте данные работы Жирмунского и Шкловского далеко не всегда вписываются в безэмоциональный, объективный, отвлеченно-обобщающий дискурс научной статьи (по сравнению, например, с другой научной публикацией Жирмунского «Задачи поэтики» (1921), выдержанной в строгой академической стилистике).

Во-первых, Жирмунский в ранней публикации активно использует дейктические маркеры времени, сообщающие тексту актуальность и воссоздающие современный читателю литературный контекст: «*Прошлой зимой* те же поэты выпустили в свет по новой книжке» (здесь и далее курсив наш. – *А.С.*) [16. С. 288]; «Всего яснее это направление ее дарования сказалось в поэме “У самого моря” (Аполлон. 1915. № 3) и в некоторых *недавних* стихах» [16. С. 289].

Дейктические локативные наречия «здесь» и «там», характерные для устной речи, используются в статье для обозначения произведений как пространства реализации художественных приемов: «*Там* – певучесть песни, мелодичность, иногда напоминающая романс; *здесь* – нечто сходное по впечатлению с прозрачными и живописными гармониями Дебюсси» [16. С. 290].

Шкловский эпизодически напрямую обращается к читателю: «образы, которые *вы считали* созданными данным поэтом, употребляются им взятыми от других» [20. С. 8]; «Одинаковость приема данной вещи с приемом “Холстомера”, я думаю, *видна каждому*» [20. С. 20].

Во-вторых, в текстах статей присутствуют метафоры, однако это не метафоричность, характерная для терминообразования. Метафоры, метонимии, олицетворения, используемые исследователями, свидетельствуют тяготении к выразительной речи и намерении создавать яркие, воздействующие на читательское сознание образы: «Из *интеллигентского монастыря* внезапно открылся выход в *вольный и широкий мир*» [16. С. 278]; «О философских и художественных причинах расхождения этой молодежи с символистами *поведали миру* акмеистические манифесты Гумилева и Городецкого, напечатанные в Аполлоне» [16. С. 286]; «Автоматизация съедает вещи, платье, мебель, жену и страх войны» [20. С. 13].

Кроме того, Шкловский использует выразительные средства для создания комического эффекта: «вывод, *влюбивший в себя*, в силу родственности идей, символистов» [20. С. 9]; «*героическую попытку* создать теорию искусства *на основе непроверенных фактов из устаревших книг*, большого знания приемов поэтического творчества и на *учебнике физики Краевича по программе гимназий*» [20. С. 11].

В-третьих, обращает на себя внимание использование синтаксических выразительных средств, разнообразных инверсий, синтаксического параллелизма, анафор, риторических вопросов и обращений: «*Не случайная близость* объединила молодое поколение, *не случайная вражда* оторвала их от символистов, а внутреннее родство и единство…» [16. С. 316]; «*Их учителем является*

Вл. Соловьев, и как религиозный мыслитель, и как лирик; *их соратниками в веках должны быть названы* первые немецкие романтики» [16. С. 279–280]; «Рядом с этим выразительным и законченным кинематографическим лубком *поставьте* изображение другой культурной среды и другого художественного стиля» [16. С. 306].

В-четвертых, использование разговорной интонации, проявляющейся в нетипичном для научного дискурса выборе лексических единиц, часто в сочетании с литературоведческой терминологией: «Она *любит* прерывистые, замедленные, *синкопированные* ритмы» [16. С. 291]; «*принцип экономии* творческих сил, который *так соблазнителен*…» [20. С. 11]; «*Любопытно присмотреться* к тому, как выбирает Мандельштам те частности и детали, которыми он воссоздает впечатление той или иной художественной культуры» [16. С. 309]; «*Вот "его" руки*: Но, поднявши руку сухую,/ Он слегка потрогал цветы...» [16. С. 297]; «*А вот еще другие руки*: Как непохожи на объятья / Прикосновенья этих рук» [16. С. 297].

Наконец, отметим изменения, происходящие в организации текста в аспекте субъектности. В основном высказывание строится от первого лица множественного числа (что является типичным для научного текста). Однако под «мы» у Жирмунского эпизодически подразумеваются сами художники слова, как будто рефлексирующие собственное искусство: «*Будем гореть* жизнью, *будем принимать и благословлять* жизнь и в радости и в горе…» [16. С. 279].

В рамках одного предложения или абзаца может происходить переход от объективного повествования в третьем лице единственном числе к внутренней речи упомянутого ранее эстетического субъекта, раскрывающей его художественные принципы: «*Искусство начинается для него* с того мгновения, когда хаос побежден: *смысл* жизни уже *найден*, есть абсолютное средоточие в мире, вокруг которого все предметы располагаются в правильном и прекрасном порядке. *Не надо подходить* к жизни с преувеличенной, индивидуалистической требовательностью: тогда ломаются и искажаются взаимоотношения всех явлений» [16. С. 280–281].

Тот же эффект достигается опущением личного местоимения при сказуемом в односоставном предложении (неразличение «они» и «мы»): «Кажется, *поэты устали* от погружения в последние глубины души, от ежедневных восхождений на Голгофу мистицизма; *снова захотелось быть* проще, непосредственнее, человечнее в своих переживаниях, *захотелось отказаться* от чрезмерной индивидуалистической требовательности к жизни, ломающей и разрывающей живые жизненные связи, бытовые узы между людьми. *Хочется быть*, "как все"; *утомились* чрезмерным лиризмом, эмоциональным богатством, душевной взволнованностью, неуспокоенным хаосом предшествующей эпохи. *Хочется говорить* о предметах внешней жизни, таких простых и ясных, и об обычных, незамысловатых жизненных делах» [16. С. 283].

В статье Шкловского частотны (и встречаются в соседствующих абзацах) переходы от местоимения «мы» к «я»: «*Я извиняюсь* за тяжелый пример, но он типичен» [20. С. 14]; «*Здесь же повторяю*, что в параллелизме важно…» [20. С. 20].

Как видно из приведенных выше примеров, прагматические установки этих исследовательских текстов преодолевают границы научного дискурса.

Таким образом, гипотеза о влиянии символистской критики на развитие отечественной литературоведческой мысли находит свое подтверждение по целому ряду оснований. На рубеже XIX–XX вв. в качестве объекта академического литературоведения все чаще выступает современный литературный процесс; предметом исследований становится оригинальное художественное произведение в единстве формы и содержания, отражающее авторскую попытку миромоделирования; методология исследования предполагает возможность множественных подходов, не противоречащих, а взаимодополняющих друг друга; и стилистика отдельных научных статей формируется на стыке собственно научного и художественно-публицистического типа высказываний.

Список источников

1. Топоров В.Н. К вопросу о циклах в истории русской литературы // Литературный процесс и развитие культуры XVIII–XX вв. : тез. науч. конф. Таллин, 1985. С. 4–10.
2. Мережковский Д.С. Мистическое движение нашего века // Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы / подгот. Е.А. Андрущенко; [отв. ред. А.В. Лавров]. СПб. : Наука, 2007. С. 415–424.
3. Крылов В.Н. Русская символистская критика конца XIX – начала XX века: генезис, традиции, жанры. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2005. 268 с.
4. Русская наука о литературе в конце XIX – начале XX века / отв. ред. П.А. Николаев. М. : Наука, 1982. 389 с.
5. Наука о литературе в XX веке: (История, методология, литературный процесс) : сб. ст. / редкол.: А.А. Ревякина (отв. ред. и сост.) и др. М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2001. 300 с.
6. Сегал Д.М. Пути и вехи: Русское литературоведение в XX веке. М. : Водолей, 2011. 280 с.
7. Русское литературоведение XX века: имена, школы, концепции : материалы Междунар. науч. конф., Москва, 26–27 ноября 2010 года / Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова. М. : Общество с ограниченной ответственностью «Нестор-История», 2012. 320 с.
8. Хализев В.Е., Холиков А.А., Никандрова О.В. Русское академическое литературоведение: История и методология (1900–1960-е годы) : учеб. пособие. 2-е изд, испр. и доп. М. ; СПб. : Нестор-История, 2017. 176 с.
9. Клинг О.А. Влияние литературоведения русских символистов на понимание В.М. Жирмунским поэтики как науки // Филологический класс. 2019. № 3 (57). С. 8–12.
10. Клинг О.А. М.М. Бахтин и русские символисты // Филологический класс. 2020. Т. 25, № 4. С. 9–17.
11. Блок А. О современной критике // Блок А. Собрание сочинений : В 8 т. Т. 5. М. ; Л. : Художественная литература, 1962. С. 203–208.
12. Сологуб Ф. Демоны поэтов // Критика русского символизма : В 2 т. Т. 1 / сост., вступ. ст., преамбулы и примеч. Н.А. Богомолова. М. : Олимп: АСТ, 2002. С. 321–333.
13. Русская литература XX века (1890–1910) / под ред. проф. С.А. Венгерова : В 2 кн. М.: Издат. дом «XXI век – Согласие», 2000.
14. Венгеров С.А. Предисловие // Пушкинист: Историко-литературный сборник / под ред. проф. С.А. Венгерова. СПб. : Типогр. А.С. Дресслера, 1914. С. III–XXIV.

15. Говорухина Ю.А. Символистская литературная критика: установки интерпретации, модель критической деятельности // Смысловое пространство текста : сб. науч. ст. межвуз. науч.-практ. конф., Петропавловск-Камчатский, 11 января 2013 года / отв. ред. Г.А. Токарева. Петропавловск-Камчатский : Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга, 2013. С. 15–27.
16. Жирмунский В.М. Вопросы теории литературы. Статьи 1916–1926. Л. : Academia, 1928. 358 с.
17. Холшевников В.Е. Основы стиховедения: русское стихосложение. Л. : ЛГУ, 1972. 168 с.
18. Стрельникова А.Б. «Кому нужны поэты?»: представления Ф. Сологуба о роли литературы в жизни человека и общества // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 506. С. 44–50. doi: 10.17223/15617793/506/5
19. Сологуб Ф. Не постыдно ли быть декадентом // Павлова М.М. Писатель-Инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. М. : Новое литературное обозрение, 2007. С. 494–501.
20. Шкловский В. Искусство как прием // О теории прозы. М. : Федерация, 1929. С. 7–23.

References

1. Toporov, V.N. (1985) K voprosu o tsiklakh v istorii russkoy literatury [On the question of cycles in the history of Russian literature]. In: *Literaturnyy protsess i razvitie kul'tury XVIII–XX vv.* [Literary Process and Cultural Development of the 18th–20th Centuries]: Conference Proceedings. Tallin. pp. 4–10.
2. Merezhkovskiy, D.S. (2007) Misticheskoe dvizhenie nashego veka [The mystical movement of our century]. In: Andrushchenko, E.A. & Lavrov, A.V. (eds) *Vechnye sputniki. Portrety iz vsemirnoy literatury* [Eternal Companions. Portraits from World Literature]. St. Petersburg: Nauka. pp. 415–424.
3. Krylov, V.N. (2005) *Russkaya simvolistskaya kritika kontsa XIX – nachala XX veka: genezis, traditsii, zhanry* [Russian Symbolist Criticism of the Late 19th – Early 20th Century: Genesis, Traditions, Genres]. Kazan: KFU.
4. Nikolaev, P.A. (ed.) (1982) *Russkaya nauka o literature v kontse XIX – nachale XX veka* [Russian Literary Scholarship at the End of the 19th – Beginning of the 20th Century]. Moscow: Nauka.
5. Revyakina, A.A. (ed.) (2001) *Nauka o literature v XX veke: (Istoriya, metodologiya, literaturnyy protsess)* [Literary Scholarship in the 20th Century: (History, Methodology, Literary Process)]. Moscow: INION RAS.
6. Segal, D.M. (2011) *Puti i vekhi: Russkoe literaturovedenie v XX veke* [Paths and Milestones: Russian Literary Studies in the 20th Century]. Moscow: Vodoley.
7. MSU. (2012) *Russkoe literaturovedenie XX veka: imena, shkoly, kontseptsii* [Russian Literary Studies of the 20th Century: Names, Schools, Concepts]. Proceedings of the International Conference, Moscow, 26–27 November 2010. Moscow: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu "Nestor-Istoriya".
8. Khalizev, V.E., Kholikov, A.A. & Nikandrova, O.V. (2017) *Russkoe akademicheskoe literaturovedenie: Istoriya i metodologiya (1900–1960-e gody)* [Russian Academic Literary Studies: History and Methodology (1900–1960s)]. 2nd ed. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
9. Kling, O.A. (2019) Vliyanie literaturovedeniya russkikh simvolistov na ponimanie V.M. Zhirmunskim poetiki kak nauki [The influence of Russian symbolist literary studies on V.M. Zhirmunsky's understanding of poetics as a science]. *Filologicheskiy klass*. 3 (57). pp. 8–12.
10. Kling, O.A. (2020) M.M. Bakhtin i russkie simvolisty [M.M. Bakhtin and the Russian Symbolists]. *Filologicheskiy klass.* 25 (4). pp. 9–17.
11. Blok, A. (1962) O sovremennoy kritike [On modern criticism]. In: *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. In 8 vols. Vol. 5. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. pp. 203–208.
12. Sologub, F. (2002) Demony poetov [The demons of poets]. In: Bogomolov, N.A. (ed.) *Kritika russkogo simvolizma* [Criticism of Russian Symbolism]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Olimp: AST. pp. 321–333.
13. Vengerov, S.A. (ed.) (2000) *Russkaya literatura XX veka (1890–1910)* [Russian Literature of the 20th Century (1890–1910)]. In 2 vols. Moscow: Izdat. dom "XXI vek – Soglasie".
14. Vengerov, S.A. (1914) Predislovie [Preface]. In: Vengerov, S.A. (ed.) *Pushkinist: Istoriko-literaturnyy sbornik* [Pushkinist: Historical-Literary Collection]. St. Petersburg: Tipogr. A.S. Dresslera. pp. III–XXIV.
15. Govorukhina, Yu.A. (2013) [Symbolist literary criticism: interpretation guidelines, model of critical activity]. *Smyslovoe prostranstvo teksta* [The Semantic Space of the Text]. Conference Proceedings. Petropavlovsk-Kamchatsky. 11 January 2013. Petropavlovsk-Kamchatsky: Kamchatka State University. pp. 15–27. (In Russian).
16. Zhirmunskiy, V.M. (1928) *Voprosy teorii literatury. Stat'i 1916–1926* [Questions of Literary Theory. Articles 1916–1926]. Leningrad: Academia. (In Russian).
17. Kholshevnikov, V.E. (1972) *Osnovy stikhovedeniya: russkoe stikhoslozhenie* [Fundamentals of Verse Studies: Russian Versification]. Leningrad: LSU.
18. Strel'nikova, A.B. (2024) "Who needs poetry?": Fyodor Sologub's reflection on the role of literature in human and social life. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 506. pp. 44–50. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/506/5
19. Sologub, F. (2007) Ne postydno li byt' dekadentom [Is it not shameful to be a decadent]. In: Pavlova, M.M. *Pisatel'-Inspektor: Fedor Sologub i F.K. Teternikov* [Writer-Inspector: Fyodor Sologub and F.K. Teternikov]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 494–501.
20. Shklovskiy, V. (1929) Iskusstvo kak priem [Art as technique]. In: *O teorii prozy* [On the Theory of Prose]. Moscow: Federatsiya. pp. 7–23.

Информация об авторе:
Стрельникова А.Б. – канд. филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы XX–XXI веков и литературного творчества Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); доцент отделения иностранных языков Школы общественных наук Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: annas24@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
A.B. Strelnikova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); associate professor, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: annas24@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.09.2025;
одобрена после рецензирования 28.09.2025; принята к публикации 10.10.2025.

The article was submitted 15.09.2025;
approved after reviewing 28.09.2025; accepted for publication 10.10.2025.

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 128/129
doi: 10.17223/15617793/519/7

Преодоление власти времени: метафизика смерти в исповедальной прозе Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского

Марина Борисовна Красильникова [1]

[1] *Рубцовский индустриальный институт (филиал) Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова, Рубцовск, Россия, krasilnikovamb@mail.ru*

Аннотация. Исследуются поиски вневременных оснований конечной, обусловленной временем жизни человека в религиозно-философских построениях Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского. Рассмотрено влияние христианской традиции и культурно-исторического контекста на формирование взглядов писателей, на их понимание проблемы «порога» бытия. Материалом для исследования стала исповедальная проза, соединяющая в себе глубокое личностное осмысление метафизики смерти и отклик авторов на комплекс идей современности.
Ключевые слова: культура, исповедальная проза, религия, смерть, бессмертие, ценности, нравственность

Для цитирования: Красильникова М.Б. Преодоление власти времени: метафизика смерти в исповедальной прозе Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 519. С. 56–62. doi: 10.17223/15617793/519/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/519/7

Overcoming the power of time: The metaphysics of death in Tolstoy's and Dostoevsky's confessional prose

Marina B. Krasilnikova[1]

[1] *Rubtsovsk Industrial Institute (branch) of Polzunov Altai State Technical University, Rubtsovsk, Russian Federation, krasilnikovamb@mail.ru*

Abstract. The understanding of death as a threshold of being reflects the uniqueness of a culture, its deep-seated value and meaning codes, and the emphases placed by a particular epoch. The work of Tolstoy and Dostoevsky is connected to that period in Russian culture when the rational-scientific worldview asserted its right to define the essence and purpose of human life, eliminating its transcendental conditionality. This situation would be interpreted by the writers and would largely predetermine their quest for answers to questions about the boundaries of human existence, not only in the realm of reason but also in the sphere of religion. The material for analyzing the writers' religious-philosophical constructions became their confessional prose. For Tolstoy, this is primarily *A Confession*, and the treatises "On Life" and "What I Believe." In Dostoevsky's work, this is *A Writer's Diary*. It is in these texts that the authors' views and judgments are presented directly. It is important to understand that these texts are not only confession but also publicist writing. This narrative principle allows us to see the embeddedness of the authors' thought in the cultural context. The writers' reflections are presented as religious-philosophical quests. In their judgments, both oppose the emerging dictate of scientific-rational views on human nature, yet at the same time, they step beyond the boundaries of the Christian tradition. Tolstoy creates a "new" religion, "corrects" the Christian version of overcoming death, and provides his own reading of canonical texts. The starting point of his teaching was impersonalism. He has no doctrine of individual immortality; he speaks of the immortality of humanity. Overcoming death is possible only by renouncing personal consciousness, by incorporating personal life into "universal" life. Man communes with the unitary World-Absolute through practical moral and rational activity. In contrast to Tolstoy, Dostoevsky's focus is always on the personality. His worldview is characterized by anthropocentrism. In *A Writer's Diary*, the author addresses a series of real events and stories in which death becomes a reflection of the understanding of the essence of man. The threshold situation (suicide, reflection on death), created by the author or taken from life, is accompanied by an exposition of the author's own views. The writer proceeds from the premise that man is included in the world order of nature but can and must rise above this order. The uniqueness of human existence requires a guarantee of eternity, rooted in a higher principle. The ultimate questions about man are comprehended and resolved by two equally great writers in the context of the main ideas of the era. But if Tolstoy responds to the challenges of the era monologically—with a teaching that must be heard and understood, Dostoevsky's thought is woven into the polyphony of the era's ideas, framed in debate, inquiry, and dialogue.
Keywords: culture, confessional prose, religion, death, immortality, values, morality

© Красильникова М.Б., 2025

***For citation*:** Krasilnikova, M.B. (2025) Overcoming the power of time: The metaphysics of death in Tolstoy's and Dostoevsky's confessional prose. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 519. pp. 56–62. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/519/7

Каждая культура и каждая историческая эпоха по-своему отвечают на вопросы о пределах бытия человека, о временной обусловленности его жизни. В «переживании» смерти как порога бытия, в идеях преодоления времени отражается своеобразие культуры, ее глубинные установки и те акценты, которые расставляет определенная эпоха. Не случайно Ю. Лотман полагал, что концепция смерти, реализуемая в определенной культуре, является зеркальным отражением свойственной ей концепции жизни [1. С. 210].

Типологически русская культура опирается на христианскую религиозную традицию, которой свойственна постоянная память о Вечности во времени. Смерть, указывающая на принадлежность человека миру времени, осознается в христианской традиции как «последнее зло», но вместе с тем и как освобождение от подавленности временем и переход к жизни вечной. В русской православной культуре укоренена метафора «закатного часа» как мистического рубежа, соединяющего грани времени и Вечности.

Православная традиция является существенным пластом отечественной культуры, но не перекрывает ее полностью. Начиная уже с XVIII в. под влиянием рационалистических, натуралистических идей формируются иные ценностные разметки, определяющие понимание смерти и бессмертия.

Человек второй половины XVIII в. устремлен в своих помыслах к рациональному объяснению сюжета смерти. Показателен в этом плане трактат Н.А. Радищева «О человеке, его смерти и бессмертии», где он писал: «Смерть есть не что иное, как естественная перемена человеческого состояния», уточняя, что «перемена» эта общая, к ней причастны не только люди, но и животные, растения и «другие вещества». Рассматривая человека как часть природного мира, писатель пытается найти рационально-нравственное объяснение «возможности человеческого бытия по смерти» [2. С. 379].

В христианском учении надвременность человека определяется признанием реальности трансцендентного мира. Рубеж XVIII–XIX вв. в целом отмечен возросшей сосредоточенностью культуры на «земной» ценности жизни [1. С. 210]. Вечность была потеснена злободневностью и текучестью времени. Со второй половины XIX в. достаточно внятно обозначился процесс освобождения человека от трансцендентной обусловленности, от детерминации высшей «скрепляющей идеей». Такая сознательная отмена сверхчувственных ценностей задавала новое прочтение проблемы смерти-бессмертия. Научное рациональное познание заявило о собственных возможностях определять суть и конечную цель жизни человека. Оправдание временности-конечности человека в новой культурно-исторической ситуации определяется идеями, уходящими от христианской традиции: идеей совершенствования мира, прогресса, бесконечности человечества в целом и т.д.

Однако нельзя не признать того, что нововременной рационализм с его трактовкой границ бытия человека не отменил потребности самого человека в поиске тех основ, которые оправдывали бы его существование перед лицом смерти. Русская культура конца XIX в. порождает комплекс идей, где рационально-научное объяснение соседствует с религиозным осмыслением «порога» бытия. Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский – писатели, равнозначные по таланту и напряженности мысли, – стали «главными фигурами» религиозных исканий конца XIX в. [3. С. 114]. Творчество писателей совпало по времени с той эпохой развития русской мысли и культуры в целом, когда трансцендентные ценности под влиянием рационализма утрачивали значение смыслообразующих целей. Эта ситуация будет осмыслена Толстым и Достоевским и предопределит их поиски ответов на вопрос о границах бытия человека не только в сфере разума, но и в сфере веры.

Тема «величайшего метафизика» – смерти, разрешающей вопрос о конце и начале, о смысле и бессмыслице, предстала в творчестве Толстого и Достоевского одной из ведущих и получила глубокое личностное осмысление. Особенно личностно она звучит в исповедальной прозе, в повествовании от лица самого автора, где открывается опыт его духовной жизни. Для Толстого это в первую очередь «Исповедь», трактаты «О жизни», «В чем моя вера?». В творчестве Достоевского это «Дневник писателя». Безусловно, в определенной мере исповедальность присуща всему творчеству писателей, но именно в этих работах их взгляды, суждения, размышления представлены непосредственно, даны от первого лица. Наблюдения за событиями современности и их оценка, заданная авторской позицией, позволяет называть эту прозу публицистикой. Соединение, казалось бы, несоединимых начал – исповедального и публицистического – дает возможность увидеть глубоко личные переживания и суждения писателей в социокультурном и историческом контексте, в контексте идей эпохи.

Исповедальная проза соответствует зрелому периоду творчества Толстого. После издания «Исповеди» (1879–1882), в которой запечатлен «внутренний переворот» и поиск веры, он работает над трактатом «В чем моя вера» (1884), где излагает свое новое миропонимание.

В художественно-философском мире Л. Толстого можно обнаружить целый комплекс противоречий. Здесь сошлись полярные точки: поиски высших, религиозных обоснований бытия человека и стремление рационально понять само христианство, потребность обоснования бессмертия для человека конкретного, а не для безликой «бесконечности» и яркий антиперсонализм. Неудовлетворенность секулярной культурой станет отправной точкой религиозных поисков писателя. В размышлениях Толстого отражается не только смятение духа самого автора – это и эпохальная примета, реакция на ограничение секуляризмом духовного измерения человека.

«Исповедь» раскрывает опыт движения мысли писателя от сомнения и растерянности к обретению веры. Толстой глубоко личностно переживает трагизм человеческого бытия. Он стремится найти «первопричину», оправдывающую конечность жизни человека, ибо власть смерти превращает жизнь в бессмыслицу. Центральный вопрос своих размышлений Толстой обозначил так: «Есть ли в моей жизни такой смысл, который не уничтожался бы неизбежно предстоящей мне смертью?»; «…какой смысл имеет мое конечное существование в этом бесконечном мире?» [4. С. 53, 76]. Ответ на главный вопрос требует, по мысли писателя, разрешения противоречий между временным и вечным: «Нужно и дорого разрешение противоречия конечного с бесконечным…» [4. С. 81]. Толстой осознает необходимость определения тех оснований жизни человека, которые лежат за пределами его природной сущности, временной обусловленности. Во многом мировоззрение писателя предопределено рационализмом XVIII в., достижением которого в веке XIX стало утверждение «здравого смысла» высшим судьей во всех вопросах. Однако Толстой уверен, что рационально-научное, «разумное» знание оказывается бессильным в разрешении главного вопроса, поставленного им в «Исповеди». Он отвергает попытки «разумного оправдания» конечное существование человека тем, что он есть часть бесконечного: «Мне нужно знать смысл моей жизни, а то, что она есть частица бесконечного, не только не придает ей смысла, но уничтожает всякий возможный смысл» [4. С. 60]. Рациональное знание предлагает изучать бесконечные по времени и сложности изменения бесконечных частиц в бесконечном пространстве, выводя законы развития и совершенствования, но, как полагает Толстой, не дает ответ на вопрос о конечной причине [4. С. 57]. Писатель ищет оправдания жизни человека вне логики прогресса. По мысли Толстого, бессильными в разрешении «главного вопроса» оказываются не только опытные науки, но и умозрительное знание, которое хотя и рассматривает человека по отношению к конечной причине, но вместо ответов задает те же вопросы, только в усложненной форме [4. С. 58]. Учения мудрых (Соломона, Будды, Сократа, Шопенгауэра) не стали для писателя прибежищем, они лишь породили еще большие сомнения.

В поисках смысла «конечного существования в бесконечном мире» писатель выходит за границы рациональных и умозрительных объяснений, утверждается в мысли о том, что ответы на его вопросы лежат не в области разума, а в области веры. Возможность преодоления конечности, смертности человека Толстой пытается найти, опираясь на христианское учение, но своеобразно им понятое и истолкованное. Об этом трактат «В чем моя вера?». Толстой говорит о своем понимании учения Христа, о том, как ему открылся путь примирения временного с вечным, позволяющий преодолеть состояние ужаса перед жизнью и смертью [4. С. 118].

Писатель ставит своей целью основание «новой» религии, «соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности… не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на земле» [4. С. 10]. Парадоксальным образом отрицание упрощенного, ограниченного разумным знанием понимания человека соединяется в религиозно-философских сочинениях Толстого с рационализмом, упрощающим само христианское учение. Он пытается дать рациональное объяснение тому, что, по его же утверждениям, выходит за границы разума. Создаваемая им своеобразная «теология», характеризующаяся неясностью уже в определении Абсолюта. Сам писатель осознавал эту неясность: «Есть ли Бог? Не знаю. Знаю, что есть закон моего духовного существа. Источник, причину этого закона я называю Богом» [4. С. 16–17]. По оценке В.В. Зеньковского, Толстой создает собственную метафизику на основе некоторых положений христианства, и это учение в определенной мере созвучно духу рационализма, который он, казалось бы, не приемлет [5. С. 450]. В линиях этой «самодельной» веры Толстой разрешает вопрос о противоречии конечного и бесконечного в судьбе человека.

В христианском учении надвременноть человека определяется признанием реальности трансцендентного мира, тезисом о двуприродности человека и таинством воскресения. Но Толстой далек от традиционного христианского понимания смерти и воскресения, от православного «богочувствования» закатного часа. Писатель равнодушен к христианской идее преображения. Он убежден, что догмат о воскресении, обещающий жизнь вечную, обесценивает жизнь настоящую, т.е. «здешнюю», лишает ее содержательности такой предустановленностью и в конце концов отрицает ее. Мир и жизнь человека не «двор постоялый», лишь потусторонностью оправдываемый, это ошибочное понимание христианского учения, утверждает Толстой [4. С. 231]. Особенность взглядов Толстого проявляется и в том, что он отрицает бессмертие индивидуальное, не верит в возможность личностного воскресения. Писатель дает свою трактовку библейских текстов: «…никогда Христос не только ни одним словом не утверждал личное воскресение и бессмертие личности за гробом, но и тому восстановлению из мертвых в царстве Мессии, которое основали фарисеи, придавал значение, исключающее представление о личном воскресении» [4. С. 241].

Возможность преодоления природности, временности человека он видит не в христианском «смертию смерть поправ», не в «потустороннем» бессмертии (то есть смертью же обусловленном), а в «спасении» жизни личной перенесением ее в «общую жизнь». В.В. Розанов обратил внимание на то, религия Голгофы («поздней бесконечности», т.е. вечности воскресения) чужда мысли Толстого. Ему гораздо ближе «Вифлеемская» сторона бытия – религия «семьи», «яслей» [6. С. 445]. Жизнь частная подчинена времени, а поэтому конечна и подвержена распаду, полагает Толстой. Он убежден, что возможность освобождения от детерминации временем и обретения единства с миром вечным открывается лишь при помещении призрачной частной жизни в жизнь всего человечества, «сына человеческого», живущего по воле Отца [4. С. 251].

В поисках надвременного начала, дающего обоснование конечной жизни человека, Толстой приходит к

признанию Абсолюта, но не в христианской традиции, не трансцендентного, а являющего собой «неограниченное все», куда человек включен как ограниченная временем часть. Такое понимание делает возможным утверждение вечности в человеке, но не в отдельной личности, а в универсальном Мире, неподвластном времени.

Какова основа включенности человека в «общее бытие», которым преодолевается смерть? Христианское учение для Толстого есть, в первую очередь, учение о сыне человеческом, понимаемое им как «общее всем людям стремление к благу», опирающееся на «общем всем людям» разум [4. С. 224–225]. Поэтому вечность для человека открывается его приобщением к Миру-Абсолюту разумно-нравственной жизнью. Таким образом, Толстой признает права разума (понимаемого в широком смысле) на участие в оправдании смысла бытия человека. В христианском учении он видит метафизический, общечеловеческий и, наконец, практический смысл – самый простой и ясный, определяющий смысл жизни каждого человека и лежащий в основе преодоления власти смерти над ним. В истолковании Толстого смысл этот определен так: «Христос учил людей не делать глупостей» [4. С. 287]. Толстой полагает, что человек, ограниченное временным бытием смертное существо, содержит в себе Бога как желание блага всему существующему. Истинное предназначение человека, по мысли писателя, состоит в том, чтобы преодолеть в себе желание блага для себя и возвыситься до божественного принципа желания блага всему существующему, что возможно на основе «разумного» сознания. Только отказом от личностного сознания, препятствующего соединению с Миром, побеждается страх смерти.

Толстой создает свое религиозное нравственно-этическое учение с оглядкой на современный ему мир. Он откликается на значимые события современности, те, которые волнуют его самого. В исповедальной прозе он выступает как публицист, обозначая ряд проблем общественной жизни. Для Толстого преодоление расколотости мира и власти смерти в нем возможно разумно-нравственной жизнью, но существенной проблемой современного писателю «цивилизованного общества», как он это видит, становится отсутствие каких-либо внятно выраженных нравственных основ, отсутствие разумно-нравственного учения о жизни. Более того, Толстой с горечью отмечает, что в современном мире нет и осознания их нужности. По утверждению писателя, объяснение смысла жизни сводится в современных ему учениях к «гаданиям» об ее историческом ходе. А что касается религии, отмечает Толстой, то «цивилизованное большинство» остается с одной верой – в городового и урядника [4. С. 223, 318–319], т.е. нравственный закон уступает место социальному регламенту. Таким образом, религиозная проблематика поиска оснований, наполняющих жизнь человека смыслом, приводит Толстого к проблематике социальной.

Исповедально-публицистическое принцип повествования позволяет увидеть включенность мысли авторов в культурно-исторический контекст.

Толстой отвечает на вызовы эпохи «монологически» – учением, отражающим его миропонимание. Вопрошания, которые появляются в его трактатах, отражают ход мысли писателя, адресованы они самому себе. Стремясь понять «конечные истины» о человеке, Толстой открывает свой личный духовный опыт, опыт внутреннего переживания. «Дневник писателя» у Достоевского менее исповедален, чем трактаты Толстого, здесь в большей степени проявляется публицистическое начало, интерес к современности. Функция исповедальности в отдельных главах передается персонажам, которые имеют самостоятельный, собственный взгляд на мир и имеют свою логику суждений. Их голосом озвучены те проблемы, которые волнуют писателя. Это предполагает диалогичность как принцип ведения повествования. Но диалогичность у Достоевского имеет и иное свойство. М. Бахтин писал: «Достоевский обладал гениальным даром слышать диалог своей эпохи или, точнее, слышать свою эпоху как великий диалог, улавливать в ней не только отдельные голоса, но прежде всего именно диалогические отношения между голосами, их диалогическое взаимодействие» [7. С. 60–61]. Бахтин говорит о том, что Достоевский умел услышать как признанные, «громкие» голоса эпохи, т.е. господствующие идеи (официальные и неофициальные), так и голоса еще слабые, пока еще широкой публикой не воспринятые, идеи, еще не оформленные полностью. Мысль писателя вплетена в «многоголосье» современности. Диалоги эпохи звучат в обрамлении авторских комментариев. Идеи, выхваченные из действительности, суждения, в которых отражаются интеллектуальные поиски своего времени, объединены голосом автора, его миропониманием. Во многом это дневник общественной жизни, представленной через личностное восприятие писателя, через личный опыт. Тема человека, смерти-бессмертия разворачивается в «Дневнике» через споры, полемику с общественной мыслью.

В отличие от Толстого, фокусом миропонимания которого является «совокупное бытие», в центре внимания Достоевского всегда оказывается личность. Его миропонимание характеризуется исключительным антропологизмом и антропоцентризмом. Если для Толстого преодоление временности отдельного человека возможно растворением личности в безличном Мире-Абсолюте, то для Достоевского конечное и вечное сосредоточено в самой личности. Бердяев считал религиозную метафизику Достоевского более глубокой и более христианской по сравнению с метафизикой Толстого, в основе которой лежит морально-этическое учение [3. С. 115]. И еще одно замечание философа о творчестве двух писателей: «Толстого не мучит вопрос о человеке, его мучит лишь вопрос о Боге. Для Достоевского же вопрос о Боге связан с вопросом о человеке» [8].

Достоевский, как и Толстой, выходит за границы традиционного христианства в представлениях о смерти – бессмертии человека. Следуя во многом христианской традиции, он стремится разрешить противоречия конечного и вечного в «сомыслии» или в споре со свойственными духу эпохи общественными идеями.

Одна из таких идей, ставшая «эмблемой» современности, – «разумный спрос», запрос на рациональное объяснение всего, в том числе и человека [9. С. 320]. Доминирование «разумного спроса» отодвигает на второй план мораль и «высшую идею», следствием чего стало новое измерение человека, в котором он представлен не как «образ и подобие», а как предмет строго научного осмысления.

Так же, как и Толстой, Достоевский полагал, что «закон разумной необходимости», претендующий на замещение прежней высшей идеи человеческого существования, которая исходила из сферы религии, не в состоянии объяснить природу человека. Для него неприемлема высокомерная «прямолинейная простота» понимания человека в духе рационализма [9. С. 320–322]. Писатель уверен, что утрата трансцендентного плана или отказ от него приводит лишь к «логическому» объяснению мира и предельно упрощает вопрос о «концах и началах»: «Нам знакомо одно лишь насущное видимо-текущее, да и то понаглядке, а концы и начала – это все еще пока для человека фантастическое» [9. С. 323]. Низложение «вертикали», определяющей разметку ценностей, ставит вопрос о жизни и смерти человека.

Тема смерти – бессмертия получает осмысление в «Дневнике писателя», в первую очередь, в контексте сюжетов о самоубийстве. Добровольный уход из жизни – это вызов и жизни, и смерти. Фрагмент дневника за 1876 г. (январь) начинается с размышлений автора о самоубийстве как феномене века, в котором отражается упрощенное понимание природы человека, делающее возможным «своевольный» уход из жизни без рефлексии и «гамлетовских вопросов». Такому «безмыслию» Достоевский противопоставляет историю самоубийства Вертера, персонажа произведения Гёте, который перед тем, как свести счеты с жизнью, прощается с созвездием Большой Медведицы. В этом прощании заложен глубокий смысл. Герой осознает, что «бездна таинственных чудес божиих не выше его мысли, не выше его сознания, не выше идеала красоты, заключенного в душе его, а, стало быть, равна ему и роднит его с бесконечностью бытия…» [9. С. 107]. Счастьем осознавать высшее начало герой Гёте обязан «своему лику человеческому», данному Богом. Из этой точки, из этого «онтологического превознесения» человека строится в целом метафизика Достоевского. Однако влияние идеи рационально-логического объяснения человека таково, что сам человек от такого «превознесения» отказывается. Проблематика смерти – бессмертия осмысливается Достоевским с учетом этого факта, характерного для эпохи.

В «Дневнике писателя» автор обращается к ряду реальных событий, историй, в которых смерть становится отражением понимания сущности человека. Пороговая ситуация (самоубийство, готовность свести счеты с жизнью), создаваемая или взятая автором из жизни, определена социальными условиями, идеями персонажей. При этом она становится источником авторских размышлений, основой для изложения взглядов самого писателя. В первую очередь это главы «Два самоубийства», «Приговор», «Запоздавшее нравоучение», «Голословное утверждение», «О самоубийстве и высокомерии», по тематике к ним примыкает глава «Сон смешного человека».

В главе «Два самоубийства» истории девушек, «своеволием» ушедших из жизни, вписаны в социальный контекст. Обе истории реальны: в первом случае дана ссылка на одного из «уважаемых корреспондентов» [9. С. 323, 550]; второй сюжет взят из петербургских газет. В первой истории девушка, «дочь одного слишком известного русского эмигранта» (А.И. Герцена, как указано в комментариях), как подчеркивает автор, «русская по крови, но почти уже совсем не русская по воспитанию», уходит из жизни, оставив предсмертную записку, «написанную, конечно, на французском» [9. С. 323–324]. Для автора важно указание на иноязычность – «инородность» идеи, приведшей к трагическому «самоволию». Достоевский видит в этом демонстративном поступке протест, вызов, негодование, которые исходят из возмущения души «прямолинейностью» явлений: «Душа не вынесла прямолинейности безотчетно и безотчетно потребовала чего-нибудь более сложного» [9. С. 324].

Поступок барышни из высшего сословия представляется некой эксцентричной выходкой, ироничным «выходом» из того мира, где утрачена высшая инстанция, в соотношении с которой регламентируется ценностный мир человека. Еще раз Достоевский возвращается к этой истории в главе «О самоубийстве и высокомерии», анализируя ее не как частный случай, а как болезнь века. «Эпидемическое истребление себя», проявившееся в интеллектуальной среде и вызванное утратой трансцендентного начала или высокомерным отказом от него, писатель рассматривает как явление современности, требующее, по его мысли, серьезного изучения [9. С. 357]. Вторая история («смиренное самоубийство») повествует о том, как из окна выбросилась девушка-швея, потому что «не могла приискать себе для пропитания работы». Выбросилась, держа в руках образ. Автор подчеркивает: «Этот образ в руках – странная и неслыханная еще в самоубийстве черта!» [9. С. 324]. Это самоубийство не имеет ничего общего со строго рациональным, «прямолинейным» осмыслением мира и человека в нем. Две ситуации различаются не только причинами ухода из жизни – самоубийства совершаются в разных системах координат: в одной высшее начало, задающее систему ценностей, упразднено; в другой – это высшая инстанция, как ни парадоксально, определяет логику поступка и оправдывает его: «…стало нельзя жить, “бог не захотел” и – умерла, помолившись» [9. С. 325].

Две истории продолжаются тематически главой «Приговор». В исповеди «самоубийцы от скуки, разумеется, матерьялиста» дано подробное логическое объяснение ухода из жизни «под условием грозящего завтра нуля». «Логическое самоубийство» представляет собой бунт против неотменяемых законов природы, с которыми бессмысленно бороться, но и невозможно примириться до конца. Человек, существо природное, обладает сознанием, поднимающим его над природным миром, и это делает его существом трагическим. Природа с ее «какими-то там всесильными и

вечными, мертвыми законами» подчиняет себе сознающего также, как и бессознательные существа [9. С. 326]. Но сознание говорит о конечности – человека, мира. Идея «грядущего счастья» не снимает трагизма конечности бытия отдельного человека. Отказ от жизни «самоубийцы от скуки» мотивирован отсутствием веры в вечное – как в человеке, так и в человечестве: «…планета наша не вечна, и человечеству срок – такой же миг, как и мне» [9. С. 326]. Вечны только законы природы, по которым «как бы разумно, радостно, праведно и свято ни устроилось на земле человечество, – все это тоже приравняется завтра к тому же нулю» [9. С. 326]. Вопрос о цели и предназначении человека перед лицом этих «мертвых законов» остается без ответа, отсюда и трагический вывод героя: «…ну что, если человек был пущен на землю в виде какой-то наглой пробы, чтобы только посмотреть: уживется ли подобное существо на земле или нет?» [9. С. 325–326]. Существование человека, обусловленное лишь законами природы, «самоубийца от скуки» считает глупой комедией, переносить которую для него унизительно, и, не находя рационального обоснования своего существования, он отказывается от участия в ней.

Логический самоубийца «метафизически обижен» (А. Камю) вечными законами природы, в которые он включен как элемент бытия. Но сама обида, очевидно, возможна только в том случае, если есть представление об ином, неэкспериментальном бытии. Суждения персонажа свидетельствуют о его внутренней потребности в ином измерении, о том, что в самой природе человека есть такая потребность в постановке вопроса о пределах и смысле бытия человека. Таким образом, парадоксально – «своеволием» смерти – ставится вопрос о необходимости вневременных обоснований временной жизни человека.

«Приговор» был опубликован без комментариев автора. Но восприятие и оценка читающей публикой этой главы были таковы, что потребовали пояснений. Комментарии были даны в статьях «Запоздавшее нравоучение», «Голословные утверждения». Достоевский проговаривает те мысли, идеи, которые он вложил в «Приговор», но которые остались непонятыми. Беда и ошибка «логического самоубийцы» заключается в потере веры в бессмертие, поясняет автор. Именно это приводит героя к убеждению в полной нелепости его существования на земле [9. С. 348–350]. Писатель называет идею бессмертия высшей идеей человеческого существования: «…высшая идея на земле лишь одна и именно – идея о бессмертии души человеческой…» [9. С. 349]. Его логика обоснования бессмертия человека такова: «Если убеждение в бессмертии так необходимо для бытия человеческого, то, стало быть, оно и есть нормальное состояние человечества, а коли так, и самое бессмертие души человеческой существует несомненно» [9. С. 351].

Исповедь «самоубийцы от скуки» появилась в «Дневнике писателя» в 1876 г., а спустя полгода после «Приговора» Достоевский публикует «Сон смешного человека».

В этом фрагменте, фантастическом рассказе вновь отчетливо показана болезнь века – отсутствие «высшей идеи». Мир утратил «горнее» свое измерение, превратился в плоскость, где «все равно». Потеряв веру в Бога и бессмертие, человек признает свое существование бессмысленным. Осознание того, что «на свете везде все равно», приводит «смешного человека» к мысли о самоубийстве. Но исполнить принятое решение мешает встретившаяся ему на пути домой испуганная, несчастная девочка, просившая о помощи. «Смешной человек» не откликается на ее просьбу, потому что «положил в эту ночь убить себя», и ему ни до чего нет дела. Твердая уверенность покончить с собой должна была упразднить все моральные вопросы. Возможны ли вопросы морали и этики перед лицом смерти, уничтожающей человека и весь его мир? Но герой испытывает чувство жалости и стыда, что не позволяет ему завершить задуманное. Мотив бессмысленности морали в ситуации пограничности получает свое разрешение экспериментально – оказывается, человеку не «все равно», ему присуща внутренняя потребность в системе ценностей. И пороговая ситуация не упраздняет этой потребности. Концепция морального равнодушия «смешного человека», во многом продиктованная утратой «скрепляющей идеи», терпит крушение под влиянием переживаний, которых, исходя из ее логики, не должно быть.

Согласно мысли Достоевского, существование высшего начала определяется потребностью человека в нем, необходимостью ценностной разметки. Выведение реальности трансцендентного начала из потребности человека не соответствует христианскому учению. Но, по мысли писателя, именно эта потребность и есть залог «онтологического превознесения» человека, указывающего на возможность преодоления его обусловленности временем. Преодоление власти времени Достоевский считает не только возможным, но необходимым, предопределенным самой сущностью человека, поднимающейся над природным началом. Человек включен в природный порядок, но он не только может, но и должен быть от него независимым.

В «исповедальной прозе» Толстого и Достоевского религиозная по своей сути проблематика временности – вечности человека осмысливается в современном им культурно-историческом контексте. При определенном различии взглядов в ее разрешении писатели принадлежат к одной культурно-смысловой парадигме, одной эпохе, центральным событием которой стало «освобождение» человека, эмпирической личности от трансцендентного начала и поиск новых оснований, «точки опоры» для человека.

Творчество писателей включено в интеллектуальные поиски своего времени и во многом перекликается с идеями религиозной философии, русского религиозного ренессанса рубежа XIX–XX вв., а в чем-то и предваряет их. Мысль Толстого о преодолении конечности бытия растворением во «всечеловечности» имеет некоторое сходство с учением о всеединстве позднего В. Соловьева. Суждения писателя о «коллективном» спасении созвучны идеям «Философии общего дела» Н.Ф. Федорова, хотя Толстой не принимает и не может принять мысль философа о «воскрешении отцов», так как, по его мысли, «потустороннего» бессмертия нет. Религиозно-философские построения Достоевского дают начало новой антропологии. Он задает некий вариант неохристианской метафизики, которая позже будет представлена в философии религиозного экзистенциализма.

В споре с идеями секулярного модерна русские писатели создают свои версии учения о смерти и бессмертии человека, которые базируется на религиозном взгляде на мир, но выходит за пределы традиционных христианских воззрений.

Список источников

1. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII–XIX век). СПб. : Искусство, 1994. 339 с.
2. Радищев А.Н. О человеке, его смерти и бессмертии // Русская философия второй половины XVIII века / сост. и прим. Б.В. Емельянова. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. 400 с.
3. Бердяев Н.А. Русская идея // Вопросы философии. 1990. № 2. С. 87–155.
4. Толстой Л.Н. Исповедь. В чем моя вера? Л. : Худож. лит., 1990. 416 с.
5. Зеньковский В.В. История русской философии : В 2 т. Ростов н/Д : Феникс, 1999. Т. 1. 544 с.
6. Розанов В.В. Уединенное. М. : Политиздат, 1990. 543 с.
7. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. URL: http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/bahtin-problemy-poetiki/index.htm (дата обращения:10.06.2024).
8. Бердяев Н.А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского. URL: http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/berdyaev-otkrovenie-o-cheloveke-v-tvorchestve.htm (дата обращения: 13.06.2024).
9. Достоевский Ф.М. Дневник писателя: Избранные страницы. М. : Современник, 1989. 557 с.

References

1. Lotman, Yu.M. (1994) *Besedy o russkoy kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII–XIX vek)* [Conversations on Russian Culture. Life and Traditions of the Russian Nobility (18th–19th centuries)]. St. Petersburg: Iskusstvo.
2. Radishchev, A.N. (1990) O cheloveke, ego smerti i bessmertii [On Man, His Mortality and Immortality]. In: Emelyanov, B.V. (comp.) *Russkaya filosofiya vtoroy poloviny XVIII veka* [Russian Philosophy of the Second Half of the 18th Century]. Sverdlovsk: Ural University Press.
3. Berdyaev, N.A. (1990) Russkaya ideya [The Russian Idea]. *Voprosy filosofii*. (2). pp. 87–155.
4. Tolstoy, L.N. (1990) *Ispoved'. V chem moya vera?* [A Confession. What I Believe?]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
5. Zenkovsky, V.V. (1999) *Istoriya russkoy filosofii* [A History of Russian Philosophy]. In 2 vols. Vol. 1. Rostov-on-Don: Feniks.
6. Rozanov, V.V. (1990) *Uedinennoe* [Solitaria]. Moscow: Politizdat.
7. Bakhtin, M.M. (n.d.) *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. [Online] Available from: http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/bahtin-problemy-poetiki/index.htm (Accessed: 10.06.2024).
8. Berdyaev, N.A. (n.d.) *Otkrovenie o cheloveke v tvorchestve Dostoevskogo* [The Revelation about Man in the Works of Dostoevsky]. [Online] Available from: http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/berdyaev-otkrovenie-o-cheloveke-v-tvorchestve.htm (Accessed: 13.06.2024).
9. Dostoevsky, F.M. (1989) *Dnevnik pisatelya: Izbrannye stranitsy* [A Writer's Diary: Selected Pages]. Moscow: Sovremennik.

Информация об авторе:
Красильникова М.Б. – канд. филос. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Рубцовского индустриального института (филиал) Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (Рубцовск, Россия). E-mail: krasilnikovamb@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
M.B. Krasilnikova, Cand. Sci. (Philosophy), associate profesor, Rubtsovsk Industrial Institute (branch) of Polzunov Altai State Technical University (Rubtsovsk, Russian Federation). E-mail: krasilnikovamb@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.11.2024;
одобрена после рецензирования 02.10.2025; принята к публикации 10.10.2025.

The article was submitted 11.11.2024;
approved after reviewing 02.10.2025; accepted for publication 10.10.2025.

Научная статья
УДК 130.2, 141.32
doi: 10.17223/15617793/519/8

Человек сквозь призму символики рождения и смерти в культуре

Лариса Ивановна Жижилева[1]

[1] *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, larzhi73@yandex.ru*

Аннотация. Исследованы модели существования человека в культуре в соответствии с феноменами рождения и смерти, позволяющие ему определить свое место в хаосе ценностей. Анализ предмета исследования наряду со сравнительно-историческим методом позволил проследить положение человека, цикличность процессов смены культур, заметить их сосуществование в пространстве современного общества.
Ключевые слова: рождение, смерть, человек, культура, патриархальная культура, партнерская культура, традиционная культура, массовая культура, культура личностной трансформации

Для цитирования: Жижилева Л.И. Человек сквозь призму символики рождения и смерти в культуре // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 519. С. 63–67. doi: 10.17223/15617793/519/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/519/8

Person through the prism of the symbolism of birth and death in culture

Larisa I. Zhizhileva[1]

[1] *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation, larzhi73@yandex.ru*

Abstract. This study aims to explore models of human existence in culture through the lens of birth and death—two fundamental phenomena that enable individuals to orient themselves within the chaos of values. Prioritizing one over the other reveals, among other things, gender orientations within a given culture (R. Eisler) or dynamics of displacement and return (J. Baudrillard). Overlooking these dimensions perpetuates the conditions characteristic of mass culture, while acknowledging them may open the door to authentic existence (M. Heidegger). Patriarchal culture, for instance, emphasizes survival, the masculine principle (J. Campbell), and heroic or sacrificial death—whether on the battlefield or on the cross—as reflected in myths and sacred texts, thereby marginalizing feminine modes of being. As living conditions improve, however, partnership-oriented cultures gain prominence, centered on birth, childhood, and life itself (M. Gimbutas, M. Murdock). Within this framework, emphasis may shift either toward increased consumption—a hallmark of mass culture that trivializes both birth and death—or toward enhancing the quality of human life, as seen in cultures of personal transformation. Employing a comparative-historical approach, this study traces the position of the individual across cultural transformations and reveals the coexistence of multiple models within contemporary society. Today, survival-oriented cultures are most prevalent in Asia, Africa, and Latin America—regions characterized by high birth rates, youthful populations, and significant emigration driven by conflict and the search for better opportunities in more developed countries. The latter's recent "conservative turn" in politics signals growing militarism and diminishing hospitality toward migrant communities, a dynamic that resonates with S. Huntington's notion of a "clash of civilizations." At the same time, A. Toffler envisions a future culture shaped by a more responsible generation, less preoccupied with self and consumption. Thus, contemporary social space accommodates a plurality of existential models. Mass culture privileges quantity, endless consumption, and the devaluation of things. Survival societies uphold traditions of large families, sacrifice, and battlefield heroism, with conformity serving as a primary adaptive mechanism. Yet the values of birth and death may also serve as meaningful focal points for personal transformation, enhancing the quality of life and cultivating resilience in the face of diverse challenges. Foundational support for such transformation can be drawn from early religious-philosophical traditions (Buddhism, Taoism, Stoicism), modern philosophical currents (e.g., existentialism), and scientific perspectives (e.g., humanistic and existential psychology)—all of which offer frameworks capable of being integrated into individual lives.
Keywords: birth, death, human, culture, patriarchal culture, partnership culture, mass culture, culture of personal transformation

***For citation*:** Zhizhileva, L.I. (2025) Person through the prism of the symbolism of birth and death in culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 519. pp. 63–67. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/519/8

© Жижилева Л.И., 2025

Современная «посткультура», не имеющая своего индивидуального вектора развития, вынуждена обращаться к опыту прошлого, дабы по возможности создать цельную картину мира, помогающую понять, кто мы такие. В этой связи важнейшую роль играют разнообразные явления прошлого, которые задавали и задают векторы осмысления и создают точки опоры в современном мире. Мифологическое мировоззрение, распространенное сегодня через систему некритичных установок и моделей обретения цельности (например, пути героя и героини), актуализирует феномены рождения и смерти, которые являются и акцентами многих мифов, и точками жизни каждого человека. Исследование их позволяет человеку увидеть различные модели существования, выбрать близкие ценности.

В современной литературе рождение и смерть могут рассматриваться как символы патриархальной и партнерской культур. В частности, Риан Айслер указала на противопоставление этих феноменов, нашедших отражение в традиционной культуре дописьменной эпохи и христианстве. С одной стороны, это культ беременной женщины, рождения и перехода к жизни, а с другой, – символ умирающего Христа, смерти и перехода в иной мир [1]. В культурах имеет место акцент на разные ценности. И если о патриархате мы знаем больше благодаря письменности, то о традициях народов Европы до индоевропейского вторжения – благодаря развитию археологии последние несколько веков [2]. Влияние данных символов имеет огромное значение для современного общества, сталкивающегося с трансформацией патриархальной культуры. На это указывает, как например, пристальный интерес к изучению смерти [3] и ее вытеснения за границы современной культуры [4], так и значимость рождения, детства, а в целом и гендерные исследования с акцентом на феминные черты [5, 6]. Помимо гендерного критерия, важную роль в осознании культурной принадлежности приобретают категории количества и качества, указывающие на человека массовой культуры и культуры личностной трансформации. Причем в первом случае рождение и смерть являются лишь фактами существования наряду с другими, а во втором – основаниями для изменения своей жизни. Рассмотрим, какие модели существования человека имели место в прошлом и почему они значимы сейчас.

Наибольшее влияние в европейской средневековой культуре длительное время имеет образ мертвого Христа, второй ипостаси Бога, одного из символов патриархальной культуры. Это был не знак великих побед, которых добивались боги и герои Античности, представляющие элиту общества, а олицетворение страдания и боли, что было так понятно бедным слоям общества как в период кризиса Римской империи, так и позднее. При этом как в том, так и в другом случае значение придавалось смерти героя на поле боя или Христа на кресте (тема умирания и возрождения известна была и древнегреческой культуре), т.е. знаковых фигур мужского пола. В этом обществе придавалось значение социальной реализации мужчины и его готовности принести себя в жертву во имя своего народа (для жизни людей или для искупления грехов). Данная символика патриархальной культуры имеет исторические корни, связанные с распространением в Европе захватнических кочевых племен ариев и семитов, которые не только покорили оседлые народы, почитавшие Великую Богиню, но и установили мужскую мифологию, подавлявшую женское начало и нашедшую воплощение в Ветхом Завете [7. С. 97–101]. Эта культура не воспринимала детства, придавая значимость не ребенку, а воину. Женщине же отводилась роль служанки, потомки которой произошли из ребра Адама, вынужденной всю жизнь зависеть от мужской воли и подчиняться ей. Рождение (кроме рождения воина) не имело столь важного значения, ведь многие дети и матери традиционной культуры довольно рано умирали. Лишь социальная функция, преуспеть в которой мог в те времена в большей мере мужчина, и придавала смысл и ценность человеческой жизни, которую завершала жертвенная смерть.

Таким образом, смерть издавна является вехой, подытоживающей социальный опыт. Но в условиях современного общества ее роль меняется. При повышении уровня жизни возникают предпосылки, с одной стороны, для партнерской культуры, а с другой – важность приобретают количественные потребительские характеристики, ведущие к возникновению массового общества. По мнению Ж. Бодрийяра, здесь смерть вытесняется за границы жизни, и в силу возвратного процесса сама жизнь становится лишь дожитием, обусловленным смертью [4. С. 234–235]. Он также указывал на особенность современных крупных городов, превращающихся в кладбища, в то время как сами некрополи становились местом, более пригодным для жизни. Однако смерть может стать и причиной человеческой трансформации, оформить в связи с ее ощущением весь смысл и направленность жизни. М. Хайдеггер рассматривает смерть присутствия как его способность быть [8. С. 250]. В целом она может быть и способом инобытия (например, в религиозных представлениях о загробной жизни, творческих работах, оставленном потомстве и др.) [9. С. 11–12].

Мы также можем заметить, что рождение в традиционной культуре долго вытеснялось за границы жизни, о чем свидетельствовали, например, такие факты, как вывод женщин, родов в сферу закрытой частной жизни Античности и Средневековья, длительное невнимание научной медицины к проблемам рождения и женской физиологии, что приводило к высокой смертности детей и женщин [10. С. 77]. В силу возвратного процесса, который мы тоже можем применить по аналогии, феномен рождения должен был обязательно появиться в культуре. Так, если в средневековом искусстве способом выражения красоты было искривление тела, известное как принцип хиазма, которое может в какой-то степени указывать и на беременность женщины, то широко распространенные в период Возрождения мадонны с младенцами, пышущими жизнью, уже точно символизируют торжество рождения. С XVIII в. население планеты начинает постепенно и неуклонно возрастать [11. С. 44], и сегодня

даже возникает проблема перенаселения планеты. Общество обращает внимание на детство, а сам ребенок становится ценностью [12]. Уже к XX–XXI вв. наука и общество пристально наблюдают за психологическим благополучием ребенка, травмами и иными проблемами, идущими из детства. Материнство и детство находятся под контролем государства, которое тратит средства на их поддержку, вводя низкие ставки семейной ипотеки или материнский капитал. Под влиянием этих начал общество более склонно к сберегающим жизнь аспектам, скорее к ценности коммуникации, чем агрессии, развитию горизонтальных связей, чем иерархии. При этом значение имеет не рождение как таковое, которое было способом изнеможения женщины традиционного общества, которая могла иметь много детей, если не умирала в результате очередных родов. Скорее важен каждый человек, которому уделяется достаточно внимания, в связи с чем актуально сознательное решение женщины и мужчины, связанное с рождением ребенка.

Рождение, как и смерть, может стать границей человеческой трансформации, что известно было еще с глубокой древности, но не стало до настоящего времени широкой жизненной практикой. С рождением связано, какие физические и психические особенности есть у человека и как они могут быть развиты в дальнейшем. И если ощущение приближающейся смерти может поменять жизненные приоритеты человека (для чего он живет, что выполнил и что ему еще удастся сделать), то осознание раннего детства может приблизить к его реальной сути, истинным интересам и потребностям. Так, например, современные пенсионеры, имеющие разные физические ограничения, нередко не могут реализовать упущенные когда-то возможности и сожалеют об этом перед лицом своего приближающегося конца. При этом большее понимание своих внутренних проблем, возникших в прошлом (возможно, и в их детстве), и реальных потребностей может позволить им прожить более качественную по своим характеристикам жизнь. К таким проблемам можно отнести, например, незнание своих интересов, связанных с советским способом коллективного воспитания людей, нередко лишенных индивидуального пространства, критикуемых за эгоистические стремления понять свои потребности. Кулинария, садоводство, изготовление игрушек, чтение любимых книг, просмотр интересных и содержательных фильмов – все это и многое другое поможет сделать жизнь более осмысленной в отличие от тяжелой и напряженной трудовой и семейной деятельности в ранние годы, если понять, что же было источником интересов в детстве и что было утрачено в связи с коллективными запросами. Например, если в ранние годы человек так и не смог получить музыкальное образование, но любовь и интерес к музыке сохранил и в старости, его можно поддерживать, развивая вкус к произведениям через лектории, семинары, специальные видеоформаты.

Непонимание себя, своих потребностей может быть причиной жизненных проблем и трудностей в обществе. Так, исследования показывают, что пенсионеры часто проявляют доверчивость перед лицом мошенников, которая приводит к изъятию денег и ценностей у этой группы населения. Неспособность опираться на себя, а скорее, привычка доверять советским организациям, принадлежавшим к структурам государства (банкам, СМИ и др.), делает этих людей очень уязвимыми [13. С. 66–69]. Лучшее понимание своих потребностей и поведения, особенности которого тоже связаны с ранними годами жизни, позволило бы избежать многих проблем подобного типа.

Еще на один момент хотелось бы обратить внимание в связи с темой рождения, это вопрос самоценности личности, корни которого в нашем детстве. Отношение к своим жизненным приоритетам и к себе также складывается в ранние периоды жизни человека. Нередко проблемой современных людей, идущей из традиционного христианского прошлого, на которую указывают психологи, является низкая самооценка, приводящая к недостаточному вниманию себе, собственным успехам. Происходит обесценивание своих достижений, и в целом жизнь оказывается довольно сильно наполненной страданиями. Для таких людей очень важна поддержка и необходим пересмотр жизненных ценностей. С точки зрения психологии эти вопросы решаются разными способами, в зависимости от научного направления. Психолог М. Литвак, который много публиковал своих работ для широкой публики, обращает внимание своих пациентов на данную проблему таким образом. Он указывает, что каждый из нас рождается принцем и принцессой, поскольку только один из сперматозоидов отца достигает яйцеклетки матери, а остальные 150 миллионов погибают, так и не достигая своей цели. Каждый рожденный человек должен понять собственную избранность и значимость, свою способность стать королем или королевой [14] и двигаться в своей жизни в соответствии с этим знанием. Это не значит, что все вокруг должны обслуживать данного человека, а он только пользоваться чужими ресурсами, что тоже происходит, когда человек и его достижения переоцениваются. Речь идет о возможности прожить собственную удовлетворительную жизнь, ценность которой понимаема. В данном случае не смерть, а ранние годы становятся мерилом нашей трансформации, влияющей на качество всей жизни.

Придание значимости рождению должно изменить культуру восприятия семейного мира в целом. Если патриархальная культура смерти ориентирована на почитание воинов, что придает ценность мужчинам в целом, а женщинам только в связи с рождением мальчиков, то акцент на ценности рождения связан с почитанием матери, женского, дитя как такового. Это указание на значимость ребенка любого пола, его жизни, здоровья, развития, возможности самореализации. Более того, осознанный подход к рождению, снижение роли физического труда в семейно-бытовой жизни требуют переориентации мужчин также на семейные ценности. Это значит большее участие в воспитании своих детей, в том числе готовность находиться в отпуске по уходу за ребенком, реальная ощутимая ответственность за невыполнение алиментных обязательств. Се-

мейно-бытовая сфера не должна быть второй неоплачиваемой работой для женщин. Если интерес к ней будет иметь место у обоих супругов, то и для их ребенка это станет важным и ценным опытом жизни.

Оценивая процессы вытеснения и возвращения феноменов смерти и рождения в культуру, мы можем ожидать их повторения. Преимущества, которые получает иерархия, жесткие (до военного) способы справляться с конфликтами при ограниченных ресурсах возрождают интерес к культу смерти. Огромное значение приобретает для культуры принесение себя в жертву за идею на поле боя или в обычной жизненной ситуации. Но если базовые потребности людей оказываются обеспеченными, то возрастает вероятность горизонтальных отношений и взаимосвязей, интереса к жизненным приоритетам, в том числе качественным партнерским отношениям на разных уровнях. Человек в последнем случае может думать о рождении чего-то нового, будь то ребенок или творческий проект иного рода. Тогда смысл жизни не сосредоточивается на принесении себя в жертву, а соотносится с собственной реализацией. Осознание рождения и смерти как собственных жизненных моментов может сместить акценты этого самоосуществления с количественных характеристик на улучшение качества жизни, ее подлинность.

Данная тема становится особенно важной перед лицом глобальных процессов и изменений. Суть их заключается в неравномерном распределении населения планеты по отношению к ресурсам, что приводит к мощным миграционным потокам и столкновению культур, имеющим разные ценности и модели существования человека (патриархально-силовую и партнерскую горизонтальную, количественную массовую и качественную личной трансформации). Феномен «столкновения культур» был описан С. Хантингтоном и сегодня как никогда актуален [15]. С одной стороны, можно видеть волны мигрантов, беженцев и вынужденных переселенцев (в основном с территорий Азии, Африки, Латинской Америки), приезжающих в развитые страны в поисках работы, лучшей жизни, безопасности, остающихся в рамках своей культуры, которая может сильно отличаться от местной и даже конфликтовать с ней. Так, по данным ООН, на февраль 2022 г. насчитывался 281 млн мигрантов, или 3,6% населения мира, и масштабы миграции неуклонно растут [16]. Кроме того, наблюдается рост беженцев и вынужденных переселенцев, уезжающих от войн и конфликтов. По данным ООН, на май 2024 г. число вынужденных переселенцев достигало 120 млн человек, и этот показатель растет двенадцатый год подряд [17]. С другой стороны, в принимающих странах Запада увеличиваются опасения по поводу национальной безопасности и того, что беженцы способны интегрироваться в их культуру. Если одна треть полагает, что они внесут достойный вклад в экономику страны, то другая треть придерживается противоположного мнения [18]. Подобные процессы приводят к росту консервативной политики и жестких мер по отношению к нелегальной миграции [19]. Таким образом, сегодня мы наблюдаем создание обильной почвы для конфликтности, применения силовых мер, патриархальных способов справляться со сложными ситуациями, что вызывает опасения по поводу результатов происходящего. Однако не обязательно с молодыми поколениями стоит ожидать прихода воинственности и разрушения, актуализирующих черты патриархальности. В своих футурологических исследованиях Э.Тоффлер указывает на значимость пожилых людей и вопросов геронтологии, в то время как приоритет среди молодежи будут иметь те, кто в состоянии быстро брать на себя ответственность, а не растягивать период детства на долгие годы [20. С. 604–606]. Глобальные вызовы все больше обращают внимание человека на качество его жизни, которое становится ясным тогда, когда осознается ее начало или конец вместе с неразрешенными проблемами.

В современном информационном обществе довольно много как тех людей, для кого важен культ силы, иерархии, победы и поражения, так и тех, кто пытается исследовать себя, реализоваться во взаимодействии с такими же, похожими на него. Смерть или рождение как феномены современной культуры могут стать важными акцентами изменения человеческого существования. Однако нередки и такие случаи, когда им не придается никакого значения, как и ценности самой жизни. Сегодня любой может стать объектом глобальных вызовов, манипулятивных практик, в которых функционирует как рождение, детство, так и смерть, а общий коллективный опыт реагирования, имеющий место в традиционной или массовой культурах (конформизм), мало помогает. Осознание рождения и смерти как феноменов конкретной жизни может прекратить зависимое существование человека, изменив ее качество возложением на себя ответственности за ее проживание. Сегодня в одном пространстве могут жить представители разных культур, в том числе патриархальной и партнерской, массовой и личностной трансформации, отношение к рождению и смерти может быть как выбором каждого, так и показателем принадлежности к той или иной из них.

Список источников

1. Айслер Р. Чаша и клинок. М. : Древо жизни, 1993. 186 с.
2. Гимбутас М. Цивилизация Великой богини: Мир Древней Европы. М. : РОССПЭН, 2006. 584 с.
3. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М. : Прогресс – Прогресс-Академия, 1992. 528 с.
4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М. : Добросвет, 2000. 387 с.
5. Мердок М. Путешествие героини. М. : Клуб Касталия, 2018. 240 с.
6. Стоун М. Когда Бог был женщиной. М. : Эксмо, 2023. 457 с.
7. Кэмпбелл Дж. Пути к блаженству: мифология и трансформация личности. М. : Открытый мир, 2006. 320 с.
8. Хайдеггер М. Бытие и время. М. : Ad Marginem, 1997. 452 с.
9. Гагарин А.С. Экзистенциалы человеческого бытия: одиночество, смерть, страх (от Античности до Нового времени) : автореф. дис. … д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2002. 47 с.
10. Пушкарева Н. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии: невеста, жена, любовница. М. : Ломоносовъ, 2011. 218 с.

11. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. М. : Прогресс, 1986. 623 с.
12. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 1999. 415 с.
13. Ярославцева И.В., Дорохина С.А. Критическое мышление пожилых людей – жертв мошеннических действий: теоретический и прикладной аспекты исследования // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2016. Т. 15. С. 60–71.
14. Литвак М. О чувстве собственной значительности // Сайт Михаила Литвака. 11.03.2020. URL: https://litvak.me/statyi/article_post/o-chuvstve-sobstvennoj-znachitelnosti (дата обращения: 10.01.2025).
15. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003. 603 с.
16. В мире насчитывается примерно 281 млн международных мигрантов // Новости ООН. 14.02.2022. URL: https://news.un.org/ru/story/2022/02/1418252 (дата обращения: 24.01.2025).
17. ООН: масштабы вынужденного переселения достигли рекордных показателей // Новости ООН. 13.06.2024. URL: https://news.un.org/ru/story/2024/06/1453256 (дата обращения: 24.01.2025).
18. Глобальный опрос показал, что мировое население в основном поддерживает беженцев // Новости ООН. 18.06.2024. URL: https://news.un.org/ru/story/2024/06/1453391 (дата обращения: 24.01.2024).
19. Миссуми Т. В США начали отлов нелегальных мигрантов для депортации по приказу Трампа // Life.ru. 22.01.2025. URL: https://life.ru/p/1721330 (дата обращения: 24.01.2025).
20. Тоффлер Э. Третья волна. М. : АСТ, 1999. 784 с.

References

1. Eisler, R. (1993) *Chasha i klinok* [The Chalice and the Blade]. Moscow: Drevo zhizni.
2. Gimbutas, M. (2006) *Tsivilizatsiya Velikoy bogini: Mir Drevney Evropy* [The Civilization of the Great Goddess: The World of Ancient Europe]. Moscow: ROSSPEN.
3. Aries, P. (1992) *Chelovek pered litsom smerti* [The Hour of Our Death]. Moscow: Progress – Progress-Akademiya.
4. Baudrillard, J. (2000) *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic Exchange and Death]. Moscow: Dobrosvet.
5. Murdock, M. (2018) *Puteshestvie geroini* [The Heroine's Journey]. Moscow: Klub Kastaliya.
6. Stone, M. (2023) *Kogda Bog byl zhenshchinoy* [When God Was a Woman]. Moscow: Eksmo.
7. Campbell, J. (2006) *Puti k blazhenstvu: mifologiya i transformatsiya lichnosti* [Paths to Bliss: Mythology and Personal Transformation]. Moscow: Otkrytyy mir.
8. Heidegger, M. (1997) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Moscow: Ad Marginem.
9. Gagarin, A.S. (2002) *Ekzistentsialy chelovecheskogo bytiya: odinochestvo, smert', strakh (ot Antichnosti do Novogo vremeni)* [Existentials of Human Existence: Loneliness, Death, Fear (from Antiquity to Modern Times)]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Yekaterinburg.
10. Pushkareva, N. (2011) *Chastnaya zhizn' zhenshchiny v Drevney Rusi i Moskovii: nevesta, zhena, lyubovnitsa* [The Private Life of Women in Ancient Rus and Muscovy: Bride, Wife, Mistress]. Moscow: Lomonosov.
11. Braudel, F. (1986) *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm XV–XVIII vv.* [Civilization and Capitalism, 15th–18th Century], Vol. 1. Moscow: Progress.
12. Aries, P. (1999) *Rebenok i semeynaya zhizn' pri Starom poryadke* [The Child and Family Life in the Ancien Régime]. Yekaterinburg: Ural University.
13. Yaroslavtseva, I.V. & Dorokhina, S.A. (2016) Kriticheskoe myshlenie pozhilykh lyudey – zhertv moshennicheskikh deystviy: teoreticheskiy i prikladnoy aspekty issledovaniya [Critical thinking of elderly people – victims of fraud: theoretical and applied aspects of the study]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya*. 15. pp. 60–71.
14. Litvak, M. (2020) *O chuvstve sobstvennoy znachitelnosti* [On the Feeling of Self-Importance]. [Online] 11 March 2020. Available from: https://litvak.me/statyi/article_post/o-chuvstve-sobstvennoj-znachitelnosti (Accessed: 10.01.2025).
15. Huntington, S. (2003) *Stolknovenie tsivilizatsiy* [The Clash of Civilizations]. Moscow: AST.
16. UN News. (2022) *V mire naschityvaetsya primerno 281 mln mezhdunarodnykh migrantov* [There are approximately 281 million international migrants in the world]. 14 February 2022. [Online] Available from: https://news.un.org/ru/story/2022/02/1418252 (Accessed: 24.01.2025).
17. UN News. (2024) *OON: masshtaby vynuzhdennogo pereseleniya dostigli rekordnykh pokazateley* [UN: Forced displacement reaches record levels]. 13 June 2024. [Online] Available from: https://news.un.org/ru/story/2024/06/1453256 (Accessed: 24.01.2025).
18. UN News. (2024) *Global'nyy opros pokazal, chto mirovoe naselenie v osnovnom podderzhivaet bezhentsev* [Global poll shows world population largely supports refugees]. 18 June 2024. [Online] Available from: https://news.un.org/ru/story/2024/06/1453391 (Accessed: 24.01.2024).
19. Missumi, T. (2025) *V SShA nachali otlov nelegal'nykh migrantov dlya deportatsii po prikazu Trampa* [The US has begun rounding up illegal migrants for deportation on Trump's orders]. 22 January 2025. [Online] Available from: https://life.ru/p/1721330 (Accessed: 24.01.2025).
20. Toffler, A. (1999) *Tret'ya volna* [The Third Wave]. Moscow: AST.

Информация об авторе:
Жижилева Л.И. – канд. филос. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: larzhi73@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
L.I. Zhizhileva, Cand. Sci. (Philosophy), associate profesor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation). E-mail: larzhi73@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.02.2025;
одобрена после рецензирования 12.09.2025; принята к публикации 10.10.2025.

The article was submitted 16.02.2025;
approved after reviewing 12.09.2025; accepted for publication 10.10.2025.

Научная статья
УДК 165
doi: 10.17223/15617793/519/9

Онтологическая и когнитивная концептуализация сущности самосознания

Ксения Павловна Соболева[1], Ирина Васильевна Черникова[2]

[1, 2] Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
[1] d.k.p@inbox.ru
[2] chernic@mail.tsu.ru

Аннотация. Произведен анализ категории самосознания в рамках философских и когнитивных подходов. Субъективные основания кризиса идентификации человека в мире демонстрируют всю сложность воссоздания дуалистического «Я» личности при исследовании природы сознания. Представления о самосознании как духовном и чувственном опыте дополнены формирующимися в междисциплинарных исследованиях науки и философии концепциями сознания, в которых целостность сознания и самосознания обосновывается в программах энактивизма, расширенного сознания, социального сознания.
Ключевые слова: сознание, самосознание, самоидентичность человека, духовность, интеллект, целостность

Для цитирования: Соболева К.П., Черникова И.В. Онтологическая и когнитивная концептуализация сущности самосознания // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 519. С. 68–73. doi: 10.17223/15617793/519/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/519/9

Ontological and cognitive conceptualization of the essence of self-awareness

Ksenia P. Soboleva[1], Irina V. Chernikova[2]

[1, 2] National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
[1] d.k.p@inbox.ru
[2] chernic@mail.tsu.ru

Abstract. Philosophical and cognitive inquiries into the nature of human being have traditionally relied on ontological and epistemological frameworks centered on the problem of consciousness. Functioning as a unified phenomenon, consciousness constitutes a dynamic, integrated system with a dualistic structure, encompassing both internal and external determinants. A key question arises: how do contemporary cognitive and philosophical studies reconcile computational models of consciousness with approaches that emphasize its nature as an integration of internal and external factors, particularly when addressing the problem of its integral wholeness? Historically, philosophers have approached the problem of consciousness through the concepts of soul and spirit, emphasizing its incorporeal, spiritual essence and underscoring the importance of an individual's comprehension of their inner nature. Later, René Descartes expanded this understanding by linking consciousness to the concept of thought, thereby incorporating intellect, morality, and spirituality into its study. The relationship between consciousness and self-awareness is now understood as a unified evolutionary process of personality formation, achieved through interaction with the world and communication with others. Contemporary interdisciplinary research provides a more detailed description of the full spectrum of consciousness and self-awareness, focusing on the correlation between its spiritual, social, and bodily components. The bodily conditioning of consciousness reveals the entire richness of human individual experience, thereby complementing general conceptions of the world. An individual achieves wholeness by recognizing that the formation of the "I"—the personality—is possible only through self-knowledge and communication with the world, through the synthesis of enlightenment (ideality) and corporeality. Investigations into spiritual and bodily experience through the lens of self-awareness are opening up new possibilities for addressing challenges in artificial intelligence and personal identity. The primary task for each individual becomes maintaining the continuous evolutionary process of developing one's unique "I" through the analysis of personal self-identity. Modern research is shaping an integral picture of the world, in which the characterization of the relationship between the human and the world is once again being supplemented by the concepts of spirituality, awareness, and uniqueness. Each person attains wholeness, meaning, and freedom of self-expression by engaging with cultural, social, and bodily practices. In doing so, the individual gains the capacity to reproduce the past, envision the future, enact changes in their life, correct mistakes, and effectively rewrite their own life scenario.
Keywords: consciousness, self-awareness, human self-identity, spirituality, intelligence, integrity

***For citation*:** Soboleva, K.P. & Chernikova, I.V. (2025) Ontological and cognitive conceptualization of the essence of self-awareness. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 519. pp. 68–73. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/519/9

© Соболева К.П., Черникова И.В., 2025

Словом «сознание» обозначаются весьма разнородные феномены, объединённые разве что их «нефизическим» характером: ментальные явления, субъективная реальность, интенциональность… Однако следует выделить, пусть предварительно, из многочисленных исследований сознания и самосознания рабочие определения. Сознание является многоуровневым, сложным феноменом, который истолковывается с различных метафизических оснований философами и в различных теоретических программах когнитивной науки [1, 2]. Обратим внимание на два различающихся подхода к трактовке соотношения сознания и самосознания.

А. Дамасио подчеркивает целостность сознания и самосознания, когда речь идет о сознании человека: «Сознание есть состояние психики, характеризующееся знанием о собственном существовании и о существовании окружающего мира. Сознание есть состояние психики: нет психики – нет сознания... Сознание – это состояние психики, дополненное процессами самости» [3. С. 181]. Сравним с метафоричным, запоминающимся высказыванием о сознании И.Ф. Михайлова: «Сознание – это то, что отсутствует у человека, потерявшего сознание… Человек же потерявший сознание, демонстрирует отсутствие двух принципиальных человеческих навыков: способность реагировать на внешние раздражители и способность осмысленно участвовать в коммуникации» [4. С. 96]. Сознательное поведение, как указывает И.Ф. Михайлов, состоит из реакций на внешние раздражители и обстоятельства [4. С. 97].

В чем же различие? У А. Дамасио в трактовке сознания акцентируется единство внутреннего и внешнего, сознание как осознание себя, как «взгляд вовнутрь» и в тоже время как способность коммуникации с внешним миром, как «взгляд вовне». И.Ф. Михайлов разделяет функционалистский подход к сознанию, с акцентом на коммуникации с внешним миром, такой подход характерен для вычислительной программы. Позже в его докторской диссертации (2021 г.), глубоком и интересном исследовании, отмечается: «Сознание мы можем определить как способность к самостоятельной регуляции собственного поведения, а осознание – как состояние “подсвеченности” памятью и вниманием» [5. С. 73].

Итак, сознание человека предполагает наличие самосознания, его важнейшая особенность характеризуется понятием «интроспекция» (интроспе́кция или самонаблюде́ние от лат. *introspecto* – смотреть внутрь), то есть осознанием состояний своего сознания. Наше дальнейшее исследование феномена самосознания будет более обоснованным, если сумеем обобщить опыт анализа самосознания в историко-философском контексте.

Проблема формирования уникальной самоидентичности человека, его стремления и попытки обрести внутренний контроль над собой и возможности самореализации своего внутреннего потенциала обретает значимость уже в античной философии. Древнегреческие мыслители репрезентируют самосознание через понятия души, духа, в целом – в качестве субъективного творческого, духовного начала, которое задает основу всего существования человека и мира: «Душа есть поток переживаний, непосредственное единство “Я”, целостность субъективности, длительность личности, энергия самосохранения, принцип жизни, центр телесного и рефлексивного опыта» [6. С. 67].

Мудрец Сократ говорит, что знать самих себя – значит быть самим собой. Самосознание как способ познать самого себя и понять мир. Душа выступает как единство разума, интеллекта и нравственного поведения. Именно о душе необходимо заботиться в первую очередь, а не о бренном теле. Для Сократа самодостаточность души и есть свобода. Требование, которое предъявляет человек сам по отношению к себе, дает возможность личности принять себя и мир в целом, прийти к гармонии. Сущность человека Платон видит в его вечной и бессмертной душе: «…именно душа – это человек… Следовательно, тот, кто велит нам познать самого себя, приказывает познать свою душу» [7. С. 259]. Душа – это основа духовности и добродетели. Аристотель продолжил линию рассуждений своего учителя, разделяя взгляд на рациональную природу души как сущность человека и стремление личности обрести контроль над собой и своим поведением. В данном контексте сознание соотносится с процессом познания самого себя.

Позже христианская традиция через труды Фомы Аквинского донесет мысль, что только разум ответствен за поведение человека, а значит за духовное становление личности: «Существует только индивид и только индивид может существовать. Все, что существует, существует в условиях индивидуальности» [8. С. 77]. Стремления личности обращены и направлены на совершенствование своей природы, возвышение до уровня своего создателя. Философы все больше устремляются к познанию Вселенной, раскрытию границ как внутренних, так и внешних. Человек стремится к самопостижению и самораскрытию личности вопреки всему и всем, неся отчасти саморазрушительный характер. На первый план выходит творчество, свобода, мораль, которая прикрывается лицемерием, корыстью, страхом.

В философии Нового времени сущность человека предстает в качестве размышляющего субъекта, высокоактивного и самопознающего, морального и культурного существа, направленного на поиски истины и смысла жизни. Личность осознает фундаментальные ценности человеческой жизни, свою самодостаточность и способность к самореализации. Изначально формируется процесс благоволения, затем благодеяния. Ф. Бэкон подводит под сомнение идею о грешной природе человека, чем освобождает его от оков религиозной морали и предоставляет свободу и возможность осознать свою истинную уникальную природу, таким образом, изменить свое мироощущение.

Р. Декарт делает акцент на разумной составляющей, связывая с ней сущность человека: «Отсюда я заключил, что я есть субстанция, вся сущность или природа которой состоит только в мышлении и которая, чтобы существовать, не нуждается ни в каком месте и не зависит ни от какой материальной вещи. Так что мое я, то есть душа, благодаря которой я есмь то, что я есмь, совершенно отлична от тела и более легко познаваема, чем тело, и, если бы тела даже вовсе не было,

душа не перестала бы быть всем тем, что она есть» [9. С. 283].

Рационализм Б. Паскаля, Б. Спинозы, Г. Лейбница отличает более сложное понимание разума: это не только интеллект, но и способность постигать «нравственный порядок». Б. Паскаль полагал, что следовать только за разумом, значит ограничивать себя, отделять от истинной сущности мира. Обладая только знаниями о мире, человек остается несчастлив, а главное для каждой личности попытаться укорениться в мире, найти внутреннюю опору, которая должна быть найдена в духовности: «Итак, все наше достоинство – в способности мыслить. Только мысль возносит нас, отнюдь не пространство и время, в которых мы – ничто. Постараемся же мыслить благопристойно, в этом – основа нравственности» [10. С. 125]. Б. Спиноза понимал разум не только как мыслительную способность, он отмечал, что зачастую разум толкает человека на коварные поступки. Свобода человека состоит в познании себя, своих слабостей и обретении гармонии и самодостаточности. Нравственность для Спинозы – это не догмы церкви, а, прежде всего, разумные доводы человека. «Действовать абсолютно по добродетели есть для нас не что иное; как действовать, жить, сохранять свое существование по руководству разума на основании стремления к собственной пользе» [11. С. 410]. Представители космического монизма разумность понимали как осмысление взаимосвязи между Богом, природой и человеком. Для обозначения этой способности в качестве более адекватного термина использовалось понятие «духовность», означающее не только интеллектуальные способности, но устремление человека к поиску себя, своей самости в мировом порядке, как осознание сопричастности целому.

Мысль о необходимости установления контакта с миром, диалога между людьми, обмена опытом постепенно развивалась. Д. Юм отмечал, что «души людей являются друг для друга зеркалами, и не потому только, что они отражают эмоции, испытываемые теми и другими, но и потому, что лучи аффектов, чувствований и мнений могут быть отражаемые вновь и вновь, пока они незаметно и постепенно не погаснут» [12. С. 411]. Духовность раскрывается как внутренняя энергия трансцендирования, достижения истины, добра и красоты, постижение социального и культурного опыта, направленная на процесс самоактуализации личности. Самосознание же предстает в качестве процесса осознания себя, как оценочная система идеалов, нравственных устоев, поведения, являясь основой для развития психики в процессе коммуникации с другими. «Я» есть объект исследования, человек познает сам себя, свои возможности, свои границы. И в тоже время предстает в качестве акта постоянного процесса познания и накопления знаний о себе и отделения себя от другого.

Психологи и философы-экзистенциалисты показывали, что постижение сущности человека возможно только через анализ деятельности в разных жизненных ситуациях, коммуникацию с другими людьми, через анализ социальности. Так, С.Л. Рубинштейн отмечал: «…человек осознает свою самостоятельность, свое выделение в качестве самостоятельного субъекта из окружения лишь через свои отношения с окружающими его людьми, и он приходит к самосознанию, к познанию собственного “Я” через познание других людей. Не существует “Я” вне отношений к “Ты”, и не существует самосознания вне осознания другого человека как самостоятельного субъекта» [13. С. 241]. В данном контексте самосознание выполняет функцию центра управления психическими и духовными процессами, выражает духовность личности, накопленный социальный и культурный опыт всего человечества.

Человек для раскрытия духовного потенциала должен отвернуться от толпы, если это необходимо для своего дальнейшего существования. Ф. Ницше говорит о трех стадиях духовного развития личности, метафорически выражая путь от слепого следования традициям к критическому осмыслению и отрицанию, и в итоге к творческому существованию: «дух становится верблюдом, львом верблюд и, наконец, ребенком становится лев... Ребенок создает новый мир...» [14. С.176]. Духовность в данном учении скрыта, проявляется в человеке не сразу, а со временем. Человек должен пробудиться и отказаться от иллюзий, навязанных извне.

Духовное развитие личности – это значимое орудие для совершенствования общества. Основной чертой духовности является гуманность: «При полном реализме найти в человеке человека» [15. С. 16]. Ф.М. Достоевский понимал, что насильно исправить человека невозможно, поэтому настаивал на следующем: в стремлении стать идеалом во плоти нужно, «чтоб человек нашел, осознал и всей силой своей природы убедился, что высочайшее употребление, которое он может сделать из своей личности, из полноты развития своего «Я», – это как бы уничтожить это я, отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно». Для Ф.М. Достоевского в человеческой природе есть потребность «заявить себя, отличиться, выйти из ряду вон».

Для основателя феноменологии Э. Гуссерля в чистом сознании задана естественная установка среды, где жизненный мир является универсальной данностью до всякой рациональности. Каждый человек в рамках своей индивидуальности способен познать ту часть реальности, которая открывается в процессе деятельности собственного сознания. В тоже время весь духовный опыт, основа личности тесно связана с биологической природой человека и является ее венцом: «В этой связи, прежде всего в свете углубленного анализа живой телесности, характеризующей реактуализуемого субъекта, становится явным, что такое противопоставление двух определений Я (как живого тела и как единства наложения реактуализующих актов) неправомерно, и что в противовес ему стоит рассмотреть более сложное отношение между двумя понятиями «Я», которые следует рассматривать как вложенные друг в друга» [16. С. 17]. Отсюда, как отмечает Н. Бердяев, именно нравственный аспект духовности определяет выбор и поведение человека. Данный этап характеризует социальный аспект самосознания. Общество,

диалог, язык непосредственно влияют на формирование личности и на формирование связей «Я» с миром.

Самосознание помогает человеку идентифицировать самого себя, быть собой несмотря на различные события в жизни и мире в целом. В данном контексте самосознание выступает в качестве духовного стержня человека, который придает силы и помогает преодолеть кризисы существования человека. Такие экзистенциальные архетипы, как смыслы, идеальные интенции, память, ценности выступают в качестве мотиваторов поступков человека. Каждая личность в течение жизни переживает духовный опыт, разнородный и индивидуальный. Проходя через испытания и радости человек обретает и формирует уникальную систему внутренних ценностных установок, самопостижение помогает самоидентификации личности. Основой для данного становления выступает единство человека с миром, ощущение причастности к миру. Как отмечал Н.А. Бердяев, «возрастающая духовность преодолевает власть зла над человеческой душой, просветляет сознание. Но зло остается самым проблематичным в человеческом существовании. Страдание не тождественно злу, но страдание от зла происходит. Если бы не было страдания в мире, лежащем во зле, то, вероятно, не было бы обострения сознания и возрастания духовности. Неспособность к страданию иногда бывает самым большим злом. Достоевский говорит, что страдание есть единственная причина сознания» [17. С. 294]. Самосознание, как духовное начало, становится способом реализации человека, где проявляется его самостоятельность, творческое начало. Важно сочетание духовности с душевным содержанием человека.

Самопознание предполагает самоконтроль, самодисциплину и обретение внутренней свободы. В самопознании выделяются такие элементы, как восприятие сознания, интеллектуальные возможности, формирование опыта. Самопознание связано с парадигмой, системой ценностей, убеждений. Н. Бердяев отмечает, что «Я» человека тесно связано с духовностью. Данная сила помогает поддерживать личностное и индивидуальное в человеке. В итоге самосознание человека состоит из противоречащих составляющих: иррационального и рационального, светлого и темного начал, внешнего и внутреннего мира.

Начиная с XX века, философы исследуют непосредственную связь самосознания с миром чувственности, живой телесностью и, таким образом, пытаются решить проблему целостности сознания. «Я» – это целый организм, объединяющий телесность и сознание. М. Мерло-Понти рассматривает понятие телесной схемы, в рамках которой «Я» имеет некие представления о своем теле. Он отмечает, что часто тело может инстинктивно совершать действия без влияния «Я». Именно тело позволяет ребенку познавать мир. Чувственность тела предстает как интенции, мысли. «Человек существует не только как дух, но и как тело. Тело – наше самое достоверное бытие, наша ближайшая собственность. Биологическая энергия тела дает нам силу жить, питает наш разум, обостряет наши чувства и эмоции» [18. С. 125]. Тело феноменально, постоянно стремится к трансценденции. Основные характеристики тела: анонимность активности тела, вертикально-промежуточный характер, социальность тела, чувственная рефлексия. «В истоке всех наших опытов и всех наших рефлексий мы находим сущее, узнающее себя непосредственно, ибо оно и есть знание себя и всех вещей, сознающее свое собственное существование не через какое то свидетельство и не как фактическую данность или еще соотносится с какой то идеей самого себя, но в прямом с ним контакте» [19. С. 230]. Таким образом, наше тело выступает в качестве сосуда для мыслей и внутренних переживаний и находится в единстве с миром, с «Я» личности.

На современном этапе телесно-ориентированный подход получил развитие в программе энактивизма Ф. Варелы, Э. Томпсона, Э. Рош, которые отмечают: «В рамках энактивной программы мы открыто оспариваем господствующее во всей когнитивной науке предположение о том, что познание – это репрезентация мира, который не зависит от наших способностей к восприятию и познанию, с помощью когнитивной системы, существующей независимо от мира. Взамен мы предлагаем взглянуть на познание как на отелесненное действие, возвращаясь к упомянутой выше идее отелеснивания. Мы также помещаем этот взгляд в контекст эволюционной теории, утверждая, что эволюция представляет собой не оптимальную адаптацию, а скорее то, что мы называем естественным дрейфом» [20. С. 90]. В отличие от феноменологов, которым не удалось выйти за пределы интроспективного способа исследования сознания (интроспекция или самонаблюдение от лат. *introspecto* – смотреть внутрь), программа энактивизма имеет целью сформировать целостную модель сознания, интегрирующую как внутренние, так и внешние факторы. Самосознание характеризуется как постоянно меняющаяся система, имеющая свою историю, карму, как следствие присвоения личностью результатов деятельности своего ума. Человек может менять себя, трансформироваться: «Отелесненное социальное взаимодействие рассматривается как “взаимное соучаствующее смыслотворчество”» [20. С. 28]. Авторы предлагают новую концепцию, объединяя идею просветленности и телесной осознанности, где человек осознает свое тело на уровне ума. Ум не существует сам по себе, а предопределен информацией, поступающей от органов чувств. Посредством тела человек обрабатывает информацию и принимает то или иное решение. Исследования в области сознания и мозговой деятельности способствуют построению целостной картины мира, в рамках которой разум и тело находятся в постоянном синергийном динамическом взаимодействии. На протяжении всего жизненного пути самосознание человека развивается, формируя и опираясь на внутреннее сформировавшееся ядро личности, отражая уровень духовности поступков человека, через такие понятия как стыд, любовь, эмпатия и другие.

Связь тела и мозга в функционировании сознания, роль эмоций в принятии решений американский нейробиолог А. Дамасио обосновал в теории, объеди-

няя базовое и автобиографичное сознание. Он подчеркивает, что и сознание, и самосознание следует рассматривать в эволюционном ключе. «Самость – безусловно, не сущность, а динамический процесс» [3. С. 190]. Понимая самосознание как эволюционный процесс, он выделял этапы становления самости: протосамость, которая воспроизводит сравнительно стабильные телесные процессы, в первую очередь спонтанные ощущения живого организма (простейшие ощущения); базовую самость, возникающую от взаимодействия организма и объекта; автобиографичную самость возникающую, когда явления биографии живого существа инициируют импульс базовой самости, а импульсы, в свою очередь, немедленно объединяются и образуют крупномасштабную согласованную структуру [3. С. 207]. Самосознание предстает в качестве способности сознания сохранять и воспроизводить прошлый опыт. Сознание сопровождается самосознанием, а значит памятью, принятой на биологическом уровне и дополненной социальными и культурными элементами. С одной стороны, человек обладает знанием о себе, с другой стороны, выделяя себя из среды, получает опыт коммуникации. «Я» выступает в качестве наблюдателя за самим собой и, в тоже время, как средство с помощью которого происходит осмысление данного опыта. Динамический процесс начинается с «Я» как объекта и выливается в «Я» как носителя знания с определенными социальными и культурными красками.

Обратившись к вопросу о соотношения сознания и самосознания, сопоставили вычислительные модели сознания с подходами, в которых акцентируется внимание на единстве внутренних и внешних факторов в функционировании сознания (самосознание как осознание себя, как «взгляд вовнутрь» и сознание социальное, как способность коммуникации с внешним миром, как «взгляд вовне»). Осуществляя историко-философское исследование проблемы соотношения сознания и самосознания, показано, что в Античности и Средневековье вместо сознания философы рассуждали о душе, и только в философии Нового времени появился термин «сознание» у Р. Декарта и Дж. Локка в связи с мыслительными способностями, отличающими человека. Сегодня философский анализ сознания немыслим вне междисциплинарных исследований сознания в когнитивных науках, позволивших выявить связи языка, мышления, культуры, мозга, эмоциональной, духовной активности в оркестровке сознания. Сознание помогает человеку познавать мир и принимать решения через психические процессы и самосознание. Самосознание определяет духовный потенциал личности, его психические интеллектуальные, энергетические и эмоциональные способности. Накопление знаний о себе, исследование своей сущности, затем встреча с другими людьми предстают как процесс формирования памяти, собственного опыта или самосознания. Именно духовный опыт и знания, а также социальный опыт способствуют формированию и развитию «Я» личности. Самосознание формирует набор уникальных способностей человека, неповторимый сценарий жизни. Самосознание как опыт всей человеческой жизни, где личность является автором своей судьбы. Сознание и самосознание являются единым динамическим целым, объединяющим как внутренние, так и внешние основания личности и существующее за счет постоянной коммуникации с миром.

Список источников

1. Черникова И.В., Черникова Д.В. Проблема сознания в философии и когнитивной науке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 4. С. 103–111. doi: 10.17223/1998863X/36/11
2. Черникова И.В., Логиновская Ю.В. Глобально-эволюционный подход к сознанию в когнитивной науке // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 466. С. 71–78. doi: 10.17223/15617793/466/8
3. Дамасио А. Так начинается «я». Мозг и возникновение сознания. М. : Карьера Пресс, 2018. 384 с.
4. Михайлов И.Ф. Человек. Сознание. Сети. М. : ИФ РАН, 2015. 186 с.
5. Михайлов И.Ф. Когнитивные основания социальности : дис. … д-ра филос. наук. М., 2021.
6. Пивоваров Д.В. Духовность, душевность и плотяность человека // Вестник экономики, управления и права. Екатеринбург, 2010. С. 65–71.
7. Платон. Собрание сочинений : В 4 т. Т. 1. М. : Мысль, 1990. 860 с.
8. Аквинский Ф. Сумма теологии. Часть I–II. Вопросы 90–114. Киев : Ника-Центр, 2010. 432 с.
9. Декарт Р. Избранные произведения. М. : Политиздат, 1960. 711 с.
10. Паскаль Б. Мысли. М. : АСТ, 2019. 255 с.
11. Спиноза Б. Сочинения : В 2 т. Т. 1. СПб. : Наука, 1999. 489 с.
12. Юм Д. Трактат о человеческой природе. М. : АСТ, 1996. 860 с.
13. Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ власти. Т. 2. Хрестоматия. Самара : Издательский Дом «БАХРАХ», 1999. 575 с.
14. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М. : АСТ, 2016. 288 с.
15. Захаров В.Н. Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики. 2001. Вып. 6. С. 5–20. doi: 10.15393/j9.art.2001.2511
16. Микали С. Избыточность опыта. СПб. : ЦГИ, 2022. 284 с.
17. Бердяев Н.А. Дух и реальность. М. : АСТ: Астрель, 2011. 664 с.
18. Мерло-Понти М. В защиту философии. М. : Издательство гуманитарной литературы, 1996. 248 с.
19. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб. : Ювента ; Наука, 1999. 603 с.
20. Варела Ф., Томпсон Э., Рош Э. Отелесненный ум. Когнитивная наука и человеческий опыт. М. : Фонд «Сохраним Тибет», 2023. 456 с.

References

1. Chernikova, I.V. & Chernikova, D.V. (2016) The problem of conscience in philosophy and cognitive science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 4. pp. 103–111. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/36/11

2. Chernikova, I.V. & Loginovskaya, Yu.V. (2021) A global evolutionary approach to consciousness in cognitive science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 466. pp. 71–78. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/466/8
3. Damasio, A. (2018) *Tak nachinayetsya "ya". Mozg i vozniknoveniye soznaniya* [Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain]. Translated from English. Moscow: Kar'yera Press.
4. Mikhaylov, I.F. (2015) *Chelovek. Soznaniye. Seti* [Human. Consciousness. Networks]. Moscow: Institute of Philosophy RAS.
5. Mikhaylov, I.F. (2021) *Kognitivnyye osnovaniya sotsial'nosti* [Cognitive foundations of sociality]. Philosophy Dr. Diss. Moscow.
6. Pivovarov, D.V. (2010) Dukhovnost', dushevnost' i plotyanost' cheloveka [Spirituality, soulfulness, and human fleshliness]. *Vestnik ekonomiki, upravleniya i prava*. 3 (12). pp. 65–71.
7. Plato. (1990) *Sobraniye sochineniy* [Collected Works]. Translated from Ancient Greek. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
8. Aquinas, T. (2010) *Summa teologii. Chast' I–II. Voprosy 90–114* [Summa Theologica. Part I–II. Questions 90–114]. Translated from Latin. Kyiv: Nika-TSentr.
9. Descartes, R. (1960) *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated from French. Moscow: Politizdat.
10. Pascal, B. (2019) *Mysli* [The Pensées]. Translated from French. Moscow: AST.
11. Spinoza, B. (1999) *Sochineniya* [Works]. Translated from Latin. Vol. 1. Saint Petersburg: Nauka.
12. Hume, D. (1996) *Traktat o chelovecheskoy prirode* [A Treatise of Human Nature]. Translated from English. Moscow: AST.
13. Raygorodskiy, D.Ya. (1999) *Psikhologiya i psikhoanaliz vlasti* [Psychology and Psychoanalysis of Power]. Vol. 2. Samara: Izdatel'skiy Dom "BAKHRAKH".
14. Nietzsche, F. (2016) *Tak govoril Zaratustra* [Thus Spoke Zarathustra]. Translated from German. Moscow: AST.
15. Zakharov, V.N. (2001) Khristianskiy realizm v russkoy literature (postanovka problemy) [Christian Realism in Russian Literature (towards the problem)]. *Problemy istoricheskoy poetiki*. 6. pp. 5–20. doi: 10.15393/j9.art.2001.2511
16. Micali, S. (2022) *Izbytochnost' opyta* [The Excess of Experience]. Translated from German. Saint Petersburg: TSGI.
17. Berdyayev, N.A. (2011) *Dukh i real'nost'* [Spirit and Reality]. Moscow: AST: Astrel'.
18. Merleau-Ponty, M. (1996) *V zashchitu filosofii* [In Praise of Philosophy]. Translated from French. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury.
19. Merleau-Ponty, M. (1999) *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology of Perception]. Translated from French. Saint Petersburg: Yuventa; Nauka.
20. Varela, F., Thompson, E. & Rosch, E. (2023) *Otelesnennyy um. Kognitivnaya nauka i chelovecheskiy opyt* [The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience]. Translated from English. Moscow: Fond "Sokhranim Tibet".

Информация об авторах:
Соболева К.П. – аспирант, ассистент кафедры философии и методологии науки Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: d.k.p@inbox.ru
Черникова И.В. – д-р филос. наук, профессор кафедры философии и методологии науки Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: chernic@mail.tsu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
K.P. Soboleva, postgraduae student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: chernic@mail.tsu.ru
I.V. Chernikova, Dr. Sci. (Philosophy), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: d.k.p@inbox.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.07.2025;
одобрена после рецензирования 02.10.2025; принята к публикации 10.10.2025.

The article was submitted 11.07.2025;
approved after reviewing 02.10.2025; accepted for publication 10.10.2025.

Научная статья
УДК 167/168
doi: 10.17223/15617793/519/10

Возможна ли эпистемологическая редукция химии к физике по Э. Нагелю?

Ирина Игоревна Чечеткина[1]

[1] *Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казань, Россия, iralena@mail.ru*

Аннотация. Исследуется модель эпистемологической редукции Э. Нагеля применительно к теориям физики и химии. Ее анализ проводится в трех аспектах: в первом аспекте – как связи между языком и концептами этих наук, во втором аспекте – как возможности установления структурных взаимосвязей этих наук в виде правил соответствий, соединяющих словари физических и химических теорий, и в третьем аспекте – как логической выводимости понятий химии из «первых принципов» физики. Показана несостоятельность концепции редукции химии к физике в силу лингвистических ограничений химии и замкнутости ее концептуальных систем, концептуальных и методологических проблем самой физики, а также ограничений дедуктивного метода в химии.
Ключевые слова: философия химии, эпистемологическая редукция, Э. Нагель, квантовая механика, концептуальные системы химии, язык науки, правила соответствия, дедуктивный метод

Для цитирования: Чечеткина И.И. Возможна ли эпистемологическая редукция химии к физике по Э. Нагелю? // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 519. С. 74–84. doi: 10.17223/15617793/519/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/519/10

Is it possible to epistemologically reduce chemistry to physics according to E. Nagel?

Irina I. Chechetkina[1]

[1] *Kazan National Research Technological University, Kazan, Russian Federation, iralena@mail.ru*

Abstract. The aim of this article is to provide an epistemological analysis of the reduction principle in chemistry, using the reducibility of chemistry to physics as a case study. To this end, Ernest Nagel's model of reduction was employed, which structured the research along two main lines: identifying the connections between the concepts of these sciences and examining the possibility of deductively deriving chemical concepts from physics. The research methodology was based on the principles of linking the historical and the logical, a systemic approach, formal-logical methods, the comparative method, and interpretation. The problem of reduction was examined within the context of the history and logic of the development of philosophy and the natural sciences. Applying a systemic approach to this problem made it possible to identify three types of reduction—conceptual, quantitative, and ontological—and to establish the connections between them, as well as their relationship with Nagel's model. To investigate conceptual reduction, the semantic content of chemical and physical concepts was examined using formal-logical methods, comparison, and interpretation. This analysis revealed the uniqueness of the language of chemistry and the distinctive nature of its conceptual systems, which cannot be fully expressed in the formal mathematical language of physics. Conceptual reduction entails ontological reduction due to the differing interpretation of chemical concepts and the specific character of quantum methodology. Chemical concepts also possess quantitative content, which facilitates quantitative reduction; however, this reduction is limited by the attempt to bring chemistry into an axiomatic system through deduction, which falls under the scope of Gödel's incompleteness theorem. Quantitative reduction in chemistry was correlated with Nagel's requirement of correspondence rules, with the occupation matrix in quantum mechanics serving as such a rule, albeit one that interprets the chemical bond and the molecule differently. Consequently, the complete homogeneity of theoretical vocabularies posited by Nagel is not achieved. Reduction constitutes a simplification of chemistry, as linguistic and conceptual barriers exist between chemistry and physics, along with limitations inherent to deduction. Therefore, Nagel's model encounters objections.
Keywords: consciousness, self-awareness, human self-identity, spirituality, intelligence, integrity

***For citation*:** Chechetkina, I.I. (2025) Is it possible to epistemologically reduce chemistry to physics according to E. Nagel? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 519. pp. 74–84. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/519/10

Введение

Принцип редукции всегда был краеугольным камнем в философии науки, в его рамках обсуждались проблемы взаимодействия наук и их пограничных областей знания, этот принцип поставил вопросы о возможности перенесения научных данных, методов познания, идеалов и норм науки из одной области науки

© Чечеткина И.И., 2025

в другую. Редукционизм имеет отношение к вопросам о структуре теоретического знания, проблеме объяснения редуцируемых концепций с помощью редуцирующих, происхождению языку науки. В рамках редукционизма обсуждается также единство и эстетика науки. В целом принцип редукции дает разнообразие логико-методологических подходов в науке и свидетельствует о постоянном прогрессе науки.

В философии химии вопрос о редукционизме – это одна из наиболее обсуждаемых тем в связи с самостоятельностью химии и ее независимостью от физики не только как науки, но и учебной дисциплины. Редукционисты понимают физику как более фундаментальную науку, чем химию, поскольку она наиболее глубоко и полно описывает, и объясняет реальность. Химии отводится участь феноменологической индуктивной науки. Поэтому необходимо решить вопрос о том, как соотносятся между собой эти науки, редуцируются ли теоретические представления химии к физике или нет. Вопрос о гносеологическом приоритете той или иной науки имеет также практические последствия – экономические и социальные, например, приоритет в области принятия решений в сфере научно-исследовательских проектов и преподавания естественных наук, социальной значимости этих наук, учитывающей их роль в развитии техники и технологий, а также политике финансирования наук [1].

В истории химии споры о редукционизме как возможности и законности сведения химического знания к физико-математическому возникали дважды: в период с XVIII по XIX в. как попытке сведения химии к классической механике и в начале XX в. в связи с зарождением квантовой механики и квантовой химии и дальнейшего сведения химии к квантовой механике. Дебаты о возможности или невозможности редукции химии к квантовой механике продолжаются по настоящий день. Основной вопрос заключатся в том, редуцируются ли классические концепции химии к физике или нет. С этой целью рассмотрим гносеологический редукционизм как сведение химических концепций к физическим, проанализируем философские позиции по этой проблеме и ответим на этот вопрос. Философско-методологическим ориентиром в этом исследовании будет выступать концепция редукции Э. Нагеля, именно она из всех редукционистских концепций больше всего подходит к анализу соотношения между физикой и химией, поскольку учитывает: 1) связь между понятийными аппаратами этих наук, 2) возможность постулирования утверждений, связывающих понятия этих наук, если их концептуальные аппараты неоднородные, т.е. между теориями должны быть структурные взаимосвязи в виде правил соответствий, соединяющих термины редуцирующей и редуцируемой теорий; 3) логическую выводимость редуцируемой науки из первых принципов редуцирующей науки. Главным у Э. Нагеля был математический анализ как связующее звено между теориями, который неявно определял и объяснял термины редуцируемой теории [2. P. 354–366].

К достоинствам этой модели редукционизма относится анализ структуры научного знания, объяснение понятий одной теории в рамках другой и прогрессивное развитие науки в результате замены менее совершенной теории на более совершенную, в отличие, например, от моделей науки, построенных на аналогиях и конвенциях между теориями.

Логико-исторический контекст появления концепции редукционизма Э. Нагеля

Традиционно редукционизм был связан с различными видами позитивизма (махизм, энергетизм Оствальда, логический позитивизм), философы этого направления стремились с помощью механических объяснений физики обосновать макроскопические явления объективного мира, поэтому естествознание должно было быть сведено к физике. Не случайно ареной борьбы была теория атома, позитивисты отрицали существование атомов, считая их ненаблюдаемыми метафизическими сущностями, сама же атомистическая теория была антиредукционистской.

Теорию атома поддерживало научное сообщество, в химии интересы столкнулись в области новой науки – химической термодинамики, и такие крупные ученые, как Вант-Гофф, Ван-дер-Ваальс и Больцман, заняли антиредукционистскую позицию по отношению к энергетизму Оствальда, который считал атомно-молекулярное учение умозрительным и полагал, что все проблемы химии (валентность, химическую связь, реакционную способность) можно свести к феноменологическим описаниям физики с позиции энергетизма. Против этого выступил Н. Больцман, который считал эти взгляды неприемлемыми для химии и связывал возможности немеханического объяснения химических явлений с атомистической теорией [3. С. 187–201].

Дальнейшие работы Ж. Перрена по дискретности материи (экспериментально доказал, что катодные лучи имеют корпускулярную природу и подтвердил теоретические выводы Эйнштейна об атомарной природе броунского движения в жидкостях), а также работы Эйнштейна в области фотоэффекта и получение изображений атомов с помощью сканирующего туннельного микроскопа, убедили научное сообщество в существовании атомов. Позитивистский редукционизм в его старом значении, когда макроскопические явления объяснялись с помощью теорий классической физики, стал не нужен. Атомистическая теория стала общепринятой.

Но редуционизм никуда не исчез из химии, он просто изменил свой смысл. Строение молекул и макроскопические явления в химии стали объяснять с помощью новой науки – микрофизики. Новый редукционизм на основе квантовой механики утверждал, что химический уровень организации материи – это молекулы, и каждая молекула есть индивидуальная квантово-химическая система, состоящая из ядер и электронов, а химическое взаимодействие объясняется перестройкой электронных оболочек электронов и ядер реальных атомов. Поэтому для решения химических проблем нужен был квантово-механический подход. Химическое знание должно было получить физико-математическую интерпретацию, и химия становилась подразделом квантовой механики.

Против онтологической редукции (выведение свойств высших сущностей из низших, в нашем примере химические свойства молекул выводятся из движения и свойств атомов, таким образом, химическая онтология производна от физической, именно такую позицию занимает физикализм) выступил приверженец аналитической философии Э. Нагель. Он поставил вопрос о редукции в «плоскость» знания – не нужно проверять, можно ли вывести природу одних сущностей из других, а надо анализировать логические связи между двумя теориями – редуцирующей и редуцируемой, поскольку мы сами создаем представления об этих сущностях с помощью разных теорий [4. С. 145].

У Э. Нагеля вопрос о редукции был эпистемологическим, и он говорил об эпистемологической редукции – выводе одной теории из другой по правилам дедукции, выступая с позиции концептуализма. Он также считал, что его модель редукции может быть успешно применена в химии. Рассмотрим ее применимость более подробно.

Лингвистические ограничения и внутренние границы химии

Э. Нагель считает, что понятийный аппарат сводимой и сводящей теорий должен быть идентичен по смыслу. Однако при сведении языка химии к физике есть лингвистические ограничения, которые связаны со своеобразием символического и образного языка химии, который не сводится к языку физики.

Язык химии – это химическая символика, представлен в виде знаковых моделей, среди которых есть молекулярные структуры, которые могут воспроизводиться с помощью различных альтернативных способов изображения. Одна и та же молекула может иметь трехмерное изображение, двухмерное (плоскостное) или линейное. Молекула может быть записана с помощью брутто-формулы, структурной, стереохимической, электронной или резонансных структурных формул. Каждая формула имеет определенное семантическое содержание. Между этими формулами существуют логические связи. Так, структурная формула должна соответствовать брутто-формуле, а трехмерная модель молекулы – структурной формуле. В то же время этот язык является формальным, поскольку он состоит из различных символов и знаков, например, структурная химическая формула бензола состоит из символов химических элементов углерода и водорода, знаков двойной связи, означающих электронные пары, связывающие атомы элементов. Понятие ароматичности демонстрируется сплошной линией в бензольном кольце, что означает непрерывное распределение электронной плотности в молекуле. Символы и знаки являются структурными единицами формул, они подлежат дальнейшему формальному преобразованию в химических реакциях, которые потом еще раз подвергаются формализации, так, например, в них могут стрелками отображаться смещение электронов в молекуле, последовательность превращений, точками – взаимодействие между электронами химических связей одних молекул и электронами других молекул, образующих переходные комплексы химических соединений.

Химический язык очень содержательный и чувственно-образный, менее абстрактный, чем язык физики. Он подчиняется набору синтаксических правил, основанных на определённых эмпирических химических законах, правила логически обосновывают этот язык, и этот язык становится очень мощным, он может предсказывать существование химических соединений, которые никогда не были получены ни в одной лаборатории. Химический язык подпитывается эмпирическими исследованиями, неразрывно с ними связан, он обеспечивает целостность химии, направляет все исследования в одно русло. Математический язык физики (волновые функции квантовой механики) может использоваться химией, но при этом он становится подразделом химии, не смешиваясь с ее языком [5. P. 45–50].

Структурные и многие другие перечисленные выше формулы дают ограниченное знание о состояниях, возникающих в результате конформационного движения, об активированных комплексах, лабильных агрегатах, образующихся в результате взаимодействия с другими молекулами, квазимолекулярных образованиях, но они есть всего лишь модели, не учитывающие множество факторов, поэтому способность предвидения результатов химических процессов ограничена и существуют внутренние границы химии. Появление различных факторов и аномалий, препятствующих химическим прогнозам, становится впоследствии движущей силой химических открытий. Химик, обнаруживая аномалии в реакционной способности веществ, в физико-химических свойствах или в спектроскопических характеристиках чистых химических соединений, получает новые эмпирические факты, свидетельствующие об иной внутренней организации молекул по сравнению с тем, что он допускал до этого, он предполагает иные структурные формулы, согласующиеся с опытом. Предсказательная способность химии возрастает из-за обнаружения аномальных свойств и неудач, а внутренние границы химии, связанные с неточностью и ограниченностью ее понятий и моделей, начинают расширяться [6. P. 25–28]. Химия не только постоянно расширяет возможности своего языка, но и совершенствует его в рамках своих концептуальных систем, открывая все новые виды химических соединений.

Язык химии сложился в химической практике, в химическом синтезе, и без смысловых потерь его нельзя перевести на язык квантовой химии. Так, R. Hoffman пишет, что многие понятия химии являются неточными и ограниченными (ароматичность, стерические эффекты, функциональные группы), и при сведении их к математическому языку физики они просто исчезают [7. P. 1597]. Математика в химическом языке играет незначительную роль, в основном язык представлен качественными и полуколичественными понятиями. Химические формулы нельзя свести к теореме, дедуцируемой из общих принципов квантовой механики. Тем не менее язык химии – это формальный язык, логически и эмпирически обоснованный, но он не сводится к языку физики.

Своеобразие, уникальность и самостоятельность концептуальных систем химии и невозможность их дедуктивного выведения из физики

Концептуальные системы химии (учение о составе, структуре, классификации) являются замкнутыми системами понятий, они исторически развивались отдельно от квантовой физики и математически не выводятся из ее основных принципов. Основным аргументом против невозможности дедуктивного выведения понятий химии из теорий физики является следующий факт: для того, чтобы проводить квантово-физические расчеты из «первых принципов», сначала надо написать структурную формулу, установленную на основе различных химических данных, и только потом делать заключения о структуре и свойствах молекул, исходя из квантовых приближений. Только химические данные могут указать, какое из приближений является достоверным. Поэтому существуют внутренние границы физики.

Наборы концепций и понятий химии являются уникальными, например, среди таких концепций есть такие понятия, как кислотность, основность, химический потенциал, функциональная группа. В физическом языке таких понятий нет [8. P. 147–165]. Это означает, что теории химии и квантовой механики находятся в разных масштабах, если же объект одной науки измерять в масштабе другой, то можно упустить то, что можно увидеть в рамках редуцируемой науки. Например, квантовая механика так и не смогла объяснить природу химической связи и валентность, которые до сих пор не потеряли объяснительное значение для химии.

В сложной структуре эмпирического химического знания присутствует целая иерархия различных структурных и динамических моделей химии, эмпирических правил и законов, построенных с помощью индукции. В этой структуре существует также множество правил соответствия и корреляционных зависимостей. Эта сложная структура порождается не только совершенствованием измерительной техники и появлением новых экспериментальных методов исследований, но и развитием самих концептуальных систем химии, в рамках которых появляются и осмысливаются новые эмпирические факты и представления о многообразии химических соединений и химических связях [9. С. 34–35].

Наиболее показательной в плане редукционизма является органическая химия, в ней исторически сложилась разветвленная сеть структурных теорий, эмпирических законов и корреляционных уравнений, их логическим каркасом выступала электронная теория. Свести концепты электронной теории к квантовой механике не представляется возможным в силу того, что нет квантовых аналогов концептам электронной теории. Кроме того, в теориях органической химии зародилось учение о молекуле, которое объяснило химическую организацию веществ на микроскопическом уровне и сделало возможным химический синтез, что позволяет создавать молекулы с заранее заданными свойствами. O. Hirofumi говорит, что квантовая механика на основе своих представлений не может управлять ходом химических реакций и создавать вещества с заранее заданными свойствами, ее выводы относятся только к ограниченному классу экспериментов [10. P. 156].

J. Schummer выделяет в структуре химического знания концептуальное ядро, которое отличается от ее междисциплинарных и прикладных областей и называет его когнитивной архитектурой химии. Ядро содержит систематизированные экспериментальные химические данные, системы химической классификации, учение о составе, позволяющее уточнять виды химических соединений и теоретическую основу химии – учение о структуре. Именно это концептуальное ядро сопротивляется редукционизму как сведению химического языка и концептов химии к физике [11. P. 129–132].

Если обратиться к истории химии, считает J. Schummer, то химия как наука о превращении веществ всегда занималась поисками инвариантов в изменении свойств веществ и стремилась описать разнообразие веществ как можно более точно и полнее, абстрагируясь от их первичных качеств (формы, размера), не доходя до широких предельных метафизических обобщений в виде учения о материи. Наборы понятий о химических веществах и химических соединениях представляют собой системы классификаций в химии, причем каждое из этих понятий проводит различие в свойствах веществ и является логически независимым от других понятий. Эти понятия о веществах и их свойствах шаг за шагом выводились индуктивно из химического опыта и путем его дальнейшего логического обоснования с помощью атомистической гипотезы и концепций о составе и структуре.

Примером невозможности дедуктивного выведения понятий химии из физики служат химические классификации. Так, классификация химических элементов Дж. Дальтона не могла быть выведена дедуктивно из механики И. Ньютона. Для классической механики все атомы были одинаковыми по своим свойствам, химия же отстаивала индивидуальность атомов и занимала реалистическую позицию в этом вопросе. Именно Дж. Дальтон положил начало революции в химии, когда стал утверждать, что химические элементы состоят из атомов, а атомы одного и того же элемента имеют одинаковый вес. Он стоял на реалистической позиции, когда утверждал, что химические элементы реально существуют, а атомы и есть та неизменная основа, которую ищут химики, поскольку они сохраняются в химических реакциях. Дж. Дальтон экспериментально определил относительные атомные веса химических элементов по отношению к атому водорода и построил классификацию химических веществ, которую логически обосновал на основе своего учения о различиях между простыми и сложными атомами и эмпирического закона кратных соотношений.

Классификация Дж. Дальтона была выведена последовательно из атомистической гипотезы, которую приняла механика И. Ньютона, путем ее индуктивной дифференциации и введения в нее новых химических представлений об элементах и атомных весах, и дальнейшей их эмпирической проверке [12. С. 164]. Поэтому понятия об элементах, о простых и сложных веществах, закон простых кратных соотношений, т.е. вся

концептуальная основа его классификации, дедуктивно не выводится из классической механики. Вот почему Дж. Дальтон называл свою систему философии химической, а не физической.

Ограничения концептуальной редукции

Концептуальная редукция означает сведение смыслов химических понятий к физическим. Рассмотрим и суммируем аргументы против нее.

По мнению многих философов химии, концептуальная редукция по Э. Нагелю вызывает скепсис, поскольку невозможна в силу индуктивной природы химических понятий, например, смыслы понятий состава, молекулярной структуры, валентности выражаются только на языке химии, поэтому есть концептуальный барьер между квантовой механикой и химией. Редукция по Э. Нагелю невозможна потому, что под математические структуры квантовой механики нельзя подвести все химические понятия о связях, химических структурах, окислительно-восстановительных числах, валентности, т.е. весь химический концептуальный аппарат, который по смысловому содержанию гораздо богаче физического [13. P. 23–39].

Если рассматривать дальше редукцию химии к квантовой механике, то можно выделить еще такие ограничения в сводимости одной науки к другой:

– концептуальные проблемы квантовой физики. Ее многие понятия: корпускулярно-волновой дуализм, принцип неопределенностей, коллапс волновой функции, принцип запрета Паули, правило Хунда, составляющие концептуальный базис редуцирующей теории, до сих пор до конца не определены и вызывают постоянные споры [14. P. 75–83];

– химические представления могут неявно подводиться под законы квантовой механики. Иллюстрацией такого неявного включения химической информации в уравнение Шредингера, с целью квантово-механического определения структуры, может служить следующий пример. В квантовой физике структура молекулы есть математическое понятие. Она понимается как полная волновая функция или произведение двух независимых волновых функций, описывающих движение электронов и ядер, они рассчитываются отдельно друг от друга, путем решения двух различных уравнений Шредингера. В этом определении структуры не учитываются взаимодействия между ядрами молекулы, т.е. на нее накладывается приближение Борна – Оппенгеймера. Это приближение уже вносит в уравнение Шредингера информацию о том, что у молекулы есть структура, и такая информация могла быть получена только химическим путем из представлений классической химии, т.е. теория более высокого уровня (химия) использовалась для определения понятия теории более низкого уровня (физики) [15. P. 373];

– приближения, которые вводятся в квантовую механику с целью определения химических понятий. Так, V. Seifert считает, что квантовая физика не может дать определение химической структуры, и это бессилие связывается с приближением Борна – Оппенгеймера, которое следует из проблемы измерения в квантовой механике. Приближение Борна – Оппенгеймера используется для распознавания молекулярной структуры, без этого молекула как квантовая система находится в суперпозиции квантовых состояний относительно измерительного прибора. Так, например, в состоянии суперпозиции могут находиться различные структуры оптических изомеров, но в момент измерения происходит коллапс волновой функции и наблюдается только одна структура. При этом полагается, что квантово-механическое описание всех изомеров является полным, но наблюдается только одна структура, поэтому распознавание структуры молекулы является проблемой измерения. Это демонстрирует неспособность идентифицировать структуру молекулы из «первых принципов» квантовой механики [16. P. 29–30].

Количественная редукция и применение ЭВМ

Количественная редукция означает расчет химических свойств на основе физических теорий, в частности квантовой механики, когда делается расчет электронных свойств молекул небольших размеров и небольших молекулярных систем на основе неэмпирических методов Хартри – Фока в приближении MO LCAO (теория молекулярных орбиталей как линейная комбинация атомных орбиталей) и метода теории функционала плотности. Неэмпирические методы позволяют вычислять не только геометрические и энергетические (отсюда выход к механизмам реакций) характеристики молекул, но и изучать влияние структурных особенностей молекул на их свойства, взаимное влияние атомов в молекуле, раскрывать причины реакционной способности молекул [17. С. 645].

Эти расчеты позволяют не обращаться к эмпирическим данным и довольно хорошо предсказывают свойства молекул. Конечно, эти методы не дают точного решения уравнения Шредингера, только в рамках своих приближений, точность решений зависит от применяемых базисных наборов волновых функций, но использование компьютерных программам с большими базисными наборами, которые обеспечивают выход на хартри – фоковский предел, и применение компьютеров с большими мощностями позволяет сокращать затраты машинного времени на расчеты, а учет электронных корреляций повышают их точность. Однако расчет сложных химических многоатомных соединений вынуждает исследователя идти на компромисс между затратами машинного времени и точностью расчета [18. С. 336].

Сегодня, в связи с развитием спутниковых систем и появления методов обработки больших данных, увеличения мощности и точности современных компьютеров, позволяющих делать довольно точные эмпирические прогнозы в химии, и учет того, что приближения к уравнению Шредингера не имеют существенных значений для небольших атомов и несложных молекулярных систем, происходит настоящий квантовый бум в химии. Поэтому многие химики возлагают надежды, что новые компьютеры обеспечат успех количественного подхода в квантовой химии. Например, E. Scerri

считает, что «мы находимся на пути к редукции» [14. P. 78], хотя пока количественная редукция далеко не достигнута.

Однако редукция с помощью неэмпирических методов не достигается в силу ряда причин: сложности химического объекта – молекулы, а это влечет приблизительность вычислений, следующими причинами являются несовершенство современных квантовых компьютеров и ограниченность математического метода, требующего строгой дедуктивной логики и ограниченного числа аксиом – «первых принципов».

Так, неэмпирические методы квантовой химии позволяют рассчитывать на классических компьютерах геометрические характеристики молекул довольно точно – от восьми до десяти атомов химических элементов, однако сложность этих расчетов растет с добавлением каждого нового электрона в атом химического элемента, и точность расчетов понижается в связи с введением приближений. Ситуацию пытаются исправить путем создания и применения мощных квантовых компьютеров, но есть естественные ограничения создания таких компьютеров, они должны состоять из нескольких тысяч кубитов, при этом сами кубиты являются крайне нестабильными и чувствительными элементами, реагируют на окружающую среду, что приводит к ошибкам в вычислениях. В этом случае идут по пути сокращения квантово-логических операций и сокращают число квантово-вычислительных блоков, и часть расчетов ведут на классических компьютерах. Быстродействие квантовых компьютеров значительнее по сравнению с классическими, они используют квадратичное или полиноминальное разложение чисел на множители, экспоненциальное применяется крайне редко для решения определенных химических задач. Квантовые компьютеры в большинстве случаев превосходят классические компьютеры по мощности и быстродействию, но все дело заключается в применяемых алгоритмах вычислений, которые в ряде случаев сравнимы с классическими. Самые передовые квантовые компьютеры демонстрируют порядок логических ошибок десять в минус третьей степени, а классические полупроводниковые – десять в минус двадцатой степени, очевидно, что путь к такой точности вычислений у квантовых компьютеров будет весьма длительным [19]. Поэтому особых прорывов в области неэмпирических методов, использующих квантовые компьютеры, пока не наблюдается. Прорыв в отдельных областях химии наблюдается только тогда, когда используется весь комплекс квантово-химических методов – неэмпирических, полуэмпирических и эмпирических, но в большинстве случаев для расчета многоэлектронных атомов их точность становится сомнительной, во многих случаях они не верифицируются эмпирическими данными.

Бессилие численных методов в расчете сложных молекулярных структур ставит как теоретическую проблему химии – объяснения организации пространства в этих структурах, так и философскую – как сопряжено внутреннее локальное пространство молекулы с внешним трехмерным пространством макромира [20. С. 137]. Копенгагеновская трактовка квантовой механики избегает решения этой проблемы, она вводит коллапс волновой функции как постулат для практических целей, чтобы избежать применения квантовой механики к макроскопическим объектам.

Отметим, что в основе количественной редукции химии к физике лежит физический фундаментализм, заключающийся в том, что в основе всех наук – фундаментальные законы физики и все можно сосчитать, в том числе и с помощью ЭВМ. Против фундаментализма выступал Г.А. Скоробогатов. Он проводил аналогию Вселенной (в видимой ее части содержится примерно 1 090 атомов) с ЭВМ, которая делает одну операцию за 10^{-17} секунд, эта гигантская ЭВМ за все время своего существования смогла бы сделать не более не более 10 125 операций или имела бы не более 10 125 ячеек памяти, которых бы не хватило, чтобы записать и рассчитать волновую функцию, охватывающую все частицы Вселенной [21. С. 160–161]. То есть есть естественные ограничения создания супермощных компьютеров.

Количественная редукция и правила соответствия Э. Нагеля

Э. Нагель утверждает, что научная теория кроме абстрактного исчисления содержит еще правила соответствия, которые связывают неоднородные концептуальные аппараты редуцируемой и редуцирующей теорий (химии и квантовой механики). Это – важный момент в его теории редукции. Что же является правилом соответствия между классической химией и квантовой механикой, использующей неэмпирические методы расчета молекул?

В основе неэмпирических методов расчета свойств молекул лежит уравнение Шредингера, из которого с приближениями Борна – Оппенгеймера и Хартри – Фока дедуцируются абстрактные математические уравнения, под которые подводится естественно-научное содержание, т.е. в итоге дедуцируются различные понятия, например, энергия связей между атомами в молекуле, валентный угол молекулы, энергия атома. Эти понятия имеют решающее значение для химии, например, используются для определения структурных характеристик молекул и их реакционной способности [22. С. 162–163].

Уравнение Шредингера связывает понятийный аппарат физики (понятие электрона, его координат в пространстве, полную энергию квантово-физической системы) с математическими абстракциями (волновыми функциями, операторами Лапласа и Гамильтона, которые обозначают математические действия над волновыми функциями) и с помощью дальнейшего математического расчета связывают волновые функции с концептами химии. Решением уравнения Шредингера является базисный набор волновых функций или атомных одноэлектронных орбиталей (АО). Отметим, что понятие АО лишено физического смысла, так как нет критериев для нахождения АО, существуют только расчетные методы, поэтому поня-

тие АО является математическим. Как перейти от математического выражения АО к описанию молекулы через атомы и химические связи, которые использует химия?

Для этого используется правило соответствия Э. Нагеля или матрица заселенностей. Анализ заселенностей АО (например, математический метод Малликена) выявляет распределение электронов по атомным вкладам, т.е. по химическим связям, при этом физическое понятие заселенности отождествляется с химической связью. Во многих случаях такое отождествление ведет к концептуальному разрыву между понятиями физики и химии. Так, понятие химической связи и молекулы как самостоятельной сущности с локализованными связями теряет смысл при квантово-химическом описании. Смысл понятия заселенности АО – это делокализованная химическая связь, электрон понимается как волна и может находиться в любой точке пространства вблизи атомного ядра, его поведение описывается одноэлектронной волновой функцией (АО). Получается, что нет полных квантовых аналогов для понятий химии, и правило соответствия Э. Нагеля не соблюдается. Квантовая физика некорректно использует понятие химической связи, вкладывает в нее другой смысл, поэтому и не происходит достижения полной лингвистической однородности понятий в физике и химии как одного из требований Э. Нагеля.

Концептуальный разрыв между понятиями физики и химии приводит к тому, что в центр отношений между этими науками ставится не редукция, а интерпретация теоретических понятий химии с помощью квантовой физики [23. С. 44]. Когда происходит разрыв, то квантовая физика выступает как интерпретационная теория для химии, и химия начинает обогащать свои понятия, например, представления о молекулярной структуре, например, учитывает конфигурационное взаимодействие в рамках вычислительных моделей Хартри – Фока, принимающее во внимание отталкивание электронов в ионной связи и смешанные электронные состояния с более высокой энергией, что позволяет в дальнейшем оценить стабильность молекул, трактуя химическую связь с энергетической точки зрения. Интерпретация химических понятий с помощью квантовой физики позволяет ей более точно предсказывать пути химических реакций, например, как квантовое туннелирование влияет на пути реакций различных изомеров [24].

В приведенном выше примере редукции негомогенного типа (словари физики и химии отличаются друг от друга) связующим мостиком между математическими представлениями физики и химии выступает понятие матрицы заселенностей, однако, ее введение не приводит к «гомогенизации» словарей, так как матрица представляет собой математическую гипотезу, утверждающую, что ситуация, обозначаемая ее теоретическим выражением «В» с помощью квантовой физики, вовсе не приведет к ситуации «А» в теоретической химии.

Это всего лишь достаточное условие для приведения в соответствие семантики понятий физики и химии по Л.Б. Баженову [25. С. 193]. Здесь квантовая механика выступает не как связывающий закон в виде эквивалентности (распределение электронов по атомным связям ≡ химическим связям), а в виде импликации (если электроны распределяются по атомам, то это химическая связь). И эта физико-математическая гипотеза, приобретая химический смысл, должна еще пройти эмпирическую проверку на всех типах связей в химии, что встречает затруднения. Такая проверка восходит к онтологическому убеждению, что свойства микромира влияют на свойства макромира, и между ними есть причинная связь. Таким образом, концептуальная редукция неизбежно влечет за собой онтологическую редукцию.

О том, как онтологическая редукция привносится в эпистемологию и препятствует редукции химии к физике, Д.П. Суровягин полагает, что большая часть проблем редукции привносится в эпистемологию из-за некорректной интерпретации понятий, в результате возникает смешение онтологического и эпистемологического аспектов редукции [26. С. 135]. С этим можно согласиться, но эти проблемы возникают еще и вследствие своеобразия математического метода изучения квантовых объектов и квантовой методологии в химии, и тогда редукция не сводится к решению только языковых проблем.

В основе математического метода анализа заселенностей лежит принцип соотношения части и целого. Электронная плотность молекулы (целое) распределяется между частями – атомами и орбиталями, при этом полагают, что свойства целого редуцируются к свойствам частей. Однако электронная плотность у атома, на которой центрируется какая-либо АО, меняется при образовании химической связи, но при этом не учитываются изменения всей электронной плотности молекулы, т.е. не учитывается принцип целостности молекулы как квантово-химической системы, требующий структурной организации бытия и его единства. Получается, что концепты физики не обладают полнотой, поскольку в квантовой механике не учитывается принцип целостности. Химия, наоборот, трактует молекулу как целостность и самостоятельную единицу бытия. Так онтологические представления о молекуле привносятся в различные эпистемологические трактовки понятий о молекуле в физике и химии, что препятствует сведению концептов химии к квантовой физике.

Теперь о своеобразии квантовой методологии. Квантово-физическая трактовка электрона и молекулы вводит представление об электроне как волне, а квантовое состояние объекта определяется его измерением: до измерения квантовый объект находится в когерентном (чистом) состоянии, в момент измерения – в смешанном, измерение с помощью макроскопического прибора разрушает исходное когерентное состояние. Знание о чистом состоянии вычисляется с помощью матрицы плотности, составляемой из значений волновых функций, полученных в результате измерений. В когерентном состоянии частица существует реально, но в момент измерения, когда в результате коллапса волновой функции нереализованные исходы измере-

ний в матрице плотности отбрасываются, частица переходит в смешанное состояние. Коллапсу волновой функции не соответствует ни одно реальное физическое событие. Математическое описание квантового объекта ставят его онтологию под вопрос, получается, что до измерения частица имеет свою онтологию, но в момент измерения – нет [27. С. 66–67]. Неопределенный онтологический статус квантовых объектов в связи с примененной методологией также препятствует полной редукции химии к физике, поскольку ставит под сомнение смысловые значения квантово-физических понятий, связанные с проблемой измерения в этой науке.

Когда реальность квантовых объектов подвергается сомнению из-за математического аппарата и примененной методологии измерения, то на смену реализму приходит эмпиризм, который утверждает, что описания и объяснения в химии больше исходят не от квантово-физических трактовок объектов, математических описаний и правил дедуктивной теории, а от моделей, создаваемых эмпирическими методами химии и имеющих реальную онтологию, и только эти эмпирические модели дают правильное описание и объяснение того, что можно наблюдать [28. P. 5]. Таким образом, против редукции Нагеля как объяснения фактов из дедуцирующей теории выступает эмпиризм.

Логическая ограниченность дедукции

Для редукции по Э. Нагелю требуется логическая выводимость законов и понятий из редуцирующей теории методом дедукции. Сторонники антиредукционизма обычно приводят контраргумент – теорему Геделя о неполноте арифметики. Эта теорема не связана непосредственно с химией, но ее выводы полезны для многих естественных наук, в том числе и для химии, и ее можно использовать как вывод об ограниченных познавательных возможностях всех аксиоматических систем, применяющих дедукцию. Редукционисты полагают, что из конечных принципов квантовой механики можно выводить с помощью дедукции любые химические свойств молекул, однако, это невозможно как в формальном, так и в содержательном плане. В формальном плане «первые принципы» должны быть представлены в виде системы аксиом, тогда будет построена строго дедуктивная система знания, из которой будут логически выведены частные количественные понятия химии. Но ни одна система аксиом не может охватить всю формализуемую область химического знания, она всегда является неполной (теорема Геделя о неполноте). Применение компьютеров не может решить эту задачу, поскольку все пакеты программ содержат расчетные методы, основанные на решении уравнения Шредингера, с помощью которого химия приводится к аксиоматической форме, и задача сведения химии к квантовой физике вновь попадает к в сферу действия теоремы Геделя о неполноте [29. С. 271–273].

Дедукция понятий из аксиом является логически несовершенной, так как математический метод включает приближения, идеализации, аппроксимации и интуитивные гипотезы, поэтому выводимость химических понятий из уравнения Шредингера встречает затруднения, что ограничивает его применимость и снижает его точность в химии. В результате химические понятия упрощаются и наделяются иными смыслами. Кроме того, математик может применять различные алгебраические средства, существуют также элементы произвола в выборе математических средств, что понижает точность и осмысленность химических понятий, поэтому в содержательном плане редукция встречает языковые затруднения [30. С. 89–91].

Отметим еще роль математических средств и приближений в дедуктивном методе квантовой химии, которые приводят к разнообразным по смыслу понятиям о химической связи. Вторжение аксиоматических систем, алгебраических средств и математических формализмов из квантовой физики в химию привело к созданию квантовой химии, в которой до сих пор нет единой теории химической связи [31. С. 26–119]. Каждая модель химической связи, начиная от простейшей для атома водорода В. Гайтлера и Ф. Лондона и заканчивая теорией многоэлектронных систем Д.Р. Хартри и В.А. Фока, была связана с определенными алгебраическими средствами, выбранным формализмом и приближениями, поэтому давала разные онтологические представления о химической связи и создавала противоречивые по смыслу понятия. Например, представления Ф. Хунда и Р.С. Малликена заключаются в том, что атомные орбитали в молекуле сохраняют свою индивидуальность и химическая связь определяется положением электронного облака в той части пространства, которая наиболее ближе к ядру, а модель Хартри–Фока представляет ее как единое электронное облако (заряд), находящийся на определённом расстоянии от ядра. Вопрос о взаимодействии электронов и ядер до сих пор остается открытым. Вот почему аксиоматический метод в химии с его логически несовершенной дедукцией и выведением из аксиом физики понятий химии еще далек от совершенства.

В настоящее время в описаниях структуры теорий преобладает семантический подход, а не синтаксический, который раньше опирался на аксиоматический метод и дедукцию. В семантическом подходе (Суппес и ван Фраасен) редукция сосредоточивается на математических структурах и выполнении теоретико-множественных отношений, под которые подводится естественно-научное содержание, при этом аксиоматическая архитектура теорий сохраняется. Например, математические структуры нерелятивистской квантовой механики (математические представления о гильбертовом пространстве) становятся моделями аксиом, а сама теория – семейством моделей. Структура теории предстает как иерархия моделей. Этот подход является структуралистским и неонагелевским. Но это не меняет оценку редукционизма. Э. Нагель полагал, что должно быть также соответствие между редуцируемой теорией и экспериментом. В данном случае правилом соответствия выступают отношения гомомофизма или изоморфизма между моделями эксперимента и моделями теории, теорией измерения и моделями эмпирических данных. Однако самым сложным является соотнесение моделей данных с самой реальностью. Про-

блемным является также подведение языка естественных наук под математические формализмы и аксиомы, а также дальнейшая верификация теоретических представлений [32. С. 117–118].

Заключение

В фокусе исследования была эпистемологическая концепция редукции Э. Нагеля по отношению к связи и выводимости химических понятий из физических. Она изучалась в трех аспектах: как связи между языком и концептами этих наук, как возможности установления структурных взаимосвязей этих наук в виде правил соответствий и как логической выводимости понятий химии из «первых принципов» физики.

По Э. Нагелю правила связи между понятиями физики и химии требуют тождественности смысла. Эти требования не выполняются в силу того, что есть лингвистические ограничения химии и замкнутость ее концептуальных систем, которые по смысловому содержанию гораздо богаче физического и не подводятся под формальный математический язык физики. Есть также концептуальные проблемы физики, введение приближений в квантовую механику и неявное подведение химических представлений под законы квантовой механики.

Невозможно также установить правила соответствия между неоднородными словарями физики и химии. На примере квантовой физики показано, что правилом соответствия выступает матрица заселенностей, представляющая собой числовые значения волновых функций, которые дедуцируются из уравнения Шредингера. Числовым значениям функций придается физический смысл химической связи как делокализации электронного облака в атоме, что противоречит представлениям классической химии о связи как локализованной электронной паре между атомами. Понятия химии о связях, валентных углах и дипольных моментах подводятся под математические значения волновых функций, и им придается иной смысл, чем в химии, многие понятия химии при этом исчезают. Это приводит к концептуальному разрыву между понятиями математической физики и химии, и теоретические понятия химии получают другую интерпретацию в физической теории.

Последним ограничением редукции химии к физике является невыполнимость дедуктивного выведения понятий химии из теорий физики, это было продемонстрировано на примерах, иллюстрирующих попытки выведения классификации химических элементов Дж. Дальтона из классической механики и понятий химии из квантовой физики. Дедукция включает различные приближения и математические допущения, поэтому нет полных квантовых аналогов понятиям химии. Дедукция требует также приведения химии к аксиоматической системе, что принципиально невозможно, поскольку химия исторически сложилась как индуктивная система знания, в ней присутствуют качественные понятия, а не количественные. Аксиоматизация химии привела к созданию квантовой химии, в которой существуют различные физико-математические модели химической связи, имеющие разные онтологии, поэтому в ней существуют разнообразные представления о химической связи и нет единых методов расчета характеристик молекул. Успех в этой области возможен только из-за плюрализма неэмпирических, полуэмпирических и эмпирических методов.

Количественные расчеты в химии, основанные на дедукции физико-химических свойств молекул из уравнения Шредингера, могут успешно применяться лишь к небольшим молекулам, где приближения невелики, а применение квантовых компьютеров для расчета больших молекул не оправдывают надежды химиков, поскольку есть естественные ограничения создания супермощных квантовых компьютеров и относительная эффективность алгоритмов, сравнимая с вычислениями на классических компьютерах. Поэтому количественные расчеты в квантовой химии не могут заменить классические объяснительные схемы химии, и химики продолжают опираться на свои представления, такие как электронные пары, теория отталкивания электронных пар валентной оболочки.

Редукция, на наш взгляд, представляет собой упрощение химии, поскольку она не может охватить всех ее представлений и концептов, смысловое содержание которых гораздо богаче физических понятий. Нет в истории химии примеров тому, что редукция как вывод законов редуцируемой теории из законов или принципов редуцирующей теории в духе Э. Нагеля была бы полностью успешной.

Список источников

1. Cat J. The unity of science. The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Zalta E.N. (ed.). URL: https://plato.stanford.edu/archives/spr2022/entries/scientific-unity/
2. Nagel E. The Structure of Science: problems in the logic of scientific explanation. London : Routledge, 1961. 618 p.
3. Спиридонов О.П. Людвиг Больцман. Жизнь гения физики и трагедия творца. 2-е изд. М. : URSS, 2014. 232 с.
4. Seifert V. Chemistry's Metaphysics. Elements in Metaphysics. Cambridge : Cambridge University Press, 2023. 86 p.
5. Claus J. Analysis and synthesis – interdependent operations in chemical language and practice // HYLE –International Journal for Philosophy of Chemistry. 2001. Vol. 7, № 1. P. 31–50.
6. Tontini A. On the Limits of Chemical Knowledge // HYLE – International Journal for Philosophy of Chemistry. 2004. Vol. 10, № 1. P. 23–46.
7. Hoffman R. Under the surface of chemical Article // Angewandte Chemie (International Edition in English), 1988. Vol. 27. P. 1593–1602.
8. Van Brakel J. Philosophy of Chemistry: between the manifest and the scientific image. Leuven : Leuven University Press, 2000. 246 p.
9. Чечеткина И.И. Философия науки и техники: учебное пособие. Казань : КНИТУ, 2018. 160 с.
10. Hirofumi O. The Logical Structure of Organic Chemistry and the Empirical Adequacy of the Classical Concept of the Molecule // HYLE – International Journal for Philosophy of Chemistry. 2013. Vol. 19, № 2. P. 139–160.
11. Schummer J. The Chemical core of chemistry I: a conceptual approach // HYLE – International Journal for Philosophy of Chemistry. 1998. Vol. 4, № 2. P. 129–162.
12. Кедров Б.М. Три аспекта атомистики : В 3 т. Т. 2: Учение Дальтона. М. : Наука, 1969. 319 с.
13. Scerri E. Macintyre L. Philosophy of Chemistry: growth of a new discipline. Boston : Boston University, 2015. 306 p.
14. Scerri E. The Ambiguity of Reduction // HYLE – International Journal for Philosophy of Chemistry. 2007. Vol. 13, № 2. P. 67–81.

15. Hendry R. Reduction, Emergence and Physicalism // Hendry R., Needham P., Woody A. (Eds.) Philosophy of Chemistry. Amsterdam : Elsevier, 2012. P. 367–386.
16. Seifert V. The strong emergence of molecular structure // European Journal for Philosophy of Science. 2020. Vol. 10, № 3. P. 1–25.
17. Степанов В.Н., Нестеров И.А. Применение неэмпирических методов квантовой химии для определения внутримолекулярных эффектов взаимодействия заместителей // Известия Самарского научного центра РАН. Серия: Химия и химическая технология. 2006. Т. 8, № 3. С. 645–651.
18. Ермаков А.И. Квантовая механика и квантовая химия : В 2 ч. Ч. 2: Квантовая химия : учеб. и практикум для вузов. М. : Юрайт, 2025. 402 с.
19. Белоус М. Блеск и нищета квантовых вычислений. URL: https://3dnews.ru/1072773/blesk-i-nishcheta-kvantovih-vichisleniy/page-1.html
20. Герасимова И.А. Философия химии: мнение эпистемолога // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXIV, № 4. С. 130–150.
21. Скоробогатов Г.А. Где искать фундаментальные законы / На перекрестках химии / Под ред. Р.В. Богданова. Л. : Изд-во ЛГУ, 1980. С. 148–165.
22. Печенкин А.А. Проблема редукции химии к физике: диалектика и аналитическая философия // Эпистемология и философия науки. 2014. Т. XL, № 2. С. 157–173.
23. Чечеткина И.И. Интерпретация в теоретической химии (на примере квантовой химии и классической теории строения) // Философская мысль. 2021. № 12. С. 43–53.
24. Cláudio M., Roque J., Doddipatla S., Wood S.A., McMahon R.J., Fausto R. Simultaneous tunneling control in conformer-specific reactions // Journal of the American Chemical Society. 2022. Vol. 144 (45). P. 20866–20874.
25. Баженов Л.Б. Строение и функции естественнонаучной теории. М. : Наука, 1978. 232 с.
26. Суровягин Д.П. Объяснительная модель редукции: эпистемологический и онтологический аспекты // Философская мысль. 2018. № 12. С. 128–142.
27. Канке В.А. История и философия химии : учеб. пособие. М. : НИЯУ МИФИ, 2011. 232 с.
28. Van Fraassen Bas C. Scientific representation: paradoxes of perspective. Oxford : Oxford University Press, 2010. 408 p.
29. Курашов В.И. История и философия химии : учеб. пособие. М. : КДУ, 2009. 608 с.
30. Чечеткина И.И. Границы познания математического метода (на примере квантовой химии) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки». 2021. № 3. С. 84–92.
31. Дмитриев И. С., Семенов С. Б. Квантовая химия – её прошлое и настоящее. Развитие электронных представлений о природе химической связи. М. : Атомиздат, 1980. 160 с.
32. Чечеткина И.И. Связь математики и логики в структуре аксиоматизированных и формализованных теорий // Философская мысль. 2023. № 12. С. 109–120.

References

1. Cat, J. (2022) The unity of science. In: Zalta, E.N. (ed.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. [Online] Available from: https://plato.stanford.edu/archives/spr2022/entries/scientific-unity/
2. Nagel, E. (1961) *The Structure of Science: problems in the logic of scientific explanation*. London: Routledge.
3. Spiridonov, O.P. (2014) *Lyudvig Bol'tsman. Zhizn' geniya fiziki i tragediya tvortsa* [Ludwig Boltzmann: The Life of a Physics Genius and the Tragedy of a Creator]. 2nd ed. Moscow: URSS.
4. Seifert, V. (2023) *Chemistry's Metaphysics. Elements in Metaphysics*. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Claus, J. (2001) Analysis and synthesis – interdependent operations in chemical language and practice. *HYLE – International Journal for Philosophy of Chemistry*. 1 (7). pp. 31–50.
6. Tontini, A. (2004) On the limits of chemical knowledge. *HYLE – International Journal for Philosophy of Chemistry*. 1 (10). pp. 23–46.
7. Hoffman, R. (1988) Under the surface of chemical Article. *Angewandte Chemie (International Edition in English).* 27. pp. 1593–1602.
8. Van Brakel, J. (2000) *Philosophy of Chemistry: Between the manifest and the scientific image*. Leuven: Leuven University Press.
9. Chechetkina, I.I. (2018) *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of Science and Technology]. Kazan: Kazan National Research Technological University.
10. Hirofumi, O. (2013) The logical structure of organic chemistry and the empirical adequacy of the classical concept of the molecule. *HYLE – International Journal for Philosophy of Chemistry*. 2 (19). pp. 139–160.
11. Schummer, J. (1998) The chemical core of chemistry I: a conceptual approach. *HYLE – International Journal for Philosophy of Chemistry*. 2 (4). pp. 129–162.
12. Kedrov, B.M. (1969) *Tri aspekta atomistiki* [Three Aspects of Atomistic]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
13. Scerri, E. & Macintyre, L. (2015) *Philosophy of Chemistry: Growth of a new discipline*. Boston: Boston University.
14. Scerri, E. (2007) The ambiguity of reduction. *HYLE – International Journal for Philosophy of Chemistry*. 2 (13). pp. 67–81.
15. Hendry, R. (2012) Reduction, Emergence and Physicalism. In: Hendry, R., Needham, P. & Woody, A. (eds) *Philosophy of Chemistry*. Amsterdam: Elsevier. pp. 367–386.
16. Seifert, V. (2020) The strong emergence of molecular structure. *European Journal for Philosophy of Science*. 3 (10). pp. 1–25.
17. Stepanov, V.N. & Nesterov, I.A. (2006) Primeneniye neempiricheskikh metodov kvantovoy khimii dlya opredeleniya vnutrimolekulyarnykh effektov vzaimodeystviya zamestiteley [Application of nonempirical methods of quantum chemistry to determine intramolecular effects of substituent interactions]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. Seriya: Khimiya i khimicheskaya tekhnologiya*. 3 (8). pp. 645–651.
18. Yermakov, A.I. (2025) *Kvantovaya mekhanika i kvantovaya khimiya* [Quantum Mechanics and Quantum Chemistry]. Part 2. Moscow: Yurayt.
19. Belous, M. (n.d.) Blesk i nishcheta kvantovykh vychisleniy [The splendors and miseries of quantum computing]. *3D News*. [Online] Available from: https://3dnews.ru/1072773/blesk-i-nishcheta-kvantovih-vichisleniy/page-1.html
20. Gerasimova, I.A. (2012) Filosofiya khimii: mneniye epistemologa [Philosophy of chemistry: an epistemologist's opinion]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*. 4 (34). pp. 130–150.
21. Skorobogatov, G.A. (1980) Gde iskat' fundamental'nyye zakony [Where to Look for Fundamental Laws]. In: Bogdanov, R.V. (ed.) *Na perekrestkakh khimii* [At the Crossroads of Chemistry]. Leningrad: Leningrad State University. pp. 148–165.
22. Pechenkin, A.A. (2014) Problema reduktsii khimii k fizike: dialektika i analiticheskaya filosofiya [The problem of reducing chemistry to physics: dialectics and analytical philosophy]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*. 2 (40). pp. 157–173.
23. Chechetkina, I.I. (2021) Interpretatsiya v teoreticheskoy khimii (na primere kvantovoy khimii i klassicheskoy teorii stroyeniya) [Interpretation in theoretical chemistry (based on quantum chemistry and classical structural theory)]. *Filosofskaya mysl'*. 12. pp. 43–53.
24. Cláudio, M. et al. (2022) Simultaneous tunneling control in conformer-specific reactions. *Journal of the American Chemical Society.* 144 (45). pp. 20866–20874.
25. Bazhenov, L.B. (1978) *Stroyeniye i funktsii yestestvennonauchnoy teorii* [The Structure and Functions of Natural Science Theory]. Moscow: Nauka.
26. Surovyagin, D.P. (2018) Ob"yasnitel'naya model' reduktsii: epistemologicheskiy i ontologicheskiy aspekty [An explanatory model of reduction: epistemological and ontological aspects]. *Filosofskaya mysl'.* 12. pp. 128–142.
27. Kanke, V.A. (2011) *Istoriya i filosofiya khimii* [History and Philosophy of Chemistry]. Moscow: MEPhI.

28. Van Fraassen, Bas C. (2010) *Scientific Representation: Paradoxes of perspective*. Oxford: Oxford University Press.
29. Kurashov, V.I. (2009) *Istoriya i filosofiya khimii* [History and Philosophy of Chemistry]. Moscow: KDU.
30. Chechetkina, I.I. (2021) Granitsy poznaniya matematicheskogo metoda (na primere kvantovoy khimii) [The limits of understanding the mathematical method (based on quantum chemistry)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya "Filosofskiye nauki"*. 3. pp. 84–92.
31. Dmitriyev, I.S. & Semenov, S.B. (1980) *Kvantovaya khimiya – yeye proshloye i nastoyashcheye. Razvitiye elektronnykh predstavleniy o prirode khimicheskoy svyazi* [Quantum Chemistry: Its Past and Present. Development of electronic concepts of the nature of the chemical bond]. Moscow: Atomizdat.
32. Chechetkina, I.I. (2023) Svyaz' matematiki i logiki v strukture aksiomatizirovannykh i formalizovannykh teoriy [The relationship between mathematics and logic in the structure of axiomatized and formalized theories]. *Filosofskaya mysl'*. 12. pp. 109–120.

Информация об авторе:
Чечеткина И.И. – канд. хим. наук, доцент кафедры философии науки и социальной работы Казанского национального исследовательского технологического университета (Казань, Россия). E-mail: iralena@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
I.I. Chechetkina, Cand. Sci. (Chemistry), associate professor, Kazan National Research Technological University (Kazan, Russian Federation). E-mail: iralena@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.03.2025;
одобрена после рецензирования 02.10.2025; принята к публикации 10.10.2025.

The article was submitted 06.03.2025;
approved after reviewing 02.10.2025; accepted for publication 10.10.2025.

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 94(470+571)"1941/1945"
doi: 10.17223/15617793/519/11

Владивостокский железнодорожный узел и тихоокеанский маршрут ленд-лиза (1941–1945 гг.)

Илья Артурович Гудков[1]

[1] *Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, gudkov.ia96@gmail.com*

Аннотация. Рассматривается функционирование Владивостокского железнодорожного узла как важного элемента транспортной системы советского Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. На основе архивных материалов проанализированы основные аспекты взаимодействия Владивостокского торгового порта и Приморской железной дороги в деле обеспечения поставок по ленд-лизу. Показаны основные трудности, возникавшие в ходе работы узла в условиях военного времени и комплекс мер, позволивших обеспечить бесперебойное снабжение фронта и тыла, что стало важным вкладом в поддержание оборонного потенциала страны.
Ключевые слова: Дальний Восток, транспортная система, железнодорожный узел, Великая Отечественная война, ленд-лиз, Владивостокский порт, Приморская железная дорога

Для цитирования: Гудков И.А. Владивостокский железнодорожный узел и тихоокеанский маршрут ленд-лиза (1941–1945 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 519. С. 85–93. doi: 10.17223/15617793/519/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/519/11

Vladivostok railway junction and the Lend-Lease Pacific corridor (1941–1945)

Ilya A. Gudkov[1]

[1] *Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation, gudkov.ia96@gmail.com*

Abstract. This article analyzes the functioning of the Vladivostok railway junction—a critical component of the USSR's logistics system during the Great Patriotic War—which handled the receipt and dispatch of strategic cargo supplied by the Allies under the Lend-Lease program. The study aims to uncover the complex challenges faced by the Vladivostok Commercial Port and the Primorsky Railway, while also assessing the effectiveness of measures implemented to overcome crisis phenomena under conditions of extreme operational pressure. The research draws on archival materials, including documents from central state archives and regional repositories, primarily the State Archive of Primorsky Krai (GAHK), as well as reports from people's commissariats, decrees of the State Defense Committee, and departmental records. These sources enable the reconstruction of freight turnover dynamics, identification of systemic constraints, and analysis of administrative decisions. The study focuses on the contradiction between the growing volume of Lend-Lease deliveries and the limited capacity of the Far East's transport infrastructure. The author demonstrates that from 1942 onward, the port experienced a chronic shortage of railway wagons (30–50% of required capacity), overcrowded warehouses and berths, and a lack of qualified personnel. Peak loads, reaching 14,000–15,000 tons of cargo per day in 1945, were exacerbated by the region's geographic isolation, underdeveloped material and technical base, and seasonal navigation limitations in the Pacific Ocean. The key methodological approach involved examining the interaction between the port and the Primorsky Railway as an integrated mechanism. The findings indicate that despite the introduction of innovative methods—such as rapid "ship-to-wagon" unloading and mechanization covering up to 88% of operations—their effectiveness was undermined by systemic problems: irregular wagon supply, mismatches between rolling stock types and cargo requirements, and the accumulation of "blockages" at berths. By 1943, for instance, up to 43.7% of vessels experienced downtime due to the lack of timely loading, and by 1945, accumulated cargo required 3.7 times more wagons than the infrastructure could provide. The author highlights the role of state regulation: 17 decrees issued by the State Defense Committee in 1943–1945 mandated the redistribution of wagons among railways, introduced strict loading norms (800 wagons per day), and prohibited the delay of trains. However, geographic remoteness and technical backwardness of the infrastructure limited the implementation of these directives. Particular attention is paid to the role of international cooperation. Deliveries from the United States included not only military equipment and raw materials but also provided the port with crane mechanisms and knocked-down wagons assembled in repair workshops. While this partially compensated for resource shortages, the dependence on external supplies underscored the system's vulnerability.
Keywords: Far East, transport system, railway junction, Great Patriotic War, lend-lease, Vladivostok port, Primorsky Railway

© Гудков И.А., 2025

For citation: Gudkov, I.A. (2025) Vladivostok railway junction and the Lend-Lease Pacific corridor (1941–1945). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 519. pp. 85–93. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/519/11

Введение

Великая Отечественная война стала тяжелейшим испытанием для всего советского народа. Победа в войне стала возможна во многом благодаря героическому сопротивлению бойцов и командиров Красной армии, а также самоотверженному труду гражданского населения. Многие исследователи, как историки, так и экономисты, справедливо отмечают, что наряду с воинской доблестью и героизмом важнейшим фактором победы в войне стал материальный фактор – так называемая экономика победы [1, 2]. Особая роль в этой сложнейшей миссии отводилась транспортным предприятиям – артериям советской военной экономики, доставлявшим все необходимое на фронт и предприятия страны.

Среди ключевых функциональных задач советской транспортной системы в военный период, наряду с оперативным снабжением фронтовых соединений и эвакуацией промышленных объектов, особое значение приобрела организация доставки стратегических ресурсов, включая сырье, боеприпасы, оборудование, технику и вооружение, поступавшие в СССР в рамках программы ленд-лиза. Транспортная инфраструктура, обеспечивавшая реализацию данной программы, представляет собой сравнительно новую исследовательскую область в отечественной историографии. Экстраординарный объем ресурсных затрат и многоуровневая международная кооперация, сопровождавшие выполнение союзнических поставок, актуализируют необходимость комплексного анализа, позволяющего дистанцироваться от традиционной проблематики, сфокусированной на экономико-политическом значении ленд-лиза, и перейти к изучению слабо исследованных оперативно-логистических аспектов.

К процессу транспортировки грузов подключились все действующие на тот момент транспортные системы, однако наибольшая исследовательская активность сконцентрирована на роли железнодорожных [3, 4] и морских коммуникаций [7, 8, 31]. При этом вопросы взаимодействия различных видов транспорта, связанные с координацией логистических узлов в рамках единой системы снабжения, остаются недостаточно изученными, что определяет перспективность дальнейших изысканий в данном направлении.

Статья посвящена деятельности Владивостокского железнодорожного узла, ставшего ключевым звеном логистической системы СССР в годы Великой Отечественной войны, обеспечивавшим прием и отправку стратегических грузов, поставляемых союзниками по программе ленд-лиза. Владивостокский железнодорожный узел – воднотранспортный узел транспортной системы советского Дальнего Востока, осуществлявший в рамках исследуемого периода грузопассажирские перевозки между Владивостокским морским торговым портом и Уссурийской (до 1936 г.), Дальневосточной (до 1939 г.) и Приморской железной дорогой (в рамках исследуемого периода). Цель исследования – раскрыть комплекс проблем, с которыми столкнулись Владивостокский торговый порт и Приморская железная дорога, а также оценить эффективность мер, направленных на преодоление кризисных явлений в условиях экстремальных нагрузок.

Исследование основывается на материалах фондов федеральных и региональных архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ, г. Москва); Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ, г. Москва); Государственного архива Приморского края (ГАПК, г. Владивосток) и Государственного архива Хабаровского края (ГАХК, г. Хабаровск).

Состояние накануне войны

Во второй половине 1930-х гг. ориентация экономического развития Дальнего Востока СССР с направленности на выстраивание тесного взаимодействия на внешних рынках сменялась необходимостью формирования мощной производственной базы: усиления обороноспособности, обеспечения безопасности дальневосточных районов и укрепления транспортной взаимосвязи с центром страны. Отказ от приоритетности международных коммуникаций в сторону обеспечения внутреннего сообщения не мог не отразиться на особенностях функционирования транспортной системы.

В этих условиях Владивостокский морской торговый порт, являвшийся во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. центром международной торговли советского Дальнего Востока и катализатором развития региональной экономики, постепенно утрачивал свое определяющее значение в транспортной системе, превращаясь в одно из ее рядовых звеньев, что, безусловно, отразилось не только на объемах его производственной деятельности, но и на финансировании и «весе» в решении межведомственных противоречий. Решающую роль в транспортном обеспечении Дальнего Востока стали играть магистральные пути сообщения, связывающие его с центральной частью страны.

На Дальнем Востоке, административно подчиняясь Наркомату путей сообщения, железнодорожный транспорт состоял из трех самостоятельных подразделений, сформированных в конце 1930-х гг. По решению СНК и ЦК ВКП(б) 27 февраля 1936 г. Уссурийская железная дорога была разделена на Амурскую и Дальневосточную, а 19 апреля 1939 г. из состава Дальневосточной была выделена самостоятельная Приморская железная дорога [5. С. 189].

В предвоенные период на Дальнем Востоке, несмотря на то что уже к началу 1930-х гг. он был полностью включен в единое экономическое пространство СССР, по-прежнему приоритетным в развитии транспорта оставались вопросы укрепления обороноспособности дальневосточных рубежей. Именно транспорт

исторически играл ключевую роль в осуществлении всех планов по повышению боеспособности армии и флота, а также развития промышленного потенциала Дальневосточного региона. В конце 1930 – начале 1940-х гг. к транспортной системе региона стали предъявляться повышенные требования. Основное внимание при этом было уделено реконструкции уже имеющихся транспортных коммуникаций, а также совершенствованию и расширению парка транспортных средств: подвижного железнодорожного состава, морских и речных судов, автомашин.

Несмотря на то что Владивостоксий порт в начале 1930-х гг. потерял свою важную международную роль, вместе с Транссибирской магистралью он становился инфраструктурной основой расширения транспортной доступности всего Дальнего Востока, поддержания связи с основной частью страны для его окончательной экономической интеграции и завершения социалистической индустриализации

К началу 1940-х гг., в связи с началом Второй мировой войны в Европе, происходило перераспределение задач и объемов работ дальневосточного транспорта. Об этом говорит тот факт, что с 1940 г. в структуре грузооборота Владивостокского порта резко возрос удельный вес импорта, идущего как в промышленные центры и на стройки третьей пятилетки; так и следующего транзитом по установившейся регулярной Европейско-Азиатской судоходной линии ввиду «военизации» акватории Атлантического океана [6. С. 220]. Это снова придало порту значение всесоюзного и привлекло внимание к его работе не только местных, но и центральных партийных и советских органов. Владивостокский железнодорожный узел, соединявший производственные цепочки Владивостокского морского торгового порта и Приморской железной дороги, стал приобретать важное стратегическое значение. Окончательно статус был закреплен после нападения Германии на Советский Союз и начала Великой Отечественной войны летом 1941 г., что и стало причиной дальнейшего распространения на программы ленд-лиза на СССР.

Особенности и трудности

Первоначально Владивосток не рассматривался руководством СССР в качестве основного порта для приема поставок. Несмотря на опасения союзников по поводу действий немецкого подводного флота и инфраструктурных возможностей Мурманска и Архангельска, официальная позиция СССР была весьма четкой: в отношении главенства северных портов сомнений не высказывалось. Однако опыт первых полярных конвоев, несших тяжелые потери от немецких подлодок, продемонстрировал необходимость иного распределения потоков ленд-лиза. В этой связи самый длинный и сложный (с точки зрения условий плавания) Тихоокеанский маршрут ленд-лиза, проходивший через зону боевых действий Японии и США, поневоле становился приоритетным направлением поставок [7. С. 67–68].

Как результат, в годы Великой Отечественной войны через Тихий океан было доставлено около половины грузов ленд-лиза, а Владивостокский торговый порт превратился в самый технически оснащенный и стратегически важный порт всей страны. В отдельные месяцы, обрабатывая более 300 тыс. т грузов, по грузообороту он превосходил квартальные показатели предыдущих лет и даже годовые объемы работы практически всех советских портов, обеспечивавших поставки по ленд-лизу [8. С. 80].

Естественно, масштаб ставящихся перед Владивостокским железнодорожным узлом задач вызвал серьезные проблемы организации производственной деятельности. К началу системной работы узла с грузами ленд-лиза (со второй половины 1942 г.) рабочий парк железных дорог Дальнего Востока значительно сократился из-за передачи части паровозов и вагонов на фронт. По Приморской железной дороге в 1942, 1943 и 1945 гг. было отправлено соответственно 28, 44 и 52% подвижного состава. Если в 1941 г. СССР получил 33 тыс. новых вагонов, то в 1942 г. их производство полностью остановилось. Так, уже к началу осени 1941 г. Владивостокский порт столкнулся с критическим дефицитом подвижного состава [3. С. 90–91]. Тем не менее с началом военных действий объемы грузоперевозок сократились, а пропускная способность использовалась не в полной мере. Например, если в 1940 г. по Приморской железной дороге было перевезено 14 млн т грузов, то к 1943 г. этот показатель упал до 7 млн т, что было связано с резким снижением числа груженых вагонов [9. С. 50].

К середине второго года войны Владивостокский железнодорожный узел также стал ощущать серьезные изменения в структуре вагонооборота. В 1941 г. во Владивостокский порт под погрузку импортных грузов поступил 40 871 вагон общей грузовместимостью 653,5 тыс. т, тогда как в 1942 г. этот показатель возрос до 42 117 вагонов и 719,3 тыс. т. Диспропорция между ростом количества вагонов (3%) и их грузовместимостью (10%) указывала на снижение требований к максимальной загрузке, обусловленное дефицитом подвижного состава. Переориентация порта на обработку импортных грузов также повлияла на структуру вагонооборота: в 1941 г. для импорта было выделено 23 474 вагона (334,1 тыс. т), а в 1942 г. – 28 672 вагона (452,5 тыс. т), что означало увеличение на 122,1% и 135,4% соответственно. Противоположная динамика наблюдалась и по выгрузке: объем сократился на 22,6% по количеству вагонов и на 16,5% по грузовместимости [10. Л. 4]. Это позволило перенаправить ресурсы на обеспечение вывоза импортных грузов, оптимизировав использование железнодорожных мощностей.

Столь резкие изменения произошли не только по причине общего увеличения поставок союзников (в связи с окончательным закреплением Тихоокеанского маршрута как основного и общего налаживания логистики поставок), но и ввиду масштабных изменений в характеристиках поступающих грузов – грузооборот сместился в сторону тяжелых и негабаритных позиций: автомобили; локомотивы и вагоны; крановое и промышленное оборудование. Несмотря на сложности обработки таких грузов, к 1944 г. средняя загрузка одного вагона существенно снизилась по сравнению с

1942 г. – вагоны не использовали полностью свою грузоподъемность и объем. Однако из-за дефицита подвижного состава часто практиковалась дополнительная загрузка платформ металлом, ящиками и бочками поверх автомобилей и оборудования [10. Л. 31–38]. За 1943–1944 гг. железнодорожный узел порта перевез специальными составами свыше 400 тыс. т негабаритных грузов [5. С. 195].

Дефицит подвижного состава оставался критическим на всем протяжении войны, вызывая простои техники и рабочей силы. Если в 1941 г. задержки в работе узла объяснялись отсутствием задач, то позднее основной причиной стала несвоевременная подача вагонов. Так, в 1943–1944 г. выполнение заявок порта на вагоны составило лишь 49% от требуемого количества, что привело к полной загрузке складских площадей. Ежемесячно в порту накапливалось до 84,7 тыс. т невывезенных грузов [11. Л. 105]. К этому времени нагрузка на железнодорожный узел выросла в 36 раз по сравнению с довоенным 1940 г. Как отмечал инженер-строитель дальневосточных портов Н.А. Баландин: «*В сентябре 1941 года Владивосток задыхался от грузов ленд-лиза. Импорт заполнил улицы Портовую и Верхнепортовую, а паровозов и вагонов катастрофически не хватало*» [3. С. 91]. Как пример, в 1944 г. портом был установлен плановый объем подачи вагонов Приморской железной дорогой в 149 427 ед., однако фактически предоставлено лишь 107 152. Это приводило к вынужденному превышению высоты штабелирования грузов, загромождению проездов, нарушению правил пожарной безопасности и увеличивало число перевалок [12. Л. 9].

Дополнительные сложности создавало игнорирование ведомством (зачастую вынужденное) запросов на специализированный подвижной состав – крытые вагоны, платформы, рефрижераторы. Отсутствие необходимых типов вагонов замедляло отправку отдельных категорий грузов, а склады, не рассчитанные на такие объемы хранения, оставались переполненным. В этих условиях даже призванный ускорить обработку судов прогрессивный метод погрузочно-разгрузочных работ «борт–вагон» (о котором речь пойдет далее), применялся ограниченно из-за неравномерной подачи составов и их общего дефицита, что безусловно сказывалось на общих результатах работы всего Владивостокского железнодорожного узла [10. Л. 9].

Рост грузооборота при хронической нехватке складских площадей вынуждал выгружать импортные грузы непосредственно на причалы. Такая практика требовала дополнительных операций по перевалке между складами или к участкам, оборудованным подъездными железнодорожными путями. Например, в первом полугодии 1944 г. 164,1 тыс. т (6,8% общего грузооборота) было обработано по схеме «склад–склад». Увеличение числа перегрузок повышало коэффициент перевалки, а дефицит кадров усугублял задержки в обработке судов: в первой половине 1943 г. 43,7% прибывших судов (101 из 231) простаивали [13. Л. 30; 11. Л. 31].

Со временем проблема приобрела системный характер. К 1943–1944 гг. все свободное пространство причалов, предназначенное для техники и персонала, оказалось заполнено грузами. Это не только парализовало логистику, но и делало невозможным оперативное маневрирование ресурсов, еще больше замедляя работу порта.

Поиски путей решения

Ответственность за задержки в работе Владивостокского железнодорожного узла распределялась не только на железную дорогу. Как подчеркивалось в докладах Приморской магистрали в адрес Наркомата путей сообщения, Владивостокский порт систематически не выполнял нормативы погрузки. С середины 1942 г. ситуация с простоями подвижного состава, усугубляемая ростом грузооборота, приобрела хронический характер. Например, при установленном Государственным комитетом обороны (ГКО) на август–декабрь 1944 г. плане погрузки портом 500 вагонов и 250 цистерн ежесуточно фактически грузилось 390 и 120 единиц при подаче 600 вагонов [14. Л. 103]. В декабре вместо 15,5 тыс. вагонов и 7,7 тыс. цистерн было обработано лишь 8 598 и 6 759 соответственно.

Подобные сбои провоцировали простои железнодорожной инфраструктуры: в 1944 г. ежемесячно простаивало 1,8–4,2 тыс. вагонов (всего 33 тыс. за год), что эквивалентно 190 тыс. вагоно-часов потерь и штрафам на 1 млн руб. в пользу Приморской магистрали [15. Л. 6, 25].

Ключевыми факторами простоев вагонов во Владивостокском порту, помимо объективной перегрузки импортными грузами, стали недостаточный контроль за своевременной подачей составов и слабая организация погрузки с учетом специализации вагонов.

Для оптимизации работы транспортного узла в 1942–1944 гг. регулярно (каждые три месяца) формировались совместные комиссии представителей порта и Приморской железной дороги. Их задачей был анализ причин задержек и разработка корректирующих мер. Например, приказом начальника порта А.Х. Передерия от 18 сентября 1942 г. во 2-м и 3-м районах ввели штатные позиции начальников железнодорожных участков, складских групп и дополнительного диспетчера при главном управляющем. Это позволило усилить координацию погрузочно-разгрузочных процессов и улучшить учет обработки вагонов [16. Л. 1–2].

Рост объемов импортных поставок с середины 1942 г. потребовал внедрения новых организационных подходов. Ключевой задачей стала координация работы транспортных служб: утверждался жесткий график маневровых паровозов, на станциях формировались единые рабочие смены, за причалами закреплялись постоянные весовщики (младшие и старшие), тальманы и помощник заведующего причалами, а также разрабатывался централизованный план обработки грузов [17. С. 222–224]. Неспособность администрации Владивостокского порта и Приморской железной дороги обеспечить своевременный вывоз импорта вызвала серьезную озабоченность в центральных ведомствах. Особое внимание работе узла уделял Государственный комитет обороны, который в 1943–1944 гг. принял свыше десяти постановлений для оптимизации логистики на Приморской и Дальневосточной

железных дорогах, учитывая стратегическую важность доставки грузов на фронт и предприятия в условиях крупномасштабных наступлений Красной армии.

Для ускорения обработки импортных грузов и предотвращения переполнения складов работники Владивостокского порта заменили традиционную схему разгрузки «борт–склад–вагон» на более эффективную модель «борт–вагон». Это означало, что грузы с судов напрямую загружались в вагоны через ленточные транспортеры или с помощью портальных кранов, минуя складские помещения, что позволило сократить расход электроэнергии, снизить затраты на хранение и высвободить трудовые ресурсы. Одновременно загружались 3–4 вагона по количеству транспортеров, а непрерывная работа механизмов обеспечивала погрузку крупнотоннажного судна за 20–30 минут. Благодаря применению метода «борт–вагон» в 1942 г. в порту впервые достигли рекордной экономии времени: пароход «Советская Латвия» разгрузили на оба борта на 33 часа быстрее нормы, а «Кулу» – на 51 час [18. Л. 11, 137].

Несмотря на успехи в оптимизации перегрузочных процессов, включая рост доли прямых операций «борт–вагон», их эффективность снижалась из-за вынужденных перевалок, вызванных дефицитом вагонов. Периодически порт был вынужден отказываться от скоростной обработки судов из-за переполнения причалов и складов. Решение этой проблемы оставалось неполным вплоть до завершающего этапа войны.

Как отмечалось в докладной записке А.И. Микояна на имя И.В. Сталина от 24 апреля 1943 г., в порту скопилось около 200 тыс. т грузов: 90 тыс. т на складах и причалах, 110 тыс. т – в трюмах 20 судов у причальной линии и на рейде [19. Л. 177–179]. К началу 1945 г. ситуация не улучшилась: по данным Народного комиссариата государственной безопасности, в январе объем невывезенных грузов достиг 311 тыс. т (требовавших 8,5 тыс. вагонов для вывоза), включая 162 тыс. т на 54 судах, ожидавших разгрузки с конца 1944 г. [13. Л. 25].

Таким образом, даже частичное внедрение прогрессивных методов осуществления грузовых операций не смогло компенсировать системные ограничения, что подчеркивало зависимость логистики порта от внешних факторов – от вагонного парка до складских мощностей.

Пик нагрузки на транспортный узел пришелся на вторую половину 1944 г., когда скопившиеся грузы физически не успевали вывозить из-за ограниченных возможностей железной дороги. Подобные простои могли негативно сказаться на общем ходе и темпах наступления Красной армии. Для разгрузки складов и причалов 6 августа 1944 г. ГКО издал Постановление «О ежесуточной погрузке по Приморской железной дороге в августе 1944 г. 500 вагонов импортных грузов» [20. Л. 1–240]. Однако к середине месяца выполнение плана составило лишь 64%, что привело к увеличению остатка грузов во Владивостоке на 40 тыс. т только за первые две недели августа.

Вышеупомянутый резкий дисбаланс между погрузкой и выгрузкой привел к острой нехватке вагонов на Приморской железной дороге. Для решения проблемы, помимо самостоятельного производства, вагоны привлекались с других дорог через механизмы Народного комиссариата путей сообщения: из резервов ведомства [21. Л. 371] и путем перераспределения между прочими железнодорожными узлами [22. Л. 1]. Например, в 1943 г. во Владивосток ежемесячно поступало 5–8 тыс. дополнительных вагонов, платформ и цистерн при среднемесячном обороте 20–30 тыс. единиц и суточном – 500–700 [23. Л. 113–122; 24. Л. 83–89; 25. Л. 45–48].

22 августа 1944 г. в условиях нарастающих логистических сложностей, Государственный комитет обороны утвердил Постановление «О мерах по обеспечению отгрузки импортных грузов по Приморской железной дороге в августе и сентябре 1944 г.» [26. Л. 101–102]. Документом предусматривалось увеличение суточной нормы погрузки до 800 вагонов для компенсации невыполненных объемов августа. Наркомату путей сообщения вменялось в обязанность формировать ежедневно не менее 10 маршрутов «порожняком» (по 70 вагонов каждый), направляемых во Владивосток, при одновременном поддержании в рейсе 12 тыс. единиц подвижного состава под импортные грузы. Для реализации Постановления впервые за военный период к решению проблемы подключились Калининская, Западная, Московско-Рязанская, Московско-Окружная и Казанская железные дороги. Им предписывалось не только передать часть вагонов Приморской магистрали, но и ежедневно комплектовать эшелоны из собственного парка. Для ускорения движения составов на восток вводился категорический запрет на их задержку и изъятие пустых вагонов. Дополнительно регламентировались: максимальное время простоя под погрузкой/разгрузкой – 6 часов; минимальная суточная скорость продвижения – 600–650 км [14. Л. 10–11].

Предпринятые меры способствовали ускорению обработки импорта и частичному сокращению «завалов» в порту, однако дефицит вагонов сохранялся. Фактическая скорость движения составов на Дальневосточной и Восточно-Сибирской магистралях не превышала 450–480 км/сутки, а в отдельных случаях падала до 300 км/сутки. Уже к октябрю порт вновь столкнулся с критическим объемом невывезенных импортных грузов [14. Л. 10–11, 103]. Несмотря на предпринимаемые усилия, полной обеспеченности вагонным парком достичь не удалось. Даже в 1945 г. дефицит подвижного состава под погрузку во Владивостокском порту сохранялся на уровне 32,7% [13. Л. 27–28].

Нехватка вагонного парка в годы войны ощущалась по всей стране, соответственно, решать проблему своевременной погрузки местным властям зачастую приходилось своими силами. Здесь пригодился опыт работы порта в период Первой мировой войны, когда он также являлся ключевым пунктом по приему иностранных военно-технических поставок.

Как отмечал в своих мемуарах первый секретарь Приморского крайкома ВКП(б) Н.М. Пегов, «…в крайкоме предварительно долго ломали голову с железнодорожниками и портовиками над этой проблемой (нехваткой железнодорожных вагонов. – *Прим. авт.*) …Если бы один-два судна в караване везли не грузы, а железнодорожные вагоны и платформы в разобранном виде, то в порту эти суда разгружались бы в первую очередь, затем мы собирали бы вагоны и платформы и

грузили на них доставленные грузы» [21. С. 176–177]. Идея была озвучена и поддержана со стороны Наркома внешней торговли А.И. Микояна, и вскоре из США стали поступать разобранные вагоны, которые монтировали в портовых мастерских, частично компенсируя нехватку [27. С. 177].

По причине наращивания наступательных действий Красной армии во второй половине 1944 г. прогнозировался рост объемов поставок по ленд-лизу. Это потребовало от руководства порта срочных мер по разгрузке причалов и складов для предотвращения кризиса логистики. Сезонный фактор сыграл положительную роль: ограниченная зимняя навигация в северной части Тихого океана позволила снизить нагрузку. В феврале 1945 г., благодаря временному сокращению грузопотока, удалось расчистить складские площади и освободить причальные линии. К концу месяца на складах оставалось лишь 11 тыс. т грузов, преимущественно угля и руды для экспорта (9,5 тыс. т), что позволило Владивостокскому порту подготовиться к открытию навигации в апреле 1945 г. [28. Л. 2–7].

Если в первые десять дней месяца суточный грузооборот составлял в среднем 4 тыс. т, что даже вызывало простои из-за недостатка работы, то с середины апреля начался период максимальной нагрузки за все военное время. Массовое прибытие судов с импортным оборудованием привело к росту среднесуточного объема переработки до 11,3 тыс. т. В отдельные дни показатель достигал 14–15 тыс. т, установив абсолютный рекорд за всю историю порта [28. Л. 36].

Высокая эффективность работы обеспечивалась оптимизацией трудовых ресурсов и активным использованием механизированных методов. В первом полугодии 1945 г. уровень механизации грузовых операций достиг 88%, а доля разгрузки по схеме «борт–вагон» возросла до 40% против средних 15–25% в предыдущие годы [28. Л. 63–64]. Это свидетельствовало о качественном скачке в организации процессов, позволившем справиться с беспрецедентным грузопотоком.

В условиях невозможности масштабной модернизации инфраструктуры акцент делался на оптимизации существующих ресурсов: пересмотр режимов использования механизмов; внедрение новых методов разгрузки судов и формирования вагонных партий; усиление трудовой дисциплины и поощрение инициатив сотрудников. Эти меры способствовали снижению складских запасов и повышению операционной эффективности в условиях военного времени.

Применение схемы «борт–вагон» способствовало не только сокращению времени обработки судов, но и минимизации промежуточных перевалок. Это повысило эффективность использования трудовых ресурсов: при том же количестве рабочих порт смог обрабатывать на 30% больше грузов. Например, в 1942 г. стоимость перевалки одной тонны груза по традиционной схеме «борт–склад–вагон» составляла 3 руб. 42 коп. на одного грузчика, тогда как при методе «борт–вагон» к 1944 г. расходы снизились до 2 руб. 54 коп. [18. Л. 5].

Помимо экономии на оплате труда, новая схема уменьшила энергопотребление, расходы на складское хранение и сократила простои вагонов. Непосредственная погрузка в железнодорожный состав исключала необходимость дополнительного формирования партий груза на складах, ускоряя логистику.

Вторым ключевым направлением оптимизации стало внедрение скоростного метода разгрузки. Если схема «борт–вагон» базировалась на технических инновациях, то скоростной метод стал результатом модернизации управленческих и производственных процессов во Владивостокском порту. Его основу составили рациональная организация труда, оптимизация размещения механизмов, а также внедрение соревновательных практик и укрепление дисциплины среди работников.

Внедрение скоростного метода погрузочно-разгрузочных работ во Владивостокском порту удалось реализовать только к концу 1944 г. Для достижения требуемых показателей механизации, увеличения численности рабочих и повышения их квалификации руководству порта потребовалось почти три года. Эти усилия привели к существенному улучшению операционной эффективности. К концу первого полугодия 1945 г. суточный объем обработки грузов достиг 14,1 тыс. т, при этом метод «борт–вагон» применялся более чем на 40% судов [28. Л. 63]. Сочетание скоростной разгрузки с соревновательными практиками значительно повысило производительность порта. В письме секретаря Приморского крайкома ВКП(б) Н.М. Пегова, адресованном Г.И. Маленкову и А.А. Андрееву, отмечались впечатляющие результаты метода. Например, пароход «Брянск» грузоподъемностью 9 467 т был разгружен за 38 часов вместо прежних 363, «Сталинград» (9 600 т) – за 41 час вместо 269, «Кулу» (8 120 т) – за 24 часа вместо 260, «Менделеев» (6 844 т) – за 32 часа вместо 262, а «Ижора» – за 20 часов вместо 172. В 1945 г. применение скоростной разгрузки позволило сэкономить 3068 судо/часов [29. Л. 162–163], что подтвердило ее роль в оптимизации логистических процессов в условиях военного времени.

Первое полугодие 1945 г. стало пиковым по грузообороту за весь военный период. По сравнению с аналогичным периодом 1944 г. объем переработанных грузов вырос на 127 тыс. т (10,9%), достигнув 1 268,8 тыс. т, из которых 95,8% составляли поставки по ленд-лизу. Наибольшая нагрузка пришлась на второй квартал, когда порт обработал 1 003,4 тыс. т (79% от общего полугодового объема).

Однако уже с третьего квартала 1945 г. структура грузооборота начала меняться: при общем объеме в 420 тыс. т доля импорта сократилась до 129,6 тыс. т (30,9%) [28. Л. 60–61, 96].

Это было связано как с сокращением ленд-лиза после победы над Германией, так и с переориентацией на внутренние перевозки – переброску войск и подготовку к военным операциям на Дальнем Востоке. К августу 1945 г. грузооборот порта упал до 81,2 тыс. т (включая 23,5 тыс. т импорта), что в 3,7 раза меньше июльских показателей и в 3,2 раза ниже уровня августа 1944 г. [28. Л. 112]. Однако поставки по ленд-лизу, согласно договоренностям, продолжались до конца года

даже после капитуляции Японии, хотя их объемы оставались минимальными.

Результаты и выводы

Согласно отчетным документам, демонстрирующим результаты работы Владивостокского железнодорожного узла в годы Великой Отечественной войны, за 1941–1945 гг. Владивостокский морской торговый порт обработал на своих причалах 40 617 судов, из них: 1 884 судна заграничного плавания с импортными и экспортными грузами, а также 2 716 судов большого и 36 017 малого каботажа [5. С. 216]. Изначально ориентированный на внутренние перевозки, порт, обрабатывающий в основном с малогабаритные продовольственные грузы, за годы войны трансформировался в ключевой общесоюзный транспортный узел по приему и обработке разнообразных импортных военных и гуманитарных грузов различных габаритов и веса. Если в 1941 г. процент импортных грузов в общем грузообороте едва достигал 30%, то в последующие военные годы ежегодно держался на уровне не ниже 70%, достигнув в 1945 г. 80,7%. Всего же за период войны порт обработал 7 201,9 тыс. т импортных грузов – 72,3% от общего объема грузооборота, который за обозначенный период составил 9 971,9 тыс. т [13. Л. 26; 30. Л. 44].

При анализе результатов деятельности Владивостокского железнодорожного узла в период Великой Отечественной войны следует подчеркнуть, что, несмотря на систематический дефицит подвижного состава и связанные с этим простои, совместные усилия Владивостокского морского торгового порта и Приморской железной дороги позволили обеспечить бесперебойную транспортировку импортных грузов на фронт. За 1941–1945 гг. общий объем перевозок по Приморской железной дороге достиг 46,3 млн т, из которых 22,4% составили вагоны с импортом [31. С. 194–195].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны Владивостокский железнодорожный узел стал ключевым звеном в системе обеспечения СССР стратегическими ресурсами, значительная часть которых поступала по программе ленд-лиза. Несмотря на сохраняющиеся дискуссии о масштабах вклада союзнических поставок, их роль в поддержании оборонного потенциала страны невозможно переоценить. Через Владивосток, принявший более половины всех грузов ленд-лиза, на фронт и предприятия страны поставлялось критически важное сырье, оборудование для промышленности, продовольствие и топливо. Эти поставки, наряду с тысячами вагонов и крановых механизмов, поставленных из США, стали основой для функционирования как порта, так и железнодорожного узла, связывавшего Дальний Восток с центральными регионами.

От результатов труда Владивостокских моряков, портовиков и железнодорожников, обеспечивавших бесперебойную транспортировку стратегических грузов, во многом зависело исправное функционирование советской военной экономики и материальное обеспечение фронта. Несмотря на масштабные объемы импортных поставок через Владивостокский порт, их эффективное распределение по стране было невозможно без слаженной работы совместно с железнодорожной инфраструктурой. Приморская магистраль, столкнувшись с хроническим дефицитом подвижного состава, дисбалансом погрузочно-разгрузочных операций и растущим потоком сложных грузов, работала в условиях перманентного напряжения.

Стратегическая значимость узла привлекла внимание высшего руководства, что выразилось в ряде постановлений ГКО, направленных на устранение системных сбоев. Меры включали перераспределение ресурсов между железными дорогами, введение жестких нормативов по скорости и объемам перевозок, а также создание механизмов межведомственной координации. Однако географическая удаленность, техническая ограниченность инфраструктуры и кадровый дефицит снижали эффективность принимаемых решений. Ситуацию усугубляла несогласованность между портом и железной дорогой: задержки в погрузке вагонов и невыполнение планов провоцировали цепную реакцию простоев, что негативно сказывалось на общей логистике.

Нередко недочеты в работе порта были вызваны не только некачественной и несвоевременной работой на погрузочно-разгрузочных операциях или плохо организованным управлением, а в первую очередь постоянной «гонкой» портового погрузочно-разгрузочного комплекса и его технических возможностей с всевозрастающими объемами массово прибывающих в порт негабаритных и сложнокомплектных грузов, поставляемых по ленд-лизу.

Преодоление трудностей стало возможным благодаря комплексному подходу. Инновации в управлении, такие как оптимизация графиков и усиление контроля за подачей составов, сочетались с рационализацией труда и внедрением новых методов обработки грузов, таких как пересмотр методов хранения, внедрение скоростной разгрузки судов с использованием крановых механизмов, а также организация соревнований между бригадами для повышения производительности. Параллельно налаживалась международная кооперация – поставки вагонов в разобранном виде из США, которые оперативно собирались в портовых мастерских, позволили частично компенсировать дефицит подвижного состава.

Особую роль сыграла адаптация управления под экстремальные условия. Запрет на задержку составов и реквизицию «порожняка», введенный постановлениями Государственного комитета обороны, обеспечил приоритетное движение грузовых эшелонов. Однако ключевым элементом успеха оставались люди: самоотверженность грузчиков, диспетчеров и машинистов, работавших в условиях перегрузок, их способность находить нестандартные решения – от оптимизации загрузки вагонов до круглосуточного обслуживания механизмов. Именно их ежедневный труд, поддержанный административными мерами и техническими новациями, позволил сохранить функциональность узла даже в пиковые периоды военных лет.

Таким образом, Владивостокский морской торговый порт и Приморская железная дорога, действуя в экстремальных условиях, не только обеспечили связь между фронтом и тылом, но и стали символом мобилизации ресурсов в критический для страны период. Их работа, несмотря на объективные трудности, продемонстрировала способность системы адаптироваться к вызовам времени, став одним из факторов укрепления оборонного потенциала СССР, а обеспечение бесперебойных поставок ленд-лиза в экономику СССР позволило компенсировать ограниченность внутренних ресурсов, укрепив основу материального вклада в общую победу.

Список источников

1. Грунин О.А. Факторы экономической победы Советского Союза в Великой Отечественной войне // Проблемы современной экономики. 2010. № 2 (34). С. 22–25.
2. Шалак А.В. Мобилизационная экономика как фундамент победы: оценка экономистов // Историко-экономические исследования. 2016. Т. 17, № 1. С. 143–159.
3. Тесельская И.П. Дальневосточный участок Транссиба в годы Великой Отечественной войны // Власть и управление на Востоке России: научно-публицистический журнал. 2009. № 1 (46). С. 88–94.
4. Горбунов А.А., Кретов Б.И. Военно-политическое значение железных дорог в Великой Отечественной войне // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. № 1(23). С. 14–19.
5. Ткачева Г.А. Оборонно-экономический потенциал Дальнего Востока СССР в 1941–1945 гг. Владивосток, 2005.
6. Медведева Л.М. Развитие транспорта и его роль в освоении Дальнего Востока СССР (20–30-е годы XX века). Владивосток, 2002.
7. Гудков И.А. Владивостокский морской торговый порт в начальный период Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2020. № 2. С. 64–73.
8. Гудков И.А. Владивостокский морской торговый порт в годы Великой Отечественной войны (1943–1945 гг.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2024. № 4. С. 79–89.
9. Медведева Л.М. По требованиям военного времени Дальневосточный транспорт в годы Второй мировой войны // Россия и АТР. 2002. № 3. С. 49–56.
10. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. Р-356. Оп. 9. Д. 34.
11. ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 9. Д. 58.
12. ГАПК. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 17.
13. ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 9. Д. 44.
14. Государственный архив Хабаровского края. Ф. Р-730. Оп. 31. Д. 19.
15. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 4. Д. 115.
16. ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 1. Д. 90.
17. Дальний Восток СССР: 1941–1945 гг. / под общ. ред. чл.- корр. РАН Н.Н. Крадина ; отв. ред. Г.А. Ткачева. Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2020. 944 с. (История Дальнего Востока. Т. 3. Кн. 3).
18. ГАПК. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 9.
19. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 2. Д. 162.
20. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 288.
21. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5446. Оп. 2. Д. 32.
22. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 338.
23. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 189.
24. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 205.
25. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 228.
26. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 296.
27. Пегов Н.М. Далекое-близкое. Воспоминания. М., 1982.
28. ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 9. Д. 75.
29. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 30.
30. ГАПК. Ф. Р-356. Оп. 9. Д. 61.
31. Ткачева Г.А. Транспорт Дальнего Востока СССР в обеспечении экономического сотрудничества со странами антигитлеровской коалиции в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Военно-техническое сотрудничество России: история и современность : материалы работы научн. конф., 25 октября 2012 г. СПб, 2013. С. 184–195.

References

1. Grunin, O.A. (2010) Faktory ekonomicheskoy pobedy Sovetskogo Soyuza v Velikoy Otechestvennoy voyne [Factors of the economic victory of the Soviet Union in the Great Patriotic War]. *Problemy sovremennoy ekonomiki.* 2 (34). pp. 22–25.
2. Shalak, A.V. (2016) Mobilizatsionnaya ekonomika kak fundament pobedy: otsenka ekonomistov [The mobilization economy as the foundation of victory: economists' assessment]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*. 17 (1). pp. 143–159.
3. Teselskaya, I.P. (2009) Dal'nevostochnyy uchastok Transsiba v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [The Far Eastern section of the Trans-Siberian Railway during the Great Patriotic War]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii: nauchno-publitsisticheskiy zhurnal*. 1 (46). pp. 88–94.
4. Gorbunov, A.A. & Kretov, B.I. (2013) Voenno-politicheskoe znachenie zheleznykh dorog v Velikoy Otechestvennoy voyne [The military-political significance of railways in the Great Patriotic War]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya.* 1(23). pp. 14–19.
5. Tkacheva, G.A. (2005) *Oboronno-ekonomicheskiy potentsial Dal'nego Vostoka SSSR v 1941–1945 gg.* [The defense-economic potential of the Far East of the USSR in 1941–1945]. Vladivostok.
6. Medvedeva, L.M. (2002) *Razvitie transporta i ego rol' v osvoenii Dal'nego Vostoka SSSR (20–30-e gody XX veka)* [The development of transport and its role in the development of the Far East of the USSR (1920s–1930s)]. Vladivostok.
7. Gudkov, I.A. (2020) Vladivostokskiy morskoy torgovyy port v nachal'nyy period Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1942 gg.) [The Vladivostok Commercial Seaport in the initial period of the Great Patriotic War (1941–1942)]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke.* 2. pp. 64–73.
8. Gudkov, I.A. (2024) Vladivostokskiy morskoy torgovyy port v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1943–1945 gg.) [The Vladivostok Commercial Seaport during the Great Patriotic War (1943–1945)]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. 4. pp. 79–89.
9. Medvedeva, L.M. (2002) Po trebovaniyam voennogo vremeni Dal'nevostochnyy transport v gody Vtoroy mirovoy voyny [According to the requirements of wartime: Far Eastern transport during the Second World War]. *Rossiya i ATR.* 3. pp. 49–56.
10. State Archive of Primorsky Krai (GA PK). Fund R-356. List 9. File 34. (In Russian).

11. State Archive of Primorsky Krai (GA PK). Fund R-356. List 9. File 58. (In Russian).
12. State Archive of Primorsky Krai (GA PK). Fund R-261. List 1. File 17. (In Russian).
13. State Archive of Primorsky Krai (GA PK). Fund R-356. List 9. File 44. (In Russian).
14. State Archive of Khabarovsk Krai. Fund R-730. List 31. File 19. (In Russian).
15. State Archive of Primorsky Krai (GA PK). Fund P-68. List 4. File 115. (In Russian).
16. State Archive of Primorsky Krai (GA PK). Fund R-356. List 1. File 90. (In Russian).
17. Tkacheva, G.A. (ed.) (2020) Dal'niy Vostok SSSR: 1941–1945 gg. [The Far East of the USSR: 1941–1945]. In: Kradin, N.N. (ed.) *Istoriya Dal'nego Vostoka* [History of the Far East]. Vol. 3. Book 3. Vladivostok: IIAE FEB RAS.
18. State Archive of Primorsky Krai (GA PK). Fund R-261. List 1. File 9. (In Russian).
19. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 644. List 2. File 162. (In Russian).
20. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 644. List 1. File 288. (In Russian).
21. State Archive of the Russian Federation. Fund R-5446. List 2. File 32. (In Russian).
22. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 644. List 2. File 338. (In Russian).
23. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 644. List 2. File 189. (In Russian).
24. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 644. List 2. File 205. (In Russian).
25. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 644. List 2. File 228. (In Russian).
26. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 644. List 1. File 296. (In Russian).
27. Pegov, N.M. (1982) *Dalekoe-blizkoe. Vospominaniya* [The distant-near. Memoirs]. Moscow.
28. State Archive of Primorsky Krai (GA PK). Fund R-356. List 9. File 75. (In Russian).
29. State Archive of Primorsky Krai (GA PK). Fund P-68. List 34. File 30. (In Russian).
30. State Archive of Primorsky Krai (GA PK). Fund R-356. List 9. File 61. (In Russian).
31. Tkacheva, G.A. (2013) [Transport of the Far East of the USSR in ensuring economic cooperation with the countries of the Anti-Hitler coalition during the Great Patriotic War (1941–1945)]. *Voenno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo Rossii: istoriya i sovremennost'* [Military-Technical Cooperation of Russia: History and Modernity]. Proceedings of the Conference. October 25, 2012. St. Petersburg. pp. 184–195. (In Russian).

Информация об авторе:
Гудков И.А. – канд. ист. наук, старший преподаватель департамента истории и археологии Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия). E-mail: gudkov.ia96@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
I.A. Gudkov, Cand. Sci. (History), senior lecturer, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: gudkov.ia96@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.04.2025;
одобрена после рецензирования 23.04.2025; принята к публикации 10.10.2025.

The article was submitted 21.04.2025;
approved after reviewing 23.04.2025; accepted for publication 10.10.2025.

Научная статья
УДК 94
doi: 10.17223/15617793/519/12

Протестантские и антикатолические мотивы в исторической пьесе «Король Иоанн» (1538) Джона Бейла

Борис Михайлович Корнеев[1]

[1] *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, bmkorneev@hse.ru*

Аннотация. Анализируется историческая пьеса Джона Бейла «Король Иоанн» (1538) в контексте английской Реформации. Автор исследует, как Джон Бейл объединяет в тексте моралите и историческое повествование, а также создает параллелизм между образами Иоанна Безземельного и Генриха VIII для критики папского престола и злоупотреблений католической церкви, делая акцент на супрематии королевской власти. Делается вывод, что автор пьесы стремится замаскировать собственные протестантские идеи под антикатолические идеи своих патронов.
Ключевые слова: Джон Бейл, Томас Кромвель, Реформация, протестантизм, английский театр, историческая пьеса, моралите, Иоанн Безземельный, Генрих VIII

Для цитирования: Корнеев Б.М. Протестантские и антикатолические мотивы в исторической пьесе «Король Иоанн» (1538) Джона Бейла // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 519. С. 94–100. doi: 10.17223/15617793/519/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/519/12

Protestant and anti-Catholic themes in John Bale's historical play "King Johan" (1538)

Boris M. Korneev[1]

[1] *HSE University, Moscow, Russian Federation, bmkorneev@hse.ru*

Abstract. This article analyzes John Bale's historical play *King Johan* (1538) within the context of the political and religious transformations of the English Reformation. The study begins by examining Bale's biographical background, including his close connections with Thomas Cromwell, in order to demonstrate the influence of Protestant convictions on his literary activity and political stance. Analysis of the dramatic structure reveals an innovative combination of elements from the morality play and historical narrative. Bale's use of allegorical characters alongside historical figures from the 13th and 16th centuries allows him to create a synthetic perspective—merging multiple temporal and spatial planes for a more compelling critique of the papacy and the abuses of the Catholic Church. King John, presented as a parallel to Henry VIII, emerges in the play as a champion of true faith and a victim of papal tyranny, continuing a tradition established by Simon Fish and William Tyndale. The work identifies and examines key themes raised by John Bale in his play: the supremacy of secular authority over spiritual power, Latin as an instrument of the Church's monopoly on Scripture, the accumulation of wealth by the Church, England's political isolation surrounded by Catholic powers, and others. The discrepancy between the radical Protestant ideas discernible in the play and the more moderate reformist course of Henry VIII emerges as an important authorial strategy in the mid-16th century—through this approach, writers such as Bale were able to utilize the image of royal authority as a tool for denouncing the vices of the Catholic Church, thereby contributing to the spread of Reformation ideas. The study concludes that Bale, like many authors of that era, was compelled to resort to compromise methods of expressing his Protestant convictions, masking them as criticism of the papacy and justification of royal supremacy. Owing to its syncretic genre, *King Johan* became an expression not only of anti-Catholic but also of Protestant ideas, simultaneously emphasizing the supremacy of secular authority while underscoring the primacy of Scripture over the authority of the papal see.
Keywords: John Bale, Thomas Cromwell, Reformation, Protestantism, English theatre, history play, morality play, John Lackland, Henry VIII

***For citation*:** Korneev, B.M. (2025) Protestant and anti-Catholic themes in John Bale's historical play "King Johan" (1538). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 519. pp. 94–100. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/519/12

Джон Бейл – драматург и протестантский проповедник, родился в графстве Суффолк в 1495 г. Его отрочество и юношество прошло в различных монастырях, важнейшим из которых была кармелитская община в Норвиче.

Как отмечает Лэсли Фэрфилд, карьера в Церкви была, возможно, единственным доступным социальным лифтом на побережье Суффолка, поскольку и земля, и производство в этом регионе были консолидированы в руках местных лордов [1. P. 2].

© Корнеев Б.М., 2025

После семи лет в монастыре он поступил в Кембриджский колледж Иисуса и святой Девы Марии, где в 1529 г. получил степень бакалавра теологии. Там он попал под влияние Томаса Кранмера[1], который в будущем станет известен как один из отцов английского протестантизма и Реформации. В процессе обучения Бейл постепенно отходил от догматов католической веры: сначала он отказался от статуса католического монаха, а затем женился. Как он сам пишет, женитьба стала своеобразной чертой, не позволяющей ему вернуться в лоно католической церкви: «…чтобы я больше никогда не мог служить такому чудовищному зверю, я взял в жены верную Дороти»[2]. Во время обучения в Кембридже будущий драматург начал также интересоваться историей: среди написанных Бейлом текстов можно найти манускрипты, относящиеся к истории Англии, Франции, ордена Кармелитов и даже английской литературы[3]. После возвращения из путешествия и получения докторской степени по теологии в 1534 г. он поселился в Суффолке, где начал свою карьеру протестантского проповедника и литератора. Бейл открыто поддерживал идеи Реформации: критиковал Фому Аквинского, культ святых, католическую церковную иерархию. Его деятельность не осталась незамеченной – в том же году его вызвали к архиепископу Йоркскому, а затем и к епископу Лондонскому из-за проповеди против почитания святых. По результатам разбирательства он был заключен в тюрьму, однако вскоре был освобожден благодаря протекции Томаса Кромвеля[4], чье внимание и поддержку автор получил благодаря уже изданным пьесам с критикой католической церкви [3. P. ix.]. Следующие пять лет стали самыми продуктивными в литературной карьере Джона Бейла, поскольку он пользовался неограниченной поддержкой Кромвеля, который видел в нем мощнейший инструмент популяризации антипапского и антикатолического дискурса. Благодаря его поддержке Бейл не был ограничен в том, за что и в какой форме критиковать Церковь – драматург и его актерская труппа «Актеры лорда-хранителя Малой печати»[5] получали от своего покровителя постоянную поддержку, в том числе и финансовую [4. P. 107].

Пьеса «Король Иоанн» была написана Джоном Бейлом в 1538 г. и зимой, в канун Рождества, была представлена в доме Томаса Кранмера, его старого друга и соратника еще со времен Кембриджского колледжа, ставшего к тому моменту Архиепископом Кентерберийским [5. P. 30]. Манускрипт с текстом пьесы был найден в Ипсуиче лишь спустя 300 лет, в 1838 г. Поскольку Иоанн Безземельный даровал Ипсуичу муниципальный устав (т.е. закрепил за ним статус и права города [6. P. 12]), пьеса, вероятно, была поставлена в Ипсуиче в его честь [7. P. vi]. Текст был найдена в смешанном варианте: первый акт был полностью напечатан, в то время как второй – разделен: первая его часть также была напечатана, а вторая – написана Бейлом (и его неизвестным помощником, однако, с исправлениями автора) [7. P. vi] от руки, что позволило однозначно установить его авторство. В историографии принято выделять две редакции пьесы: А-редакцию, содержащую печатный текст пьесы, и В-редакцию, куда входит написанное от руки завершение второго акта и многочисленные исправления первого с изменением и дополнением диалогов.

Историки английской литературы часто называют «Короля Иоанна» первой исторической пьесой, поскольку в ней описывается историческое прошлое Англии, а действующими лицами выступают исторические персонажи XIII и XVI вв. Так, Эндрю Тейлор пишет, что пьеса Бейла показала английское самосознание того времени, реинтерпретировала историю в рамках антикатолической доктрины и показала, как исторические события могут быть использованы для того, чтобы отразить политические проблемы современности [8. P. 94]. Фигура короля Иоанна Безземельного, протагониста пьесы, была выбрана Джоном Бейлом неслучайно. Иоанн Безземельный, король Англии в 1199–1216 гг., как и Генрих VIII, находился в открытом противостоянии с римским папой. В 1207 г. он отказался признать назначенного Папой Иннокентием III[6] архиепископа Кентерберийского – Стефана Лэнгтона[7], после чего на Англию был наложен интердикт. В ответ Иоанн начал конфисковывать церковные земли, за что папа вначале отлучил его от церкви, а затем фактически низложил. Все это происходило одновременно с внутриполитическими конфликтами короля и баронов, результатом которых стало принятие Иоанном Безземельным Великой хартии вольностей в 1215 г. Конфликт с папским престолом закончился тем, что Иоанн под давлением легата Пандульфа[8] был вынужден признать свое поражение и назвать себя вассалом Святого Престола.

Пьеса начинается с того, что Англия, представленная в виде страдающей вдовы, жалуется Иоанну Безземельному на то, что она была лишена своих прав и богатств хищным духовенством, изгнавшим Господа из ее пределов. Король обещает разобраться в произошедшем и наказать виновных. В этот момент появляются четверо аллегорических персонажей – Мятеж (Sedition), Притворство (Dissimulation), Частное Богатство (Private Wealth) и Узурпированная Власть (Usurped Power), которые рассказывают о своей дружбе с Церковью и Папой. Король Иоанн бросает вызов Мятежу и его соратникам, стремясь призвать их к ответу. Для этого он призывает к себе Дворянство (Nobility), Духовенство (Clergy), Государственный Порядок (Civil Order) и требует поддержать его в борьбе с Мятежом. Мятеж и его помощники, принимающие облик реальных исторических личностей – кардинала Стефана Лэнгтона и папского легата Пандульфа, легко убеждают каждое из сословий в том, что власть папы выше королевской. Король, лишенный своих союзников, возлагает все надежды на Народ – его единственную, как он думает, надежную опору. Однако, Народ беден и слеп: беден он, потому что Церковь забрала все его имущество, а слепота символизирует его духовное невежество, в котором его удерживает Духовенство. После угроз Мятежа о военном вторжении в страну (ведь Англия со всех сторон окружена правителями и народами, верными папскому престолу) король, заботясь о благе подданных, вынужден сложить с себя корону, передав ее кардиналу, выплатить огромные

суммы Папе и Духовенству и окончательно признать собственное поражение. Тем временем вернувшееся с континента Притворство приносит яд, который обманом заставляет выпить Иоанна. Сразу после трагической смерти короля на сцене появляются все три сословия, а также Истина (Verity), которая превозносит погибшего монарха и стыдит предавшие его сословия: «Истина: Ибо в своем королевстве король – судья над всеми по Божьему повелению; и никто не может судить его, кроме Самого Господа, о чем в Писании ясно сказано»[9]. Вместе с тем на сцене появляется Имперское Величество (Imperial Majesty), которое изгоняет Мятеж и раздает всем сословиям указания, как нужно действовать, чтобы государство процветало: «*Сперва вы, духовенство, проповедуете слово Божие; Потом ты, дворянство, обороняешь его с мечом; Ты, Государственный Порядок, исполняешь правосудие. Таким образом, я надеюсь, что мы избавимся от всех пороков*»[10]. Выслушав Имперское Величество, сословия радуются, что у Англии появилась королева, благодаря которой государство начнет свой подъем: «*У Англии есть королева благодаря Всевышнему!*»[11]. На этом эпизоде, связывающем события пьесы и ее зрителей времен правления Елизаветы Тюдор, представление заканчивается.

Хотя в пьесе действуют реальные исторические фигуры XIII в. – король Иоанн, папский легат Пандульф, кардинал Стефан Лэнгтон, папа Иннокентий III, «историчность» пьесы неоднозначна. С одной стороны, Бейл действительно использует в повествовании реальных персонажей и события (пусть и в собственной интерпретации), создает видимость реальности происходящего. С другой стороны, жанр моралите, который стал одной из основ пьесы, помимо абстрактных персонажей добавляет в произведение элемент вневременного восприятия происходящего. Помимо того что исторические события современности могут явно просматриваться в образах прошлого (например, в тексте очевидна расправа Генриха VIII с мятежниками, хотя события в пьесе происходят в XIII в. [10. С. 238]), персонажи напрямую упоминают короля Генриха VIII и Елизавету Тюдор, что окончательно ломает «четвертую стену» между зрителями и персонажами пьесы.

В пьесе Бейла впервые среди драматических произведений используется образ короля Иоанна, причем она, как пишет Кэти Шренк, «впервые делает Иоанна однозначно положительным персонажем» [11. P. 68], в то время как до этого он всегда изображался слабовольным и неудачливым правителем. Истоки этой трансформации стоит искать в произведениях английских гуманистов. В своих произведениях, а затем и в публичной полемике с Томасом Мором[12] в 1530–1533 гг. они изображают Иоанна как благородного короля и праведного человека, преследуемого Церковью и ее союзниками. Саймон Фиш[13] в «Мольбе за нищих» (1527) дает Иоанну Безземельному такую характеристику: «…наш благородный предшественник, король Иоанн, который хотел наказать предателей, вступивших в сговор с французским королем с целью лишить его короны»[14]. Уильям Тиндейл[15] в «Послушании христианского человека» (1528) также отсылает читателя к истории короля Иоанна: «Взгляните на историю короля Иоанна, где я нисколько не сомневаюсь, они [Церковь] выставили себя в наилучшем и самом выгодном свете, а короля Иоанна – в наихудшем: ибо полагаю, что они сами же и составили хроники. Сравните дела их святой Церкви (как они ее всегда именуют) с учением Христа и его апостолов. Разве легат Рима не освободил всех лордов королевства от их должного по воле Божьей повиновения своему королю?.. Разве не послал папа также королю Франции отпущение грехов, дабы тот пошел и завоевал королевство короля Иоанна?»[16]. Томас Мор, в свою очередь, в своих ответах Тиндейлу и Фишу полностью обходит молчанием фигуру короля Иоанна [14, 15]. По мнению Кэрол Левин, дело в том, что гуманисты своими текстами добились актуализации параллели между Иоанном Безземельным и Генрихом VIII – говорить об Иоанне в плохом ключе Мор просто не мог себе позволить [5. P. 26]. Джон Бейл в своей пьесе выходит на новый уровень в интерпретации образа Иоанна, добавляя ему героизма, и фактически превращая в мученика, который был погублен католической церковью и Папой. Притворство убивает Иоанна, используя «жабий яд»[17], хотя в доступных драматургу хрониках никаких упоминаний о насильственной смерти Иоанна Безземельного не встречается. Бейл рисует Иоанна как предшественника Генриха VIII в деле Реформации и противостояния Церкви. В конце первого акта Бейл использует специального персонажа – Толкователя (Interpreter), который напрямую проговаривает эту связь, сравнивая Иоанна с Моисеем, который вывел израильтян из-под власти египтян, но попал в пустыню, в которой им пришлось страдать много лет, а Генриха – с Давидом, царем Израиля, который смог дать отпор Голиафу: *«Этот благородный король Иоанн, подобно Моисею, дал отпор гордому фараону, защищая бедных Израильтян… Последний наш король – Генрих привел нас в страну молока и меда и, как сильный Давид, по гласу Истины, он обрушил свою пращу на Голиафа, Папу Римского, вернув христианам свободу»*[18]. Генрих VIII, представленный в пьесе в виде аллегорического персонажа Императорского Величества, становится человеком, восстановившим свободу христиан в Англии, выславшим Мятеж обратно в Рим.

Главным вопросом, который постоянно поднимается в споре между Мятежом и Иоанном, становится верховенство власти. В первый раз эту тему поднимают в разговоре Духовенство и Дворянство, когда размышляют, стоит ли им поддержать короля: *«Дворянство: Разве Сам Христос не воздал должное императору*?[19] *Если он сделал так, то так должен делать и Его святой викарий. Духовенство: Интересно слышать, как нескромно вы излагаете свое мнение! Вы должны учитывать, что Христос в то время находился под властью [светской], но теперь его викарий выше всех князей»*[20]. В результате Духовенство убеждает Дворянство в своей правоте. Оно сдается, говоря, что речи его собеседника слишком учены для него. В предательстве Дворянства можно увидеть как правление Иоанна Безземельного, когда бароны заставили его принять Хартию, так и правление Генриха VIII,

против которого поднималась католическая оппозиция знати. Этот же спор появляется уже между королем и Духовенством, после того как папа Иннокентий III отлучает Иоанна от церкви и низлагает его: «*Король: Чем я осквернен? Скажи мне, добрый, благородный соратник! Порядок: Высшей властью папы римского ты отлучаешься от церкви. Король: Ради Бога, молю тебя, скажи, какой властью он обладает? ...Докажи это Священным Писанием, и тогда я допущу такую возможность… Духовенство. Я не говорю о Священном Писании; мне достаточно того, что Святой Отец одобрил своим авторитетом»*[21]. Для Бейла аргумент о том, что интерпретация Священного Писания, возможна исключительно папой как наместником Христа на земле, попросту несостоятелен. Под видом спора о верховенстве властей (духовной и светской) автор говорит о *sola scriptura* – главенстве Священного Писания как единственного источника божественного откровения и авторитета в вопросах веры. Этот вопрос затрагивается и в контексте католической литургии: *«Король: Это ли милосердие той, что вы зовёте Церковью? Да не даст Бог христианам следовать вашим путём. Я не внемлю вашим проклятиям и потрясанию[папского] жезла, ибо знаю, что они от дьявола, а не от Бога. У нас есть ваши проклятья, хотя мы о них никогда не просили. Но мы не можем получить того, что заповедал вам Бог. Богатство: Я бы хотел, чтобы вы открыто сказали, что вы имеете в виду. Король: Разве вы этого не знаете? Проповедь Евангелия. Заберите с собой свой хлам, свой звон, пение, щебетание, чтобы нам открылись слова Священного Писания»*[22]. Вопрос Писания и литургии неслучайно находит отражение в пьесе гуманиста и протестантского проповедника Джона Бейла. В Англии этот процесс перевода священных текстов с латыни стал централизованным благодаря реформам Томаса Канмера. Через десять лет после создания первой редакции «Короля Иоанна», в 1549 г., в Англии будет издана Книга общих молитв, в которой содержался единый для всех диоцезов Англии формат богослужения и литургии на английском языке. Несомненно, это было решением, к которому Кранмер шел долгое время, взвешивая его возможные плюсы и минусы, поэтому неудивительно, что для Бейла, хорошо знакомого с архиепископом и состоящим с ним в переписке, данная тема являлась крайне важной. Важность языка богослужения показывает и восстание, которое началось в 1549 г. сразу после внедрения использования Книги общих молитв на юго-западе Англии, в Корнуолле. В этом регионе люди говорили на корнском языке и их больше устраивал латинский вариант служения, к которому они уже привыкли, а не чуждый им английский перевод [16. P. 196–197].

Латинское богослужение в «Короле Иоанне» представлено как способ обмана простого народа и способ Духовенства нажиться на нем. Притворство и Мятеж постоянно цитируют в своей речи латинский Символ веры, невпопад вставляя в свою речь то «Credo in unum Deum», то «Patrem omnipotentem», а Притворство впервые появляется на сцене под пение Литании на латыни. *«Притворство: Чтобы завоевать людей, я назначаю каждому человеку его место – некоторые будут петь на латыни [духовенство], а некоторые склоняться в молитве [миряне]. Некоторые будут устраивать представления, а некоторые нести крест. ...И это чрезвычайно способствует людскому послушанию, особенно когда они видят такую хорошую религию. ...Мы не испытываем недостатка ни в золоте, ни в серебре, ни в поясах, ни в кольцах, ни в свечах, ни в других привычных пожертвованиях. Хотя я и выгляжу невинной овечкой, я могу схитрить и сделать так, что латынь принесет нам все это»*[23]. В «Короле Иоанне» Джона Бейла, как и в произведениях его современников-протестантов, в католической литургии акцент делается на ритуальной пышности и внешней театральности, прикрывающих отсутствие истинной духовности и соответствия Священному Писанию. В тексте пьесы латинский язык, ранее выполнявший функцию универсального языка христианского мира, трансформируется в инструмент сокрытия истинного смысла Священного Писания от прихожан и служит сохранению церковной монополии на власть и богатство. В эту картину встраивается и образ простого Народа, который ослеплен Церковью, которая скрывает за многочисленными ритуалами и латинским языком смысл Писания.

Характерным для Реформации вопросом, который можно найти в пьесе Дж. Бейла, является проблема выдачи Церковью индульгенций и в принципе использование инструмента прощения грехов для политических целей папства. Так, до того как Притворство убивает короля, оно говорит: *«Я уверен, что монахи будут так истово молиться за меня, что я не попаду ни в ад, ни в чистилище»*[24]. Пандульф, когда он угрожает Иоанну вторжением всех соседних государств, говорит, что участвующим в свержении английского монарха будут прощены все грехи, а Иоанн обвиняет дворянство в том, что оно отдает товары, земли и деньги, чтобы молились за них и за страну, хотя эти деньги можно было бы потратить на благие дела. Описание всех ритуалов, которые используются Церковью в своих целях, напрямую дает папа Иннокентий III, когда принимает капитуляцию Иоанна: *«Сначала исповедь на ухо, потом прощение, потом чистилище. Потом поклонение святым, затем поиск образов. Затем латинское богослужение с многочисленными церемониями, благодаря которым наши епископы и настоятели будут получать деньги. Я создам закон, по которому буду сжигать всех еретиков; и королей свергать, когда они идут на Раскол»*[25]. Все это – темы, на которых Бейл выстраивал свои проповеди еще до начала литературной карьеры и после, когда при Елизавете Тюдор он стал епископом Осрайгским [1. P. 17].

Наконец, Бейл заостряет внимание на отделенности Англии от соседних государств в политическом плане после Реформации. Вот что говорит Пандульф, когда убеждает Иоанна сдаться и сложить с себя корону: *«На севере нас поддержит Александр, король шотландцев, с армией людей, которые за свои города бросают жребий. На юге есть французский король со своей властью, который будет убивать и жечь все, пока он не придет к Тауэру в Лондоне. На западе – король Альфонсо с испанцами, с кораблями, полными пороха, уже приближающимися; На*

востоке у нас есть балтийцы[26]*, датчане и норвежцы. Он смогут выставить такую силу, которой невозможно будет противостоять»*[27]. Эта ситуация аналогична той, в которой оказался Генрих VIII после принятия Акта о супрематии, поскольку католические Испания и Франция при содействии папы действительно рассматривали возможность вторжения в Англию. Впрочем, как уже упоминалось ранее, Генрих не стремился к сближению с протестантами, хотя и женился на Анне Клевской[28] для упрочения политического союза с германскими княжествами. Временные союзы Англии с Испанией, Францией, Габсбургами против других держав длились недолго, с каждой из них в 1530-е и 1540-е гг. отношения были напряженными, поэтому неудивительно, что в пьесе Бейла они представлены как отрицательные персонажи, военная сила папства.

В то время как в Англии наблюдался подъем театра, авторы-протестанты, в том числе Джон Бейл, начали использовать его в своих целях, создавая произведения, критикующие католическую церковь и ее доктрины. Важнейшим противоречием, с которым столкнулись литераторы, стало отношение Генриха VIII к протестантизму: в то время как королем поощрялась критика папства и Церкви, он не желал отдаляться от догматов католицизма, в том числе по политическим причинам. Дж. Бейл, как и другие авторы, был вынужден балансировать на грани, излагая собственные, нередко резко протестантские взгляды лишь в контексте критики папства и оправдания королевского права на супрематию. «Король Иоанн», являющийся одновременно и моралите, и исторической пьесой, предлагал инновационный подход, позволяющий автору раскрывать собственные идеи одновременно с позиции внешних по отношению к действию пьесы персонажей (Истины, Толкователя и т.д.) и в виде апелляции к событиям и личностям прошлого, что тесно связывает для зрителя прошлое, настоящее и мир абстрактных понятий и аллегорий. Важнейшие вопросы, которые ставятся Бейлом в пьесе, соотносятся с актуальным для него политическим контекстом: запросом королевской власти на критику Церкви и папства, а также появлением и влиянием на общественную жизнь идей Реформации. Бейл связывает эти вопросы в единое полотно, стараясь максимально не отделять вопрос супрематии королевской власти от вопроса главенства Священного Писания над словом папского престола.

Казалось бы, важнейшим для всей пьесы антагонизмом является противопоставление власти папы римского и английского короля, однако, несмотря на номинальную дуальность позиций по вопросу превосходства светского над духовным, королевская супрематия осмысляется автором пьесы как естественный и неизменный порядок вещей. Конкретный король может проиграть в борьбе с Церковью, но это не сделает королевскую власть слабее, а его божественное право на власть – менее обоснованным. Все противоречивые элементы пьесы из разных жанров и эпох собираются в единое целое, чтобы поддержать эту мысль. Через нее Джон Бейл проводит и зрителей, и государственных цензоров, которые оценивали пьесу перед её выпуском.

Для самого Джона Бейла и его современников-протестантов гораздо важнее было показать несоответствие существующей в Англии церковной обрядности в широком смысле (церковные богатства, служба на латыни, почитание культа святых, индульгенции и т.д.) максимам Священного Писания. Главной проблемой для них стало то, что сам Генрих VIII совершенно не стремился к догматическому повороту в христианской вере. Показательный выход Англии из-под власти папы римского был в первую очередь политическим действием – радикальных протестантов продолжали преследовать не только во времена католической реакции при Марии Тюдор, но даже в номинально де-юре протестантские правления Генриха VIII, Эдуарда VI и Елизаветы I. Протестантские авторы, в числе которых был и Джон Бейл, пришли к использованию драматических текстов как удобного инструмента донесения собственных идей. Смысл, считываемый цензорами, очевиден – королевская власть абсолютна, подкреплена Писанием и имеет полное право на любые решения и реформы, что вполне укладывалось в представление самого Генриха VIII о произошедшем с Римским престолом конфликте. Однако антикатолические авторы вплетают в неограниченность королевской власти новое значение – в их текстах королевская власть становится обличителем пороков католической церкви. Протестантский дискурс успешно маскируется под прокоролевский и антикатолический, добиваясь успехов в популяризации идей не только патронов, но и самих драматургов.

Примечания

[1] Томас Кранмер (1489–1556) – архиепископ Кентерберийский с 1533 г., главный реформатор английской церкви при Генрихе VIII и Эдуарде VI. При Марии Тюдор был обвинен в измене и ереси и сожжен на костре.

[2] «… and that I might never serve so execrable a beast, I took to wife the faithful Dorothy…» [2. P. 226].

[3] Наиболее полный из доступных к ознакомлению списков текстов за авторством Джона Бейла приведен в [2. P. 227–230].

[4] Томас Кромвель (1485–1540) – член Тайного совета, государственный секретарь и министр при Генрихе VIII, способствовал созданию Англиканской церкви. В 1540 г. попал в опалу, был обвинен в измене и казнен.

[5] «The Lord Privy Seal's Players».

[6] Иннокентий III (1161–1216) – папа Римский с 1198 г., главное лицо борьбы папского престола за признание европейскими правителями примата папской власти. Собрал Латеранский собор в 1215 г., где было объявлено о создании инквизиции, а также францисканского и доминиканского орденов.

[7] Стефан Лэнгтон (1150–1228) – английский богослов и политический деятель, в 1206 г. был избран архиепископом Кентерберийским. Один из инициаторов принятия Иоанном Безземельным Великой хартии вольностей.

[8] Пандульф Верраччо (?–1226) – папский легат в Англии, затем, с 1215 г. епископ Норвича. Принес весть об отлучении Иоанна Безземельного от Церкви, затем принял его вассальную клятву папскому престолу.

[9] «Verity: For in hys owne realme a kynge is judge over all. By Gods appoyntment, and none maye hym judge agayne. But the Lorde hymself: in thys the scripture is playne» [9. P. 90].

[10] «First yow the Clergye, in preachynge of Gods worde, Than yow, Nobilyte, defendynge with the sworde, Yow, Cyvyle Order, in executynge justyce. Thus, I trust, we shall seclude all maner of vyce» [9. P. 101].

[11] «Englande hath a quene, thankes to the Lorde above» [9. P. 102].
[12] Томас Мор (1478–1535) – писатель, философ и лорд-канцлер Англии (1529–1532). Будучи убежденным католиком, он осудил провозглашенную в 1534 г. супрематию и выступил против развития протестантизма в Англии. Казнен в 1535 г. по Акту об измене.
[13] Саймон Фиш (?–1531) – протестантский писатель-памфлетист, известный своим антиклерикальным памфлетом «Мольба за нищих», который католическая церковь осудила как еретический 24 мая 1530 г. Вскоре автора арестовали в Лондоне по обвинению в ереси, однако он умер, не дождавшись суда.
[14] «our nobill predecessour king John: whiche forbicause that he wolde haue punisshed certeyn traytours that had conspired with the frenche king to haue deposed him from his crowne» [12. P. 6].
[15] Уильям Тиндейл (1494–1536) – английский гуманист, протестантский реформатор и переводчик Библии. Несмотря на запрещенный статус перевода Тиндейла в Англии, он был напечатан многотысячным тиражом и способствовал распространению протестантизма. Сам переводчик был схвачен неподалеку от Брюсселя и убит по обвинению в ереси в 1536 г.
[16] «Consider the story of king John, where I doubt not but they have put the best and fairest for themselves, and the worst of king John: for I suppose they make the chronicles themselves. Compare the doings of their holy church (as they ever call it) unto the learning of Christ and of his apostles. Did not the legate of Rome assoil all the lords of the realm of their due obedience, which they ought to the king by the ordinance of God? …Sent not the pope also unto the king of France remission of his sins, to go and conquer king John's realm?» [13. P. 374].
[17] «the poyson of toade» [9. P. 77].
[18] «This noble Kynge Johan as a faythfull Moyses, Withstode proude Pharao for hys poore Israe … Our late Kynge Henrye, Clerely brought us in to the lande of mylke and honye. As a strong David, at the voyce of verytie. Great Golye, the pope, he strake downe with hys slynge, Restorynge agayne to a Christen lybertie» [9. P. 43].
[19] Но Иисус, видя лукавство их, сказал: что искушаете Меня, лицемеры? Покажите Мне монету, которою платится подать. Они принесли Ему динарий. И говорит им: чье это изображение и надпись? Говорят Ему: кесаревы. Тогда говорит им: итак, отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу. Услышав это, они удивились и, оставив Его, ушли (Мф.22: 18–22).
[20] «Nobility: Ded not Crist hym selfe pay trybutt unto Ceser? Yf he payd trybute, so owght his holy vycar. Clergy: To here ye reson so ondyscretlye I wonder. Ye must consyder that Crist that tyme was under But his vycar now ys above the prynces all» [9. P. 24].
[21] «King: How am I defylyd? tel me, good gentyll mate. Order: By the popes hye power ye are excomynycate. King: By the word of God, I pray the, what power hath he?. … Prove yt by scriptur, and than wyll I yt alowe. …Clergy: I passe not on the Scriptur; that is inow for me, Whyche the holy father approvyth by his auctoryte» [9. P. 55].
[22] «King: Ys this the charyte of that ye call the Churche? God graunt Cristen men not after yowr wayes to worche. I sett not by yowr curssys the shakyng of a rod For I know they are of the devyll and not of God. Yowr curssys we have that we never yet demaundyd, But we can not have that God hath yow commandyd. Wealth: What ye mene by that I wold ye shuld opynly tell. King: Whyknowye it not? the prechyng of the gospell. Take to ye yowr traysh, yowr ryngyng, syngyng So that we may have the scryptures openyng But that we can not have, yt stondyth not with yowr avantage» [9. P. 53–54].
[23] «To Wynne the peple I appoynt yche man his place. Sum to syng latyn, and sum to ducke at grace Sum to go mummyng, and sum to beare the crosse … And this exedyngly drawt peple to devoycyone, Specyally whan they do se so good relygeone … We lacke neyther golde nor sylwer, gyrdles nor rynges, Candelles nor taperes, nor other customyd offerynges. Thowgh I seme a shepe I can play the suttle foxe I can make latten to bryng this gere to the boxe» [9. P. 27–28].
[24] «Dissimulation: I am sure the monkes wyll praye for me so bytterlye. That I shall not come in helle, nor in purgatorye» [9. P. 78].
[25] «Fyrst eare confessyon, than pardons, than purgatory, Sayntes worchyppyng than, than sekyng of ymagery, Than Laten servyce, with the cerymonyes many, Wherby owr bysshoppes and abbottes shall gett mony. I wyll make a law to burne all herytykes. And kyngs to depose whan they are sysmatykes» [9. P. 42].
[26] Esterlings – популярное в Англии название населения на востоке, в частности на побережье Балтийского моря.
[27] «Pandulph: We have on the northe Alexander, the kyng of Scotts, With an armye of men that for their townnes cast lottes. On the sowthe syde we have the French kyng with his power, Which wyll sle and burne tyll he cum to London Tower. In the west parts we have kyng Alphonso with the Spanyards, With sheppes full of gonepowder now cummyng hether towards. And on the est syde we have Esterlynges, Danes and Norways, With soch power landynge as can be resystyd nowayes» [9. P. 63].
[28] Анна Клевская (1515–1557) – четвёртая супруга английского короля Генриха VIII, представительница аристократического немецкого дома Ламарков.

Список источников

1. Fairfield L.P. John Bale: Mythmaker for the English Reformation. West Lafayette, Indiana : Purdue University Press, 1976. 240 p.
2. Cooper C.H. Athenae Cantabrigienses: Vol. I. Cambridge : Jonathan Palmer, 1858. 589 p.
3. Christmas H. Select Works of John Bale, DD Bishop of Ossory. Cambridge : Cambridge University Press, 1849. 647 p.
4. Van Pelt N.T. Speaking of kings and popes under the shadow of Henry VIII's Treason Act: Bale's King Johan. // Royal Studies Journal. 2021. № 8 (2). P. 102–123.
5. Levin C. A Good Prince: King John and Early Tudor Propaganda // The Sixteenth Century Journal. 1980. Vol. 11, № 4. P. 23–32.
6. Geoffrey M. The Medieval and Early Modern Borough // Salmon N.P., Malster R. (Eds.) Ipswich From the First to the Third Millennium (Papers from an Ipswich Society Symposium). Ipswich : The Ipswich Society, 2001. 99 p.
7. Collier J. Introduction // Bale J. Kynge Johan: A Play in Two Parts. London : Camden Society, 1838. P. v–xiv.
8. Taylor A.W. The Reformation of History in John Bale's Biblical Dramas // Grant T., Ravelhofer B. English Historical Drama, 1500–1660. London : Palgrave Macmillan London, 2008. P. 58–97.
9. Bale J. Kynge Johan: A Play in Two Parts. London : Camden Society, 1838. 110 p.
10. Комарова В.П. Английская Реформация в драмах Джона Бейля // Культура эпохи Возрождения и Реформация / отв. ред. В.И. Рутенбург. Л. : Наука,1981. С. 231–238.
11. Shrank C. Writing the Nation in Reformation England, 1530–1580. Oxford : Oxford University Press, 2006. 291 p.
12. Fish S. A supplication for the beggars. London : Southgate, 1878. 14 p.
13. Tyndale W. The Obedience of a Christian Man // Russel T. (Ed.) The Works of the English Reformers: Vol. I. London : Ebenezer Palmer, 1831. 595 p.
14. More T. Supplication of the Poor Souls in Purgatory // The Complete Works of St. Thomas More: Vol. VII. New Haven : Yale University Press, 1990. 541 p.
15. More T. The Confutation of Tyndale's Answer Books 1–4 // The Complete Works of St. Thomas More: Vol. VIII. New Haven : Yale University Press, 1973. 584 p.
16. Mills J. Genocide and Ethnocide: The Suppression of the Cornish Language // Partridge J. (Ed.) Interfaces in Language. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2010. P. 189–206.

References

1. Fairfield, L.P. (1976) *John Bale: Mythmaker for the English Reformation*. West Lafayette, Indiana: Purdue University Press.
2. Cooper, C.H. (1858) *Athenae Cantabrigienses.* Vol. I. Cambridge: Jonathan Palmer.
3. Christmas, H. (ed.) (1849) *Select Works of John Bale, DD Bishop of Ossory*. Cambridge: Cambridge University Press.
4. Van Pelt, N.T. (2021) Speaking of kings and popes under the shadow of Henry VIII's Treason Act: Bale's King Johan. *Royal Studies Journal*. 8 (2). pp. 102–123.
5. Levin, C. (1980) A Good Prince: King John and Early Tudor Propaganda. *The Sixteenth Century Journal*. 11 (4). pp. 23–32.
6. Geoffrey, M. (2001) The Medieval and Early Modern Borough. In: Salmon, N.P. & Malster, R. (eds) *Ipswich From the First to the Third Millennium (Papers from an Ipswich Society Symposium)*. Ipswich: The Ipswich Society.
7. Collier, J. (1838) Introduction. In: Bale, J. *Kynge Johan: A Play in Two Parts*. London: Camden Society. pp. v–xiv.
8. Taylor, A.W. (2008) The Reformation of History in John Bale's Biblical Dramas. In: Grant, T. & Ravelhofer, B. (eds) *English Historical Drama, 1500–1660*. London: Palgrave Macmillan London. pp. 58–97.
9. Bale, J. (1838) *Kynge Johan: A Play in Two Parts*. London: Camden Society.
10. Komarova, V.P. (1981) Angliyskaya Reformatsiya v dramakh Dzhona Beylya [The English Reformation in the dramas of John Bale]. In: Rutenburg, V.I. (ed.) *Kul'tura epokhi Vozrozhdeniya i Reformatsiya* [Culture of the Renaissance and Reformation]. Leningrad: Nauka. pp. 231–238.
11. Shrank, C. (2006) *Writing the Nation in Reformation England, 1530–1580*. Oxford: Oxford University Press.
12. Fish, S. (1878) *A supplication for the beggars*. London: Southgate.
13. Tyndale, W. (1831) The Obedience of a Christian Man. In: Russel, T. (ed.) *The Works of the English Reformers.* Vol. I. London: Ebenezer Palmer.
14. More, T. (1990) Supplication of the Poor Souls in Purgatory. In: *The Complete Works of St. Thomas More.* Vol. VII. New Haven: Yale University Press.
15. More, T. (1973) The Confutation of Tyndale's Answer Books 1–4. In: *The Complete Works of St. Thomas More.* Vol. VIII. New Haven: Yale University Press.
16. Mills, J. (2010) Genocide and Ethnocide: The Suppression of the Cornish Language. In: Partridge, J. (ed.) *Interfaces in Language*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing. pp. 189–206.

Информация об авторе:
Корнеев Б.М. – аспирант Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: bmkorneev@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
B.M. Korneev, postgraduate student, HSE University (Moscow, Russian Federation). E-mail: bmkorneev@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.02.2025;
одобрена после рецензирования 07.08.2025; принята к публикации 10.10.2025.

The article was submitted 03.02.2025;
approved after reviewing 07.08.2025; accepted for publication 10.10.2025.

Научная статья
УДК 621.38:004(09)"199"=470
doi: 10.17223/15617793/519/13

Технологическая трансформация отечественной радиоэлектроники в 1990-е гг. – от лампы к транзистору, от «аналога» к «цифре» (по материалам журнала «Радио»)

Владимир Викторович Миркин[1]

[1] *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, vvmvcv@gmail.com*

Аннотация. Рассматриваются вопросы технологической трансформации отечественной радиоэлектроники в 1990-е гг. на фоне геополитических и экономических изменений. Анализируется переход от ламповой к полупроводниковой элементной базе и от аналоговых к цифровым методам обработки сигналов. На материалах специализированного журнала показана его роль в адаптации инженеров и радиолюбителей к новой реальности, популяризации цифровых технологий и развитии самодеятельного конструирования в условиях рыночной экономики.
Ключевые слова: радиоэлектроника, радиолюбительство, журнал «Радио», транзисторы, интегральные схемы, цифровая техника

Источник финансирования: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2024-0008.

Для цитирования: Миркин В.В. Технологическая трансформация отечественной радиоэлектроники в 1990-е гг. – от лампы к транзистору, от «аналога» к «цифре» (по материалам журнала «Радио») // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 519. С. 101–110. doi: 10.17223/15617793/519/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/519/13

Technological transformation of Russian radio electronics in the 1990s: From vacuum tubes to transistors, from analog to digital (based on materials from the magazine "Radio")

Vladimir V. Mirkin[1]

[1] *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, vvmvcv@gmail.com*

Abstract. This study provides a comprehensive analysis of the significant technological transformations in Russian radio electronics during the 1990s, a period marked by profound geopolitical and economic upheaval. The central focus is on examining the industry's adaptation, particularly the shift in component base from vacuum tubes to semiconductor components (transistors and integrated circuits) and the widespread adoption of digital technologies for signal processing and control. The research draws on publications from the *Radio* magazine (1990–1999), Russia's premier technical periodical. This timeframe was selected as it corresponds to the post-Soviet transition, during which the journal served as a primary information source and platform for technical exchange, reflecting both professional and amateur activities and the integration of new technologies. The methodology combines historical-technical analysis with content analysis. Publications were selected and examined thematically across categories including vacuum tubes, transistors, integrated circuits, and digital electronics. Information regarding new components, circuit designs, specifications, advantages, and limitations was systematically coded and interpreted within the socioeconomic context of the 1990s, taking into account market transformations, component availability, and the adaptive responses of the radio amateur community. The research reveals that while publications initially demonstrated interest in vacuum tubes, this attention rapidly diminished with the advancement of semiconductor technology. A significant finding concerns the detailed coverage of the transition to transistors and integrated circuits. The magazine introduced readers to various transistor types and domestic IC series (such as K174, K155, KR1021, K561), elucidating their operational principles, characteristics, and integration into diverse devices while emphasizing enhanced performance and reliability. The analysis demonstrates the pervasive penetration of digital technologies across multiple domains. "Radio" magazine played a crucial role in popularizing this shift by featuring affordable domestic personal computers (such as the Orion-128), digital measuring instruments (multimeters, frequency counters), signal generators, and the application of digital principles in communication systems (GSM, data networks) and home automation. Publications contained detailed schematics and practical guidelines, thereby fostering technical creativity and facilitating adaptation to both domestic and increasingly accessible imported components. In conclusion, the 1990s witnessed a fundamental digital and component transformation in Russian radio electronics. The *Radio* magazine proved indispensable, serving as a vital catalyst and informational bridge. It disseminated knowledge about emerging components and digital methodologies, facilitated technical adaptation, sustained the radio amateur community, and stimulated domestic technical innovation amidst challenging socioeconomic circumstances.
Keywords: radio electronics, amateur radio, "Radio" magazine, transistors, integrated circuits, digital technology

Financial support: This research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. FSWM-2024-0008.

© Миркин В.В., 2025

***For citation*:** Mirkin, V.V. (2025) Technological transformation of Russian radio electronics in the 1990s: From vacuum tubes to transistors, from analog to digital (based on materials from the magazine "Radio"). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 519. pp. 101–110. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/519/13

Отечественная радиоэлектроника в 1990-е гг. оказалась в трудной ситуации, обусловленной геополитическими и экономическими трансформациями в стране. Распад СССР и переход к рыночной экономике привели к системным изменениям, создав как новые возможности, так и беспрецедентные вызовы для отрасли, унаследовавшей значительный научно-технический потенциал советского периода. Необходимость модернизации отечественной радиоэлектроники была обусловлена существовавшим технологическим разрывом с ведущими мировыми державами. Одновременно с этим открытие границ позволило отрасли влиться в мировой рынок радиоэлектронных компонентов, что создало как дополнительный импульс для развития, так и обострило конкуренцию в отношении отечественных производителей. Журнал «Радио», будучи одним из ведущих отраслевых изданий, сыграл в этот период важную роль, отражая не только технологические сдвиги в сфере радиосвязи, электроники и смежных отраслей, но и социально-экономический контекст развития радиоэлектроники на протяжении всего десятилетия.

Корпус исторических, историко-технических исследований отечественной радиоэлектроники конца XX в. невелик. Это обусловлено помимо прочего малой исторической дистанцией по отношению к рассматриваемому предмету. Бóльшая часть исследований представляет собой биографические работы, отражающие жизнь и деятельность крупных учёных и инженеров, либо публикации об отдельных направлениях радиотехники и радиотехнологий. Среди авторов, занимавшихся изучением исторической проблематики в сфере отечественной электроники, радиотехники и телекоммуникаций, стоит отметить М.А. Быховского [1–3], Л.И. Шарыгину [4, 5], В.П. Борисова [6], Я.А. Шнейберга [7] и др. Отдельные исторические факты об отечественной радиоэлектронике можно почерпнуть из многочисленных учебников и пособий по истории науки и техники (см., например: [8]), а также из публикаций тематических юбилейных сборников, посвящённых радиосвязи и телекоммуникациям [9].

В настоящей статье предпринята попытка реконструкции технологической трансформации отечественной гражданской радиоэлектроники в 1990-е гг. – её эволюции и влияния на различные сферы жизни общества, включая быт, культуру и экономику. Журнал «Радио», являясь источником информации и площадкой для формирования и трансляции технической мысли, практического обмена опытом для тысяч инженеров, техников, энтузиастов, как раз позволяет воссоздать картину технологических сдвигов не как ретроспективную последовательность свершений, а как живой, противоречивый процесс, зафиксированный «в реальном времени». Главным редактором журнала (с 1973 г.) был известный советский радиолюбитель, журналист, специалист в области телерадиовещания Анатолий Владимирович Гороховский; в 1998 г. его сменил более молодой специалист – Юрий Игнатьевич Крылов. Последний руководил коллективом до апреля 2010 г., сделав многое для сохранения облика журнала, его выживания и развития в трудных экономических условиях. Редакционная коллегия традиционно включала в себя авторитетных специалистов из ведущих профильных научных институтов и промышленных предприятий, что гарантировало высокий профессиональный уровень публикаций.

Несмотря на то что тираж издания с 1990 г. постоянно сокращался (1990 г. – 1,47 млн экз., 1992 г. – 1 млн экз., 1993 г. – 390 тыс. экз., конец 1994 г. – 83 тыс. экз. и далее до момента, когда информация о тираже перестала публиковаться), журнал сохранял ежемесячную периодичность выпусков, варьируя при этом их объём – от 100 страниц в 1990 г. к 40–50 страницам в 1992–1994 гг. до 70–80 страниц в конце 1990-х гг. Специфика издания заключалась в том, что журнал фиксировал эволюцию инженерных подходов, смену приоритетов и появление новых конструкторских практик, которые не всегда находили отражение в научной периодике или монографиях. Таким образом, «Радио» позволяет исследовать не просто историю технологий, а историю технологической культуры переходного периода, проследить, как менялись компетенции, ценности и сама идентичность профессионала в сфере радиоэлектроники, радиолюбителя и инженера-практика. Именно этот фокус на «низовом», практическом и дискурсивном, уровне технологической трансформации определяет выбор данного издания в качестве объекта исследования.

Методология анализа публикаций журнала «Радио» в процесс подготовки данной статьи строилась на основе сочетания историко-технического и контент-аналитического подходов. В первую очередь был проведён целенаправленный отбор выпусков журнала за указанный период с учётом тематической релевантности публикаций, отражающих эволюцию элементной базы, схемотехники и потребительских трендов в радиоэлектронике. Затем был проведён контент-анализ отобранных публикаций, состоявший из нескольких этапов. Вначале была проведена идентификация ключевых тем, соответствующих структуре статьи: ламповая техника, транзисторы, интегральные схемы, цифровая техника. Далее проведено тематическое кодирование текстов публикаций с целью выявления информации, релевантной каждой из этих тем. Особое внимание уделялось сведениям, характеризующим технологический прогресс: описание новых электронных компонентов, схем, устройств, а также их характеристик, преимуществ и недостатков.

После тематического кодирования был проведён анализ выявленной информации с целью определения основных тенденций развития радиоэлектроники в выбранный период. В частности, прослеживалась динамика окончательного вытеснения ламп транзисторами, эволюция интегральных схем, распространение цифровой техники и т. п. Результаты анализа были интерпретированы в историческом контексте, с учётом социально-экономических преобразований в стране на тот период.

Закат ламповой эпохи. Несмотря на активное развитие транзисторной техники и интегральных схем, ламповая схемотехника в начале 1990-х гг. сохраняла определённые позиции в нишевой аудиоаппаратуре, особенно в области высококачественного звуковоспроизведения. Это явление обусловливалось спецификой ламповых усилителей, ценимых аудиофилами за характерное «тёплое» звучание и широкий динамический диапазон. Описания принципов работы ламп, основанных на термоэлектронной эмиссии, а также обзоры их характеристик публиковались в «Радио» и других профильных журналах, отражая переходный период в истории аудиотехники. В этом контексте показательна статья Е. Сергиевского «Высококачественный ламповый усилитель» [10], не только демонстрировавшая сохранявшийся интерес к ламповым схемам со стороны радиолюбителей и инженеров, но и актуализировавшая проблематику сосуществования двух технологических подходов. В своей работе автор представил двухканальный (стереофонический) ламповый усилитель звуковой частоты, детально описав принципиальную схему, принцип работы и схемотехнические особенности устройства, включая входной каскад на лампе с общим катодом, фазоинвертор и выходной каскад, работающий в классе АВ. Примечательно, что автор не ограничился теоретическим описанием, но и уделил внимание практической реализации, предоставив рекомендации по использованию печатной платы и подбору комплектующих. Этот факт свидетельствует о том, что ламповые схемы ещё применялись на практике, несмотря на давно использовавшуюся транзисторную технологию.

Публикация Е. Сергиевского отражала сложный, противоречивый характер технологического перехода. С одной стороны, она маркировала завершающий этап «ламповой эпохи», с другой – фиксировала стремление энтузиастов к достижению высокого качества звуковоспроизведения с помощью ламповой техники. Это стремление вступало в противоречие с объективной реальностью: ламповая технология, несмотря на свои достоинства, имела существенные ограничения, связанные с габаритами, надёжностью и энергопотреблением. Эти недостатки становились особенно очевидными в контексте миниатюризации электронных устройств в других областях, что делало переход к транзисторам неизбежным. Наличие же публикаций, подобных статье Е. Сергиевского, указывает на попытки энтузиастов продлить жизненный цикл ламповой технологии в тех специфических нишах, где её особенности всё ещё воспринимались как преимущества.

Динамика публикаций журнала «Радио» за период с 1990 по 1999 г. отражала тенденцию вытеснения ламповой техники полупроводниковыми приборами, выражавшуюся в последовательном уменьшении числа статей, посвященных лампам. Анализ публикаций позволяет проследить указанные технологические подвижки: помимо вышеупомянутой работы Е. Сергиевского, интерес представляет статья О. Старостина «Измерительные генераторы» [11], публикация В. Костина и Ю. Онищенко «Лампы или транзисторы? Лампы!» [12], а также работа О. Храбана «Лампы или транзисторы?» [13].

Статья О. Старостина, описывая измерительные генераторы, уже в подавляющем большинстве построенные на полупроводниковой базе, наглядно демонстрировала состоявшийся факт вытеснения ламповой техники в данном классе радиоизмерительной аппаратуры. В свою очередь, в публикациях В. Костина, Ю. Онищенко, О. Храбана проводилось сравнение ламповых и транзисторных усилителей мощности звуковой частоты, анализировались схемы, характеристики и особенности применения ламп в аудиоаппаратуре. Статья В. Костина и Ю. Онищенко представляла собой сравнительный анализ ламповой и транзисторной техники в контексте усиления звука. Авторы рассматривали основные характеристики, достоинства и недостатки обоих типов усилителей, а также их область применения. Транзисторные усилители, бесспорно, обладали преимуществами – меньший размер, более высокая надёжность, КПД и низкий уровень шумов. Представленные авторами конкретные примеры схем ламповых и транзисторных усилителей давали возможность читателям журнала наглядно сравнить их характеристики и особенности применения.

Анализ указанных публикаций позволяет проследить не только тенденцию вытеснения ламповой техники полупроводниковой, но и эволюцию интересов радиолюбителей и инженеров. Если в начале 1990-х гг. активно обсуждались вопросы конструирования высококачественных ламповых усилителей, то к концу десятилетия ламповая тематика практически исчезла со страниц журнала «Радио», уступив место более современным технологиям. Этот процесс нашел отражение даже в структуре журнала: в отдельных годовых подшивках отсутствовали публикации, посвященные непосредственно ламповой технике. Указанная динамика соответствовала общемировым тенденциям в развитии электроники.

Транзисторы и интегральные схемы: миниатюризация и новые возможности. Таким образом, начало 1990-х гг. в отечественной радиоэлектронике можно охарактеризовать как переходный период, своего рода «симбиоз» технологий. Хотя транзисторы и интегральные схемы (ИС) стремительно распространялись, вытесняя электронные лампы, последние всё ещё находили применение в отдельных областях (мощных радиопередатчиках, другой специализированной аппаратуре).

Это сосуществование разных поколений технологий убедительно отражено в публикациях журнала «Радио» того времени, знакомившего радиолюбителей с новой элементной базой и продвигавшего передовые на тот момент технологии.

Стоит подчеркнуть, утверждение о том, что начало 1990-х гг. было периодом активного перехода от аналоговой к цифровой технике в отечественной радиоэлектронике, не совсем точно. Хотя в то время цифровая техника бурно развивалась и набирала популярность, активная фаза перехода началась гораздо раньше, в конце 1960-х – 1970-х гг. – в период появления первых цифровых ИС, ставших основой для создания цифровых устройств. Важной вехой в развитии цифровой электроники стал выпуск в 1971 г. компанией Intel первого микропроцессора Intel 4004. В СССР в 1970-е гг. также началась разработка собственных микропроцессоров.

Таким образом, можно утверждать, что к началу 1990-х гг. процесс перехода от аналоговой техники к цифровой уже шёл полным ходом. Это время характеризуется скорее массовым внедрением цифровых технологий в разные области электроники, её проникновением в различные сферы жизни, а не началом самого процесса перехода. Снижение стоимости и расширение ассортимента цифровых компонентов, а также появление новых технологических решений способствовали тому, что цифровая техника стала более доступной для широкого круга пользователей, включая радиолюбителей. Журнал «Радио» в полной мере отражал эти тенденции, публикуя статьи о применении цифровых ИС в различных устройствах, тем самым отражая данный технологический сдвиг. В фокусе внимания в 1990-е гг. находились вопросы совершенствования цифровых технологий, повышения их эффективности, миниатюризации и интеграции.

Большое количество публикаций журнала в связи с этим было посвящено как различным типам транзисторов, так и интегральным схемам, для которых транзисторы являлись фундаментальными строительными блоками. Транзисторы, основанные на принципе управления током в полупроводниковом кристалле с помощью электрического поля, имели несомненные преимущества перед лампами: меньшие габариты и массу, более высокую надёжность и экономичность. К началу 1990-х гг. они уже давно стали основными элементами узлов радиоэлектронной аппаратуры.

Серия статей В. Денисова, В. Ушича и В. Спирина «Синтезатор частоты трансивера» [14] служит наглядной иллюстрацией завершившегося этапа технологической трансформации в радиолюбительской схемотехнике, где полупроводниковые приборы полностью вытеснили ламповую технику при создании сложных узлов связной аппаратуры. Конструкция описанного синтезатора частоты базируется исключительно на полупроводниковой элементной базе. В частности, авторы демонстрируют широкое применение интегральных микросхем и дискретных транзисторов; в качестве основного элемента генератора частоты используется ИС К155ЛА3, содержащая логические элементы 2И-НЕ; функции усиления и формирования сигналов возложены на маломощные транзисторы (например, КТ315), в то время как в цепях коммутации и управления задействованы более мощные транзисторы (КТ812, КТ817).

При этом детальный анализ представленных схемотехнических решений, в частности использование электромагнитных реле (К1–К10) для коммутации диапазонов и других вспомогательных функций, свидетельствует о характерном для того периода этапе развития радиоэлектроники, когда, несмотря на доминирование полупроводников в основных трактах обработки сигнала, полный отказ от электромеханических компонентов в узлах управления и коммутации ещё не был повсеместным, что отражает «промежуточный» характер некоторых конструкторских подходов того времени.

В другой публикации того времени – статье Б. Степанова «Радиостанция на каждый день» [15], посвящённой конструкции портативной радиостанции «Дельта-02», – рассматриваются не только схемотехнические решения, но и принципы работы основных компонентов устройства, в том числе транзисторов. Этот конкретный пример выявлял тенденцию миниатюризации радиоаппаратуры, а также актуальность задачи повышения её чувствительности и избирательности. Основу конструкции радиостанции составлял супергетеродинный приёмник с одним преобразованием частоты. Анализируя функции различных транзисторов в схеме приёмника, автор статьи подчёркивал, что в первом каскаде усилителя радиочастоты использовался биполярный транзистор для повышения чувствительности приёмника. В гетеродине также применялся биполярный транзистор, частота колебаний которого стабилизировалась кварцевым резонатором.

В этой связи стоит также упомянуть цикл статей Б. Сергеева «Биполярный транзистор», в котором рассматривались принципы работы, основные характеристики и схемы включения биполярных транзисторов. В статьях уделялось внимание не только теоретическим аспектам, но и практическому применению этих полупроводниковых приборов, подчёркивалась их ключевая роль в развитии радиоэлектроники того периода [16, 17].

Как видно, в перечисленных и других публикациях [18–20 и др.] авторы достаточно подробно рассматривали применение транзисторов разного типа[1] – биполярных, полевых, в том числе в составе интегральных микросхем, – в различных узлах радиоэлектронных устройств, таких как синтезаторы частоты, усилители, смесители, шумоподавители. Особое внимание уделялось проблемам повышения стабильности частоты, чувствительности и избирательности приёмников, а также методам стабилизации работы транзисторных каскадов. К концу 1990-х гг. транзисторы прочно заняли место ламп в большинстве электронных устройств, окончательно вытеснив их из последних. Акцент в публикациях, посвящённых транзисторам, их характеристикам и применению, уверенно смещался в сторону более современных на тот момент и мощных СВЧ транзисторов для радиосвязи (см., например: [21 и др.]).

Появление *интегральных (микро)схем* (ИМС, ИС), для которых транзисторы являются строительным материалом, стало очевидным и закономерным этапом в развитии микроэлектроники.

Помимо множества транзисторов, ИС содержат также другие компоненты: резисторы, конденсаторы и диоды, объединённые на одной пластине из полупроводникового материала, обычно кремния. Внутри ИС транзисторы действуют как миниатюрные электронные переключатели и усилители – они контролируют поток тока, позволяя выполнять логические операции и обрабатывать информацию. При этом транзисторы являются ключевым элементом, обеспечивающим функциональность ИС.

Интегральные схемы позволяют разместить огромное количество транзисторов (миллионы, миллиарды) на очень маленькой площади. Это достигается за счёт фотолитографии и других сложных технологических процессов. Благодаря такой интеграции устройства становятся меньше, быстрее и потребляют меньше энергии. Множество транзисторов, соединённых вместе определённым образом, формируют весьма сложные

схемы, выполняющие самые разнообразные функции – от простых логических операций до управления микропроцессорами и памятью. Постоянное уменьшение размеров транзисторов и совершенствование технологий производства ИС приводит к появлению всё более мощных и функциональных электронных устройств. Закон Мура, который предсказывал удвоение числа транзисторов на чипе примерно каждые два года, долгое время определял развитие данной индустрии.

Журнал «Радио» в 1990-е гг. знакомил читателей с основами производства полупроводниковых ИМС в рамках образовательной программы, адресованной учебным организациям ДОСААФ. В соответствующем цикле статей [22, 23 и др.] не только освещались базовые технологические процессы, но и подчёркивалось их революционное значение для развития отечественной радиоэлектроники. В качестве иллюстраций использовались примеры интегральных схем серий К174, КФ548ХА1, КФ548ХА2 и другие, демонстрировавшие стремительный прогресс в этой области.

Авторы публикаций подробно описывали такие ключевые технологические этапы производства ИМС, как фотолитография, диффузия примесей и металлизация. Фотолитография, основанная на применении фоторезистов и фотошаблонов, представлялась как метод формирования на поверхности полупроводникового кристалла рисунка будущей микросхемы – её топологии. Особо подчеркивалась важность высокой точности совмещения элементов рисунка при многократном повторении фотолитографических процессов. Диффузия примесей, в свою очередь, описывалась как способ изменения типа и величины электропроводности в локальных областях кристалла, что позволяло создавать p-n переходы – основу работы транзисторов и диодов. Процесс металлизации, заключающийся в нанесении тонких алюминиевых плёнок, представлялся как метод формирования контактных площадок и соединений между элементами ИМС.

Использование в качестве примеров микросхем серий К174, КФ548ХА1 и КФ548ХА2, широко применявшихся в радиолюбительском конструировании, позволяло наглядно продемонстрировать читателям достижения отечественной микроэлектроники. Анализ указанных микросхем содержал не только информацию об электрических характеристиках и типовых схемах включения, но также давал представление об особенностях внутреннего устройства и технологии производства. Это, безусловно, способствовало более глубокому пониманию принципов работы интегральных схем и стимулировало интерес к их применению в радиолюбительской практике.

Осмысление фундаментальных причин технологической трансформации в радиоэлектронике, актуальное для российских специалистов и радиолюбителей в период активного перехода на новую элементную базу, представляла собой статья Я. Федотова «Интегральная электроника и надёжность» [24]. Автор проводил исторический анализ эволюции вычислительной техники, демонстрируя, как ограничения надёжности дискретных компонентов последовательно стимулировали переход к более высоким уровням интеграции. Я. Федотов подчеркивал, что уже первые ЭВМ на электронных лампах столкнулись с критической проблемой низкой надёжности, обусловленной экспоненциальным ростом вероятности отказа с увеличением числа элементов («порог в несколько тысяч электронных ламп»). Даже первоначальное внедрение транзисторов не решало эту проблему кардинально. Существенный прорыв, согласно Я. Федотову, был достигнут лишь с появлением интегральных микросхем, когда «надёжность БИС, даже СБИС, приблизилась… к надёжности отдельно взятого… транзистора».

Произошедшие качественные изменения автор объяснял фундаментальными преимуществами интегральной технологии: низкими рабочими напряжениями, стандартизацией схемных решений, закладываемыми запасами по электрическим параметрам и, что особенно важно, радикальным сокращением числа паяных соединений – традиционно наиболее уязвимого звена в электронной аппаратуре. Одновременно в статье анализировались и новые, специфические для ИМС механизмы отказов, как катастрофические, так и деградационные. В качестве примера последних приводился эффект электропереноса в тонкопленочных проводниках кристалла, ускоряющийся при повышении плотности тока и температуры.

Работа Я. Федотова не просто популяризировала знания об ИМС, но и способствовала глубокому пониманию роли надёжности как ключевого фактора, движущего технологический прогресс в радиоэлектронике. Для российской радиоэлектронной промышленности и радиолюбительского творчества подобные аналитические материалы имели особую ценность, разъясняя как преимущества, так и потенциальные проблемы новой элементной базы в контексте общемировых тенденций.

Среди ИМС одной из наиболее востребованных серий в 1990-е гг. стала К174, разработанная в предшествующий период. Эти микросхемы отличались относительно низким энергопотреблением и хорошим быстродействием, что делало их подходящими для использования в самых разных устройствах. Подчеркнём, что серия К174 занимала особое место в отечественной радиоэлектронике 1990-х гг. – выполненные по технологии транзисторно-транзисторной логики, данные микросхемы отличались широким функциональным разнообразием и нашли применение во множестве устройств – от бытовой радиоаппаратуры до вычислительной техники. Значительная часть публикаций журнала «Радио», посвящённая ИМС, касалась именно этой серии.

Особое внимание уделялось аналоговым ИМС для звукотехники. Так, специализированная микросхема К174УН14, представлявшая собой интегральный УМЗЧ с выходной мощностью до 4,5 Вт и встроенными узлами защиты, нашла широкое применение в автомобильной и стационарной бытовой звуковоспроизводящей аппаратуре [25 и др.]. Её использование, наряду с другими ИМС этой серии, такими как К174УН19, К174УН22 и телефонный усилитель К174УН7 (часто применявшийся совместно с ОУ КФ1407УД4) [26], позволило повысить надёжность и упростить конструкцию по сравнению с устройствами на дискретных транзисторах, о чём также писал Г. Яковлев [27]. Он же отмечал возможность применения

К174УН14 для замены импортных аналогов, например TDA2003, что было актуально для ремонта и модернизации зарубежной техники.

В области радиоприёма серия К174 также предложила ряд эффективных решений. Микросхема К174ПС1, совмещавшая функции гетеродина и смесителя, стала основой для реализации УКВ ЧМ приёмников с электронной настройкой и функцией бесшумной настройки, значительно повышая их потребительские характеристики [28]. Широкое распространение получила К174ХА10, интегрировавшая в себе тракт УПЧ и детектор АМ сигналов [29], что вело к существенному упрощению конструкций радиоприёмников при сохранении хороших параметров чувствительности и селективности. Для стереофонического приёма УКВ ЧМ сигналов применялся стереодекодер К174ХА14, обеспечивавший высокое качество звучания [28].

Процесс интеграции затронул и сферу видеотехники. Микросхема К174ХА31 служила для декодирования сигналов цветности в системе SECAM. Как отмечали А. Пескин и Д. Войцеховский [30], её совместное применение с К174ХА28 (декодер PAL) позволило создавать мультистандартные субмодули цветности, способные обрабатывать сигналы обеих телевизионных систем. Проблема совместимости различных стандартов телевидения (SECAM, PAL, NTSC и их модификаций типа SECAM-L или MESECAM) была одной из ключевых в публикациях того периода. Ю. Петропавловский в своих работах[2], посвящённых формату VHS, детально анализировал особенности обработки сигналов цветности[3] и предлагал схемотехнические решения для их адаптации, в частности, с использованием отечественных ИМС серии КР1005, что отражало стремление к унификации и расширению функциональности видеоаппаратуры в условиях многостандартности

Среди других популярных серий отечественных ИМС стоит отметить К155, КР1021, К561. Указанные микросхемы рассматриваются в многочисленных публикациях в составе десятков электронных устройств того времени. Так, в статье, посвящённой серии КР1533 [31], являвшейся дальнейшим развитием К155 и К555, отмечались такие её преимущества как сниженное энергопотребление (1,2 против 2 мВт у К555) при сохранении, а в некоторых случаях и повышении быстродействия. Такое сочетание параметров было крайне привлекательным для разработчиков, стремящихся к миниатюризации и экономии энергии. Микросхемы серии КР1021 включали в себя в первую очередь компоненты для построения аналоговых устройств, таких как операционные усилители (ОУ). Последние нашли широкое применение в усилителях звука, генераторах сигналов, активных фильтрах и других устройствах. В публикации «Применение микросхем серии КР1533» [31] также упоминаются ОУ серий К544УД2, К140УД8, К140УД10, К140УД11 и К574УД1, которые могли применяться в устройствах подобного назначения. Наконец, отличительной чертой серии К561, построенной на основе комплементарной структуры металл–окисел–полупроводник (КМОП), являлось чрезвычайно малое потребление тока в статическом режиме, что делало их незаменимыми для устройств с автономным питанием. В 1991 г. на смену К561 пришла новая серия – КР1561, которая, как отмечал С. Алексеев [32], унаследовала многие положительные черты предшественницы. КР1561 также была выполнена по технологии КМОП, отличалась низким энергопотреблением, имела расширенный набор команд и улучшенную схему интерфейса, что приближало её по возможностям к 16-разрядным микропроцессорам.

Значительная часть материалов была посвящена использованию специализированных ИМС в *измерительной технике*, иллюстрируя переход от сложных дискретных схем к более компактным и функциональным интегральным решениям. Так, С. Бирюков в цикле статей «Цифровой мультиметр» [33 и др.] представил конструкцию многофункционального прибора, где ИМС обеспечивали реализацию таких функций, как измерение ёмкости и температуры при сохранении возможности модульной модернизации. Использование микроконтроллеров, например КР1816ВУ31, для создания измерительных систем, таких как частотомер [34], демонстрировало потенциал программируемой логики для построения универсальных базовых измерительных блоков, открытых для дальнейшего наращивания функциональности. Микросхемы способствовали технологическим усовершенствованиям и в сфере радиоприёма и передачи сигналов. И. Нечаев в своей работе «Активная антенна диапазона МВ» [35] показал, как интеграция усилителя непосредственно с антенным полотном на базе ИМС позволяет эффективно решать вопросы согласования и симметрирования, повышая качество приёма.

Применение ИМС КМОП-логики, в частности К561ЛА7, для создания устройств малой автоматики, как, например, в системе для инкубаторов, описанной О. Глаголевым [36], демонстрировало возможности построения энергоэффективных и надёжных систем управления[4] на доступной элементной базе.

Даже в такой, казалось бы, традиционной области, как источники питания, ИМС находили применение для реализации более сложных функций управления и защиты. С. Алексеев в своей статье [37] о зарядных устройствах для Ni-Cd аккумуляторов показал, как интегральные компоненты позволяют создавать устройства с прецизионной регулировкой тока и напряжения, обеспечивая оптимальные и безопасные режимы заряда.

Перечисленные примеры свидетельствуют о неоспоримой роли журнала «Радио» в освоении и популяризации технологий, связанных с применением ИМС. Процесс миниатюризации, ставший возможным благодаря переходу от дискретных транзисторов к ИМС, оказал фундаментальное влияние на развитие бытовой техники, средств связи и вычислительной техники. Малогабаритные радиоприёмники, телевизоры, магнитофоны, персональные компьютеры – все эти устройства стали доступны широкому кругу пользователей.

Однако технологическая трансформация в 1990-е гг. была ознаменована не только внутренним развитием отечественной микросхемотехники, но и резким изменением внешних условий. Появление на рынке доступной импортной элементной базы (например, ИМС семейств TDA, MDA), нередко превосходящей отечественные аналоги по своим параметрам, оказало существенное влияние на самодеятельное и профессиональное радиоэлектронное творчество.

С одной стороны, это открыло доступ к самым современным компонентам, стимулируя поиск новых схемных решений и модернизацию существующей аппаратуры. С другой стороны, доступность готовых импортных изделий привела к частичному угасанию интереса к самостоятельному изготовлению сложных устройств. Тем не менее, как свидетельствуют публикации журнала «Радио», отечественные разработчики продолжали создавать оригинальные конструкции, часто ориентированные на решение специфических задач или адаптацию импортных технологий к местным условиям, что отражало сложный и многогранный характер технологического перехода этого периода.

«Цифровая революция»: от дискретных импульсов к сложным алгоритмам. Переход от аналогового представления информации к цифровому, основанному на дискретной двоичной логике, ознаменовал фундаментальную трансформацию в радиоэлектронике. Цифровые методы обработки сигналов, обеспечивающие высокую точность, возможность эффективного хранения и обработки значительных объёмов данных, а также реализацию принципиально новых функций, стали технологической основой бурного развития вычислительной техники, систем связи и бытовой радиоэлектронной аппаратуры.

Одним из ярких символов «цифровой революции» в отечественной радиоэлектронике 1990-х гг. стал персональный компьютер «Орион-128», подробно представленный на страницах журнала «Радио». Этот восьмиразрядный ПК, созданный на базе микропроцессора КР580ВМ80А, позиционировался как доступный инструмент для широкого круга пользователей. В условиях дефицита вычислительной техники «Орион-128» предлагал конкурентоспособные графические и цветовые возможности. Ключевым фактором его популярности стала преемственность с ранее разработанным любительским компьютером «Радио-86РК» – общность структуры управляющей программы «Монитор» и стандарта записи данных на магнитную ленту существенно упрощало освоение новой машины. Публикации Б. Григорьева, А. Сергеева, В. Сугоняко, В. Сафронова, К. Коненкова и других авторов [38–40 и др.] детально анализировали архитектуру, программное обеспечение компьютера (включая таблицы адресации портов и коды «Монитора») и активно вовлекали читателей в процесс его модернизации. Важным этапом развития стала возможность замены микропроцессора КР580ВМ80А на более производительный Z80 [41 и др.], что позволяло расширить систему команд, повысить быстродействие и реализовать систему прерываний, хотя и требовало решения вопросов совместимости, стабильности работы. Инструментальный монитор «МОНИТОР-128» [42] предлагал расширенный набор директив, дополнительно облегчая освоение и использование компьютера. Таким образом, публикации не просто информировали о появлении «Ориона-128», но и формировали активное сообщество его пользователей, стимулируя развитие отечественной любительской вычислительной техники.

Успехи в создании и популяризации доступных персональных компьютеров не только расширили круг пользователей ЭВМ, но и послужили катализатором для внедрения цифровых технологий в смежные области радиоэлектроники, в первую очередь – в измерительную технику. Показательным в этом контексте стал технологический переход от аналоговых к цифровым мультиметрам. Последние, обладая такими преимуществами, как высокая точность, широкий динамический диапазон и возможность автоматического выбора пределов измерений, быстро завоевали признание. Существенный вклад в их популяризацию среди радиолюбителей внёс С. Бирюков, представивший в цикле статей [33, 43 и др.] конструкцию доступного для самостоятельного изготовления цифрового мультиметра с подробным описанием схемотехники, печатных плат и методик настройки, уделив при этом особое внимание обеспечению точности измерений и стабильности его работы в условиях ограниченного доступа к высококачественным импортным компонентам.

Дальнейшая эволюция цифровой измерительной техники была неразрывно связана с интеграцией микропроцессорного управления. С. Козел в своей статье [44] проанализировал перспективы, открывающиеся благодаря использованию микропроцессоров. Это позволяло не только улучшить базовые метрологические характеристики, но и существенно расширить функциональность приборов, реализуя автоматизацию контроля, калибровки, статистическую обработку результатов и вычисление косвенных величин. Помимо мультиметров и вольтметров на страницах журнала «Радио» освещались и другие типы цифровых измерительных устройств: от цифровых термометров [45] и электронных часов с функцией будильника [46] до специализированных измерителей, таких как цифровой велосипедный путевой прибор [47]. Эти публикации свидетельствовали о широком проникновении и адаптации цифровых технологий к разнообразным потребностям как профессионалов, так и радиолюбителей.

Процесс цифровизации, начавшийся с вычислительной техники и активно распространившийся на измерительную аппаратуру, закономерно затронул и другие фундаментальные области радиоэлектроники, включая генерацию и синтез сигналов. Переход к цифровым методам в этой сфере открыл новые горизонты для создания более точных, стабильных и многофункциональных источников сигналов, что имело принципиальное значение как для профессионального, так и для любительского применения.

Журнал «Радио» оперативно отразил эту тенденцию, публикуя материалы о цифровых генераторах и синтезаторах частоты. Особое внимание было уделено ИМС, таким как MAX038 [48], позволявшим создавать универсальные генераторы сигналов различной формы (треугольная, прямоугольная, синусоидальная) в широком частотном диапазоне – от долей герца до десятков мегагерц. В публикациях подчеркивалась гибкость и многофункциональность подобных решений, на базе которых можно было реализовывать не только функциональные генераторы, но и более сложные устройства: генераторы качающейся частоты, генераторы с частотной модуляцией, системы ФАПЧ и синтезаторы частоты, что, в свою очередь, открывало широкие перспективы для радиолюбительского экспериментирования и профессиональных разработок.

Развитие цифровых технологий в области генерации сигналов стало важным этапом эволюции радиоэлектроники. Однако влияние «цифровой революции» простиралось далеко за пределы традиционных аналоговых областей. Цифровые методы начали активно внедряться в разнообразные сферы, связанные с обработкой и передачей информации. Публикации журнала «Радио» в полной мере отражали эти тенденции, освещая применение цифровых технологий в электронных музыкальных инструментах, системах связи и управлении бытовой электроникой. Так, С. Кононов анализировал возможности цифрового управления в электронном музицировании, представив конструкцию MIDI-клавиатуры [49 и др.]. В сфере связи активно развивались цифровые системы передачи. Э. Кордонский подробно описал [50] принципы их построения, отмечая такие преимущества перед аналоговыми системами, как чёткая фиксация неисправностей, возможность дистанционного контроля и высокая помехоустойчивость, что предопределило их дальнейшее широкое применение. Статьи А. Долгого и А. Ломова [51, 52] подтверждали тенденцию к интеграции компьютерных технологий в бытовую электронику и повседневную жизнь. Бурное развитие телекоммуникационных технологий, основанных на цифровом представлении сигнала, находило отражение в публикациях о новых стандартах связи [53–55] (таких как GSM), а также о глобальных сетях передачи данных и электросвязи [56, 57 и др.].

Анализ публикаций журнала «Радио» за период 1990-х гг. позволяет сделать вывод о его ключевой роли в процессах технологической трансформации отечественной радиоэлектроники, связанных с переходом от аналоговых к цифровым методам обработки и передачи информации. Издание не только отражало, но и активно катализировало этот переход, выступая важнейшим источником знаний и платформой для обмена опытом для широкой аудитории радиолюбителей и профессионалов.

В условиях ограниченного доступа к зарубежной элементной базе и литературе, а также запаздывающего развития отечественной электронной промышленности журнал «Радио» взял на себя миссию популяризации и адаптации цифровых технологий. Публикации, содержащие подробные схемотехнические решения, описания принципов работы новых устройств (от персональных компьютеров до цифровых измерительных приборов, генераторов сигналов и систем связи) и практические рекомендации по их самостоятельному изготовлению и настройке, делали передовые на тот момент технологии доступными для широкого круга энтузиастов. Это способствовало формированию активного сообщества, вовлечённого в процесс освоения и внедрения цифровой электроники.

Более того, журнал «Радио» формировал новое технологическое мышление, необходимое для работы в условиях кардинальных социально-экономических преобразований. Обсуждение на его страницах технических проблем, обмен опытом, организация заочных читательских конференций, освещение вопросов совместимости различных стандартов и технологий создавали уникальную среду для развития технического творчества и стимулирования инноваций.

В контексте общеисторических процессов 1990-х гг. публикации журнала отражали и адаптацию радиолюбительского движения к новым экономическим и технологическим реалиям. С одной стороны, открытие информационных границ и доступ к мировым достижениям стимулировали интерес к современным разработкам. С другой – экономические трудности актуализировали поиск бюджетных решений и способствовали сохранению традиций самодельного конструирования, адаптированного к доступной элементной базе.

Таким образом, журнал «Радио» в 1990-е гг. выступил не просто информационным ресурсом, а важным институтом, способствовавшим технологической модернизации в сфере радиоэлектроники на постсоветском пространстве. Он сыграл существенную роль в распространении знаний о цифровых технологиях, адаптации отечественных специалистов и радиолюбителей к новой технологической реальности и, в определенной степени, в формировании кадров для развивающейся индустрии электроники, став своеобразным мостом между глобальными технологическими трендами и потребностями отечественного научно-технического сообщества.

Примечания

[1] КТ315, КТ361, КТ603, КТ807, КТ814, КТ815, КТ818, КТ819, КТ829, КП303, КП307, КТ342, КТ606, КТ630, КТ972, КТ827, КП350, КТ904, КТ838, КТ912.

[2] Автор в период с 1992 по 1998 г. опубликовал более трех десятков статей на эту тему. См., например: Радио. 1992. № 7, 10–11; 1993. № 5–7, и др.

[3] Например, видеомагнитофоны SECAM-L, разработанные для Франции, были несовместимы с аппаратурой, используемой в других странах, включая РФ, из-за разницы в способах записи сигналов цветности.

[4] Описываемое им устройство включало в себя два функциональных узла: систему для автоматического переворачивания яиц и термостабилизатор.

Список источников

1. Быховский М. А. История развития электроники в XX столетии. М., 2012. 354 с.
2. Быховский М.А. Развитие телекоммуникаций. На пути к информационному обществу. Развитие радиотехники и знаний о распространении радиоволн в XX столетии : учеб. пособие. М., 2015. 384 с.
3. Быховский М.А. Развитие телекоммуникаций: на пути к информационному обществу: развитие спутниковых телекоммуникационных систем : учеб. пособие. М., 2017. 440 с.
4. Шарыгина Л.И. История радиоэлектроники : учеб. пособие. Томск, 2004. 20 с.
5. Шарыгина Л.И. События и даты в истории радиоэлектроники. Томск, 2011. 306 с.
6. Борисов В.П. Из истории отечественной радиоэлектроники. М., 2010. 206 с.
7. Шнейберг Я.А. История выдающихся открытий и изобретений: электротехника, электроэнергетика, радиоэлектроника. М., 2009. 117 с.
8. Ермилов Э.А. История науки и техники : учеб. пособие. Нижний Новгород, 2011. 92 с.

9. 100 лет радио / под ред. В.В. Мигулина, А.В. Гороховского. М., 1995. 384 с.
10. Сергиевский Е. Высококачественный ламповый усилитель // Радио. 1990. № 2. С. 74–77.
11. Старостин О. Измерительные генераторы // Радио. 1992. № 2-3. С. 48–52.
12. Костин В., Онищенко Ю. Лампы или транзисторы? Лампы! // Радио. 1998. № 1. С. 16–18; № 2. С. 18–19.
13. Храбан О. Лампы или транзисторы? // Радио. 1997. № 2. С. 12–14.
14. Денисов В. (RA6LM), Ушич В. (UW6LI), Спирин В. (UA6LGY). Синтезатор частоты трансивера // Радио. 1990. № 1. С. 25–28; № 2. С. 33–37; № 3. С. 26.
15. Степанов Б. Радиостанция на каждый день // Радио. 1991. № 2. С. 19–20.
16. Сергеев Б. Биполярный транзистор // Радио. 1992. № 6. С. 48–51; № 8. С. 48–50; № 10. С. 48–50.
17. Сергеев Б. Биполярный транзистор: как его проверить // Радио. 1992. № 12. С. 40–43.
18. Лаповок Я.С. Я строю новую КВ радиостанцию // Радио. 1991. № 1. С. 23–26; № 2. С. 21–25.
19. Асессоров А., Кожевников В., Косой А. Научный поиск российских инженеров // Радио. 1994. № 6. С. 2–3.
20. Асессоров А., Кожевников В., Косой А. Новые транзисторы СВЧ // Радио. 1996. № 5. С. 57–58.
21. Асессоров А., Кожевников В., Косой А. Мощные низковольтные СВЧ транзисторы для подвижных средств связи // Радио. 1999. № 10. С. 45–46.
22. Янцев В. Полупроводниковые интегральные микросхемы // Радио. 1990. № 1. С. 28–30.
23. Янцев В. Гибридные интегральные микросхемы // Радио. 1990. № 4. С. 37–39.
24. Федотов Я. Интегральная электроника и надёжность // Радио. 1991. № 2. С. 5–7.
25. Новаченко И. Микросхемы серии К174. Усилитель мощности К174УН14 // Радио. 1991. № 1. С. 74; № 2. С. 85–86.
26. Шачнев В. Схемотехника мини-магнитофонов // Радио. 1991. № 6. С. 66–72.
27. Яковлев Г. Применение микросхем серии К174 в усилителях ЗЧ // Радио. 1994. № 12. С. 12–14.
28. Радиоприёмник из наборов «Фон» // Радио. 1991. № 6. С. 64–65.
29. Янчук И. Радиоприемник на МС К174ХА10 // Радио. 1991. № 12. С. 72–73.
30. Пескин А., Войцеховский Д. Субмодуль цветности СЕКАМ-ПАЛ для телевизоров ЗУСЦТ // Радио. 1991. № 2. С. 36–40.
31. Алексеев С. Применение микросхем серии КР1533 // Радио. 1991. № 1. С. 50–52.
32. Алексеев С. Применение микросхем серии КР1561 // Радио. 1991. № 6. С. 57–61.
33. Бирюков С. Цифровой мультиметр // Радио. 1996. № 5. С. 32–34; № 6. С. 32–34.
34. Крегерс Я. Частотомер на микро-ЭВМ // Радио. 1997. № 4. С. 34–35; № 5. С. 32–34.
35. Нечаев И. Активная антенна диапазона МВ // Радио. 1997. № 2. С. 6–7.
36. Глаголев О. Электронная автоматика малогабаритного инкубатора // Радио. 1997. № 3. С. 45–46.
37. Алексеев С. Зарядные устройства для Ni-Cd аккумуляторов и батарей // Радио. 1997. № 1. С. 44–46; № 2. С. 44–46.
38. Григорьев Б. «РК» с самого начала // Радио. 1991. № 2. С. 82–83.
39. Сергеев А. Усовершенствование блока питания для «Радио-86РК» // Радио. 1992. № 4. С. 16–17.
40. Коненков К., Сугоняко В., Сафронов В. ПРК «Орион-128» – топология печатной платы // Радио. 1990. № 4. С. 44–47.
41. «Орион-128»: «Z80-CARD» // Радио. 1996. № 4. С. 27–29.
42. Сугоняко В., Сафронов В. Основной Монитор для ПРК «Орион-128» // Радио. 1991. № 1. С. 35–38.
43. Бирюков С. Цифровой мультиметр // Радио. 1990. № 9. С. 55–58.
44. Козел С. Цифровые вольтметры с микропроцессорным управлением. Новые возможности // Радио. 1997. № 3. С. 30–31, 44.
45. Бирюков С. Простой цифровой термометр // Радио. 1997. № 1. С. 40–42.
46. Долгов О. Часы «MIRACLE» нуждаются в доработке // Радио. 1997. № 1. С. 42–43.
47. Абакумов В. Цифровой велосипедный путевой прибор // Радио. 1991. № 1. С. 28–31; № 2. С. 28–29.
48. Ковалев В. Многофункциональный генератор MAX 038 // Радио. 1996. № 10. С. 53–54.
49. Кононов С. MIDI-клавиатура для мультимедиа-компьютеров и MIDI-синтезаторов // Радио. 1997. № 3. С. 40–42.
50. Кордонский Э. Группообразование цифровых сигналов и передача их по линиям связи // Радио. 1997. № 1. С. 62–65.
51. Долгий А. «Мышь»: что внутри и чем питается? // Радио. 1996. № 9. С. 28–30.
52. Ломов А. Библиотека функций поддержки «мыши» // Радио. 1997. № 12. С. 18–19.
53. Гриф А. ICO+GSM=Глобальная подвижная связь // Радио. 1997. № 9. С. 62–63.
54. Громаков Ю. Развитие GSM на пути к третьему поколению сотовых систем // Радио. 1999. № 7. С. 68–70.
55. Еланская Ю. Сотовые системы связи GSM и TDMA на пути к третьему поколению // Радио. 1999. № 11. С. 65–67.
56. Макарова О., Соколов А. Глобальные сети передачи данных // Радио. 1997. № 11. С. 67–69; № 12. С. 50–52.
57. Князев К., Рождественский А. Современные системы управления сетями электросвязи // Радио. 1997. № 12. С. 54–56.

References

1. Bykhovskiy, M.A. (2012) *Istoriya razvitiya elektroniki v XX stoletii* [History of the Development of Electronics in the 20th Century]. Moscow: URSS; LIBROKOM.
2. Bykhovskiy, M.A. (2015) *Razvitiye telekommunikatsiy. Na puti k informatsionnomu obshchestvu. Razvitiye radiotekhniki i znaniy o rasprostranenii radiovoln v XX stoletii* [Development of Telecommunications. Towards an Information Society. Development of Radio Engineering and Knowledge of Radio Wave Propagation in the 20th Century]. Moscow: URSS.
3. Bykhovskiy, M.A. (2017) *Razvitiye telekommunikatsiy: na puti k informatsionnomu obshchestvu: razvitiye sputnikovykh telekommunikatsionnykh sistem* [Development of Telecommunications: Towards an Information Society: Development of Satellite Telecommunication Systems]. Moscow: Goryachaya liniya-Telekom.
4. Sharygina, L.I. (2004) *Istoriya radioelektroniki* [History of Radio Electronics]. Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.
5. Sharygina, L.I. (2011) *Sobytiya i daty v istorii radioelektroniki* [Events and Dates in the History of Radio Electronics]. Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.
6. Borisov, V.P. (2010) *Iz istorii otechestvennoy radioelektroniki* [From the History of Domestic Radio Electronics]. Moscow: Sergey Vavilov Institute for the History of Science and Technology RAS.
7. Shneyberg, Ya.A. (2009) *Istoriya vydayushchikhsya otkrytiy i izobreteniy: elektrotekhnika, elektroenergetika, radioelektronika* [History of Outstanding Discoveries and Inventions: Electrical Engineering, Power Engineering, Radio Electronics]. Moscow: Moscow Power Engineering Institute.
8. Ermilov, E.A. (2011) *Istoriya nauki i tekhniki* [History of Science and Technology]. Nizhny Novgorod: [s.n.].
9. Migulin, V.V. & Gorokhovskiy, A.V. (eds) (1995) *100 let radio* [100 Years of Radio]. Moscow: Radio i svyaz'.
10. Sergiyevskiy, E. (1990) Vysokokachestvennyy lampovyy usilitel' [High-quality vacuum tube amplifier]. *Radio*. 2. pp. 74–77.
11. Starostin, O. (1992) Izmeritel'nyye generatory [Measuring generators]. *Radio*. 2-3. pp. 48–52.
12. Kostin, V. & Onishchenko, Yu. (1998) Lampy ili tranzistory? Lampy! [Tubes or transistors? Tubes!]. *Radio*. 1. pp. 16–18; 2. pp. 18–19.
13. Khraban, O. (1997) Lampy ili tranzistory? [Tubes or Transistors?]. *Radio*. 2. pp. 12–14.
14. Denisov, V. (RA6LM), Ushich, V. (UW6LI) & Spirin, B. (UA6LGY) (1990) Sintezator chastoty transivera [Transceiver frequency synthesizer]. *Radio*. 1. pp. 25–28; 2. pp. 33–37; 3. P. 26.

15. Stepanov, B. (1991) Radiostantsiya na kazhdyy den' [Everyday radio station]. *Radio*. 2. pp. 19–20.
16. Sergeyev, B. (1992) Bipolyarnyy tranzistor [Bipolar transistor]. *Radio*. 6. pp. 48–51; 8. pp. 48–50; 10. pp. 48–50.
17. Sergeyev, B. (1992) Bipolyarnyy tranzistor: kak yego proverit' [Bipolar transistor: how to test it]. *Radio*. 12. pp. 40–43.
18. Lapovok, Ya.S. (1991) Ya stroyu novuyu KV radiostantsiyu [I'm building a new HF radio station]. *Radio*. 1. pp. 23–26; 2. pp. 21–25.
19. Asessorov, A., Kozhevnikov, V. & Kosoy, A. (1994) Nauchnyy poisk rossiyskikh inzhenerov [Scientific search of Russian engineers]. *Radio*. 6. pp. 2–3.
20. Asessorov, A., Kozhevnikov, V. & Kosoy, A. (1996) Novyye tranzistory SVCH [New microwave transistors]. *Radio*. 5. pp. 57–58.
21. Asessorov, A., Kozhevnikov, V. & Kosoy, A. (1999) Moshchnyye nizkovol'tnyye SVCH tranzistory dlya podvizhnykh sredstv svyazi [High-power low-voltage microwave transistors for mobile communications]. *Radio*. 10. pp. 45–46.
22. Yantsev, V. (1990) Poluprovodnikovyye integral'nyye mikroskhemy [Semiconductor integrated circuits]. *Radio*. 1. pp. 28–30.
23. Yantsev, V. (1990) Gibridnyye integral'nyye mikroskhemy [Hybrid integrated circuits]. *Radio*. 4. pp. 37–39.
24. Fedotov, Ya. (1991) Integral'naya elektronika i nadezhnost' [Integrated electronics and reliability] *Radio*. 2. pp. 5–7.
25. Novachenko, I. (1991) Mikroskhemy serii K174. Usilitel' moshchnosti K174UN14 [K174 series microcircuits. K174UN14 power amplifier]. *Radio*. 1. P. 74; 2. pp. 85–86.
26. Shachnev, V. (1991) Skhemotekhnika mini-magnitofonov [Circuit design of mini-tape recorders]. *Radio*. 6. pp. 66–72.
27. Yakovlev, G. (1994) Primeneniye mikroskhem serii K174 v usilitelyakh ZCH [Application of K174 series microcircuits in audio amplifiers]. *Radio*. 12. pp. 12–14.
28. Radio. (1991) Radiopriyemnik iz naborov "Fon" [Radio receiver from the Fon sets]. *Radio*. 6. pp. 64–65.
29. Yanchuk, I. (1991) Radiopriyemnik na MS K174KHA10 [Radio receiver based on the K174XA10 microcircuit]. *Radio*. 12. pp. 72–73.
30. Peskin, A. & Voytsekhovskiy, D. (1991) Submodul' tsvetnosti SEKAM-PAL dlya televizorov ZUSTST [SECAM-PAL color submodule for ZUSTS TVs]. *Radio*. 2. pp. 36–40.
31. Alekseyev, S. (1991) Primeneniye mikroskhem serii KR1533 [Using the KR1533 series microcircuits]. *Radio*. 1. pp. 50–52.
32. Alekseyev, S. (1991) Primeneniye mikroskhem serii KR1561 [Using the KR1561 series microcircuits]. *Radio*. 6. pp. 57–61.
33. Biryukov, S. (1996) Tsifrovoy mul'timetr [Digital multimeter]. *Radio*. 5. pp. 32–34; 6. pp. 32–34.
34. Kregers, Ya. (1997) Chastotomer na mikro-EVM [Microcomputer-based frequency counter]. *Radio*. 4. pp. 34–35; 5. pp. 32–34.
35. Nechayev, I. (1997) Aktivnaya antenna diapazona MV [Active MW antenna]. *Radio*. 2. pp. 6–7.
36. Glagolev, O. (1997) Elektronnaya avtomatika malogabaritnogo inkubatora [Electronic automation of a compact incubator]. *Radio*. 3. pp. 45–46.
37. Alekseyev, S. (1997) Zaryadnyye ustroystva dlya Ni-Cd akkumulyatorov i batarey [Chargers for Ni-Cd batteries and batteries]. *Radio*. 1. pp. 44–46; 2. pp. 44–46.
38. Grigor'yev, B. (1991) "RK" s samogo nachala ["RK" from the Very Beginning]. *Radio*. 2. pp. 82–83.
39. Sergeyev, A. (1992) Usovershenstvovaniye bloka pitaniya dlya "Radio-86RK" [Improvement of the power supply for the Radio-86RK]. *Radio*. 4. pp. 16–17.
40. Konenkov, K., Sugonyako, V. & Safronov, V. (1990) PRK "Orion-128" – topologiya pechatnoy platy ["Orion-128" PRK – printed circuit board topology]. *Radio*. 4. pp. 44–47.
41. Radio. (1996) "Orion-128": "Z80-CARD" ["Orion-128": "Z80-CARD"]. *Radio*. 4. pp. 27–29.
42. Sugonyako, V. & Safronov, V. (1991) Osnovnoy Monitor dlya PRK "Orion-128" [Main monitor for the Orion-128 PRK]. *Radio*. 1. pp. 35–38.
43. Biryukov, S. (1990) Tsifrovoy mul'timetr [Digital multimeter]. *Radio*. 9. pp. 55–58.
44. Kozel, S. (1997) Tsifrovyye vol'tmetry s mikroprotsessornym upravleniyem. Novyye vozmozhnosti [Voltmeters with microprocessor control. New possibilities]. *Radio*. 3. pp. 30–31, 44.
45. Biryukov, S. (1997) Prostoy tsifrovoy termometr [Simple digital thermometer]. *Radio*. 1. pp. 40–42.
46. Dolgov, O. (1997) Chasy "MIRACLE" nuzhdayutsya v dorabotke [The MIRACLE watch needs improvement]. *Radio*. 1. pp. 42–43.
47. Abakumov, V. (1991) Tsifrovoy velosipednyy putevoy pribor [Digital bicycle tracking device]. *Radio*. 1. pp. 28–31; 2. pp. 28–29.
48. Kovalev, V. (1996) Mnogofunktsional'nyy generator MAKH 038 [Multifunctional generator MAX 038]. *Radio*. 10. pp. 53–54.
49. Kononov, S. (1997) MIDI-klaviatura dlya mul'timedia-komp'yuterov i MIDI-sintezatorov [MIDI keyboard for multimedia computers and MIDI synthesizers]. *Radio*. 3. pp. 40–42.
50. Kordonskiy, E. (1997) Gruppoobrazovaniye tsifrovykh signalov i peredacha ikh po liniyam svyazi [Grouping digital signals and transmitting them over communication lines]. *Radio*. 1. pp. 62–65.
51. Dolgiy, A. (1996) "Mysh'": chto vnutri i chem pitayetsya? ["Mouse": what's inside and what does it power?]. *Radio*. 9. pp. 28–30.
52. Lomov, A. (1997) Biblioteka funktsiy podderzhki "myshi" [Mouse support function library]. *Radio*. 12. pp. 18–19.
53. Grif, A. (1997) ICO+GSM=Global'naya podvizhnaya svyaz' [ICO+GSM=Global mobile communications]. *Radio*. 9. pp. 62–63.
54. Gromakov, Yu. (1999) Razvitiye GSM na puti k tret'yemu pokoleniyu sotovykh sistem [GSM development towards the third generation of cellular systems]. *Radio*. 7. pp. 68–70.
55. Elanskaya, Yu. (1999) Sotovyye sistemy svyazi GSM i TDMA na puti k tret'yemu pokoleniyu [GSM and TDMA cellular communication systems towards the third generation]. *Radio*. 11. pp. 65–67.
56. Makarova, O. & Sokolov, A. (1997) Global'nyye seti peredachi dannykh [Global data transmission networks]. *Radio*. 11. pp. 67–69; 12. pp. 50–52.
57. Knyazev, K. & Rozhdestvenskiy, A. (1997) Sovremennyye sistemy upravleniya setyami elektrosvyazi [Modern telecommunication network management systems]. *Radio*. 12. pp. 54–56.

Информация об авторе:
Миркин В.В. – д-р ист. наук, доцент кафедры истории и документоведения Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vvmvcv@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
V.V. Mirkin, Dr. Sci. (History), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vvmvcv@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.07.2025;
одобрена после рецензирования 07.08.2025; принята к публикации 10.10.2025.

The article was submitted 01.07.2025;
approved after reviewing 07.08.2025; accepted for publication 10.10.2025.

Научная статья
УДК 94 (47)
doi: 10.17223/15617793/519/14

Информационное обеспечение Отдельного Корпуса жандармов Российской Империи во второй половине XIX в. (по материалам Пермской губернии)

Павел Александрович Новоселов[1]

[1] *Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия, nov.com@mail.ru*

Аннотация. Исследуется процесс развития и становления системы отчетности российской жандармерии начиная с ее формирования в 1827 г. На примере документации Пермского губернского жандармского управления рассмотрена структура такой отчетности, изучен круг объектов жандармского наблюдения. В качестве основного поднят вопрос об объективности излагаемой в жандармских отчетах информации.
Ключевые слова: жандармы, жандармская отчетность, политические обзоры местностей, губернское жандармское управление, Пермская губерния

Для цитирования: Новоселов П.А. Информационное обеспечение Отдельного Корпуса жандармов Российской Империи во второй половине XIX в. (по материалам Пермской губернии) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 519. С. 111–117. doi: 10.17223/15617793/519/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/519/14

Information support of the Separate Corps of Gendarmes of the Russian Empire in the second half of the 19th century (based on materials from Perm Province)

Pavel A. Novoselov[1]

[1] *Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation, nov.com@mail.ru*

Abstract. Ensuring high-quality and objective information support for the central bodies of state security constituted one of the most important tasks of regional political police divisions. Consequently, any study of the history of the Russian gendarmerie must address this crucial aspect of its activities. It should be noted that the system of gendarmerie reporting did not take shape immediately. Initially, it consisted merely of generalized summaries and characterizations of administrative institutions and their personnel, presented in the form of reports by gendarme staff officers. This method of obtaining information on the state of affairs in individual provinces was rather fragmented and unsystematic in nature. Beginning in 1832, the frequency of submitting the results of gendarme surveillance was systematized, with gendarme staff officers required to submit reports twice annually. However, the form of such reports remained virtually unregulated. Only forty years after the establishment of the Separate Corps of Gendarmes, following the reorganization of the political police institution in 1867, did provincial gendarmerie reports acquire the character of regular, formalized documentation. The foundation of the information support system of the Separate Corps of Gendarmes in the second half of the 19th century rested on the so-called "Political Reviews of Localities," submitted annually by heads of provincial gendarmerie administrations to the Separate Corps of Gendarmes and the Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, and after 1880, to the Police Department. In addition to this primary reporting document, regional gendarmerie was obliged to regularly transmit detailed information on persons under surveillance to higher authorities. Through analysis of archival documentation, including original copies of "Political Reviews of Localities of Perm Province," circular directives from the Separate Corps of Gendarmes and the Police Department, and correspondence between the head of the Perm Provincial Gendarmerie Administration and his superiors and assistants, this study examines the information support system of the Gendarme Corps of the Russian Empire in the second half of the 19th century, identifies the characteristic features of reporting documentation, describes the primary objects of gendarme surveillance, and draws conclusions regarding the level of objectivity of the information provided by gendarmes. Despite the fact that, when reporting to higher authorities, gendarme officers might in some cases remain silent about certain events—particularly those connected with local disturbances or strikes by factory workers—the reports of regional gendarmerie reflected the condition of provincial society with sufficient completeness. For several decades, these reports enabled the leadership of the political police of the Russian Empire to assess the level of public tranquility at the local level.
Keywords: gendarmes, gendarmerie reporting, political reviews of localities, provincial gendarmerie administration, Perm Province

***For citation*:** Novoselov, P.A. (2025) Information support of the Separate Corps of Gendarmes of the Russian Empire in the second half of the 19th century (based on materials from Perm Province). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 519. pp. 111–117. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/519/14

© Новоселов П.А., 2025

Введение

Отчетность о результатах работы региональных правоохранительных органов перед высшим руководством является крайне значимой стороной деятельности этих институтов, ведь именно на базе информации, содержащейся в такой отчетной документации, принимаются наиболее важные решения в центральном аппарате управления государством.

В этой связи, обращаясь к вопросу изучения истории региональных органов политической безопасности второй половины XIX столетия, невозможно обойти стороной такой важный вопрос, как информационное обеспечение руководства данных органов о политическом, социальном, экономическом состоянии губернского общества. Ведь именно в обязанности губернской жандармерии как основных блюстителей политического спокойствия на местах в том числе входило всестороннее наблюдение за всем, что происходило в губернии, в целях пресечения любых попыток антиправительственных сил каким-либо образом проявить себя.

История возникновения и функционирования института жандармерии в Российской Империи исследовалась и исследуется многими историками, юристами, политологами. И если в дореволюционный период в некоторых публицистических работах освещались лишь некоторые стороны деятельности чинов Отдельного Корпуса жандармов в связи с высоким уровнем секретности, то после Февральской революции 1917 г. и рассекречивания полицейских архивов появляются труды, в которых история возникновения и деятельности жандармерии рассматривается более системно. Так, видный революционер, литературовед, историк и публицист М.С. Ольминский, изучая вопросы эволюции революционного движения, затрагивает тему происхождения жандармской полиции [1].

В 20-х гг. XX в. в ряде публицистических работ разрабатывались вопросы, связанные с историей III Отделения, Департамента полиции, деятельностью «черных кабинетов», секретной агентуры. Особенностью этого периода является тематическая направленность исследований, проводившихся в условиях усиленной идеологической борьбы [2–4].

С 50-х гг. XX в. начинает появляться все больше работ, посвященных ранее жестко контролируемым со стороны государства темам истории правоохранительных органов и политической полиции Российской Империи. Выходит ряд научных трудов известного советского историка П.А. Зайончковского, в которых были затронуты некоторые стороны деятельности аппарата МВД и Департамента полиции во второй половине XIX в. [5, 6]. Н.П. Ерошкин в своих работах впервые рассматривает вопросы роли и места основных органов политической полиции в системе государственных учреждений дореволюционной России [7].

После распада Советского Союза появляется целый пласт научных исследований, посвященных вопросам возникновения, становления и деятельности жандармско-полицейских органов дореволюционной России. Особенно хочется отметить труды З.И. Перегудовой, которая в своих обобщающих работах по истории центральных органов политической полиции Российской империи второй половины XIX – начала XX в. активно использовала ранее не публиковавшиеся архивные материалы [8, 9].

Интерес к истории органов политической полиции Российской Империи продолжает сохраняться и по сей день. Только в последние годы вышел ряд работ, авторы которых рассматривают органы политического сыска и жандармерии с разных сторон, в том числе изучаются идеологические воззрения самих сотрудников политической полиции [10], исследуются организационно-правовые основы и направления деятельности органов политического розыска и военной контрразведки в условиях взаимодействия этих структур [11].

Тем не менее, несмотря на довольно большой объем исследовательского материала по теме истории жандармской полиции Российской Империи, стоит отметить, что в отечественной историографии вопросу развития системы жандармской отчетности и информационного обмена между региональными подразделениями и центральными органами политической полиции уделено слабое внимание. Важности использования информации, получаемой из донесений жандармских штаб-офицеров 1830-х гг., при изучении истории органов местного управления Российской Империи посвящен статейный материал историка Г.Н. Бибикова [12]. Сведения, содержащиеся в отчетной документации губернской жандармерии, использовались при изучении истории отдельных социально-экономических аспектов губернской жизни в статьях историков П.П. Румянцева [13] и О.В. Матвеева [14]. Однако на данный момент нет ни одного труда, посвященного исследованию вопроса жандармской отчетности и информационного обеспечения руководства Корпуса жандармов и III отделения Собственной его императорского величества канцелярии (с 1880 г. – Департамент полиции) во второй половине XIX в. о социально-политической обстановке в отдельной губернии. Поэтому в нашей работе будут рассмотрены основные этапы развития системы отчетности губернской жандармерии начиная с 1827 г., а также по материалам жандармских обзоров местностей Пермской губернии продемонстрируем особенности и степень объективности информационного обеспечения центральных органов власти о социальных, политических и экономических аспектах жизни отдельно взятой губернии во второй половине XIX в.

Особенности жандармской отчетности в период с 1827 по 1867 г.

Начиная с момента образования III отделения Собственной его императорского величества канцелярии и Корпуса жандармов в 1827 г. и вплоть до начала XX в. императорская власть в России во многом основывала свои выводы о политическом состоянии и благонадежности региональной общественности и губернских административных властей на информации, получаемой из жандармских донесений и отчетов. Однако система всестороннего жандармского надзора и отчетности обо

всех сторонах жизни губернского общества складывалась не сразу.

Одной из основных задач губернской жандармерии после учреждения III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и Корпуса жандармов стал негласный надзор за местными административными властями. По словам первого шефа жандармов генерала А.Х. Бенкендорфа, «Император создавал орган, при помощи которого он мог непосредственно следить не только за появлением антигосударственных элементов, но и за действием всей сложной административной машины» [15. С. 17]. Поэтому изначально жандармское руководство требовало от региональных жандармских офицеров предоставлять сведения в основном о благонадежности и профессиональных качествах только представителей губернских административных учреждений.

До начала 1830-х гг. жандармский надзор чаще принимал форму ревизионных объездов губерний, штаб-офицеры представляли записки об общем положении дел на местах и описания местных учреждений, включая характеристики служащих [12. С. 37]. На основании таких записок сотрудники III отделения формировали внутренние ведомости. Однако подобная форма отчетности носила достаточно разрозненный и несистемный характер. Вдобавок к этому в первые годы существования Корпуса жандармов стало понятно, что сформированная система губернских жандармских штаб-офицеров охватывает не все местности Империи и есть необходимость расширения географии присутствия жандармских сотрудников. Так, в начале 1829 г. в одном из рапортов военному министру А.Х. Бенкендорф писал: «Я имею подробные сведения только из тех губерний, где штаб офицеры имеют всегдашнее жительство, посему я полагаю полезно будет назначить в каждую губернию по штаб офицеру» [16. Л. 2].

Расширение штатов жандармских сотрудников, определенная хаотичность и недостаточность предоставляемых данных о результатах жандармского наблюдения повлекли за собой необходимость упорядочивания системы отчетности губернской жандармерии. В 1832 г. был разослан секретный циркуляр шефа жандармов, в котором предписывалось «обратить самое бдительное внимание на тех из гг. чиновников, помещиков, купцов и другие сословия, которые своим званием, или богатством, связями, умом, просвещением, или другими достоинствами имеют дурное или хорошее влияние на окружающих и даже на чиновников высшего звания», а также систематизировалась периодичность предоставления результатов жандармского наблюдения. «Срок доставления ко мне сих донесений определяется 1-м числом июля и 1-м же числом января каждого года, и гг. штаб офицеры должны отправлять ко мне сии донесения в первых числах упомянутых месяцев» [17. Л. 3–4].

Таким образом, начиная с 1832 г. отчетность губернских жандармских штаб-офицеров обретает системные черты, и, несмотря на отсутствие формализации самих отчетов, такой формат информирования жандармского начальства просуществует вплоть до реорганизации политической полиции в 1867 г. и замены системы жандармских штаб-офицеров и жандармских команд на систему губернских жандармских управлений на основании нового «Положения о Корпусе жандармов» от 9 сентября 1867 г.

Изменения в системе жандармской отчетности во второй половине XIX в.

Согласно новому «Положению о Корпусе жандармов» жандармское управление формируется и в Пермской губернии. Структура губернской жандармерии начиная с 1867 г. стала выглядеть следующим образом.

Во главе всех жандармских частей губернии стоял начальник губернского жандармского управления (ГЖУ), который не подчинялся административным губернским властям и был подотчетен только руководству политической полиции Российской Империи (III отделению С.Е.И.В.К. и Корпусу жандармов, с 1880 г. – Корпусу жандармов и Департаменту полиции).

Штаб ГЖУ и ставка начальника находились в центральном губернском городе (в Пермской губернии таковым являлся г. Пермь). У начальника ГЖУ было несколько помощников, которые отвечали за один или несколько уездов. В их подчинении находились начальники уездных жандармских управлений и унтер-офицеры, которые вместе представляли наблюдательный состав, позже переименованный в дополнительный штат ГЖУ.

В 1860–1870-х гг. жандармские сотрудники выполняли в основном функции всестороннего наблюдения и производства дознаний по преступлениям политического характера. Также в их компетенцию входило принятие превентивных мер по предотвращению подобных преступлений.

Поэтому Пермское губернское жандармское управление должно было постоянно осуществлять сбор информации обо всех сторонах жизни губернского общества и вести наблюдение за всеми социальными и государственными структурами. В целях полноценного контроля за ситуацией на местах центральное руководство политической полиции требовало от губернских жандармов регулярной отчетности. Начальник Пермского ГЖУ должен был ежегодно составлять и направлять в Корпус жандармов, III отделение и позднее – в Департамент полиции, специальные обзоры о состоянии дел в губернии, получивших название «Политические обзоры местностей». Такие «Обзоры» должны были предоставляться сначала два раза в год, в январе и июле, а с мая 1877 г. – один раз, в начале января [18. Л. 116].

В конце 70-х – начале 80-х гг. XIX в. под влиянием вновь усиливающегося общественного движения руководством политической полиции Российской Империи была предпринята попытка создания института секретной агентуры на базе жандармских управлений. Однако данная попытка не увенчалась успехом. Во многом это было связано с недостаточным уровнем финансирования, низкой квалификацией кадрового состава губернской жандармерии, не имевшей ни опыта, ни четких инструкций по формированию агентурной сети, ни особого стремления заниматься подобной деятельностью.

Поэтому в 1880–1890-х гг. деятельность губернских жандармов вновь сосредоточивается вокруг наблюдательной работы, производства дознаний и розыскной деятельности.

Еще одним важным направлением информационного обеспечения высшего руководства губернскими жандармами с момента создания системы губернских жандармских управлений была передача данных о подозрительных личностях. Жандармы должны были сообщать о любых лицах, вызывавших подозрение в политической неблагонадежности. При этом жандармское руководство постоянно расширяло список требований относительно запрашиваемой информации о таких лицах. Так, согласно циркулярному распоряжению III отделения С.Е.И.В.К. от 30 июля 1871 года начальник Пермского ГЖУ обязывался помимо особых примет по мере возможностей предоставлять фотографии лиц, замеченных в политической неблагонадежности [18. Л. 18]. Менее чем через год вышло новое распоряжение, в соответствии с которым помимо особых примет и фотографических карточек политически неблагонадежных или подвергнутых дознанию по обвинениям в политических преступлениях лиц, предписывалось предоставлять на них характеристику, которая должна была содержать сведения об их поведении, образе жизни, наличии или отсутствии прежде проблем с законом [18. Л. 28].

За политически неблагонадежными личностями устанавливался надзор. Полицейский надзор мог быть гласным или негласным (тайным). Надзор, как правило, осуществлялся сотрудниками общей полиции, но в распоряжении Пермского ГЖУ были специальные ведомости, в которых содержалась подробная информация по каждому поднадзорному лицу [19. Л. 2об., 51]. С 1875 г. сведения о поднадзорных лицах должны были направляться в Корпус жандармов и III Отделение с.е.и.в.к., а после его реорганизации – в Департамент полиции дважды в год, в январе и июле [18. Л. 131]. По лицам, за которыми был установлен негласный надзор, составлялись и направлялись в вышестоящие инстанции специальные алфавитные ведомости [20. Л. 1 об.–2]. Жандармы обязаны были сообщать максимально подробную информацию о лице, состоящем под надзором (вид, причины и сроки установления надзора, фамилию, имя и отчество, возраст, место жительства и рождения, сословие и звание, род занятий и обстоятельства прошедшей жизни, семейное положение и сведения о родственниках и проч.).

В 90-е гг. XIX в. в условиях активизации революционно-общественного движения Департамент полиции стал требовать еще более подробного описания поднадзорных лиц. Помимо прочего, жандармы должны были давать каждому такому лицу своеобразную психологическую «аттестацию», описывая его поведенческие особенности, образ мыслей, наклонности исходя из опыта его прошедшей жизни и наличия у жандармерии каких-либо сведений о поднадзорном. Причем размытые формулировки, не подтвержденные фактами по типу «неблагонадежен» или «находится в сношениях с неблагонадежными лицами», не допускались.

В каждом отдельном случае требовалось обозначать «фактические основания, дающие вывод к сомнению в благонадежности, и указаны точно лица, сношения с которыми обратили на себя внимание наблюдения» [21. Л. 16].

«Политические обзоры местностей» как главный отчетный документ губернской жандармерии после 1867 г.

Основу информационного обеспечения жандармского руководства на протяжении второй половины XIX в. начиная с момента реорганизации политической полиции в 1867 г. составляли «Политические обзоры местностей». Это были подробные сводные отчетные документы, в которых содержалась информация фактически обо всех сторонах жизни губернского общества за отчетный период (политические настроения, нравственное состояние, социально-экономическое положение, состояние административных и государственных учреждений, учебных заведений, издательского дела, воинских подразделений, расквартированных на территории губернии, и проч.).

«Политические обзоры местностей губернии» составлялись и подписывались начальником губернского жандармского управления. Формирование таких обзоров включало несколько этапов. На первом этапе информация собиралась нижними унтер-офицерскими чинами при помощи сотрудников общей полиции (уездных исправников), осведомителей и в результате личных наблюдений и оперативных мероприятий. На следующем этапе информация поступала начальникам уездных жандармских управлений и после проверки и анализа передавалась помощникам начальника губернского жандармского управления. Последние обязаны были убедиться в объективности и достоверности полученных сведений и сформировать отчет о состоянии дел в подведомственном им уезде или уездах.

В конце каждого отчетного периода обзоры уездов передавались начальнику губернского жандармского управления, и на их основе начальник управления составлял сводный политический обзор губернии, копии которого направлялись в III Отделение (позднее – Департамент полиции) и в Штаб Отдельного Корпуса жандармов.

Основными объектами жандармского наблюдения в губернии, информацию о которых необходимо было в обязательном порядке включать в «Политические обзоры местностей», были промышленные предприятия, органы местного самоуправления, административные и государственные учреждения, учебные заведения, органы общей полиции, военные подразделения, издательства, типографии, библиотеки и книжные магазины.

Внимание пермской жандармерии к фабричному и заводскому населению существенно усилилось в 70-е гг. XIX в., после того как в начале 1870 г. рабочие Невской бумагопрядильной фабрики устроили стачку с требованиями повышения заработной платы. Событие это было нетривиальное для того времени и

сильно взволновало жандармское руководство и имперское правительство. В циркуляре от 14 июля 1870 г. начальнику Пермского ГЖУ по поводу указанной стачки сообщалось: «…стачка рабочих Невской бумагопрядильной фабрики, как явление совершенно новое, до сего времени еще не проявлявшееся в среде нашего рабочего населения, обратила на себя Высочайшее внимание <…> Его Величеству благоугодно, чтобы чины Корпуса Жандармов <…> обратили на сей предмет самое бдительное внимание» [18. Л. 3].

Еще одним объектом наблюдения пермских жандармов, находящим отражение в каждом «Политическом обзоре», являлись учебные заведения. Вновь возникшая в начале 70-х гг. XIX в. тенденция появления в среде учащихся и преподавателей учебных заведений тайных сообществ антиправительственной направленности вызывала самые серьезные опасения у жандармерии. В результате с декабря 1873 г. у начальника Пермского ГЖУ появилась еще одна обязанность по информированию своего руководства относительно деятельности учебных заведений на территории Пермской губернии. С 1874 г., помимо общего обзора учебных заведений, в III отделение требовалось предоставлять списки народных школ и сельских учителей [18. Л. 42].

Достаточно серьезный контроль осуществлялся и за служащими административных учреждений. Жандармское руководство крайне интересовала политическая благонадежность сотрудников таких учреждений, поэтому с 1870 г. губернская жандармерия обязана была регулярно, каждые два месяца, направлять в центральные органы политической полиции так называемые перечневые ведомости обо всех лицах, вновь поступивших на службу или переведенных из других губерний. При этом такие ведомости должны были содержать информацию о причинах назначения, перевода или увольнения, а при наличии опыта службы – сведения о предыдущем месте службы.

Особое внимание в своих обзорах жандармы уделяли деятельности земских собраний. Основные проблемы пермских земств, отмечаемые жандармскими офицерами, были связаны с их социальным составом, сбором земских налогов и коррупцией. Поскольку население Пермской губернии отличалось малым количеством дворян-землевладельцев, в состав земских собраний входили по большей части крестьяне, мещане, реже – купцы и еще реже – представители иных сословий, что обусловливало отсутствие в их среде людей достаточно образованных и «подготовленных к своим рангам» [22. Л. 233]. С этим же были связаны постоянные подозрения земских служащих в мздоимстве и присвоении средств, выделяемых земствам. Так, начальник Пермского ГЖУ в 1886–1891 гг. подполковник Н.П. Евстафьев в «Обзоре Пермской губернии» за 1888 год писал: «…при отсутствии интеллигенции земства состоят <…> из личностей, в большинстве достигших положенного ценза и влияния в окружающей среде путем неправильного обогащения и наживы <…> Земские такого типа деятели преследуют преимущественно свои личные интересы и цели» [23. Л. 53].

Особые отношения складывались у пермских жандармов с органами общей полиции. В каждом «Политическом обзоре» давалась характеристика как полицейских ведомств, так и криминальной обстановке в губернии, напрямую зависящей от состояния и деятельности самой полиции. Во многом у жандармских и полицейских сотрудников цели совпадали. Однако отсутствие четких законодательных разграничений их деятельности по некоторым направлениям, пересечение профессиональных интересов и низкий уровень взаимного информирования предопределяли характер отношения жандармов к полицейским чинам. Первый начальник Пермского ГЖУ подполковник М.П. Самойлов так характеризовал особенности полицейских служащих губернии, связывая свою оценку с их низким материальным обеспечением: «…при ограниченности законных средств к жизни чинов полиции невозможно привлекать на полицейские должности людей более достойных, которые, даже чувствуя призвание к подобной деятельности, опасаются принять на себя столь трудную и столь мало вознаграждаемую обязанность» [24. Л. 19 об.–20].

Примечательно, что «Политические обзоры» не являлись сугубо формализованным и скупым на эмоциональные окраски описанием той или иной сферы. Жандармские офицеры, анализируя ситуацию и составляя отчетные документы, нередко приводили свои личные умозаключения и суждения, не предусмотренные правилами формализации таких документов. Допущение подобной вольности, с одной стороны, давало возможность жандармскому руководству более живо взглянуть на ситуацию глазами ее очевидцев, а с другой – повышало риск субъективизации оценок происходящего и искажения истинной картины событий.

Таким образом, «Политические обзоры местностей» на протяжении нескольких десятилетий являлись главным аналитическим документом, на основании которого вышестоящее жандармское руководство и высшие государственные чины могли формировать представление о настроениях местного населения, его политических взглядах и уровне лояльности к существующему режиму, а также оценивать криминогенную обстановку в регионе и на базе этого проводить в жизнь ту или иную политическую инициативу. По сути, именно от губернских жандармских чиновников напрямую зависел тот вектор политической воли, в рамках которого шло развитие взаимоотношений между властями и региональным обществом в этот крайне сложный в социально-политическом отношении период.

И при этом стоит отметить, что далеко не всегда картина политической ситуации в регионе преподносилась жандармами в исключительно объективном свете.

Определенным доказательством служит тот факт, что пермские жандармы в обзорах за 60–70-е гг. XIX в. характеризовали политическую обстановку в Пермской губернии как исключительно спокойную, а самой распространенной формулировкой по этой теме была следующая: «политическое направление жителей

Пермской Губернии в отчетном году вообще не представило ничего, могущего послужить к каким-либо неблагоприятным заключениям» [25. Л. 30]. Однако подобные выводы расходятся с результатами исследований советских историков Ф.С. Горового и Я.Б. Рабиновича. Так, Ф.С. Горовой сообщает, что в Пермской губернии только за период с 1867 по 1871 г. произошло 27 рабочих волнений, при этом 9 из них он охарактеризовал как стачки [26. С. 145]. Я.Б. Рабинович в свою очередь отмечал, что с 1870 по 1879 г. в Пермской губернии было более 20 рабочих стачек [27. С. 23]. Вдобавок к этому «особенно обострились в этот период аграрные противоречия», что приводило к волнениям и в крестьянской среде [28. С. 26].

В то же время в «Политических обзорах» Пермской губернии за 70-е гг. XIX в. почти нет упоминаний о каких-либо происшествиях политического характера. Некоторым исключением могут быть несколько общих фраз в обзоре за 1879 г. о возможности «недоразумений… волнений и даже беспорядков» среди горнозаводского населения [29. Л. 12]. При этом, что характерно, тут же оговаривается, что подобное представлено «только в смысле предусмотрительном, но на самом деле до сих пор спокойствие края не нарушалось» [29. Л. 12 об.]. Тогда как, по сведениям Я.Б. Рабиновича, только в 1879 г. происходили забастовки рабочих Мотовилихинского, Добрянского и Очерского заводов [28. С. 25].

Это дает повод сделать предположение о том, что пермские жандармы, сообщая о полном политическом спокойствии, часто могли не включать в «Обзоры» информацию о некоторых случаях политической дестабилизации, в особенности если ситуацию удавалось урегулировать на местном уровне и своими силами. Наверх сообщалось в основном о более или менее успешных мероприятиях и дознаниях, проводимых жандармами. О серьезных же происшествиях политического характера доносилось лишь в самом крайнем случае, когда скрыть подобную информацию не представлялось возможным. Делалось ли это из частного желания не вызвать гнев вышестоящего начальства здесь и сейчас или же жандармские чиновники преследовали более дальновидные цели охраны общественного спокойствия при возможности сохранения в условной тайне определенной информации, которая могла вызвать излишнее волнение во властных кругах или же стать примером и поводом для новых политических волнений, на данный момент доподлинно выяснить не представляется возможным. Тем не менее, именно политической полиции в лице чинов жандармского управления удавалось на протяжении второй половины XIX в. сохранять относительную политическую стабильность и достаточно успешно противодействовать антигосударственным проявлениям на территории Пермской губернии.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что система информационного обеспечения и отчетности российской жандармерии к 70-м гг. XIX в. претерпела заметные изменения. С введением практики предоставления политических обзоров местностей упорядочилась структура жандармских отчетов, расширился ряд объектов жандармского наблюдения, а сами отчеты приобрели более единообразный, формальный вид.

Жандармское руководство достаточно живо реагировало на изменение общественных настроений и регулярно усиливало контроль за теми или иными группами лиц, периодически вводя для губернской жандармерии новые отчетные формуляры. Это в конечном итоге позволяло принимать более взвешенные системные решения.

И хотя информация, содержащаяся в жандармской отчетной документации, часто могла быть неполной, а оценочные выводы жандармских офицеров носили в некоторых случаях весьма субъективный характер, в основной своей массе такие документы в достаточной мере отражали губернскую действительность второй половины XIX в. А допускаемый жандармским руководством субъективный анализ и личные рассуждения губернских жандармов позволяли глубже прочувствовать отношение рядового сотрудника политической полиции к своей работе и взглянуть на жизнь губернского общества второй половины XIX в. глазами очевидца.

Список источников

1. Ольминский М.С. Из прошлого. Происхождение жандармов. М., 1919. 120 с.
2. Павлов П. Агенты, жандармы, палачи. Пг., 1922. 80 с.
3. Лонге Ж., Зильберт Г. Терроризм и охранка. М, 1924. 215 с.
4. Меньщиков Л.П. Охранка и революция: к истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия. М., 1925. 431 с.
5. Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870-х годов в России. М., 1952. 368 с.
6. Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 70–80 гг. XIX в. М., 1964. 513 с.
7. Ерошкин Н.П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., I960. 395 с.
8. Перегудова З.И. Департамент полиции и секретная агентура (1902-1917 годы) // Исторические чтения на Лубянке. М., 1999. С. 55–60.
9. Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2000. 430 с.
10. Ульянова Л.В. Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи: власть игры, игра властью. 1880–1905. СПб., 2020. 358 с.
11. Кирмель Н.С. Жандармерия и контрразведка России в годы Первой мировой войны. М., 2021. 560 с.
12. Бибиков Г.Н. Полугодовые донесения губернских жандармских штаб-офицеров как источник по истории местного управления Российской Империи 1830-х гг. // Новое прошлое. 2021. № 1. С. 34–57.
13. Румянцев П.П. Жандармская отчетность 1850–1870-х гг. как источник по истории развития золотопромышленности Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24, № 3. С. 89–94.
14. Матвеев О.В. Казаки глазами жандармов (по политическим обзорам Кубанской области 1880-х годов) // Российское казачество: история, проблемы возрождения и перспективы развития : материалы Всерос. заоч. науч.-практ. конф. (октябрь 2011 г.). Краснодар, 2012. С. 186–192.

15. Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование : в 2 т. СПб., 1903. Т. 2. 820 с.
16. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 110. Оп. 2. Д. 157.
17. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 7. Д. 434.
18. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 162. Оп. 2. Д. 3.
19. ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 76.
20. ГАПК. Ф. 162. Оп. 3. Д. 30.
21. ГАПК. Ф. 162. Оп. 2. Д. 203.
22. ГАПК. Ф. 162. Оп. 2. Д. 11.
23. ГАПК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 28.
24. ГАПК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 11.
25. ГАПК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 6.
26. Горовой Ф.С. Отмена крепостного права и рабочие волнения на Урале. Пермь, 1954. 148 с.
27. Рабинович Я.Б. Стачечная борьба в Пермской губернии в 70-х годах XIX века // Ученые записки Пермского университета. Т. XXI, вып. 1. Пермь, 1961. С. 3–28.
28. Рабинович Я.Б. Пермские «декабристы». Пермь, 1966. 100 с.
29. ГАПК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 18.

References

1. Olminskiy, M.S. (1919) *Iz proshlogo. Proiskhozhdenie zhandarmov* [From the past. The origin of the gendarmes]. Moscow.
2. Pavlov, P. (1922) *Agenty, zhandarmy, palachi* [Agents, gendarmes, executioners]. Petrograd.
3. Longuet, J. & Silbert, G. (1924) *Terrorizm i okhranka* [Terrorism and the Okhrana]. Moscow. (In Russian).
4. Menshchikov, L.P. (1925) *Okhranka i revolyutsiya: k istorii taynykh politicheskikh organizatsiy, sushchestvovavshikh vo vremena samoderzhaviya* [The Okhrana and the revolution: towards a history of secret political organizations that existed during the times of autocracy]. Moscow.
5. Zayonchkovskiy, P.A. (1952) *Voennye reformy 1860–1870-kh godov v Rossii* [Military reforms of the 1860s–1870s in Russia]. Moscow.
6. Zayonchkovskiy, P.A. (1964) *Krizis samoderzhaviya na rubezhe 70–80 gg. XIX v.* [The crisis of autocracy at the turn of the 1880s]. Moscow.
7. Eroshkin, N.P. (1960) *Ocherki istorii gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevolyutsionnoy Rossii* [Essays on the history of state institutions in pre-revolutionary Russia]. Moscow.
8. Peregudova, Z.I. (1999) Departament politsii i sekretnaya agentura (1902-1917 gody) [The Police Department and secret agents (1902-1917)]. In: *Istoricheskie chteniya na Lubyanke* [Historical Readings on Lubyanka]. Moscow. pp. 55–60.
9. Peregudova, Z.I. (2000) *Politicheskiy sysk Rossii (1880–1917 gg.)* [Political investigation in Russia (1880–1917)]. Moscow.
10. Ulyanova, L.V. (2020) *Politicheskaya politsiya i liberal'noe dvizhenie v Rossiyskoy imperii: vlast' igry, igra vlast'yu. 1880–1905* [The political police and the liberal movement in the Russian Empire: the power of the game, the game of power. 1880–1905]. St. Petersburg.
11. Kirmel, N.S. (2021) *Zhandarmeriya i kontrrazvedka Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny* [The Gendarmerie and counterintelligence of Russia during the First World War]. Moscow.
12. Bibikov, G.N. (2021) Polugodovye doneseniya gubernskikh zhandarmskikh shtab-ofitserov kak istochnik po istorii mestnogo upravleniya Rossiyskoy Imperii 1830-kh gg. [Semi-annual reports of provincial gendarme staff officers as a source on the history of local government of the Russian Empire in the 1830s]. *Novoe proshloe.* 1. pp. 34–57.
13. Rumyantsev, P.P. (2017) Zhandarmskaya otchetnost' 1850–1870-kh gg. kak istochnik po istorii razvitiya zolotopromyshlennosti Zapadnoy Sibiri [Gendarme reports of the 1850s–1870s as a source on the history of the development of the gold industry in Western Siberia]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 24 (3). pp. 89–94.
14. Matveev, O.V. (2012) [Cossacks through the eyes of gendarmes (based on political reviews of the Kuban region in the 1880s)]. *Rossiyskoe kazachestvo: istoriya, problemy vozrozhdeniya i perspektivy razvitiya* [Russian Cossacks: History, Problems of Revival and Development Prospects]. Proceedings of the All-Russian Correspondence Conference (October 2011). Krasnodar. pp. 186–192. (In Russian).
15. Shilder, N.K. (1903) *Imperator Nikolay I. Ego zhizn' i tsarstvovanie* [Emperor Nicholas I. His life and reign]. In 2 vols. Vol. 2. St. Petersburg.
16. State Archive of the Russian Federation (GA RF). Fund 110. List 2. File 157. (In Russian).
17. State Archive of the Russian Federation (GA RF). Fund 109. List 7. File 434. (In Russian).
18. State Archive of Perm Krai (GA PK). Fund 162. List 2. File 3. (In Russian).
19. State Archive of Perm Krai (GA PK). Fund 65. List 5. File 76. (In Russian).
20. State Archive of Perm Krai (GA PK). Fund 162. List 3. File 30. (In Russian).
21. State Archive of Perm Krai (GA PK). Fund 162. List 2. File 203. (In Russian).
22. State Archive of Perm Krai (GA PK). Fund 162. List 2. File 11. (In Russian).
23. State Archive of Perm Krai (GA PK). Fund 162. List 1. File 28. (In Russian).
24. State Archive of Perm Krai (GA PK). Fund 162. List 1. File 11. (In Russian).
25. State Archive of Perm Krai (GA PK). Fund 162. List 1. File 6. (In Russian).
26. Gorovoy, F.S. (1954) *Otmena krepostnogo prava i rabochie volneniya na Urale* [The abolition of serfdom and worker unrest in the Urals]. Perm.
27. Rabinovich, Ya.B. (1961) Stachechnaya bor'ba v Permskoy gubernii v 70-kh godakh XIX veka [The strike struggle in Perm province in the 70s of the 19th century]. *Uchenye zapiski Permskogo universiteta*. XXI (1). pp. 3–28.
28. Rabinovich, Ya.B. (1966) *Permskie "dekabristy"* [The Perm "Decembrists"]. Perm.
29. State Archive of Perm Krai (GA PK). Fund 162. List 1. File 18. (In Russian).

Информация об авторе:
Новоселов П.А. – аспирант кафедры философии и общественных наук Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (Пермь, Россия). E-mail: nov.com@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
P.A. Novoselov, postgraduate student, Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russian Federation). E-mail: nov.com@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.04.2025;
одобрена после рецензирования 13.04.2025; принята к публикации 10.10.2025.

The article was submitted 03.04.2025;
approved after reviewing 13.04.2025; accepted for publication 10.10.2025.

Научная статья
УДК 94:614(571.16)“19/20”
doi: 10.17223/15617793/519/15

Организация санитарного просвещения в Томской губернии в XIX – начале XX в.

Ксения Анатольевна Прокопенко[1], Оксана Сергеевна Хрулева[2]

[1, 2] Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
[1] kseniya.s@mail.ru
[2] shamaim_7@mail.ru

Аннотация. На основании архивных материалов и сведений, опубликованных в местных периодических изданиях, рассматриваются основные формы ведения санитарного просвещения в Томске и Томской губернии в XIX – начале XX в., раскрываются их особенности, анализируются причины интенсификации санитарно-просветительной деятельности в регионе. Выявлена роль органов управления, частной и общественной инициатив в деле ведения санитарного просвещения. Показана роль СМИ, образовательных учреждений, публичных лекций и благотворительных акций как механизмов распространения медицинских знаний в обществе в Томской губернии в дореволюционный период.
Ключевые слова: санитарное просвещение, здравоохранение, Томск, Томская губерния

Для цитирования: Прокопенко К.А., Хрулева О.С. Организация санитарного просвещения в Томской губернии в XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 519. С. 118–124. doi: 10.17223/15617793/519/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/519/15

Organization of health education in Tomsk Province in the 19th – early 20th centuries

Kseniya A. Prokopenko[1], Oksana S. Khruleva[2]

[1, 2] National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
[1] kseniya.s@mail.ru
[2] shamaim_7@mail.ru

Abstract. This article aims to analyze and characterize the principal methods of health education in Tomsk Province and the broader Siberian region during the 19th and early 20th centuries. Preventive healthcare constituted an essential component of the Russian healthcare system in the pre-revolutionary period. However, the question of Siberia's distinctive features in health education has not been examined in sufficient detail. The conclusions presented in this paper are drawn from the analysis of Russian and Siberian archival materials, including statistical data and pre-revolutionary periodicals. The authors identify the factors contributing to the intensification of health education in Russia during the 19th and early 20th centuries, examine the principles of zemstvo medicine, and characterize the specific features of health education in Tomsk Province. The study defines and describes the following forms of health education: distribution of leaflets, publication of articles on medical topics in periodicals, instruction in hygiene within educational institutions, public lectures and charitable events, and the promotion of healthy lifestyles. The research reveals that physicians in the pre-revolutionary period regarded health education as one of the primary means of disease prevention and of reducing the burden on the healthcare system. Throughout the period under examination, physicians systematically carried out health education activities. Moreover, by the late 19th and early 20th centuries, both the intensity of health education efforts and the initiative demonstrated by physicians had increased. In addition to physicians, representatives of the clergy, members of the intelligentsia, and professors at Tomsk University actively participated in health education within the region. At the same time, health education in Tomsk exhibited its own distinctive characteristics. For instance, certain methods popular among zemstvo physicians in other regions—such as medical exhibitions and public medical readings—were not employed in Tomsk Province. Contemporaries' assessments of the outcomes of health education efforts were contradictory. Nevertheless, it can be asserted that health education contributed to the formation of medical culture in Tomsk Province, including among the rural population, and assisted in addressing health problems while promoting improved lifestyles.
Keywords: health education, health care system, Tomsk, Tomsk Province

***For citation*:** Prokopenko, K.A. & Khruleva, O.S. (2025) Organization of health education in Tomsk Province in the 19th – early 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 519. pp. 118–124. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/519/15

© Прокопенко К.А., Хрулева О.С., 2025

Охрана человеческого здоровья является важным направлением социальной политики любого государства. Пандемия COVID-19, прошедшая в 2020–2023 гг., стала масштабным мировым кризисом в области здравоохранения и выявила уязвимые стороны современных медико-лечебных систем. Отсутствие на первых порах эффективных методов лечения данного заболевания актуализировало проведение профилактики, при этом были важны усилия не только органов власти и медицинских организаций, но и общества в целом. Общественные дискуссии, развернувшиеся вокруг предлагаемых профилактических мер, показали наличие у людей определенного недоверия к медикам и некоторых пробелов в базовых медицинских знаниях. В этой связи представляется актуальным изучение опыта ведения санитарно-просветительской деятельности в прошлом, когда врачи сталкивались с похожими проблемами.

О санитарном просвещении в дореволюционной России и его отдельных аспектах писали многие исследователи в советский и постсоветский периоды [1–6]. В монографиях и статьях рассматривалась деятельность земств, вклад духовенства, а также отдельных медицинских и общественных организаций в дело просвещения населения, однако специфика ведения санитарного просвещения в России в целом и выявление механизмов его осуществления в разных регионах страны остается недостаточно исследованным вопросом. В данной статье описываются основные формы ведения санитарно-просветительной работы в Томске и Томской губернии в дореволюционный период.

Источниковой базой для исследования служат главным образом делопроизводственные материалы и материалы периодической печати. Делопроизводственная документация, задействованная в исследовании, отражает практические меры в области ведения санитарного просвещения, которые были организованы органами центрального и местного управления. Были использованы документы, хранящиеся в Государственном архиве Томской области и в Российском государственном историческом архиве. На страницах дореволюционной периодической печати отражен вклад, который внесли томские профессора и врачи, частные лица и общественные организации в дело распространения медицинских знаний. В исследовании были задействованы материалы, опубликованные в газетах «Сибирский врач», «Томский справочный листок», «Томские епархиальные ведомости».

В качестве методологической базы исследования выступают общенаучные и специально-исторические методы познания: анализ, сравнительный метод, типологический метод. Применение этих методов позволяет выделить и описать различные формы ведения санитарного просвещения в Томской губернии в XIX – начале XX вв., а также установить их специфику и эффективность. Работа опирается на принципы историзма и объективности, требующие изучения избранного явления в его конкретно-исторической обусловленности, проявления непредвзятого отношения к объекту исследования.

Важной характерной чертой системы здравоохранения в России, как в дореволюционный, так и в советский периоды, является сочетание лечебной и активной санитарно-профилактической деятельности. Эта характерная черта русской медицины в дореволюционный период была обусловлена разными факторами, в том числе и наличием проблем в деле оказания профессиональной врачебной помощи населению страны. К таким проблемам можно отнести, в частности, недостаток профессиональных высококвалифицированных медицинских кадров, особенно в сельской местности, недостаточное материальное обеспечение, нехватку больничных мест. Об этом неоднократно писали как врачи-современники, так и авторы исследований, посвященных истории медико-лечебного дела в России [1. С. 302; 7. С. 12–13]. В данных условиях создание системы здравоохранения, направленной не только на лечение, но и на предупреждение болезней, позволяло обеспечивать нормальное функционирование медико-лечебной организации, стабилизировать, а в перспективе – снижать распространение инфекционных заболеваний среди населения. Во второй половине XIX в. в европейской части России была создана земская медицина, основные принципы которой заключались в развитии санитарного направления, ориентации на профилактику заболеваний, оказании бесплатной лечебной помощи. Данная модель отличалась от организации здравоохранения в Западной Европе в XIX в., и европейские врачи-современники высоко оценивали достижения русской земской медицины, внедряли некоторые ее элементы в европейскую врачебную практику. Так, голландский гигиенист Сальтет отмечал «замечательную санитарную организацию у русских», в Амстердаме создали медико-санитарное бюро, работавшее по методике русской земской медицины [1. С. 312].

Санитарное просвещение как одна из форм профилактической деятельности приобретало в XIX в. в России большое значение. Его задачи заключались главным образом в привлечении населения к индивидуальной профилактике и стимулировании его к своевременному обращению за профессиональной медицинской помощью.

Просветительная деятельность проводилась как земскими врачами, так и медиками, трудившимися на тех территориях Российской империи, где земств не было, в частности в Сибири, при этом сибирские медики, безусловно, ориентировались на опыт своих коллег, проживавших в европейской части России. Принципы работы земской медицины рассматривались многими врачами-современниками как передовые, их стремились перенимать и использовать в своей практике, однако, безусловно, санитарное просвещение в Сибири и в частности в Томской губернии имело свою специфику.

В XIX в. для здравоохранения Томской губернии было свойственно наличие тех же проблем, которые существовали в европейской части России. В Сибири в XIX в. ощущалась нехватка профессиональных медицинских кадров, прежде всего, потому, что вплоть до открытия в 1888 г. Императорского Томского университета на зауральских территориях не было ни одного

высшего учебного заведения, имевшего право выдавать диплом на звание лекаря, без которого было невозможно заниматься врачебной деятельностью. Медики из европейской части России не всегда охотно ехали работать в Сибирь ввиду ее отдаленности от центра страны, сурового климата и других факторов. Пытаясь решить данную проблему, правительство увеличивало жалованье врачам, находившимся на службе в Сибири. Так, констатируя, что «условия жизни в Березовском и Нарымском крае не представляют удобств, которые иногда возможны и при ограниченном содержании в прочих местностях». чиновники Главного управления Западной Сибири испрашивали увеличения жалованья для врачей приказов общественного призрения Тобольской и Томской губерний [8. Л. 50]. В 1850–1860-е гг. их жалованье, при обеспечении казенной квартирой, составляло 450 руб. в год, в то время как средний годовой оклад врача в европейской части России равнялся 200 руб. [8. Л. 1; 9. С. 69].

Также в Томской губернии наблюдалась нехватка мест в медико-лечебных учреждениях. Формирование больничной сети в губернии проходило с начала XIX в. В 1806 г. была открыта томская больница Приказа общественного призрения, в ней оказывали медицинскую помощь гражданскому населению Томска и Томского уезда [10. Л. 388]. В дальнейшем подобные медицинские учреждения были созданы в Нарыме и Каинске [11. Л. 1–2; 12. Л. 280]. Также для некоторых категорий населения создавались специальные ведомственные больницы, прежде всего для военных чинов, рабочих, учащихся, однако в XIX в. не во всех городах Томской губернии была организована стационарная медицинская помощь. Так, в медицинском отчете за 1861 г. отмечалось, что в Барнауле «больницы нет… больные лечатся на дому» [12. Л. 241]. Что касается сельского населения, то крестьяне, проживавшие вблизи городов, могли обращаться в приказные больницы, в целом же медицинскую помощь им оказывали преимущественно фельдшеры и повивальные бабки, с 1879 г. – врачи [13. С. 72]. В 1888 г. по новым штатам в Томскую губернию было назначено 8 сельских врачей и один врач для командировок, 50 сельских фельдшеров и 30 повивальных бабок [14. Л. 2]. К 1896 г. в Томской губернии работало 25 больниц, насчитывавших 917 коек [14. Л. 31].

Таким образом, в XIX в. в Томской губернии проведение мероприятий по профилактике заболеваний было актуальным, и просветительская работа рассматривалась как часть профилактических мер. Организатором данной работы первоначально выступала Томская губернская врачебная управа, однако со временем все большее распространение получала частная инициатива практикующих врачей.

Санитарное просвещение населения губернии в течение XIX в. осуществлялось различными методами. К их числу относилось распространение листовок и иллюстраций на актуальные медицинские темы. Так, еще в 1814 г. было решено централизованно рассылать по уездам «карикатурные картинки», предназначенные для популяризации оспопрививания. Известно, что среди населения существовало недоверие к данной мере профилактики оспы, однако интересно, что картинки предназначались в том числе и медикам с тем, «дабы они прилагали… старание… к прививке предохранительной оспы детям с удостоверением о сем спасительном предмете жителей» [15. Л. 75].

Практика распространения листовок на медицинские темы проводилась в течение всего дореволюционного периода. Содержание таких листовок было различным. Часто издавались и распространялись во время эпидемий рекомендации о том, как уберечься от болезней. Также в листовках освещались правила гигиены, здорового питания, содержались предостережения о вредном воздействии холода на организм и призывы не заниматься самолечением. В частности, медики рекомендовали держать ноги в тепле, не ложиться на голую землю, не подстелив под себя соломы, умеренно питаться, избегать холодной и слишком жирной пищи, недопеченого хлеба, пить чистую или кипяченую воду, сохранять чистоту воздуха и др. [16. Л. 17-а]. Публиковались правила проведения дезинфекции. Иногда листовки, создававшиеся в целях медико-санитарного просвещения, содержали также наставления, касавшиеся нравственности, призывы к трезвости, а также рекомендации поведения в повседневной жизни. Например, во время холерной эпидемии 1892 г. в Томской губернии распространялись листовки, в которых содержались, помимо традиционных сведений о мерах предохранения от болезни, призывы отказаться от «праздничных разгулов», выходные и праздники «посвятить Богу, как повелевает святая церковь, время проводить дома за божественным чтением» [17. Л. 164–167]. Данный пример свидетельствует о том, что просветительская работа врачей имела целью не только предупреждение болезней, но и социальных пороков, также весьма вероятно, что содержание листовок могло определяться в том числе представителями духовенства.

В XIX в. в российском обществе существовала проблема недоверия к врачам, фельдшерам и оспопрививателям, и она обсуждалась в медицинских кругах. Вот как об этом писали, например, в одном из медицинских отчетов 1880-х гг.: «Немало людей-простолюдинов, которые отказываются от медицинской помощи, даже если есть возможность обратиться к медику, частью по невежеству и по предрассудкам, частью по врожденной склонности прибегать к обставленному разными таинственными приемами врачеванию знахарей и знахарок. Нельзя оставить без внимания и характера деятельности, присвоенного окружным и городским врачам, – судебно-медицинская и медико-полицейская обязанности. Крестьянин не может примириться с мыслью, что врач, который производит вскрытие трупов… может с любовью относиться к страждущему… Такая двойственность… отделяет врача официального, судебного и полицейского от врача врачующего» [18. С. 37–38]. Настороженное отношение к медицинским работникам осложняло не только лечение заболевших людей, но и препятствовало распространению врачами гигиенических правил среди населения. В таких условиях медики шли на сотрудничество с православной церковью: представители духовенства участвовали в

распространении листовок, содействовали противоэпидемическим мероприятиям, обучали крестьян правилам гигиены. Можно сказать, что проходила интеграция усилий представителей православной церкви и медицинской корпорации для обеспечения более эффективного функционирования медико-лечебной сферы, что иногда выражалось институционально. Известно, например, что в состав Томского губернского оспенного комитета входил представитель духовенства [19. Л. 4].

Подобная работа требовала от священнослужителей определенных знаний и навыков. Со временем в духовных учебных заведениях проводились уроки гигиены, устраивались курсы оспопрививания. В частности, к началу XX в. в Томском епархиальном женском училище уже сложилась практика проведения для воспитанниц обширного курса по гигиене, что было закреплено в программе учебного заведения. В течение трех лет в рамках курса ученицы получали представление о заболеваниях, оказании первой медицинской помощи, о педиатрии, правилах ухода за детьми, о влиянии окружающей среды на здоровье человека, о гигиене воздуха, жилых помещений и многих других вопросах [20]. Выпускницы епархиальных училищ, как правило, становились сельскими учительницами, а потому могли применять полученные ими знания на практике, оказывая простейшую медицинскую помощь нуждающимся, а также транслировать знания в крестьянские семьи [21]. Поэтому включение подобных курсов в учебные программы являлось еще одной формой санитарного просвещения и могло способствовать развитию медицинской культуры общества в целом.

Еще одной популярной в дореволюционный период формой ведения санитарно-просветительной работы было издание публикаций в местных периодических изданиях. В томских газетах и журналах регулярно печатались научно-популярные статьи и заметки о последних достижениях медицинской науки, реклама медицинских препаратов, освещались вопросы санитарии и гигиены. Тематический спектр подобных публикаций обширен. Так, например, в газете «Томский справочный листок» были напечатаны статьи «Квартиры как очаги болезней» [22. 6 июля], «На случай холеры» о мерах предосторожности во время эпидемии [22. 2 сент], «К вопросу об оздоровлении Томска» с критикой «неряшливого содержания улиц» и выдержками из очерков врачей о вреде заражения воздуха, почв и вод [22. 25 окт.], в кратких заметках приводилась информация о новейших научных достижениях, например, о создании прививки от дифтерита [23. 19 окт.] и др. Подобные публикации можно найти на страницах других томских газет, в том числе ориентированных на отдельные социальные группы; примером такого издания служат «Томские епархиальные ведомости». Эта работа велась систематически, в некоторых газетах в течение года выходило более десятка заметок и статей на темы, связанные с санитарным просвещением, не считая материалов, посвященных состоянию медико-лечебной сферы Томска и Томской губернии. Задачи подобных публикаций сводились к формированию у людей знаний о болезнях и способах их предупреждения, о правилах гигиены, которые следует соблюдать в быту. Обсуждение вопросов санитарного состояния местности и влияния внешних условий на здоровье человека должно было способствовать осознанию в обществе важности заботы об окружающей среде.

Случалось, что подобные материалы вызывали общественный резонанс и дискуссии. Так, в 1894 г. после появления в газете «Томский справочный листок» заметки о том, что открытие суконной фабрики возле Басандайки может загрязнить воды реки и негативно повлиять на здоровье людей, на страницах издания завязалась полемика между редакцией и купцом И.И. Колосовым, стремившимся доказать безвредность своего будущего производства, при этом купец подробно описывал технологию производства тканей, которую он планировал применять на фабрике, а также рассказывал о фильтрационных устройствах [22. 27, 30 окт.]. Это обсуждение в прессе показывает, что в сибирском обществе активно формировалось представление о ценности общественного здоровья и сохранения чистоты окружающей среды, – все это вынудило И.И. Колосова доказывать в печати безопасность промышленного предприятия, которое он планировал открыть.

Интересно также появление на страницах газеты «Томский справочный листок» серии публикаций о минеральных водах Томской губернии, основанной на докладах врачей А.И. Макушина, В.М. Крутовского, а также на научном исследовании профессора Томского университета С.И. Залесского [23. 13, 17, 20, 21, 24 мая]. В заметках приводились подробные описания: указывалось, пригодны ли источники для питья или для купания, против каких болезней лечение водами могло быть эффективным, приводились характеристики вод, а также сравнение их с минеральными водами знаменитых европейских курортов. Также освещалась информация, необходимая при планировании поездки: описания особенностей климата и погоды, расположения источника; расстояние до крупных близлежащих населенных пунктов, больниц, телеграфа, почты; доступные развлечения; стоимость жизни и аренды жилья. Заметки были краткими, написаны языком, понятным читателю, печатались в мае, перед началом сезона лечения, когда тематика становилась актуальной. Редакция газеты не только знакомила своего читателя с минеральными водами как средством сохранения и восстановления здоровья, что по своей сути является частью санитарно-просветительной работы, но также, превратив заметки в своеобразный путеводитель, расширяла представления о родном крае и возможностях отдыха в нем.

Однако, несмотря на все достоинства, у данной формы ведения санитарного просвещения все же были и недостатки. Прежде всего это ограниченный характер воздействия, поскольку публикации в периодических изданиях были адресованы в первую очередь образованной части населения, преимущественно, горожанам.

И хотя к началу XX в. определенные результаты такой работы уже были видны, о чем можно судить по

дискуссиям на страницах местных газет, все же данный метод не мог заменить другие формы санитарного просвещения.

Важной мерой распространения среди населения медицинских знаний стала организация публичных лекций. Сведения об их проведении в Томске появляются в прессе на систематической основе с конца XIX в., что, очевидно, связано с открытием в Томске университета и появлением профессоров-медиков. Чаще всего посещение лекций для слушателей было свободным, если плата все же взымалась, то, как правило, она шла на благотворительные цели. Наиболее известны лекции, приуроченные к проводившемуся в Томске благотворительному мероприятию «День белого цветка», организованному томским отделом Всероссийской лиги по борьбе с туберкулезом. Денежные средства шли на лечение туберкулезных больных. В 1914 г. во время проведения «Дня белого цветка» санитарно-просветительные лекции для населения читали томские врачи Н.В. Соколов, Б.З. Ноторин, П.В. Бутягин и др. [24. 11 мая]. Очевидно, что лекции, проводившиеся в рамках благотворительных мероприятий, помимо реализации просветительных задач, способствовали некоторому смягчению насущных проблем здравоохранения. Однако они не могли охватить широкие слои населения и, вероятно, привлекали образованных и состоятельных людей, уже знакомых с медицинскими вопросами и вовлеченных в поднимавшиеся на лекциях проблемы. Так, в отчете по сбору средств с публичной лекции М.Г. Курлова «О новейших успехах лечения внутренних болезней» среди названных в газете жертвователей встречаются имена главы Томской епархии епископа Макария (Невского), представителей купечества (Кухтерина, Толкачев) и медицинского сообщества (Э.Г. Салищев, Н.А. Рогович, Ф.Ю. Маткевич) [23. 26 янв.].

Санитарно-просветительная работа, проводившаяся в Томске и Томской губернии, могла сочетаться с практическими мероприятиями, направленными на поддержание здоровья человека. Такой работой систематически занималось Общество содействия физическому развитию, созданное в Томске в 1896 г. с целью распространения знаний о гармоничном развитии человеческого организма и создания условий для укрепления физических сил человека, при этом большое внимание уделялось вопросам здорового развития детей. С 1913 г. на средства общества выпускался журнал «Здоровье для всех», в котором публиковались статьи, посвященные физическому воспитанию, проблемам распространения гигиенических знаний, вопросам устройства школьного образования. Так, например, врач Н.И. Соломин в статье «К вопросу о задачах наших школ» говорил о необходимости привлечь внимание людей к проблеме физического развития школьников, увеличить в системе образования роль спорта и игр за счет сокращения учебных программ [25. С. 11–12]. Томские медики в рамках деятельности общества разрабатывали теоретические вопросы правильного физического воспитания и старались на практике воплощать свои идеи. Благодаря их усилиям в Томске и сельской местности организовывались детские летние и зимние физкультурные площадки, катки, купальни, бесплатные завтраки в школах, при этом члены Общества стремились по возможности воздействовать на как можно более широкие слои населения.

Таким образом, зафиксированные в архивных документах и дореволюционной периодической печати сведения показывают, что санитарное просвещение проводилось на территории Томской губернии с начала XIX в. до конца рассматриваемого периода. Организация санитарно-просветительных мероприятий осуществлялась органами местного управления, также инициатива исходила от представителей медицинской корпорации и образованных слоев общества, содействие им оказывали представители местного духовенства. При этом после второй половины XIX в. в источниках гораздо чаще фиксируются примеры просветительной деятельности, инициированной общественностью, что может быть вызвано такими факторами, как формирование и популяризация в России принципов земской медицины, в рамках которой санитарное направление стало одним из основных, ведение в российских медицинских кругах дискуссии о роли профилактики в медико-лечебном деле и приоритете гигиенического направления [1. С. 332], открытие университета в Томске, а также развитие местной периодической печати, освещавшей важные события общественной жизни в регионе.

Санитарное просвещение проводилось в Томской губернии в разнообразных формах: распространение листовок, выход в периодических изданиях публикаций на медицинскую тематику, включение в образовательные программы учебных заведений гигиены как отдельного предмета, проведение публичных лекций и благотворительных мероприятий, пропаганда и создание условий ведения здорового образа жизни. Можно отметить, что в отдельных случаях санитарно-просветительная работа сочеталась с практической деятельностью по улучшению жизни в регионе: например, пожертвования, собранные на публичных лекциях, направлялись в пользу местных больниц, публикации о минеральных водах могли способствовать развитию туризма в Сибири. В целом формы ведения санитарного просвещения в Томской губернии повторяют методы, использовавшиеся представителями земской медицины, но все же некоторые практики, распространенные в европейской части России, почти не встречались в Томске, в частности, не проводились медицинские выставки, популярные медицинские чтения [26].

Представляется, что санитарное просвещение в регионе осуществлялось неравномерно. Томск, будучи губернским и образовательным центром, несомненно, предоставлял больше возможностей для реализации данной деятельности, что связано с наличием в нем университета и активностью профессоров-медиков, и в целом более высокой концентрацией медицинских кадров. В малых городах и селах Томской губернии распространение медицинских знаний среди населения осуществлялось другими методами и, вероятно, шло менее интенсивно, хотя объективно оценить этот процесс, как и его результативность, довольно трудно в силу противоречивости и фрагментарности информации, представленной в источниках.

Так, в местной прессе конца XIX в. можно встретить косвенные свидетельства роста интереса общества к вопросам медицины и проблемам сохранения здоровья, однако при этом томские медики в начале XX в. довольно скептично оценивали общий уровень медицинской культуры населения: отмечали невежество в вопросах личной гигиены, недоверие к профессиональным медикам, популярность знахарей, народных целителей, шарлатанов. В частности, доктор медицины П.В. Бутягин писал: «Для принятия радикальных широких гигиенических мер мы очень бедны и малокультурны» [27. С. 170]. Встречаются и иные оценки современников. Например, при обсуждении проекта увеличения штата врачебной части в сельской местности томский губернатор писал в Санкт-Петербург: «В последние годы само сельское население стало проявлять некоторую заботливость о своих нуждах и стало более сознательно относиться к медицинской помощи. Так, 6 крестьянских обществ нанимают от себя фельдшеров и каждогодно жертвуют известную сумму на приобретение медикаментов… В 1893 г., в виду возможности возобновления холеры, 34 волости пожертвовали около 2000 руб. на приобретение медикаментов, которые долго служили подспорьем при лечении сельского населения» [14. Л. 2].

Данный пример демонстрирует готовность крестьян проявлять инициативу по обеспечению себя профессиональной медицинской помощью. В целом можно констатировать, что ведение санитарно-просветительской работы оказывало влияние на формирование медицинской культуры населения губернии, в том числе сельского, что помогало в решении проблем здравоохранения и благоустройстве общественной жизни.

Список источников

1. Мирский М.Б. Медицина России XVI – XIX вв. М. : РОССПЭН, 1996. 400 с.
2. Ильин А.И. Из истории санитарного просвещения во Владимирской губернии в земский период // Гигиена и санитария. 1984. № 6. С. 32–35.
3. Караваева Е.В. Формирование санитарной культуры учащихся духовного ведомства в конце XIX – начале XX в. (на примере Томского епархиального женского училища) // Сибирский журнал клинической и экспериментальной медицины. 2008. Т. 23, № 3-2. С. 118–125.
4. Караваева Е.В. Подготовка священнослужителей к оказанию санитарной и медицинской помощи сельскому населению в конце XIX – начале XX в. (на примере Томской епархии) // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4/1. С. 96–100.
5. Караваева Е.В. Санитарно-просветительская и медицинская деятельность Русской православной церкви в деревне Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 1. С. 59–64.
6. Иконников С.К. Доктор Пирусский. Томск, 2005. 371 с.
7. Моллесон И.И. Земская медицина. Казань, 1871. 56 с.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 20. Д. 225.
9. Левит М.М. Становление общественной медицины в России. М., 1974. 332 с.
10. РГИА. Ф. 1287. Оп. 11. Д. 343.
11. РГИА. Ф. 1341. Оп. 36. Д. 1293.
12. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 116.
13. Почеревин Е.В. Развитие сельской медицинской сети в Томской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. № 23 (1). С. 71–79.
14. РГИА. Ф. 1288. Оп. 12. Д. 1292.
15. ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3.
16. ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 438.
17. ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 416.
18. Памятная книжка Томской губернии на 1884 год. Томск, 1884. 175 с.
19. ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7.
20. Томские епархиальные ведомости. Томск, 1912.
21. Кремнев Д.Н. Женские епархиальные училища Российской империи в начале XX века: к вопросу о проблемах и перспективах развития // Вестник исторического общества Санкт-Петербургской духовной академии. 2020. № 1 (4). С. 95–110.
22. Томский справочный листок. Томск, 1894.
23. Томский справочный листок. Томск, 1895.
24. Сибирский врач. Томск, 1914.
25. Соломин Н.И. К вопросу о задачах наших школ // Здоровье для всех. Томск, 1917. № 1. С. 11–12.
26. Бужко-Лихтенберже С. Популяризация гигиенических знаний в Сибири // Здоровье для всех. Томск, 1917. № 1. С. 13–18.
27. Бутягин П. О предохранительных прививках против холеры // Труды Общества практических врачей Томской губернии. 1904–1908. Томск, 1910. Вып. 2. С. 170.

References

1. Mirskiy, M.B. (1996) *Meditsina Rossii XVI – XIX vv.* [Medicine in Russia of the 16th – 19th Centuries]. Moscow: ROSSPEN.
2. Il'in, A.I. (1984) Iz istorii sanitarnogo prosveshcheniya vo Vladimirskoy gubernii v zemskiy period [From the history of sanitary education in Vladimir Province during the zemstvo period]. *Gigiena i sanitariya*. 6. pp. 32–35.
3. Karaeva, E.V. (2008) Formirovanie sanitarnoy kul'tury uchashchikhsya dukhovnogo vedomstva v kontse XIX – nachale XX v. (na primere Tomskogo eparkhial'nogo zhenskogo uchilishcha) [Formation of sanitary culture among students of the ecclesiastical department in the late 19th – early 20th century (on the example of the Tomsk Diocesan Women's College)]. *Sibirskiy zhurnal klinicheskoy i eksperimental'noy meditsiny*. 23 (3-2). pp. 118–125.
4. Karaeva, E.V. (2009) Podgotovka svyashchennosluzhiteley k okazaniyu sanitarnoy i meditsinskoy pomoshchi sel'skomu naseleniyu v kontse XIX – nachale XX v. (na primere Tomskoy eparkhii) [Training of clergy to provide sanitary and medical assistance to the rural population in the late 19th – early 20th century (on the example of the Tomsk eparchy)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4/1. pp. 96–100.
5. Karaeva, E.V. (2012) Sanitarno-prosvetitel'skaya i meditsinskaya deyatel'nost' Russkoy pravoslavnoy tserkvi v derevne Tomskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Sanitary-educational and medical activities of the Russian Orthodox Church in the villages of Tomsk Province in the second half of the 19th – early 20th century]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 1. pp. 59–64.
6. Ikonnikov, S.K. (2005) *Doktor Piruskiy* [Doctor Pirusky]. Tomsk.
7. Molleson, I.I. (1871) *Zemskaya meditsina* [Zemstvo Medicine]. Kazan.

8. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1287. List 20. File 225. (In Russian).
9. Levit, M.M. (1974) *Stanovlenie obshchestvennoy meditsiny v Rossii* [The Formation of Public Medicine in Russia]. Moscow.
10. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1287. List 11. File 343. (In Russian).
11. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1341. List 36. File 1293. (In Russian).
12. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 4. List 1. File 116. (In Russian).
13. Pocherevin, E.V. (2021) Razvitie sel'skoy meditsinskoy seti v Tomskoy gubernii na rubezhe XIX–XX vv. [Development of the rural medical network in Tomsk Province at the turn of the 19th–20th centuries]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* – Bulletin of Kemerovo State University. 23 (1). pp. 71–79. (In Russian).
14. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1288. List 12. File 1292. (In Russian).
15. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 4. List 1. File 3. (In Russian).
16. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 4. List 1. File 438. (In Russian).
17. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 4. List 1. File 416. (In Russian).
18. Anon. (1884) *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1884 god* [Commemorative Book of Tomsk Province for 1884]. Tomsk.
19. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 4. List 1. File 7. (In Russian).
20. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. (1912) Tomsk.
21. Kremnev, D.N. (2020) Zhenskie eparkhial'nye uchilishcha Rossiyskoy imperii v nachale XX veka: k voprosu o problemakh i perspektivakh razvitiya [Women's diocesan schools of the Russian Empire at the beginning of the 20th century: on the problems and development prospects]. *Vestnik istoricheskogo obshchestva Sankt-Peterburgskoy dukhovnoy akademii*. 1 (4). pp. 95–110.
22. *Tomskiy spravochnyy listok*. (1894) Tomsk.
23. *Tomskiy spravochnyy listok*. (1895) Tomsk.
24. *Sibirskiy vrach*. (1914) Tomsk.
25. Solomin, N.I. (1917) K voprosu o zadachakh nashikh shkol [On the question of the tasks of our schools]. *Zdorov'e dlya vsekh* (Tomsk). 1. pp. 11–12.
26. Buzhko-Likhtenberger, S. (1917) Populyarizatsiya gigienicheskikh znaniy v Sibiri [Popularization of hygienic knowledge in Siberia]. *Zdorov'e dlya vsekh* (Tomsk). 1. pp. 13–18.
27. Butyagin, P. (1910) O predokhranitel'nykh privivkakh protiv kholery [On preventive vaccinations against cholera]. In: *Trudy Obshchestva prakticheskikh vrachey Tomskoy gubernii. 1904–1908* [Proceedings of the Society of Practical Doctors of Tomsk Province. 1904–1908]. Tomsk. Issue 2. pp. 170.

Информация об авторах:
Прокопенко К.А. – канд. ист. наук, доцент кафедры английской филологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kseniya.s@mail.ru
Хрулева О.С. – канд. ист. наук, доцент кафедры культурологии и музеологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: shamaim_7@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
K.A. Prokopenko, Cand. Sci. (History), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kseniya.s@mail.ru
O.S. Khruleva, Cand. Sci. (History), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shamaim_7@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.06.2024;
одобрена после рецензирования 30.04.2025; принята к публикации 10.10.2025.

The article was submitted 04.06.2024;
approved after reviewing 30.04.2025; accepted for publication 10.10.2025.

Научная статья
УДК 93/94
doi: 10.17223/15617793/519/16

Трудовое самосознание рабочих Русского Севера второй половины XX в.

Анна Сергеевна Столетова[1, 2]

[1] *Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина, Вологда, Россия*
[2] *Вологодский государственный университет, Вологда, Россия*
[1, 2] *Stoletowa-A-S@yandex.ru*

Аннотация. На основе впервые вводимых в научный оборот архивных источников и материалов периодической печати, проводится анализ переформатирования отношения советских граждан к труду на протяжении периода 1950–1980-х гг. Обозначается, что ввиду становления властно-собственнических позиций среди управленцев и распорядителей ресурсов, усиления дифференциации советского общества ментальные и ценностные установки дрейфовали в сторону утверждения портретов управленческих компетентностей, все более отвлеченных от пролетарских ценностей и базирующихся на личных связях, политической лояльности, возможностях оперирования капиталами.
Ключевые слова: общественное сознание, менталитет, мировоззрение, рабочая повседневность, быт, труд, социальная жизнь, экономические факторы

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ «Векторы эволюции общественного сознания в историко-культурном пространстве Русского Севера второй половины XX века», проект № 25-28-00938.

Для цитирования: Столетова А.С. Трудовое самосознание рабочих Русского Севера второй половины XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 519. С. 125–135. doi: 10.17223/15617793/519/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/519/16

Labor consciousness of workers of the Russian North in the second half of the 20th century

Anna S. Stoletova[1, 2]

[1] *Vologda State Dairy Farming Academy named after N.V. Vereshchagin, Vologda, Russian Federation*
[2] *Vologda State University, Vologda, Russian Federation*
[1, 2] *Stoletowa-A-S@yandex.ru*

Abstract. This article addresses the issue of the developmental vectors of public consciousness in Soviet society during the 1950s–1980s, specifically examining the peculiarities of its restructuring within the historical-cultural space of the Russian North. The study aims to identify the characteristics and socio-economic aspects of the perception of life and everyday realities that contributed to the transformation of the emotional-psychological foundations of worldview, work ideals, orientations, standards, norms, and aspirations during a period of profound mental transformations in the second half of the 20th century. The circumstances surrounding metamorphoses in ideological attitudes and thought stereotypes are discussed, and the question of the exercise of state authority and deviations in the sphere of labor is raised. In accordance with sources being introduced into scholarly circulation, the prevailing types of aspirations among representatives of grassroots structures within the productive society and the extra-productive sector (among managers and resource administrators) are documented. Particular attention is paid to people's reactions to situations associated with the accelerating process of increasing abuses of official position and deviations in the labor sphere, accompanied by a widening gap in financial opportunities, privileges in leisure and psychological comfort, and declining motivation for labor and activity for the benefit of the state and the authority representing it. The novelty of the research lies in the author's demonstration of the modernization of consciousness traits both within the corporation of the regional production subsystem's leadership echelon and among representatives of work collectives. A distinctive feature of the investigation consists in the utilization and comparison of all-Russian and regional data. It is revealed that during the period under study, the commercialization of life manifestations gained momentum, and the formation of private-property morality occurred. The source base of the study comprises archival materials from the collections of the Russian State Archive of Contemporary History, the State Archives of Arkhangelsk and Vologda Oblasts, as well as the regional press. Within the framework of this problematic, the application of sociocultural and systemic approaches proves compelling, predetermining the formation of a holistic, comprehensive view of the construction of transformational, modernizational, and evolutionary processes in the mentality of Soviet society in the second half of the 20th century.
Keywords: public consciousness, mentality, worldview, everyday work, life, labor, social life, economic factors
Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 25-28-00938: Vectors of the Evolution of Public Consciousness in the Historical and Cultural Space of the Russian North in the Second Half of the Twentieth Century.

© Столетова А.С., 2025

***For citation*:** Stoletova, A.S. (2025) Labor consciousness of workers of the Russian North in the second half of the 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 519. pp. 125–135. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/519/16

Конструкция представлений о составляющих компонентах и особенностях менталитета производственной части общества – это в первую очередь осознание социального контекста, в котором формировалась целостная система ценностей, ориентаций и мотивации труда, пролетарского образа жизни. На настоящий момент проведенная серия глубоких исследований позволяет утверждать о социально-экономическом неравноправии [1, 2], бытовавшем в советском обществе, и выделении в его среде низового модуля [3] (рядовых тружеников, так называемых кадров массовых профессий), среднего управленческого персонала, передовиков, специалистов (рабочей аристократии), а также научно-технической интеллигенции и руководителей. Безусловно, в каждой из этих групп на раннем этапе, в эпоху «зрелости» и позднего социализма формировались особенные социально-духовные и социально-психологические характеристики ментальности сообразно изменению характера труда и трансформациям социалистического общества, но фиксировались и типизирующие качества. Говоря о производственном социуме, мы будем иметь ввиду непосредственно рабочих, задействованных в материальном производстве – промышленности и сельском хозяйстве (промышленные, сельскохозяйственные, лесозаготовительные, строительные, транспортные и т.п. коллективы трудящихся), и остановимся на трактовке черт общественного сознания и поведения, формирующихся относительно дефиниции «труд» в социальной среде низового сегмента производственных кадров.

Стоит признать, что отношение к труду в советском обществе – недостаточно освещенная тема в историографии. Однако есть масса изданий, посвященных ее отдельным аспектам. Исследования, касающиеся категории «труд» и отношения к нему в советское время, можно разбить на несколько групп. В первую очередь, это изыскания, проведенные в контексте изучения промышленности и рабочего класса [4–6]. Большая группа работ затрагивает проблематику тунеядства («дармоедства»), иждивенчества и социальной вредности «нетрудовых элементов» и отражения этих явлений в культуре и литературе [7–9]. Ученых интересует тема формирования общества потребления и ценностные ориентации советских граждан [10–13]. Большой интерес представляют исследования жизненного уровня, материальных и духовных потребностей рабочих отдельных регионов [14]. Определенную ценность представляют социологические исследования [15].

Что касается источникового ряда, исходя из анализа которого можно судить о развитии сознания, ментальности граждан, то изменение экономического устройства, переструктурирование общества, преобразование правового поля, уклада жизни, отношения к собственности (осознания собственнического права) и в целом материального положения оказывали огромное влияние на социально-психологические особенности представителей производственной подсистемы России. Самооценка и рефлексия происходящего, мнения и впечатления, самосознание, его изменение по отношению к официальной идеологии отразились в эпистолярном наследии, художественной и публицистической литературе, соцопросах. Особенно большой объем информации содержится в письмах рабочих, пенсионеров, инвалидов, участников военных действий, городских и сельских жителей, писавших в газеты и журналы, а также непосредственно в органы центральной власти. В этих документах представлены данные о поведении, взаимоотношениях людей в производственной и внепроизводственной сферах. Редакторами средств массовой информации, в коллегии которых поступали материалы, содержащие критику условий жизни, работы учреждений и органов, их руководителей как главных виновников переживаемых моментов, составлялись сводки типичных мнений и высказываний, которые впоследствии направлялись в надзорные органы. По многим из них проводились проверки. Однако единогласность и стандартизированность представленных фактов говорят о том, что ситуации, волнующие авторов, углублялись и усугублялись, что влияло на обобщенные представлений людей. Таким образом, письма являют собой материал для ознакомления с настроениями и отношением советской общественности к проблемам повседневности.

Рабочая проблематика выступала одной из главных тем советской современности. «Сейчас происходят огромные изменения на селе. А наши литераторы сидят в городе. Да и москвичи могли бы приехать сюда. На целину едут, а сюда никто. Вчерашний хлебороб стал сейчас рабочим. У него и психология изменилась, с ним интересно поговорить. Да и со старушками тоже. Сейчас они, в первую очередь, расскажут о сыне – механизаторе, бригадире. Нужно чтобы литераторы глубже вникали в эти изменения», – отмечал Ф.П. Ширшов во время собрания писателей Архангельского отделения Союза писателей РСФСР 16 января 1961 г. [16. Л. 4]. Позднее писатель Д. Гранин на состоявшемся 20–22 апреля 1966 г. втором Пленуме Правления Союза писателей РСФСР (где присутствовал также вологжанин С. Викулов) акцентировал внимание на создании произведений, посвященных рабочему классу [17]. Литераторы стремились осветить с разных сторон трудовую и бытовую жизнь[1], при этом работали они в духе идеологической заданности и субъективности. Художественная литература раскрывала проблемы рабочего новой формации, принесшего в повседневную трудовую деятельность творческое горение, высокий профессионализм, самоотверженную устремленность в коммунистическое будущее. По большей части это были довольно сложные темы. Так, во время творческого отчета вологжанки Л. Славолюбовой и обсуждения ее рукописи «Бег огня» в 1975 г., автор отметила: «Работе над этой книгой отдано почти три года. Книга очерковая, основанная на подлинных событиях, с невымышленными героями.

Для меня эта работа была особенно сложна потому, что раньше не приходилось писать о металлургах – потому и ушло на сбор материала несколько больше времени, чем предполагалось сначала» [18. Л. 1]. Поэт Романов составил отзыв: «Книга своеобразна тем, что требует «вхождения» в нее. Тут есть своя философия, которую, может быть, не сразу улавливаешь… Нечто языческое, философское возникает при общении человека с огнем» [18. Л. 2].

Как правило, в сюжетах книг труженики вступали в непримиримую борьбу с мастером, обывателем, рвачом, для которого главное – собственное благополучие[2]. Произведения интерпретировали взаимоотношения рабочих и технической интеллигенции, преемственность от поколения к поколению лучших традиций рабочего класса, рост классового самосознания, руководящей роли коммунистов[3]. Большинство художественных замыслов литераторов советского периода сводилось к анализу духовного и гражданского становления личности в процессе творческого одухотворенного труда. На те же идеи опирались региональные авторы. Вологодские писатели освещали деятельность работников промышленных предприятий, но более подробно затрагивали проблемы аграрного производственного коллектива. Подтверждая заданную риторику, отметим партийное собрание Вологодской писательской организации, состоявшееся 21 февраля 1975 г. Говоря о задачах, вытекавших из постановления декабрьского Пленума ЦК КПСС, литературовед В. Оботуров отмечал, что северным авторам необходимо активнее приобщаться к жизни трудящихся области, отражать их успехи в выполнении государственных планов и обязательств, а также издать коллективный (совместно с архангелогородскими авторами) сборник, освещающих проблемы Нечерноземья[4]. На совещании обсуждалась проблематика злободневного современного очерка и актуальные вопросы современности [19. Л. 5, 6]. В продолжение темы уже на следующем собрании, поэт В. Коротаев заключал: «Практически участвовать в делах наших земляков – долг писателя. Советские писатели никогда не открещивались от дел на земле, а у нас на севере – в особенности. Вспомним очерки В. Тендрякова, А. Яшина, Ф. Абрамова – они сыграли свою положительную роль. Традиция подхвачена – наш социальный заказ подготовить книгу о проблемах Нечерноземья станет одной из прочных нитей связи с жизнью, с производством» [20. Л. 15].

К сказанному добавим, что художественная литература, как и воспеваемые ею идеалы, образы трудящихся, культура поведения, коммунистическая мораль, трудовое воспитание играют важную роль в раскрытии проблематики, связанной с анализом ментальности, социально-психологических особенностей производственных групп. Недаром, готовя выступление в Вологодском обкоме КПСС 7 мая 1966 г., критик В. Гура в своих записях подчеркнул: «Литература – это судьба человека, проблема человека и труда, личности и народа, рост активности его самосознания» [21. Л. 16]. В определенном смысле важен обзор документов культурно-массовой отчетности библиотек и писателей, часто концептуально оформленных. Например, из материалов о деятельности библиотеки Березниковского леспромхоза Архангельской области середины 1950-х гг. мы узнаем: «Рабочий А.В. Соловко изучает произведения классиков марксизма-ленинизма. Поступил заказ от технорука лесопункта Устьявенга И.В. Сысоева на Устав леспромхоза, книги по технике безопасности на лесоразработках, по механизации лесосек и устройству лесовозных дорог» [22. С. 8]. Безусловно, без воспитания грамотности, развития эрудиции и добросовестного, сознательного отношения к выполнению трудовых задач мы не могли бы говорить о неоспоримом техническом прогрессе государства. Однако классические мировоззренческие подходы, лежащие в структурной основе произведений, отчетности и статистики, должны непременно учитываться, истолковываться и трактоваться на основе и в совокупности с данными иных вышеназванных источников.

Как писал исследователь А. Фокин историки, неудовлетворенные рамками больших нарративов, вынуждены по крупицам собирать осколки мировоззрения широких слоев населения. Одним из выходов является устная история, в том числе такие специфические источники, как анекдоты и частушки, выступающие маркерами народного взгляда на действительность. Смех и юмор использовали не только «низы» для сопротивления режиму или снятия идеологического давления, но и «верхи» для реализации своих целей. Умение шутить ставилось в заслугу советскому руководству. Обличались и высмеивались лодыри, тунеядцы, бюрократы, спекулянты как противники светлого будущего, а также все, что мешало продвижению вперед.

Председатель на трубе,
Счетовод на крыше.
Председатель говорит:
Я тебя повыше![5]

Примечательно, что писатели-северяне, будучи выходцами из деревни, как отмечал А.Я. Яшин, знакомились с богатым русским фольклором не из книг, не из лекций и сборников, а из первоисточников [23. Л. 2]. Например, в произведениях В.И. Белова отражена эпоха крестьянского мира, жизненного круга, ритма, лада, неразрывно связанного с деревенским трудом, бытом и его освещением в устном народном творчестве:

Не браните вы меня,
Свою работу знаю я:
Жать, косить, коров доить,
В обе руки молотить[6].

1960-е гг. породили огромный пласт народного юмора. До сознания граждан доводилась идея, что в коммунизм попадут не все, а билетом станет соответствие моральному идеалу грядущего завтра. Однако представление о светлом будущем вступало в противоречие с нарастающими урбанистическими процессами, экономическими и социальными диспропорциями, отсутствием продуктового разнообразия. Создавались

контрутопии, в которых отражались не только жизненные неудачи, но и личные качества руководителей [24]. Итак, при попытке власти закрепить в сознании населения коммунистические идеи в мировидении населения создавались собственные схемы и идеологические оценкиЮморе помогал выходить из трудной ситуации, однако пути преодоления кризисных этапов часто завершались тупиком, порождающими подавленность и угнетенное состояние.

Пятилетка, пятилетка,
Немолоченая рожь,
Из-за этой пятилетки
В сыру землю уйдешь[7].

Тем не менее власть уделяла большое внимание вопросам укрепления трудовой дисциплины и методам мотивации к труду. Одно из центральных мест занимало укоренение представления о целенаправленности каждого действия советского человека, приближающего страну к достижению цели построения коммунистического общества. Показательно в этом отношении стихотворение «Гвозди» поэта А.А. Сухарева, в котором автор демонстрировал нормы поведения людей, противопоставляя личные нужды общественным, порицая мелкие хищения, демонстрируя установление новых форм и фундамента общественной жизни (советского образа жизни).

Велась направленная работа по упрочению в представлениях людей рабочего ритма, связанного с высокими показателями в своей деятельности. Внедрение на заводах обмена передовым опытом, его обсуждения на совещаниях партийного и профсоюзного актива, организация «стахановских вечеров», где обычно участвовали не только рабочие различных профессий, но и начальники цехов, главный инженер и директор предприятия [25], способствовало воспитанию рабочего коллектива в духе сознательного, социалистического отношения к выполнению своих трудовых обязательств. Среди низовой части производственного социума крепло понятие и осознание невозможности осуществления быстрого перехода к «новому миру». Утверждалась идея о достижении общественного блага через упорство и труд, которые должны были перерасти в потребность. Для успешного выполнения и перевыполнения производственных заданий, укрепления желания трудящихся работать выпускались соответствующие плакаты, газеты, «Боевые листки» [26], на это была направлена лекционная пропаганда, деятельность агитколлективов, школ ФЗО и др. [27]. Конечно, это давало свои плоды. Так, Г.А. Сапогов, рабочий инструментального цеха вологодского завода «Северный коммунар», работающий в учреждении с 1930 г., в течении 25 лет имел следующую характеристику: «Все у него получается просто, легко, даже красиво. Ни одного лишнего движения, напрасного оборота станка – каждый взмах руки, поворот головы рассчитаны, оправданы. Именно поэтому на столе быстро растет стопка готовых втулок. К концу смены почти в полтора раза выполнена норма выработки» [28].

Как известно, в советский период на большинстве производственных предприятий проводились соцсоревнования, принимались соцобязательства, чествовались лучшие коллективы и новаторы. В газетной периодике отложился большой массив заметок о деятельности проводников технического прогресса (см., например: [29]). Представители трудовых бригад заявляли, что желают работать, учиться и жить по-коммунистически. Интересно проследить, что понималось под указанным образом жизни: «Это значит ежедневно перекрывать сменные задания, не допускать брака, быть примерным в быту, повышать свои знания, совершенствовать мастерство» [30]. Так, бригада З. Кораблевой на вологодском Льнокомбинате в честь предстоящего XXI съезда КПСС приняла на себя следующие обязательства: выполнять технически обоснованные нормы выработки; избрать форму учебы и настойчиво повышать знания; экономить сырье и вспомогательные материалы; содержать в образцовом порядке рабочие места; принимать активное участие в общественной работе, художественной самодеятельности, спорте; соблюдать нормы поведения в быту и на производстве, проявлять взаимовыручку и взаимопомощь [31]. То же читаем в обязательствах бригады А. Будилова, работавшей в Бекетовском лесопункте Митинского леспромхоза Вожегодского района (в 1960-е гг. – Харовский район) Вологодской области и включившейся в соревнование за досрочное выполнение плана лесозаготовок за 1963 г.: «Будем работать и жить по-коммунистически, совершенствуя технологию производства, внедряя передовые методы труда повысим общеобразовательный и политический уровень, овладеем смежными профессиями» [32].

В письме за 1961 г. в редакцию газеты «Вологодский комсомолец» от Т. Куликовой, З. Раковой – рабочих вологодской швейной фабрики – демонстрируются фигуры рабочих, объединенных общей коллективной трудовой идеей, совместным сплоченным времяпрепровождением, образом жизни, основанном на принципах коммуны: «Один за всех и все за одного – это наше основное правило. Заболела Вера Халявина, но машина ее не простаивала. Работали все по очереди, потому что каждый может выполнять сразу несколько операций. В бригаде осуществлена взаимозаменяемость по профессиям. Мы вместе стараемся проводить свободное время, ходим в кино, театр, на учебу. Это сближает и сдруживает нас. Мы идем на работу как к себе домой, в свою уютную квартиру. Планы не только выполняем, но и почти каждый месяц перевыполняем. Часто получаем премии. Их не делим между собой, как это делается во многих бригадах, а складываем в общественную копилку» [33]. Заслуживает внимания факт, что трудовые коллективы, в которых не было единения, подобного описанному, высказывали обеспокоенность, желание устранить негативные факторы разобщенности. «Посмотришь иногда, как другие бригады живут. Они и в кино, и в театр, и на учебу – все вместе. А у нас в свободное время каждый устраивается как может. И не то, чтобы не хотели, просто как-то организоваться не можем. Очень трудно говорить плохое о коллективе, в котором ты работаешь, за который болеешь всей душой», – говорилось в письме от 1961 г. с Вологодской швейной фабрики, адресованном редакции газеты «Вологодский комсомолец» [33].

Таким образом идеологически типизировался героический образ самоотверженного, увлеченного коллективным трудом, технически грамотного и разносторонне развитого патриота-труженика. В контексте сказанного красноречив плакат времен строительства предприятия «Аммофос-3» в г. Ямбург Ямало-Ненецкого автономного округа:

> Бригада должна жить по правилу: один за всех и все за одного…
>
> А это значит – не отказываться ни от какой работы, выгодная она или невыгодная, тяжелая или легкая, браться за нее с охотой – словом, относиться к труду как к потребности и радости;
>
> Считать так: один лодырь – позор для бригады, один прогул – пятно на всех.
>
> Один допустил брак – беда для всего коллектива;
>
> Во всяком деле проявлять смекалку, думать, как сделать лучше;
>
> Видишь сосед отстает – помоги.
>
> Сам не можешь сделать, обратись к товарищу.
>
> Свои знания и опыт не держи в кубышке, а дели на всех.
>
> Есть свободная минута – бери в руки книгу.
>
> Обидели на твоих глазах человека – и ты виноват.
>
> Уважай старость на улице, дома, в семье [34. С. 66].

Большинство из этих заветов современному человеку уже малопонятны и, скорее всего, вызовут критику позиций, а для людей того времени это реалии бытия, трудового воспитания, повседневности.

Стоит отметить агитационную литературу, блокноты, брошюры, где помещались рассуждения о совести, о людях-рационализаторах, новаторах, квалифицированных станочниках. Работали такие люди «с огоньком, творчески, с усилиями, упорством и терпением… Партийная совесть не позволяла им равнодушно видеть недостатки» [35. С. 133–143]. Вновь поступающим передавались не только прогрессивные технологические приемы, опыт и знания, но и рабочие радиции, навыки отношения к труду, как к первейшей жизненной потребности. В 1973 г. мастер участка шлифовки шарикового цеха Вологодского ГПЗ-23 (Подшипниковый завод), председатель цехового комитета профсоюза Н. Алферьев высказался так: «“Рабочая совесть”, – это осознанность своего места и роли в процессе общественного производства, которая и выдвигает рабочего на передний край борьбы за построение коммунизма. Настоящая рабочая совесть воспитывается и выковывается в труде повседневном, творческом, вдохновенном. И если мне вновь придется говорить о смысле и содержании увлеченного труда, я снова расскажу о рабочих нашего цеха – неуспокоенных, объединенных общей целью – дать продукции больше, лучшего качества» [36].

О праве на труд, его важности и необходимости рассуждал в 1973 г. наладчик Б.А. Шаров Вологодского подшипникового завода: «Говорят, – твоя трудовая семья. Правильно говорят. Возьмите меня. Жена, Клавдия Николаевна, – здесь трудится, копировщицей. Брат Леонид, – тоже здесь на ГПЗ, он наладчик. Еще брат – Василий: он пока в Москве. Стажируется. Чем тебе не династия? Вот, в газете иногда прочтешь: “на заботу, мол, государства ответим делом”. Вроде, призыв. А я, думаю, что нас и призывать не надо. Сами понимаем. Утром как идешь по проходу, да как услышишь, басит наш элеваторный, верите, нет, аж душа радуется. Горы бы свернул. Так что слова про радостный труд правильные» [37]. Подобных писем от людей, верных своему делу, относящихся к нему с душой, с рабочей честью, целых трудовых династий было довольно много. Трудовая активность, вызревшая из крестьянского сознания, базирующаяся на идее не только о пользе, но и радости от рабочей деятельности ложилась в основу культуры производства.

Показательна идеологическая работа, проводимая на крупнейшем льноводческом предприятии Европейского Севера, где было развернуто движение за коммунистическое отношение к труду, в котором в 1974 г. участвовало 3 600 человек. Из 116 бригад Вологодского льнокомбината, борющихся за звание «Коллектив коммунистического труда», десять добились этого почетного звания. На комбинате были внедрены такие формы соревнования, как «Мастер – золотые руки», «Лучший рабочий своей профессии», «Лучшей молодой рабочий», «Ветеран труда». Здесь же особое внимание уделялось развитию различных форм участия рабочих в управлении производством: рабочих собраний, постоянно действующих производственных совещаний, общественных конструкторских и экономических бюро, товарищеских судов, общественных отделов кадров. Была создана и внедрена система морального и материального поощрения передовиков производства и система мер воздействия на нарушителей [38]. Газетная периодика идеологически заточена. Однако ее анализ целесообразен для понимания полной картины об укладе и образе жизни советских тружеников. Завершая обсуждение искомого понятия, отметим трактовку советского образа жизни, представленную в газете «Красный Север» за 1973 г.: «Образ жизни – это целый комплекс, в который входят не только понятия о том, как мы трудимся, как отдыхаем, учимся, но и как мы относимся к товарищам, к чему стремимся, как оцениваем те или иные события. Образ жизни можно проследить на любой ячейке общества: в семье, бригаде, на предприятии. Возьмите любую из этих ячеек, и в ней, как в капле воды, отразится весь наш жизненный уклад» [37]. Электрик Вологодского подшипникового завода Владимир Ф. Максимов, он же депутат горсовета, трактуя понятие «образ жизни», отмечал роль особой сознательности: «Не считайся со временем, дай станку всю заботу, а уж он тебе потом отработает. У нас в цехе рабочие – кто из Сокола, кто из Харовска. Разный народ. Но теперь – одна семья. Здесь многие вышли в люди. Как положено – по-советски» [37].

Итак, советский образ жизни – это сочетание социальных и моральных факторов: симбиоз любви и уважения к труду, коллективизма и товарищества, сознательности, дисциплины, мастерства и знаний, созидательной деятельности, общественной активности [39]. Обычно все эти качества аккумулировал идеалистический портрет руководителя, бригадира, мастера. Именно такой изображен в газетной заметке от 1969 г.:

«Мастер – это тот человек, который воспитывает у рабочих чувство гордости за свою профессию, за свой завод. Мастер обязан находить дорогу к сердцу каждого рабочего. Знать его настроение, заботы. Чего всячески необходимо избегать, так это нотации, накачек. Ведь всегда можно прямо, по-товарищески сказать и о недостатках, наметить пути их устранения. Хорошо, если мастер в своей работе опирается на весь коллектив» [40]. Еще одно из описаний личностей бригадиров, на черты и качества которых стоило равняться, можно прочесть в газете «Советская Россия» за 1979 г. В ней говорится о бригадире треста «Вологдасельстрой» М.А. Бубякине. В передвижной механизированной колонне «Не так, как у других? Да, зато все работают за троих!» Михаил Александрович построил за свои трудовые двадцать два года сорок многоквартирных домов, десяток школ и детских садов, несколько животноводческих помещений, магазинов, клубов. Говорит отрывисто, рублеными фразами, «словно кирпичи кладет один за другим» [41]. Или фигура наставника молодых рабочих. В «Политической агитации» за 1980 г. представлен образ общественно активного человека, «обращающего в свою веру» тех, для кого еще не стали кровными коллективные дела» [42].

Итоги проведения открытых партийных собраний с повесткой «Жить, работать и бороться по-ленински, по-коммунистически» были подведены на заседании бюро Вологодского обкома КПСС 28 апреля 1980 г. и за подписью первого секретаря Вологодского обкома А.С. Дрыгина направлены в Центральный комитет КПСС. Отмечалось предъявление высоких требований к хозяйственным руководителям и выборным партийным органам в отношении организации четкой, слаженной работы всех звеньев производства и управления [43. Л. 153–154]. Между тем процессы усиления частнособственнических интересов, социального расслоения, развития права пользования социалистической собственностью существенно влияли на эволюцию спектра линий ценностных ориентаций и модернизацию трудовых отношений. Трудовая идеология как идеология аскезы и мобилизации, власти традиций, коллективизма и коммунальности, уравнительности сохранялась дольше всего у низовой производственной части общества, но и она постепенно разрушалась ввиду становления новых архетипов представителей управленческого сектора. Под воздействием жизненных метаморфоз материальная составляющая начинала оказывать существенное влияние на усиление антогонизма и стала причиной раскола, размежевания производственных групп. В исследовании В.Я. Ядова «Человек и его работа» [44] труд представлен как важнейшая и первейшая потребность советского гражданина. Основной вывод исследования состоял в том, что содержание труда мотивировало сильнее, чем заработок. Однако правомерен и вывод о том, что размер зарплаты связывался с личностью руководителя, его отношением к работнику и отрицательно влиял на трудовую дисциплину. Некоторые хозяйственные руководители допускали нарушения в установлении разрядов. Такие факты имели место на Череповецком металлургическом заводе в первой половине 1960-х гг.: в отделе снабжения незаконно были завышены разряды 89 работникам и установлены вместо 4–5-го разрядов 6–7-й разряды, 59 плотникам вместо 4–5-го разрядов установлены 6-й и 7-й разряды. Аналогичные нарушения имели место на инструментальном участке вологодского завода «Мясомолмаш», где большинству слесарей были установлены 5-е разряды, вместо 3–4-х разрядов [45]. Безусловно, подобные явления негативно сказывались на рабочей атмосфере и эффективности деятельности трудового коллектива. Все же поощрение труда, его признание со стороны руководства являлось мощным стимулом к реализации поставленных задач, утверждению в стремлении посвятить себя профессии. «Любое внимание человеку приятно. Когда в 1954 г. за хорошую работу мне подарили патефон, я поняла: мой труд ценят. Когда присвоили звание ударника коммунистического труда, было желание работать лучше. Когда вручили орден “Знак Почета”, я почувствовала себя должником перед людьми», – размышляла А.И. Голубева, мотальщица Вологодского льнокомбината [46]. И, наоборот, лица, записанные в передовики на «пожизненный» срок, вызывали в общественном поле неприятие и, как следствие, порождали неверие в справедливость, что также способствовало подрыву духовных скреп советского общества, росту идей о неравенстве, антагонистических черт в сознании трудящихся, противопоставлении рабочих групп и отдельных индивидуумов. Подобную проблему в 1973 г. описывал старший мастер литейного цеха вологодского завода «Северный коммунар» А. Менькин: «Один из рабочих как-то сказал: “Я здесь двадцать лет работаю. И все двадцать лет в числе лучших называют одни и те же фамилии. От такого морального поощрения, конечно, пользы немного. Ведь смысл соревнования заключается в том, чтобы человек видел, что он находится под постоянным вниманием, что его труд будет замечен и достойно оценен. И если даже “средний” рабочий в какой-то день сумел добиться рекордной выработки, почему бы не выпустить “молнию”, не оповестить об этом весь коллектив?”» [47]. О необходимости правильного сочетания моральных (вручение переходящих вымпелов, выпуск «молний») и материальных стимулов, принципов премирования, морального климата, объективной оценки труда высказывались в газетной хронике за 1973 г. и другие рабочие цехов «Северного коммунара». Все они отмечали недостатки организации и эффективности социалистического соревнования [47]. В серии выступлений на открытых партийных собраниях, проведенных в Вологодской области в 1980 г., содержались предложения и рекомендации по совершенствованию стиля и методов партийной работы. В частности, бригадир строительного управления объединения «Вологдатяжстрой» М.А. Малов и оператор валочной машины ЛП-19 Белозерского леспромхоза В.Р. Виноградов говорили о необходимости сокращения числа проводимых совещаний, заседаний и усиления работы парткома, партактива в бригадах, на рабочих местах [43. Л. 154].

В 1970–1980-е гг. в письмах и информации общесоюзного значения, газетных заголовках все чаще встречается дефиниция «утрата ответственности».

Это отступление от норм трактовалось как нарушение трудовой и государственной дисциплины, непартийное поведение, стремление к собственному благополучию и личному потреблению, неисполнение воспитательной и агитационной работы, бездействие парторганизаций, приводящие к снижению морального и творческого настроя в коллективах, терпимости в отношении недостатков и нарушений, невыполнению планов и обязательств [48]. Добавим, что на психологическом фоне и трудовой активности представителей рабочего класса отражались проблемы снабжения региона продовольственными товарами.

Например, рабочий г. Котласа Архангельской области гражданин Замятин писал в 1955 г. в ЦК КПСС о недостаточном снабжении города продуктами питания и товарами первой необходимости: «В магазинах в продаже имеется только рыба треска низкого качества, и той месяцами тоже не бывает, еще можете увидеть селедку, а что касается мяса, то оно бывает в продаже не больше 5–7 раз в год и самого низкого качества, и того рабочий не может купить, нужно простоять в очереди до пяти часов, да еще ежели работаешь оба с женой, придешь – все уже распродано, а на рынке мясо говядина стоит от 24–27 руб. кг, а свинина от 27–30 руб. кг, поэтому не по рабочему карману, ну и живи как хочешь… а руководство города не волнует это плохое обеспечение» [49. Л. 87]. «В продовольственных магазинах г. Харовска Вологодской области невозможно приобрести мясо, яйца, овощи и фрукты. И это в Вологодской области, которая всегда была известна своим маслом! Нередки срывы и с хлебными продуктами. Несмотря на то, что в городе имеется головной молокозавод, на прилавках молочного магазина нет кефира, сливок, а творог бывает редко и низкого качества», – указано в сводке писем газеты «Правда» за 1972 г. [50. Л. 16–17].

Примечательно, что если рабочие «низы» критиковали руководящее звено, то и, наоборот, «верхи» указывали на мировоззренческие свойства и девиации поведения, подлежащие, в их понимании, искоренению в народной среде. Здесь важно вновь сказать о принципах жизни, их метаморфозах. Под воздействием экономических и политических механизмов, через систему общественных наблюдений за модуляциями бытия, фиксацию разницы возможностей и представлений общественных классов и групп, прогресс единоличных стремлений и собственнических тенденций общественные идеалы во всех частях социальной пирамиды приобретали новые грани. Работники лесной промышленности Архангельской области в 1950-е гг. сообщали в ЦК КПСС о массовых простоях людей и машин на лесоразработках, а следовательно, о снижении заработков [51. Л. 51]. В 1968 г. рабочими Вологодского вагонного депо поднимался вопрос трудовой дисциплины: «Перекуры, опоздания на работу – эти и другие факты ещё не изжиты. Они отрицательно сказываются на производительности труда, приводят к растрате времени» [52]. На одном только Вологодском льнокомбинате в 1968 г. комсомольцы совершили 91 прогул. Дело доходило до печальных курьезов: из-за нехватки рабочих пришлось встать к станкам даже работникам управления комбината. Вырисовывалась следующая картина: большие потери рабочего времени, простои механизмов, захламленность рабочих мест. Вслед за этим сформировалась отнюдь не радостная статистика: в первом квартале 1968 г. 4 предприятия г. Вологды не выполнили производственный план, во втором их было уже 7, в июле – 9, в августе – 10. В их числе заводы «Мясомолмаш», «Ремсельмаш», литейно-механический и т.д. Особенно много нарушений дисциплины совершили начинающие рабочие, семнадцати-восемнадцати лет. Процесс «врастания» их в трудовой коллектив отличался большой сложностью [53]. Постепенно ввиду жизненных метаморфоз и социально-экономических трансформаций положение усугублялось. В 1973 г. на Вологодском подшипниковом заводе по вине прогульщиков, пьяниц, бракоделов были потеряны две тысячи человеко-дней (единица учета отработанного времени, равная одному рабочему дню) [54]. «За прошлый год на заводе допущено 2 479 человеко-дней прогулов и 6 847 человеко-дней неявок с разрешения администрации. За это время можно было бы отремонтировать 40–50 вагонов различных марок, или 11 тысяч колесных пар. Словом, выпустить дополнительной товарной продукции на 250 тысяч рублей», – сообщал в 1974 г. М. Увалентов, бригадир термистов Вологодского вагоноремонтного завода [55].

В значительном количестве писем в газеты и органы власти отмечены случаи, связанные с необходимостью применения мер воздействия к недисциплинированным работникам, активизации борьбы с тунеядством и разгильдяйством, так называемыми летунами, ввиду разрастания данных явлений [56. Л. 42; 57]. Среди главных недостатков фигурируют проблемы численного и содержательного плана пропагандистской работы (отсутствие лекций о коммунистической сознательности и коммунистического отношения к труду, отрыв от действительности, недостаточная освещенность деятельности передовиков). О противоречии дискутировали как начальники производств, так и представители различных специальностей. На партийном собрании в шлифовально-сборочном цехе ГПЗ-23 коммунист А.С. Маганов высказался о том, что в воспитательной работе не хватало бригадной силы рабочих собраний, работы наставников в борьбе с пьянством, прогулами, усиленных административных мер воздействия [58. Л. 154].

«Наш цеховой профсоюзный комитет четырнадцать раз собирался только для того, чтобы обсудить прогульщиков. Да, при такой постановке дела у нас в цехе не должно быть не только прогульщиков, но и ни одной потерянной рабочей минуты вообще. А между тем прогулы в цехе продолжаются», – возмущался токарь завода «Северный коммунар», член Вологодского горкома КПСС В. Пигин в заметке, помещенной в «Красном Севере» за 1983 г. [59]. Как раз в 1983 г. Политбюро ЦК КПСС подписало Постановление «О фактах необоснованного отвлечения трудящихся с производства», направленное на укрепление трудовой дисциплины.

В системе мероприятий по повышению роста производительности труда предписывалось внедрение бригадной формы организации и стимулирования труда, совмещение профессий, внедрение научной организации и сокращение ручного труда [60].

В 1987–1988 гг. Институтом социологических исследований АН СССР, Академией общественных наук при ЦК КПСС и другими были проведены социологические опросы, выявившие неоднозначное восприятие идей перестройки, что негативно влияло на общественное сознание и подрывало веру людей в успех. В целом же на данном этапе начался процесс усиления реалистичности восприятия социальной действительности. Однако большая часть рабочих высказывалась о бесхозяйственности, ослаблении дисциплины труда, недостатках в техническом перевооружении производства, неудовлетворенности материальным стимулированием, несправедливости в распределении социальных благ. Уровень производственной активности рядовых и руководящих работников постепенно снижался. Материалы исследования говорили о широком распространении отчужденного отношения рабочих и колхозников к производству. Только 14% в полной мере чувствовали себя его хозяевами, причем у рабочих промышленноых предприятий и строительства в сравнении с сельскими тружениками это чувство оказалось слабее. Многие рабочие госпредприятий относились к земле и технике как к чему-то чужому. Мотивация к труду была чрезвычайно низкой. Участвующие в опросах признавались, что работают с неполной нагрузкой. Кроме того, увеличивалась доля лиц, увольняющихся с производства из-за неудовлетворенности взаимоотношениями в коллективе [61. С. 93–96].

Таким образом, на протяжении исследуемого периода в сознании рабочей когорты обозначился и усиливался дрейф в сторону увеличения материального поощрения производственной деятельности. Уже начиная с 1960-х гг. практически все социальные звенья советского общества были охвачены монетарной мотивацией к труду [62. С. 54]. Поэтому одним из важнейших вопросов, волнующих обывателей, являлось внесение корректив в систему зарплаты, которая, как показывают источники, к середине 1970-х гг. нуждалась в серьезном реформировании. В данной сфере устанавливались свои негласные законы и обычаи. Выступления против многих из них присутствуют в письмах. Авторы сообщений в ЦК КПСС в целях экономии средств и совершенствования организации работы считали целесообразными к рассмотрению проблемы сокращения управленческого аппарата, упразднения лишних звеньев в министерствах, ведомствах, предприятиях, а также рационального распределения премиального фонда, устранения причин низкого уровня производительности труда и др.

Резюмируя, отметим, что в искомый период основной ячейкой советского общества продолжал оставаться производственный коллектив, а отношение к труду носило особенный характер. Одними из базовых частей российской матрицы ментальности являлись идеи первичности правды (справедливости) перед законом, духовного перед материальным, общего перед частным, доброты перед предприимчивостью. Прежде всего, главным компонентом общественного сознания и идентичности считалось стремление к справедливости (национальное и социальное равенство). Пожалуй, именно данная доминанта создавала основу для дальнейшего стремления жить, трудится в ожидании предстоящих перспектив. Коллективистское сознание на протяжении длительного периода воспринимало тяготы жизни как необходимые, неизбежные, что определяло массовую готовность терпеть дефицит товаров, отсутствие жилья или качественных условий жизни. Однако идеалы равенства, уравнительной психологии, справедливости, коллективной пользы в течение 1950–1980-х гг. утрачивались (в сравнении с этапом раннего Советского государства). Набирала обороты коммерциализация жизненных проявлений, происходило становление частнособственнической морали. Это фиксирует источниковый ряд, применяемый в исследовании. Дело в том, что в среде хозяйственной элиты, номенклатуры уже в 1950–1960-е гг. зрели звенья латентного рыночного мышления. Кроме того, все отчетливее проявлялось усиление автономности директората предприятий от трудовых коллективов. В совокупности эти моменты подрывали корпоративное рабочее сознание, ставя рядового трудящегося в большую зависимость от руководства предприятия. Именно руководители производственных процессов распределяли премии, жилье, дефицитные продукты, путевки на курорты. Параллельно с этим менялся состав номенклатурных элит, постепенно превращающихся в закрытые элитарные группы, где люди не ставили групповые интересы выше личных. Кроме того, их отличали такие качества, как деловитость и предприимчивость. В это время актуализировались общественные противоречия, а идеологические и экономические стимулы переставали выполнять свои функции. Вызревала новая госидеология, возникало так называемое криптообщественное сознание, приведшие к востребованности самиздата и произведений-возбудителей общественного мнения (на Русском Севере – остросоциальной деревенской прозы). Скованность движения социальных лифтов вызвала разрушение представлений о справедливости, падал престиж труда, гуманизм и человеколюбие отбрасывались, особенно молодежью, видевшей в них препятствие к жизненному успеху, одновременно оседал престиж рабочих профессий и т.д. В связи с вызовами времени трансформированное коллективное сознание советского типа к 1980-м гг., испытав крупные метаморфозы, впало в глубокий кризис и практически разрушилось с распадом социалистической системы.

Примечания

[1] См., например: Преображенный Север : сб. / ред.-сост. В.М. Малков. Архангельск; Вологда, 1967. 200 с.

[2] См., например: Липатов В.В. Черный Яр; Сказание о директоре Прончатове; И это все о нем. М., 1977. 719 с.

[3] См., например: Барышев М.И. Вторая половина года. 2-е изд. М., 1977. 383 с.

[4] Об этом также см.: Викулов С.В. О такой большой работе: проблемы Нечерноземья в современной литературе // Нечерноземье – забота общая: проблемы литературы и культуры / сост. Е. Языкова. М., 1983. С. 15–35; Романов А.А. Поле нашей жизни // Нечерноземье – забота

общая: проблемы литературы и культуры / сост. Е. Языкова. М., 1983. С. 52–54; Белов В.И. Еще о нашей деревне: проблемы Нечерноземья // Призыв. 1981. 6 января.
[5] См.: Белов В.И. Год Великого перелома. М., 1994. 471 с.
[6] См.: Белов В.И. Лад: очерки о народной эстетике. М., 1982. 293 с.
[7] См.: Белов В.И. Час шестый. М., 1999. 319 с.

Список источников

1. Безнин М.А., Димони Т.М., Гулин К.А. Экономический строй России 1950–1980-х годов. Вологда : ВоГУ, 2021. 250 с.
2. Столетова А.С. Размежевание производственного социума в условиях новой обыденности 1950-х гг. (на примере писем рабочих в ЦК КПСС) // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2021. № 2(21). С. 17–21.
3. Столетова А.С. Низовой сегмент производственного социума России в 1950–1960-е гг.: источники по проблеме восприятия социально-экономического и политического неравноправия // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 233–248. doi: 10.28995/2073-0101-2023-1-233-248
4. Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Человек и его работа в СССР и после. 2-е изд., испр. и доп. М. : Аспект-пресс, 2003. 485 с.
5. Сагателян, И.Г. Советская промышленность: проблемы соревнования и мотивации труда (1960–1970 гг.). М. : Звездопад, 2001. 106 с.
6. Лебский М.А. Рабочий класс СССР: жизнь в условиях промышленного патернализма. М. : Горизонталь, 2021. 250 с.
7. Андреева Е.Ю. Труд и перекур в искусстве СССР 1940-х – начала 1960-х годов // Логос: философско-литературный журнал. 2019. Т. 29, № 1 (128). С. 233–242.
8. Воробьева М.В. Об альтернативном толковании труда и его репрезентациях в советском кино 1950-1960-х гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2020. Т. 26, № 4(201). С. 84–92.
9. Дмитриенко Т.С. Труд и человек труда в литературе и искусстве // Человек труда и наука / отв. ред. Е.А. Лазарева. Ч. 2. Новочеркасск, 2022. С. 76–81.
10. Гурова О.Ю. Идеология потребления в советском обществе // Социологический журнал. 2005. № 4. С. 117–131.
11. Метелева С.С. Трансформация ценностей: от советского человека к человеку общества потребления // Вопросы культурологии. 2013. № 1. С. 42–47.
12. Перцев В.А. Разработка и реализация в советском государстве концепции общества потребления в 1950–1960-е гг. // Общество: философия, история, культура. 2017. № 8. С. 110–113.
13. Синицын Ф.Л. Формирование «общества потребления» в СССР: идеологический вызов для власти (1964–1982 гг.) // Вестник ВолГУ. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 3. С. 84–94.
14. Букин С.С. Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири (1946–1960 гг.). Новосибирск : Новосиб. отд. изд-ва «Наука», 1984. 271 с.
15. Антонов В.Д. Самосознание советского рабочего как фактор трудовой деятельности : автореф. дис. … канд. социол. наук. М., 1990. 18 с.
16. Государственный архив Архангельской области. Ф. 741. Оп. 1. Д. 159. Л. 2–31. Протокол общего собрания писателей Архангельского отделения Союза писателей РСФСР от 16 января 1961 г.
17. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 36. Д. 155. Л. 220–222. О втором пленуме правления Союза писателей РСФСР.
18. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. П-9645. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–4. Протокол открытого партийного собрания № 4 партийной организации при Вологодской писательской организации от 28 января 1975 г.
19. ГАВО. Ф. П-9645. Оп. 1. Д. 1. Л. 5–7. Протокол № 5 открытого партийного собрания Вологодской писательской организации от 21 февраля 1975 г.
20. ГАВО. Ф. П-9645. Оп. 1. Д. 1. Л. 15–16. Протокол № 10 открытого партийного собрания Вологодской писательской организации от 21 июля 1975 г.
21. ГАВО. Ф. 5081. Оп. 1. Д. 195. Выступления на совещаниях в Вологодском обкоме партии, облисполкоме. 22 л.
22. Полуянов И.Д. Библиотека леспромхоза и ее читатели. Архангельск, 1956. 19 с.
23. ГАВО. Ф. 5081. Оп. 1. Д. 1443. Письма Яшина Александра Яковлевича Гуре В.В. 41 л.
24. Фокин А. «Обижается народ, мало партия дает» // Родина. 2012. № 3. С. 154–156.
25. Ермачков С. «Стахановский четверг» // Красный Север. 1950. 18 декабря. С. 4.
26. Волков Н. Начальник фабрики // Красный Север. 1952. 13 июля. С. 2.
27. Белоглазов Б.С. Кабинет политпросвещения на заводе. Вологда, 1960. 32 с.
28. Волков Н. Две трудовые книжки // Блокнот агитатора. 1963. № 22. С. 38–48.
29. Бураков А. Простой труженик // Красный Север. 1959. 5 июля. С. 2.
30. Савкин В. Рабочий человек // Вступление в жизнь. Вологда, 1959. С. 13–19.
31. Родичева М. Бригада коммунистического труда Зои Кораблевой. Вологда, 1960. 12 с.
32. Слово бригады А. Будилова // Красный Север. 1963. 17 января. С. 1.
33. Два письма на важную тему // Вологодский комсомолец. 1961. 28 марта. С. 2.
34. Помпеев Ю.А. Жизнь на виду. М. : Политиздат, 1983. 160 с.
35. Швецова Р. Настоящий коммунист // Мы строим коммунизм [сб. / ред. кол. К.Н. Гуляев и др.]. Вологда : Кн. изд-во, 1962. 351 с.
36. Алферьев Н. Рабочая совесть // Красный Север. 1973. 4 сентября. С. 2.
37. Жуков В. Постоянные спутники // Красный Север. 1973. 5 декабря. С. 2.
38. Жуков В. В единстве форм и методов // Красный Север. 1974. 7 декабря. С. 2.
39. Советский образ жизни // Красный Север. 1974. 7 декабря. С. 1.
40. Белоглазов Б. Наставники // Красный Север. 1969. 6 августа. С. 2.
41. Конищев Ю. Ключи для новоселья: Размышления бригадира о нравственной ответственности строителей // Советская Россия. 1979. 30 марта. С. 2.
42. Варюхичев А. «Обращать в свою веру!..» // Политическая агитация. 1980. № 4. С. 21–25.
43. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 77. Д. 72. Л. 153–155. Информация об итогах проведения открытых партийных собраний с повесткой «Жить, работать и бороться по-ленински, по-коммунистически» в Вологодской областной партийной организации».
44. Человек и его работа: Социологическое исследование / под ред. А.Г. Здравомыслова и др. М., 1967. 392 с.
45. Хорошин Ф. Заработная плата на предприятиях // Красный Север. 1964. 18 февраля. С. 3.
46. Попов В. В труде – соперники // Красный Север. 1978. 1 апреля. С. 2.
47. Соревнование: почему не всегда оно эффективно // Красный Север. 1973. 18 сентября. С. 3.
48. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 5. Д. 267. Л. 76–77. Молчанов В. (корр. газеты «Молот»). Утрата ответственности. 1973. 3 июля.
49. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 135. Л. 86–94. Письма общего отдела ЦК КПСС за 1955 г.
50. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 275. Л. 12–20. Сводка о недостатках в снабжении населения продовольственными товарами первой необходимости.
51. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 285. Л. 47–59. Информация ЦК КПСС о характере писем и заявлений трудящихся, поступающих в ЦК КПСС.
52. Боковиков М. Цена рабочих минут: Рейд «Красного Севера» по цехам Вологодского вагонного депо // Красный Север. 1968. 28 апреля. С. 1.

53. Варюхичев А. Работяга? Нет, рабочий! // Вологодский комсомолец. 1968. 29 сентября. С. 2.
54. Задумкин Н. Время, время… // Красный Север. 1974. 6 августа. С. 3.
55. Увалентов М. Летунам – стоп! // Красный Север. 1974. 6 августа. С. 3.
56. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 68. Д. 2178. Л. 34–47. О поступающих в ЦК КПСС письмах трудящихся по вопросам экономии и бережливости в народном хозяйстве.
57. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 68. Д. 456. Л. 29–45. Справка по материалам исследования проблем борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни (тунеядство, бродяжничество и попрошайничество).
58. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 77. Д. 72. Л. 153–155. Информация об итогах проведения открытых партийных собраний с повесткой «Жить, работать и бороться по-ленински, по-коммунистически» в Вологодской областной партийной организации».
59. Пигин В. Рабочее время – работе! // Красный Север. 1983. 12 января. С. 2.
60. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 90. Д. 412. Л. 1–2, 21–24. Копия записки отдела, информации министерств и ведомств о выполнении постановления ЦК КПСС от 17.10.83 г. «О фактах необоснованного отвлечения трудящихся с производства».
61. Многоукладная аграрная экономика и российская деревня / под ред. Е.С. Строева. М. : Колос, 2001. 620 с.
62. Безнин М.А., Димони Т.М. «Надпроизводственный» менеджмент в советской экономике (1930–1980-е гг.) // Вопросы истории. 2020. № 10-2. С. 42–60.

References

1. Beznin, M.A., Dimoni, T.M. & Gulin, K.A. (2021) *Ekonomicheskiy stroy Rossii 1950–1980-kh godov* [The economic system of Russia in the 1950s–1980s]. Vologda: VoSU.
2. Stoletova, A.S. (2021) Razmezhevanie proizvodstvennogo sotsiuma v usloviyakh novoy obydennosti 1950-kh gg. (na primere pisem rabochikh v TsK KPSS) [The differentiation of the industrial society in the context of the new everyday life of the 1950s (based on workers' letters to the CPSU Central Committee)]. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie i filologicheskie nauki.* 2(21). pp. 17–21.
3. Stoletova, A.S. (2023) Nizovoy segment proizvodstvennogo sotsiuma Rossii v 1950–1960-e gg.: istochniki po probleme vospriyatiya sotsial'no-ekonomicheskogo i politicheskogo neravnopraviya [The grass-roots segment of Russia's industrial society in the 1950s–1960s: sources on the problem of the perception of socio-economic and political inequality]. *Vestnik arkhivista.* 1. pp. 233–248. doi: 10.28995/2073-0101-2023-1-233-248.
4. Zdravomyslov, A.G. & Yadov, V.A. (2003) *Chelovek i ego rabota v SSSR i posle* [Man and his work in the USSR and after]. 2nd ed. Moscow: Aspekt-press.
5. Sagatelyan, I.G. (2001) *Sovetskaya promyshlennost': problemy sorevnovaniya i motivatsii truda (1960–1970 gg.)* [Soviet industry: problems of competition and labor motivation (1960–1970)]. Moscow: Zvezdopad.
6. Lebskiy, M.A. (2021) *Rabochiy klass SSSR: zhizn' v usloviyakh promyshlennogo paternalizma* [The working class of the USSR: life under conditions of industrial paternalism]. Moscow: Gorizontal'. (In Russian).
7. Andreeva, E.Yu. (2019) Trud i perekur v iskusstve SSSR 1940-kh – nachala 1960-kh godov [Work and smoke breaks in the art of the USSR from the 1940s to the early 1960s]. *Logos: filosofsko-literaturnyy zhurnal*. 29 (1 (128)). pp. 233–242.
8. Vorobyeva, M.V. (2020) Ob al'ternativnom tolkovanii truda i ego reprezentatsiyakh v sovetskom kino 1950-1960-kh gg. [On the alternative interpretation of labor and its representations in Soviet cinema of the 1950s-1960s]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 26 (4(201)). pp. 84–92.
9. Dmitrienko, T.S. (2022) Trud i chelovek truda v literature i iskusstve [Labor and the working person in literature and art]. In: Lazareva, E.A. (ed.) *Chelovek truda i nauka* [The working person and science]. Part 2. Novocherkassk. pp. 76–81.
10. Gurova, O.Yu. (2005) Ideologiya potrebleniya v sovetskom obshchestve [The ideology of consumption in Soviet society]. *Sotsiologicheskiy zhurnal*. 4. pp. 117–131.
11. Meteleva, S.S. (2013) Transformatsiya tsennostey: ot sovetskogo cheloveka k cheloveku obshchestva potrebleniya [Transformation of values: from Soviet man to the man of consumer society]. *Voprosy kul'turologii*. 1. pp. 42–47.
12. Pertsev, V.A. (2017) Razrabotka i realizatsiya v sovetskom gosudarstve kontseptsii obshchestva potrebleniya v 1950–1960-e gg. [Development and implementation of the consumer society concept in the Soviet state in the 1950s–1960s]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura.* 8. pp. 110–113.
13. Sinitsyn, F.L. (2021) Formirovanie "obshchestva potrebleniya" v SSSR: ideologicheskiy vyzov dlya vlasti (1964–1982 gg.) [The formation of a "consumer society" in the USSR: an ideological challenge for the authorities (1964–1982)]. *Vestnik VolGU. Ser. 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 26 (3). pp. 84–94.
14. Bukin, S.S. (1984) *Zhiznennyy uroven' rabochey sem'i v Sibiri (1946–1960 gg.)* [The standard of living of a working family in Siberia (1946–1960)]. Novosibirsk: Nauka.
15. Antonov, V.D. (1990) *Samosoznanie sovetskogo rabochego kak faktor trudovoy deyatel'nosti* [The self-awareness of the Soviet worker as a factor in labor activity]. PhD abstract. Moscow.
16. State Archive of Arkhangelsk Oblast. Fund 741. List 1. File 159. Pages 2–31. *Minutes of the general meeting of writers of the Arkhangelsk branch of the Writers' Union of the RSFSR, January 16, 1961*. (In Russian).
17. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 36. File 155. Pages 220–222. *On the second plenum of the board of the Writers' Union of the RSFSR.* (In Russian).
18. State Archive of Vologda Oblast (GA VO). Fund P-9645. List 1. File 1. Pages 1–4. *Minutes of open party meeting No. 4 of the party organization at the Vologda writers' organization, January 28, 1975*. (In Russian).
19. State Archive of Vologda Oblast (GA VO). Fund P-9645. List 1. File 1. Pages 5–7. *Minutes No. 5 of the open party meeting of the Vologda writers' organization, February 21, 1975.* (In Russian).
20. State Archive of Vologda Oblast (GA VO). Fund P-9645. List 1. File 1. Pages 15–16. *Minutes No. 10 of the open party meeting of the Vologda writers' organization, July 21, 1975*. (In Russian).
21. State Archive of Vologda Oblast (GA VO). Fund 5081. List 1. File 195. *Speeches at meetings in the Vologda Regional Committee of the Party, Regional Executive Committee. 22 sheets*. (In Russian).
22. Poluyanov, I.D. (1956) *Biblioteka lespromkhoza i ee chitateli* [The library of the timber industry enterprise and its readers]. Arkhangelsk.
23. State Archive of Vologda Oblast (GA VO). Fund 5081. List 1. File 1443. *Letters of Yashin Aleksandr Yakovlevich to Gura V.V. 41 sheets.* (In Russian).
24. Fokin, A. (2012) "Obizhaetsya narod, malo partiya daet" ["The people are offended, the party gives little"]. *Rodina*. 3. pp. 154–156.
25. Ermachkov, S. (1950) "Stakhanovskiy chetverg" ["Stakhanovite Thursday"]. *Krasnyy Sever*. 18 December. p. 4.
26. Volkov, N. (1952) Nachal'nik fabriki [The factory manager]. *Krasnyy Sever*. 13 July. p. 2.
27. Beloglazov, B.S. (1960) *Kabinet politprosveshcheniya na zavode* [The political education office at the plant]. Vologda.
28. Volkov, N. (1963) Dve trudovye knizhki [Two work record books]. *Bloknot agitatora*. 22. pp. 38–48.
29. Burakov, A. (1959) Prostoy truzhenik [A simple worker]. *Krasnyy Sever*. 5 July. p. 2.
30. Savkin, V. (1959) Rabochiy chelovek [A working man]. In: *Vstuplenie v zhizn'* [Entry into life]. Vologda. pp. 13–19.

31. Rodicheva, M. (1960) *Brigada kommunisticheskogo truda Zoi Korablevoy* [The communist labor brigade of Zoya Korableva]. Vologda.
32. Krasnyy Sever. (1963) Slovo brigady A. Budilova [The word of A. Budilov's brigade]. *Krasnyy Sever*. 17 January. p. 1.
33. *Vologodskiy komsomolets.* (1961) Dva pis'ma na vazhnuyu temu [Two letters on an important topic]. *Vologodskiy komsomolets*. 28 March. p. 2.
34. Pompeev, Yu.A. (1983) *Zhizn' na vidu* [Life in plain sight]. Moscow: Politizdat.
35. Shvetsova, R. (1962) Nastoyashchiy kommunist [A true communist]. In: Gulyaev, K.N. et al. (eds) *My stroim kommunizm* [We are building communism]. Vologda: Knizhnoe izdatel'stvo.
36. Alferyev, N. (1973) Rabochaya sovest' [Workers' conscience]. *Krasnyy Sever*. 4 September. p. 2.
37. Zhukov, V. (1973) Postoyannye sputniki [Constant companions]. *Krasnyy Sever*. 5 December. p. 2.
38. Zhukov, V. (1974) V edinstve form i metodov [In the unity of forms and methods]. *Krasnyy Sever*. 7 December. p. 2.
39. Krasnyy Sever. (1974) Sovetskiy obraz zhizni [The Soviet way of life]. *Krasnyy Sever*. 7 December. p. 1.
40. Beloglazov, B. (1969) Nastavniki [Mentors]. *Krasnyy Sever*. 6 August. p. 2.
41. Konishchev, Yu. (1979) Klyuchi dlya novosel'ya: Razmyshleniya brigadira o nravstvennoy otvetstvennosti stroiteley [Keys for a housewarming: Reflections of a brigade leader on the moral responsibility of builders]. *Sovetskaya Rossiya*. 30 March. p. 2.
42. Varyukhichev, A. (1980) "Obrashchat' v svoyu veru!.." ["Convert to your own faith!..."]. *Politicheskaya agitatsiya*. 4. pp. 21–25.
43. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 77. File 72. Pages 153–155. *Information on the results of holding open party meetings with the agenda "To live, work and fight in the Leninist way, in the communist way" in the Vologda Regional Party Organization*. (In Russian).
44. Zdravomyslov, A.G. et al. (eds) (1967) *Chelovek i ego rabota: Sotsiologicheskoe issledovanie* [Man and his work: A sociological study]. Moscow.
45. Khoroshin, F. (1964) Zarabotnaya plata na predpriyatiyakh [Wages at enterprises]. *Krasnyy Sever*. 18 February. p. 3.
46. Popov, V. (1978) V trude – soperniki [At work – rivals]. *Krasnyy Sever*. 1 April. p. 2.
47. Krasnyy Sever. (1973) Sorevnovanie: pochemu ne vsegda ono effektivno [Competition: why it is not always effective]. *Krasnyy Sever*. 18 September. p. 3.
48. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 5. File 267. Pages 76–77. Molchanov, V. (correspondent of the newspaper "Molot"). *Utrata otvetstvennosti* [Loss of responsibility]. July 3, 1973.
49. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 30. File 135. Pages 86–94. *Letters to the General Department of the CPSU Central Committee for 1955.* (In Russian).
50. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 64. File 275. Pages 12–20. *Summary of shortcomings in the supply of essential food products to the population*. (In Russian).
51. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 30. File 285. Pages 47–59. *Information from the CPSU Central Committee on the nature of letters and statements from workers received by the CPSU Central Committee*. (In Russian).
52. Bokovikov, M. (1968) Tsena rabochikh minut: Reyd "Krasnogo Severa" po tsekham Vologodskogo vagonnogo depo [The cost of working minutes: A raid by "Krasnyy Sever" through the workshops of the Vologda railway carriage depot]. *Krasnyy Sever*. 28 April. p. 1.
53. Varyukhichev, A. (1968) Rabotyaga? Net, rabochiy! [A workhorse? No, a worker!]. *Vologodskiy komsomolets*. 29 September. p. 2.
54. Zadumkin, N. (1974) Vremya, vremya… [Time, time...]. *Krasnyy Sever*. 6 August. p. 3.
55. Uvalentov, M. (1974) Letunam – stop! [Stop the job-hoppers!]. *Krasnyy Sever*. 6 August. p. 3.
56. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 68. File 2178. Pages 34–47. *On letters from workers received by the CPSU Central Committee on issues of economy and thrift in the national economy*. (In Russian).
57. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 68. File 456. Pages 29–45. *Reference based on research materials on the problem of combating persons evading socially useful labor and leading an anti-social, parasitic lifestyle (parasitism, vagrancy and begging).* (In Russian).
58. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 77. File 72. Pages 153–155. *Information on the results of holding open party meetings with the agenda "To live, work and fight in the Leninist way, in the communist way" in the Vologda Regional Party Organization*. (In Russian).
59. Pigin, V. (1983) Rabochee vremya – rabote! [Working time – for work!]. *Krasnyy Sever*. 12 January. p. 2.
60. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 5. List 90. File 412. Pages 1–2, 21–24. *Copy of a note from the department, information from ministries and departments on the implementation of the CPSU Central Committee resolution of October 17, 1983 "On facts of unjustified distraction of workers from production"*. (In Russian).
61. Stroev, E.S. (ed.) (2001) *Mnogoukladnaya agrarnaya ekonomika i rossiyskaya derevnya* [A multi-structured agrarian economy and the Russian village]. Moscow: Kolos.
62. Beznin, M.A. & Dimoni, T.M. (2020) "Nadproizvodstvennyy" menedzhment v sovetskoy ekonomike (1930–1980-e gg.) ["Above-production" management in the Soviet economy (1930s–1980s)]. *Voprosy istorii*. 10-2. pp. 42–60.

Информация об авторе:
Столетова А.С. – канд. ист. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Вологодской государственной молочнохозяйственной академии имени Н.В. Верещагина (Вологда, Россия); доцент кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета (Вологда, Россия). E-mail: Stoletowa-A-S@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
A.S. Stoletova, Cand. Sci. (History), associate professor, Vologda State Dairy Farming Academy named after N.V. Vereshchagin (Vologda, Russian Federation); associate professor, Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: Stoletowa-A-S@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.02.2025;
одобрена после рецензирования 1.05.2025; принята к публикации 10.10.2025.

The article was submitted 19.02.2025;
approved after reviewing 1.05.2025; accepted for publication 10.10.2025.

Научная статья
УДК 39:295.4(713)
doi: 10.17223/15617793/519/17

Формирование и деятельность зороастрийского общества Онтарио в Канаде

Вероника Дмитриевна Шуберт[1]

[1] *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, haritonova@lib.tsu.ru*

Аннотация. Изучен процесс формирования и деятельности зороастрийского общества Онтарио в Канаде. Основу исследования составляет анализ мнений о зороастрийской идентичности и адаптации иранских мигрантов со стороны как исследователей, так и самих членов религиозного сообщества. В этом контексте рассмотрены вопросы включения мигрантов в принимающую среду, а также значимость религиозной и культурной жизни зороастрийцев в условиях канадского общества на примере организации общины, проведения в ней основных ритуалов, празднования важных дат. Также уделено внимание вопросам консолидации сообщества в отношении религиозного образования, заключения браков, изучения языка для проведения богослужений.
Ключевые слова: зороастризм, зороастрийское общество Онтарио, Канада, религиозная община, культурная адаптация

Для цитирования: Шуберт В.Д. Формирование и деятельность зороастрийского общества Онтарио в Канаде // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 519. С. 136–141. doi: 10.17223/15617793/519/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/519/17

Formation and activity of the Zoroastrian Society of Ontario in Canada

Veronika D. Schubert[1]

[1] *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, haritonova@lib.tsu.ru*

Abstract. This article aims to examine the process of formation and activities of the Zoroastrian Society of Ontario in Canada. The study is based on an analysis of the perspectives of researchers and members of the religious community regarding Zoroastrian identity and the adaptation of Iranian migrants. The Zoroastrian Society of Ontario was officially registered on April 1, 1978, and currently operates as a charitable non-profit organization under the Canada Not-for-Profit Corporations Act of 2010. A charitable corporation is defined as an entity established to combat poverty, advance education, promote religion, or pursue other charitable purposes. The article considers issues related to the integration of migrants into the host environment, as well as the significance of religious and cultural life for Zoroastrians within Canadian society, using the Zoroastrian Society of Ontario as a case study. Attention is paid to the organization of key rituals and the celebration of important dates and events, including Navjote ceremonies, weddings, funerals, and Nowruz celebrations. The consolidation of the community in matters of religious education, marriage arrangements, and language study for the purpose of conducting worship services is also addressed. The Iranian Zoroastrian Cultural Kanoun, functioning as a distinct body within the ZSO, organizes and oversees the observance of major religious ceremonies and offers classes on the Avesta in Persian, as well as Persian language and literature courses for community members. Worship services are conducted in both Persian and English, reflecting the community's linguistic adaptability. The activities of the Zoroastrians of Ontario are broadly oriented toward preserving traditions and ensuring the proper conduct of religious ceremonies within the community. The article highlights best practices implemented by the Zoroastrian Society of Ontario. These include a Reception Committee that assists migrants by providing information prior to their arrival in Toronto, helping with housing searches, offering guidance on employment opportunities, and explaining the use of local transportation. A second initiative involves programs for the elderly; for instance, Toronto hosts a ride-sharing program that enables seniors requiring transportation to attend events to find companions for travel. The article concludes that the Zoroastrian Society of Ontario plays a vital role in maintaining Zoroastrian identity in Canada and in shaping the evolution of Zoroastrian adherents both in Iran and Canada.
Keywords: Zoroastrianism, Zoroastrian Society of Ontario, Canada, religious community, cultural adaptation

***For citation*:** Schubert, V.D. (2025) Formation and activity of the Zoroastrian Society of Ontario in Canada. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 519. pp. 136–141. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/519/17

Канада основана на принципах, признающих верховенство Бога и верховенство закона. Канадская хартия прав и свобод гарантирует права и свободы, изложенные в ней, при условии соблюдения только таких разумных ограничений, установленных законом, которые могут быть доказуемо оправданы в свободном и демократическом обществе. Каждый человек обладает следующими основными свободами: свобода совести

© Шуберт В.Д., 2025

и религии; свобода мысли, убеждений и их свободное выражение, включая свободу печати и других средств коммуникации; свобода мирных собраний и свобода ассоциаций [1].

Зороастрийское общество Онтарио (ZSO, The Zoroastrian Society of Ontario) было основано в Канаде в 1971 г. путем трансформации предшествующего ему сообщества – Зороастрийского братства, которое существовало с 1966 г. как неофициальная группа помощи зороастрийским иммигрантам по прибытии их в Канаду. Д.Р. Хиннеллс, профессор сравнительного религиоведения в Школе восточных и африканских исследований Лондонского университета, ссылаясь на данные справочника о зороастрийцах в Северной Америке, отмечает, что в декабре 1965 г. на североамериканском континенте было 370 зороастрийцев – 291 взрослый и 79 детей, 52 человека из них – из провинции Онтарио [2. P. 453]. В связи с относительно большим притоком парсов в начале 1970-х гг. стала ощущаться потребность в зарегистрированной организации зороастрийцев, что нашло воплощение в создании общества. Зороастрийское общество Онтарио было официально зарегистрировано 1 апреля 1978 г. [3] и в настоящее время является благотворительной некоммерческой организацией в соответствии с Законом Канады о некоммерческих корпорациях 2010 г. [4]. Благотворительная корпорация – корпорация, созданная для борьбы с бедностью, развития образования, распространения религии или для других благотворительных целей [4].

Также ст. 1 Закона о землях религиозных организаций определяет религиозную организацию как объединение лиц, организацию, которая является благотворительной в соответствии с законодательством Онтарио, организованную для продвижения религии и проведения богослужений или обрядов, которая является постоянно установленной как в отношении непрерывности своего существования, так и в отношении своих религиозных верований, ритуалов и практик и включает в себя объединение лиц, организовано для продвижения и проведения богослужений, служб или обрядов буддийской, христианской, индуистской, исламской, иудейской, бахаистской, индийской, сикхской, унитарианской или зороастрийской веры или ее подразделения или конфессии [5].

В то время как первыми общинами зороастрийцев, которые обосновались в Канаде, были парсы, из-за ускоренных темпов иранской иммиграции после революции 1979 г., население зороастрийцев в Онтарио (около 6 000 человек) и Британской Колумбии (около 2 000 человек) становится все более иранским. В Ванкувере они составляют более половины от общего числа зороастрийцев, а в Торонто в настоящее время – треть, но их доля, по-видимому, увеличивается по сравнению с парсами [6. P. 110]. К Газдар, президент Фонда зороастрийской общины Онтарио (Ontario Zoroastrian Community Foundation, OZCF), называет район Большого Торонто в провинции Онтарио в Канаде магнитом, который привлекает зороастрийцев, решивших эмигрировать за границу, а также отмечает, что Зороастрийское общество Онтарио стало одним из крупнейших зороастрийских объединений не только на континенте, но и в мире [7. P. 19].

С ростом населения в западной части района Большого Торонто утвердились и до сих пор функционируют две организации – Зороастрийское общество Онтарио и Фонд зороастрийской общины Онтарио. Члены обеих организаций отмечают данное соседство как преимущество, поскольку их члены могут пользоваться преимуществами обеих ассоциаций посредством посещения различных общественных мероприятий [7. P. 19].

Существенное различие в религиозной практике иранцев и парсов заключается в том, что, поскольку зороастрийцы в Иране и Индии нерегулярно соблюдали промежуточные месяцы, их ритуальные календари с годами становились все более обособленными друг от друга. Таким образом, иранцы и парсы не празднуют свои праздники в один и тот же день, и даты, в которые проводятся ритуалы парсов, больше не соответствуют сезонным циклам, в ознаменование которых первоначально предназначались ритуалы. *Новруз*, который для иранцев всех вероисповеданий остается самым важным праздником в году, отмечается в день весеннего равноденствия, а парсами – в конце лета, хотя в местах, где численность зороастрийцев невелика, парсы могут присоединиться к иранскому празднованию. Адьюнкт-профессор религии университета Конкордия в Монреале Р. Фольц, который преподает основы зороастризма, приводит примеры культурной гибридизации, происходящей из различий в практике иранцев и парсов. Так, например, в Монреале церемония Новруз начинается с чтения молитвы священниками-парсами, использующими в ходе нее такие ярко выраженные индийские черты, как цветы и сандаловое дерево, но далее следует общий ужин из иранского чело-кебаба за сервированным иранским столом *Хафт син*. В целом, иранские зороастрийцы, отмечает Р. Фольц, считают себя «менее озабоченными ритуалами», чем парсы, и считают свою религию более внутренней и личной. Иранцы также, как правило, менее озабочены, чем парсы, такими вопросами, как ритуальная чистота, ношение *судре* и *кушти* или проведение религиозных церемоний в целом. Но основные различия все же возникают из-за использования разных календарей и языков, а это означает, что иранцы и парсы редко физически присутствуют на одних и тех же церемониях, даже когда они совместно пользуются зданием [6. P. 110].

В 1971 г. начал выпускаться ежемесячный информационный бюллетень для членов общества под руководством редактора-основателя С. Булсара [2. P. 459], который выходит и в настоящее время и размещается на сайте общины в сети Интернет [8]. Он небольшой по объему (5–7 страниц) и посвящен разъяснению религиозных вопросов, таких как проведение церемоний, обязательные действия во время праздников или памятных дат. Бюллетень содержит повествования об известных членах общины, некрологи, соболезнования.

В каждом номере есть обращения редакторов и информационные объявления, связанные с деятельностью членов общины.

В 1975 г. у общества появился собственный общественный центр в Торонто для обеспечения его нормальной жизнедеятельности, учитывая его увеличивающуюся численность.

По мере роста возрастала потребность в едином месте для проведения религиозных, образовательных, социальных, спортивных и развлекательных мероприятий. В 1980 г. благодаря пожертвованиям *Арбаба Растома Гива*, известного иранского мецената-зороастрийца, был открыт центр *Мехрабан Гив Дарбе Мер*. Он назван в честь племянника А. Гива *Мехрабана Гива*, который скончался в очень молодом возрасте. По профессии он был флористом, и было известно, что его благотворительность не знала границ: он помогал всем, кто, по его мнению, нуждался в помощи [9]. Следует отметить, что фраза *dar i Mihr* (позже *dar-e Mehr)* означает «двор Митры» и использовалась для обозначения храмов огня [10. P. 208]. Вероятно, это связано с тем, что Митра почитался в зороастризме как бог, который помогает людям преодолевать трудности и достигать своих целей, а значит, обеспечит им безопасность под своим покровительством. Подтверждение этому видим в «Гимне Митре» (Яшт 10, «Михр-яшт»):

Мы почитаем Митру...
Который самым первым
Из всех божеств небесных
Над Харою восходит
Перед бессмертным Солнцем,
Чьи лошади быстры,
И первым достигает
Прекрасных золотистых
Вершин, откуда видит
Он весь арийцев край [11. С. 79].

Зороастрийская ассоциация Большого Нью-Йорка (Zoroastrian Association of Greater New York, ZAGNY) в Северной Америке стала первой, получившей подобный подарок – средства на покупку недвижимости, чтобы открыть Дарбе Мер. Центр в Нью-Рошелле в штате Нью-Йорк, открытый в декабре 1977 г., представлял собой большой дом, переделанный под молитвенную комнату, место для проведения праздников и ежемесячных религиозных занятий [12. P. 97].

А. Гив считал, что такие храмы должны быть открыты для всех. Имущество центра Мехрабан Гив Дарбе Мер принадлежит *Фонду Растома Гива* из Онтарио и сдается в бессрочную аренду зороастрийской общине на 999 лет за один цент в год. Есть четыре условия, которые были оговорены А. Гивом, когда он делал пожертвование на строительство: название «Зороастрийский храм Мехрабан Гив Дарбе Мер» не может быть изменено ни по какой причине, на территории центра запрещается проведение азартных игр и политических собраний, место должно быть открыто для всех зороастрийцев и их супругов независимо от их веры, при условии, что они соблюдают правила, опубликованные Зороастрийским обществом Онтарио, любой запрос на изменение собственности должен быть одобрен Фондом Растома Гива из Онтарио [9].

Многие зороастрийцы в США и Канаде в настоящее время являются иммигрантами в третьем и четвертом поколениях. Мигранты всегда пытаются найти людей, похожих на них самих, и потребовалось время, чтобы сформировать местные общины. Сначала они встречались в домах друг друга, чтобы наблюдать за религиозными праздниками, едой, обычаями и духом товарищества, а по мере роста этих сообществ стала очевидной потребность в более крупных площадках. Тогда члены общин начали арендовать большие залы в церквях и других общественных зданиях, а после того как сообщества еще более увеличились, начали создавать собственные религиозные центры. Некоторые общины предпочли приобрести существующие здания и отремонтировать их, в то время как другие покупали землю и возводили новые здания, более соответствующие их конкретным потребностям [13. P. 17].

Фонд купил большой дом на лесном участке, граничащим с рекой Дон, и превратил его в многоцелевое здание, которое одновременно служит центром сообщества и местом проведения ритуальных действий. В 2010 г. Зороастрийскому обществу Онтарио, которое управляет им как имуществом, удалось собрать деньги на ремонт здания. Центр был перестроен с копированием деталей дворца Ападана в Персеполе, а внутри размещены копии персидских памятников. Сейчас в центре есть свой храм, спортивные сооружения, библиотека; в нем проводятся основные обряды и церемонии, встречи единоверцев и религиозные классы для детей и взрослых.

Посетители храма отмечают достаточное простое его обустройство и комфортное нахождение при участии в церемониях. Вот как описывает свои впечатления молодой человек, впервые принимавший участие в массовых религиозных действиях: *«Церемония, на которой мы присутствовали, состояла преимущественно из элементов, найденных в природе. На это указывало наличие цветов, дыма и огня, которые использовались на протяжении всего процесса. Что меня удивило при входе в учреждение, так это отсутствие техники или современной мебели; вместо того, чтобы бросаться в глаза, место было скорее скучным. Но несмотря на это, я сразу почувствовал себя вовлеченным в безупречно простой дизайн заведения. Священники протягивали руки к огню, держа цветы, а затем тянулись к небу. Цветочные горшки окружили алтарь, на котором они сидели, создавая ощущение природы и безмятежности места. Со временем дым стал заполнять комнату. Один из священников иногда обмахивал веером пламя, это привело к разрастанию огня и распространению дыма, что, в свою очередь, превратило некогда, казалось бы, безжизненную комнату в пространство, полное энергии и жизни»* [14].

Огонь имеет священную природу в зороастризме, поклонение ему нашло отражение в устройстве храма. Сейчас в нем проводятся основные церемонии, такие как *Навджот*, свадьбы, похороны, читаются молитвы по значимым поводам. Центр Мехрабан Гив Дарбе Мер отвечает стремлению зороастрийцев Канады сохранять свою культурную и этническую идентичность на территории принимающей их страны.

Во время пандемии COVID-19 храм, как и весь центр в целом, был закрыт, и в нем не проводились массовые мероприятия. Исключение составляли похороны, в которых допускалось участие не более 5 человек [15]. В ZSO проводили мероприятия в Дарбе Мер 5–6 дней в неделю, поэтому закрытие означало, что

было много людей, которые не могли общаться так, как делали это обычно. Используя YouTube-канал ZSO, члены общины смогли вести прямую трансляцию церемоний и даже проводили заупокойные молитвы [16. P. 20]. Руководство Зороастрийского общества Онтарио отмечает, что безопасность всего сообщества – главный приоритет. Они принимали запросы на свечи и подношения сандалового дерева от имени людей, желающих их совершить, а также транслировали все религиозные события в прямом эфире на YouTube-канале объединения [17]. Во время пандемии в онлайн были перенесены и все другие мероприятия, которые касаются не столько религиозной, сколько культурной сферы деятельности общины. Так, например, религиозные классы для детей, уроки персидского, занятия йогой, встречи скаутов проводились дистанционно, хотя раньше имели место быть в стенах центра. Ограничения в основном были сняты в ноябре 2022 г., но в течение некоторого времени часть из них сохранялась: участие в мероприятии общины одновременно только 40 человек, предоставление волонтеру результатов скрининга на COVID-19 в день посещения мероприятия, предъявление доказательств вакцинации, ношение маски, соблюдение социальной дистанции в два метра (шесть футов) [18].

Кроме этого, зороастрийские общины Канады отмечают лучшие практики, которые также направлены на обеспечение безопасности сообщества и которые следует перенять у зороастрийского общества Онтарио. Это Комитет по приему, который был создан для вновь прибывших иммигрантов или людей, приезжающих в Торонто из-за рубежа. Комитет работает с отдельными лицами и семьями, чтобы предоставить им информацию до прибытия в Торонто: оказывает помощь в поиске жилья, информирует о том, как найти работу, как пользоваться местным транспортом и т.д. Комитет также рассылает резюме людям, которые могут помочь иммигранту найти работу. Это приводит к тому, что зороастрийцы при переезде в Канаду чувствуют себя более уверенно и комфортно. Вторая практика, которая наряду с Зороастрийским обществом Онтарио используется и в Фонде зороастрийской общины Онтарио, – программы для пожилых людей. Эти люди в Торонто очень активны и часто проводят различные мероприятия, но процент их членства в религиозных объединениях невелик из-за низких доходов. Общества запустили в Торонто программу совместного проезда, в рамках которой пожилые люди, нуждающиеся в транспорте для участия в мероприятиях, могут найти попутчика или кого-то, кто готов их подвезти [19. P. 12].

Община имеет влияние во Всемирной организации зороастрийцев, которая существует с 1980 г., и помогает зороастрийцам-беженцам, переезжающим из Ирана в другие страны. Всемирное сообщество зороастрийцев признает важную роль общины в увеличении значения иранской культуры в мире.

Деятельность зороастрийцев Онтарио направлена на соблюдение традиций и верное проведение религиозных церемоний в рамках сообщества. Для этого проводится обучение детей и взрослых основам религии и веры, также приветствуются браки, заключенные в рамках общины зороастрийскими священниками. Члены общины выдвигают требования правительству Канады, чтобы такие браки признавались законными [20. P. 561].

Следует отметить, что социальная и религиозная жизнь иранских зороастрийцев в Торонто находится под руководством Иранского культурного комитета зороастрийцев (Iranian Zoroastrian Cultural Kanoun, IZCK), который был создан в 1984 г. как отдельный орган в рамках ZSO. IZCK организует и наблюдает за соблюдением основных религиозных церемоний, а также проводит занятия по изучению Авесты на персидском языке, курсы персидского языка и литературы для членов общины. Есть секции, пропагандирующие спорт для молодежи, иранское ремесленное производство и организующие общественные мероприятия [6. P. 110].

Члены Зороастрийского общества Онтарио отмечают, что в их общине приветствуется богослужение и на персидском, и на английском языках. Использование персидского языка, во-первых, формирует восприятие «настоящего» зороастризма, а во-вторых, так община консолидируется, ее члены становятся более сплоченными, а также и потому, что в общине есть парсы, которые не ведут богослужения на английском, а предпочитают читать молитвы на родном языке [21. С. 248]. Но есть и те, кто только начал изучение языка и еще не освоил его в достаточной мере, потому как членами Зороастрийского общества Онтарио являются и канадцы, принявшие зороастризм в качестве религии. По этой причине глава общества принял решение о том, что использование в ходе богослужений английского языка должно быть следующим шагом для объединения общины, а Д. Багли, один из известных зороастрийских священников в Канаде, осуществил перевод персидских молитв на английский язык [22. P. 80].

Подкомитетом по религиозному образованию ZSO проводятся занятия по основам религии по следующим темам: «Заратуштра, наш пророк»; «Ахура Мазда, наш Бог»; «Добро и зло»; «Добрые мысли, добрые слова и добрые дела»; «Семь творений Бога и роль, которую они играют в нашей повседневной жизни»; «История иранцев до Заратуштры»; «Жизнь и легенды о Заратуштре»; «Учение Заратуштры»; «Гаты, Молитвы, Священные Писания и календарь». Занятия проходят как для взрослых (15 постоянных учеников), так и для детей (около 160 постоянных учеников) с использованием современных методов обучения. Каждый год лекторами-волонтерами проводится порядка 10 занятий и 3–4 мероприятия непосредственно в Дарбе Мер.

Обучение происходит также ритуалам и религиозным церемониям, таким как Навджот (посвящение в религию), свадьба и Джашан (церемония благодарения). Например, богослужение при погребальном ритуале сопровождается рассказом о доктрине загробной жизни. Практический акцент также делается на различных празднованиях. Дети собираются в Дарбе Мер 3–4 раза в год, чтобы отпраздновать особые события, такие как Новруз, когда проводится полная демонстрация стола *Хафт син* и объясняется значение каждого блюда. Каждый год проводится ежегодный конкурс

ораторского искусства, а также организуется специальный проект под названием «Живите молитвой», в рамках которого дети готовят и продают блюда иранской кухни и предметы декоративно-прикладного искусства. Собранные деньги передаются в различные благотворительные организации [23. P. 19].

Следует отметить, что большинство иранцев-мигрантов в Канаде, как и во всем мире, предпочитают выражать свое иранское происхождение через культурную деятельность, а не через религиозность. Во всех крупных городах Канады есть иранские рестораны, часто проходят концерты иранской музыки, устраиваются танцы и другие мероприятия. В Торонто есть несколько еженедельных журналов на персидском языке, многие иранские дома имеют спутниковое телевидение с возможностью просмотра программ на персидском языке. Иранский производитель одежды из Торонто TNIG выпускает футболки и платья с изображением Зороастра и символов религии, обращаясь, таким образом, к этническим, а не религиозным чувствам мигрантов [20. P. 576].

Р. Фольц отмечает, что иранские зороастрийцы в Канаде участвуют в одних социальных условиях как иранцы, в других – как зороастрийцы, а в третьих – как канадцы, но в значительной степени они остаются отдельным сообществом [20. P. 576]. И при этом как растущее и обладающее самосознанием сообщество иранских зороастрийцев играет важную роль в эволюции последователей данной религии в Иране и Канаде.

Список источников

1. Part I. Canadian Charter of Rights and Freedoms (enacted as Schedule B to the Canada Act 1982, c. 11 (U.K.), came into force on 17 Apr. 1982) // Constitution Act. Ottawa, 1982. URL: https://laws-lois.justice.gc.ca/PDF/CONST_TRD.pdf (дата обращения: 29.04.2025).
2. Hinnells J.R. The Zoroastrian Diaspora: Religion and Migration. Oxford, 2005. 865 p.
3. Zoroastrian society of Ontario // Canada Revenue Agency. Ottawa, 2025. URL: https://apps.cra-arc.gc.ca/ebci/hacc/srch/pub/dsplyRprtngPrd?q.srchNmFltr=Zoroastrian&q.stts=0007&selectedCharityBn=888970241RR0001&dsrdPg=1 (дата обращения: 29.04.2025).
4. Not-for-Profit Corporations Act, 2010, S.O. 2010, c. 15 (currency date 1 Oct. 2023) // e-Laws. Ontario, 2025. URL: https://www.ontario.ca/laws/statute/10n15 (дата обращения: 29.04.2025).
5. Religious Organizations' Lands Act, R.S.O. 1990, c. R.23 (currency date 15 Dec. 2009) // e-Laws. Ontario, 2025. URL: https://www.ontario.ca/laws/statute/90r23 (дата обращения: 29.04.2025).
6. Foltz R. Canada's Iranian Zarathushti Community // FEZANA Journal. 2010. Vol. 24, № 2. P. 110–111.
7. Gazdar C. The future beckons brightly // FEZANA Journal. 2017. Vol. 31, № 1. P. 19–20.
8. ZSO Newsletter // Zoroastrian Society of Ontario. Toronto, 2023. URL: https://www.zso.org/zso-newsletter (дата обращения: 26.06.2023).
9. Zoroastrian Society of Ontario. Toronto, 2023. URL: https://www.zso.org (дата обращения: 26.06.2023).
10. Hinnells J.R. The Zoroastrian Diaspora // The Wiley Blackwell Companion to Zoroastrianism. Hoboken, 2015. P. 191–208.
11. Гимн Митре // Авеста. Избранные гимны: Из Видевдата. М., 1993. С. 76–115.
12. Clubwala B.A. Thus speaks Zarathushtra to me. Gathas: an eternal story // FEZANA Journal. 2021. Vol. 35, № 1. P. 96–98.
13. Rustomjee N. Raising expectations for our infrastructure projects // FEZANA Journal. 2013. Vol. 27, № 3. P. 16–19.
14. Klinger W. The Modern Complexities of Zoroastrianism // Ontario Zoroastrian Community Foundation. Oakville, 2019. URL: https://jps.library.utoronto.ca/index.php/prandium/article/view/36108/27421 (дата обращения: 18.05.2021).
15. ZSO News // Zoroastrian Society of Ontario. Toronto, 2023. URL: https://www.zso.org/zso-news (дата обращения: 26.06.2023).
16. Mistry A. North Americans Rise to the Occasion // FEZANA Journal. 2020. Vol. 34, № 2. P. 19–28.
17. Zoroastrian Society of Ontario : YouTube channel. 2017–2024. URL: https://www.youtube.com/ZoroastrianSocietyofOntario (дата обращения: 18.05.2024).
18. Jashn-E-Mehregan (F) // Zoroastrian Society of Ontario. Toronto, 2023. URL: https://www.zso.org/zso-newsletter (дата обращения: 26.06.2023).
19. Mistry A. Best Practices And The Future Of Our North American Zoroastrian Community // FEZANA Journal. 2017. Vol. 31, № 1. P. 12.
20. Foltz R. Iranian Zoroastrians in Canada: Balancing Religious and Cultural Identities // Iranian Studies. 2009. Vol. 42, № 4. P. 561.
21. Харитонова В.Д. Культурная адаптация иранских мигрантов в Канаде (на примере деятельности зороастрийской общины провинции Онтарио) // Россия, Запад и Восток: диалог культур : материалы I Междунар. молодеж. науч.-практ. конф., Томск, 28–29 апр. 2014 г. Томск, 2014. С. 248–249.
22. Bagli J. Training for Priesthood in the Modern World: A Zarathushtrian Perspective // Teaching Theology and Religion. 2006. Vol. 9, № 2. P. 79–84.
23. Mistry J. Zoroastrian Society of Ontario // FEZANA Journal. 1993. Vol. 6, № 1. P. 19.

References

1. Constitution Act. (1982) *Part I. Canadian Charter of Rights and Freedoms* (enacted as Schedule B to the Canada Act 1982, c. 11 (U.K.), came into force on 17 Apr. 1982). Ottawa. [Online] Available from: https://laws-lois.justice.gc.ca/PDF/CONST_TRD.pdf (Accessed: 29.04.2025).
2. Hinnells, J.R. (2005) *The Zoroastrian Diaspora: Religion and Migration*. Oxford.
3. Canada Revenue Agency. (2025) *Zoroastrian society of Ontario*. [Online] Available from: https://apps.cra-arc.gc.ca/ebci/hacc/srch/pub/dsplyRprtngPrd?q.srchNmFltr=Zoroastrian&q.stts=0007&selectedCharityBn=888970241RR0001&dsrdPg=1 (Accessed: 29.04.2025).
4. e-Laws. (2025) *Not-for-Profit Corporations Act, 2010, S.O. 2010, c. 15* (currency date 1 Oct. 2023). Ontario. [Online] Available from: https://www.ontario.ca/laws/statute/10n15 (Accessed: 29.04.2025).
5. e-Laws. (2025) *Religious Organizations' Lands Act, R.S.O. 1990, c. R.23* (currency date 15 Dec. 2009). Ontario. [Online] Available from: https://www.ontario.ca/laws/statute/90r23 (Accessed: 29.04.2025).
6. Foltz, R. (2010) Canada's Iranian Zarathushti Community. *FEZANA Journal*. 24 (2). pp. 110–111.
7. Gazdar, C. (2017) The future beckons brightly. *FEZANA Journal*. 31 (1). pp. 19–20.
8. Zoroastrian Society of Ontario. (2023) *ZSO Newsletter*. [Online] Available from: https://www.zso.org/zso-newsletter (Accessed: 26.06.2023).
9. Zoroastrian Society of Ontario. (2023) *Zoroastrian Society of Ontario*. [Online] Available from: https://www.zso.org (Accessed: 26.06.2023).
10. Hinnells, J.R. (2015) The Zoroastrian Diaspora. In: *The Wiley Blackwell Companion to Zoroastrianism*. Hoboken. pp. 191–208.
11. Anon. (1993) Gimn Mitre [Hymn to Mithra]. In: *Avesta. Izbrannye gimny: Iz Videvdata* [Avesta. Selected Hymns: From the Videvdat]. Moscow. pp. 76–115.
12. Clubwala, B.A. (2021) Thus speaks Zarathushtra to me. Gathas: an eternal story. *FEZANA Journal*. 35 (1). pp. 96–98.
13. Rustomjee, N. (2013) Raising expectations for our infrastructure projects. *FEZANA Journal*. 27 (3). pp. 16–19.
14. Klinger, W. (2019) The Modern Complexities of Zoroastrianism. *Ontario Zoroastrian Community Foundation*. Oakville. [Online] Available from: https://jps.library.utoronto.ca/index.php/prandium/article/view/36108/27421 (Accessed: 18.05.2021).

15. Zoroastrian Society of Ontario. (2023) *ZSO News*. [Online] Available from: https://www.zso.org/zso-news (Accessed: 26.06.2023).
16. Mistry, A. (2020) North Americans Rise to the Occasion. *FEZANA Journal*. 34 (2). pp. 19–28.
17. Zoroastrian Society of Ontario. (2017–2024) **Zoroastrian Society of Ontario: YouTube channel*. [Online] Available from: https://www.youtube.com/ZoroastrianSocietyofOntario (Accessed: 18.05.2024).
18. Zoroastrian Society of Ontario. (2023) *Jashn-E-Mehregan (F)*. [Online] Available from: https://www.zso.org/zso-newsletter (Accessed: 26.06.2023).
19. Mistry, A. (2017) Best Practices And The Future Of Our North American Zoroastrian Community. *FEZANA Journal*. 31 (1). pp. 12.
20. Foltz, R. (2009) Iranian Zoroastrians in Canada: Balancing Religious and Cultural Identities. *Iranian Studies*. 42 (4). pp. 561.
21. Kharitonova, V.D. (2014) [Cultural adaptation of Iranian migrants in Canada (on the example of the Zoroastrian community of Ontario)]. *Rossiya, Zapad i Vostok: dialog kul'tur* [Russia, West and East: Dialogue of Cultures]: Proceedings of the 1st International Youth Conference. Tomsk. 28–29 April 2014. Tomsk. pp. 248–249. (In Russian).
22. Bagli, J. (2006) Training for Priesthood in the Modern World: A Zarathushtrian Perspective. *Teaching Theology and Religion*. 9 (2). pp. 79–84.
23. Mistry, J. (1993) Zoroastrian Society of Ontario. *FEZANA Journal*. 6 (1). pp. 19.

Информация об авторе:
Шуберт В.Д. – зав. отделом обслуживания Научной библиотеки Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: haritonova@lib.tsu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
V.D. Schubert, head of the Service Department of the Research Library, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: haritonova@lib.tsu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.06.2025;
одобрена после рецензирования 23.09.2025; принята к публикации 10.10.2025.

The article was submitted 29.06.2025;
approved after reviewing 23.09.2025; accepted for publication 10.10.2025.

Вестник Томского государственного университета. 2025. № 519. С. 142–151
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal. 2025. 519. pp. 142–151

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 796 : 371
doi: 10.17223/15617793/519/18

Реализация здоровьесберегающих функций физической культуры в региональной системе образования по данным экспертной оценки

Оксана Анатольевна Мосина[1], Алик Хожахметович Мамадиев[2], Снежана Александровна Хазова[3]

[1] *Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ, Краснодар, Россия, kuvshinovaoa@mail.ru*
[2] *Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика М.Д. Миллионщикова, Грозный, Россия, max15.68@mail.ru*
[3] *Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, snkhazova@gmail.com*

Аннотация. Приводятся региональные результаты эмпирического исследования, посвященного диагностике и оценке качества реализации физической культурой присущих ей здоровьесберегающих функций. Диагностика проведена по теоретически обоснованным группам критериев с использованием экспертной оценки как основного метода исследования. Выявленные на основе обработки и интерпретации данных проблемные области функционирования физической культуры и спорта легли в основу разработки целевых направлений деятельности по совершенствованию человеческих ресурсов физической культуры и спорта и определения ее содержания, специфического для разных групп субъектов физкультурно-спортивной деятельности.
Ключевые слова: функции физической культуры, здоровьесбережение населения, качество функционирования физической культуры, человеческий капитал

***Для цитирования*:** Мосина О.А., Мамадиев А.Х., Хазова С.А. Реализация здоровьесберегающих функций физической культуры в региональной системе образования по данным экспертной оценки // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 519. С. 142–151. doi: 10.17223/15617793/519/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/519/18

Implementation of health-preserving functions of physical education in the regional education system according to expert assessment data

Oksana A. Mosina[1], Alik Kh. Mamadiev[2], Snezhana A. Khazova[3]

[1] *Institute of Marketing and Social and Information Technologies, Krasnodar, Russian Federation, kuvshinovaoa@mail.ru*
[2] *Grozny State Oil Technological University named after Academician M.D. Millionshchikov, Grozny, Russian Federation, max15.68@mail.ru*
[3] *Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation, snkhazova@gmail.com*

Abstract. The health of the nation and the progressive development of the state depend to a significant extent on the quality of functioning of physical culture as an element of the education system and a sector of the economy. Regular engagement in physical culture and sport ensures the maintenance of optimal indicators of physical condition and socio-psychological well-being, promotes the achievement of high levels of physical and mental work capacity, and serves as a factor in constructive socialization, spiritual-moral improvement, intellectual development, and so forth. Furthermore, physical culture and sport play an important role in economic development by contributing to the enhancement of human capital, the development of regional infrastructure, the creation of new jobs, and the attraction of investments. The effectiveness of physical culture in society is conditioned, among other factors, by the level of implementation of its inherent health-saving functions, which depends to a decisive extent on the efficiency of physical culture specialists' activities and on the quality of human resources in general. This article presents regional results of an empirical study devoted to the diagnosis and assessment of the quality of implementation of health-saving functions inherent in physical culture, including the effectiveness of the functioning of human resources (physical culture and sport specialists) and other subjects of physical culture and health-improving activities. The research region comprises the North Caucasus—specifically the Chechen Republic, the Kabardino-Balkarian Republic, and the Republic of Dagestan. The diagnosis was conducted according to theoretically substantiated groups of criteria, employing expert assessment as the primary research method. The expert panel included representatives of different population groups involved in the human resources of physical culture and sport: heads of physical culture and sport organizations, physical culture and sport educators, students of general education and sports schools, and their parents as subjects of education. The problematic areas in the functioning of physical culture and sport, identified through data processing and interpretation, formed the basis for developing targeted directions of activity for improving the human resources of physical culture and sport (motivational-value, educational-upbringing, and activity-behavioral directions) and for determining its content, specific to different groups of subjects involved in physical culture and sport activities.

© Мосина О.А., Мамадиев А.Х., Хазова С.А., 2025

Keywords: functions of physical education, health preservation of the population, quality of functioning of physical education, human capital

***For citation*:** Mosina, O.A., Mamadiev, A.Kh. & Khazova, S.A. (2025) Implementation of health-preserving functions of physical education in the regional education system according to expert assessment data. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 519. pp. 142–151. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/519/18

Введение

Влияние физической культуры на образ жизни населения определяется широким спектром реализации ее функций. В ряде исследовательских работ изучены отдельные аспекты данной проблемы [1, 2]. Так, сущность, задачи, способы реализации социализирующей, коммуникативной, воспитательной, семейно-бытовой и пр. функций физической культуры в теории и методике педагогической науки определены и не являются дискуссионными [3, 4].

Взаимосвязь между физической культурой и здоровьем населения чаще рассматривается через призму социологических и медицинских знаний. Физическая культура как система профилактики в сфере здравоохранения и услуга здравоохранения представлена в работах В.Ф. Москаленко (2011) и Л.В. Пановой (2022) [5, 6]. Как институт социализации и формирования ценностных ориентаций она изучена в трудах Н.С. Горяйновой (2018), В.Е. Кирсанова (2008) и др. [7–9]. Контекст социального здоровья населения и влияние на него физической культуры и спорта прослеживаются в исследованиях Е.Н. Латушкиной (2019), С.И. Самыгина (2020) и др. [10, 11]. При этом здоровьесберегающей функции в современном отечественном педагогическом дискурсе (в отличие от зарубежного: М. Франце, К. Фендрих, Дж. Чайлдс [12, 13] и др.) уделяется недостаточно внимания, также как и качеству ее реализации.

Значимость организации данной функции физической культурой в системе образования не вызывает сомнений. Однако в настоящих условиях наиболее организованной является система фитнес-клубов, центров и т.д., которая изначально создавалась как современный вид предпринимательской деятельности. В результате данная система приоритетно ориентирована на коммерческую деятельность, заинтересована в прибыли, нуждается в ней как основном источнике развития. В связи с чем не все слои населения могут воспользоваться предлагаемыми оздоровительными и досуговыми услугами. Дефицит здоровьесберегающих и оздоровительных форм деятельности в системе образования может быть ликвидирован только посредством целенаправленной государственной поддержки, что не только расширит круг участников здоровьесберегающей деятельности, но и станет стимулом для специализированной подготовки кадров в сфере физической культуры.

Отсутствие государственно-региональной поддержки развития физической культуры, отмечают специалисты И.В. Ирхина (2021), И.Н. Никулин (2021), М.О. Соколенко (2022) и др., сказывается и на нарушении социализации молодежи, и на воспитании личности [14–16]. При этом физическая культура имеет большой потенциал развития духовно-нравственного здоровья населения, который необходимо использовать в системе образования [17].

Анализ научных работ позволяет сделать вывод о том, что реализация здоровьесберегающих функций физической культуры в системе образования на современном этапе сдерживается: недостаточной вовлеченностью населения в оздоровительную физическую культуру; декларативным, а не реальным характером транслируемых физкультурно-оздоровительных норм, ценностей и прочего; фактическим отсутствием целенаправленной массовой профессионально организованной работы с населением регионов по здоровьесбережению средствами физической культуры. Прежде всего это касается взрослого населения страны [18, 19]. Без целенаправленной подготовки специалистов (спортивных педагогов и менеджеров, инструкторов и др.) решение указанных проблем представляется маловероятным [20, 21]. А без просветительской работы с родителями или лицами, их заменяющими, невозможно обеспечить достижение стабильной эффективности функционирования физической культуры в целом [22–24].

Таким образом, для обеспечения эффективности реализации оздоровительных функций физической культуры требуется целостная, системная образовательная деятельность, ориентированная на совершенствование человеческих ресурсов отрасли, объединяющих различные субъекты физкультурно-оздоровительной деятельности.

Целью исследования стало теоретическое определение и эмпирическое обоснование содержания образовательной деятельности по совершенствованию человеческих ресурсов как ведущего фактора повышения эффективности реализации здоровьесберегающих функций физической культурой в регионе.

Методы и организация исследования

Достижение цели осуществлялось с использованием комплекса теоретических (анализ, обобщение, систематизация, конкретизация, интерпретация) и практических (экспертная оценка) методов исследования.

На основе анализа, систематизации и конкретизации теоретической информации разрабатывались параметры экспертной оценки качества реализации здоровьесберегающих функций физической культуры и значимости подготовки субъектов деятельности для их исполнения**.** На основе обобщения и интерпретации эмпирических данных разработаны направления и ключевое содержание совершенствования человеческих ресурсов физической культуры в контексте повышения эффективности реализации здоровьесберегающих функций.

Экспертная оценка обеспечила уточнение и конкретизацию количественной оценки наиболее значимых, реальных проблем здоровьесберегающего функционирования физической культуры в обществе.

Считаем целесообразным подробнее остановиться на содержании экспертизы как методе исследования. В качестве экспертов при ее проведении выступали субъекты физкультурно-оздоровительной деятельности, разделенные на следующие группы: специалисты в области физической культуры и спорта (далее – СП) – это управленческие кадры и научные работники, педагоги, волонтеры, всего 170 чел.; непосредственные участники физкультурно-оздоровительной деятельности (далее – НУ) – это профессиональные спортсмены, спортсмены массовых разрядов (иначе говоря, физкультурники), учащаяся молодежь с ограниченным объемом двигательной активности, всего 150 чел.; родительская общественность (далее – РО) как косвенные потребители физкультурно-оздоровительных услуг, всего 200 чел.

Для проведения экспертизы был разработан бланк экспертной оценки, предполагающий оценивание по 10-балльной шкале комплексных параметров (различных характеристик, явлений, фактов и прочих), связанных функционированием физической культуры и спорта, разбитых на блоки (названия блоков приведены в разделе «Результаты и их обсуждение»).

Дифференцированные мнения остальных групп экспертов позволяют определить дефицитарность конкретных знаний и представлений, нерациональность интересов и установок и т.п. разных категорий граждан. Это определялось на основании разницы между средними оценками, выставленными ведущими и неведущими группами экспертов. Педагогическое значение указанных выводов заключается в возможности конкретизировать, откорректировать направления и содержание образовательной деятельности, направленной на совершенствование кадровых ресурсов как ключевого фактора повышения эффективности реализации здоровьесберегающих функций физической культуры в отдельном регионе.

Результаты и обсуждение

Говоря о функционировании физической культуры и спорта в общегосударственной системе, необходимо уточнить, что в России некоторые регионы обладают довольно значительной спецификой, определяющей своеобразие условий формирования здорового образа жизни населения. Эффективность указанного процесса напрямую зависит от полноценного учета и рационального использования местных социально-экономических реалий, социально-культурных особенностей общества в целом и отдельных демографических групп.

В контексте данного исследования значимыми могут стать следующие региональные особенности (социальные и личностные), присущие населению республик Северного Кавказа: сохраняющееся на современном этапе влияние традиций на образ жизни населения, что определяет приверженность к национальным видам спорта; наличие высокого авторитета старших и распространённость многопоколенческих семей, обусловливающих целесообразность привлечения родительской общественности для формирования здорового образа жизни у детей и молодежи [25]. Представленные особенности учитывались при проведении эмпирического исследования.

Теоретический анализ научной литературы позволил выделить комплекс проблемных факторов, гипотетически значимых для повышения качества решения физической культурой задач здоровьесбережения населения. Эти факторы определили выделение блоков экспертной оценки: блок 1 – необходимость реализации условий эффективности здоровьесберегающего функционирования физической культурой; блок 2 – качество выполнения физической культурой функций, связанных со здоровьесбережением населения; блок 3 – социально-культурные, организационно-управленческие, личностно-профессиональные (кадровые) характеристики физической культуры, связанные с реализацией здоровьесберегающих функций; блок 4 – характеристики образа жизни и мотивационно-ценностной сферы населения.

В каждом блоке его содержательные элементы подлежали экспертной оценке по 10-балльной шкале; сами содержательные элементы раскрыты ниже, при описании эмпирических данных.

Экспертиза проводилась в 2022 г., регион проведения – Чеченская, Кабардино-Балкарская Республики, республика Дагестан. Результаты экспертной оценки по первому блоку экспертизы приведены в табл. 1.

По первому условию специалисты в области физической культуры и спорта оценили потребность в совершенствовании системы подготовки физкультурно-спортивных кадров как выше среднего, причем средняя оценка близка к границе с высоким уровнем, а мнение группы высоко однородно.

Таблица 1

Необходимость создания условий эффективности реализации функций здоровьесбережения физической культурой

Оцениваемый параметр	Среднегрупповые экспертные оценки ($x \pm \sigma$)		
	СП	НУ	РО
Улучшение системы подготовки специалистов к деятельности по здоровьесбережению	7,8 ± 0,7	5,8 ± 2,3	4,2 ± 1,7
Усиление пропаганды здорового образа жизни и регулярных занятий физической культурой	7,6 ± 2,0	4,3 ± 2,0	6,3 ± 1,1
Совершенствование системы организации физкультурно-активного отдыха	7,3 ± 2,0	5,2 ± 1,2	3,2 ± 1,4
Организация просвещения родителей в области физического воспитания и ЗОЖ детей	6,9 ± 0,7	3,3 ± 2,4	2,8 ± 0,7

Высокоактуальной и требующей совершенствования признана деятельность по пропаганде и популяризации идей здорового образа жизни, двигательной активности, занятий физической культурой. По данному вопросу поясним, что практически все эксперты воспринимали направленность пропагандистской работы исключительно как воздействие на детей и учащуюся молодежь. Популяризация оздоровительной физической культуры среди взрослого населения не считается необходимой, возможно, потому, что гражданами старших возрастов не осознается потребность в самом здоровом образе жизни, в двигательной активности.

Важность условий, касающихся организации физически активного отдыха населения, взрослые эксперты-неспециалисты оценивают ниже всех остальных экспертных групп (нижняя граница уровня ниже среднего). А выше всех (уровень выше среднего практически на верхней границе) важность даже несовершенствования, а, по сути, создания системы физкультурно-активного отдыха оценили специалисты. Научные работники при этом указывали на недостаточность, несвоевременность или несоответствие этнорегиональным реалиям существующих методик и программ активного отдыха населения; управленческие кадры – на отсутствие, формальность или недейственность механизмов организации активного отдыха населения, а также его пропаганды среди населения.

Кроме того, особенностью мнения экспертов-специалистов стало восприятие данного условия исключительно как организации семейного физкультурно-активного отдыха.

По такому условию, как физкультурно-воспитательное просвещение родителей, ведущими группами экспертов стали сами родители и педагоги. Интересно, что родители практически не осознают необходимости в повышении своей педагогической компетентности вообще и в области физического воспитания в частности – эти вопросы оказались практически вне сферы их родительских интересов и установок.

И даже специалисты (прежде всего педагоги), хотя и получили оценку, относящуюся к уровню выше среднего, в качестве цели такого просвещения назвали преимущественно участие родителей в обеспечении дисциплинированности детей, посещения уроков, самостоятельного выполнения физических упражнений (как домашних заданий).

Следующим пунктом было оценивание качества выполнения физической культурой присущих ей функций (блок 2) (табл. 2).

Прежде всего отметим, что все группы и подгруппы экспертов оказались единодушны во мнении, что, дефакто, занятия физической культурой в том организационно-содержательном и целеориентационном виде, как они есть, никакого воздействия не оказывают на сплочение семьи. Заметим, что эксперты-родители ранее вообще не задумывались и не рассматривали физическую культуру как возможное средство сплочения семьи. А эксперты-специалисты (прежде всего научные работники и педагоги) указали на имеющийся потенциал физической культуры в сплочении семьи, связав его с благотворным влиянием участия в любой организованной совместной деятельности. При анализе оценок функции поддержания работоспособности и хорошего самочувствия людей средние оценки всех групп экспертов не вышли за рамки низкого уровня.

На среднем или выше среднего уровнях оценены специалистами функции содействия нравственному, гражданско-патриотическому воспитанию личности, приобщения к национальным ценностям и традициям, освоения социальных норм и правил, предоставления позитивных образцов поведения. Кроме того, пусть и нецеленаправленно (по обоснованному мнению экспертов-специалистов), но достаточно эффективно реализуется функция содействия отвлечению детей и молодежи от антисоциальной активности. Как отметили педагоги и эксперты-родители, само включение детей, подростков и молодежи в физкультурно-оздоровительную деятельность является мощным фактором, препятствующим развитию у них неких деструктивных гражданско-политических установок.

Что касается функции содействия формированию здорового образа жизни, то низкие оценки связаны с двумя основными моментами. Во-первых, выяснилось ограниченное понимание сущности здорового образа жизни группами родителей и детей (как исключительно отсутствие вредных привычек).

Таблица 2

Качество выполнения физической культурой функций, связанных со здоровьесбережением населения

Оцениваемый параметр	Среднегрупповые экспертные оценки ($x \pm \sigma$)		
	СП	НУ	РО
Содействие формированию специальных физкультурно-спортивных знаний и умений	5,5 ± 0,7	48 ± 1,3	3,3 ± 1,6
Содействие формированию интереса к самостоятельным занятиям физической культурой и спортом	4,3 ± 1,5	4,2 ± 0,8	3,1 ± 1,2
Содействие формированию здорового образа жизни	4,6 ± 1,1	3,6 ± 1,3	3,2 ± 1,1
Поддержание работоспособности и хорошего самочувствия людей в процессе профессиональной деятельности	1,0 ± 0,2	1,5 ± 0,5	1,3 ± 0,4
Организация свободного времени населения	2,7 ± 1,3	3,5 ± 1,1	1,9 ± 0,5
Содействие приобщению детей и молодежи к национальным/региональным традициям и обычаям	6,5 ± 1,7	4,1 ± 1,6	4,4 ± 2,8
Содействие освоению детьми и молодежью социальных норм	4,1 ± 1,8	3,5 ± 1,3	2,9 ± 2,0
Предоставление детям и молодежи позитивных образцов для подражания	6,9 ± 2,1	5,5 ± 1,1	3,2 ± 1,9
Содействие сплочению семьи	2,7 ± 1,5	1,6 ± 0,8	2,4 ± 0,7
Содействие отвлечению детей и молодежи от антисоциальной активности	7,9 ± 0,9	6,5 ± 2,1	5,9 ± 1,1

Во-вторых, региональная культурная специфика такова, что с вредными привычками нет необходимости бороться средствами физической культуры, поскольку существуют достаточно действенные этнорелигиозные установки [25].

Нельзя признать эффективной и реализацию таких ведущих специальных функций, как формирование знаний и интересов в области физической культуры, самостоятельных занятий физическими упражнениями, физкультурно-спортивных интересов. По оценке ведущих групп и подгрупп экспертов, данные функции реализуются на уровне ниже среднего, причем мотивационная функция реализуется значительно хуже, чем образовательная. Взрослое население очень незначительно подвержено позитивному мотивационному и просветительскому влиянию физической культуры.

Следующий аспект экспертизы (блоки 3 и 4) предполагал количественную и качественную оценку социально-культурных, организационно-управленческих, личностно-профессиональных (кадровых) характеристик отрасли физической культуры, в том числе мотивационно-ценностных особенностей субъектов физкультурно-оздоровительной деятельности (табл. 3).

В блоке 3 экспертизы по аспектам качества подготовки выше всего экспертами-неспециалистами была оценена подготовка учителей физической культуры к здоровьесберегающей деятельности (на уровне выше среднего); эксперты-специалисты оценили данный параметр в рамках среднего уровня.

С оценкой качества профессиональной подготовки тренеров к здоровьесберегающей деятельности сложилась противоположная картина: специалисты оценивают ее на уровне выше среднего, а спортсмены и их родители – на среднем уровне. В данной группе оценок можно указать и на низкую оценку участия родителей в физическом воспитании детей и организации их здорового образа жизни. При этом родители выразили и недостаточную готовность (уровень ниже среднего) к совершенствованию собственной компетентности по организации здорового образа жизни детей. В то же время эксперты-педагоги оказались более оптимистично настроены и пояснили, что активизировать родителей возможно, если разработать и организовать целенаправленную педагогическую (мотивационно-просветительскую) работу с ними.

Нравственные, коммуникативные и поведенческие качества участников физкультурно-оздоровительной деятельности были оценены экспертами достаточно высоко. Причем учащиеся и их родители дали оценки высокого уровня, а руководители (ведущие эксперты-специалисты) – уровня выше среднего.

Таблица 3

Социально-культурные, организационно-управленческие, личностно-профессиональные (кадровые) характеристики физической культуры, связанные с реализацией здоровьесберегающих функций (блок 3) и самооценкой образа жизни населения (блок 4)

Оцениваемый параметр	Среднегрупповые экспертные оценки ($x \pm \sigma$)		
	СП	НУ	РО
Блок 3			
Качество профессиональной подготовки педагогов по физической культуре к здоровьесбережению	5,5 ± 1,6	6,2 ± 1,1	7,7 ± 2,0
Духовно-нравственные качества педагогов по физической культуре	7,2 ± 1,6	8,1 ± 1,9	8,6 ± 2,6
Духовно-нравственные качества тренеров	7,2 ± 1,3	8,7 ± 1,1	8,4 ± 2,0
Духовно-нравственные качества спортсменов	5,2 ± 1,2	6,3 ± 2,0	6,8 ± 2,5
Участие родителей в физическом воспитании детей	2,1 ± 1,6	1,9 ± 0,9	2,2 ± 1,5
Поведение спортсменов	5,4 ± 1,2	6,7 ± 2,0	6,6 ± 1,1
Культура общения	5,9 ± 2,5	6,7 ± 1,0	6,2 ± 1,1
Наличие физкультурных традиций	1,1 ± 0,5	2,1 ± 1,8	1,1 ± 0,6
Наличие спортивных традиций	5,7 ± 0,7	4,7 ± 1,7	4,1 ± 5,1
Наличие (достаточность) услуг и организаций оздоровительной физической культуры	3,8 ± 0,5	2,4 ± 1,0	2,1 ± 0,4
Представленность национальных видов спорта и т.п.	3,1 ± 0,6	3,5 ± 1,1	3,2 ± 0,5
Наличие системы организации физкультурно-активного отдыха	0,9 ± 0,3	1,2 ± 0,5	1,5 ± 0,7
Современность используемых физкультурно-оздоровительных технологий в системе ФВ	3,9 ± 1,1	–	–
Современность используемых физкультурно-оздоровительных технологий в физкультурно-спортивных комплексах	6,9 ± 0,9	–	–
Блок 4			
Наличие времени для занятий физической культурой	4,5 ± 1,6	6,1 ± 1,9	3,2 ± 1,6
Готовность потратить время на занятия физической культурой	4,3 ± 1,1	8,9 ± 2,5	1,9 ± 1,0
Готовность к физкультурно-активной самоорганизации жизни	8,9 ± 1,4	6,3 ± 1,0	3,1 ± 0,7
Широта интересов, прямо либо косвенно относящихся к физической культуре, здоровому образу жизни	6,1 ± 1,5	5,4 ± 1,9	2,9 ± 1,0
Сила мотивов, прямо либо косвенно относящихся к физической культуре, здоровому образу жизни	7,21 ± 2,0	5,19 ± 2,0	2,41 ± 1,5
Компетентность в области здорового образа жизни, физкультурно-оздоровительной деятельности	6,9 ± 1,6	5,1 ± 1,7	2,5 ± 1,8

Еще ряд характеристик – ресурсов личности, важных с точки зрения участия в физкультурно-оздоровительной деятельности, оценивались экспертами относительно самих себя, то есть осуществлялась самооценка. По наличию свободного времени самой «ресурсной» категорией оказались обучающиеся. Они же продемонстрировали и наибольшую готовность посвятить это время участию в различных формах физкультурно-оздоровительной деятельности. Отметим, что данный ответ оказался единственным, когда готовность посвятить время занятиям физической культурой и спортом оказалась выше (высокий уровень), чем наличие/возможность высвобождения этого времени (уровень оценки выше среднего). Самые низки оценки присвоили родители, показатель готовности оценен как низкий, а наличие времени – как ниже среднего.

У экспертов-родителей также зафиксированы самые низкие показатели самооценки умений и способностей по физкультурно-активной самоорганизации жизни, здоровому образу жизни, а также компетентности в данной области (здоровый образ жизни, физическая рекреация) – уровень ниже среднего. Кроме того, необходимо отметить, что само наличие в изучаемых республиках системы физкультурно-активного отдыха населения оценено всеми группами экспертов как низкое, ближе к нижней границе данного уровня. Таким образом, формирование компетенций, интересов, установок населения в сфере физической рекреации должно предваряться созданием самой системы такой деятельности. Мотивационные параметры экспертной самооценки (широта интересов и сила мотивов в области физической культуры, здорового образа жизни) наиболее проблемными представляются у взрослого населения (на основе мнения родителей) – оценки на уровне ниже среднего, ближе к нижней границе, что полностью соотносится с предыдущими результатами экспертной оценки.

Наконец, экспертиза отрасли по социально-культурным характеристикам. Эксперты сошлись во мнении, что в республиках Северного Кавказа традиции, связанные с осуществлением физкультурно-оздоровительной деятельности, действуют слабо, в отличие от спортивных традиций. А реальный учет физкультурно-оздоровительных потребностей населения оценен всеми группами экспертов на среднем уровне, что не может считаться удовлетворительным. Еще ниже (уровень ниже среднего) оценена представленность национальных видов спорта и т.п. в системе физического воспитания, рекреационной деятельности.

Проведенные исследования, обработка и анализ их результатов свидетельствуют о необходимости совершенствования человеческих ресурсов физической культуры, что справедливо для специалистов, родительской общественности и непосредственных участников физкультурно-оздоровительной деятельности. Обобщение и интерпретация эмпирических данных позволяют схематически определить направленность данной деятельности (табл. 4).

В табл. 4 здоровьесберегающие функции физической культуры представлены ранжировано, по степени увеличения экспертных оценок качества их реализации (от более проблемных к менее проблемным). Обобщенное востребованное содержание деятельности по совершенствованию человеческих ресурсов физической культуры сформулировано на основе выявленных дефицитов в мотивационно-ценностной, компетентностной, поведенческо-деятельностной сферах респондентов – в контексте их психологической, теоретической и практической готовности участвовать в реализации здоровьесберегающих функций физической культуры.

Таблица 4

Социально-культурные, организационно-управленческие, личностно-профессиональные (кадровые) характеристики физической культуры, связанные с реализацией здоровьесберегающих функций (блок 3) и самооценкой образа жизни населения (блок 4)

<table>
<tr><th colspan="3">Группы человеческих ресурсов физической культуры – субъекты физкультурно-оздоровительного образования</th><th>Функции физической культуры, связанные со здоровьесбережением населения</th><th colspan="3">Востребованное содержание деятельности по совершенствованию человеческих ресурсов физической культуры</th></tr>
<tr><td rowspan="10">Специалисты в области физической культуры и спорта: управленческие кадры и научные работники, педагоги, волонтеры</td><td rowspan="10">Непосредственные участники физкультурно-оздоровительной деятельности: профессиональные спортсмены; физкультурники; учащаяся молодежь с ограниченным объемом двигательной активности</td><td rowspan="10">Родительская общественность</td><td>Поддержание работоспособности и хорошего самочувствия людей в процессе профессиональной деятельности</td><td rowspan="10">Развитие мотивации и ценностного отношения к участию в физкультурно-оздоровительной деятельности</td><td rowspan="10">Формирование совокупности компетенций, необходимых для участия в реализации здоровьесберегающих функций физической культуры</td><td rowspan="10">Сопровождение практической физкультурно-оздоровительной активности граждан</td></tr>
<tr><td>Содействие сплочению семьи</td></tr>
<tr><td>Организация свободного времени населения</td></tr>
<tr><td>Содействие освоению детьми и молодежью социальных норм</td></tr>
<tr><td>Содействие формированию здорового образа жизни</td></tr>
<tr><td>Содействие формированию интереса к самостоятельным занятиям физической культурой и спортом</td></tr>
<tr><td>Содействие формированию специальных физкультурно-спортивных знаний и умений</td></tr>
<tr><td>Содействие приобщению детей и молодежи к национальным/ региональным традициям и обычаям</td></tr>
<tr><td>Содействие отвлечению детей и молодежи от антисоциальной активности</td></tr>
<tr><td>Предоставление детям и молодежи позитивных образцов для подражания</td></tr>
</table>

Исходя из результатов эмпирического исследования констатируется наличие проблем в реализации физической культурой функций, обеспечивающих здоровьесбережение населения. Это подтверждается теоретическими выводами, которые были сделаны на основе изучения современных публикаций по схожей проблематике, фундаментальных теоретических работ в исследуемой области и отражены в ранее опубликованных авторских статьях [25–27 и др.]. Примечательно, что полученные данные согласуются с результатами многолетних исследований, проведенных российскими учеными и касающихся таких аспектов, как вовлеченность россиян в физкультурно-спортивную деятельность, приверженность принципам здорового образа жизни, степень влияния физкультурно-досуговой активности населения на самочувствие и здоровье граждан, качество и доступность предлагаемых физкультурно-оздоровительных, физкультурно-образовательных и прочих услуг, качество подготовки физкультурно-спортивных кадров и т.п.

Исследователи С.И. Самыгин и Н.П. Любецкий (2007, 2020) указывают на недопустимо низкие показатели двигательной активности россиян, как на важную причину ухудшения здоровья нации: «физической культурой систематически занимается всего лишь 10,6% населения Российской Федерации, хотя для обеспечения здоровья нации, по мнению ученых, эта цифра физкультурников должна равняться примерно 30% от населения страны...», притом что «…главный системообразующий фактор продолжительности жизни – это ежедневная или хотя бы три раза в неделю двигательная активность людей (в течение 60–90 мин в день)…» [11]. В целом ученые констатируют наличие негативных тенденций и осуществляют поиск способов комплексного изменения ситуации к лучшему [28].

Также Н.С. Горяинова (2014–2018) указывала на несформированность у российской молодежи ценностного отношения к здоровью, обосновывая это, в числе прочего, последствиями кризиса физической культуры и спорта [7, 8, 29]. Недостаточная доступность и/или качество физкультурно-спортивных услуг фиксировались В.Е. Кирсановым (2008), Л.В. Жестянниковым (2011), О.Н. Степановой (2011–2019) [9, 10, 30] и др.

О необходимости системного решения проблем совершенствования кадровых ресурсов как ведущего условия решения организационно-экономических, социально-педагогических и др. проблем функционирования отрасли, обеспечения ее конкурентно-развивающего и здоровьесберегающего влияния на личность, общество, государство говорится в работах О.А. Мосиной (2019–2020), С.А. Хазовой (2012–2021), Ю.Д. Якубова (2012–2023) [18, 31, 32] и др. Также недостаточную социальную эффективность функционирования физической культуры и спорта в ее различных аспектах раскрывает В.Б. Барабанова (2012–2019) [4].

Среди исследований последних лет можно отметить работу А.В. Сергеева, в которой четко раскрывается назревшая необходимость модернизации системы государственного управления непосредственно физическим воспитанием учащейся молодежи [3].

Таким образом, несмотря на систематически предпринимаемые государством меры по модернизации российской системы образования в сфере физической культуры, еще не достигнута требуемая эффективность реализации ее здоровьесберегающих функций.

Заключение

Проведенное теоретико-эмпирическое исследование показало, что в настоящее время зафиксированы недостатки реализации здоровьесберегающих функций физической культурой на уровне Северокавказского региона. По данным экспертной оценки были уточнены наиболее востребованные направления деятельности, обеспечивающей коррекцию установок и представлений, обогащение знаний и умений различных субъектов физкультурно-оздоровительной деятельности в области целей и задач, средств и методов реализации здоровьесберегающих функций физической культуры и т.д.

Содержательными направлениями образовательной деятельности определены: мотивационно-ценностное, ориентированное на формирование мотивов и ценностных ориентаций населения в области включения в различные виды физкультурно-оздоровительной деятельности, ее организационно-управленческого и содержательно-методического обеспечения; образовательно-воспитательное, связанное с созданием и трансляцией востребованных знаний и теоретических умений, необходимых для реализации здоровьесберегающих функций физической культуры; деятельностно-поведенческое, направленное на организацию, поддержку и сопровождение реальной активности субъектов в разных видах физкультурно-оздоровительной деятельности, ее организационно-управленческом, содержательно-методическом обеспечении.

Субъектные направления образовательной деятельности, обеспечивающие совершенствование кадровых ресурсов физической культуры, целесообразно дифференцировать по основаниям подготовленности субъектов к включению в реализацию здоровьесберегающих функций, выраженности различных проблем функционирования отрасли (управленческих, мотивационных, образовательных и прочих), специфике и социокультурным задачам самих субъектов: педагогически-ориентированное (подготовка и переподготовка педагогических работников, а именно учителей физической культуры, тренеров, инструкторов по оздоровительной физической культуре и т.д.), административно-ориентированное (подготовка и переподготовка руководителей физкультурно-спортивных организаций, менеджеров разного уровня и т.д.), общественно-ориентированное (подготовка волонтеров, добровольных помощников), семейно-ориентированное (подготовка родителей, иных членов семей). Для разных групп требуются специфический методический инструментарий, подбор адекватных форм организации образовательной деятельности.

Практическая значимость проведенных исследований заключается в возможности выстроить систему повышения эффективности реализации здоровьесбере-

гающих функций физической культуры на основе совершенствования кадровых ресурсов отрасли посредством организации целенаправленной теоретической, практической и психологической подготовки разных субъектов физкультурно-оздоровительной деятельности.

Перспективы дальнейших исследований мы связываем с поиском методологических ориентиров, определением эффективных средств, методов, организационных форм образовательной деятельности, направленной на совершенствование разных групп кадровых ресурсов для повышения эффективности функционирования физической культуры, а также с созданием целостной системы совершенствования разных групп кадровых ресурсов, с разработкой социально-управленческих и психолого-педагогических механизмов ее функционирования.

Список источников

1. Сергеев А.В. Условия эффективности государственного управления физическим воспитанием студентов // Теория и практика физической культуры. 2021. № 4. С. 47–49.
2. Барабанова В.Б., Корстин И.К. Физическая культура и спорт как фактор национальной безопасности, оздоровления нации и формирования здорового образа жизни населения XXI века // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-3. С. 201.
3. Якубов Ю.Д. Совершенствование политико-правового регулирования физкультурно-спортивной сферы в Российской Федерации // Власть. 2019. № 2. С. 177–182.
4. Тихонова Н.Е., Слободенюк Е.Д. Бедность российских профессионалов: распространенность, причины, тенденции // Мир России. 2022. Т. 31, № 1. С. 113–137. doi: 10.17323/1811- 038X-2022-31-1-113-137
5. Панова Л.В., Панова А.Ю. Анализ ключевых индикаторов всеобщего охвата услугами здравоохранения населения России // Социальная политика и социология. 2022. Т. 21, № 3 (144). С. 123–131. doi: 10.17922/2071-3665-2022-21-3-123-131
6. Москаленко В.Ф. Концептуальные подходы к формированию современной профилактической стратегии в здравоохранении: от профилактики медицинской к профилактике социальной. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2011. 240 с.
7. Горяинова Н.С. Формирование ценностных приоритетов российской студенческой молодежи в современных условиях: факторы влияния // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2014. № 2 (46). С. 114–120.
8. Горяинова Н.С., Попова М.В., Самыгин С.И. Здоровье и спорт в системе ценностных ориентаций студенческой молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 5. С. 36–39. doi: 10.23672/SAE.2018.5.14091
9. Кирсанов В.Е. Спорт как институт социализации молодежи // Власть. 2008. № 10. С. 87–91.
10. Степанова О.Н., Латушкина Е.Н. Диагностический инструментарий мониторинга удовлетворённости потребителей качеством физкультурно-спортивных услуг // Теория и практика физической культуры. 2019. № 5. С. 44–46.
11. Самыгин С.И., Любецкий Н.П., Гафиатулина Н.Х. Социальное здоровье российской молодежи в эпоху глобализации. М. : РУСАЙНС, 2020. 235 с.
12. Franze M., Fendrich K., Schmidt C.O., Fahland R.A., Thyrian J.R., Plachta-Danielzik S., Seiberl J., Hoffmann W., Splieth C.H. Implementation and evaluation of the population-based programme «Health literacy in school-aged children» (GeKo^{KidS}) // Journal of Public Health. 2011. Vol. 19 (4). P. 339–347. doi: 10.1007/s10389-011-0421-7
13. Childs J., Lofton R. Masking attendance: How education policy distracts from the wicked problem(s) of chronic absenteeism // Educational Policy. 2021. Vol. 35 (2). P. 213–234. doi: 10.1177/0895904820986771
14. Ирхина И.В., Никулин И.Н., Исаев И.Ф., Кролевецкая Е.Н. Образовательная среда вуза как фактор стимулирования направленности студентов на занятия физической культурой // Теория и практика физической культуры. 2021. № 3. С. 31–32.
15. Sokolenko M.O., Sokolenko L.S., Sidorchuk L.P. et al. The role of physical culture development in higher education institutions // Colloquium-Journal. 2022. Vol. 9-1 (132). P. 19–21.
16. Sokolenko M.O., Sokolenko L.S., Sidorchuk L.P. et al. Health-forming activities of teachers in higher education institutions // Colloquium-Journal. 2022. Vol. 9-1 (132). P. 23–25.
17. Abdillah I.L., Lusmilasari L., Hartini S. Instruments to measure health literacy among children: A scoping review // Jurnal Promosi Kesehatan Indonesia. 2021. Vol. 16, № 2. P. 79–87. doi: 10.14710/JPKI.16.2.79-87
18. Мосина О.А., Матайс М.И. К вопросу реализации оздоровительно-рекреационной деятельности в контексте социальной работы // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25, № 185. С. 119–124. doi: 10.20310/1810-0201-2020-25-185-119-124
19. Великая Н.М., Гребняк О.В. Развитие человеческого потенциала в условиях цифровой трансформации в современной России // Вопросы управления. 2023. Т. 17, № 2. С. 33–44. doi: 10.22394/2304-3369-2023-2-33-44
20. Manzheley I.V., Chernyakova S.N., Cherepenin E.V. Educational potential of the university's physical culture and sports environment // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2024. Vol. 17, iss. 2. P. 390–400.
21. Серафимович И.В., Шляхтина Н.В., Бобылева Н.И. Профессиональное мышление и социально-психологические особенности менеджеров в образовании // Интеграция образования. 2021. Т. 25, № 2 (103). С. 288–303. doi: 10.15507/1991-9468.103.025.202102.288-303
22. Fletcher A.C., Glen H., Elder Jr., Mekos D. Parental influences on adolescent involvement in community activities // Journal of Research on Adolescence. 2000. Vol. 10 (1). P. 29–48. doi: 10.1207/SJRA1001_2
23. Стреленко А.А. Социально-перцептивная детерминация родительско-детского взаимодействия. Витебск : Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2023. 290 с.
24. Simon P., Blanchet A. Interaction microanalysis of foster care research using THEME // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 13. P. 4–11. doi: 10. 3389/fpsyg.2022.956259
25. Мамадиев А.Х. Региональный подход к проектированию системы управления развитием физической культуры и спорта // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2022. № 2. С. 33–42. doi: 10.24412/2305-8404-2022-2-33-42
26. Мамадиев А.Х., Хазова С.А. Концептуальные основания проектирования системы управления человеческими ресурсами отрасли физической культуры и спорта на региональном уровне // Kant. 2021. № 4 (41). С. 282–288. doi: 10.24923/2222-243X.2021-41.51
27. Sum K.W.R., Wallhead T., Ha S.C.A., Sit H.P.C. Effects of physical education continuing professional development on teachers' physical literacy and self-efficacy and students' learning outcomes // International Journal of Educational Research. 2018. Vol. 88. P. 1–8. doi: 10.1016/ j.ijer.2018.01.001
28. Горяинова Н.С. Стратегии повышения здоровья студенческой молодежи в современной России // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2015. № 1 (49). С. 62–68.
29. Лукьяненко В.П. Методологический коллапс концепции преподавания учебного предмета «Физическая культура» // Народное образование. 2021. № 6 (1489). С. 93–109.
30. Жестянников Л.В., Мироненко В.В., Пронин С.А., Хитев А.В. Оценка состояния спортивных объектов в Российской Федерации // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2011. № 3 (73). С. 66–74.

31. Мосина О.А., Хазова С.А., Килимник А.А. Организационно-педагогическое обеспечение физкультурно-оздоровительного направления геронтообразования // Физическая культура, спорт – наука и практика. 2019. № 2. С. 68–73.
32. Насыров И.Р., Якубов Ю.Д. Представительства субъектов Федерации как институт межрегионального сотрудничества (опыт Республики Татарстан) // Регионология. 2023. Т. 31, № 4 (125). С. 684–700. doi: 10.15507/2413-1407.125.031.202304.684-700

References

1. Sergeyev, A.V. (2021) Usloviya effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya fizicheskim vospitaniyem studentov [Conditions for the effectiveness of public administration of students' physical education]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 4. pp. 47–49.
2. Barabanova, V.B. & Korstin, I.K. (2015) Fizicheskaya kul'tura i sport kak faktor natsional'noy bezopasnosti, ozdorovleniya natsii i formirovaniya zdorovogo obraza zhizni naseleniya XXI veka [Physical culture and sport as a factor in national security, nation health, and the formation of a healthy lifestyle in the 21st century]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*. 2-3. P. 201.
3. Yakubov, Yu.D. (2019) Sovershenstvovaniye politiko-pravovogo regulirovaniya fizkul'turno-sportivnoy sfery v Rossiyskoy Federatsii [Improving the political and legal regulation of the physical culture and sports sphere in the Russian Federation]. *Vlast'*. 2. pp. 177–182.
4. Tikhonova, N.Ye. & Slobodenyuk, Ye.D. (2022) Bednost' rossiyskikh professionalov: rasprostranennost', prichiny, tendentsii [Poverty of Russian professionals: prevalence, causes, and trends]. *Mir Rossii*. 1 (31). pp. 113–137. doi: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-113-137
5. Panova, L.V. & Panova, A.Yu. (2022) Analiz klyuchevykh indikatorov vseobshchego okhvata uslugami zdravookhraneniya naseleniya Rossii [Analysis of key indicators of universal health coverage in Russia]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya*. 3-21 (144). pp. 123–131. doi: 10.17922/2071-3665-2022-21-3-123-131
6. Moskalenko, V.F. (2011) *Kontseptual'nyye podkhody k formirovaniyu sovremennoy profilakticheskoy strategii v zdravookhranenii: ot profilaktiki meditsinskoy k profilaktike sotsial'noy* [Conceptual Approaches to the Formation of a Modern Preventive Strategy in Healthcare: From Medical to Social Prevention]. Moscow: GEOTAR-Media.
7. Goryainova, N.S. (2014) Formirovaniye tsennostnykh prioritetov rossiyskoy studencheskoy molodezhi v sovremennykh usloviyakh: faktory vliyaniya [Formation of value priorities of Russian student youth in modern conditions: influencing factors]. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINKh)*. 2 (46). pp. 114–120.
8. Goryainova, N.S., Popova, M.V. & Samygin, S.I. (2018) Zdorov'ye i sport v sisteme tsennostnykh oriyentatsiy studencheskoy molodezhi [Health and sports in the system of value orientations of student youth]. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki*. 5. pp. 36–39. doi: 10.23672/SAE.2018.5.14091
9. Kirsanov, V.Ye. (2008) Sport kak institut sotsializatsii molodezhi [Sports as an institution of youth socialization]. *Vlast'*. 10. pp. 87–91.
10. Stepanova, O.N. & Latushkina, Ye.N. (2019) Diagnosticheskiy instrumentariy monitoringa udovletvorennosti potrebiteley kachestvom fizkul'turno-sportivnykh uslug [Diagnostic tools for monitoring consumer satisfaction with the quality of physical education and sports services]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 5. pp. 44–46.
11. Samygin, S.I., Lyubetskiy, N.P. & Gafiatulina, N.Kh. (2020) *Sotsial'noye zdorov'ye rossiyskoy molodezhi v epokhu globalizatsii* [Social Health of Russian Youth in the Era of Globalization]. Moscow: RUSAYNS.
12. Franze, M. et al. (2011) Implementation and evaluation of the population-based programme Health Literacy in School-Aged Children (GeKoKidS). *Journal of Public Health*. 19 (4). pp. 339–347. doi: 10.1007/s10389-011-0421-7
13. Childs, J. & Lofton, R. (2021) Masking attendance: How education policy distracts from the wicked problem(s) of chronic absenteeism. *Educational Policy*. 35 (2). pp. 213–234. doi: 10.1177/0895904820986771
14. Irkhina, I.V. et al. (2021) Obrazovatel'naya sreda vuza kak faktor stimulirovaniya napravlennosti studentov na zanyatiya fizicheskoy kul'turoy [The educational environment of the university as a factor in stimulating students' focus on physical education]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 3. pp. 31–32.
15. Sokolenko, M.O. et al. (2022) The role of physical culture development in higher education institutions. *Colloquium-Journal*. 9-1 (132). pp. 19–21.
16. Sokolenko, M.O. et al. (2022) Health-forming activities of teachers in higher education institutions. *Colloquium-Journal*. 9-1 (132). pp. 23–25.
17. Abdillah, I.L., Lusmilasari, L. & Hartini, S. (2021) Instruments to measure health literacy among children: A scoping review. *Jurnal Promosi Kesehatan Indonesia*. 2 (16). pp. 79–87. doi: 10.14710/JPKI.16.2.79-87
18. Mosina, O.A. & Matays, M.I. (2020) K voprosu realizatsii ozdorovitel'no-rekreatsionnoy deyatel'nosti v kontekste sotsial'noy raboty [On the implementation of health and recreation activities in the context of social work]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*. 185 (25). pp. 119–124. DOI: 10.20310/1810-0201-2020-25-185-119-124
19. Velikaya, N.M. & Grebnyak, O.V. (2023) Razvitiye chelovecheskogo potentsiala v usloviyakh tsifrovoy transformatsii v sovremennoy Rossii [Developing human potential in the context of digital transformation in modern Russia]. *Voprosy upravleniya*. 2 (17). pp. 33–44. doi: 10.22394/2304-3369-2023-2-33-44
20. Manzheley, I.V., Chernyakova, S.N. & Cherepenin, E.V. (2024) Educational potential of the university's physical culture and sports environment. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2 (17). pp. 390–400.
21. Serafimovich, I.V., Shlyakhtina, N.V. & Bobyleva, N.I. (2021) Professional'noye myshleniye i sotsial'no-psikhologicheskiye osobennosti menedzherov v obrazovanii [Professional thinking and socio-psychological characteristics of education managers]. *Integratsiya obrazovaniya*. 2-25 (103). pp. 288–303. doi: 10.15507/1991-9468.103.025.202102.288-303
22. Fletcher, A.C. et al. (2000) Parental influences on adolescent involvement in community activities. *Journal of Research on Adolescence.* 10 (1). pp. 29–48. DOI: 10.1207/SJRA1001_2
23. Strelenko, A.A. (2023) *Sotsial'no-pertseptivnaya determinatsiya roditel'sko-detskogo vzaimodeystviya* [Social-perceptual determination of parent-child interaction]. Vitebsk: P. M. Masherov Vitebsk State University.
24. Simon, P. & Blanchet, A. (2022) Interaction microanalysis of foster care research using THEME. *Frontiers in Psychology*. 13. pp. 4–11. doi: 10.3389/fpsyg.2022.956259
25. Mamadiyev, A.Kh. (2022) Regional'nyy podkhod k proyektirovaniyu sistemy upravleniya razvitiyem fizicheskoy kul'tury i sporta [Regional approach to designing a management system for the development of physical culture and sports]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Fizicheskaya kul'tura. Sport*. 2. pp. 33–42. doi: 10.24412/2305-8404-2022-2-33-42
26. Mamadiyev, A.Kh. & Khazova, S.A. (2021) Kontseptual'nyye osnovaniya proyektirovaniya sistemy upravleniya chelovecheskimi resursami otrasli fizicheskoy kul'tury i sporta na regional'nom urovne [Conceptual foundations for designing a human resources management system for the physical culture and sports industry at the regional level]. *Kant*. 4 (41). pp. 282–288. doi: 10.24923/2222-243X.2021-41.51
27. Sum, K.W.R. et al. (2018) Effects of physical education continuing professional development on teachers' physical literacy and self-efficacy and students' learning outcomes. *International Journal of Educational Research*. 88. pp. 1–8. doi: 10.1016/j.ijer.2018.01.001
28. Goryainova, N.S. (2015) Strategii povysheniya zdorov'ya studencheskoy molodezhi v sovremennoy Rossii [Strategies for improving the health of student youth in modern Russia]. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINKh)*. 1 (49). pp. 62–68.
29. Luk'yanenko, V.P. (2021) Metodologicheskiy kollaps kontseptsii prepodavaniya uchebnogo predmeta "Fizicheskaya kul'tura" [Methodological collapse of the concept of teaching Physical Education]. *Narodnoye obrazovaniye*. 6 (1489). pp. 93–109.
30. Zhestyannikov, L.V. et al. (2011) Otsenka sostoyaniya sportivnykh ob"yektov v Rossiyskoy Federatsii [Assessing the condition of sports facilities in the Russian Federation]. *Uchenyye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta*. 3 (73). pp. 66–74.

31. Mosina, O.A., Khazova, S.A. & Kilimnik, A.A. (2019) Organizatsionno-pedagogicheskoye obespecheniye fizkul'turno-ozdorovitel'nogo napravleniya gerontoobrazovaniya [Organizational and pedagogical support for the physical culture and health direction of gerontological education]. *Fizicheskaya kul'tura, sport – nauka i praktika*. 2. pp. 68–73.
32. Nasyrov, I.R. & Yakubov, Yu.D. (2023) Predstavitel'stva sub"yektov Federatsii kak institut mezhregional'nogo sotrudnichestva (opyt Respubliki Tatarstan) [Representative offices of the subjects of the Federation as an institution of interregional cooperation (experience of the Republic of Tatarstan)]. *Regionologiya*. 4-31 (125). pp. 684–700. doi: 10.15507/2413-1407.125.031.202304.684-700

Информация об авторах:
Мосина О.А. – д-р пед. наук, профессор кафедры педагогики и межкультурных коммуникаций Академии маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ (Краснодар, Россия). E-mail: kuvshinovaoa@mail.ru. ORCID: 0000-0003-3303-6387
Мамадиев А.Х. – канд. экон. наук, зав. кафедрой физического воспитания Грозненского государственного нефтяного технического университета имени академика М.Д. Миллионщикова (Грозный, Россия). E-mail: max15.68@mail.ru. ORCID: 0009-0002-0726-5987
Хазова С.А. – д-р пед. наук, профессор кафедры общей и социальной педагогики Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия). E-mail: snkhazova@gmail.com. ORCID: 0000-0002-5652-6269

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
O.A. Mosina, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Institute of Marketing and Social and Information Technologies (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: kuvshinovaoa@mail.ru. ORCID: 0000-0003-3303-6387
A.Kh. Mamadiev, Cand. Sci. (Economics), head of the Physical Education Department, Grozny State Oil Technological University named after Academician M.D. Millionshchikov (Grozny, Russian Federation). E-mail: max15.68@mail.ru. ORCID: 0009-0002-0726-5987
S.A. Khazova, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: snkhazova@gmail.com. ORCID: 0000-0002-5652-6269

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.09.2025;
одобрена после рецензирования 05.10.2025; принята к публикации 10.10.2025.

The article was submitted 25.09.2025;
approved after reviewing 05.10.2025; accepted for publication 10.10.2025.

Научная статья
УДК 316.61 + 378.1
doi: 10.17223/15617793/519/19

Quick Response в обучающей навигации: урбанизированная экосистема иноязычного образования

Ирина Александровна Савченко[1], Юлия Владиславовна Козлова[2], Максим Игоревич Золотарёв[3]

[1, 2, 3] *Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия*
[1] *teosmaco@rambler.ru*
[2] *iris08@yandex.ru*
[3] *maksbrain@gmail.com*

Аннотация. Рассматривается экосистемный подход в иноязычном образовании, на основе которого строятся принципы, подходы и формы организации иммерсивной образовательной среды. Показано, что политекстуальная система города является естественной экосистемой иноязычного образования. Дается анализ форм и методов обучающей навигации в политексте города, возможностей применения QR-кодирования для интеграции традиционных форм и методов иноязычного образования в цифровую образовательную среду как условия эффективности экосистемных образовательных платформ.
Ключевые слова: город, образовательная экосистема, иноязычное образование, политекст города, QR-код, дискурсивно-когнитивный подход

***Источник финансирования*:** исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 23-18-00288 «Дискурсивные трансформации современного города: координаты российской урбанистики», https://rscf.ru/project/23-18-00288/.

***Для цитирования*:** Савченко И.А., Козлова Ю.В., Золотарёв М.И. *Quick Response* в обучающей навигации: урбанизированная экосистема иноязычного образования // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 519. С. 152–159. doi: 10.17223/15617793/519/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/519/19

Quick Response in learning navigation: An urbanized ecosystem of foreign language education

Irina A. Savchenko[1], Yulia V. Kozlova[2], Maxim I. Zolotarev[3]

[1, 2, 3] *Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*
[1] *teosmaco@rambler.ru*
[2] *iris08@yandex.ru*
[3] *maksbrain@gmail.com*

Abstract. The article examines the ecosystem approach in foreign language education, which serves as the foundation for developing the principles, approaches, and organizational forms of an immersive educational environment. It is demonstrated that the city's political and textual system constitutes a natural ecosystem for foreign language education. The analysis covers the forms and methods of educational navigation within the urban environment, as well as the potential of QR coding for integrating traditional and digital approaches to foreign language education, thereby contributing to the effectiveness of ecosystem-based educational platforms. In the practice of foreign language education, QR technology functions as a tool that facilitates the construction of an immersive educational environment and enables the integration of each learner into the educational ecosystem. Beyond merging theoretical knowledge with practical application, this approach supports the development of intercultural communicative competence and provides experience in navigating hybrid environments. The effectiveness of "quick response" technology is maximized when combined with other traditional and innovative methodological solutions. The integration of modern navigation tools enriches the learning environment of foreign language education, embedding it within both the ecosystem and the social fabric of the city as a form of collective community development. The political text of the city serves as a mediator, rendering language learning personally meaningful, functional, diverse, and instrumental for social and professional identification. QR codes provide access to the digital dimension of the urban political context and facilitate transitions between the physical and digital levels of the immersive educational space. Foreign language acquisition involves the integration of diverse methodological techniques within a multi-level social environment. Acquiring a hybrid character, it evolves beyond mere educational, cognitive, and research activity into an experience of social integration. Motivation shifts from "preparation" and "mastering useful communication tools" toward direct "co-authorship" in shaping the urban political text. A multi-level educational ecosystem, equipped with mechanisms enabling transitions between interactive, contemporary, and dynamic levels, reveals its potential to the learner in an individual (user) mode.

© Савченко И.А., Козлова Ю.В., Золотарёв М.И., 2025

Keywords: city, educational ecosystem, foreign language education, political text of city, QR code, discursive-cognitive approach

***Financial support*:** The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-18-00288: Discursive Transformations of a Modern City: Coordinates of Russian Urban Studies, https://rscf.ru/project/23-18-00288/

***For citation*:** Savchenko, I.A., Kozlova, Yu.V. & Zolotarev, M.I. (2025) *Quick Response* in learning navigation: An urbanized ecosystem of foreign language education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 519. pp. 152–159. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/519/19

Введение

Экосистемный подход – одна из современных методологий, имеющая широкий потенциал в различных областях социально-гуманитарного знания. В данной статье представлен отдельный кейс, который демонстрирует, как экосистемный подход может интегрировать социальную урбанистику, информатику и педагогические технологии. Напомним, что всем известное сочетание *Quick Response* переводится как «быстрый отклик». В данном ключе мы демонстрируем эвентуальность использования QR-кодов как одного из интерактивных образовательных инструментов, применяемых для обучения иностранному языку студентов неязыковых вузов. Мы также оцениваем потенциал данной технологии для социализации студентов в новой образовательной реальности, которая во многом становится цифровой, но при этом все более интерактивной. Раскрывается потенциал формирования основных компетенций, акцентируется наличие в каждом из разделов программы изучения иностранного языка содержания, адресующего педагога и обучаемого к интеграции в образовательную среду как элемента городской среды. В этом контексте показано, как городская и вузовская среда формируют единую иммерсивную образовательную экосистему.

Дискурс города формируется в том числе и в процессе изучения языка, в то время как в образовательном процессе строится многоуровневая структура представлений и понятий о городе, зафиксированная в лексических формах родного и иностранного языков. Политекст города – макротекст, гибридный текст, для каждого поколения имеющий свои содержательные и структурные вариации [1]. Технология куар-кодирования, вероятно, – один из первых методов, поддерживающих гибридность системы представлений о городе как модели социума в процессе иноязычного образования.

Методологические решения: когнитивно-дискурсивный подход и экосистемный анализ

Исследование базируется на экосистемной методологии, в русле которой и образовательная [2, 3], и городская среда [4] в условиях дигитализации описываются как экосистемы нового типа. При этом авторы продолжают развивать экосистемный анализ и показывают, что применительно к практике иноязычной подготовки городская и образовательная среда формируют системное целое – иными словами, единую когнитивно-дискурсивную экосистему. Именно поэтому методологической основой исследования стали когнитивно-дискурсивный подход к обучению иноязычной межкультурной коммуникации [5] и методы интегрированного обучения иностранным языкам [6]. Теоретико-методологическая база исследования образована работами, в которых предлагаются модели интеграции акторно-сетевой теории (Б. Латур) в практику иноязычного образования [7], а развитие иноязычной коммуникативной компетенции обосновывается как функция городского университета [8]. Цифровой город в этом случае становится лабораторией иноязычного тренинга, где диджитал-коммуникация внедрена в осязаемую историко-культурную инфраструктуру [7].

В данном контексте находят свое применение мультикоммуникативные форматы обучения иноязычной речи [9], модели межкультурного речевого взаимодействия в цифровой среде при обучении иноязычной коммуникации [10], интерактивные технологии [11] и, в частности, видеотехнологии развития иноязычной коммуникативной компетенции в условиях цифровизации образования [12]. Все эти методы, методики и подходы в комплексе позволяют проектировать обучающую навигацию с помощью технологии *Quick Response* и формировать таким образом урбанизированную экосистему иноязычного образования.

Исследование и результаты: интеграция экосистем в иноязычном образовании

Образование как экосистема. Ключевая характеристика системы образования и её подсистем на современном этапе — это её *открытость по отношению к общественным и культурным процессам и возможность перспективного, опережающего (пропедевтического) их обеспечения*. Можно говорить о релевантности понимания образовательной системы как *экосистемы*, в которой благодаря интеграции традиционных и инновационных методов и подходов повышается качество и доступность образования и обеспечивается его непрерывность.

Термин «экосистема», введенный в 1935 г. английским экологом А. Тенсли, стал широко использоваться в моделировании, кибернетике, экономике для описания динамичных открытых систем, в том числе и социальных. В последние годы экосистемный подход широко применяется в образовании, что позволяет объединить социальных акторов, заинтересованных в трансляции и усвоении образовательного контента (обучающихся, их семей, образовательных и контролирующих государственных структур, работодателей, научных и общественных сообществ) [13].

По аналогии с эволюционными биопроцессами *образовательная экосистема характеризуется* рядом имманентных черт: разнообразием (дает системе импульсы к развитию), устойчивостью (основана на конкурентном распределении ресурсов), высокой эффективностью, адаптивностью, масштабируемостью.

Минимальным компонентом образовательной экосистемы, которая всегда зависима от местных условий педагогического процесса, является локальная образовательная ситуация. Именно баланс между местным культурным и образовательным опытом и общим, опосредованным цифровой средой, создает предпосылки для развития образовательной экосистемы: дихотомии унификации обучения на основе доступности передовых образовательных практик и масштабирования опыта локальных образовательных систем. В контексте развития новых педагогических технологий желательно, чтобы образовательная экосистема прогрессировала в рамках нескольких ведущих трендов: распределения системы управления с меньшей долей бюрократизации; увеличения спектра ресурсов, предоставляемых государственными, общественными, экономическими и другими структурами; высокой актуальности содержания и технологий образования, постоянного внедрения инноваций.

Образовательная экосистема представляет собой интенсивно развивающуюся сеть, сообщество акторов, заинтересованных в получении заданных результатов. Она включает все уровни образования и все типы вовлеченных субъектов (государство, промышленность, бизнес, образовательные учреждения, контрольные инстанции), но центральным ее компонентом является *субъект образования*. Экосистемный подход обуславливает необходимость проектирования деятельности образовательных направлений как самоуправляемых, ориентированных на непрерывное образование на протяжении всей жизни индивида.

Успешными проектами построения образовательной экосистемы являются «Школа будущего» при поддержке Газпрома, «Школа юных предпринимателей» и «Школа21» при поддержке Сбербанка, проект «IT-куб», инициированный Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

Образовательная экосистема, как и любая другая устойчивая система, представляет собой совокупность системных элементов, взаимосвязанных внутренними процессами в рамках полного цикла развития. Образовательные экосистемы включают [14]:

– глобальный компонент (лучший контент, масштабированный, доступный обучающимся независимо от места пребывания);

– локальный компонент (создается в процессе непрерывного обучения в условиях городской экосреды), который поставляют местные образовательные экосистемы;

– персонализированное обучение при поддержке технологий, позволяющее строить персональные профессиональные и образовательные траектории;

– коллективные деятельностные образовательные сообщества, обеспечивающие поддержку, контроль и управление образованием.

Совокупность этих составляющих обуславливает *непрерывное образование*, в котором образовательное содержание формируется в соответствии с *«навыками будущего»,* компетенциями адаптивности и конкурентоспособности (аналитическое критическое мышление, креативность, эмоциональный интеллект, коммуникабельность, лидерство).

Наряду с привычными «опорными» образовательными структурами, в том числе и университетами, экосистема образования включает элементы: онлайн-платформы, где знания преобразуются в содержание образования (образовательный контент); муниципальные средние и высшие учебные заведения основного и дополнительного образования; платформы непрерывного образования.

Применительно к *иноязычному образованию* экосистемный подход строится, прежде всего, на использовании передовых методов и технологий для самостоятельного приобретения и применения языковых знаний и их практического применения. Это формирование мотивационной основы учебной деятельности, усвоение принципов интеграции в иммерсивную образовательную среду, развитие способностей, необходимых для межкультурной коммуникации. Изучение иностранного языка, предполагающее диалог культур, – социальная практика, направленная на формирование мировоззрения [15]. Поэтому именно экосистемный принцип является ключевым для интеграции культурного содержания не только страны изучаемого языка, но и страны проживания, в том числе локального, регионального и городского. Применение в обучении Интернет-ресурсов, социальных сетей, образовательных платформ, интерактивных лекций, аудио и видеоматериалов, удаленное общение с преподавателем в режиме реального времени создают многообразную и богатую по содержанию среду.

Актуальной проблемой является интеграция традиционных аудиторных форм и коллективного (подгруппового) обучения и цифровых технологий. По сути, речь идет об отборе и применении технологий и форматов, позволяющих осуществлять переходы из реальной образовательной среды в цифровую в контексте экосистемы.

Городской дискурс, по нашему мнению, может служить той основой, которая позволит структурировать смысловой диапазон основных блоков по курсу «Иностранный язык». Речь идет не столько о расширении и обогащении содержания соответствующих разделов региональной конкретикой и применении творческих, проектных методик, связанных с городской историей и повседневностью, сколько о применении речевых практик для формирования социальной субъектности.

Образовательная навигация в политекстуальной образовательной экосистеме города. Интерпретируя город как многоуровневый социально-пространственный *политекст*, первостепенный для формирования социальной субъектности и культурной идентич-

ности, можно подойти к определению принципов построения экосистемы иноязычного образования, интегрирующей индивидуальные и социальные смыслы, историю и повседневность, ценности и прагматику [1]. Сформулируем эти принципы:

– ориентация на межсубъектный характер взаимодействия педагога и студентов, обусловленный контекстом содержания образования, спецификой образовательной ситуации и экосистемной моделью в целом;

– вектор на непрерывность, гибкость, многоуровневость и поэтапность интериоризации модели учебной ситуации;

– опосредованность интеракций между субъектами образовательного процесса (экосистемная модель с применением цифровых технологий предусматривает непрерывность работы с учебным содержанием), в том числе и вне аудиторного контакта с педагогом и учебной группой;

– информатизация иноязычной образовательной среды, направленная как на ее обогащение и актуализацию, так и на персонализацию, соответствие запросам и индивидуальным возможностям каждого из студентов.

Технология *Quick Response*, по нашему мнению, является одной из элементарных интеграционных технологий, обеспечивающих функционирование гибкой и динамичной модели иноязычного образования, базирующейся на данных принципах.

Во-первых, *Quick Response* – это инструмент перехода с реального, предметного уровня образовательной ситуации к цифровому и обратно. На примере городского пространства мы демонстрируем, каким образом подобные многократные переходы меняют оба уровня, обогащают языковые возможности и формируют субъектность (полисубъектность) участников трансакций.

Во-вторых, QR-код как формат ссылки, позволяющей ей стать частью физического пространства, обеспечивает непрерывность и опосредованный, координационный характер обучения (включая и его аутодидактический компонент), позволяет варьировать формы и методы обучения, создавать новые их модификации, обновлять дидактические материалы, сохранять и развивать мотивацию студентов.

В-третьих, применение *Quick Response* является одной из форм апробации самого концепта экосистемного образования как такового, предусматривающего оперативность целевых программ, модулей и курсов, координацию заинтересованных субъектов, вариативное использование ресурсов, многообразие образовательных траекторий.

Помимо этого, технология *Quick Response* может вариативно использоваться как элемент образовательных методик, расширяя их спектр в соответствии с задачами индивидуальной и групповой работы в реальном режиме (квесты, конкурсы, экскурсии, разработка проектов), так и для исследовательской деятельности с использованием интернета в работе по созданию интерактивного контента. Данный аспект важен для поиска и реализации форм организации самостоятельной деятельности обучающихся, которая является ключевым и связующим компонентом экосистемы иноязычного образования.

Политекст города как образовательная экосистема иноязычного образования содержит следующие возможности для применения образовательных *технологий*:

– кастомизация иноязычного образования, связанная с возможностями искусственного интеллекта, создание персональных образовательных треков, моделирование и прогнозирование усвоения учебного материала, формирование личностной и профессиональной направленности;

– внедрение в учебный процесс так называемых сквозных модулей (*Big Data, VR*/*AR*, чат-ботов и онлайн-карт);

– развитие в обучении иностранному языку гибких навыков (*soft skills*), универсальных качеств, которые могут применяться в различных сферах и экосистемах;

– использование обучающей навигации, позволяющей структурировать знания и формировать коммуникативные компетенции (ментальные карты, графические шаблоны-матрицы, опорные схемы, интерактивные групповые методы).

Здесь мы приближаемся к методическому ядру нашего исследования. Дело в том, что алгоритм *Quick Response* интегрирует материальный слой городского текста в коммуникативные потоки цифровой социальной среды. *Quick Response* как двухмерный графический код легко создается (ресурсы для конструкции индивидуальных кодов, подобные *showeet.com*, *elements.envato.com*, стали широко распространенными), может быть нанесен как на предметные носители офлайн, так и размещен в цифровой среде. QR-код представляет собой визуализацию ссылки, ведущей на фиксированный ресурс, связанный с другими ресурсами. Содержание страницы может обновляться, что представляет спектр навигационных возможностей для использования мультимедиа и интерактивного взаимодействия, а также для реализации сетевого экосистемного подхода к построению образовательной среды.

Кастомизация содержания и средств обучения как персонализация обучения [16, 17] с учетом направленности личности, уровня освоения иностранного языка (академический, деловой, разговорный язык) достигается благодаря тому, что изучение языка в гибком формате по индивидуальному графику предусматривает маркировку архитектурно-ландшафтных и утилитарных объектов городской среды (занятия-экскурсии, занятия-прогулки, занятия-презентации). Но еще более интересным обучающим инструментом является создание и использование локальных приложений, подобных популярному *ArtCracker*, которые позволяли бы получать учебный материал, действуя в городе, в повседневных реальных ситуациях, обобщая мониторинг прогресса.

Кастомизированные городские платформы, будучи включенными в городскую образовательную экосистему, могли бы стать технологией адаптивного изуче-

ния языка, на их основе возможен дифференцированный подгрупповой (или индивидуальный) подход, в том числе для обучающихся с особыми образовательными потребностями. Применение таких платформ, помимо повышения мотивации и вовлеченности, способствует развитию ответственности за достижение учебных целей.

QR-кодирование как маркировка внешних, материальных объектов городского пространства является одним из инструментов интеграции цифровой и предметно-объектной реальности. В пилотном варианте – в рамках учебного курса по иностранному языку создается электронный ресурс, на который ведут графические ссылки, размещенные в исторических и знаковых местах города. В полной версии – изучение лексики и грамматики с использованием диалогового VR-тренажера, а впоследствии – в формате квестов и проектных заданий в городской среде.

Применение сквозных модулей и создание на их основе эффективной устойчивой модели обучения иностранному языку связаны, прежде всего, с сохранением функциональности обучения иностранному языку в гибридной «онлайн-офлайновой» реальности и с решением вопроса о форматах групповой работы и обратной связи в цифровой среде [18]. Например, о*нлайн-карты* позволяют создавать задания и осуществлять проектную деятельность (с использованием сервисов, подобных *Quizlet*, *Brainscape*, *Cueflash*, *Lexilize Flashcards*) с куар-кодами, ведущими на интерактивную карту города или значимые тематические городские ресурсы.

Чат-боты с искусственным интеллектом (функционально аналогичные *SIGMACHAT*, *Duolingo AI*, *Elsa Speak*, *YouGlish*, *SpeakAI*), построенные на предметно-наглядном и смысловом содержании города, позволяют осуществлять следующие действия:

– имитировать ситуации городской жизни, отрабатывать контекстную и диалоговую речь, расширять вокабуляр;

– выполнять поисковые запросы в реальном режиме, отрабатывать навыки устной и письменной речи;

– получать оценку и обратную связь.

Интеграция локального городского содержания в онлайн-карты обогатит коммуникативный репертуар иноязычного образования и станет инструментом формирования и поддержания межкультурных связей. Развитие *гибких навыков* в процессе групповой работы с городскими кейсами, в которые интегрированы городские цифровые ресурсы, позволит сделать изучение иностранного языка уникальным опытом группового взаимодействия, активировать личностную мотивацию, сформировать коммуникативные компетенции, в том числе связанные с решением проблемных задач в команде. Диалоги-ситуации, деловые игры, интервью и дискуссии на городскую тематику с погружением в цифровую среду при помощи QR-кодирования на тематическом материале учебных курсов по изучению иностранного языка, будут способствовать развитию критического мышления, креативности, навыков внутригруппового и межгруппового взаимодействия.

Обучающая навигация с использованием Quick Response в изучении иностранного языка на «городском содержании» позволяет наиболее полно реализовать экосистемный подход в построении гибридной образовательной среды благодаря трем взаимосвязанным факторам:

– создание базы интерактивных цифровых материалов и ссылок на ресурсы с дополнительной информацией делает обучение более персонализированным, вовлекающим и личностно значимым, экономичным, связанным с жизнью реального города;

– *Quick Response* может использоваться как средство обогащения традиционных методов для получения задания с последующей оценкой результатов выполнения, они могут присутствовать в наглядных и учебных пособиях как гиперссылки на ресурсы о городских локальных культурах и субкультурах своей страны и стран изучаемого языка;

– творческое применение QR-кодов в игровых методах (квесты, викторины, интерактивные тесты – так называемый эдьютэйнмент [19]) позволяет раскрыть ценностно-смысловое содержание семантических и лексических единиц, углубить и расширить навыки интерпретации городского гипертекста как социально-культурной системы в целом.

***Quick Response* в городской экосистеме иноязычного образования: мотивация и самоорганизация.** Отдельным направлением экосистемного подхода является организация самостоятельной исследовательской деятельности обучающихся, создание индивидуальных и групповых тематических *проектов по городской тематике*. Здесь *Quick Response* может использоваться в двух направлениях: как ссылка, ведущая на личную страницу или страницу проектной группы, и как инструмент интеграции мультимедийных материалов для проектировния, а также иллюстративных и дополнительных материалов на сторонних ресурсах.

Серьезной задачей совершенствования мотивации к изучению иностранного языка и применению полученных компетенций является обучающая организация межкультурного взаимодействия. «Цифровое поколение» проходит социальную интеграцию в условиях гибридной социальной реальности. Так, с одной стороны, это семья, учебные коллективы, группы по интересам, малые социальные группы, где взаимодействие опосредовано речевыми средствами родного языка. С другой стороны, функционирует цифровая реальность, в которой присутствует иноязычный и билингвальный контент – медиа-ресурсы, соцсети, игровые платформы. Целью языкового образования является интеграция доступного и уместного содержания при помощи QR-маркеров в учебный процесс с целью формирования целостной, функциональной культурной идентичности.

Quick Response может широко применяться для внедрения формата 3D-туров и виртуальных экскурсий по городам стран изучаемого языка, а также для мониторинга эффективности изучения тем и разделов, получения обратной связи о сформированности билингвальных лексических структур в контексте города [20].

Технология QR-кодирования является одним из первых, наиболее простых и интуитивно понятных инструментов формирования доступной, вовлекающей интерактивной среды в контексте образовательной экосистемы.

Широко применяемые в образовании в настоящее время *ментальные карты* (*mind maps*) представляют собой визуализацию понятийных и смысловых связей, что отражает структуру лексического текста и соответствует полимодальной социально-культурной структуре городского пространства. *Quick Response* может применяться для создания лексических смысловых групп, отражающих как синонимичные и межкультурные связи, так и возможности использования лексики в разных контекстах. При использовании ментальных карт для обучения работе с письменными и аудиотекстами, для развития устной контекстной и монологической речи гиперссылки помогут систематизировать текст без потери деталей. Гиперссылки могут вести к базам знаний, кастомизированным словарям и рабочим тетрадям, карточкам. Слово и картинка/видео находятся в разных модальностях, *Quick Response* же обеспечивает их связь при решении учебной задачи. QR-коды могут использоваться и в поиске материалов для заполнения ментальной карты по изучаемому тексту. Создание ментальной карты с QR-кодами может стать видом творческого проектного задания, основой для дискуссии или языковой викторины (если ответы или вопросы зашифрованы в коде). Ресурсы для создания интерактивных упражнений – *ClassTools.NET*, *LearningApps*, *Wordwall*, *Online TestPad* и подобные им.

Традиционным инструментом обучения иностранному языку являются *опорные схемы*, визуализирующие структурные элементы изучаемого материала не только в схемах, таблицах, чертежах, схематизированных рисунках с ключевыми словами, аббревиатурами. Опорные схемы доступны и могут применяться для изучения фонетики, грамматики и лексики через интегрицию процессов восприятия и разных видов памяти на основе опорных стимулов. Применение технологии *Quick Response* позволит использовать мультимедийные материалы (аудиогиды по городу, видеоролики) для разных методических решений:

– создание лексико-грамматических таблиц, отражающих развитие монологической и диалогической речи;

– закрепление слов и символов в игровой форме при создании коллажей и плакатов по изучаемым темам (здания, организации, транспорт, культура, достопримечательности);

– создание описаний города по блок-схеме, построение логико-коммуникативных моделей (описание городских маршрутов), создание страноведческих таблиц, сопоставляющих города по выбранным параметрам (население, ландшафт, достопримечательности, промышленность, образование);

– создание интерактивных путеводителей по городу с кодами, ведущими на подобранные ресурсы об исторических, административных, рекреационных центрах притяжения.

Заключение

В практике иноязычного образования *Quick Response* является одним из инструментов, применение которых открывает возможности для построения иммерсивной образовательной среды и интеграции каждого обучающегося в образовательную экосистему. Помимо интеграции теории и практики, развития межкультурной коммуникативной компетенции, такая технология позволяет получить опыт навигации в гибридной образовательной экосреде. Технология «быстрого отклика» будет эффективна лишь в конфигурации с другими – традиционными и инновационными – методическими решениями.

Применение современных средств навигации обогащает обучающую среду иноязычного образования, интегрирует ее в экосистему и в социальную среду города как формы коллективного развития сообществ. Политекст города является тем медиатором, который делает изучение языка личностно значимым, функциональным, разнообразным и определяющим для социальной и профессиональной идентификации. QR-коды представляют собой технологию, обеспечивающую доступ к цифровому аспекту городского политекста и возможность переходов между предметным и цифровым уровнями иммерсивного образовательного пространства.

Изучение иностранного языка предполагает интеграцию различных методических приемов в многоуровневой социальной среде. Обретая гибридную природу, оно становится не только учебной, познавательно-исследовательской деятельностью, но и опытом социальной интеграции. Мотивация смещается с «подготовки» и «освоения полезных коммуникативных инструментов» к непосредственному «соавторству» в создании городского политекста. Многоуровневая образовательная экосистема, оснащенная механизмами перехода между уровнями – интерактивная, современная, потоковая – раскрывает свой потенциал для субъекта учебной деятельности в индивидуальном (пользовательском) режиме.

Список источников

1. Козлова Ю.В. Политекст города: субъектность и интерпретации // Проект Байкал. 2025. № 83. С. 86–91. doi: 10.51461/issn.2309-3072/83.2486
2. Younas A. Optimizing ecosystem of educational institutions: Elevating via positive organizational behavior to enhance employee performance // Human Resources Management and Services. 2024. Vol. 6, № 3. P. 3480–3491.
3. Yang M. The platform ecosystem: Its characteristics and educational implications // The Korean Society for the Study of Educational Principles. 2020. Vol. 25, № 2. P. 73–91.
4. Chen Ch., Chen Ch., Wang Ya., Zhao Ju., Wu Y., Sheng H., Li Ya. I3City: An interoperated, intelligent, and integrated platform for smart city ecosystem // IT Professional. 2021. Vol. 23, № 4. P. 88–94.
5. Обдалова О.А. Когнитивно-дискурсивная технология в обучении иноязычной межкультурной коммуникации // Язык и культура. 2018. № 44. С. 279–305. doi: 10.17223/19996195/44/18

6. Интегрированное обучение иностранным языкам и профессиональным дисциплинам. Опыт российских вузов : коллективная монография / Н.И. Алмазова, Т.А. Баранова, Е.К. Вдовина, Н.Д. Гальскова, Э.Г. Крылов, Л.Ю. Минакова, О.А. Обдалова, С.В. Рыбушкина, Л.Л. Салехова, Т.С. Серова, Т.В. Сидоренко, Е.М. Шульгина. СПб. : Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2018. 380 с.
7. Савченко И.А., Козлова Ю.В. Речевые практики в дискурсе цифрового города: «пересборка» иноязычного образования // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 496. С. 33–43. doi: 10.17223/15617793/496/4
8. Савченко И.А. Развитие иноязычной научно-коммуникативной компетенции как функция городского университета // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 495. С. 179–188. doi: 10.17223/15617793/495/17
9. Жарова Ю.В., Обдалова О.А. Мультикоммуникативные форматы обучения иноязычной речи в условиях междисциплинарности // Язык и культура : сборник статей XXXIII Международной научной конференции. Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2024. С. 139–145.
10. Соболева А.В., Обдалова О.А. Модель межкультурного речевого взаимодействия в цифровой среде при обучении иноязычной коммуникации // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 193–202. doi: 10.17223/15617793/497/20
11. Obdalova O.A., Kharapudchenko O.V., Soboleva A.V., Minakova L.Y. Interactive technology in teaching english oral academic discourse to master students // Integration of engineering education and the humanities: Global intercultural perspectives. Proceedings of the Conference. Saint Petersburg. Cham : Springer Nature Switzerland AG, 2022. P. 54–63.
12. Мельникова Е.А., Соболева А.В., Обдалова О.А. Интерактивная видеотехнология как средство развития умений иноязычной профессионально ориентированной коммуникации в условиях цифровизации образования // Философия образования. 2024. Т. 24, № 2. С. 131–143.
13. Кубиста Дж., Спенсер-Кейс Дж., Лукша П. Образовательные экосистема: возникающая практика для будущего образования. М. : Издание Московской школы управления Сколково и Global Education Futures, 2020. № 2. 186 р.
14. Образование для сложного общества // «Образовательные экосистемы для общественной трансформации». Доклад Global Education Futures. 2018. URL: https://drive.google.com/file/d/1uAwpKQsfYq4RgErfbPjE1TVdhVp0JjNZ/view (дата обращения: 25.06.2025).
15. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово, 2000. 264 с.
16. Иванченко В.Я. Кастомизация как инструмент индивидуализации обучения в условиях интеграции образовательных организаций // Сервис в России и за рубежом. 2022. Т. 16, № 3 (100). С. 121–132.
17. Перепеч Д.А. Кастомизация образовательных траекторий и другие современные подходы в образовании // Современное образование: содержание, технологии, качество. 2020. Т. 1. С. 505–507.
18. Романова М.В., Ваничкина А.С., Смольянникова И.А., Хахалева А.Ю., Сухина Н.Н.. Внедрение сквозных цифровых технологий в процесс обучения иностранному языку профессиональной направленности // Мир науки. Педагогика и психология. 2022 Т. 10, № 5. С. 1–23. URL:https://mir-nauki.com/PDF/09PDMN522.pdf
19. Kurniawati Ye., Komalasari K., Supriatna N., Wiyanarti E. Edutainment in social studies learning: Can it develop critical thinking skills and creativity? // Cypriot Journal of Educational Sciences. 2023. Vol. 18, № 1. P. 394–407.
20. Савченко И.А., Золотарев М.И. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2024667802 Российская Федерация. Программно-методическая система Исследовательский 3D-тур : № 2024666481 : заявл. 09.07.2024 : опубл. 30.07.2024.

References

1. Kozlova, Yu.V. (2025) Politekst goroda: sub"yektnost' i interpretatsii [Urban polytext: subjectivity and interpretations]. *Proyekt Baykal*. 83. pp. 86–91. doi: 10.51461/issn.2309-3072/83.2486
2. Younas, A. (2024) Optimizing ecosystem of educational institutions: Elevating via positive organizational behavior to enhance employee performance. *Human Resources Management and Services*. 3 (6). pp. 3480–3491.
3. Yang, M. (2020) The platform ecosystem: Its characteristics and educational implications. *The Korean Society for the Study of Educational Principles*. 2 (25). pp. 73–91.
4. Chen, Ch. et al. (2021) I3City: An interoperated, intelligent, and integrated platform for smart city ecosystem. *IT Professional*. 4 (23). pp. 88–94.
5. Obdalova, O.A. (2018) Cognitive-discursive technology in teaching foreign language intercultural communication. *Yazyk i Kultura – Language and Culture*. 44. pp. 279–305. (In Russian). doi: 10.17223/19996195/44/18
6. Almazova, N.I. et al. (2018) *Integrirovannoye obucheniye inostrannym yazykam i professional'nym distsiplinam. Opyt rossiyskikh vuzov* [Integrated Teaching of Foreign Languages and Professional Disciplines. The experience of Russian universities]. Saint Petersburg: Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University.
7. Savchenko, I.A. & Kozlova, Yu.V. (2023) Speech practice in the digital city discourse: reassembling the foreign language education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 496. pp. 33–43. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/496/4
8. Savchenko, I.A. (2023) Development of foreign language scientific and communicative competence as a function of a city university. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 495. pp. 179–188. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/495/17
9. Zharova, Yu.V. & Obdalova, O.A. (2024) [Multicommunicative formats of teaching foreign language speech in an interdisciplinary context]. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture]. Proceedings of the 33rd International Conference. Tomsk. 16–17 November 2023. Tomsk: Tomsk State University. pp. 139–145. (In Russian).
10. Soboleva, A.V. & Obdalova, O.A. (2023) A model of intercultural speech interaction in digital environment in teaching foreign language communication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 497. pp. 193–202. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/497/20
11. Obdalova, O.A. et al. (2022) [Interactive technology in teaching English oral academic discourse to master students]. *Integration of engineering education and the humanities: Global intercultural perspectives*. Proceedings of the Conference. Saint Petersburg. 20–22 April 2022. Cham: Springer Nature Switzerland AG. pp. 54–63.
12. Mel'nikova, Ye.A., Soboleva, A.V. & Obdalova, O.A. (2024) Interaktivnaya videotekhnologiya kak sredstvo razvitiya umeniy inoyazychnoy professional'no oriyentirovannoy kommunikatsii v usloviyakh tsifrovizatsii obrazovaniya [Interactive video technology as a means of developing foreign-language professionally oriented communication skills in the context of digitalization of education]. *Filosofiya obrazovaniya*. 2 (24). pp. 131–143.
13. Kubista, J., Spencer-Keyes, J. & Luksha, P. (2020) *Obrazovatel'nyye ekosistema: voznikayushchaya praktika dlya budushchego obrazovaniya* [Educational Ecosystems: Emerging practice for the future of education]. Translated from English. Moscow.: Izdaniye Moskovskoy shkoly upravleniya Skolkovo i Global Education Futures.
14. Global Education Futures. (2018) Obrazovaniye dlya slozhnogo obshchestva [Education for a complex society]. *"Obrazovatel'nyye ekosistemy dlya obshchestvennoy transformatsii". Doklad Global Education Futures* [Educational Ecosystems for Social Transformation. Global Education Futures Report]. [Online] Available from: https://drive.google.com/file/d/1uAwpKQsfYq4RgErfbPjE1TVdhVp0JjNZ/view (Accessed: 25.06.2025).
15. Ter-Minasova, S.G. (2000) *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and Intercultural Communication]. Moscow: Slovo.
16. Ivanchenko, V.Ya. (2022) Kastomizatsiya kak instrument individualizatsii obucheniya v usloviyakh integratsii obrazovatel'nykh organizatsiy [Customization as a tool for individualizing learning in the context of integrating educational organizations]. *Servis v Rossii i za rubezhom*. 3-16 (100). pp. 121–132.

17. Perepech, D.A. (2020) Kastomizatsiya obrazovatel'nykh trayektoriy i drugiye sovremennyye podkhody v obrazovanii [Customization of educational trajectories and other modern approaches in education]. *Sovremennoye obrazovaniye: soderzhaniye, tekhnologii, kachestvo*. 1. pp. 505–507.
18. Romanova, M.V. et al. (2022) Vnedreniye skvoznykh tsifrovykh tekhnologiy v protsess obucheniya inostrannomu yazyku professional'noy napravlennosti [Implementation of end-to-end digital technologies in the process of teaching a professional foreign language]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya*. 5 (10). pp. 1–23. [Online] Available from: https://mir-nauki.com/PDF/09PDMN522.pdf
19. Kurniawati, Ye. et al. (2023) Edutainment in social studies learning: can it develop critical thinking skills and creativity? *Cypriot Journal of Educational Sciences*. 1 (18). pp. 394–407.
20. Savchenko, I.A. & Zolotarev, M.I. (2024) *Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii programmy dlya EVM № 2024667802 Rossiyskaya Federatsiya. Programmno-metodicheskaya sistema Issledovatel'skiy 3D-tur: № 2024666481: zayavl. 09.07.2024: opubl. 30.07.2024* [Certificate of State Registration of Computer Program No. 2024667802 Russian Federation. Software and methodological system Research 3D tour: No. 2024666481: declared on July 09, 2024: published on July 30, 2024].

Информация об авторах:
Савченко И.А. – д-р социол. наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: teosmaco@rambler.ru
Козлова Ю.В. – канд. психол. наук, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: iris08@yandex.ru
Золотарёв М.В. – младший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: maksbrain@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
I.A. Savchenko, Dr. Sci. (Sociology), leading research fellow, Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: teosmaco@rambler.ru
Yu.V. Kozlova, Cand. Sci. (Psychology), senior research fellow, Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: iris08@yandex.ru
Ma.I. Zolotarev, junior research fellow, Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: maksbrain@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.06.2025;
одобрена после рецензирования 10.09.2025; принята к публикации 10.10.2025.

The article was submitted 24.06.2025;
approved after reviewing 10.09.2025; accepted for publication 10.10.2025.

Научная статья
УДК 37.017.4
doi: 10.17223/15617793/519/20

Исследование ценностного отношения школьников к целям достижения культурного суверенитета страны

Наталия Альбертовна Семенова[1], Светлана Ивановна Поздеева[2], Лариса Валерьевна Куровская[3]

[1, 2, 3] Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия
[1] natalsem@rambler.ru
[2] svetapozd@mail.ru
[3] l_kurovskaya@mail.ru

Аннотация. Обосновано понимание культурного суверенитета как ценностного ориентира. Представлены результаты исследования, направленного на выявление представлений школьников о культурном суверенитете, осведомленности и ценностного отношения к достижениям российской культуры. Сделаны выводы о наличии у школьников «культурного ядра», обеспеченного учебной программой. Выявлены проблемы: нет представления о культурном суверенитете, ограничена культурная осведомленность, предпочитаемой является зарубежная культура. Заключается, что необходимы изменения в школьном образовании и подготовке педагогов.
Ключевые слова: культурный суверенитет, ценностные ориентиры, образование, культура, духовно-нравственные ценности

***Источник финансирования*:** исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства просвещения Российской Федерации, в рамках государственного задания на 2025 год по теме «Разработка содержания и методики подготовки будущих педагогов к реализации воспитательной работы в логике формирования ценностного отношения к целям достижения технологического и культурного суверенитета страны», № QZOY-2025-0006.

***Для цитирования*:** Семенова Н.А., Поздеева С.И., Куровская Л.В. Исследование ценностного отношения школьников к целям достижения культурного суверенитета страны // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 519. С. 160–167. doi: 10.17223/15617793/519/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/519/20

Study of schoolchildren's value attitudes to the goals of achieving cultural sovereignty of the Russian Federation

Nataliya A. Semenova[1], Svetlana I. Pozdeeva[2], Larisa V. Kurovskaya[3]

[1, 2, 3] Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation
[1] natalsem@rambler.ru
[2] svetapozd@mail.ru
[3] l_kurovskaya@mail.ru

Abstract. Achieving cultural sovereignty represents one of the state's priority objectives. Within the framework of long-term strategy, the path toward cultural sovereignty begins with the education system, where conditions must be established not only for teaching and development but also for the formation of value orientations—among which cultural sovereignty can be included. This article presents the results of an empirical study aimed at identifying school students' understanding of cultural sovereignty, their awareness, and their value-based attitude toward the achievements of Russian culture. To ascertain students' conceptions of cultural sovereignty and their value attitude toward culture, an empirical study was conducted involving 595 students in grades 8–10 from Tomsk and Tomsk Oblast. The analysis was carried out at three levels: 1) the cognitive level (awareness of cultural sovereignty as a concept and of culture in general); 2) the emotional-value level (evaluative judgments about culture, justification of priorities); and 3) the activity level (engagement and involvement in the cultural sphere). This three-tiered approach provided a diagnostic picture of students' value attitude toward the country's cultural sovereignty and identified existing gaps. The research results revealed both positive and negative phenomena. It was concluded that students possess a "cultural core" provided by the school curriculum. Students demonstrated a sound understanding of the connection between history and culture, as more than half showed an ability to assess the influence of the country's global historical events on activity in the cultural sphere. Nevertheless, it was found that the term "cultural sovereignty" itself is largely unfamiliar to students. Their predominant reliance on the school curriculum indicates a certain limitation in cultural awareness. The number of students preferring works of foreign culture exceeds those preferring domestic works. An analysis of students' active

© Семенова Н.А., Поздеева С.И., Куровская Л.В., 2025

engagement in the cultural sphere revealed an absence of systematicity and regularity in cultural consumption (visiting cultural institutions, watching films, programs). When describing their relationship to cultural choices, students characterized their participation as "occasional" or "from time to time." In summary, strengthening the country's cultural sovereignty requires the implementation of specific measures, including modifications to the content of school subject education with an emphasis on Russia's cultural achievements, as well as the transformation of professional teacher training.
Keywords: cultural sovereignty, value orientations, education, culture, spiritual and moral values

***Financial support*:** The research was supported by the Ministry of Education of Russian Federation, Project No. QZOY-2025-0006: Development of the Content and Methodology for Preparing Future Teachers for the Implementation of Educational Work In the Logic of Forming a Value Attitude to the Goals of Achieving Technological and Cultural Sovereignty of the Country.

***For citation*:** Semenova, N.A., Pozdeeva, S.I. & Kurovskaya, L.V. (2025) Study of schoolchildren's value attitudes to the goals of achieving cultural sovereignty of the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 519. pp. 160–167. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/519/20

Введение

В Указе «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» сформулирована цель укрепления культурного суверенитета страны [1]. Само понятие «культурный суверенитет» было введено в Указе президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [2], а конкретизировано в 2023 году в изменениях к документу «Основы государственной культурной политики»: «совокупность социально-культурных факторов, позволяющих народу и государству формировать свою идентичность, избегать социально-психологической и культурной зависимости от внешнего влияния, быть защищенными от деструктивного идеологического и информационного воздействия, придерживаться ценностей» [3]. Такое внимание к проблеме культурного суверенитета обусловлено рядом причин.

1. Суверенизация всех сфер деятельности и жизни общества в России является ответом на вызовы глобализации, введение санкций в отношении страны и геополитическую ситуацию. Ряд государственных документов и исследований посвящено вопросам обеспечения технологического [4], экономического [5], образовательного [6], духовного [7], культурного [3] суверенитета страны.

2. Приоритетом страны становится формирование ценностных ориентиров, которые сформулированы в «Указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [8]. Исторически культурное пространство являлось хранителем и транслятором системы ценностей, задавало ценностные ориентиры и обеспечивало их переход в ценностные ориентации личности. В настоящее время в Российской Федерации официально была установлена роль культуры как «гаранта сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности страны» [9]. Хотелось бы привести слова одного из исследователей данной проблематики, отражающие значимость культурного суверенитета и культуры в целом в современном мире: «Переориентация современной государственной культурной политики на обеспечение культурного суверенитета – пожалуй, самое существенное преобразование в отечественной гуманитарной сфере за последние сто лет» [10].

3. Угроза национальной безопасности, в частности, риск потери базовых морально-этических норм, западная и американская культурная экспансия, усиление деструктивного влияния чуждой идеологии, насаждение чужих ценностей [8, 11, 12]. Данным угрозам противопоставляется культурный суверенитет, позволяющий на основе культурно-исторического наследия удерживать и формировать систему ценностей, идентичность, мировоззрение.

В выборе и осмыслении путей достижения культурного суверенитета особое место занимает образование. «Ценности во все времена были и остаются смыслообразующим фактором образования как такового от Древнего мира до наших дней. По существу, аксиология с присущей для нее системой ценностей и есть основное содержание образования» [13].

Культурный суверенитет должен стать ценностным ориентиром, только в этом случае он будет служить залогом обеспечения безопасности государства, сохранения культурной идентичности его граждан, способствовать достижению целей развития государства. В этом ключе необходимо определить понятие «ценность» и «ценностный ориентир».

Понятие ценностей сегодня является одним из самых обсуждаемых в философии, социальных и политических науках, психологии и педагогике. Ценности, с позиции социологии, – социально принятые и одобряемые представления о жизни и разных ее сторонах (труд, общение, семья, справедливость). Также исследователи включают в данное понятие цели и средства, которые могут выступать как идеалы или нормы для выбора человеком образа действий [14, 15].

Данное определение соотносится с перечнем традиционных ценностей страны, представленных на государственном уровне [8]. В работах С.Л. Рубинштейна описано, что ценность может выполнять функцию ориентира поведения, то есть влиять на деятельность [16]. Понятие «ценностные ориентиры» включает ключевые, базовые категории, которые становятся основаниями для постановки целей, выбора направления деятельности [17, 18].

Целью исследования явился поиск ответов на следующие вопросы: какое содержание имеет понятие «культурный суверенитет», рассматриваемый как ценностный ориентир? Насколько сформировано ценностное отношение к культуре и культурному суверенитету у современных школьников?

Материалы и методы

Для определения проблемного поля и реализации первой задачи исследования был осуществлён обзор, анализ и обобщение данных исследований, представленных в публикациях в журналах, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденный ВАК (с 2020 по 2025 г.), а также анализ ряда государственных документов последних лет. Для решения второй задачи была использована авторская диагностическая методика, направленная на выявление уровня представлений школьников о культуре и культурных достижениях, их субъективного отношения к культуре в разных ее проявлениях, оценке культурного наследия страны и потребности внести свой вклад и/или быть причастным к культуре в доступной форме.

Результаты

Для рассмотрения культурного суверенитета как ценностного ориентира важно определить его составляющие, основываясь на официальной трактовке, описании направлений [2] и ценностно-смысловых основ [8]. Аналитическая работа и обобщение данных позволили описать следующие содержательные составляющие. Во-первых, основу культурного суверенитета составляют традиционные духовно-нравственные ценности и культурно-историческое наследие. Во-вторых, культурный суверенитет объединяет разные виды искусства и креативные индустрии, социальные и гуманитарные науки, язык и информационное пространство, воспитание и просветительскую деятельность [2, 19]. В-третьих, культурный суверенитет в условиях глобализации ориентирует на приоритет отечественных деятелей, достижений и произведений культуры при сохранении открытости и уважения к иным культурным пространствам.

Для выявления ценностей и ценностного отношения к чему-либо существуют различные подходы к диагностике. В отношении определения ценностных ориентиров уместно использование анкетирования, что доказывает опыт его успешного применения [20, 21]. Применяемая в рамках исследования анкета основывалась на определённых выше составляющих понятия «культурный суверенитет». В анкету были включены вопросы, связанные с определением уровня осведомлённости респондентов о российской культуре, так как невозможно брать за ценностный ориентир то, о чем нет представления. При этом особое внимание при оценке результатов уделялось предпочтению отечественных или зарубежных авторов/достижений/культурных явлений, так как культурный суверенитет как ценностный ориентир предполагает приоритет отечественной культуры. Ряд вопросов был направлен на выявление оценочных представлений обучающихся об отечественной культуре, а также на определение возможностей деятельностного освоения культуры (намерения, вовлеченности). Таким образом, были обозначены когнитивный (уровень осведомлённости о культурном суверенитет как понятии, о культуре в целом), эмоционально-ценностный (оценочные суждения о культуре, обоснование приоритетов) и деятельностный (активность и вовлеченность в сферу культуры) аспекты, что в перспективе должно дать определённую картину в контексте ценностного отношения школьников к культурному суверенитету страны и определить дефициты.

Обратимся к полученным результатам. В исследовании приняли участие 595 школьников г. Томска и Томской области, обучающиеся 8–10-х классов. Характеристика выборки:

– возрастная группа: 8 класс (54,3%), 9 класс (1%), 10 класс (44%), 11 класс (0,5%) (целевой запрос был именно на восьмые и десятые классы);

– пол: девушки (57,5%), юноши (42,5%);

– место проживания: г. Томск (54,1%), Томская область (45,9%).

Выборка охватывает однородный контингент респондентов, что позволило избежать сомнительных результатов при обработке данных, как бывает в ситуации с разнородными группами.

На вопрос, связанный с пониманием термина «культурный суверенитет», были даны следующие ответы (табл. 1).

Можно констатировать, что большая часть респондентов затруднились с ответом (71%) или дали некорректный ответ (20,9%). Количество ответов, которые схожи с принятым определением и включают его ключевые элементы (идентичность, культурно-историческую память, культурное наследие, защиту традиций, ценностей), очень мало (8%). В данной группе ответов чаще всего акцент ставился на защиту от деструктивного влияния («независимость культуры от внешнего давления»). Второй акцент – на культурной идентичности и культурном наследии, в частности, некоторые респонденты указывали на связь с поддержкой отечественной культуры («поддержка искусства в России»). Доминирующими ответами являлись «не знаю», «затрудняюсь», «впервые слышу». Часть ответов были некорректными или неточными: встречались ошибки в понимании самого термина «суверенитет» («культурный житель России»), наблюдалась подмена понятий («независимость государства во внешних делах» или узкое понимание («культурное наследие», «искусство России»). В качестве обобщения можно отметить очень низкий уровень понимания термина «культурный суверенитет» и его значения. Кроме того, не видно положительной динамики в ответах от класса к классу.

Таблица 1

Представления респондентов о культурном суверенитете страны

Всего участников	Дали близкое определение	Затруднились ответить	Ошиблись или дали некорректный ответ
595	49 (8,1%)	422 (71%)	124 (20,9%)

Далее представим результаты ответов на вопросы, позволяющих выявить, во-первых, осведомлённость респондентов в отношении российской культуры, во-вторых, определить культурные предпочтения (табл. 2).

Отдельно хотелось бы уделить внимание ответам обучающихся на вопрос «Вносит ли вклад система образования России в обеспечение культурного суверенитета страны?

Если да, то в чём это выражается? Дайте развёрнутый ответ». Подавляющее большинство респондентов дали положительный ответ (~75%). Около 15% дали отрицательный ответ, остальные указали «не знаю», «не могу ответить» или дали некорректный/неуместный ответ. Среди аргументов в пользу положительного ответа преобладает оценка роли учебных программ, внеурочных мероприятий (в частности «Разговоры о важном»). Интересно, что некоторые респонденты отметили роль высшего образования, привели рассуждения о развитии критического мышления и идентичности средствами образования. Среди контраргументов на первом месте обучающиеся упоминают формализм, избыток давления и жесткие рамки, что, по мнению школьников, вредит творчеству.

Таблица 2

Осведомленность и предпочтения респондентов в сфере культуры (595 респондентов)

Вопрос/общий смысл комплекса вопросов	Распределение ответов/упоминаний	Комментарий
Предпочитаемые произведения культуры	Литература ~40%. Кино ~35%. Музыка ~15%. Живопись ~5%. Театр, балет, архитектура – единичные ответы	Литература упоминается максимально часто (школьная программа), на втором месте кино как популярный вид досуга. Музыка упоминается реже, так как не всегда относят к «произведениям искусства». Лидерами являются произведения школьной программы (Пушкина, Толстого, Достоевского, Булгакова) и пример из массовой культуры («Гарри Поттер» Дж.К. Роулинг). В кинематографе предпочтение зарубежным фильмам, затем идет отечественное кино на военную тему, обсуждаемые фильмы («Брат»). В ответах практически отсутствует упоминание других видов искусства, а также современного искусства
Знаете ли Вы блогеров, тематика контента которых посвящена культуре? Если да, назовите их	Не знают ~75%. Дают имя блогера или канала ~20%. Другие ответы ~5%	Лидер упоминаний – Анастасия Постригай («Школа популярного искусства»). Упоминаются крупные проекты «Арзамас» и «Культура.РФ». Отдельные упоминания блогов о путешествиях, блогов музыкантов, медийных фигур (Артемий Лебедев). Подчеркнем, что отмечены только отечественные блоги (зарубежный – один ответ)
Кто из персонажей зарубежного кино или литературы вызывает у Вас чувство уважения? Назовите произведение, имя героя и качества его характера	Развернутый ответ 40%. Краткий ответ 25%. Затруднились 35%	Лидерство в выборе персонажей держат киногерои, на втором месте – литературные персонажи (80 и 20% соответственно). Лидеры упоминаний книжного героя: Аттикус Финч («Убить пересмешника» Харпера Ли, названы качества: справедливость, моральная стойкость, честность). Персонажи Marvel (Железный человек, Человек-паук и др. – самоотверженность, смелость, эмпатия, ответственность, стремление защищать слабых). Резюмируя, можно отметить преобладание киногероев, причем часто из комиксов. Но положительным является перечень качеств личности – все относятся к высоким этическим
Кто из персонажей российского кино или литературы вызывает у Вас чувство уважения? Назовите произведение, имя героя и качества его характера	Развернутый ответ 35%. Краткий ответ 30%. Затруднились 35%	Примерное количественное распределение упоминания книжных героев (55% содержательных ответов, преобладают герои из произведений школьной программы) и киногероев (45% современные фильмы и культовые 90-х годов прошлого века). Лидеры упоминаний: Петр Гринев («Капитанская дочка» А.С. Пушкина – благородный, честный, верный долгу), герои «Войны и мира» (мужество, поиск смыла жизни, духовность). Часто упоминаются киногерои из фильмов о войне (героизм, патриотизм, храбрость, жертвенность, стойкость духа и воли), сомнительный выбор – Данила Багров («Брат», справедливость, стойкость). В выборе качеств российских героев на первое место выходят сила духа, стойкость и верность
Вопросы, связанные с осведомленностью в сфере российской культуры (деятели и произведения)	Высокая осведомленность ~8%. Средняя (в пределах школьной программы) ~55%. Низкая ~37%	Наибольшее количество упоминай деятелей культуры – русские писатели (А. Пушкин, Л. Толстой, Ф. Достоевский), довольно часто упоминали П. Чайковского, И. Шишкина. Удивительно, что часто упоминаемым стал Д. Нагиев, актер, шоумен. Отметим, что около 40% не могли ответить на вопросы о деятелях и произведениях культуры. Встречаются ошибки (в названиях, написаниях, спутаны авторы). Превалируют знания литературы, в меньшей степени – музыки. Другие виды искусства и направления культуры практически не упоминаются
Вопросы о связи истории и культуры	Детальный и полный ответ ~20%. Краткие, неполные ответы ~25%. Некорректные ответы ~15%. Нет ответа ~40%	В качестве деятелей культуры, оказавших наиболее влияние на ее развитие, респонденты также обозначают представителей классической русской литературы, в меньшей степени – композиторов и художников. Подчеркнем, что не названы деятели современности, лишь редко – представители поп-культуры. Достаточное количество некорректных ответов: названы имена политиков (Сталин), персонажей (Чебурашка). А вот связь культуры и исторических событий многие обозначили достаточно конкретно (Отечественная война 1812 года, Великая отечественная война, Революция 1917 года)

Таблица 3

Выявление отношения обучающихся к культуре России, ее достижениям и деятельностного приобщения к сфере культуры (595 ответов)

Высказывание, наиболее близко отражающее отношение к российской культуре	Интересна культура и российская, и зарубежная, не делаю выбора 23,2%. Российская культура была великой в прошлом, сейчас много спорного и неоднозначного в культуре страны 23%. Мне больше нравится зарубежная культура 20,8%. Мне не интересна/мало интересна культура в целом, другие интересы 20,7%. Мне интересна российская культура, я лучше понимаю ее 12,3%
Как часто смотрите российские фильмы?	Время от времени, как правило случайно 30,9%. Регулярно 27,4%. Редко 25,7%. Почти никогда, предпочитаю зарубежные 16%
Как часто посещаете театры?	Редко 33,6%. Почти никогда 28,1%. Время от времени 26,1%. Регулярно12,3%
Как часто посещаете музеи?	Время от времени, случайно 44,2%. Почти никогда 40,7%. Регулярно 15,1%
Напишите, посещаете ли вы места, где можно заниматься деятельностью в сфере культуры?	Нет 36,6%. Редко 33,8%. Да 26,2%. 3,4% назвали творческие объединения, клубы по интересам, спортивные объединения, основная цель – вклад в будущее
Напишите, посещаете ли вы спортивные школы или другие места, где можно заниматься спортом и физической культурой?	Да 39,5%. Нет 31,1%. Редко 26,6%. 2,% указали спортивные клубы, секции

Рассмотрим анализ ответов на вопросы, направленные на выявление отношения обучающихся к культуре России, ее достижениям, а также деятельностного приобщение к сфере культуры (см. табл. 3).

На наш взгляд, позитивной тенденцией является то, что намерение заниматься деятельностью в сфере культуры и развивать это направление обозначили 48,4%, намерение при отсутствии возможностей – 21,2%, отсутствие желания проявили только 26,6%, 3,9% указали, что уже вносят вклад (например входят в региональные команды).

Обсуждение

Полученные данные и их анализ позволили сформулировать несколько выводов:

1. Сам термин «культурный суверенитет» для школьников является малознакомым: обучающиеся не могут дать определение, указать характеристики, дают ошибочные ответы. Это показывает разрыв между актуальностью цели достижения культурного суверенитета, обозначенной государством, и реальной осведомлённостью обучающихся.

2. Исследование осведомлённости школьников о культуре дало неоднозначные результаты. С одной стороны, обучающиеся уверенно называют представителей и произведения культуры. В преобладающих ответах при этом названы отечественные писатели и произведения классической литературы, как правило, из школьной программы. Это говорит о том, то школьники имеют так называемое «культурное ядро», которое может служить крепким фундаментом для дальнейшего развития. С другой стороны, обращение в большей мере к школьной программе показывает определённую ограниченность в культурной осведомленности, а кругозор в отношении других видов искусства или направлений культуры оценить невозможно, так как респонденты к ним не обращаются. Ещё одним дефицитом является значительный пробел в сведениях о российской культуре последних десятилетий.

3. К сожалению, можно констатировать, что молодое поколение не имеет представления о деятельности современных блогеров в сфере культуры. Но небольшая заинтересованная часть школьников перечислили отечественных блогеров и медиаплощадки, занимающиеся популяризацией культуры. Тем не менее можно отметить существенный пробел в сфере современной медиасреды.

4. Определяя предпочитаемый образ героя, который представлен в отечественной и зарубежной культуре, молодые люди намного чаще выбирают киногероев, чем персонажей литературы, при этом, как правило, опять же из школьной программы. Зарубежные герои – фантастические образы из комиксов, а герои российского кино – реалистичные, например, участники войны. Анализ показал и определённый разрыв в массивах ответов: есть часть респондентов, которые не смогли назвать героев, часть респондентов выбирали героев из источников, максимально доступных (школьная программа, массовое кино), но есть и часть, которая демонстрирует более глубокое знакомство со сложной литературой. Важнейшим показателем, на наш взгляд, является перечень личностных качеств, которые выбрали школьники (мужество, честность, верность стране). Все эти качества являются базовыми общечеловеческими ценностями и коррелируют с традиционными духовно-нравственными ценностями страны.

5. Оценивая влияние деятелей культуры на её развитие и современную ситуацию, респонденты снова в основном ориентируются на школьную программу, называя писателей-классиков, реже – композиторов и художников. Ещё раз хочется подчеркнуть наличие «культурного ядра» и подчеркнуть дефицит представлений о многообразии культуры и о современной культуре.

6. Школьники продемонстрировали хорошее понимание связи истории и культуры, так как больше половины проявили умение оценить влияние глобальных исторических событий страны на активность в культурной сфере.

7. Воодушевляет и позиция респондентов относительно вклада системы образования России в становление культурного суверенитета. Подавляющее большинство не только дают положительный ответ, но и обосновывают его. Тем не менее часть школьников дали отрицательный ответ и указали на негативное влияние избыточного давления и рамок, ограничивающих творчество. Формулировки некоторых ответов вызывают мысли об отсутствие искренности в ответах, вызывают ощущение «ожидаемого ответа».

8. В определении предпочтений между отечественной и зарубежной культурой ответы разделились следующим образом. Три примерно равные группы ответов (20–23%): с одинаковым предпочтением русской и зарубежной культуры; указывающие на величие отечественный культуры в прошлом и неоднозначностью в настоящем; не имеющие интереса либо низкий интерес к культуре как к сфере жизни и деятельности. Настораживающим фактом является предпочтение произведений и явлений зарубежной культуры (20,8%) по отношению к отечественной (12,3%).

9. Исследование деятельностной вовлечённости обучающихся в культурную сферу показало, что отсутствуют системность и регулярность в отношении восприятия культуры (посещение культурных учреждений, просмотр фильмов, программ): отмечая своё отношение к выбору культурной деятельности, школьники определяют их как «случайно», «время от времени». Чуть более позитивная картина складывается при оценке вовлечённости школьников с позиции участника/творца: около 40% респондентов занимаются на регулярной основе физической культурой, в искусстве или других сферах культуры активно заняты 26% опрошенных школьников. При этом желание заниматься творческой деятельностью в сфере искусства обозначили более 48% обучающихся, а около 3% указали, что уже вносят свой вклад.

Заключение

Достижение культурного суверенитета – одна из приоритетных целей государства. В долгосрочной стратегии путь к культурному суверенитету начинается с системы образования, где должны быть созданы условия не только для обучения и развития, но и для формирования ценностных ориентиров, к которым можно отнести и культурный суверенитет. Для выявления представлений обучающихся о культурном суверенитете, уровня культурных представлений и ценностного отношения школьников к культуре было реализовано эмпирическое исследование, в котором приняли участие 595 школьников 8–10 классов. Результаты исследования показали как позитивные, так и негативные явления. К положительным можно отнести наличие «культурного ядра» – осведомлённости школьников о культуре в рамках школьной программы. В героях произведений современные ученики выделяют качества личности, отражающие традиционные духовно-нравственные ценности (мужество, честность, верность стране, самоотверженность). К результатам, которые требуют серьёзного внимания, можно отнести следующие: абсолютное большинство школьников не имеет представления о культурном суверенитете, а знания о культуре являются ограниченными, особенно серьёзный пробел наблюдается в представлениях о культуре последних десятилетий. Кроме того, количество школьников, предпочитающих произведения зарубежной культуры выше, чем предпочитающих отечественные.

Такая неоднозначная ситуация требует реализации определенных мер, среди которых – изменение содержания школьного предметного образования с акцентами на культурные достижения России, а также трансформация профессиональной подготовки педагогов.

Список источников

1. Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» // Президент России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/73986 (дата обращения: 25.05.2025).
2. Указ президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669 (дата обращения: 20.05.2025).
3. Указ Президента Российской Федерации от 25.01.2023 г. № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808» // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48855 (дата обращения: 20.05.2025).
4. Концепция технологического развития на период до 2030 года // Правительство России. URL: http://static.government.ru/media/files/KlJ6A00A1K5t8Aw93NfRG6P8OIbBp18F.pdf (дата обращения: 21.05.2025).
5. Ануприенко В.Ю. Экономический суверенитет России. Направления и задачи укрепления экономического суверенитета на современном этапе развития страны // Вестник Академии естественных наук. № 4. С. 60–67.
6. Кравцов С.С. Суверенная система образования в Российской Федерации: актуальная образовательная политика // Современное образование и общество. 2024. Т. 1, № 1. С. 7–12.
7. Чирикин В.А., Зин Н.В. К вопросу о традиционных российских духовно-нравственных ценностях в контексте конституционных реформ // Аграрное и земельное право. 2024. № 9 (237). С. 9–11.
8. Указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019 (дата обращения: 05.03.2025).
9. Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» // Информационно-правовой портал ГАРАНТ. URL: https://base.garant.ru/71937200 (дата обращения: 04.02.2025).

10. Мамонов В.В. «Суверенитет»: трансформация понятия в условиях поиска национальной идентичности // Ленинградский юридический журнал. 2025. № 2 (80). С. 143–157.
11. Черняховский С.Ф., Черняховская Ю.С. Вызовы и угрозы культурному суверенитету РФ и меры по противодействию // Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации : сб. материалов круглого стола. М. : ИМЦ, 2021. С. 657–669.
12. Шабров О.Ф. Культурная политика и национально-государственный суверенитет // Власть. 2020. № 6. С. 295–299.
13. Долинина И.Г., Мехоношин И.А., Шапорев А.А. Ценностно-смысловая ориентация в методологии профессиональной педагогики // Ценности и смыслы. 2024. № 1 (89). С. 112–126.
14. Елишев С.О. Изучение понятий «ценность», «ценностные ориентации» в междисциплинарном аспекте // Ценности и смыслы. 2011. № 2 (11). С. 82–96.
15. Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 3–23.
16. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М. : Академия наук СССР, 1957. 332 с.
17. Семенова Н.А., Никитин А.А. Ценностно-смысловые ориентиры будущих педагогов: анализ понятий и обзор исследований на современном этапе // Научно-педагогическое обозрение. 2024. № 6 (58). С. 154–169.
18. Сазонова Н.И., Рудницкий Ю.А. Ценностные ориентиры современной молодежи и формирование функциональной грамотности студента: из опыта преподавания дисциплины «Основы российской государственности» // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2024. Вып. 5 (57). С. 24–32.
19. Величко Ю.В., Милицина О.В., Шишкина С.В. Современные ориентиры социализации детей в дополнительном образовании средствами искусства // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2021. Вып. 1 (213). С. 132–138. doi: 10.23951/1609-624X-2021-1-132-138
20. Ливенцова Е.Ю., Кашпур В.В., Дунбинский И.А., Гойко В.Л., Александрова Ю.К. Тематический репертуар современных исследований ценностей, основанных на методах вычислительных социальных наук (CSS) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 498. С. 59–69. doi: 10.17223/15617793/498/7
21. Данилова М.В. Жизненные ориентиры как ресурс формирования системы ценностных ориентаций современных старшеклассников // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2025. Вып. 3 (61). С. 153–164.

References

1. President of Russia. (2024) Ukaz "O natsional'nykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2024 g." [On the National Goals and Strategic Objectives of the Development of the Russian Federation until 2024. A Decree]. *President of Russia*. [Online] Available from: http://kremlin.ru/events/president/news/73986 (Accessed: 25.05.2025).
2. Consultant Plus. (2015) *On the National Security Strategy of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669 (Accessed: 20.05.2025). (In Russian).
3. President of Russia. (2023) Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 25.01.2023 g. № 35 "O vnesenii izmeneniy v Osnovy gosudarstvennoy kul'turnoy politiki, utverzhdennyye Ukazom Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 24 dekabrya 2014 g. № 808" [On Amendments to the Fundamentals of State Cultural Policy, approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 808 of December 24, 2014. Decree of the President of the Russian Federation No. 35 of January 25, 2023]. *President of Russia*. [Online] Available from: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48855 (Accessed: 20.05.2025).
4. The Government of the Russian Federation. (2022) *Kontseptsiya tekhnologicheskogo razvitiya na period do 2030 goda* [Technological Development Concept until 2030]. [Online] Available from: http://static.government.ru/media/files/KlJ6A00A1K5t8Aw93NfRG6P8OIbBp18F.pdf (Accessed: 21.05.2025).
5. Anupriyenko, V.Yu. (2023) Ekonomicheskiy suverenitet Rossii. Napravleniya i zadachi ukrepleniya ekonomicheskogo suvereniteta na sovremennom etape razvitiya strany [Economic sovereignty of Russia. Directions and objectives of strengthening economic sovereignty at the current stage of the country's development]. *Vestnik Akademii yestestvennykh nauk*. 4. pp. 60–67.
6. Kravtsov, S.S. (2024) Suverennaya sistema obrazovaniya v Rossiyskoy Federatsii: aktual'naya obrazovatel'naya politika [Sovereign education system in the Russian Federation: current educational policy]. *Sovremennoye obrazovaniye i obshchestvo*. 1 (1). pp. 7–12.
7. Chirikin, V.A. & Zin, N.V. (2024) K voprosu o traditsionnykh rossiyskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostyakh v kontekste konstitutsionnykh reform [On the issue of traditional Russian spiritual and moral values in the context of constitutional reforms]. *Agrarnoye i zemel'noye pravo*. 9 (237). pp. 9–11.
8. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Official Internet Portal of Legal Information]. (2022) Ukaz Prezidenta RF ot 09.11.2022 N 809 "Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu traditsionnykh rossiyskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostey" [On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values. Decree of the President of the Russian Federation No. 809 of November 09, 2022]. *Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii* [Official Internet Portal of Legal Information]. [Online] Available from: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019 (Accessed: 05.03.2025).
9. Garant. (2024) On National Goals and Strategic Objectives of the Development of the Russian Federation through 2024. A Decree. *Garant*. [Online] Available from: https://base.garant.ru/71937200 (Accessed: 04.02.2025). (In Russian).
10. Mamonov, V.V. (2025) "Suverenitet": transformatsiya ponyatiya v usloviyakh poiska natsional'noy identichnosti ["Sovereignty": transformation of the concept in the context of the search for national identity]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*. 2 (80). pp. 143–157.
11. Chernyakhovskiy, S.F. & Chernyakhovskaya, Yu.S. (2021) Vyzovy i ugrozy kul'turnomu suverenitetu RF i mery po protivodeystviyu [Challenges and threats to the cultural sovereignty of the Russian Federation and countermeasures]. In: *Prognoziruyemyye vyzovy i ugrozy natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii i napravleniya ikh neytralizatsii* [Predicted Challenges and Threats to the National Security of the Russian Federation and Directions for Their Neutralization]. Moscow: IMTS. pp. 657–669.
12. Shabrov, O.F. (2020) Kul'turnaya politika i natsional'no-gosudarstvennyy suverenitet [Cultural policy and national-state sovereignty]. *Vlast'*. 6. pp. 295–299.
13. Dolinina, I.G., Mekhonoshin, I.A. & Shaporev, A.A. (2024) Tsennostno-smyslovaya oriyentatsiya v metodologii professional'noy pedagogiki [Value-semantic orientation in the methodology of professional pedagogy]. *Tsennosti i smysly*. 1 (89). pp. 112–126.
14. Yelishev, S.O. (2011) Izucheniye ponyatiy "tsennost'", "tsennostnyye oriyentatsii" v mezhdistsiplinarnom aspekte [Studying the concepts of "value" and "value orientations" in an interdisciplinary aspect]. *Tsennosti i smysly*. 2 (11). pp. 82–96.
15. Lapin, N.I. (1996) Modernizatsiya bazovykh tsennostey rossiyan [Modernization of basic values of Russians]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 5. pp. 3–23.
16. Rubinshteyn, S.L. (1957) *Bytie i soznaniye* [Being and Consciousness]. Moscow: USSR AS.
17. Semenova, N.A. & Nikitin, A.A. (2024) Tsennostno-smyslovyye oriyentiry budushchikh pedagogov: analiz ponyatiy i obzor issledovaniy na sovremennom etape [Value-Semantic benchmarks of future teachers: analysis of concepts and review of current research]. *Nauchno-pedagogicheskoye obozreniye*. 6 (58). pp. 154–169.

18. Sazonova, N.I. & Rudnitskiy, Yu.A. (2024) Tsennostnyye oriyentiry sovremennoy molodezhi i formirovaniye funktsional'noy gramotnosti studenta: iz opyta prepodavaniya distsipliny "Osnovy rossiyskoy gosudarstvennosti" [Value benchmarks of modern youth and the formation of student functional literacy: from the experience of teaching the course Fundamentals of Russian Statehood]. *Nauchno-pedagogicheskoye obozreniye. Pedagogical Review*. 5 (57). pp. 24–32.
19. Velichko, Yu.V., Militsina, O.V. & Shishkina, S.V. (2021) Sovremennyye oriyentiry sotsializatsii detey v dopolnitel'nom obrazovanii sredstvami iskusstva [Modern benchmarks for children's socialization in supplementary education by means of art]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 1 (213). pp. 132–138. doi: 10.23951/1609-624X-2021-1-132-138
20. Liventsova, E.Yu. et al. (2024) Thematic repertoire of contemporary value studies based on computational social science methods. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 498. pp. 59–69. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/498/7
21. Danilova, M.V. (2025) Zhiznennyye oriyentiry kak resurs formirovaniya sistemy tsennostnykh oriyentatsiy sovremennykh starsheklassnikov [Life guidelines as a resource for forming a system of value orientations of modern high school students]. *Nauchno-pedagogicheskoye obozreniye. Pedagogical Review*. 3 (61). pp. 153–164.

Информация об авторах:
Семенова Н.А. – канд. пед. наук, директор Института развития педагогического образования Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: natalsem@rambler.ru
Поздеева С.И. – д-р пед. наук, зав. кафедрой педагогики и методики начального образования Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: svetapozd@mail.ru
Куровская Л.В. – канд. биол. наук, руководитель Парка инновационных образовательных практик Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: l_kurovskaya@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
N.A. Semenova, Cand. Sci. (Pedagogics), director of the Institute for the Development of Pedagogical Education, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: natalsem@rambler.ru
S.I. Pozdeeva, Dr. Sci. (Pedagogics), head of the Department of Pedagogy and Methodology of Primary Education Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: svetapozd@mail.ru
L.V. Kurovskaya, Cand. Sci. (Biology), director of the Park of Innovative Educational Practices, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: l_kurovskaya@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.09.2025;
одобрена после рецензирования 03.10.2025; принята к публикации 10.10.2025.

The article was submitted 17.09.2025;
approved after reviewing 03.10.2025; accepted for publication 10.10.2025.

Научная статья
УДК 37.09
doi: 10.17223/15617793/519/21

Педагогическое сопровождение социальной адаптации студентов с нарушениями опорно-двигательного аппарата в образовательной среде вуза

Ольга Сергеевна Терентьева[1], Ирина Юрьевна Малкова[2], Валентина Ивановна Зиновьева[3]

[1, 3] Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия
[2] Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
[1] Olga_Zhigalkovich@mail.ru
[2] malkovoi@yandex.ru
[3] valentina.zinoviyeva@gmail.com

Аннотация. Актуализирована проблема обучения и социальной адаптации студентов с нарушениями опорно-двигательного аппарата в образовательной среде вуза. Конкретизированы понятия «педагогическое сопровождение» и «социальная адаптация». Обоснованы характеристики образовательной среды вуза в контексте инклюзии. Выделены этапы педагогического сопровождения социальной адаптации студентов с нарушением опорно-двигательного аппарата (НОДА) в образовательной среде вуза. Доказана возможность использования группового проектного обучения как формы эффективного педагогического сопровождения обучающихся с НОДА на примере Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники.
Ключевые слова: студенты с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), с нарушениями опорно-двигательного аппарата (НОДА), нормотипичный студент, образовательная среда вуза, социальная адаптация, педагогическое сопровождение, групповое проектное обучение

***Источник финансирования*:** работа выполнена в рамках базовой части государственного задания «Наука», код научной темы FEWM-2023-0013.

***Для цитирования*:** Терентьева О.С., Малкова И.Ю., Зиновьева В.И. Педагогическое сопровождение социальной адаптации студентов с нарушениями опорно-двигательного аппарата в образовательной среде вуза // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 519. С. 168–177. doi: 10.17223/15617793/519/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/519/21

Pedagogical support of social adaptation of students with musculoskeletal disorders in the educational environment of the university

Olga S. Terentyeva[1], Irina Yu. Malkova[2], Valentina I. Zinovieva[3]

[1, 3] Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation
[2] National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
[1] Olga_Zhigalkovich@mail.ru
[2] malkovoi@yandex.ru
[3] valentina.zinoviyeva@gmail.com

Abstract. The aim of this article is to present an analysis of the effectiveness of the content of the stages of pedagogical support for the social adaptation of students with musculoskeletal disorders in the educational environment of a higher education institution. For each stage, the forms of pedagogical support for social adaptation of students with musculoskeletal disorders, along with criteria and indicators, are elucidated. An invariant model for organizing pedagogical support is presented: the organization of interaction among various subjects within the educational environment to achieve goals and address problems in the student's educational activities. The foundation of the experimental work was the acmeological approach, within which the stages of personality formation, the regularities of the subject's socio-psychological adaptation, and its phasic nature are identified and substantiated. Research methods included theoretical analysis of literature, comparative analysis of processes of pedagogical support and social adaptation, focus group method, observation, coping behavior assessment methodology, the "Psychological Autobiography" method, sociometry, questionnaires, and pedagogical experiment. The experimental base of the research was the Center for Educational Accessibility at Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics. The study was conducted from 2020 to 2024, with the participation of 193 students with musculoskeletal disorders. It should be noted that the implementation of the pedagogical experiment took place during the COVID-19 pandemic, resulting in the study being divided into two periods. During the first period (2020–2022), the educational process and extracurricular activities were conducted online; the second period (2022–2024) took place in a face-to-face format. Based on the conducted research, it was substantiated that the stage-by-stage nature and temporal characteristics of the social adaptation of students with

© Терентьева О.С., Малкова И.Ю., Зиновьева В.И., 2025

musculoskeletal disorders constitute an important component of the university's educational space. At each stage, students undergo personal changes that affect their self-esteem, their perceptions of studying at university, and the establishment of communication with instructors and peers. The use of group project-based learning as an organizational form of pedagogical support, involving the development and implementation of a social project, contributes to the development of the entire project group and each individual student, fosters mutual assistance and support, and removes internal communication barriers. The joint activity of students in project groups (students with musculoskeletal disorders and normotypical students) facilitates the formation of self-knowledge and self-development skills. The advantages of group work include mutual assistance in solving interpersonal problems, support from other students facing similar challenges, and increased psychological resilience.
Keywords: students with disabilities and limited health opportunities (LH), students with musculoskeletal disorders (MSD), normotypical student, educational environment of university, social adaptation, pedagogical support, group project-based learning

***Financial support*:** The research was carried out within the framework of the basic part of the state assignment "Science", Project No. FEWM-2023-0013.

***For citation*:** Terentyeva, O.S., Malkova, I.Yu. & Zinovieva, V.I. (2025) Pedagogical support of social adaptation of students with musculoskeletal disorders in the educational environment of the university. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 519. pp. 168–177. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/519/21

Введение

В настоящее время одним из ключевых направлений государственной социальной политики в Российской Федерации является улучшение качества жизни людей с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Согласно данным Росстата [1] на начало 2025 г. численность людей с инвалидностью составляет 11 123 млн человек, 3 330 млн в возрасте от 18 до 30 лет, в связи с этим главной целью государственной политики в России является доступность высших учебных заведений для людей с инвалидностью и ОВЗ. Крайне важно из общей группы обучающихся с инвалидностью и ОВЗ выделить студентов с нарушениями опорно-двигательного аппарата (НОДА), так как заболевания опорно-двигательного аппарата считаются основной причиной инвалидизации молодого населения [2].

Организация инклюзивного образования в современных образовательных учреждениях направлена на раннее выявление физических и психических особенностей обучающихся с ОВЗ и в соответствии с этим формирование доступной безбарьерной образовательной среды для каждого субъекта. Исследования в области инклюзии подчеркивают востребованность и актуальность этих процессов, они связаны с разработкой специализированных программ, научно-методического сопровождения и пр. [3–6]. Вместе с тем, если для системы общего образования в приоритете оказываются процессы общей адаптации и социализации, то для высшей школы доминантой выступает организация учебного процесса для обучающихся с инвалидностью и ОВЗ и, особенно с НОДА, с учетом имеющихся у них нозологий и программ подготовки по специальности. Несмотря на достаточно широкое распространение инклюзивного образования в высшей школе, вопросы адаптации, образовательной инклюзии и успеваемости в этой группе студентов остаются малоизученными в педагогической науке.

Социальной адаптацией студентов с инвалидностью и ОВЗ, согласно Э.К. Наберушкиной, является активная деятельность не только по освоению образовательной среды вуза, но и вовлеченности в ее конструирование [7]. Анализ педагогических проблем обучающихся с НОДА в образовательной среде вуза показал, что в своем большинстве у них отсутствуют опыт институционального обучения (школа, класс), взаимодействия в коллективе, с администрацией учреждений, навыки совместного обучения [8]. Одним из факторов, обеспечивающих социальную адаптацию этой группы в вузовской среде, их вовлечения в коллективную деятельность, приобретения навыков совместного творчества, согласно исследованиям, выступает групповое проектное обучение (далее – ГПО) [9, 10].

Углубленное изучение процессов социальной адаптации студентов с НОДА посредством изучения влияния этого метода позволит представить системно развитие их личности в образовательном пространстве вуза. Кроме того, выделение значимых характеристик процесса социальной адаптации, установление его этапности и организация педагогического сопровождения данной целевой группы могут рассматриваться в контексте педагогической науки как один из ключевых аспектов, обеспечивающих эффективное внедрение инклюзивного образования в университетах.

В рамках данного исследования решается проблема педагогической практики – подбор диагностического инструментария для оценки эффективности этапов педагогического сопровождения социальной адаптации студентов с НОДА в образовательной среде вуза, реализованного через форму группового проектного обучения.

Методология и методы исследования

Методологической основой статьи является теория педагогической поддержки и педагогического сопровождения, которые были разработаны в трудах выдающихся российских педагогов. Сам термин «педагогическая поддержка» был введен в научный оборот в 80-е гг. XX в. [11], но её основу заложили педагогические воззрения К.Д. Ушинского [12], Л.Н. Толстого

[13], П.П. Блонского [14], С.Т. Шацкого [15], В.А. Сухомлинского [16], которые были направленны на индивидуализацию образовательного процесса и свободное развитие личности учащегося. Большой вклад в исследования педагогической поддержки с точки зрения ее психологического обоснования внес Л.С. Выготский [17]. В научных трудах автор анализирует концептуальное положение о двух уровнях развития ребенка – актуальном, уже сформировавшемся, и потенциальном, связанном с зоной ближайшего развития, в рамках которого должно происходить сотрудничество между учителем и учеником.

Идеи педагогической поддержки в учебной деятельности далее разрабатывались в научных трудах Л.В. Занкова [18], Д.Б. Эльконина [19], В.В. Давыдова [20], В.Ф. Шаталова [21] и др., которые акцентировали внимание на изменении приоритетов образовательного процесса, то есть на направленности на личность обучающегося, реальном, а не декларативном представлении о нем как о субъекте самопознания и саморазвития.

В системе развивающего обучения Занкова педагогическая поддержка заключается в совместном преодолении учителя и ученика внешних воздействий при помощи индивидуальных возможностей учащегося. В своих исследованиях Л.В. Занков уделяет особое внимание индивидуализации учащегося, проявлению уважения к личности ученика, его духовному и эмоциональному воспитанию.

Основу опытно-экспериментальной работы данной статьи составил акмеологический подход, согласно которому выделяются и обосновываются этапы формирования личности, закономерности социально-психологической адаптации субъекта. Методами исследования стали теория социального конструирования, сравнительный анализ процессов педагогического сопровождения и социальной адаптации, метод фокус-групп (для анализа инклюзии в вузовской среде), наблюдение, методики исследования копинг-поведения, «Психологическая автобиография», «Социометрия», анкетирование, педагогический эксперимент.

Групповое проектное обучение – это метод социального проектирования, который основан на логико-структурном подходе и направлен на решение проблем конкретных групп в обществе. Общий процесс разработки проекта включает четыре фазы: 1) аналитическая (определение цели, ресурсов, анализ проблем и пр.); 2) планирование (разработка планирования мероприятий для решения целей проекта); 3) апробация проекта (воплощение мероприятий и методик на конкретных площадках, проверка теории на практике); 4) презентация проекта. Проектная группа студентов под руководством преподавателя коллегиально решает задачи и достигает цель: улучшение социальных систем, в том числе в области взаимоотношений в той или иной среде.

Опытно-экспериментальная база представленного исследования – Центр доступности образования Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (далее – ЦеДО). Исследование проводилось с 2020 по 2024 г., в нем приняли участие 193 студента с НОДА. Стоит отметить, что реализация педагогического эксперимента проходила в пандемию COVID-19, в связи с чем исследование было разделено на два периода. В ходе первого периода с 2020 по 2022 г. учебный процесс и внеучебная деятельность проводились онлайн, второй период с 2022 по 2024 г. проходил в очном формате.

Анализ литературы

Вопросы педагогического сопровождения социальной адаптации студентов с НОДА в образовательной среде вуза рассмотрены в психолого-педагогической литературе. Понятие «педагогическое сопровождение» появилось в научных трудах по педагогике в 90-е гг. XX в. и рассматривается как субъект-субъектный характер отношений между преподавателем и учеником, направленный на социализацию и развитие личности обучающегося [10]. Большинство исследователей в основе педагогического сопровождения рассматривают педагогическую поддержку, которая трактуется как особый вид педагогической деятельности, направленный на сохранение, развитие и интеграцию всего, что может дать общее и профессиональное образование. В литературе определены этапы педагогической поддержки как особой педагогической деятельности:

– первый этап – совместное обсуждение проблем обучающегося;

– второй этап – выявление способов преодоления возникших проблем обучающегося;

– третий этап – проектирование деятельности по преодолению проблемы доступными средствами [22].

Исследователи делают акцент на том, что основной задачей педагогической поддержки является помощь педагога в развитии самоактуализации и самопознания обучающегося для преодоления проблем. В рамках выстраивания коммуникаций между преподавателем и обучающимися педагогическая поддержка выступает как процесс, в ходе которого происходит совместное определение интересов обучающегося, его потребностей и целевых установок, а также выявление проблем и путей их преодоления. Учёные отмечают, что в рамках реализации педагогической поддержки преподаватель должен корректировать образовательную деятельность с целью предупреждения и предотвращения негативного влияния факторов образовательной среды на ценностные ориентиры обучающегося.

В системе обучения Эльконина–Давыдова учащийся должен принимать активное участие в образовательном процессе, в свою очередь учитель выступает в роли помощника, который координирует и направляет. В рамках данной системы обучения педагогическая поддержка направленна на саморазвитие учащегося, актуализацию его способностей. В целом педагогическая поддержка определяется как тип взаимодействия педагога и обучающегося в контексте индивидуализации обучения.

На основании проведенного исследования можно предполагать, что педагогическое сопровождение призвано осуществлять поддержку процессов, связанных с развитием личности и субъектности учащегося, и

включает различные формы его педагогической поддержки.

В психолого-педагогической литературе рассматриваются вопросы педагогического сопровождения социально-профессиональной адаптации учащихся. Оно направлено на содействие в выявлении профессиональных интересов и склонностей, определение реальных возможностей в овладении выбранной профессией или специальностью, построение профессиональных перспектив, вхождение в новый учебный и трудовой коллективы, на закрепляемость выпускников на производстве [23]. В своих исследованиях И.А. Пашнина подчеркивает, что педагогическое сопровождение носит комплексный характер, где основным является взаимодействие учащегося и преподавателя, направленное на развитие личности студента [24].

Социально-педагогическое сопровождение развития безопасности и жизнедеятельности обучающихся учреждений среднего-профессионального образования рассматривает Н.В. Савицкая. Автор отмечает, что в основе социально-педагогического сопровождения выступает система педагогического взаимодействия, включающая социальные институты учебных заведений, социальные проекты и программы развития обучающихся, управление воспитательным потенциалом общества в разрешении проблем социализации обучающихся [25].

Педагогическое сопровождение адаптации студентов в учебной группе, согласно Е.А. Салахутдиновой, – это целенаправленная деятельность всех субъектов педагогического процесса (педагогов, кураторов, старшекурсников и ближайшего социального окружения студента), направленная на: содействие в обретении студентом позиции субъекта внутригрупповых отношений; его ориентацию в системе социальных отношений в вузе; организацию взаимодействия с сокурсниками и преподавателями в образовательном процессе и внеаудиторной деятельности [25]. В научных трудах Г.И. Симоновой педагогическое сопровождение социальной адаптации учащихся рассматривается, в первую очередь, как процесс организации адаптации личности в социуме, где учащимся приходится осваивать достаточно много новых социальных сред (среда образовательного учреждения, неформального общения) и соответствующих социальных ролей (ученика, друга, одногруппника и т.д.) [26]. Э.Ф. Насырова и Ю.С. Рыбальченко в исследовании педагогического сопровождения социальной адаптации студентов средствами внеучебной деятельности обосновывают поэтапность работы, как одно из главных педагогических условий эффективной социальной адаптации студентов в вузе и их педагогического сопровождения. Авторами выделено пять этапов:

– первый этап «Подготовительный», в рамках которого происходит разработка мероприятий по социальной адаптации студентов в вузе, их согласование с администрацией вуза;

– второй этап «Диагностический» направлен на выявление индивидуальных и типологических особенностей студентов (проявление образовательных, спортивных, досуговых запросов и потребностей, а также обнаружение возможных проблематичных зон);

– третий этап «Вводный», в ходе данного этапа осуществляется введение студентов в нормы и правила жизни учебного заведения, стимулирование активной учебной жизни студентов, проводится мониторинг с целью выявления эмоционального самочувствия студентов;

– четвертый этап «Основной» включает в себя оказание психолого-педагогической поддержки студентам для решения возникающих трудностей путем организации «телефона доверия» и проведения разнообразных семинаров и консультаций как для кураторов, так и для преподавателей, а также индивидуальных и групповых занятий.

– пятый этап «Итоговый» предполагает проведение анкетирования студентов; внесение коррективов в педагогическое сопровождение социальной адаптации [27].

Таким образом, анализ публикаций позволяет определить педагогическое сопровождение как организационный процесс, основанный на взаимодействии разных субъектов образовательной среды. В отличие от педагогической поддержки, рассматриваемой как особый тип непосредственного взаимодействия педагога и обучаемого, педагогическое сопровождение призвано обеспечивать актуальные процессы, происходящие с личностью обучаемого в образовательной среде. Этот процесс осуществляется поэтапно, в соответствии с особенностями нозологии и подготовки сопровождаемого студента. Целью данной статьи является изучение педагогического сопровождения и адаптации студентов с НОДА в образовательной среде на примере ТУСУРа.

Результаты и их обсуждение

Для проведения исследования по педагогическому сопровождению социальной адаптации студентов с НОДА в образовательной среде вуза необходимо рассмотреть соотношение между процессами педагогической поддержки и социальной адаптации (табл. 1). Содержание указанных процессов раскрывается через следующие характеристики: цель процесса, содержание и основной результат деятельности. В табл. 1 обозначена цель педагогического сопровождения – *саморазвитие учащегося и актуализация его способностей*. В качестве содержания обращено внимание на *организацию взаимодействий для достижения целей и решения проблем сопровождения*. Основной результат должен заключаться в *духовном и эмоциональном воспитании и, соответственно, личностном росте.* Критериями в социальной адаптации субъекта, в свою очередь, выступают: 1) приобретение новых навыков и личностных качеств студента; 2) освоение и конструирование правил и норм совместной деятельности; 3) ориентации студента в системе социальных отношений в вузе.

Таким образом, соотношение данных процессов применительно к группе студентов с НОДА на практике должно способствовать росту их самостоятельности на основе формирования личных связей в академических

группах, выработке чувства ответственности за решение общих задач и формированию позитивной атмосферы в коллективе. Кроме того, в личностном плане у студентов, принимающих участие в коллективных проектах и мероприятиях, возрастает самооценка, они преодолевают коммуникативные барьеры и таким образом адаптируются и в деятельности, и в коммуникации, а это является основой их личностных успехов.

Таблица 1

Соотношение процессов педагогического сопровождения и социальной адаптации

Характеристики процесса	Педагогическое сопровождение	Социальная адаптация
Цель	Саморазвитие обучающегося, актуализация и реализация его способностей в образовательной среде вуза	Формирование новых навыков и развитие личностных качеств студента в образовательной среде вуза
Содержание деятельности	Организация взаимодействия разных субъектов образовательной среды для достижения целей и решения проблем образовательной деятельности обучаемого	Взаимодействие разных субъектов образовательной среды, направленное на освоение и конструирование обучающимися правил и норм совместной деятельности
Основной результат деятельности	Развитие индивидуальных особенностей обучающихся, его духовное и эмоциональное воспитание	Ориентации студента в системе социальных отношений в вузе

Практика показывает, что на начальном этапе вузовской адаптации в течение I–II семестров у студентов складываются новые представления в отношении образовательного процесса: деление учебного года на семестры, периоды сдачи экзаменов – сессии, и они приступают к научно-исследовательской деятельности. Это влечет за собой изменения самооценки студентов и их притязаний. На последующих этапах у студентов происходят профессионализация и понимание акмеологического подхода, которые выражаются в росте их компетенций.

Достижения студентов на каждом этапе, включая студентов с НОДА, позволяют определить эффективность педагогического сопровождения в определенный временной период, во время которого у них происходят личностные изменения, влияющие на их самооценку, и на представления об обучении в целом, взаимодействии с преподавателями и одногруппниками.

В теории педагогического сопровождения обучающихся значительную роль играет выделение этапов социальной адаптации, что показывает их взаимозависимость и эффективность (табл. 2). По содержанию это показывает соотношение целей и задач социальной адаптации студентов с НОДА, методы диагностики, формы и результаты их педагогического сопровождения. По мнению авторов, данный процесс имеет три этапа. В рамках первого этапа целью социальной адаптации является выявление проблем социальной адаптации данной целевой группы. В качестве задач этапа выступают:

1) интеграция в образовательную среду вуза;

2) диагностика навыков учебной деятельности.

В ходе реализации первой задачи наиболее целесообразными формами педагогического сопровождения являются знакомство с инфраструктурной средой вуза, ее доступностью для данной категории; проведение бесед (лекций/семинаров) с целью информирования студентов относительно специальных условий обучения и т.д. Диагностика навыков проводится в течении первого года обучения. Результаты первого этапа педагогического сопровождения социальной адаптации студентов с НОДА характеризуются через критерии – успеваемость студентов с НОДА, где показателями выступают удовлетворенность обучением в вузе, высокая мотивационная активность, сдача зачётов и экзаменов в установленные сроки.

На втором этапе целью социальной адаптации является развитие у них навыков взаимодействия с разными субъектами образовательной среды вуза. Особое значение имеют вовлечение студентов с НОДА в конструирование образовательной среды посредством группового проектного обучения и психологическая поддержка студентов с НОДА.

Для реализации задач предусматриваются лекции и семинары, групповое проектное обучение. Методами диагностики первой задачи выступают фокус-группы, по второй задаче – консультации психолога, наблюдение. Критериями развития эффективных коммуникаций в студенческой среде выступают: инициативы студентов по внесению тем для обсуждения; совместное проведение мероприятий студентами с инвалидностью и нормотипичными студентами; разработка и реализация социального проекта; достижение запланированных результатов; повышение эмпатии в студенческой группе.

В ходе реализации третьего этапа целью социальной адаптации является формирование навыков самопознания и саморазвития, способствующих преодолению проблем социальной адаптации, а задачами выступают: педагогическая поддержка данных студентов; психологическая поддержка; диагностика формирования навыков образовательной деятельности студентов с НОДА. В рамках реализации первой задачи формами педагогического сопровождения студентов данной группы являются лекции и семинары для подготовки их к процедуре защиты проектов ГПО, а также к защите выпускных квалификационных работ. Методами диагностики данной задачи выступают фокус-группы. Для решения второй задачи, формами педагогического сопровождения являются консультации психолога; диагностика – наблюдение. Реализация третьей задачи требует проведения треннингов, диагностики, социометрического исследования, анализа копинг-поведения, анкетирования. Результаты третьего этапа характеризуются через критерии – автономность студентов с НОДА, где показателями являются: повышение психологической устойчивости; сокращение количества обращений за поддержкой в решении возникающих в образовании проблем; самостоятельное проведение мероприятий.

Таблица 2

Этапы педагогического сопровождения социальной адаптации студентов с НОДА в образовательной среде вуза

Первый этап. Погружение студентов с НОДА в образовательную среду вуза					
Социальная адаптация студентов с НОДА		Педагогическое сопровождение студентов с НОДА	Результаты педагогического сопровождения социальной адаптации студентов с НОДА		Методы диагностики
Цель	Задачи	Формы	Критерии	Показатели	
Выявить проблемы социальной адаптации студентов с НОДА в образовательной среде вуза	1. Интеграция студентов с НОДА в образовательную среду вуза	1. Беседы/экскурсии для студентов с НОДА с целью ознакомления их с архитектурной доступностью вуза. 2. Лекции/семинары, целью которых является информирование студентов с НОДА об условиях обучения в вузе, правилах поведения, предстоящей деятельности	1. Успеваемость студентов с НОДА	1.1. Удовлетворенность обучением в вузе 1.2. Высокая мотивационная активность (активная работа на практических занятиях) 1.3. Сдача зачётов и экзаменов в установленные сроки	1. Метод фокус-групп 2. Наблюдение
	2. Диагностика навыков учебной деятельности студентов с НОДА	1. Тренинги. 2. Консультации психолога			1. Методика исследования копинг-поведения 2. Методика «Психологическая автобиография»
Второй этап. Вовлечение студентов с НОДА в конструирование образовательной среды					
Развитие навыков взаимодействия студентов с НОДА с разными субъектами образовательной среды вуза	1. Вовлечение студентов с НОДА в процесс конструирования образовательной среды посредством группового проектного обучения	1. Лекции/семинары, целью которых является знакомство студентов с групповым проектным обучением (ГПО) 2. Семинары ГПО	1. Развитие эффективных коммуникаций в студенческой группе	1.1. Инициирование студентами с НОДА тем социальных проектов ГПО, целью которых является изменение образовательной среды. 1.2. Совместное проведение мероприятий. 1.3. Разработка и реализация социального проекта. 1.4. Высокий уровень эмпатии в студенческой группе	1. Метод фокус-групп
	2. Психологическая поддержка студентов с НОДА	1. Консультации психолога			1. Наблюдение
Третий этап. Анализ результатов педагогического сопровождения социальной адаптации студентов с НОДА в образовательной среде вуза					
Формирование навыков самопознания и саморазвития, способствующих преодолению проблем социальной адаптации студентов с НОДА	1. Педагогическая поддержка студентов с НОДА	1. Лекции/семинары, целью которых является подготовка студентов с НОДА к процедуре защиты проектов ГПО; подготовка студентов с НОДА к защите выпускных квалификационных работ	1. Автономность студентов с НОДА	1.1. Повышение психологической устойчивости. 1.2. Сокращение количества обращений за поддержкой в решении возникающих в образовании проблем. 1.3. Самостоятельное проведение мероприятий	1. Метод фокус-групп
	2. Психологическая поддержка.	1. Консультации психолога			1. Наблюдение
	3. Диагностика навыков образовательной деятельности студентов с НОДА	1. Тренинги			1. Методика исследования копинг-поведения. 2. Методика «Социометрия». 3. Анкетирование

Таким образом, в ходе реализации первого этапа выявляются и структурируются проблемы, с которыми студенты данной группы сталкиваются в начале своего обучения, поэтому устанавливаются горизонтальные связи между профессорско-преподавательским составом и административными службами (деканатами) для их педагогического сопровождения и адаптации. Это приводит к повышению мотивационной активности студентов с НОДА и способствует поддержанию ее на высоком уровне.

Эффективной формой анализа взаимоотношений в академической группе или на курсе являются фокус-группы, так как крайне важным становится обсуждение тем и вопросов, которые волнуют студенческую

группу и студентов с НОДА. Прием «Психологическая автобиография» позволяет выявить и оценить ситуационные особенности образовательной и учебной деятельности студентов с НОДА, определить их восприятие и переживание. В течение всего периода кураторам рекомендуется вести дневник наблюдений в свободной форме, где нужно фиксировать результаты успеваемости студентов с НОДА, проблемы в обучении, решение разных проблемных ситуаций и пр. Это необходимо для накопления информации в рамках сопроводительного процесса.

В рамках второго этапа происходит формирование навыков выстраивания коммуникаций между студентами с НОДА и нормотипичными студентами группы, преподавателями и администрацией вуза посредством работы в ГПО. Инициирование студентами НОДА тем социальных проектов ГПО способствует конструированию образовательного пространства. В процессе реализации проекта все участники становятся единомышленниками и формируют особую среду своей деятельности.

Одним из определяющих условий для успеха проекта является психологическая совместимость, дух доверия и товарищества. Это выступает основой в формировании коммуникаций в группе, так как в ходе проектной деятельности происходят выработка и принятие согласованных решений. Необходимым является проведение диагностики с целью выявления реакции студентов с НОДА на происходящие события (как положительные, так и отрицательные) и их способности самостоятельно справляться с ними. Проведение фокус-групп дает понимание, насколько доверительны отношения студентов с НОДА со студентами проектной группы. Наблюдение проводится в свободном заполнении дневника, в котором фиксируется весь процесс выстраивания коммуникаций в ГПО.

В ходе третьего этапа студенты с НОДА становятся автономными, если у них возникают проблемы, то они способны их преодолеть самостоятельно. В рамках диагностики необходимо проведение наблюдения за количеством обращений, связанных с просьбой о поддержке при возникновении трудностей. Методика исследования копинг-поведения способствует выявлению психологической устойчивости студентов с НОДА в рамках подготовки выпускной квалификационной работы. Применение методики «Социометрия» дает понимание, насколько доверительны отношения студентов с НОДА со студентами группы. Проведение анкетирования позволяет определить наличие либо отсутствие трудностей у студентов с НОДА.

Обоснование эффективности содержания этапов педагогического сопровождения социальной адаптации студентов с НОДА в образовательной среде вуза включает исследование проблем их взаимодействия с основными субъектами обучения (студентами, преподавателями, представителями социально-административной среды).

ГПО является такой технологией социальной адаптации, которое обеспечивает включение этих студентов в разработку совместных социальных проектов, направленных на конструирование образовательной среды.

Данное исследование подтверждается педагогическим экспериментом, который проходил на базе Центра доступности образования Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, который на протяжении многих лет занимается сопровождением социальной адаптации студентов с инвалидностью и ОВЗ, реализацией социальных проектов федерального, регионального и муниципального уровня [28]. Согласно Положению ЦеДО, в качестве основных функций работы выделены: нравственно-гуманистическая, информационная, социо-интегративная, рекламно-пропагандистская функции, социально-психологическое сопровождение. В рамках работы со студентами с инвалидностью и ОВЗ самыми востребованными формами являются организационно-методическая, психолого-педагогическая, социокультурная. Важнейшим направлением в работе ЦеДО было формирование позитивной атмосферы в академических группах и уважительного отношения студентов друг к другу.

Исследование проводилось с 2020 по 2024 г. и было разделено на два периода в связи с пандемией COVID-19. В период с 2020 по 2022 г. в вуз на первый курс обучения было зачислено 104 студента с НОДА, из которых на очном отделении обучалось 17 человек, в очно-заочной форме – 22 студента, на заочном отделении – 71 студент. В этот период разработкой и реализацией различных проектов занимались всего 6 групп ГПО, в которых обучались 37 студентов, в том числе в проектные группы были включены 12 студентов с НОДА. Стоит отметить, что в 2020–2022 гг. весь учебный процесс проходил в онлайн формате. Данные обстоятельства способствовали снижению мотивации у всех студентов (включая студентов с НОДА и нормотипичных студентов), в первую очередь это проявлялось в снижении интереса к учебным дисциплинам. В связи с этим ЦеДО реорганизовал свою деятельность: во-первых, со студентами, имеющими инвалидность и поступившими на I курс, в онлайн-режиме прошло несколько собеседований по вопросам социально-бытового устройства в общежитиях и преодолению коммуникативных барьеров; во-вторых, со студентами проектных групп в свободное от учебного процесса время проводились онлайн-кинолектории, в которых шел просмотр фильмов, отражавших социальнозначимые проблемы, связанные с адаптацией людей с инвалидностью. В ходе кинолектория проходило совместное обсуждение сюжетов фильма с использованием социальных сетей, в рамках которых студенты с НОДА и нормотипичные студенты высказывали свои суждения и мнения. Исследование, проводимое в данный период, показало, что большая часть студентов с НОДА не испытывала трудности в обучении и в выстраивании коммуникаций. Это отображено в следующих результатах:

– наблюдение (99%);
– метод фокус-групп (71%);
– методика исследования копинг-поведения (68%);

– методика «Психологическая автобиография» (74%).

Вышеуказанные показатели объясняются тем, что в онлайн формате по объективным причинам снижались требования к обучению. В это время произошло также снижение активности проектных групп.

В период проведения исследования с 2023 по 2024 г. учебный процесс проходил в очном формате, в связи с чем в группах у всех студентов возникли психологические проблемы. Это было связанно с тем, что в процессе очного обучения возросли требования и нужны были большие усилия в учебном процессе. Особенно данные обстоятельства отразились на студентах с НОДА, так как они были «закрыты» в общении с нормотипичными студентами и преподавателями. Следует отметить, что в очном формате обучения не все нормотипичные студенты готовы были взаимодействовать со студентами с НОДА. Данные проблемы были разрешены в ходе работы студентов в ГПО. Совместная деятельность, направленная на реализацию проекта, способствовала снятию психологических барьеров и обретению новых навыков деятельности, что подтверждают следующие показатели:

– метод фокус-групп (53%);
– наблюдение (42%);
– методика исследования копинг-поведения (56%);
– методика «Социометрия» (37%);
– анкетирование (63%).

В 2023–2024 гг. в вуз было зачислено 89 студентов с НОДА, в том числе 18 студентов обучались на очном отделении, 33 человека – в очно-заочной форме, 38 студентов – заочно. В ходе исследования большая часть студентов с НОДА (58%) проявили желание просто быть участниками мероприятий в ЦеДО и не принимать участия в ГПО. В это время проводили свою деятельность проектные группы на технических факультетах (ФСУ, ФВС, ФБ), численность каждой из которых зависела от избранной тематики, в их работе принимали участие 5 студентов с НОДА, которые успешно завершили обучение по тематике проектных групп защитами ВКР. В целом для студентов с НОДА было характерно желание быть вовлеченными в коллективы академических групп, стремление реализовать свои способности, чтобы приобрести необходимые навыки и компетентности, что подтверждают следующие показатели:

– наблюдение (71%);
– метод фокус-групп (56%);
– методика исследования копинг-поведения (63%);
– методика «Психологическая автобиография» (71%).

В рамках проведения исследования педагогическое сопровождение социальной адаптации студентов с НОДА в образовательной среде вуза было разноуровневым в зависимости от особенностей студентов с НОДА. Многие из них, имея право использовать особые условия обучения, согласно ст. 79 ФЗ от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об образовании в Российской Федерации» [29], отказывались от них, так как были полностью автономны. Но данный факт имел и отрицательный характер: отсутствие обращений за помощью в рамках обучения, что в дальнейшем способствовало образованию большого количества долгов по дисциплинам.

Заключение

Таким образом, «педагогическое сопровождение социальной адаптации студентов с НОДА» как специально организованная деятельность в системе «вуз – группа – студент с НОДА – нормотипичный студент» направлена на самопознание и саморазвитие обучающихся, актуализацию их способностей в образовательной среде вуза. В ходе процесса сопровождения необходимо обращать внимание и выделять методы диагностики, этапы педагогического сопровождения социальной адаптации студентов с НОДА, их содержание, формы, результаты. Определены критерии и показатели педагогического сопровождения социальной адаптации студентов с НОДА, которые способствуют развитию субъектности данных студентов. На основании полученных эмпирических данных можно сделать вывод о том, что планирование и выделение этапов социальной адаптации студентов с НОДА является важной составляющей образовательной среды вуза, так как на каждом этапе у студентов происходят личностные изменения, которые влияют на их самооценку, представления об обучении в университете. Преимуществами группового проектного обучения выступают совместное творчество, взаимная помощь в решении общих проблем, коллективизм и поддержка. Использование группового проектного обучения как организационной формы педагогического сопровождения, в рамках которого происходит разработка и реализация социального проекта, способствует развитию всей проектной группы и каждого обучающегося индивидуально, снимает внутренние барьеры в общении студентов с НОДА и нормотипичных студентов, способствует формированию навыков самопознания и саморазвития.

Список источников

1. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13964 (дата обращения: 25.09.2025).
2. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/36 (дата обращения: 25.09.2025).
3. Наберушкина Э.К. Социологический обзор современных тенденций в системе образования // Человек. Инклюзия. Общество. 2021. № 1 (45). С. 16–19.
4. Денисова О.А., Леханова О.Л., Поникарова В.Н., Гудина Т.В. Особенности подготовки педагогических кадров, осуществляющих инклюзивную практику // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 4. С. 222–231.
5. Абакумова Н.Н., Елизаров М.Ю., Куц С.В. Разработка и реализация адаптированных программ в ДЮСШ для обучающихся с РАС // Инновационные направления интеграции науки, образования и производства : сб. тезисов докладов участников научно-практической конференции. Керчь : ФГБОУ ВО «КГМТУ», 2020. С. 636–638. URL: http://www.kgmtu.ru/documents/nauka/Sbornik_Tezisov_May_Kerch.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

6. Абакумова Н.Н., Милованова А.Н. Проектирование поддерживающей технологии для родителей детей с расстройствами аутистического спектра в области эмоционального интеллекта // Третья зимняя школа по гуманитарной информатике. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019. С. 172–178.
7. Наберушкина Э.К. Ориентиры развития инклюзии в пространстве высшей школы // Человек. Общество. Инклюзия. 2017. № 4 (32). С. 18–27.
8. Белокопытова К.М., Шлюбуль Е.Ю., Гучетль Э.М. Исследование трудностей студентов с нарушением опорно-двигательного аппарата в образовательном процессе вуза // Гуманитарные науки. 2024. № 4. С. 87–93.
9. Шульмин М.П., Берсенев М.В., Зиновьева В.И. Теоретико-методологические основы формирования инклюзивного образовательного пространства вуза. Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та систем управления и радиоэлектроники, 2020. 123 с.
10. Берсенев М.В., Бохонец О.А., Грик Н.А., Ким М.Ю., Радченко О.Е., Шульмин М.П., Егоров П.Р. Сопровождение социальной адаптации студентов с ограниченными возможностями здоровья в техническом вузе / под ред. проф. Н.А. Грика. Томск : Томск. гос. ун-т систем упр. и радиоэлектроники, 2011. 236 с.
11. Газман О.С. Педагогика свободы: путь в гуманистическую цивилизацию XXI века // Новые ценности образования. Вып. 6: Забота, поддержка, консультирование (сборник посвящается Олегу Семёновичу Газману и его основным идеям – свободе ребёнка и педагогической поддержке). М., 1996. С. 10–38.
12. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Т. 1. СПб. : Лань, 2013. 371 с.
13. Толстой Л.Н. Воспитание в свободе : избранные педагогические статьи / авторы вступ. статьи и сост. М.В. Богуславский, К.Е. Сумнительный. М. : Карапуз, 2005. 240 с.
14. Уткин А.В. Исследователь исключительного дарования: к юбилею П.П. Блонского (1884–1941) // Историко-педагогический журнал. 2019. № 3. С. 16–23.
15. Педагогика среды как научное направление и его учёт в практике : материалы Всероссийских социально-педагогических чтений, посвященных 135-летию Станислава Теофиловича Шацкого, 2–3 октября 2013 года / под ред. Л.В. Мардахаева. М. : Перспектива, 2013. 146 с.
16. Педагогика В.А. Сухомлинского и современное образовательное пространство дополнительного образования детей : материалы республиканских педагогических чтений / под науч. ред. Г.Е. Соловьева, Н.В. Корзниковой. Ижевск : АОУ ДПО УР «Институт развития образования», 2018. 93 с.
17. Выготский Л.С. Педагогическая психология. М. : Работник просвещения, 1926. URL: https://psychlib.ru/mgppu/VPp-1926/VPp-348.htm#$p1 (дата обращения: 01.08.2025).
18. Новое время – новая дидактика: Педагогические идеи Л.В. Занкова и школьная практика / сост. М.В. Зверева, Р.Г. Чуракова. М., 2011. 32 с.
19. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М. : Педагогика, 1989. 560 с. URL: https://psychlib.ru/mgppu/eit/EIT-001-.HTM#$p1 (дата обращения: 25.09.2025).
20. Давыдов В.В. Лекции по педагогической психологии : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по пед. специальностям. М. : Академия, 2006. 222 с.
21. Шаталов В.Ф. Сквозь призму сердца. М. : ГУП ЦРП «Москва – СанктПетербург», 2002. 52 с.
22. Иванова И.В. Педагогическая поддержка как современная образовательная практика // Педагогическое образование в России. 2015. № 12. С. 108–112.
23. Инновационные педагогические технологии и стратегии в высшем профессиональном образовании : коллективная монография / под общ. ред. Г.И. Давыдовой. Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2022. 224 с.
24. Пашнина И.А. Педагогическое сопровождение социально-профессиональной адаптации учащихся: На материалах учреждений начального и среднего профессионального образования : дис. … канд. пед. наук. М., 2004. 203 с.
25. Савицкая Н.В. Социально-педагогическое сопровождение развития безопасности и жизнедеятельности обучающихся учреждений среднего профессионального образования : дис. … канд. пед. наук. М., 2013. 253 с.
26. Симонова Г.И. Педагогическое сопровождение социальной адаптации учащихся образовательных учреждений: теория и практика : дис. … д-ра пед. наук. Киров, 2006. 425 с.
27. Насырова Э.Ф., Рыбальченко Ю.С. Педагогическое сопровождение социальной адаптации студентов средствами внеучебной деятельности на примере БУ ВО «Сургутский государственный университет» // Гуманитарные исследования Центральной России. 2024. № 3 (32). С. 59–64.
28. Центр доступности образования // Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники. URL: https://tusur.ru/ru/o-tusure/struktura-i-organy-upravleniya/sluzhby-prorektora-po-molodyozhnoy-politike-i-vospitatelnoy-deyatelnosti/upravlenie-po-sotsialnym-voprosam/tsentr-soprovozhdeniya-studentov-s-invalidnostyu (дата обращения: 25.09.2025).
29. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об образовании в Российской Федерации» // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/6c54646c803424bc1fff4634c4e925d90c4affec/ (дата обращения: 25.09.2025).

References

1. *Federal State Statistics Service of Russia (Rosstat)*. (2025) [Online] Available from: https://rosstat.gov.ru/folder/13964 (Accessed: 25.09.2025). (In Russian).
2. *Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation (Mintrud).* (2025) [Online] Available from: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/36 (Accessed: 25.09.2025). (In Russian).
3. Naberushkina, E.K. (2021) Sotsiologicheskiy obzor sovremennykh tendentsiy v sisteme obrazovaniya [Sociological review of current trends in the education system]. *Chelovek. Inklyuziya. Obshchestvo*. 1 (45). pp. 16–19.
4. Denisova, O.A. et al. (2020) Osobennosti podgotovki pedagogicheskikh kadrov, osushchestvlyayushchikh inklyuzivnuyu praktiku [Specifics of training pedagogical personnel implementing inclusive practices]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4. pp. 222–231.
5. Abakumova, N.N., Yelizarov, M.Yu. & Kuts, S.V. (2020) [Development and implementation of adapted programs in children's and youth sports schools for students with ASD]. *Innovatsionnyye napravleniya integratsii nauki, obrazovaniya i proizvodstva* [Innovative directions of integration of science, education and production]. Proceedings of the Conference. Kerch. 14–17 May 2020. Kerch: Kerch State Marine Technology University. pp. 636–638. [Online] Available from: http://www.kgmtu.ru/documents/nauka/Sbornik_Tezisov_May_Kerch.pdf (Accessed: 01.08.2025). (In Russian).
6. Abakumova, N.N. & Milovanova, A.N. (2019) Proyektirovaniye podderzhivayushchey tekhnologii dlya roditeley detey s rasstroystvami autisticheskogo spektra v oblasti emotsional'nogo intellekta [Design of supporting technology for parents of children with autism spectrum disorders in the field of emotional intelligence]. In: *Tret'ya zimnyaya shkola po gumanitarnoy informatike* [Third winter school on humanitarian informatics]. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University. pp. 172–178.
7. Naberushkina, E.K. (2017) Oriyentiry razvitiya inklyuzii v prostranstve vysshey shkoly [Benchmarks for the development of inclusion in higher education]. C*helovek. Obshchestvo. Inklyuziya*. 4 (32). pp. 18–27.
8. Belokopytova, K.M., Shlyubul', E.Yu. & Guchetl', E.M. (2024) Issledovaniye trudnostey studentov s narusheniyem oporno-dvigatel'nogo apparata v obrazovatel'nom protsesse vuza [A study of the difficulties of students with musculoskeletal disabilities in the university educational process]. *Gumanitarnyye nauki.* 4. pp. 87–93.

9. Shul'min, M.P., Bersenev, M.V. & Zinov'yeva, V.I. (2020) *Teoretiko-metodologicheskiye osnovy formirovaniya inklyuzivnogo obrazovatel'nogo prostranstva vuza* [Theoretical and Methodological Foundations of Developing an Inclusive Educational Space at a University]. Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.
10. Bersenev, M.V. et al. (2011) *Soprovozhdeniye sotsial'noy adaptatsii studentov s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya v tekhnicheskom vuze* [Supporting the social adaptation of students with disabilities at a technical university]. Tomsk: Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.
11. Gazman, O.S. (1996) Pedagogika svobody: put' v gumanisticheskuyu tsivilizatsiyu XXI veka [Pedagogy of freedom: the path to a humanistic civilization of the 21st century]. In: *Novyye tsennosti obrazovaniya* [New Values of Education]. Vol. 6. Moscow: [s.n.]. pp. 10–38.
12. Ushinskiy, K.D. (2013) *Chelovek kak predmet vospitaniya. Opyt pedagogicheskoy antropologii* [Man as a Subject of Education. Experience of Pedagogical Anthropology]. Vol. 1. Saint Petersburg: Lan'.
13. Tolstoy, L.N. (2005) *Vospitaniye v svobode: izbrannyye pedagogicheskiye stat'i* [Education in Freedom: Selected pedagogical articles]. Moscow: Karapuz.
14. Utkin, A.V. (2019) Issledovatel' isklyuchitel'nogo darovaniya: k yubileyu P.P. Blonskogo (1884–1941) [Researcher of exceptional talent: on the anniversary of P.P. Blonsky (1884–1941)]. *Istoriko-pedagogicheskiy zhurnal*. 3. pp. 16–23.
15. Mardakhayev, L.V. (ed.) (2013) *Pedagogika sredy kak nauchnoye napravleniye i yego uchet v praktike* [Pedagogy of the Environment as a Scientific Field and Its Application in Practice]. Proceeding of the All-Russian Social and Pedagogical Readings Dedicated to the 135th Anniversary of Stanislav Teofilovich Shatsky. Obninsk. 2–3 October 2013. Moscow: Perspektiva.
16. Solov'yeva, G.E. & Korznikova, N.V. (eds) (2018) *Pedagogika V.A. Sukhomlinskogo i sovremennoye obrazovatel'noye prostranstvo dopolnitel'nogo obrazovaniya detey* [V.A. Sukhomlinsky's Pedagogy and the Modern Educational Space of Children's Supplementary Education]. Proceedings of the Republican Pedagogical Readings. Izhevsk. 7 November 2018. Izhevsk: AOU DPO UR "Institut razvitiya obrazovaniya".
17. Vygotskiy, L.S. (1926) *Pedagogicheskaya psikhologiya* [Pedagogical Psychology]. Moscow: Rabotnik prosveshcheniya. [Online] Available from: https://psychlib.ru/mgppu/VPp-1926/VPp-348.htm#$p1 (Accessed: 01.08.2025).
18. Zvereva, M.V. & Churakova, R.G. (eds) (2011) *Novoye vremya – novaya didaktika: Pedagogicheskiye idei L. V. Zankova i shkol'naya praktika* [New Time – New Didactics: Pedagogical Ideas of L.V. Zankov and School Practice]. Moscow: Korporatsiya Fedorov.
19. El'konin, D.B. (1989) *Izbrannyye psikhologicheskiye trudy* [Selected Psychological Works]. Moscow: Pedagogika. [Online] Available from: https://psychlib.ru/mgppu/eit/EIT-001-.HTM#$p1 (Accessed: 25.09.2025).
20. Davydov, V.V. (2006) *Lektsii po pedagogicheskoy psikhologii* [Lectures on Educational Psychology]. Moscow: Akademiya.
21. Shatalov, V.F. (2002) *Skvoz' prizmu serdtsa* [Through the Prism of the Heart]. Moscow: GUP TSRP "Moskva – SanktPeterburg".
22. Ivanova, I.V. (2015) Pedagogicheskaya podderzhka kak sovremennaya obrazovatel'naya praktika [Pedagogical support as a modern educational practice]. *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii*. 12. pp. 108–112.
23. Davydova, G.I. (ed.) (2022) *Innovatsionnyye pedagogicheskiye tekhnologii i strategii v vysshem professional'nom obrazovanii* [Innovative Pedagogical Technologies and Strategies in Higher Professional Education]. Simferopol: IT "ARIAL".
24. Pashnina, I.A. (2004) *Pedagogicheskoye soprovozhdeniye sotsial'no-professional'noy adaptatsii uchashchikhsya: Na materialakh uchrezhdeniy nachal'nogo i srednego professional'nogo obrazovaniya* [Pedagogical support for the social and professional adaptation of students: based on the materials of primary and secondary vocational education institutions]. Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
25. Savitskaya, N.V. (2013) *Sotsial'no-pedagogicheskoye soprovozhdeniye razvitiya bezopasnosti i zhiznedeyatel'nosti obuchayushchikhsya uchrezhdeniy srednego professional'nogo obrazovaniya* [Social and pedagogical support for the development of safety and life activity of students in secondary vocational education institutions]. Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
26. Simonova, G.I. (2006) *Pedagogicheskoye soprovozhdeniye sotsial'noy adaptatsii uchashchikhsya obrazovatel'nykh uchrezhdeniy: teoriya i praktika* [Pedagogical support for the social adaptation of students in educational institutions: theory and practice]. Pedagogy Dr. Diss. Kirov.
27. Nasyrova, E.F. & Rybal'chenko, Yu.S. (2024) Pedagogicheskoye soprovozhdeniye sotsial'noy adaptatsii studentov sredstvami vneuchebnoy deyatel'nosti na primere BU VO "Surgutskiy gosudarstvennyy universitet" [Pedagogical support for students' social adaptation through extracurricular activities: the case of the Surgut State University]. *Gumanitarnyye issledovaniya Tsentral'noy Rossii*. 3 (32). pp. 59–64.
28. Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics. (2025) Tsentr dostupnosti obrazovaniya [Center for Education Accessibility]. *Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.* [Online] Available from: https://tusur.ru/ru/o-tusure/struktura-i-organy-upravleniya/sluzhby-prorektora-po-molodyozhnoy-politike-i-vospitatelnoy-deyatelnosti/upravlenie-po-sotsialnym-voprosam/tsentr-soprovozhdeniya-studentov-s-invalidnostyu (Accessed: 25.09.2025).
29. Consultant Plus. (2012) *On Education in the Russian Federation. Federal Law N 273-FZ of December 29, 2012 (as amended on July 23, 2025)*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/6c54646c803424bc1fff4634c4e925d90c4affec/ (Accessed: 25.09.2025). (In Russian).

Информация об авторах:
Терентьева О.С. – старший преподаватель кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: Olga_Zhigalkovich@mail.ru
Малкова И.Ю. – д-р пед. наук, профессор кафедры организационной психологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: malkovoi@yandex.ru
Зиновьева В.И. – канд. ист. наук, профессор кафедры истории и социальной работы, директор Центра доступности образования Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: valentina.zinoviyeva@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
O.S. Terentyeva, senior lecturer, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Olga_Zhigalkovich@mail.ru
I.Yu. Malkova, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, National Research Tomsk State University, (Tomsk, Russian Federation). E-mail: malkovoi@yandex.ru
V.I. Zinovieva, Cand. Sci. (History), professor, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: valentina.zinoviyeva@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests

Статья поступила в редакцию 13.08.2025;
одобрена после рецензирования 03.10.2025; принята к публикации 10.10.2025.

The article was submitted 13.08.2025;
approved after reviewing 03.10.2025; accepted for publication 10.10.2025.

Научная статья
УДК 81.33
doi: 10.17223/15617793/519/22

BICS и CALP. Дихотомия между академическими и разговорными компетенциями при овладении вторым языком

Хасанхужа Фаррух угли Хамидуллаев[1], Ирода Илхомбаевна Турамуратова[2]

[1, 2] Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан
[1] mrwithglasses99@gmail.com
[2] iroda1983@gmail.com

Аннотация. Освещается различие между академическим языком (CALP) и повседневным разговорным языком (BICS), который был описан в 1979 г. Джимом Каммисом. Феномен рассматривается через призму испано-английского билингвизма, который демонстрирует факт обработки определенных языковых элементов на уровне BICS и CALP, а также роль эксплицитной и имплицитной памяти в формировании разговорных и академических компетенций. Особое внимание уделяется роли общей базовой языковой квалификации индивида, которая может влиять на развитие компетенций в иностранном языке.
Ключевые слова: CALP, BICS, возраст овладения языком, уровень владения языком, билингвизм

***Для цитирования*:** Хамидуллаев Х.Ф., Турамуратова И.И. BICS и CALP. Дихотомия между академическими и разговорными компетенциями при овладении вторым языком // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 519. С. 178–184. doi: 10.17223/15617793/519/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/519/22

BICS and CALP: The dichotomy between academic and conversational competencies in second language acquisition

Khasankhuja F. Khamidullaev[1], Iroda I. Turamuratova[2]

[1, 2] Uzbekistan State World Languages University, Tashkent, Uzbekistan
[1] mrwithglasses99@gmail.com
[2] iroda1983@gmail.com

Abstract. It is well recognized that the definition of "language proficiency" remains a subject of debate. Consequently, the term "bilingual" is subject to ambiguous interpretation, depending on the subjective views of specialists and various linguistic factors (such as grammatical comprehension and vocabulary range). Moreover, despite Grosjean's advocacy for moving beyond a monolingual perspective on bilingualism, researchers and educators often focus on the abilities of "native speakers" when defining and measuring levels of foreign language proficiency. Accordingly, the primary objective of this article is to elucidate the distinctions between academic language (CALP) and basic interpersonal communicative skills (BICS), a framework first described by Jim Cummins in 1979. The article pays particular attention to the manifestation of this phenomenon through the lens of Spanish-English bilingualism, demonstrating the processing of specific linguistic elements at the BICS and CALP levels, as well as the role of explicit and implicit memory in the formation of conversational and academic competencies. Furthermore, employing methods of linguistic description, comparison, and theoretical interpretation, the article reviews the arguments of scholars who consider language competence to be part of a unified cognitive system, maintaining a clear distinction between the conceptual and linguistic aspects of discourse ability. Drawing on the concept of "linguistic interdependence," the examples examined—such as Kroll's revised hierarchical model and the BICS/CALP/CUP framework—illustrate how, in sequential bilingualism, fundamental linguistic and metalinguistic skills become accessible to the second language (L2) through the first language (L1). Consequently, the study identifies differences in the acquisition and development of basic conversational and academic language competence. We argue that these distinctions are of considerable importance for educators in designing foreign language lessons. However, it is also essential to take into account learners' prior linguistic experience, that is, the common underlying language proficiency (CUP) that can influence the development of competencies in a foreign language.
Keywords: CALP, BICS, age of acquisition, language proficiency, bilingualism

***For citation*:** Khamidullaev, Kh.F. & Turamuratova, I.I. (2025) BICS and CALP: The dichotomy between academic and conversational competencies in second language acquisition. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 519. pp. 178–184. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/519/22

© Хамидуллаев Х.Ф., Турамуратова И.И., 2025

В повседневной жизни мы часто встречаем опытных и высокообразованных людей, которые говорят на иностранном языке с определённым акцентом из-за того, что они позже овладели этим языком. К примеру, Альберт Эйнштейн, известный физик и лауреат Нобелевской премии, был родом из Германии и говорил по-английски с заметным немецким акцентом, несмотря на то что он активно использовал английский язык в своих научных исследованиях. А Владимир Набоков, хотя и известен прежде всего своими литературными произведениями на английском языке, но его речь отличалась характерным акцентом под влиянием многоязычной среды. С другой стороны, также есть много носителей языка с более низкими баллами в стандартизированном тесте на знание языка. К примеру, при обучении языку мы можем наблюдать феномен, когда учащиеся, не имеющие трудностей в разговорной речи, плохо справляются с когнитивными и академическими заданиями на данном языке. Другими словами, учащиеся свободно разговаривают, но им не хватает академического уровня владения языком. Но что делает носителей двух языков владеющими или не владеющими каждым из них? Что значит быть билингвом? Знания в этой области растут с каждым исследованием, но выводы разных исследователей и дисциплин порой кажутся противоречивыми.

В частности, хотя прямой перевод на доминирующий язык слова «bilingual» кажется простым, а его значение понятным, до сих пор проблема определения билингвизма остаётся дискуссионной. Одно из широко распространённых определений: быть билингвом – значит свободно владеть двумя языками [1. P. 56]. Данный взгляд был впервые сформулирован американским лингвистом Леонардом Блумфилдом. Несколько десятилетий спустя педагог и переводчик Кристоф Тьери установил планку ещё выше, написав, *«Истинный билингв – это человек, которого члены двух разных языковых сообществ воспринимают как своего, примерно одинаково, как и в социальном, так и в культурном уровне»* [2. P. 146]. Однако, как насчет человека, который не владеет двумя языками на одинаковом уровне, но регулярно их использует? Каков необходимый минимальный уровень языковой компетенции, чтобы индивида можно было отнести к категории двуязычных, то есть являются ли изучающие язык на начальном этапе уже билингвами или термин «билингв» должен относиться только к людям с продвинутым уровнем владения языком? Так, с годами различные специалисты выдвигали свои определения в данному термину. Для одних, *билингв – это человек, который произносит «полные и осмысленные высказывания на других языках»* [3. P. 6], тогда как для других *билингв – это тот, кто начинает понимать высказывания на другом языке, хотя пока не в состоянии произносить слова на этом языке* [4. P. 98]. Для третьих достаточно несколько слов, таких как «доброе утро» или «спасибо» на другом языке, чтобы быть двуязычным [5. P. 8]. Эти критерии, хотя и очень расплывчатые, но являются гибкими, что стало основополагающим для нынешних учёных в рассмотрении **двуязычия как континуума** (спектра), а не категории [6. P. 9].

В свою очередь, в фундаментальном труде Франсуа Грожан предостерег нейролингвистов от монолингвального взгляда на билингвизм, утверждая, что «билингв – это не два монолингва в одном человеке!». Он отметил, что билингвы имеют «уникальную и специфическую языковую конфигурацию» [7. P. 3]. А в книге «Двуязычный мозг» Артур Эрнандес утверждает, что *два языка живут в одном мозге почти так же, как два вида в одной экосистеме. По большей части они мирно сосуществуют и часто делят ресурсы. Но они также конкурируют за ресурсы, особенно в условиях стресса, как это происходит при повреждении мозга* [8. P. 12].

Так, почему для понимания билингвизма необходимы сравнения билингвов и монолингвов? Несмотря на то, что билингвизм – это не монолингвизм, он традиционно выступает в роли золотого стандарта, и, к сожалению, даже сегодня во многих исследованиях и при оценкие языковых компетенций у билингвов присутствует монолингвистическая предвзятость. Например, в исследованиях билингвизма в раннем детстве многие двуязычные и одноязычные сравнения используются для того, чтобы говорить о так называемом замедленном или ускоренном развитии, причем в качестве эталона всегда выступают монолингвы [9. P. 27]. С другой стороны, на сегодняшний день в вопросе определения «language proficiency» (владение языком) существуют широкие вариации в соответствии с различными языковыми компетенциями (грамматическое понимание/объем словарного запаса). Часто исследователи хотят сосредоточиться на способностях «носителей языка», но четкого определения понятия «владение языком как родным» не существует [10. P. 7]. Предполагается, что такое владение является идеалом, однако его трудно определить как стандарт языковой деятельности, понимая, что даже носители языка могут иметь различный уровень владения в зависимости от измеряемого аспекта языка. Исследования, пытающиеся предсказать или описать относительные уровни языковых навыков у билингвов, часто демонстрируют трудности в определении и измерении уровня владения языком (экспертность). Исследователи оценивают уровень владения языком субъективно и определяют его как коммуникативную способность на языке, оцениваемую самостоятельно или с помощью других людей [11. P. 255]. Другие исследователи определяют уровень владения языком как грамматическую способность, или способность воспринимать и понимать различные единицы языка, или уровень словарного запаса [12]. Так, в пути переосмысления существующих методов оценки уровня владения языком особое место занимает взгляд, в котором владение языком рассматривается как дихотомия навыков с двумя разными языковыми компетенциями – **базового разговорного и академического**.

Различие между академическим и повседневным разговорным языком было впервые подчеркнуто Джимом Каммисном в 1979 г. В конце 1970-х гг. природа владения языком оказалась в центре дискуссии. Существовала идея о том, что владение языком может быть единой когнитивной функцией и уровень владения

языком сильно коррелирует с общим IQ и уровнем грамотности. Также существовала противоположная точка зрения, согласно которой язык рассматривался как сумма различных элементов, таких как синтаксис, семантика и фонология. Кроме того, сюда включали письменную и устную речь, а также социолингвистические переменные, которые могут влиять на то, как используется язык, в зависимости от говорящего или контекста, в котором происходит разговор [8. P. 80].

Джим Камминс предположил, что обе точки зрения справедливы, так как существуют аспекты языка, которые обычно связаны с академической успеваемостью, и языковые способности, которые слабо коррелируют с академическим языком. Чтобы объяснить эти два различия, он создал термины **CALP (cognitive academic language proficiency)** – *когнитивная академическая языковая компетенция* и **BICS (basic interpersonal communicative skills)** – *общая языковая компетенция межличностного общения*, чтобы подчеркнуть эти различные типы владения языком [13. P. 121]. BICS относится к лингвистическому навыку, необходимому в повседневном общении, то есть предназначена для социального взаимодействия с другими людьми. Она является содержательной, когнитивно нетребовательной и неспециализированной. На освоение BICS у учащегося уходит от шести месяцев до двух лет. В свою очередь, CALP фокусируется на знании академического языка и характеризуется абстрактностью, ограниченностью контекста и специализированностью. Помимо овладения языком, учащиеся должны развивать такие навыки, как сравнение, классификация, синтез, оценка и логическое мышление, которые необходимы для развития академической компетентности. На освоение CALP у учащихся уходит не менее пяти лет, а при отсутствии предварительного обучения или поддержки в освоении родного языка может потребоваться не менее семи лет [14. P. 311]. Так, Камминс утверждал, что стандартизированные показатели языковой компетенции слабо связаны с повседневным разговорным языком и поэтому языковые навыки, основанные на умении общаться в повседневной жизни, могут представлять собой отдельный тип языковой компетенции. Составными элементами этого типа являются акцент, свободное владение устной речью и социолингвистическая компетентность.

В последующем, чтобы наглядно продемонстрировать разницу между коммуникативными и академическими навыками, Камминс создал **модель BICS/CALP** (квадрант Камминса) на основе двух пересекающих линий. Согласно квадранту Камминса (рис. 1) [15. P. 68], горизонтальная ось континуума BICS/CALP представляет собой диапазон от «контекстно-ориентированного» (context-embedded) до «контекстно-редуцированного» (context-reduced) обучения. В контекстно-ориентированном обучении учащиеся используют внешние сигналы и информацию, такие как выражение лица, объекты реального мира и визуальные представления, тогда как в контекстно-редуцированном им придётся полагаться исключительно на лингвистические сигналы и свои знания языка и текста. Язык, ограниченный контекстом, является абстрактным с наименьшим количеством подсказок, подтверждающих устные или письменные слова, что затрудняет его понимание. Иными словами, язык, который поддерживается контекстуальными подсказками из окружающей среды, помогает изучающим второй язык осмысливать устную или письменную информацию. Кроме того, взаимодействие учащихся друг с другом в процессе обучения обеспечивает межличностные контакты и способствует формированию контекстно-ориентированного языка [16. P. 174]. Вертикальная ось указывает на уровень когнитивной вовлеченности в выполнение задания. Задания, которые требуют меньших когнитивных усилий (cognitively undemanding), такие как беседы лицом к лицу, могут больше подходить для начинающих, в то время как более сложные с когнитивной точки зрения задачи (cognitively demanding), такие как прохождение стандартизированного теста, могут больше подходить для продвинутых учащихся.

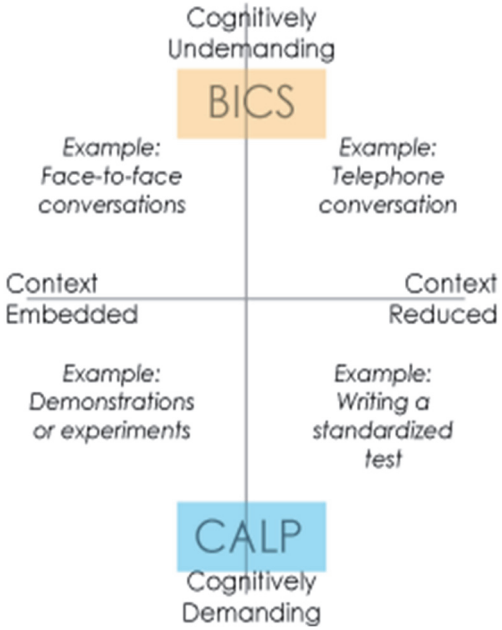

Рис. 1. Модель BICS/CALP

К примеру, в 1980–1990 гг. в США психологи и школьные учителя не могли понять истинную причину низкой успеваемости учащихся программы ESL (English as a second language). Учащиеся-билингвы были переведены в предметные занятия на английском языке, как только они овладели им, но еще до того, как достигли академического уровня владения языком. А в 1998 г. в Калифорнии отказались от двуязычных классов в пользу программ с углубленным изучением английского языка, после чего учащиеся ESL сталкивались с возрастающими трудностями в учебе, поскольку в большинстве случаев не было специальной языковой поддержки, которая помогла бы им понять инструкции и развить когнитивные навыки, необходимые для академической успеваемости [17. P. 2]. Стало очевидно, что билингвы демонстрируют довольно явные различия между BICS и CALP, доказательством которого стали результаты исследования группы ученных из Хьюстонского университета во главе с Линетт Остин.

В ходе научного эксперимента была проведена серия языковых тестов, целью которых было количественно оценить языковые способности группы испано-английских билингвов. Тесты включали в себя такие показатели академического языка, как словарный запас в виде картинок и вербальных аналогий (семантическая обработка), а также тесты на грамматическую обработку в обоих языках (правильные [*jump*, *jumped*] и неправильные [*seek*, *sought*] глаголы в английском языке, сложные времена глаголов и различные структуры предложений [*si hubiera sucedido*] в испанском языке). Также были собраны результаты заданий на акцент и способности различать слова, отличающиеся одним звуком [*pan*, *pun*] [8. P. 95]. Итоги исследования выявили интересную диссоциацию между AoA (возраст овладения языком) и уровнем владения языком (экспертность). В то время как AoA предсказывал наличие акцента и влиял на образование правильных глаголов прошедшего времени в английском языке (L2), уровень владения языком был тесно связан с образованием неправильных глаголов прошедшего времени и семантической обработкой. В этом смысле, необходимо подчеркнуть отсутствие взаимосвязи между AoA и английским академическим языком, и это показывает, что AoA является хорошим предиктором того, чему обучаются в раннем возрасте (усвоение звуков речи и правильных глаголов прошедшего времени). Следовательно, грамматика демонстрирует более сложную картину и это можно увидеть по разобщенности между правильным и неправильным глаголом прошедшего времени в английском языке. Правильные глаголы прошедшего времени [*jump*, *jumped*] связаны с показателями повседневного языка BICS (влияние AoA), а неправильные глаголы [*seek*, *sought*] связаны с уровнем владения языком в соответствии с CALP. Это говорит о том, что грамматика имеет компоненты, основанные на раннем изучении языка, что является основой повседневного языка BICS, а также существуют компоненты языка, которые формируются с течением времени, то есть имеют сложную академическую составляющую [18. P. 34].

Концепция BICS и CALP также согласуется с существованием различных систем памяти. Как мы знаем, **декларативная память** формируется на основе элементов, которые могут быть вербализированы таким, как прошлые события и факты. **Процедурная память**, с другой стороны, связана с деятельностью, которая включает в себя двигательные навыки, такие как занятия спортом или игра на музыкальных инструментах, а также с когнитивными областями – шахматы, чтение и математика. С точки зрения овладения вторым языком влияние процедурной и декларативной памяти было исследовано М. Парадис, который отмечает, что воспроизведение звуков речи, звукосочетаний и грамматических структур достигается за счет использования имплицитной памяти, которая не поддается сознательной обработке и носит в основном процедурный характер. [19. P. 30]. Напротив, обработка слов и их значений осуществляется сознательно и, следовательно, опирается на эксплицитную, декларативную память. Кроме того, на использование этих различных систем памяти влияет возраст. На ранних этапах жизни существует постоянная зависимость от процедурной памяти и по мере взросления декларативная память начинает доминировать, формируя то, как взрослые учатся и усваивают новую информацию. Исходя из этого, модель Парадиса представляет интересную параллель с концепциями BICS и CALP, который предполагает, что повседневное общение зависит от ряда факторов имплицитного характера, такие как акцент и обработка фонетической информации в речи. С другой стороны, использование определенной лексики требует более эксплицитных знаний и, следовательно, с большей вероятностью зависит от CALP, которая развивается позже в детском возрасте, когда декларативная память начинает доминировать в процессе обучения.

Однако, как было упомянуто выше, язык может быть частью единой когнитивной системы и исходя из **модели CUP** (common underlying proficiency) – *«общая базовая языковая квалификация»*, BICS и CALP связаны между собой, то есть CALP возникает на основе BICS [13]. В этой модели способность к CALP рассматривается как общая между языками, а компетентность в L2 может развиваться на основе переносимых навыков с L1. Перенесенные навыки могут включать в себя понимание/развитие абстрактных понятий или металингвистические навыки, такие как способность анализировать грамматическую форму или фонетически озвучивать слово. Такой перенос, происходящий в силу гипотетической «лингвистической взаимозависимости», означает, что люди с хорошо развитыми социальными и академическими языковыми навыками на L1 могут развивать высокий уровень компетенции на L2 в зависимости от уровня их воздействия на новый язык. Примером этому служит исследование, в котором при изучении академического языка поздние студенты-иммигранты в целом добились большего прогресса в понимании и использовании английского языка, чем ранние студенты-иммигранты [20. P. 653]. Авторы предположили, что этот результат объясняется переносом ранее усвоенных лингвистических/металингвистических знаний и когнитивных навыков с L1 на L2. Также, ярким свидетельством этого служат языки-когнаты, как например, испанский и итальянский. Так фраза «*Soy estudiante de la universidad*» похожа по синтаксису и лексике на ее итальянский эквивалент «*Sono uno studente dell'università*», поэтому испаноязычный подросток, научившийся говорить: «Я студент университета» на своем родном языке, сможет перенести многое из того, чему он научился, на итальянский язык. Иными словами, корреляции в данных родственных языках носят не только лингвистический, но и концептуальный характер. В этом контексте, процесс «переноса» означает общие ресурсы (взаимозависимость), так как L1 развивается раньше L2 у последовательных билингвов, L1 является средством, с помощью которого значительная часть этих знаний становятся доступными для L2 [21. С. 399].

Из этого следует, что процесс обучения включает в себя не только приобретение набора новых навыков, но и преобразование существующих. Допустим, что человек, который учится играть в теннис, в детстве играл в баскетбол и футбол. В итоге он позаимствовал

технику бросков для подачи, движения при ловле мячей от баскетбола, а футбол помог в работе ног, дистанциях и переносе веса. Так, человек не приходит в спорт, начав по-настоящему с нуля, а наоборот, новый вид спорта может основываться на навыках, которые уже были приобретены в других видах спорта. С этой точки зрения освоение нового навыка включает в себя формирование набора вспомогательных навыков, которые затем могут быть преобразованы в новое умение. Исходя из этого, в результате идентификации каждого языка как самостоятельной единицы феномен двуязычия можно рассматривать через вопрос о том, как второй язык строится на основе первого [22. С. 137]. Следовательно, пересмотренная иерархическая модель Кролла и Стюарта (revised hierarchical model) служит яркой демонстрацией так называемой «лингвистической взаимозависимости», в котором наглядно иллюстрируется процесс взаимодействия отдельных лексических хранилищ каждого языка с общей концептуальной базой [23. P. 375]. В этом контексте исследователи все больше сходятся во мнении, что двуязычные люди, по большей части, обладают единым набором понятий, который связан с лексикой в каждом из языков [24. P. 531]. Это означает, что понятия, лежащие в основе двух языков, основаны на общей концептуальной базе знаний о мире.

В последующем Норберт Фрэнсис, профессор двуязычного и мультикультурного образования в Университета Северной Аризоны, стремясь провести более четкое разделение между «лингвистическими и концептуальными областями», расширил модель Камминса до BICS/CALP/CUP [25. P. 56]. Он назвал CUP (common underlying proficiency) «центральной операционной системой», сосредоточившись на её роли как единого «интегрированного источника мысли» [16. P. 170]. Ключевое понятие, выдвигаемое в этой дискуссии, заключается в том, что компетенции, лежащие в основе способности к дискурсу, понимания текста и общих навыков обработки языка, не ограничены языком. Фрэнсис в своих работах продолжает идею Камминса и доказывает необходимость разделения типов владения языком на основе временных рамок и автоматизма, с которым усваиваются те или иные языковые навыки. Он назвал эти различные типы владения **первичными и вторичными дискурсивными способностями**. Он пояснил: *Различие между разговорной (первичной) дискурсивной способностью и связанной с грамотностью академической (вторичной) дискурсивной способностью было полезно для понимания различных видов вариаций в использовании языка* [25. P. 104].

По мнению Фрэнсиса, вторичные дискурсивные навыки (CALP) – это поздний тип языковых способностей, которые не являются «закрытыми» с точки зрения развития, а «открытыми по отношению к времени и созреванию». Но границы между первичными и вторичными дискурсивными способностями гипотетичны и существуют аспекты сложной грамматики, выходящие за рамки «основной базовой грамматики» языка, которые могут быть усвоены на вторичном дискурсивном уровне, возможно, потому, что они включают механизмы общего обучения, позволяющие понимать и использовать язык [25. P. 201].

Резюмируя, можно отметить, что вышеприведенные данные указывают на явные различия в способах усвоения и развития между разговорным и академическим языком, или BICS и CALP. Кроме того, понимание разницы между разговорным и академическим языком является важной концепцией для преподавателей, работающих с учащимися, не являющимися носителями языка, так как пересматривает традиционную дихотомию «компетентный» и «некомпетентный» в овладении вторым языком и помогает моделировать общую стратегию обучения исходя из сильных сторон и потребностей своего ученика. Однако необходимо помнить, что модель не предполагает иерархический взгляд, в котором академические, когнитивно сложные навыки находятся на более высоком уровне, чем базовые коммуникативные навыки. А наоборот, предлагает изменение видения в отношении языка и организацию эффективного, ориентированного на постоянное развитие процесса обучения.

С другой стороны, важно отметить влияние L1 на формирование и развитие L2 на основе «лингвистической взаимозависимости». В этом контексте, овладение родным языком является преимуществом, даже если он отличается от языка, изучаемого в дальнейшей жизни, так как при последовательном билингвизме фундаментальные лингвистические и металингвистические навыки становятся доступны для L2 при помощи родного языка. Следовательно, важно обращать внимание на предыдущий языковой опыт учащихся, а именно на лингвистические и концептуальные схожести/различия родного и иностранного языка.

Список источников

1. Bloomfield L. Language. Holt, Rinehart & Winston, 1933.
2. Thiery C. True bilingualism and second language learning // Language Interpretation and Communication / ed. by D. Gerver, H. Wallace Sinaiko. New York : Plenum, 1978. P. 145–153.
3. Haugen E. Bilingualism, language contact and immigrant language in the United States: A research report 1956–1970 // Current Trends in Linguistics / ed. by T. Sebeok. Mouton, 1973. Vol. 10. P. 505–591.
4. Diebold A.R. Incipient bilingualism // Language. 1961. Vol. 37 (1). P. 97–112.
5. Edwards J. Foundations of bilingualism // The Handbook of Bilingualism / ed. by T. Bhatia, W. Ritchie. Blackwell, 2004. P. 7–31.
6. Dewaele J.M. Bilingualism and multilingualism // The International Encyclopedia of Language and Social Interaction / ed. by K. Tracy, C. Illie, T. Sandel. Wiley, 2015. P. 1–11.
7. Grosjean F. Neurolinguists, beware! The bilingual is not two monolinguals in one person // Brain and language. 1989. Vol. 36 (1). P. 3–15. doi: 10.1016/0093-934x(89)90048-5
8. Hernandez A. The Bilingual Brain. Oxford University Press, 2013.
9. De Houwer A., Ortega L. (Eds.) The Cambridge Handbook of Bilingualism. Cambridge University Press, 2018. doi: 10.1017/9781316831922
10. Bialystok E., Hakuta K. Confounded age: Linguistic and cognitive factors in age differences for second language acquisition // Second Language Acquisition and the Critical Period Hypothesis / ed. by D. Birdsong. Mahwah, NJ : Erlbaum, 1996. P. 1–22.

11. Cutler A., Mehler J., Norris D., Segui J. Limits on bilingualism // Nature. 1989. Vol. 340. P. 229–230. doi: 10.1038/340229a0
12. Weber-Fox C., Neville H. Maturational constraints on functional specialization for language processing: ERP and behavioral evidence in bilingual speakers // Journal of Cognitive Neuroscience. 1996. Vol. 8. P. 231–256.
13. Cummins J. Cognitive/academic language proficiency, linguistic interdependence, the optimum age question and some other matters // Working Papers on Bilingualism. 1979. Vol. 19. P. 121–129.
14. Collier V.P. Second language acquisition for school: Academic, cognitive, sociocultural and linguistic processes // Georgetown University Round Table on Languages and Linguistics / ed. by J.E. Alatis et al. Washington, DC : Georgetown University Press, 1995. P. 311–327.
15. Cummins J. Language, Power and Pedagogy: Bilingual Children in the Crossfire. Clevedon, England : Multilingual Matters, 2000.
16. Baker C. Foundations of Bilingual Education and Bilingualism. 4th edn. Clevedon, UK : Multilingual Matters, 2006.
17. Dwivedi A. BICS/CALP. 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/352152118_BICSCALP
18. Austin L., Hernandez A.E., Schwieter J.W. Proficiency Predictors in Sequential Bilinguals. Cambridge University Press, 2019. doi: 10.1017/9781108641395
19. Paradis M. Declarative and Procedural Determinants of Second Languages. Amsterdam ; Philadelphia : Benjamins, 2008. doi: 10.1075/sibil.40
20. Jiang B., Kuehn P. Transfer in the academic language development of post-secondary ESL students // Bilingual Research Journal. 2001. Vol. 25. P. 653–672. doi: 10.1080/15235882.2001.11074471
21. Хамидуллаев Х.Ф. Феномен «кодовое переключение» и нейрокогнитивный механизм обработки языка // Первые шаги в романистике. 2023. С. 398–403.
22. Хамидуллаев Х.Ф., Турамуратова И.И. Гипотеза Питреса и языковая пластичность: как родной язык влияет на освоение иностранного языка? // Language and literature teaching. Scientific-Methodological Electronic Journal. 2024. № 14. С. 136–139.
23. Kroll J.F., Van Hell J.G., Tokowicz N., Green D.W. The Revised Hierarchical Model: A critical review and assessment // Bilingualism: Language and Cognition. 2010. Vol. 13. P. 373–381. doi: 10.1017/S136672891000009X
24. Kroll J.F., Tokowicz N. Models of bilingual representation and processing: Looking back and to the future // Handbook of Bilingualism: Psycholinguistic Approaches / ed. by J.F. Kroll, A.M.B. DeGroot. New York : Oxford University Press, 2005. P. 531–533. doi: 10.1093/oso/9780195151770.003.0030
25. Francis N. Bilingual Competence and Bilingual Proficiency in Child Development. Cambridge, MA : MIT Press, 2012.

References

1. Bloomfield, L. (1933) *Language*. Holt, Rinehart & Winston.
2. Thiery, C. (1978) True bilingualism and second language learning. In: Gerver, D. & Wallace Sinaiko, H. (eds) *Language Interpretation and Communication*. New York: Plenum. pp. 145–153.
3. Haugen, E. (1973) Bilingualism, language contact and immigrant language in the United States: A research report 1956–1970. In: Sebeok, T. (ed.) *Current Trends in Linguistics*. Vol. 10. Mouton. pp. 505–591.
4. Diebold, A.R. (1961) Incipient bilingualism. *Language*. 37 (1). pp. 97–112.
5. Edwards, J. (2004) Foundations of bilingualism. In: Bhatia, T. & Ritchie, W. (eds) *The Handbook of Bilingualism*. Blackwell. pp. 7–31.
6. Dewaele, J.M. (2015) Bilingualism and multilingualism. In: Tracy, K., Illie, C. & Sandel, T. (eds) *The International Encyclopedia of Language and Social Interaction*. Wiley. pp. 1–11.
7. Grosjean, F. (1989) Neurolinguists, beware! The bilingual is not two monolinguals in one person. *Brain and Language*. 36 (1). pp. 3–15. doi: 10.1016/0093-934x(89)90048-5
8. Hernandez, A. (2013) *The Bilingual Brain*. Oxford University Press.
9. De Houwer, A. & Ortega, L. (eds) (2018) *The Cambridge Handbook of Bilingualism*. Cambridge University Press. doi: 10.1017/9781316831922
10. Bialystok, E. & Hakuta, K. (1996) Confounded age: Linguistic and cognitive factors in age differences for second language acquisition. In: Birdsong, D. (ed.) *Second Language Acquisition and the Critical Period Hypothesis*. Mahwah, NJ: Erlbaum. pp. 1–22.
11. Cutler, A., Mehler, J., Norris, D. & Segui, J. (1989) Limits on bilingualism. *Nature*. 340. pp. 229–230. doi: 10.1038/340229a0
12. Weber-Fox, C. & Neville, H. (1996) Maturational constraints on functional specialization for language processing: ERP and behavioral evidence in bilingual speakers. *Journal of Cognitive Neuroscience*. 8. pp. 231–256.
13. Cummins, J. (1979) Cognitive/academic language proficiency, linguistic interdependence, the optimum age question and some other matters. *Working Papers on Bilingualism*. 19. pp. 121–129.
14. Collier, V.P. (1995) Second language acquisition for school: Academic, cognitive, sociocultural and linguistic processes. In: Alatis, J.E. et al. (eds) *Georgetown University Round Table on Languages and Linguistics*. Washington, DC: Georgetown University Press. pp. 311–327.
15. Cummins, J. (2000) *Language, Power and Pedagogy: Bilingual Children in the Crossfire*. Clevedon, England: Multilingual Matters.
16. Baker, C. (2006) *Foundations of Bilingual Education and Bilingualism*. 4th ed. Clevedon, UK: Multilingual Matters.
17. Dwivedi, A. (2021) *BICS/CALP*. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/352152118_BICSCALP (Accessed: 15.02.2026).
18. Austin, L., Hernandez, A.E. & Schwieter, J.W. (2019) *Proficiency Predictors in Sequential Bilinguals*. Cambridge University Press. doi: 10.1017/9781108641395
19. Paradis, M. (2008) *Declarative and Procedural Determinants of Second Languages*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins. doi: 10.1075/sibil.40
20. Jiang, B. & Kuehn, P. (2001) Transfer in the academic language development of post-secondary ESL students. *Bilingual Research Journal*. Vol. 25. pp. 653–672. doi: 10.1080/15235882.2001.11074471
21. Khamidullaev, Kh.F. (2023) Fenomen "kodovoe pereklyuchenie" i neyrokognitivnyy mekhanizm obrabotki yazyka [The phenomenon of "code-switching" and the neurocognitive mechanism of language processing]. In: *Pervye shagi v romanistike* [First Steps in Romance Studies]. [S.l: s.n.]. pp. 398–403. (In Russian).
22. Khamidullaev, Kh.F. & Turamuratova, I.I. (2024) Gipoteza Pitresa i yazykovaya plastichnost': kak rodnoy yazyk vliyaet na osvoenie inostrannogo yazyka? [The Pitres hypothesis and language plasticity: how does the native language influence foreign language acquisition?]. *Language and literature teaching. Scientific-Methodological Electronic Journal*. 14. pp. 136–139.
23. Kroll, J.F., Van Hell, J.G., Tokowicz, N. & Green, D.W. (2010) The Revised Hierarchical Model: A critical review and assessment. *Bilingualism: Language and Cognition*. 13. pp. 373–381. doi: 10.1017/S136672891000009X
24. Kroll, J.F. & Tokowicz, N. (2005) Models of bilingual representation and processing: Looking back and to the future. In: Kroll, J.F. & DeGroot, A.M.B. (eds) *Handbook of Bilingualism: Psycholinguistic Approaches*. New York: Oxford University Press. pp. 531–533. doi: 10.1093/oso/9780195151770.003.0030
25. Francis, N. (2012) *Bilingual Competence and Bilingual Proficiency in Child Development*. Cambridge, MA: MIT Press.

Информация об авторах:
Хамидуллаев Х.Ф. – магистрант Узбекского государственного университета мировых языков (Ташкент, Узбекистан). E-mail: mrwithglasses99@gmail.com

Турамуратова И.И. – доктор философии по филологическим наукам (PhD), зав. кафедрой теоретических наук испанского языка Узбекского государственного университета мировых языков (Ташкент, Узбекистан). E-mail: iroda1983@gmail.com. ORCID: 0000-0002-6830-5148

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
Kh.F. Khamidullaev, master's student, Uzbekistan State World Languages University (Tashkent, Uzbekistan). E-mail: mrwith-glasses99@gmail.com
I.I. Turamuratova, PhD, head of the Department of Theoretical Sciences of the Spanish Language, Uzbekistan State World Languages University (Tashkent, Uzbekistan). E-mail: iroda1983@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.09.2025;
одобрена после рецензирования 02.10.2025; принята к публикации 10.10.2025.

The article was submitted 06.09.2025;
approved after reviewing 02.10.2025; accepted for publication 10.10.2025.

ПРАВО

Научная статья
УДК 349
doi: 10.17223/15617793/519/23

Правовое регулирование охраны многолетней (вечной) мерзлоты в Российской Федерации

Давид Давидович Барамидзе[1]

[1] *Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия, baramidze.david12@gmail.com*

Аннотация. Исследованы основы федерального, международного и регионального законодательства, направленного на регулирование охраны многолетней (вечной) мерзлоты. Отдельное внимание уделяется правовому регулированию исследуемых отношений на региональном уровне, имеющем, по сравнению с федеральным законодательством, многолетний опыт. Изучен потенциал правового инструментария российского законодательства, способного эффективно отразить наиболее существенные особенности исследуемых отношений.
Ключевые слова: многолетняя (вечная) мерзлота, состояние многолетней (вечной) мерзлоты, вечномерзлый грунт, таяние многолетней (вечной) мерзлоты, Арктическая зона Российской Федерации, охрана окружающей среды

Для цитирования: Барамидзе Д.Д. Правовое регулирование охраны многолетней (вечной) мерзлоты в Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 519. С. 185–194. doi: 10.17223/15617793/519/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/519/23

Legal protection of permafrost in the Russian Federation

David D. Baramidze[1]

[1] *Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation, baramidze.david12@gmail.com*

Abstract. The timeliness and relevance of climate research generate the need for a legal understanding of the consequences of climate change. One of the most destructive processes associated with the effects of ongoing climate change is the melting of permafrost. Serious concerns are expressed in the natural science community due to the unpredictability of the scale of melting of (multi-year) permafrost, the amount of infrastructure susceptible to destruction, the death of wildlife as a result of habitat degradation, and violations of traditional nature management by the indigenous peoples of Russia. The legal consequences of the melting of permafrost are also of serious concern, related, among other things, to the creation of an immediate threat to the impossibility of exercising the constitutional right to a favorable environment. The legislator has taken certain actions to work out the basics of legal regulation for the protection of the qualitative state of permafrost in the Russian Federation. Thus, the 2002 Federal Law "On Environmental Protection" was supplemented with terminology aimed at reflecting the processes under study, also the environmental monitoring system was supplemented with an independent branch of monitoring the state of permafrost. The mentioned novelties of Russian law determine the need to study the potential of the legal instruments of Russian legislation, which can effectively reflect the most significant features of the studied relations. The article analyzes the existing federal legislation that establishes some aspects of the legal regulation of relations in the field of permafrost protection. Special attention is paid to the legal regulation of the studied relations at the regional level, which has many years of experience in comparison with federal legislation. The methodological basis of the work comprises several general scientific methods of cognition, including theoretical analysis, the dialectical method, the deductive method, and the historical method. These are complemented by specialized legal methods, such as the historical-legal approach, which enabled the incorporation of relevant retrospective information, and the comparative-legal method, employed to examine international practices in the protection of permafrost.
Keywords: permafrost, state of permafrost, melting of permafrost, Arctic Zone of the Russian Federation, environmental protection

***For citation*:** Baramidze, D.D. (2025) Legal protection of permafrost in the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 519. pp. 185–194. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/519/23

© Барамидзе Д.Д., 2025

Введение

Проблематика деградации многолетней (вечной) мерзлоты становится одним из наиболее актуальных направлений исследования последствий климатических преобразований. Географически распространение многолетнемерзлых грунтов характерно практически 65% территорий современной России [1. С. 30]. Причем преимущественно проблемы затрагивают северные субъекты Российской Федерации, непосредственно относящиеся к сухопутной составляющей Российской Арктики [2. С. 109]. Согласно ежегодно подготавливаемым докладам Росгидромета «Об особенностях климата на территории Российской Федерации» наблюдается ежегодное увеличение сезонно-талого слоя многолетней мерзлоты в традиционных регионах распространения [3. С. 45]. Постоянный температурный рост и сопровождающиеся температурные колебания с превалирующим повышением среднегодовых значений и показателей ведут к неуклонному формированию многочисленных эрозионных форм рельефа и негативно сказываются на имеющейся и строящейся инфраструктуре [4. С. 286]. По мнению специалистов, происходящие температурные преобразования носят устойчивый характер, однако могут иметь различную динамику и скорость изменений, в отдельных криогенных ландшафтах подобные показатели достигают порядка 0,05°С в год [5. С. 79]. Температурные показатели российской Арктики отличаются – скорость увеличения среднегодовой температуры оценивается в + 0,49°С за последние 10 лет наблюдений [6. С. 51]. С одной стороны, наблюдаемая динамика температурных преобразований при относительно невысоких темпах потепления продолжит оставаться несущественной, но увеличение темпов неминуемо приведет к активизации деструктивных криогенных процессов [7. С. 116].

Постановка проблемы

Изменение состояния многолетнемерзлых грунтов способно привести к комплексу взаимосвязанных проблем и существенным негативным последствиям. Наблюдаемые весной 2024 г. подтопления населенных пунктов, затопление сельскохозяйственных земель и лесов особенно свойственны северным регионам России. По оценкам исследователей, наиболее подверженные процессам деградации территории, расположенные по берегам многочисленных рек и озер Ямало-Ненецкого автономного округа, Чукотского автономного округа [8. С. 28]. Распространенной причиной наводнений выступает таяние многолетнемерзлых грунтов в зоне сплошного распространения которых находится практически вся Якутия [9. С. 472]. Серьезные опасения вызывает высвобождение вирусов, бактерий и патогенов, содержащихся в толщах многолетнемерзлых грунтов, остававшихся сто- и тысячелетиями в состоянии гибернации. Предположительно, зарегистрированная в 2016 г. вспышка сибирской язвы на полуострове Ямал опосредована эпизодами экстремально высоких температур [10. С. 162]. Внушительные искривления ландшафта способны привести к высвобождению потенциально сохранившихся возбудителей сибирской язвы в скотомогильниках, широко распространенных в Якутии, Архангельской области, Республике Карелия [7. С. 117]. Согласно результатам долгосрочных наблюдений, к 2019 г. зарегистрировано 739 эпизоотий сибирской язвы среди поголовья северных оленей и лошадей. Нельзя забывать, что, поскольку российскую Арктику как самый густонаселенный арктический макрорегион Земли населяют представители коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, распространение подобных заболеваний оказывает серьезное негативное влияние на осуществление традиционного природопользования, преимущественно, оленеводства. Кроме непосредственно биологических угроз национальной безопасности России и международному сообществу проблема деградации состояния многолетней (вечной) мерзлоты сопровождается разрушением объектов ключевой инфраструктуры, включая объекты здравоохранения. По предварительным исследованиям, порядка 81% объектов здравоохранения, расположенных в зонах распространения многолетнемерзлых грунтов, выбывают из системы здравоохранения [11. С. 192]. Вообще, негативные изменения состояния многолетней (вечной) мерзлоты создают угрозу разрушения объектов капитального строительства. Многие здания и сооружения, включая жилой фонд и производственные мощности, несомненно, строились и учетом природно-климатических особенностей. Однако имеющаяся тенденция таяния многолетнемерзлых грунтов и сокращения многолетней (вечной) мерзлоты приводит к необратимым разрушениям инфраструктурных объектов. Опасения в подобном плане вызывает возможность нивелирования реализуемых современных долгосрочных государственных программ освоения ресурсного потенциала и комплексного развития российской Арктики, включая строительство и улучшение портовой инфраструктуры, предназначенной для функционирования и безопасной эксплуатации Северного морского пути. По мнению исследователей, продолжающееся таяние многолетней (вечной) мерзлоты повлечет ущерб для всех хозяйственных комплексов Севера России, и предварительная оценка составляет порядка 2% от ВРП исследуемых регионов (около 5–7 трлн рублей на период до 2050 г.) [11. С. 184]. Искривление ландшафта способно привести к разгерметизации трубопроводов, включая нефтепроводы, и к дальнейшему попаданию загрязняющих веществ в окружающую среду. Учитывая широкое распространение на Севере России объектов накопленного вреда окружающей среде, устранением которых активно занимаются государство и частные организации на основании государственно-частного партнерства, увеличение количества подобных объектов недопустимо. Нельзя забывать, согласно докладу, подготовленному Институтом Арктики и Антарктики (ААНИИ) в 2014 г. [12. С. 62], состояние окружающей среды Арктического региона оказывает общепланетарное стабилизирующее негативные природные процессы и явления воздействие.

Согласно проведенным исследованиям, таяние многолетней (вечной) мерзлоты сопровождается высвобождением значительного количества термогенного метана в атмосферный воздух. Получается замкнутый цикл эмиссии парниковых газов, оказывающих дестабилизирующее воздействие на климатические процессы, ускоряющие таяние многолетнемерзлых грунтов.

Научный интерес вызывают правовые последствия таяния многолетней (вечной) мерзлоты. В результате таяния и последующего провала многолетнемерзлых грунтов нередко образуются термокарстовые озера – образованные посредством естественных природных процессов поверхностные водные объекты. Согласно ст. 8 Водного кодекса РФ, водные объекты, за исключением в отдельных ситуациях прудов и обводненных карьеров, находятся в федеральной собственности [13]. Каковы правовые последствия образования подобных водных объектов на земельных участках, находящихся в государственной собственности субъектов России, муниципальной или частной собственности? Закрепляя разновидности поверхностных водных объектов, законодатель не определил используемые понятия. Поэтому при разграничении особенностей происхождения термокарстовых озер и прудов необходимо отталкиваться от искусственного или естественного происхождения. Кроме того, ст. 42 Водного кодекса РФ устанавливает запрет изменения естественности происхождения водного объекта в случае проведения работ или обустройства природного водоема или водотока.

Таяние многолетней (вечной) мерзлоты нередко сопровождается серьезными деформациями внешних и качественных признаков естественных экологических систем, деградацией природных комплексов и ландшафтов. Согласно Федеральному закону от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», естественная экологическая система представляет объективно существующую часть природной среды, имеющей пространственно-территориальные границы и в которой живые (растения, животные и другие организмы) и неживые элементы взаимодействуют как единое функциональное целое и связаны между собой обменом веществом и энергией [14]. Уменьшение толщи многолетнемерзлых грунтов приводит к образованию провалов, достигающих десятков метров в диаметре, глубоких ухабов и неровностей, осложняющих передвижение и разрушающих инфраструктуру, т.е. вносящих коррективы, нередко отрицательные, в пространственно-территориальные границы естественных экологических систем и природных комплексов. Необходимо отметить, что благоприятность окружающей среды основывается на качественном понимании, обеспечивающем устойчивое функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов. Показателями благоприятности окружающей среды выступают нормативы качества окружающей среды, однако устойчивость функционирования естественных экологических систем, даже при соблюдении устанавливаемых нормативов качества окружающей среды, в подобном случае, несомненно, окажется нарушена. Следовательно, продолжающееся таяние многолетней (вечной) мерзлоты способно привести к невозможности обеспечения и реализации конституционного права человека на благоприятную окружающую среду и необходимости аккумулирования дополнительных технологических и бюджетных средств для исправления складывающейся ситуации. К 2100 г. специалисты соответствующих областей знаний прогнозируют уменьшение многолетнемерзлых грунтов на 90% [10. С. 158].

Озабоченность предпринимательского корпуса, в частности арктических резидентов, вызывает возможность нивелирования вкладываемых средств государства и предпринимателей в создание необходимой арктической инфраструктуры. Государственные задачи охватывают широкий пласт экономической деятельности, причем многие акценты делаются на проработку портовой инфраструктуры, обеспечивающей бесперебойное функционирование Северного морского пути. Осуществление хозяйственной деятельности в северных широтах Российской Федерации всегда сопровождалось дополнительными ограничениями и обременениями, связанными с серьезными экологическими рисками. Разрушение объектов промышленной инфраструктуры, вызванное таянием многолетнемерзлых грунтов, способно привести к серьезным негативным последствиям и возложению обязанностей по восстановлению качественного состояния окружающей природной среды на юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Подобные эколого-правовые риски в отсутствие проработанного института экологического страхования способны отпугнуть арктических резидентов от инвестирования крупных проектов в российской Арктике. Поэтому вопросы таяния многолетней (вечной) мерзлоты, помимо подробного исследования в естественно-научном формате, необходимо тщательно прорабатывать в отечественном законодательстве и соответствующих правовых исследованиях.

Федеральное законодательство о многолетней (вечной) мерзлоте

Федеральный законодатель демонстрирует понимание нарастающей проблематики таяния многолетней (вечной) мерзлоты. Так, п. 15 Постановления Правительства РФ от 19.03.2024 № 329 «О федеральной государственной информационной системе состояния окружающей среды» включает информацию о состоянии многолетней (вечной) мерзлоты, а также мерах по предупреждению последствий деградации вечномерзлых грунтов в соответствующую федеральную информационную систему [15]. Соответствующие изменения затронули Приказ Минприроды России от 30.07.2020 № 510 «Об утверждении состава и структуры документированной информации о состоянии окружающей среды и ее загрязнении, порядка ее комплектования, учета, хранения и использования, а также порядка создания и ведения Единого государственного фонда данных о состоянии окружающей среды, ее загрязнении» [16]. Федеральным законом от 10.07.2023 № 297-ФЗ внесены изменения в ст. 1 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», закрепившие определения в области состояния многолетней (вечной) мерзлоты.

Однако, поскольку процесс деградации многолетнемерзлых грунтов преимущественно свойственен северным регионам России, входящим полностью или частично в Арктическую зону Российской Федерации, целесообразно обратить внимание на соответствующие государственные документы. Установление особых режимов природопользования и охраны окружающей природной среды в Арктике обозначалось в Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике 2008 г. в качестве меры реализации задач государственной экологической политики в макрорегионе. Вместе с тем, в отличие от Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике 2020 г., предшествующей государственной программой закреплялись естественные особенности Арктики, составляющие методологическую основу особого эколого-правового режима. Однако, несмотря на экстремальные природно-климатические условия, низкую устойчивость экосистем и подверженность незначительному антропогенному воздействию, в обоих основополагающих документах не обращается внимание на стремительное таяние многолетней (вечной) мерзлоты.

В Стратегии пространственного развития Российской Федерации 2019 г. наряду с низким уровнем комфортности городской среды, высокой долей малопроизводительных и низкотехнологичных производств, неудовлетворительным состоянием окружающей среды к проблемам пространственного развития отнесено продолжающееся таяние многолетней (вечной) мерзлоты [17]. В Стратегии экологической безопасности 2017 г. при оценке текущего состояния экологической безопасности отмечены опасные геологические, гляциологические и геокриологические процессы и явления [18]. Указом Президента России от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» приоритетными национальными целями названы экологическое благополучие, комфортная и безопасная среда для жизни и устойчивая и динамичная экономика [19]. Утвержденная Указом Президента РФ от 26.10.2023 № 812 Климатическая доктрина Российской Федерации к неблагоприятным последствиям изменения климата относит деградацию многолетней (вечной) мерзлоты и горного оледенения [20]. В Распоряжении Правительства Российской Федерации от 11.03.2023 № 559-р «Об утверждении национального плана мероприятий второго этапа адаптации к изменениям климата на период до 2025 г.» предусматриваются сценарии сокращения многолетней (вечной) мерзлоты в России на 15–38% к середине и на 25–92% к концу века [21]. Приказом Минвостокразвития РФ от 26.11.2021 № 221 «Об утверждении Плана адаптации к изменениям климата Арктической зоны Российской Федерации» подтверждается тенденция изменения состояния многолетнемерзлых грунтов, достигшего деформации 40% зданий и сооружений [22].

Федеральным законодателем многолетняя (вечная) мерзлота рассматривается преимущественно как свойство земельных и горных природных ресурсов, выступающих физическим основанием добычи полезных ископаемых и размещения объектов капитального строительства. Начиная с советского периода возведение зданий, строений и сооружений на Севере СССР осуществлялось на основании специальных проектов [23]; при проведении предварительной разведки предполагалось определять прочностные свойства мерзлых связных и несвязных пород [24]. Правилами устройства электроустановок, утвержденными Главтехуправлением и Госэнергонадзором Минэнерго СССР, отмечается необходимость соблюдения физических явлений, связанных с природой многолетней мерзлоты: пучинистый грунт, морозобойные трещины, оползни и т.п. Техническими нормами и правилами наличие многолетнемерзлых грунтов остается фактором обеспечения безопасности, осуществляемой хозяйственной или иной деятельностью [23]. В Федеральном законе от 17.11.1995 № 169-ФЗ «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации» наличие многолетней (вечной) мерзлоты отнесено к подлежащим учету особым условиям строительства объектов [25].

Предпринимались попытки разработки и принятия соответствующего федерального закона, направленного на регулирование правоотношений по сохранению и восстановлению многолетней (вечной) мерзлоты. В преамбуле законопроекта, подготовленного Парламентской ассоциацией «Дальний Восток и Забайкалье» в 2017 г. (далее – Законопроект 2017), отмечалось направление правового воздействия подготавливаемого документа как закрепление правовых основ государственной политики в области охраны и рационального использования многолетней мерзлоты. Конечно, преамбула не обладает нормативностью и самостоятельно не способна регулировать правоотношения. Однако подобная вводная составляющая определяет направление правового воздействия содержащихся правовых норм, устанавливает цели и задачи правового регулирования. Предметом закона следует назвать отражение реально существующей действительности, объективно определяемых общественных отношений, обладающих отличительными признаками и социальной значимостью. Государственная политика носит непостоянный характер, подвержена регулярным пересмотрам, корректировкам и дополнениям. Подобной государственной политики в отношении многолетней (вечной) мерзлоты как самостоятельного направления попросту может не существовать, но общественные отношения и социальная значимость продолжат оставаться реальными, требующими правового осмысления и отражения в текстах нормативных правовых актов.

Дискуссионным представляется наличие правовых норм, направленных на регулирование рационального использования многолетней (вечной) мерзлоты. Соответственно, возникает вопрос: следует ли признать, в подобном случае многолетнюю (вечную) мерзлоту природным ресурсом с позиций экологического законодательства? Согласно Федеральному закону «Об охране окружающей среды», природными ресурсами выступают компоненты природной среды, природные объекты и природно-антропогенные объекты, используемые при осуществлении хозяйственной или иной

деятельности в качестве источников энергии, продуктов производства и предметов потребления и имеющие потребительскую ценность. Многолетнюю (вечную) мерзлоту следует признать скорее неким агрегатным состоянием называемых законом компонентов природной среды (земля, почвы, недра, поверхностные и подземные воды).

Подобный законопроект подготавливался руководством Республики Саха (Якутия). Изначально законопроект, определяя предмет регулирования, повторял ошибку Законопроекта 2017, поскольку предполагалось регулирование отношений охраны и рационального использования многолетней (вечной) мерзлоты. Вопрос возникал относительно основного определения вечной мерзлоты (многолетнемерзлых пород), представляющей собой состояние исключительно мерзлых горных пород, характеризующихся нулевой или отрицательной температурой, содержащих в составе лед и находящихся в подобном состоянии в течение длительного времени. Представляется, проблематика связана с отсутствием упоминания прочих, кроме горных пород, природных объектов. Кроме того, определение длительного времени не конкретизировано, носит расплывчатое описание и требует научно проработанной детализации в нормативном правовом акте.

Несмотря на присутствующие недостатки, законопроектом обращалось внимание на отдельные институты, становящиеся актуальными в современном отечественном законодательстве. Например, закреплялось определение, принципы и распределение полномочий органов государственной власти и местного самоуправления по организации и осуществлению мониторинга многолетнемерзлых пород. Отдельной 9-й статьей предусматривался институт нормирования состояния многолетней мерзлоты и иных экологических факторов, влияющих на соответствующее состояние многолетней мерзлоты. В Федеральном законе «Об охране окружающей среды» в отсутствие головного определения многолетней (вечной) мерзлоты законодателем добавлено не менее значимое понятие «состояние многолетней (вечной) мерзлоты», способное стать правовой основой дальнейшей разработки и принятия соответствующих нормативов допустимого воздействия на многолетнюю (вечную) мерзлоту. Кроме того, Распоряжением Правительства РФ от 29.10.2022 № 3219-р ставилась задача к окончанию 2024 г. проработать предложения по установлению экологических нормативов качества окружающей среды для Арктической зоны Российской Федерации [26]. Поскольку проблематика деградации многолетнемерзлых грунтов и широта распространения многолетней (вечной) мерзлоты преимущественно свойственны арктическому макрорегиону, прорабатываемые нормативы следует рассматривать и рассматривать в совокупности, учитывая все природно-климатические особенности российской Арктики.

Правового осмысления требует содержание широко применяемого в подготавливаемых законопроектах, региональных нормативных правовых актах и юридической литературе понятия «охрана многолетней (вечной) мерзлоты». Поскольку федеральным законодательством состояние многолетней (вечной) мерзлоты определяется как совокупность характеристик вечномерзлых грунтов, т.е. поверхностного слоя земли, состоящего из минеральных и (или) органических веществ, находящихся в криогенном (мерзлотном) состоянии более трех лет подряд, следует обратиться к земельному законодательству. Так, согласно ст. 13 Земельного кодекса РФ, охрана земли направлена на сохранение земли как важнейшего компонента окружающей среды и природного ресурса. Рассматриваемое положение не вызывает сомнений, однако в соотношении с охраной окружающей среды именно последнее в полном объеме раскрывает содержание деятельности, направленной на охрану: сохранение и восстановление, рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов, предотвращение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и ликвидацию её последствий. Следует предположить, что деятельность, направленная на охрану многолетней (вечной) мерзлоты, в силу того, что вечномерзлые грунты не являются самостоятельным природным компонентом, а лишь агрегатным состоянием поверхностного слоя земли и других природных объектов, должна быть прежде всего направлена на сохранение и восстановление качественного состояния многолетней (вечной) мерзлоты, предотвращения негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, включая ликвидацию негативных последствий, выраженных в деградации вечномерзлого грунта. Подобное определение охраны многолетней (вечной) мерзлоты вновь отсылает к вопросу о необходимости принятия соответствующих нормативов и показателей состояния многолетней (вечной) мерзлоты. Субъектами, осуществляющими деятельность, направленную на охрану многолетней (вечной) мерзлоты, выступают органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, общественные объединения и другие негосударственные некоммерческие организации, иные юридические лица и граждане.

Распространение многолетнемерзлых грунтов и деградация многолетней (вечной) мерзлоты свойственны многим государствам, находящимся в верхних широтах Северного полушария Земли, поэтому целесообразно обратить внимание на международно-правовое регулирование и правовые основы международного сотрудничества в рассматриваемой области. Поскольку состояние многолетней (вечной) мерзлоты рассматривается в канве климатической проблематики, правовые основы международного сотрудничества следует искать в соответствующих областях. Положениями универсальных международных соглашений, например, Декларации Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды 1972 г. (далее – Стокгольмская декларация 1972 г.) провозглашена общечеловеческая задача сохранения и улучшения качества окружающей среды и закреплен комплекс основополагающих принципов в области охраны окружающей среды [27]. В развитие положений Стокгольмской декларации 1972 г. первым принципом декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде 1992 г. в

процессе устойчивого развития является забота о людях, здоровой и плодотворной жизни в гармонии с природой [28]. Учитывая принципы рассматриваемых деклараций, Рамочная конвенция ООН об изменении климата 1992 г. установила для договаривающихся сторон обязательства, связанные с содействием и сотрудничеством в организации проведения научных, технологических, технических и прочих исследований в области климатических проблем [29]. Последовавшее принятие Парижского соглашения 2015 г. основывалось на поставленной Рамочной конвенцией 1992 г. цели противодействия негативной динамике климатических преобразований [30]. Парижское соглашение 2015 г. сохранило тенденцию, однако большее внимание уделяется способности адаптироваться к неблагоприятным последствиям климатических изменений. Так, п. 1 ст. 7 учреждается глобальная цель по укреплению адаптационных возможностей, повышению сопротивляемости и снижению уязвимости к изменениям климата. Пунктом 4, однако, подчеркивается, что более высокие уровни предотвращения изменения климата могут снизить потребности в дополнительных усилиях по адаптации. Стремление государств – участников по сотрудничеству в адаптационных процессах следует подтверждать подготовкой и принятием соответствующих международных соглашений различными международными площадками, национальных нормативных правовых актов и государственных программ. Подобной площадкой международного сотрудничества в области охраны окружающей среды Арктики продолжительное время оставался Арктический совет, за последние годы перечеркнувший десятилетия плодотворной работы ученых по всему миру. В этой связи активно развивающимся международным организациям (ЕАЭС, ШОС) и международным площадкам сотрудничества (БРИКС), уделяющим, помимо прочего, серьезное внимание вопросам климата и совместному развитию инвестиционных проектов в Арктике, следует проработать правовые основы сотрудничества рассматриваемой области, включающей проблематику таяния многолетней (вечной) мерзлоты.

Региональное законодательство о многолетней (вечной) мерзлоте

В отсутствие проработанного института сохранения и восстановления состояния многолетней (вечной) мерзлоты на федеральном уровне следует обратить внимание на региональное нормотворчество. Положениями ст. 72 Конституции России определены предметы совместного ве́дения регионов и Российской Федерации. Однако возникает проблематика отнесения регулирования состояния многолетней мерзлоты в российском законодательстве, поскольку последствия таяния многолетнемерзлых грунтов охватывают различные сферы общественных отношений в негативном ключе. Тем не менее, поскольку ст. 72 Конституции России к предметам совместного ведения помимо охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности (пп. «ж») отнесены осуществление мер по борьбе с катастрофами и стихийными бедствиями (пп. «з»), защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей (пп. «м») и защита прав и свобод человека и гражданина (пп. «б»), правовая регламентация сохранения и восстановления состояния многолетней (вечной) мерзлоты полноправно относится к предметам совместного ве́дения. Более того, согласно п. 4 ст. 76 Конституции РФ, вне пределов совместного ведения субъектами Российской Федерации осуществляется собственное правовое регулирование и принятие законов и иных нормативных правовых актов. Отсутствие соответствующего федерального законодательства предоставляет определенную вариативность регулирования правоотношений, находящихся вне пределов совместного ведения.

Первым региональным нормативным правовым актом в области сохранения многолетней (вечной) мерзлоты стал Закон Республики Саха (Якутия) от 22.05.2018 «Об охране вечной мерзлоты в Республике Саха (Якутия)» [31]. Несмотря на наличие несомненных достоинств регионального нормативного правового акта, закрепившего принципы государственного управления в области охраны многолетней (вечной) мерзлоты, конкретизации полномочий органов государственной власти субъектов и органов местного самоуправления, установление правовых основ нормирования состояния многолетней мерзлоты, отмечаются отдельные недостатки:

1. Законом Республики применяется понятие «вечная мерзлота», однако Федеральным законом «Об охране окружающей среды» используется понятие «многолетняя (вечная) мерзлота». Термин «вечная мерзлота» введен в научное употребление российским ученым-геокриологом М.И. Сумгиным в 1927 г. Однако современными исследователями, изучающими экологические и экономические последствия продолжающегося таяния многолетнемерзлых грунтов, отмечается отсутствие признака вечности. Так или иначе, противоречивость используемой терминологии в региональном и федеральном законодательстве, учитывая относительно недавно вступившие в силу изменения основного экологического Закона, нарушает имеющееся терминологическое единство [32. С. 431].

2. Используемое определение «вечная мерзлота» понимается как мерзлые горные породы, характеризующиеся нулевой или отрицательной температурой, содержащие в своем составе лед и находящиеся в таком состоянии в течение длительного времени. Однако многолетняя мерзлота включает помимо горных пород почвы, недра и подземные воды. Кроме того, даже Федеральным законом «Об охране окружающей среды» применяется понятие «вечномерзлые грунты», отражающее качественное состояние грунта. Следует признать – подобные противоречия преимущественно порождаются отсутствием научно обоснованного подхода к определению многолетней (вечной) мерзлоты федеральным законодательством. Несмотря на вступившие в 2023 г. изменения и появление новых соответствующих определений, продолжает отсутствовать

единое научно обоснованное определение многолетней (вечной) мерзлоты.

В противовес рассмотренному региональному Закону и Федеральному закону «Об охране окружающей среды» Законом Ямало-Ненецкого автономного округа от 22.12.2023 № 105-ЗАО «О многолетней (вечной) мерзлоте в Ямало-Ненецком автономном округе» (далее – Закон ЯНАО) устанавливается определение многолетней (вечной) мерзлоты – часть криосферы и литосферы, представляющая собой верхний слой земной коры, характеризующейся отрицательной среднегодовой температурой, постоянно или периодически содержащей подземный лед [33]. Однако стоит обратить внимание на определенное противоречие, вызванное отсутствием непосредственного закрепления понятия «многолетняя (вечная) мерзлота» в федеральном законодательстве. Закрепляемое определение «состояние многолетней (вечной) мерзлоты» исходит из совокупности характеристик исключительно вечномерзлых грунтов. При этом грунт определяется как поверхностный слой земли, состоящий из минеральных и (или) органических веществ. Получается, что состояние многолетней (вечной) мерзлоты определяет характеристику только части многолетней (вечной) мерзлоты, проблематика которой законодателем поднимается множеством государственных программ. В этой связи определение Закона ЯНАО получается более широким и научно обоснованным, поскольку устанавливает границы многолетней (вечной) мерзлоты как часть криосферы и литосферы. Согласно ГОСТу Р 14.01-2005, литосфера включает геосферу толщиной около 70 км в виде слоев осадочных пород (гранитного и базальтового) и мантию толщиной до 3 000 км [34]. Несомненным достоинством Закона ЯНАО также выступает наличие понятия «охрана многолетней (вечной) мерзлоты», ставшего предметом многочисленных научных дискуссий. Рассматриваемое определение понимается как совокупность мероприятий, направленных на защиту и охрану не непосредственно многолетней (вечной) мерзлоты, а жизненно важных интересов личности, общества и хозяйственной инфраструктуры при неуклонном изменении состояния многолетней (вечной) мерзлоты. Следовательно, содержание и признаки деятельности по охране многолетней (вечной) мерзлоты исходят из общего определения национальной безопасности, связанного с состоянием защищенности национальных интересов (объективно значимых потребностей личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии) [35]. Конечно, противоречивым представляется включение словосочетания «хозяйственной инфраструктуры», поскольку возникает необходимость учета и защиты жизненно важных интересов личности, общества и «интересов хозяйственной инфраструктуры».

Заключение

Ухудшение качественного состояния многолетнемерзлых грунтов в России очевидно. Законодательные и исполнительные органы государственной власти Российской Федерации, учитывая складывающуюся ситуацию, стремятся адекватно отреагировать на появляющиеся вызовы. Разработка системы государственного фонового мониторинга состояния многолетней (вечной) мерзлоты, наделение соответствующих органов публичной власти полномочиями в рассматриваемой области – первый и правильный шаг в направлении сохранения многолетней (вечной) мерзлоты, предотвращении негативных последствий экологического и социально-экономического характера. Последующие задачи видятся в области законодательного регулирования, предоставления научно обоснованного правового сопровождения отношений по сохранению состояния многолетней (вечной) мерзлоты в качестве, способном обеспечить нормальное функционирование развивающейся инфраструктуры России, особенно в Арктическом макрорегионе. Отражение в отечественной правовой системе проблематики деградации многолетней (вечной) мерзлоты началось с включения в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» соответствующих определений, носящих, однако, спорный характер. Во-первых, несмотря на существующее продолжительное время примеры законодательного регулирования подобных отношений отдельными региональными нормативными правовыми актами, до сих пор отсутствует объединяющее системообразующее определение многолетней (вечной) мерзлоты, основывающееся на научных исследовательских данных. Во-вторых, имеющееся определение «состояние многолетней мерзлоты» предполагает наличие критериев подобного состояния, предположительно получаемых в результате осуществления фонового мониторинга многолетней (вечной) мерзлоты. Проблема заключается в необходимости проработки нормативов качества многолетней (вечной) мерзлоты и установления нормативов (пределов) антропогенного воздействия на нее, способного своевременно пресечь нарушения экологического законодательства и предотвратить негативные последствия таяния многолетнемерзлых пород. Кроме того, с учетом изменения качественного состояния ландшафтов, потерей эстетических свойств ландшафтов, сопровождающихся появлением впадин, провалов грунта и последующим появлений неудобств, теряется устойчивость естественных экологических систем. Таким образом, создается препятствие к осуществлению одного из важнейших конституционных прав человека и гражданина на благоприятную окружающую среду. Отличным примером для федерального законодательства выступают принятые северными регионами России законодательные акты в области многолетней (вечной) мерзлоты.

Многочисленными государственными программами России отмечается направленность внешней политики на плодотворное сотрудничество.

Развивающиеся площадки международного сотрудничества и функционирующие международные организации заинтересованы в совместном освоении ресурсного потенциала российской Арктики. Проблематика климатических преобразований и необходимость выработки адаптационных мероприятий свойственны многим странам, особенно находящимся, осуществляющим или планирующим осуществлять инвестиционные проекты в арктическом макрорегионе.

Поэтому важнейшим направлением международного сотрудничества представляется научное сотрудничество и дальнейшая проработка нормативных основ совместного безопасного освоения ресурсного потенциала Арктики. Особое внимание, однако, следует уделять отечественному законодательству, проработке механизмов правовой охраны окружающей среды и обеспечению экологической безопасности, включающим правовые способы охраны качественного состояния многолетней (вечной) мерзлоты, способствующие обеспечению реализации национальных интересов государства в российской Арктике.

Список источников

1. Порфирьев Б.Н., Елисеев Д.О. Интегральный подход к экономической оценке последствий деградации многолетней мерзлоты для устойчивости основных фондов в Российской Арктике // Проблемы прогнозирования. 2023. № 2 (197). С. 30–43. doi: 10.47711/0868-6351-197-30-43
2. Порфирьев Б.Н., Елисеев Д.О., Стрелецкий Д.А. Экономическая оценка последствий деградации вечной мерзлоты для жилищного сектора Российской Арктики // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91, № 2. С. 105–114. doi: 10.31857/S0869587321020067
3. Доклад об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2022 год. М., 2023. 104 с.
4. Маслаков А.А. Последствия деградации многолетней мерзлоты для коренных жителей Чукотского полуострова // Современные исследования трансформации криосферы и вопросы геотехнической безопасности сооружений в Арктике. Салехард, 2021. С. 286–289. doi: 10.7868/9785604610848077
5. Васильев А.А., Дроздов Д.С., Гравис А.Г., Никитин К.А. Деградация мерзлоты в ЯНАО. Результаты многолетнего мониторинга // Современные исследования трансформации криосферы и вопросы геотехнической безопасности сооружений в Арктике. Салехард, 2021. С. 78–80. doi: 10.7868/9785604610848018
6. Саенко В.В., Колпаков А.Ю. Систематизация ключевых направлений и индикаторов адаптации отраслей топливно-энергетического комплекса России к последствиям климатических изменений // Окружающая среда и энерговедение. 2023. № 3 (19). С. 50–70. doi: 10.5281/zenodo.10066689
7. Ревич Б.А., Шапошников Д.А., Раичич С.Р., Сабурова С.А., Симонова Е.Г. Зонирование административных районов Российской Арктики по степени опасности разрушения скотомогильников в результате деградации многолетней мерзлоты // Анализ риска здоровью. 2021. № 1. С. 115–125. doi: 10.21668/health.risk/2021.1.12
8. Башкова А.А. Проблемы строительства и эксплуатации зданий и сооружений в условиях деградации мерзлоты на территории Приуральского района Ямало-Ненецкого автономного округа // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2023. № 1 (118). С. 25–37. doi: 10.26110/ARCTIC.2023.118.1
9. Сулейманов А.А. Последствия наводнений и деградации многолетней мерзлоты для системы жизнеобеспечения населения бассейна реки Алазея (на материалах второй половины XX–XXI веков) // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 8. С. 470–487. doi: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-470-487
10. Ревич Б.А., Харькова Т.Л. Климатические риски социального развития Ямало-Ненецкого автономного округа // Проблемы прогнозирования. 2023. № 4 (199). С. 157–167. doi: 10.47711/0868-6351-199-157-167
11. Елисеев Д.О., Ревич Б.А., Шартова Н.В., Грищенко М.Ю. Оценка возможных изменений доступности медицинской помощи в северных регионах России в связи с климатическими изменениями (на примере ЯНАО и Республики Саха – Якутия) // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2023. № 4. С. 182–204. doi: 10.47711/2076-3182-2023-4-182-204
12. Отчет научно-исследовательской работы Арктического и Антарктического Научно-исследовательского Института. «Гидрометеорологическое обеспечение Арктики». 2013.
13. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ (ред. от 25.12.2023: с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023) // СЗ РФ. 05.06.2006. № 32. Ст. 2381.
14. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об охране окружающей среды» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2024) // СЗ РФ. 14.01.2002. № 2. Ст. 133.
15. Постановление Правительства РФ от 19.03.2024 № 329 «О федеральной государственной информационной системе состояния окружающей среды» // СЗ РФ. 25.03.2024. № 13. Ст. 1800.
16. Приказ Минприроды России от 30.07.2020 № 510 (ред. от 22.11.2023) «Об утверждении состава и структуры документированной информации о состоянии окружающей среды и ее загрязнении, порядка ее комплектования, учета, хранения и использования, а также порядка создания и ведения Единого государственного фонда данных о состоянии окружающей среды, ее загрязнении» (Зарегистрировано в Минюсте России 07.12.2020 N 61314) // Официальный интернет-портал правовой информации. 08.12.2020. URL: http://pravo.gov.ru
17. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 30.09.2022) «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 18.02.2019. № 7 (часть II). Ст. 702.
18. Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 24.04.2017. № 17. Ст. 2546.
19. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Российская газета. № 100. 11.05.2024.
20. Указ Президента РФ от 26.10.2023 № 812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации» // СЗ РФ. 30.10.2023. № 44. Ст. 7865.
21. Распоряжение Правительства РФ от 11.03.2023 № 559-р «Об утверждении национального плана мероприятий второго этапа адаптации к изменениям климата на период до 2025 года» // СЗ РФ. 20.03.2023. № 12. Ст. 2055.
22. Приказ Минвостокразвития России от 26.11.2021 № 221 «Об утверждении Плана адаптации к изменениям климата Арктической зоны Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
23. Постановление Совмина РСФСР от 28.05.1969 № 330 «О генеральном плане г. Читы» // СПС КонсультантПлюс.
24. Инструкция по изучению инженерно-геологических условий месторождений твердых полезных ископаемых при их разведке, утв. Мингео СССР 09.04.1973. М. : Недра, 1975.
25. Федеральный закон от 17.11.1995 № 169-ФЗ «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 20.11.1995. № 47. Ст. 4473
26. Распоряжение Правительства РФ от 29.10.2022 № 3219-р «О комплексе мероприятий по минимизации выбросов в атмосферный воздух, сбросов в водные объекты загрязняющих веществ при осуществлении хозяйственной и иной деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» // СЗ РФ. 07.11.2022. № 45. Ст. 7775.
27. Стокгольмская декларация (Принята в г. Стокгольме 16.06.1972 на Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды) // Действующее международное право. Т. 3. М. : Московский независимый институт международного права, 1997. С. 682–687.
28. Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию (Принята в г. Рио-де-Жанейро 14.06.1992) // Международное публичное право : сб. док. Т. 2. М. : БЕК, 1996. С. 135–138.

29. Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата (заключена в г. Нью-Йорке 09.05.1992) // СЗ РФ. 11.11.1996. № 46. Ст. 5204.
30. Парижское соглашение (заключено в г. Париже 12.12.2015) // Бюллетень международных договоров. 2020. № 4.
31. Закон Республики Саха (Якутия) от 22.05.2018 2006-З № 1571-V «Об охране вечной мерзлоты в Республике Саха (Якутия)» // Якутские ведомости (приложение к газете «Якутия»). 07.06.2018. № 22.
32. Истоки и источники права: генезис и эволюция / под ред. Р.А. Ромашова. СПб. : Алетейя, 2022. 482 с.
33. Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 22.12.2023 № 105-ЗАО «О многолетней (вечной) мерзлоте в Ямало-Ненецком автономном округе» // Газета «Красный Север». 27.12.2023. Спецвыпуск № 113.
34. ГОСТ Р 14.01-2005. Экологический менеджмент. Общие положения и объекты регулирования (утв. Приказом Ростехрегулирования от 30.12.2005 № 518-ст). М. : Стандартинформ, 2009.
35. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 05.07.2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

References

1. Porfir'yev, B.N. & Yeliseyev, D.O. (2023) Integral'nyy podkhod k ekonomicheskoy otsenke posledstviy degradatsii mnogoletney merzloty dlya ustoychivosti osnovnykh fondov v Rossiyskoy Arktike [An integral approach to the economic assessment of the consequences of permafrost degradation for the stability of fixed assets in the Russian Arctic]. *Problemy prognozirovaniya*. 2 (197). pp. 30–43. doi: 10.47711/0868-6351-197-30-43
2. Porfir'yev, B.N., Yeliseyev, D.O. & Streletskiy, D.A. (2021) Ekonomicheskaya otsenka posledstviy degradatsii vechnoy merzloty dlya zhilishchnogo sektora Rossiyskoy Arktiki [Economic assessment of the consequences of permafrost degradation for the housing sector of the Russian Arctic]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. 2 (91). pp. 105–114. doi: 10.31857/S0869587321020067
3. The Federal Service for Hydrometeorology and Environmental Monitoring (Roshydromet). (2023) *Doklad ob osobennostyakh klimata na territorii Rossiyskoy Federatsii za 2022 god* [Report on Climate Features in the Territory of the Russian Federation for 2022]. Moscow: [s.n.].
4. Maslakov, A.A. (2021) [Consequences of permafrost degradation for indigenous peoples of the Chukchi Peninsula]. *Sovremennyye issledovaniya transformatsii kriosfery i voprosy geotekhnicheskoy bezopasnosti sooruzheniy v Arktike* [Modern Studies of Cryosphere Transformation and Geotechnical Safety of Structures in the Arctic]. Proceedings of the Conference. Salekhard. 03–12 November 2021. Salekhard: [s.n.]. pp. 286–289. (In Russian). doi: 10.7868/9785604610848077
5. Vasil'yev, A.A. et al. (2021) [Permafrost degradation in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. Results of long-term monitoring]. *Sovremennyye issledovaniya transformatsii kriosfery i voprosy geotekhnicheskoy bezopasnosti sooruzheniy v Arktike* [Modern Studies of Cryosphere Transformation and Geotechnical Safety of Structures in the Arctic]. Proceedings of the Conference. Salekhard. 03–12 November 2021. Salekhard: [s.n.]. pp. 78–80. (In Russian). doi: 10.7868/9785604610848018
6. Sayenko, V.V. & Kolpakov, A.Yu. (2023) Sistematizatsiya klyuchevykh napravleniy i indikatorov adaptatsii otrasley toplivno-energeticheskogo kompleksa Rossii k posledstviyam klimaticheskikh izmeneniy [Systematization of key areas and indicators of adaptation of Russian fuel and energy sectors to the consequences of climate change]. *Okruzhayushchaya sreda i energovedeniye*. 3 (19). pp. 50–70. doi: 10.5281/zenodo.10066689
7. Revich, B.A. et al. (2021) Zonirovaniye administrativnykh rayonov Rossiyskoy Arktiki po stepeni opasnosti razrusheniya skotomogil'nikov v rezul'tate degradatsii mnogoletney merzloty [Zoning of administrative regions of the Russian Arctic by the degree of hazard of destruction of cattle cemeteries as a result of permafrost degradation]. *Analiz riska zdorov'yu*. 1. pp. 115–125. doi: 10.21668/health.risk/2021.1.12
8. Bashkova, A.A. (2023) Problemy stroitel'stva i ekspluatatsii zdaniy i sooruzheniy v usloviyakh degradatsii merzloty na territorii Priural'skogo rayona Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga [Problems of construction and operation of buildings and structures under permafrost degradation conditions in the priuralsky district of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug]. *Nauchnyy vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga*. 1 (118). pp. 25–37. doi: 10.26110/ARCTIC.2023.118.1
9. Suleymanov, A.A. (2022) Posledstviya navodneniy i degradatsii mnogoletney merzloty dlya sistemy zhizneobespecheniya naseleniya basseyna reki Alazeya (na materialakh vtoroy poloviny XX–XXI vekov) [Consequences of floods and permafrost degradation for the life support system of the Alazeya river basin population (based on materials from the second half of the 20th–21st centuries)]. *Nauchnyy dialog*. 8 (11). pp. 470–487. doi: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-470-487
10. Revich, B.A. & Khar'kova, T.L. (2023) Klimaticheskiye riski sotsial'nogo razvitiya Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga [Climate risks of social development of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug]. *Problemy prognozirovaniya*. 4 (199). pp. 157–167. doi: 10.47711/0868-6351-199-157-167
11. Yeliseyev, D.O. et al. (2023) Otsenka vozmozhnykh izmeneniy dostupnosti meditsinskoy pomoshchi v severnykh regionakh Rossii v svyazi s klimaticheskimi izmeneniyami (na primere YANAO i Respubliki Sakha – Yakutiya) [Assessment of possible changes in the availability of medical care in the northern regions of russia due to climate change (using the yamalo-nenets autonomous okrug and the sakha-yakutia republic as an example)]. *Nauchnyye trudy: Institut narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN*. 4. pp. 182–204. doi: 10.47711/2076-3182-2023-4-182-204
12. Arctic and Antarctic Research Institute. (2013) *Otchet nauchno-issledovatel'skoy raboty "Gidrometeorologicheskoye obespecheniye Arktiki"* [Hydrometeorological Support of the Arctic. Research Report of the Arctic and Antarctic Research Institute]. Saint Petersburg: Arctic and Antarctic Research Institute.
13. SZ RF. (2006) Rossiyskaya Federatsiya. (2006). Vodnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 03.06.2006 № 74-FZ (red. ot 25.12.2023: s izm. i dop., vstup. v silu s 30.12.2023) [Water Code of the Russian Federation No. 74-FZ of June 3, 2006 (as amended on December 25, 2023, effective December 30, 2023)]. *SZ RF*. 05 June. 32. Art. 2381.
14. SZ RF. (2002) Federal'nyy zakon ot 10.01.2002 № 7-FZ (red. ot 25.12.2023) "Ob okhrane okruzhayushchey sredy" (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.03.2024) [On Environmental Protection. Federal Law No. 7-FZ of January 10, 2002 (as amended on December 25, 2023) (as amended and supplemented, entered into force on March 01, 2024)]. *SZ RF*. 14 January. 2. Art. 133.
15. SZ RF. (2024) Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 19.03.2024 № 329 "O federal'noy gosudarstvennoy informatsionnoy sisteme sostoyaniya okruzhayushchey sredy" [On the Federal State Information System of the State of the Environment. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 329 of March 19, 2024]. *SZ RF*. 25 March. 13. Art. 1800.
16. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Official Internet Portal of Legal Information]. (2020) Prikaz Minprirody Rossii ot 30.07.2020 № 510 (red. ot 22.11.2023) "Ob utverzhdenii sostava i struktury dokumentirovannoy informatsii o sostoyanii okruzhayushchey sredy i yeye zagryaznenii, poryadka yeye komplektovaniya, ucheta, khraneniya i ispol'zovaniya, a takzhe poryadka sozdaniya i vedeniya YEdinogo gosudarstvennogo fonda dannykh o sostoyanii okruzhayushchey sredy, yeye zagryaznenii" (Zaregistrirovano v Minyuste Rossii 07.12.2020 N 61314) [On Approval of the Composition and Structure of Documented Information on the State of the Environment and Its Pollution, the Procedure for its Acquisition, Accounting, Storage, and Use, as well as the Procedure for Creating and Maintaining the Unified State Data Fund on the State of the Environment and Its Pollution. Order of the Ministry of Natural Resources of the Russian Federation No. 510 of July 30, 2020 (as amended on November 22, 2023) (Registered with the Ministry of Justice of Russia No. 61314 on December 7, 2020)]. *Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii* [Official Internet Portal of Legal Information]. [Online] Available from: http://pravo.gov.ru
17. SZ RF. (2019) Pravitel'stvo RF. (2019). Rasporyazheniye Pravitel'stva RF ot 13.02.2019 № 207-r (red. ot 30.09.2022) "Ob utverzhdenii Strategii prostranstvennogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda" [On Approval of the Spatial Development Strategy of the Russian

Federation for the Period through 2025. Order of the Government of the Russian Federation No. 207-r of February 13, 2019 (as amended on September 30, 2022)]. *SZ RF*. 18 February. 7 (Part II). Art. 702.
18. SZ RF. (2017) Ukaz Prezidenta RF ot 19.04.2017 № 176 "O Strategii ekologicheskoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda" [On the Environmental Security Strategy of the Russian Federation through 2025. Decree of the President of the Russian Federation No. 176 of April 19, 2017]. *SZ RF*. 24 April. 17. Art. 2546.
19. Rossiyskaya gazeta. (2024) Ukaz Prezidenta RF ot 07.05.2024 № 309 "O natsional'nykh tselyakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda" [On the National Development Goals of the Russian Federation through 2030 and through 2036. Decree of the President of the Russian Federation No. 309 of May 7, 2024]. *Rossiyskaya gazeta*. 100. 11 May.
20. SZ RF. (2023) Ukaz Prezidenta RF ot 26.10.2023 № 812 "Ob utverzhdenii Klimaticheskoy doktriny Rossiyskoy Federatsii" [On Approval of the Climate Doctrine of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation No. 812 of October 26, 2023]. *SZ RF*. 30 October. 44. Art. 7865.
21. SZ RF. (2023) Rasporyazheniye Pravitel'stva RF ot 11.03.2023 № 559-r "Ob utverzhdenii natsional'nogo plana meropriyatiy vtorogo etapa adaptatsii k izmeneniyam klimata na period do 2025 goda" [On Approval of the National Action Plan for the Second Stage of Adaptation to Climate Change for the Period up to 2025. Order of the Government of the Russian Federation No. 559-r of March 11, 2023]. *SZ RF*. 20 March. 12. Art. 2055.
22. Consultant Plus. (2021) *On Approval of the Climate Change Adaptation Plan for the Arctic Zone of the Russian Federation. Order of the Ministry for the Development of the Russian Far East No. 221 of November 26, 2021*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
23. Consultant Plus. (1969) *On the General Plan of the City of Chita. Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR No. 330 of May 28, 1969.* Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
24. Ministry of Geology USSR. (1975) *Instruktsiya po izucheniyu inzhenerno-geologicheskikh usloviy mestorozhdeniy tverdykh poleznykh iskopayemykh pri ikh razvedke, utv. Mingeo SSSR 09.04.1973* [Instructions for the Study of Engineering and Geological Conditions of Solid Mineral Deposits during Their Exploration, approved by the USSR Ministry of Geology on April 9, 1973]. Moscow: Nedra.
25. SZ RF. (1995) Federal'nyy zakon ot 17.11.1995 № 169-FZ "Ob arkhitekturnoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii" [On Architectural Activity in the Russian Federation. Federal Law No. 169-FZ of November 17, 1995]. *SZ RF*. 20 November. 47. Art. 4473.
26. SZ RF. (2022) Rasporyazheniye Pravitel'stva RF ot 29.10.2022 № 3219-r "O komplekse meropriyatiy po minimizatsii vybrosov v atmosfernyy vozdukh, sbrosov v vodnyye ob"yekty zagryaznyayushchikh veshchestv pri osushchestvlenii khozyaystvennoy i inoy deyatel'nosti v Arkticheskoy zone Rossiyskoy Federatsii" [On a Set of Measures to Minimize Pollutant Emissions into the Atmospheric Air and Discharges into Water Bodies During Economic and Other Activities in the Arctic Zone of the Russian Federation. Order of the Government of the Russian Federation No. 3219-r of October 29, 2022]. *SZ RF*. 07 November. 45. Art. 7775.
27. UN. (1997) Stokgol'mskaya deklaratsiya (Prinyata v g. Stokgol'me 16.06.1972 na Konferentsii OON po problemam okruzhayushchey cheloveka sredy) [Stockholm Declaration (adopted in Stockholm on June 16, 1972 at the UN Conference on the Human Environment)]. In: Kolosov, Yu.M. & Krivchikova, E.S. (eds) *Deystvuyushcheye mezhdunarodnoye pravo* [Current International Law]. Vol. 3. Moscow: Moskovskiy nezavisimyy institut mezhdunarodnogo prava. pp. 682–687.
28. UN. (1996) Deklaratsiya Rio-de-Zhaneyro po okruzhayushchey srede i razvitiyu (Prinyata v g. Rio-de-Zhaneyro 14.06.1992) [Rio de Janeiro Declaration on Environment and Development (Adopted in Rio de Janeiro on June 14, 1992)]. In: Bekyashev, K.A. & Hodakov, A.G. (eds) *Mezhdunarodnoye publichnoye pravo* [Public International Law]. Vol. 2. Moscow: BEK. pp. 135–138.
29. SZ RF. (1996) Ramochnaya konventsiya Organizatsii Ob"yedinennykh Natsiy ob izmenenii klimata (zaklyuchena v g. N'yu-Yorke 09.05.1992) [United Nations Framework Convention on Climate Change (concluded in New York on May 9, 1992)]. *SZ RF*. 11 November. 46. Art. 5204.
30. Byulleten' mezhdunarodnykh dogovorov. (2020) Parizhskoye soglasheniye (zaklyucheno v g. Parizhe 12.12.2015) [Paris Agreement (concluded in Paris on December 12, 2015)]. *Byulleten' mezhdunarodnykh dogovorov*. 4.
31. Yakutskiye vedomosti (supplement to the Yakutiya newspaper). (2018) Zakon Respubliki Sakha (Yakutiya) ot 22.05.2018 2006-Z № 1571-V "Ob okhrane vechnoy merzloty v Respublike Sakha (Yakutiya)" [On the Protection of Permafrost in the Republic of Sakha (Yakutia). Law of the Republic of Sakha (Yakutia) No. 1571-V 2006-3 of May 22, 2018]. *Yakutskiye vedomosti (supplement to the Yakutiya newspaper)*. 07 June. 22.
32. Romashov, R.A. (ed.) (2022) *Istoki i istochniki prava: genezis i evolyutsiya* [Sources and Sources of Law: Genesis and Evolution]. Saint Petersburg: Aleteyya.
33. Krasnyy Sever. (2023) Zakon Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga ot 22.12.2023 № 105-ZAO "O mnogoletney (vechnoy) merzlote v Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge" [On Permafrost in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. Law of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug No. 105-ZAO of December 22, 2023]. *Krasnyy Sever*. 27 December. Special issue 113.
34. Federal Agency for Technical Regulation and Metrology (Rostekhregulirovaniye). (2009) *GOST R 14.01-2005. Ekologicheskiy menedzhment. Obshchiye polozheniya i ob"yekty regulirovaniya (utv. Prikazom Rostekhregulirovaniya ot 30.12.2005 № 518-st)* [GOST R 14.01-2005. Environmental Management. General Provisions and Regulated Objects (approved by Order of Rostekhregulirovanie No. 518-st of December 30, 2005)]. Moscow: Standartinform.
35. SZ RF. (2021) Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 № 400 "O Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii" [On the National Security Strategy of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation No. 400 of July 2, 2021]. *SZ RF*. 5 July. 27 (Part II). Art. 5351.

Информация об авторе:
Барамидзе Д.Д. – канд. юрид. наук, доцент кафедры экологического, трудового, административного права, основ права и российской государственности Удмуртского государственного университета (Ижевск, Россия). E-mail: baramidze.david12@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
D.D. Baramidze, Cand. Sci. (Law), associate professor, Udmurt State University (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: baramidze.david12@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.02.2025;
одобрена после рецензирования 01.10.2025; принята к публикации 10.10.2025.

The article was submitted 12.02.2025;
approved after reviewing 01.10.2025; accepted for publication 10.10.2025.

Научная статья
УДК 343.98
doi: 10.17223/15617793/519/24

Некоторые аспекты проведения комплексной психолого-лингвистической экспертизы в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации»

Анна Львовна Боренштейн[1], Константин Геннадьевич Балашов[2], Иван Юрьевич Быстров[3]

[1] Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия, annalbor@yandex.ru
[2] Адвокатская контора Красноперекопского района г. Ярославля (Ярославская областная коллегия адвокатов), Ярославль, Россия, balashoffkonstantin@yandex.ru
[3] АНО ЦПН «Северные чайки», Курск, Россия, bystrov.ivan05@gmail.com

Аннотация. Обоснована необходимость теоретико-методологического обеспечения комплексной психолого-лингвистической экспертизы в связи с обновлением состава преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ. Проведен многоаспектный анализ вербальных и паралингвистических характеристик коммуникационной деятельности участников неправомерного оборота средств платежей. Сформирован унифицированный перечень процессуально значимых вопросов для судебных экспертов-психолингвистов по делам данной категории. Разработаны рекомендации по совершенствованию экспертной практики.
Ключевые слова: комплексная психолого-лингвистическая экспертиза, неправомерный оборот средств платежей, коммуникационная деятельность, цифровые доказательства, финансово-криптовалютный профиль, идентификационные маркеры, состав преступления, умысел

Для цитирования: Боренштейн А.Л., Балашов К.Г., Быстров И.Ю. Некоторые аспекты проведения комплексной психолого-лингвистической экспертизы в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 519. С. 195–204. doi: 10.17223/15617793/519/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/519/24

Some aspects of conducting a comprehensive psychological and linguistic examination in connection with the adoption of the Federal Law "On Amendments to Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation"

Anna L. Borenstein[1], Konstantin G. Balashov[2], Ivan Yu. Bystrov[3]

[1] Southwest State University, Kursk, Russian Federation, annalbor@yandex.ru
[2] Law Office of Krasnoperekopsky District of Yaroslavl, Yaroslavl, Russian Federation, balashoffkonstantin@yandex.ru
[3] Autonomous Non-profit Organization "Northern Seagulls", Kursk, Russian Federation, bystrov.ivan05@gmail.com

Abstract. This article examines the theoretical and methodological foundations for commissioning and conducting comprehensive psychological and linguistic examinations in criminal cases involving the illegal circulation of payment instruments, particularly in light of Federal Law No. 176-FZ of June 24, 2025, which expanded the scope of the criminal offense defined in Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation. The primary focus is on identifying methodological gaps in the expert evaluation of digital communications among members of organized groups engaged in unlawful activities within the sphere of non-cash transactions. The study aims to establish a scientific and methodological framework for conducting comprehensive psychological-linguistic examinations in cases of illegal payment instrument circulation, identify critical challenges in current expert practice, and propose a set of measures to address these challenges considering the updated criminal legislation. The research draws on an empirical corpus of text messages extracted from private Telegram chats, documenting 2024 correspondence between coordinators and operatives involved in unlawful activities in the Kursk region. The methodology integrates content analysis, discourse analysis, structural-functional modeling of communicative roles, and pragmatic-semantic analysis of professional jargon from the financial and cryptocurrency domains. A comprehensive approach was adopted to examine both verbal and paralinguistic features of communication in terms of their forensic relevance. The findings reveal systemic methodological deficiencies in the expert assessment of digital communications in cases involving illegal payment instrument circulation. To address these gaps, the authors propose the following measures: 1. Develop and formalize at the Russian Federal Centre of Forensic Science (RFCFS) level methodological guidelines for the linguistic identification of functional roles, incorporating a typology of discursive markers and establishing reference corpora of criminal communications. 2. Amend the Criminal Procedure Code of the Russian Federation by introducing Article 81.1 "Digital Evidence," legalizing multimodal content, and regulating procedures for documenting dynamic messages with cryptographic protection. 3. Establish a three-tiered system of psycholinguistic criteria for assessing criminal intent, comprising: lexical-semantic markers

© Боренштейн А.Л., Балашов К.Г., Быстров И.Ю., 2025

indicating awareness of legal risks, pragmatic-communicative indicators of conspiratorial behavior, and discursive-role criteria reflecting criminal socialization. 4. Develop a standardized set of ten essential questions for forensic psycholinguists, addressing the identification of specialized jargon, reconstruction of participant hierarchies, detection of markers indicating awareness of illegality, and analysis of coordination mechanisms.
Keywords: comprehensive psychological-linguistic examination, illegal turnover of means of payment, communication activities, digital evidence, financial and cryptocurrency domain, identification markers, corpus delicti, intent

***For citation*:** Borenstein, A.L., Balashov, K.G. & Bystrov, I.Yu. (2025) Some aspects of conducting a comprehensive psychological and linguistic examination in connection with the adoption of the Federal Law "On Amendments to Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 519. pp. 195–204. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/519/24

Активная цифровизация финансового сектора привела к качественному усложнению преступных практик в сфере безналичных расчётов. Принятием Федерального закона от 24.06.2025 № 176-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» законодатель отреагировал на новые формы неправомерного оборота средств платежей, расширив предмет состава преступления, конкретизировав признаки объективной стороны и ужесточив санкции [1]. Указанная новелла повлечёт существенный рост числа уголовных дел, в рамках которых доказательственное значение будут приобретать тексты электронных коммуникаций – переписки в мессенджерах, посты в социальных сетях, аудио- и видеосообщения. Для надлежащей оценки смыслопрагматического содержания этих сообщений, а также для изучения психологических характеристик их авторов следственная и судебная практика всё чаще будет прибегать к комплексной психолого-лингвистической экспертизе (КПЛЭ). Между тем методические основы КПЛЭ в контексте обновлённого состава ст. 187 УК РФ до настоящего времени не получили должного теоретико-правового осмысления, что обусловливает необходимость специального научного анализа.

В отечественной науке сформирован солидный массив исследований, посвящённых теоретическим и прикладным аспектам судебных, лингвистических и психолого-лингвистических экспертиз. В частности, труды И.А. Стернина, Т.В. Агаркова, М.А. Головко, А.Ю. Савельева, Н.Н. Селиверстова и др. Однако основное внимание указанных работ сосредоточено на делах, связанных с распространением экстремистских материалов [2. С. 32], защитой чести и достоинства [3. С. 67] либо преступлениями против половой неприкосновенности [4. С. 101]. Специфика назначения и проведения КПЛЭ по уголовным делам о неправомерном обороте средств платежей пока недостаточно исследована, поскольку соответствующий состав преступления получил уголовно-правовое закрепление лишь в последнее время.

Практико-ориентированные рекомендации Минюста России и ФГБУ «Российский федеральный центр судебной экспертизы» затрагивают преимущественно отдельные технические вопросы – идентификацию автора сообщений, выявление скрытых смыслов, анализ речевых стратегий. При этом за пределами методического регулирования остаются критерии дифференциации функциональных ролей соучастников («дропов», «дроповодов», организаторов), а также вопросы, связанные с психологической мотивацией и структурой их преступного умысла.

Отсутствие целостной научно-методической базы, учитывающей особенности данного состава преступления, осложняет формирование единых экспертных стандартов и снижает эффективность доказательственной деятельности по делам, возбужденным по ст. 187 УК РФ.

Цель исследования – формирование теоретико-методологических основ назначения и проведения КПЛЭ по уголовным делам о неправомерном обороте средств платежей с учётом последних изменений содержания ст. 187 УК РФ.

В целях достижения заявленной цели надлежит решить взаимосвязанные задачи, к числу которых относятся:

1) осуществление многоаспектного анализа вербальных и паралингвистических характеристик коммуникационной деятельности лиц, наделённых процессуальным статусом подозреваемого либо обвиняемого, с целью выявления информативных признаков, релевантных для криминалистической оценки их поведения;

2) формирование унифицированного перечня процессуально значимых вопросов, подлежащих постановке органами дознания, предварительного следствия и судом перед судебным экспертом-психолингвистом;

3) разработка научно обоснованных рекомендаций, направленных на совершенствование практики производства комплексной психолого-лингвистической экспертизы по уголовным делам указанной категории.

Выявленные методологические пробелы обусловливают последовательную структуру исследования. На первом этапе будет проведен анализ вербальных и паралингвистических характеристик коммуникационной деятельности. На втором этапе предстоит сформировать и систематизировать типовые вопросы, адресуемые эксперту по делам, возбужденным по ст. 187 УК РФ. Завершающий этап предусматривает разработку рекомендаций, направленных на унификацию и совершенствование практики проведения КПЛЭ по делам о неправомерном обороте средств платежей.

Перейдем к формулированию понятийно-категориального аппарата исследования.

Эксперт – это лицо, обладающее специальными познаниями в области науки, искусства или ремесла и привлекаемое к делу судом, следствием или органами

дознания. Согласно процессуальным нормам, экспертом может быть любое лицо, обладающее специальными познаниями в конкретной области [5. С. 14].

Комплексная психолого-лингвистическая экспертиза – это вид судебной экспертизы, в ходе которой одновременно применяются методы лингвистики и судебной психологии для анализа речевых продуктов (письменных текстов, аудио- и видеозаписей, интернет-переписки и т.п.) и психических проявлений их авторов [6. С. 352].

Предмет экспертизы включает:

1) лингвистические особенности сообщения (лексика, грамматика, прагматика, скрытые смыслы, речевые стратегии) [7. С. 119];

2) психологические характеристики коммуниканта (мотивы, эмоциональное состояние, структура умысла, функциональная роль в группе) [8. С. 7].

Основные задачи КПЛЭ:

а) установить точный смысл и юридически значимые признаки высказываний [9. С. 125];

б) определить наличие или отсутствие противоправного содержания [8. С. 53];

в) дифференцировать роли соучастников на основании языковых и психологических маркеров [10. С. 159];

г) оценить направленность и степень осознанности умысла [11. С. 60].

Заключение эксперта, основанное на результатах КПЛЭ, представляет собой самостоятельное доказательство, подлежащее оценке следствием и судом на общих основаниях в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства [12. С. 217].

В целях практической реализации обозначенной задачи сформирован репрезентативный сравнительный корпус текстовых сообщений, зафиксированных в 2024 г. в переписках координаторов («дроноводов» [13. С. 187]) и исполнителей («дропов» [14]), осуществлявших противоправную деятельность на территории Курской области из закрытых чатов в мессенджере Telegram. Сбор, извлечение, обезличивание и хранение указанных цифровых материалов произведены уполномоченными лицами исключительно в научно-исследовательских целях и в строгом соответствии с требованиями действующего законодательства Российской Федерации. Указанный эмпирический массив служит базой для многоаспектного анализа вербальных и паралингвистических характеристик коммуникации лиц, обладающих процессуальным статусом подозреваемого либо обвиняемого, с целью идентификации информативных признаков, имеющих криминалистическое значение при оценке их функциональной роли и субъективной стороны преступления.

Объектом исследования является профессиональный групповой чат, функционирующий в формате корпоративного мессенджера. Контент-анализ переписки обнаруживает сформированную иерархическую структуру, в которой коммуникативное поведение участников коррелирует с их функциональными обязанностями.

1. Управленческая подсистема (пользователи Mersi, VS, CK). Представители данной категории инициируют стратегические коммуникации: формулируют директивы, запрашивают отчётность, устанавливают контрольные сроки и осуществляют мониторинг исполнения.

2. Оперативные исполнители. Участники этой группы привязаны к конкретным рабочим локациям («кабинет», «ЛК» и др.) и обеспечивают ежедневное выполнение производственных задач. Их сообщения характеризуются краткими фактологическими отчётами, подтверждениями завершённых операций и запросами на дальнейшие указания.

3. Технические специалисты. Данная категория пользователей отвечает за бесперебойное функционирование оборудования и информационных систем. В коммуникации они фиксируют технические статусы, уведомляют о неполадках и предлагают алгоритмы их устранения.

Анализ динамики сообщений позволяет выделить устойчивые паттерны взаимодействия:

– периодические отчёты о ходе работ и достигнутых результатах;

– запросы на верификацию или одобрение действий;

– оперативные уведомления о возникновении инцидентов и их приоритетности;

– координация ресурсов и распределение задач между подразделениями.

Таким образом, исследуемый чат выполняет функцию распределённого диспетчерского центра, где иерархическая ролевая структура определяет как содержание сообщений, так и последовательность коммуникативных актов.

Проведённый лингвистический и семиотический анализ профессиональной переписки позволил выявить устойчивый пласт отраслевого жаргона, характерного для финансовых операций с элементами криптовалютного и банковского секторов.

1. Базовая операционная лексика. Термины «межбанк», «выплаты», «платежи», «заявки», «реквизиты», а также метафорическое использование слова «трубки» (контекстуально интерпретируется как мобильные устройства) указывают на ежедневную транзакционную деятельность, сопряжённую с переводами денежных средств и оформлением внутренних бухгалтерских документов.

2. Специализированные обозначения инфраструктуры:

– «Байбит» (Bybit) и «экснод» (Exnode) функционируют как номинации конкретных криптовалютных платформ или расчётных сервисов;

– комплекс слов «оборотка», «баланс офиса» сигнализирует о мониторинге текущей ликвидности и доступных резервов.

– маркеры «ордер», «выводить», «сливать» фиксируют операции по выводу, конвертации и перераспределению активов.

3. Индикаторы повышенного комплаенс-риска.

В переписке регулярно фигурируют коннотации «высокий риск», «риски», «ФЗ» (вероятно, ссылка на законодательные ограничения, связанные с противо-

действием легализации доходов), а также «компромат», употребляемый как обозначение заблокированных или проблемных счетов/аккаунтов.

4. Оценочные реплики, подтверждающие осознание возможной противоправности.

Цитаты, содержащие агрессивно-оценочные характеристики участников («Вот г****н», «Это пёс»), а также прямые упоминания уголовной ответственности («Он боится в тюрьму сесть», «Да он и так сядет уже»), демонстрируют рефлексивное понимание участниками потенциальных уголовно-правовых последствий собственной деятельности. Содержательные ссылки на конкретных лиц в сочетании с указанием сумм («Сапрыкин Владислав 25к», «Антонов Кирилл (компромат с прошлой смены)») косвенно подтверждают наличие спорных транзакций и связанных с ними санкционных мер.

Обобщая, изученный корпус сообщений свидетельствует о функционировании внутрикорпоративного сообщества, вовлечённого в высокорисковые финансовые схемы. Лексические особенности коммуникации одновременно выполняют прагматическую (оперативное взаимодействие) и эзотерическую (маскировка содержания) функции, что характерно для сред с повышенными требованиями к конфиденциальности и обходу нормативных барьеров.

Прагматико-дискурсивный разбор корпусов сообщений показал, что речевой репертуар участников сводится к четырём устойчивым классам коммуникативных интенций, каждая из которых коррелирует с определёнными этапами технологического цикла иерархически организованного коллектива.

1. Координационные интенции. Эта категория направлена на синхронизацию действий всех исполнителей. Формат выражения – точные директивы, задающие либо начало, либо приостановку процедур, либо распределение ресурсов. Языковые маркеры: глаголы совершенного вида в форме повелительного наклонения («завершите», «становитесь»), вопросительные конструкции с отсылкой к статусу оборудования или количеству задействованных единиц техники.

2. Отчётные интенции. Сообщения данного типа фиксируют факт вступления в смену, её завершения и промежуточные производственные показатели. Структура предельно формализована: идентификатор исполнителя, привязка к рабочему участку, временной интервал и количественные параметры (объём транзакций, остатки средств, число активных устройств). Лингвистически реализуются в виде эллиптических высказываний с доминированием числительных и аббревиатур.

3. Запросно-инструктивные интенции. Функция – получение обратной связи или уточнение регламентов. Чаще всего это комбинированные высказывания с элементами просьбы и одновременным включением инструкции: «проверьте, затем выполните», «уследите за балансом до порогового значения». Лексика включает разговорные модальные частицы, подчеркивающие срочность и объём предстоящих операций.

4. Предупредительно-превентивные интенции. Этот класс высказываний нацелен на минимизацию ошибок и соблюдение внутренних комплаенс-норм. В качестве ключевых маркеров выступают отрицательные частицы и числительно-количественные ограничения («не допускается оплата частями», «одна операция – один платёж»). Императивная семантика здесь сочетает информирование с явным запретом.

Все перечисленные группы объединяет доминирование директивной модальности. Повелительные формы лишены смягчающих средств вежливости и ориентированы на быстрое исполнительское реагирование, что отражает строгую вертикаль власти в рассматриваемом сообществе.

Структурно-функциональный анализ повседневной переписки показал, что внутри исследуемого профессионального сообщества сформирована трёхуровневая ролевая иерархия.

1. Стратегическое звено. Руководящая триада (Mersi, VS, CK) концентрирует полномочия по определению лимитов, контролю оборотных средств и оперативному переназначению ресурсов. Сообщения указанных субъектов содержат директивы жёсткой временной и количественной детерминации, что подтверждает их статус центров принятия решений.

2. Операторы кабинетов. Четыре «ЛК» (локальных кабинета) обслуживаются группой сменных исполнителей, закреплённых поимённо за каждым участком. Функциональный репертуар их сообщений ограничивается отчётами о входе-выходе из смены, фиксацией остатков на счетах и подтверждением выполненных транзакций. Наличие кросс-кабинетного дублирования (одни и те же актанты – Никита, Оля, Alex – задействованы в разных локациях) указывает на гибкую модель распределения трудовых ресурсов.

3. Техническая поддержка. Егор (voron) и Смбат (S) обеспечивают бесперебойную работу инфраструктуры: первый отвечает за аппаратную составляющую («трубки», серверы), второй – за криптовалютные кошельки и финансовые шлюзы. Коммуникативные маркеры этой подгруппы – отчёты о состоянии оборудования, рекомендационные алгоритмы ликвидации сбоев и предложения по оптимизации потоков.

Коллективная идентичность конструируется посредством:

– узкоспециального жаргона («оборотка», «межбанк», «сливать»), исключающего потребность в дополнительном пояснении;

– выраженной практики взаимопомощи при инцидентах («висит платеж», «упала труба» – незамедлительный отклик коллег);

– эмоциональной интеграции, транслируемой через юмор, поздравления и обесценивающее обсуждение рисков.

Показательно, что сниженная лексика и ироничные комментарии («Вот г****н», «Это пёс») функционируют как психологический барьер против осознания юридической значимости совершаемых операций. Тем не менее, отдельные реплики («Он боится в тюрьму сесть», «Карта тоже блокнулась?») демонстрируют латентное признание противоправной природы деятельности и возможных санкционных последствий.

Таким образом, коммуникационная экосистема описываемого чата характеризуется высокой степенью институциональной упорядоченности, выраженной в чёткой ролевой стратификации, специализации каналов взаимодействия и одновременным существованием норм, направленных на нивелирование правовых рисков посредством внутригруппового жаргона и юмористической риторики.

Психолингвистический анализ дискурса выявил три устойчивых эмоционально-оценочных контекста, коррелирующих с текущими ситуациями производственного цикла.

1. Нейтрально-профессиональный регистр. Большая часть высказываний оформлена как лаконичные протоколы («Заступил – сдал смену», «1ЛК – 2,796»). Подобные сообщения демонстрируют отсутствие экспрессивных средств, что типично для рутинного, регламентированного взаимодействия.

2. Ситуативная вовлечённость и соревновательный драйв. При фиксации повышенных показателей наблюдается всплеск позитивной экспрессии: «Команду Никсона обогнали», «На 900 к, да». Эмоционально заряженные реплики выполняют функцию сплочения коллектива и усиления мотивации, выступая в качестве маркера внутригрупповой конкуренции.

3. Стресс-триггерные проявления. При технических или юридических сбоях регистр резко меняется: используются сниженная лексика, вербализованные агрессивные оценки («Вот г****н», «Тот, который в банк ходил»). Это свидетельствует о кратковременной утрате нормативного коммуникативного контроля на фоне роста тревожности.

Обобщённая ролевая модель.

Стратегический уровень: Mersi, VS, CK задают лимиты, перераспределяют ресурсы, вырабатывают тактические и комплаенс-решения. Лингвистические признаки: директивы императивного характера, указание сроков и объёмов.

Оперативный уровень: операторы ЛК 1–4 – проводят транзакции, ведут учёт «трубок», обеспечивают отчётность по остаткам средств. Сообщения носят формализованный и количественно насыщенный характер.

Инженерно-технологический уровень: Voron (Егор) и S (Смбат) – гарантируют техническую надёжность инфраструктуры и обслуживание криптовалютных шлюзов. Коммуникация содержит отчёты о статусе оборудования и рекомендации по устранению инцидентов.

Таким образом, исследуемое сообщество функционирует в жёстко структурированной иерархии с чётким распределением ролей. Эмоциональные колебания участников детерминированы фазами рабочего процесса: от нейтральных отчётных последовательностей через моменты командного подъёма до эпизодов резкого аффекта при угрозе санкций или блокировок.

Корпус сообщений корпоративного мессенджера представляет собой замкнутую профессиональную коммуникативную среду, вокруг которой выстроена трёхуровневая иерархия. На верхнем уровне находятся стратегические акторы, идентифицируемые по никнеймам Mersi, VS и CK; именно они определяют лимиты, перераспределяют финансовые ресурсы, инициируют перемещение материально-технической базы и формулируют нормативы комплаенса. Средний уровень образуют операторы четырёх локальных кабинетов, обозначаемых как ЛК-1 – ЛК-4; их дискурс редуцирован до количественно насыщенных отчётов о сменах, остатках и объёмах транзакций, что указывает на жёсткую унификацию процедур и минимизацию избыточных данных. Третьим уровнем служит технический контур; Егор (voron) курирует аппаратную инфраструктуру («трубки», серверы), а Смбат (S) – криптовалютные шлюзы и платёжные API, обеспечивая непрерывность конверсионных операций.

Лингвистическая картина чата характеризуется обилием отраслевого жаргона и кодовых маркеров. Термины «межбанк», «байбит», «экснод», «оборотка», «сливать» выполняют одновременно прагматическую и эзотерическую функции: они ускоряют обмен оперативной информацией и затрудняют внешнюю интерпретацию содержания. Особое место занимают эвфемизмы риска – «компромат», «ФЗ», «высокий риск», которые служат индикаторами блокировок, повышенного внимания со стороны регуляторов и необходимости немедленного пересмотра маршрутизации средств. Примечательно, что обсуждение блокировок карт и счетов осуществляется без эмоционального удивления, фиксируя устоявшееся восприятие подобных инцидентов как рутинного элемента производственного цикла.

Коммуникативные интенции распределены по четырём базовым сценариям: координация («Завершите смены», «Становитесь на паузу»), отчётность («Заступил – сдал смену», «1ЛК – 2,796»), запросно-инструктивные сообщения («Баланс держим до 20 к»), а также превентивные уведомления («На Exnode нельзя оплачивать заявку двумя платежами»).

Для всех сценариев характерно императивное синтаксическое оформление, что отражает вертикальную модель власти и жесткую дисциплину исполнения. Обсуждение чувствительных тем нередко переводится в формат голосовых сообщений, что минимизирует текстовый след и, следовательно, вероятность внешнего аудита.

Эмоциональный регистр высказываний варьируется от нейтрально-протокольного – в периоды штатной работы – до гиперэкспрессивного при достижении высоких финансовых показателей («Команду Никсона обогнали на 900 к») или при возникновении критических рисков, когда появляется обсценная лексика и признаки кратковременного аффективного срыва («Вот г****н», «Тот который в банк ходил»). Однако даже в стрессовых эпизодах коммуникация быстро возвращается к нормативному формату, что свидетельствует о высокой степени профессиональной социализации.

Сопоставление лексических, структурных и поведенческих параметров позволяет реконструировать функциональную модель деятельности группы. Входя-

щий поток средств агрегируется на множестве банковских карт, далее сумма дробится, частично конвертируется через криптовалютные биржи (Bybit, Exnode) и реинтегрируется в виде вывода («слива») или межбанковского перевода. Регулярная смена карт, устройств и, при необходимости, локаций (зафиксирован переезд офиса 14.06.2024) выступает элементом встроенной стратегии избегания идентификации по 115-ФЗ и смежным нормативным актам. Управленческая триада постоянно мониторит остатки, устанавливает динамические лимиты и отдаёт распоряжения о «стопе» или «паузе» для предотвращения наложения банковских санкций.

Таким образом, коммуникационная среда описываемого коллектива представляет собой высокоорганизованный диспетчерский узел, обслуживающий непрерывный цикл конверсионных операций с признаками отмывания денежных средств. Жёсткая ролевая стратификация, специализированный жаргон, использование имплицитных каналов и готовность к оперативной ротации ресурсов подтверждают высокий уровень профессионализации и осознанное стремление минимизировать юридические риски.

Итак, анализ массивов коммуникаций, циркулировавших в закрытом корпоративном мессенджере, позволил установить трёхконтурную иерархию преступного сообщества: стратегическое ядро (Mersi, VS, CK) формирует управленческие директивы, среднее звено операторов локальных «кабинетов» выполняет финансовые транзакции, а техническая группа обеспечивает устойчивость цифровой инфраструктуры. Лексико-семантическая разметка выявила устойчивый специализированный жаргон финансово-криптовалютного профиля («межбанк», «байбит», «экснод», «оборотка») наряду с кодовыми маркерами риска («хвосты», «тормознуть»), что свидетельствует о высокой степени профессиональной социализации и о намеренной закрытости дискурса. Доминанта директивной модальности вкупе с чётко фиксированными ролевыми ожиданиями подтверждает внутреннюю субординацию и дисциплинарный контроль; наличие эксплицитных упоминаний лишения свободы, блокировок счетов и компромата демонстрирует осознание противоправности совершаемых действий.

Реконструированная функциональная модель показывает, что сообщество осуществляет легализацию доходов посредством дробления платежей, множественных конвертаций и межбанковских переводов с привлечением криптовалютных платформ, что указывает на классический механизм «слоения». Наблюдается высокая адаптивность: регулярная ротация финансовых посредников, обновление терминологического кода и гибкая ролевая и технологическая мобильность минимизируют санкционные риски. Комплекс выявленных вербальных и паралингвистических признаков обладает криминалистически значимой доказательной силой, поскольку объективирует не только распределение функциональных ролей, но и субъективную сторону деяний, обеспечивая возможность правовой квалификации каждого участника в соответствии с нормами уголовного законодательства.

В целях унификации экспертно-аналитических процедур при расследовании преступлений, квалифицируемых по ст. 187 УК РФ, и с учётом актуальных методологических подходов судебной психолингвистики разработан следующий перечень вопросов, подлежащих разрешению экспертом-психолингвистом в ходе комплексного исследования текстовой коммуникации:

1. Выявляются ли в анализируемом корпусе сообщений лексические, фразеологические и прагматические единицы, функционирующие в качестве профессионального жаргона, характерного для незаконного оборота платёжных средств?

2. Позволяют ли структурно-прагматические характеристики дискурса реконструировать иерархию участников, определить их коммуникативные роли и степень вовлечённости в предполагаемую противоправную деятельность?

3. Фиксируются ли дискурсивные индикаторы целенаправленного взаимодействия, прямо или опосредованно указывающие на подготовку и совершение операций с поддельными платёжными инструментами?

4. Содержит ли текстовой материал семантические маркеры, свидетельствующие об осознании авторами противоправной природы своих действий, а также об оценке возможных юридических последствий?

5. Позволяет ли дискурсивный анализ выявить алгоритмизированные и повторяющиеся поведенческие сценарии, отражающие систематичность и планомерность противоправной активности?

6. Прослеживаются ли лингвистические и психологические признаки сокрытия информации (кодовые обозначения, эвфемизмы, перифрастические конструкции), указывающие на стремление минимизировать риск раскрытия?

7. Наблюдаются ли в коммуникации координационные механизмы (согласование действий, распределение функций, синхронизация временных параметров), демонстрирующие объединённость участников в рамках единого преступного проекта?

8. Содержит ли дискурс стратегические модели поведения, направленные на избегание обнаружения правоохранительными органами и снижение вероятности уголовной ответственности?

9. Способствует ли психолингвистический анализ идентификации индивидуально-психологических особенностей авторов (мотивационные установки, уровень осознанности, доминирующие поведенческие тенденции), релевантных квалификации их участия?

10. Дает ли контент-анализ основание реконструировать ценностно-мотивационную систему участников, определяющую их готовность к совершению незаконных финансовых операций?

Представленный перечень вопросов ориентирован на комплексное освещение лингвистических, когнитивных и психологических аспектов коммуникации, что обеспечивает получение достоверных экспертных выводов по делам о фальсификации платёжных средств.

На основе проведенного анализа материалов можно выделить три ключевые проблемы в сфере производства комплексной психолого-лингвистической экспертизы по уголовным делам о неправомерном обороте средств платежей:

1. *Отсутствие унифицированных методических стандартов идентификации функциональных ролей соучастников на основе дискурсивных маркеров.*

В современной судебно-экспертной практике, ориентированной на выявление и пресечение незаконного оборота средств платежей, прослеживается выраженный методологический пробел, связанный с отсутствием унифицированных критериев дифференциации ролевых позиций участников организованных групп. Несмотря на зафиксированное в ряде исследований наличие устойчивых лингвистических паттернов, коррелирующих с определёнными уровнями преступной иерархии, их процессуальная интерпретация до настоящего момента не кодифицирована, что порождает неоднородность экспертных заключений и ограничивает их доказательственную ценность.

Устранение указанного пробела представляется возможным посредством комплексных мер, ключевой из которых является разработка и утверждение на уровне ФГБУ «Российский федеральный центр судебной экспертизы» Минюста России методических рекомендаций по лингвистической идентификации функциональных ролей в финансово-ориентированных преступных сообществах. В основу данных рекомендаций целесообразно положить типологию дискурсивных маркеров, характеризующих четыре базовые ролевые позиции: организатор, координатор, исполнитель и технический специалист. Наличие стандартизированного перечня лингвистических индикаторов, выявленных в данном исследовании, позволит унифицировать экспертные выводы и повысить их эффективность.

Дополнительным условием методологической консолидации является формирование эталонных корпусов коммуникаций, полученных из реальных уголовных дел и снабжённых верифицированной ролевой атрибуцией. Такие корпуса смогут служить сравнительной базой при проведении экспертиз, обеспечивая объективность сопоставительных процедур и способствуя выработке количественных метрик, необходимых для доказательного обоснования выводов.

Наконец, интеграция специализированных модулей по анализу цифровых коммуникаций, имеющих отношение к составу преступления, предусмотренному ст. 187 УК РФ, в программы повышения квалификации судебных экспертов-лингвистов обусловит системное тиражирование новых методик. Обучение должно включать практико-ориентированные занятия с использованием упомянутых эталонных корпусов, что позволит сформировать у специалистов устойчивые навыки распознавания ролевой структуры преступных групп на основании текстовых данных.

2. *Недостаточная процессуальная регламентация использования имплицитных коммуникативных каналов в качестве объектов экспертного исследования.*

Современная цифровая коммуникация, осуществляемая через мессенджеры и схожие платформы, характеризуется выраженной тенденцией к переносу наиболее чувствительных тематических фрагментов взаимодействия в формат голосовых сообщений, что минимизирует текстовый след и тем самым усложняет формирование доказательственной базы в уголовных делах, связанных, в частности, с незаконным оборотом средств платежей; необходимость предварительной транскрибации аудиофайлов и последующего их экспертного анализа существенно повышает трудоёмкость исследования, тогда как действующие методические регламенты, зафиксированные в ведомственных нормативных актах, остаются ориентированными преимущественно на обработку эксплицитного письменного контента, что объективно сокращает полноту и снижает достоверность выводов специалистов.

Оптимизация указанного фрагмента экспертной деятельности возможна при условии внедрения целостного междисциплинарного протокола комплексной фоноскопической и психолого-лингвистической экспертизы, аккумулирующего методики анализа вербальных, паравербальных и контекстуальных характеристик мультимодальной коммуникации. Фоноскопический компонент позволяет идентифицировать речевого субъекта и установить индивидуально-акустические особенности голосового сигнала, тогда как психолого-лингвистический блок обеспечивает выявление семантических, прагматических и аффективных параметров сообщения, что в совокупности формирует более надёжную основу для определения коммуникативного намерения и функциональной роли участника взаимодействия.

При этом дефицит нормативной регламентации обращения с динамически изменяющимся контентом мессенджеров обусловливает необходимость внесения адресных поправок в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Законодательное закрепление особенностей процессуального оформления, сохранения и исследования удалённых либо модифицированных сообщений призвано нивелировать риски утраты доказательственной информации, обеспечить воспроизводимость следственных действий и унифицировать требования к допустимости полученных данных в судебном разбирательстве. Целесообразно начать изменения с введения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации дефиниционного блока, легализующего сам объект исследования. Для этого предлагается дополнить Кодекс новой ст. 81.1 «Цифровые доказательства», в которой установить понятия мультимодального цифрового контента, динамического сообщения и критериев аутентичности, основанных на криптографической хеш-фиксации, метках времени и квалифицированной электронной подписи лица, осуществившего копирование. Одновременно в ст. 74 следует включить цифровую информацию в перечень самостоятельных доказательственных средств, а в ст. 81 – прямо указать, что вещественными доказательствами признаются и электронные носители либо облачные сегменты памяти, содержащие копию исходных данных. Такой концептуальный блок задаёт правовую основу для последующего регламентирования процессуальных действий с голосовыми файлами и иными нефиксированными каналами коммуникации.

Процессуальная имплементация предусматривает корректировку статей, определяющих порядок следственных действий. В статье 164 необходимо ввести норму, обязывающую следователя немедленно создавать заверенную форензик-копию цифрового объекта с сохранением исходника в неизменном виде; ст. 166 надлежит дополнить обязательным отражением в протоколе версий программного обеспечения, используемого алгоритма хеширования и полученной контрольной суммы. Статья 183 должна содержать положения о дистанционном изъятии данных с облачных серверов при наличии судебного решения, а новая ст. 186.1 «Контроль и запись цифровых коммуникаций» – порядок перехвата, автосохранения и депонирования удаляемых голосовых сообщений с возложением на оператора мессенджера обязанности содействовать извлечению информации. Помимо этого, вводится унифицированная форма «Протокола фиксации динамического контента», предусматривающая регистрацию всех событий (добавление, изменение, удаление) и приобщение экранных видеозаписей, аудиофайлов и системных логов к материалам дела, что обеспечивает воспроизводимость и верифицируемость цифровых доказательств.

Экспертно-диагностический контур укрепляется за счёт внесения изменений в ст. 195 и 200, закрепляющих возможность назначения комплексной фоноскопической и психолого-лингвистической экспертизы для идентификации речевого субъекта, анализа семантики, прагматики и аффективных характеристик сообщений, а также обязанность предоставления эксперту неизменённой копии с протоколом её фиксации и хеш-суммами. В статье 82 следует регламентировать хранение электронных носителей и копий в защищённом сегменте информационной системы следственного органа с обязательным протоколированием доступа, а в ст. 179 – ввести процедуру «цифрового осмотра» удалённых ресурсов с использованием сертифицированных средств форензики. Закрепив данные изменения федеральным законом и снабдив их подзаконными актами (ГОСТ-профилем форензик-копии, методическими рекомендациями по хеш-контролю), законодатель создаёт единую воспроизводимую систему обращения с мультимодальным контентом, что в совокупности позволяет включать голосовые сообщения и иные имплицитные каналы коммуникации в доказательственный оборот на равных правах с традиционными текстовыми источниками.

Неотъемлемым звеном предложенной модели является разработка технических регламентов, детализирующих порядок фиксации и гарантированного сохранения целостности коммуникативного контекста при изъятии цифровых доказательств. Речь идёт, в частности, о стандартизации процедур получения зеркальных копий устройств, ведения журналов хеш-сумм, протоколирования сетевых параметров и использования систематизированных средств электронной подписи. Реализация таких регламентов обеспечит возможность последующей реконструкции полной картины взаимодействия участников, что существенно повысит доказательственный потенциал экспертных заключений и будет способствовать гармонизации практики правоприменения в условиях стремительно развивающейся цифровой среды.

3. *Отсутствие валидированных психолингвистических критериев оценки осознанности противоправного умысла в условиях профессиональной криминальной социализации.*

Исследование демонстрирует парадоксальное сочетание эксплицитных маркеров осознания противоправности деяний с психологическими механизмами их нивелирования через юмор и профессиональный жаргон. Существующие экспертные методики не предлагают надежных критериев дифференциации между формальным знанием о противоправности и реальным осознанием юридических последствий в условиях групповой криминальной субкультуры. На основе проведенного анализа представляется возможным выделить три группы психолингвистических критериев оценки осознанности противоправного умысла в условиях профессиональной криминальной социализации.

Первая группа охватывает лексико-семантические маркеры рефлексивного осознания юридических рисков, манифестируемые через эксплицитные вербализации потенциальных санкций («боится в тюрьму сесть», «да он и так сядет уже»), использование специализированной терминологии комплаенс-контроля («ФЗ», «высокий риск», «компромат») и метадискурсивные комментарии относительно блокировок финансовых инструментов. Наличие подобных языковых единиц в естественной коммуникации свидетельствует о сформированной когнитивной модели правовых последствий и осознанном выборе стратегий их минимизации.

Вторая группа критериев фокусируется на прагматико-коммуникативных индикаторах конспиративного поведения, включающих систематическое использование профессионального жаргона с эзотерической функцией («межбанк», «оборотка», «сливать»), переключение модальностей общения при обсуждении сенситивных тем (переход на голосовые сообщения), а также наличие имплицитных директив по соблюдению операционной безопасности («на Exnode нельзя оплачивать заявку двумя платежами»). Данные паттерны демонстрируют не только техническую компетентность в сфере финансовых манипуляций, но и выработанные механизмы сокрытия криминальной деятельности, что является прямым свидетельством осознания её противоправности.

Третья группа объединяет дискурсивно-ролевые критерии, отражающие степень интеграции индивида в иерархическую структуру преступного сообщества через анализ коммуникативных ролей (инициация vs исполнение директив), частотность использования внутригрупповых идентификаторов и участие в коллективных ритуалах психологической нормализации девиантного поведения (ироничное обесценивание рисков, групповая эмоциональная поддержка при инцидентах). Устойчивость данных паттернов во временной перспективе указывает на завершенность процесса криминальной социализации и полную интернализацию противоправных норм как элемента профессиональной идентичности, что исключает возможность

квалификации действий как совершенных по неосторожности или в состоянии заблуждения относительно их правовой природы.

Итак, проведенное исследование методологических аспектов комплексной психолого-лингвистической экспертизы по уголовным делам о неправомерном обороте средств платежей выявило триаду критически значимых проблем, обусловленных имплементацией обновленного состава ст. 187 УК РФ. Первостепенное значение приобретает отсутствие унифицированных стандартов идентификации функциональных ролей соучастников на основе дискурсивных маркеров, что минимизирует доказательственный потенциал экспертных заключений. Установлено, что лингвистическая картина корпоративной коммуникации в криминальных сообществах характеризуется иерархически детерминированными особенностями, позволяющими дифференцировать стратегическое ядро, операционное звено и технический контур противоправной деятельности посредством анализа директивных, отчетных и координационных речевых актов.

Предложенный комплекс методических рекомендаций направлен на преодоление выявленных пробелов и включает валидированные психолингвистические критерии оценки осознанности противоправного умысла, типологию дискурсивных маркеров для идентификации функциональных ролей и унифицированный перечень вопросов, подлежащих разрешению судебным экспертом. Приоритетной нормативной инициативой является законодательное закрепление процессуального статуса мультимодального цифрового контента и имплицитных коммуникативных каналов посредством дополнения УПК РФ специализированными нормами о цифровых доказательствах, что обеспечит полноту формирования доказательственной базы по делам, квалифицируемым по ст. 187 УК РФ, и повысит эффективность правоприменительной практики в условиях динамично развивающейся цифровой среды.

Список источников

1. Федеральный закон от 24.06.2025 № 176-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508353/ (дата обращения: 26.06.2025).
2. Галяшина Е.И. Экспертиза экстремистских материалов: проблемы методического и информационного обеспечения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 7 (47). С. 25–41.
3. Бринев К., Куликова М. О некоторых проблемах, связанных с производством комплексной психолого-лингвистической экспертизы продуктов речевой деятельности // Юрислингвистика. 2023. № 30 (41). С. 65–70.
4. Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2010. 368 с.
5. Стернин И.А., Соломатина М.С. Семантический анализ слова в контексте. Воронеж : Истоки, 2013. 71 с.
6. Желтухина М.Р. Комплексная судебная экспертиза: психолого-лингвистический аспект // Юрислингвистика. 2011. № 1 (11). С. 350–367.
7. Иванова И.Г. Некоторые проблемы назначения и производства комплексной психолого-лингвистической экспертизы // Енисейские политико-правовые чтения : сб. науч. ст. по материалам XIII Всерос. науч.-практ. конф., Красноярск, 25–26 сентября 2020 г. Вып. V. Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2020. С. 118–122.
8. Галяшина Е.И. Комплексная психолого-лингвистическая экспертиза текстов – дань моде или насущная необходимость? // Эксперт-криминалист. 2018. № 3. С. 6–9.
9. Савченко А.А., Никишина Н.А. Психосенсорные и сенсомоторные корреляты психических состояний и свойств личности. М. : Изд-во РГСУ, 2006. 300 с.
10. Судебная экспертиза: типичные ошибки / под ред. Е.Р. Россинской. М. : Проспект, 2014. 544 с.
11. Челпанов В.Б. Лингвистический анализ текста в структуре комплексной психолого-лингвистической экспертизы // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка : материалы межрегион. науч. конф. 23–24 октября 2015 г. / науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж : ВГУ; Истоки, 2015. С. 60–61.
12. Челпанов В.Б. Лингвистический и психологический аспекты экспертизы текста: проблема дифференциации // Сопоставительные исследования 2016. Продолжающееся научное издание / науч. ред. М.А. Стернина. Воронеж : ВГУ; Истоки, 2016. С. 216–220.
13. Алымов Д.В., Балашов К.Г., Дериглазова А.Ю. Криминалистическая характеристика типовых следов преступника, осуществляющего криминальную деятельность в виртуальном пространстве (на примере дроповодов) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 506. С. 185–192. doi: 10.17223/15617793/506/23
14. Боренштейн А.Л., Кухарев Ю.С., Балашов К.Г. Некоторые аспекты совершенствования понятийно-категориального аппарата для расследования преступлений с участием «дропов» и «дроповодов» в цифровой среде // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 512. С. 223–232. doi: 10.17223/15617793/512/24

References

1. Consultant Plus. (2025) *On Amendments to Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation. Federal Law No. 176-FZ of June 24, 2025*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508353/ (Accessed: 26.06.2025). (In Russian).
2. Galyashina, E.I. (2018) Ekspertiza ekstremistskikh materialov: problemy metodicheskogo i informatsionnogo obespecheniya [Examination of extremist materials: problems of methodological and information support]. *Vestnik Universiteta imeni O. Ye. Kutafina (MGYuA)*. 7 (47). pp. 25–41.
3. Brinev, K. & Kulikova, M. (2023) O nekotorykh problemakh, svyazannykh s proizvodstvom kompleksnoy psikhologo-lingvisticheskoy ekspertizy produktov rechevoy deyatel'nosti [On some problems associated with the production of a comprehensive psychological and linguistic examination of speech products]. *Yurislingvistika*. 30 (41). pp. 65–70.
4. Antonyan, Yu.M. & Eminov, V.E. (2010) *Lichnost' prestupnika. Kriminologo-psikhologicheskoye issledovaniye* [Personality of the Criminal. Criminological and Psychological Research]. Moscow: Norma; INFRA-M
5. Sternin, I.A. & Solomatina, M.S. (2013) *Semanticheskiy analiz slova v kontekste* [Semantic Analysis of a Word in Context]. Voronezh: Istoki.
6. Zheltukhina, M.R. (2011) Kompleksnaya sudebnaya ekspertiza: psikhologo-lingvisticheskiy aspekt [Comprehensive forensic examination: psychological and linguistic aspect]. *Yurislingvistika*. 1 (11). pp. 350–367.
7. Ivanova, I.G. (2020) [Some issues of appointing and conducting a comprehensive psychological and linguistic examination]. *Yeniseyskiye politiko-pravovyye chteniya* [Yenisei Political and Legal Readings]. Proceedings of the 13th All-Russian Conference. Vol. 5. Krasnoyarsk. 25–26 September 2020. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, pp. 118–122. (In Russian).
8. Galyashina, E.I. (2018) Kompleksnaya psikhologo-lingvisticheskaya ekspertiza tekstov – dan' mode ili nasushchnaya neobkhodimost'? [Comprehensive psychological and linguistic examination of texts: a tribute to fashion or an urgent necessity?]. *Ekspert-kriminalist*. 3. pp. 6–9.
9. Savchenko, A.A. & Nikishina, N.A. (2006) *Psikhosensornyye i sensomotornyye korrelyaty psikhicheskikh sostoyaniy i svoystv lichnosti* [Psychosensory and Sensorimotor Correlates of Mental States and Personality Traits]. Moscow: Russian State University for the Humanities.

10. Rossinskaya, E.R. (ed.) (2014) *Sudebnaya ekspertiza: tipichnyye oshibki* [Forensic Examination: Typical mistakes]. Moscow: Prospekt.
11. Chelpanov, V.B. (2015) [Linguistic analysis of text in the structure of comprehensive psychological-linguistic expertise]. *Znacheniye kak fenomen aktual'nogo yazykovogo soznaniya nositelya yazyka* [Meaning as a Phenomenon of Current Linguistic Consciousness of a Native Speaker]. Proceedings of the Transregional Conference. Voronezh. 23–24 October 2015. Voronezh: Voronezh State University; Istoki. pp. 60–61. (In Russian).
12. Chelpanov, V.B. (2016) Lingvisticheskiy i psikhologicheskiy aspekty ekspertizy teksta: problema differentsiatsii [Linguistic and psychological aspects of text expertise: the problem of differentiation]. In: Sternina, M.A. (ed.) *Sopostavitel'nyye issledovaniya 2016* [Comparative Studies 2016]. Voronezh: Voronezh State University; Istoki. pp. 216–220.
13. Alymov, D.V., Balashov, K.G. & Deriglazova, A.Yu. (2024) Criminalistic characterization of typical traces left by an offender engaged in criminal activities in the virtual space (using the example of dropper operators). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 506. pp. 185–192. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/506/23
14. Borenshteyn, A.L., Kukharev, Yu.S. & Balashov, K.G. (2025) Refining the conceptual and categorical apparatus for investigating crimes involving drops and drop handlers in the digital environment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 512. pp. 223–232. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/512/24

Информация об авторах:
Боренштейн А.Л. – канд. юрид. наук, доцент кафедры административного и трудового права Юго-Западного государственного университета (Курск, Россия). E-mail: annalbor@yandex.ru
Балашов К.Г. – помощник адвоката Адвокатской конторы Краснoперекопского района г. Ярославля (Ярославская областная коллегия адвокатов) (Ярославль, Россия). E-mail: balashoffkonstantin@yandex.ru
Быстров И.Ю. – юрисконсульт АНО ЦПН «Северные чайки» (Курск, Россия). E-mail: bystrov.ivan05@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
A.L. Borenstein, Cand. Sci. (Law), associate professor, Southwest State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: annalbor@yandex.ru
K.G. Balashov, assistant attorney, Law Office of Krasnoperekopsky District of Yaroslavl (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: balashoffkonstantin@yandex.ru
I.Y. Bystrov, legal advisor, Autonomous Non-Profit Organization "Northern Seagulls" (Kursk, Russian Federation). E-mail: bystrov.ivan05@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.07.2025;
одобрена после рецензирования 01.10.2025; принята к публикации 10.10.2025.

The article was submitted 01.07.2025;
approved after reviewing 01.10.2025; accepted for publication 10.10.2025.

Научная статья
УДК 347.73
doi: 10.17223/15617793/519/25

Цифровой механизм исполнения налоговой обязанности: понятие и элементы

Ольга Игоревна Лютова[1, 2]

[1] *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия*
[2] *Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия*
[1, 2] *olyutova@hse.ru*

Аннотация. Исследуются актуальные вопросы развития правового регулирования налоговых отношений, которое приводит к значительным изменениям в механизме исполнения налоговой обязанности. Сформулировано понятие цифрового механизма исполнения налоговой обязанности, охарактеризованы его элементы, обладающие собственной структурой и особенностями. Прослеживается цифровая трансформация правового статуса участников цифрового механизма исполнения налоговой обязанности, оказывающего на него воздействие.
Ключевые слова: налоговая обязанность, цифровизация, цифровые технологии, субъекты налогового права, принципы налогового права, гарантии исполнения налоговой обязанности

Источник финансирования: исследование выполнено в рамках реализации программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Для цитирования: Лютова О.И. Цифровой механизм исполнения налоговой обязанности: понятие и элементы // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 519. С. 205–210. doi: 10.17223/15617793/519/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/519/25

Digital mechanism of tax obligation fulfillment: Concept and elements

Olga I. Lyutova[1, 2]

[1] *HSE University, Moscow, Russian Federation*
[2] *Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation*
[1, 2] *olyutova@hse.ru*

Abstract. The relevance of this study stems from the fact that the intensive development of digital technologies used in taxation is causing a significant transformation in the legal regulation of tax relations related to the fulfillment of various obligations by taxpayers, resulting in a considerable transformation of the mechanism for their fulfillment. The subject of this article is the development and substantiation, based on an analysis of Russian tax legislation evolving under the conditions of economic digitalization, as well as existing doctrinal research, of the concept of a digital mechanism for fulfilling tax obligations, its features, and its system of elements. The objectives of the study concerning the digital mechanism for fulfilling tax obligations are to develop its definition and characterize the elements that collectively constitute such a mechanism. The research methods employed include general scientific methods of analysis and synthesis, induction and deduction, the systemic research method, as well as specifically legal methods: the formal legal method and the comparative method. As a result of the conducted research, the concept of a digital mechanism for fulfilling tax obligations is formulated, and it is concluded that its formation and functioning are carried out on the basis of and in pursuance of relevant tax policy directions. The main elements of the digital mechanism for fulfilling tax obligations are considered to be: the principles of the institution of tax law, which represent the most general, key ideas of the process of fulfilling tax obligations, and which have undergone digital transformation in terms of their content and composition, as well as the foundations on which such a mechanism operates, alongside new tax and legal principles characterizing tax liability in the context of digitalization; legal safeguards for the fulfillment of tax obligations; and the digital technologies used by participants in tax relations for the fulfillment of tax duties. It is demonstrated that the listed elements of the digital mechanism for fulfilling tax obligations are characterized by their own structure and features, and also allow for an assessment of the trends and prospects of legal regulation concerning the fulfillment of tax obligations under digitalization. Furthermore, the article traces the digital transformation of the legal regulation of the status of participants in the digital mechanism for fulfilling tax obligations, who are formally not part of the elements of the mechanism under study but exert influence upon it. Specifically, it outlines the trends in the transformation of the composition of participants involved in tax relations related to the fulfillment of tax obligations, as well as the rights and obligations of banks, persons involved in information exchange with tax authorities, and those who have the right to pay taxes on behalf of taxpayers.
Keywords: tax obligation, digitalization, digital technologies, subjects of tax law, principles of tax law, guarantees of fulfillment of tax obligations

© Лютова О.И., 2025

Financial support: The research was carried out as part of the Fundamental Research Program of the HSE University.

For citation: Lyutova, O.I. (2025) Digital mechanism of tax obligation fulfillment: Concept and elements. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 519. pp. 205–210. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/519/25

Вопросы надлежащего исполнения налоговой обязанности, понимаемой в рамках настоящего исследования в широком смысле, а именно – в качестве комплекса установленных налоговым законодательством Российской Федерации обязанностей налогоплательщиков, традиционно являются принципиально важными как с точки зрения обеспечения бюджетных интересов государства, так и с позиции налогоплательщика, заинтересованного в однозначности правового регулирования его статуса налоговым законодательством. При этом проведение соответствующих исследований в доктрине налогового права обычно осуществляется с использованием теоретико-правовой категории «механизм», что позволяет подчеркнуть регулятивные особенности института исполнения налоговых обязанностей, а также открывает перспективу нового подхода к исполнению налоговой обязанности как одного из фундаментальных налогово-правовых понятий.

Сама по себе «механистичность» исполнения налоговой обязанности обуслвливается особенностями правового регулирования налоговых отношений и не вызывает сомнения. На этот факт неоднократно обращали внимание исследователи-налоговеды, которые в своих работах так или иначе касались вопросов уплаты налогов, представления налоговых деклараций и другой отчетности, постановки на налоговый учет и т.д. Например, О.О. Журавлева еще в 2007 г. рассматривала налоговую декларацию в качестве одного из элементов механизма исполнения налоговой обязанности, выполняющего функцию обеспечения ее исполнения [1. С. 1–3].

Однако, несмотря на важность понятия механизма исполнения налоговой обязанности, его содержание, а также элементы такого механизма являются недостаточно исследованным в доктрине налогового права. Таким образом, налицо методологическая проблема, обусловленная непроработанностью вопроса определения понятия механизма исполнения налоговой обязанности и его отграничения от смежных категорий.

Ценность исследования цифрового механизма исполнения налоговой обязанности подчеркивается в трудах представителей науки финансового и налогового права. Например, на тот факт, что в условиях цифровизации меняется механизм исполнения налоговой обязанности, указывал М.Н. Садчиков [2. С. 16], связывая это с новой трактовкой «классического» налогово-правового принципа индивидуализации исполнения налоговой обязанности. Другим примером развития научных представлений о механизме исполнения налоговой обязанности являются высказывания А.С. Титова о появлении «нового механизма исполнения налоговой обязанности – единого налогового платежа» [3. С. 8]. Наконец, М.Б. Напсо называет режим налогообложения самозанятых «упрощенным и льготным механизмом исполнения налоговой обязанности» [4. С. 11], подчеркивая при этом существенность трансформации правового регулирования такого механизма.

Формирование механизма исполнения налоговых обязанностей, предполагающего учет факторов цифровизации налогообложения, на сегодняшний день приобретает особую ценность по причине значимости налоговых поступлений для бюджета, обеспечивающих решение задач социальной направленности, рост экономических показателей, продвижение национальных и иных крупных инфраструктурных объектов. При этом цифровой налогово-правовой механизм исполнения таких обязанностей функционирует в соответствии с государственными стратегиями развития налоговых инструментов для поддержки процессов цифровизации, поскольку без формирования актуальных современным реалиям правовых механизмов невозможно развитие цифровой экономики [5].

В самом общем виде механизм правового регулирования определяется как «взятая в единстве система юридических средств, при помощи которых осуществляется результативное правовое воздействие на общественные отношения, поведение людей» [6]. Признаками механизмов правового регулирования в юридической литературе называют «совокупность юридических средств, а также его осуществление в виде комплексного процесса, направленного на воплощение правовых норм в жизнь» [7. С. 20]. Для механизмов процессуально-правового регулирования признаками называют: правовой (нормативно-правовой) характер, формализацию в нормах процессуального права и процессуальных документах, направленность на решение нормативно закрепленных процессуальных целей и задач, системный и обеспечительный характер и обеспеченность мерами государственного принуждения [8. С. 67].

На основании этого, предлагается придерживаться следующего понимания цифрового механизма исполнения налоговой обязанности: это система взаимосвязанных правовых средств, формируемых на основании и в соответствии с государственной налоговой политикой при условии обязательного применения участниками налоговых отношений цифровых технологий. Элементами цифрового механизма исполнения налоговой обязанности являются: принципы института налогового права, представляющие собой наиболее общие, ключевые идеи процесса исполнения налоговой обязанности и подвергшиеся цифровой трансформации с точки зрения их содержания и состава под воздействием цифровизации экономики и на основании которых осуществляется функционирование такого механизма; гарантии исполнения налоговой обязанности; цифровые технологии, используемые при исполнении налоговой обязанности.

Отметим, что участники реализации цифрового механизма исполнения налоговой обязанности, хотя и не являются его элементом, также представляют исследовательский интерес по причине их непосредственной взаимосвязи с каждым из элементов рассматриваемого механизма.

Лица, участвующие в реализации цифрового механизма исполнения налоговой обязанности, многочисленны, и в их перечень включены все участники налоговых отношений, перечисленные в ст. 9 НК РФ: налогоплательщики, налоговые и таможенные органы, налоговые агенты. Несмотря на то что перечень участников налоговых отношений является закрытым, в литературе по налоговому праву традиционно отмечалось, что фактически в исполнении налоговых обязанностей участвует гораздо большее количество субъектов. В этой связи обычно проводятся классификации таких субъектов, например, на частных и публичных (критериями выступает функциональная роль, организационный статус и наличие властных полномочий) [9. С. 18–20].

В условиях цифровизации экономики можно проследить следующие тенденции трансформации состава участников налоговых отношений, связанных с исполнением налоговой обязанности:

1. Расширение перечня состава участников отношений, связанных с исполнением налоговой обязанности. Примером в этом случае является введение единого налогового платежа, исчисление которого осуществляется при участии так называемых операторов электронных площадок. На сегодняшний день в налогово-правовом регулировании отсутствует однозначность понимания возможности их отнесения к налоговым представителям, налоговым агентам либо признания в качестве нового участника налоговых отношений, выполняющего одновременно несколько функций. Помимо этого, новым участником отношений, связанных с исполнением налоговой обязанности в условиях цифровизации, является самозанятый – плательщик налога на профессиональный доход, которым может быть как индивидуальный предприниматель, так и физическое лицо, не имеющее предпринимательского статуса;

2. Изменение роли некоторых субъектов в процессе исполнения налоговой обязанности в условиях цифровизации. Так, под влиянием активизации применения цифровых технологий в сфере налогообложения принципиальным образом трансформируется правовое регулирование статуса банков как участников отношений, связанных с исполнением налоговых обязанностей.

В период до активного внедрения в сферу налогообложения цифровых технологий сложилась традиция, в соответствии с которой на основании положений налогового законодательства банки относили к так называемым частным субъектам, и основная их роль в исполнении налоговой обязанности состояла в перечислении денежных средств в соответствующие бюджеты (внебюджетные фонды) (п. 1 ст. 60 НК РФ в ред. Федерального закона от 09.07.1999 № 154-ФЗ).

В условиях цифровизации в отношении банков реализуется идея полного перехода на исключительно «цифровой формат» их взаимодействия с налоговыми органами. Такой формат используется при исполнении банками публичных обязанностей, установленных ст. 46, 60, 76, 86 и 93.1 НК РФ. Отметим, что в качестве публичных функций (или обязанностей) установленные налоговым законодательством обязанности банков были названы С.Б. Жилиной по причине их направленности на удовлетворение публичного (финансового) интереса [10. С. 7]. Такой переход был осуществлен еще в 2007 г. в связи с принятием Банком России Положения от 07.09.2007 № 311-П «О порядке сообщения банком в электронном виде налоговому органу об открытии или закрытии счета, вклада (депозита), об изменении реквизитов счета, вклада (депозита)» [11], в соответствии с которым для передачи указанной информации устанавливалась необходимость использовать корпоративные электронные средства платежа для переводов электронных денежных средств.

В отношении самих прав и обязанностей банков отметим факт расширения их публичных полномочий, связанных с реализацией цифрового механизма исполнения налоговой обязанности. Так, при исполнении налоговых обязанностей налогоплательщиком, перешедшим к применению автоматизированной упрощенной системы налогообложения, в качестве нового субъекта налоговых отношений появляется уполномоченная кредитная организация (УКО). В ее функции входит передача в налоговый орган сведений об операциях по счету налогоплательщика, открытому в такой кредитной организации, об операциях с электронными денежными средствами, а также о выплате доходов физическим лицам, необходимых для исчисления налога на доходы физических лиц и страховых взносов (п. 4 ст. 3 Федерального закона от 25.02.2022 № 17-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Автоматизированная упрощенная система налогообложения» [12]).

В данном случае речь идет именно о делегировании полномочий, а не о посредничестве, поскольку УКО фактически может контролировать правильность исчисления налога налогоплательщиком и тем самым получает дополнительные публичные полномочия, реализуемые в налоговых отношениях.

Таким образом, УКО фактически может контролировать правильность исчисления налога налогоплательщиком и тем самым получает дополнительные публичные полномочия, реализуемые в налоговых отношениях. Логичным в такой ситуации представляется реализация одного из вариантов: внесение дополнений в налоговое законодательство, связанных с установлением сведений, которые УДО имеют право запрашивать у налогоплательщиков, а также порядка осуществления соответствующей процедуры, либо такое полномочие УДО исключить.

3. Появление возможности выделения новых критериев и проведения классификации участников реализации цифрового механизма исполнения налоговой обязанности. Так, по критерию цели участия в соответствующем процессе участники отношений по исполнению налоговой обязанности могут быть:

– участвующими в автоматическом информационном обмене на национальном и международном уровнях;

– осуществляющими налоговое администрирование;

– имеющими технические и правовые возможности для исполнения налоговых обязанностей.

В число лиц, участвующих в автоматическом информационном обмене с налоговыми органами, осуществляемом для целей обеспечения исполнения налоговых обязанностей и предполагаемом применении цифровых технологий, входят: таможенные органы, правоохранительные органы, органы ЗАГС, налоговые органы иностранных государств, банки (кредитные организации) и другие субъекты. Такой обмен может осуществляться как на регулярной основе, так и разово по запросу и предусматривает прием и передачу имеющих ценность с точки зрения расчета налога сведений, проводимых с участием налоговых органов [13. С. 6]. Принципиально важно, что использование цифровых технологий обеспечило осуществление информационного обмена на постоянной основе, что не представлялось возможным в доцифровой период.

Ключевым элементом цифрового механизма исполнения налоговой обязанности выступают юридические гарантии реализации такого механизма, важнейшая роль которых состоит в создании дополнительных условий для целей обеспечения исполнения налогоплательщиками своих обязанностей. Как известно, в условиях необходимости применения новых технологий при исполнении налогоплательщиками своих обязанностей возникают различные риски (например, связанные с различной степенью цифровой готовности, финансовыми затратами в связи с переходом на цифровое взаимодействие, возможными ошибками технологических устройств и роботизированных систем и т.д.), негативным образом влияющие на эффективность функционирования исследуемого цифрового механизма. Соответственно, теории налогового права нужна принципиально новая парадигма обеспечения исполнения налоговых обязанностей в условиях цифровизации, ключевыми элементами которой являлись бы цифровая трансформация полномочий налоговых органов, обеспечивающих исполнение налогоплательщиками своих обязанностей; качественное налоговое законодательство, регулирующее цифровой механизм исполнения налоговой обязанности; единообразная судебная практика и формирование правовых позиций судов по вопросам исполнения налоговых обязанностей в условиях цифровизации; механизм доверительных отношений налогоплательщиков и налоговых органов, который в условиях цифровизации строится на применении процедур налогового комплаенса и медиации, являющейся альтернативным способом разрешения налоговых споров.

Характеризуя следующий элемент цифрового механизма исполнения налоговой обязанности – принципы института налоговой обязанности, отметим, что соответствующая обязанность как обособленная совокупность налогово-правовых норм основывается на собственных институциональных (специальных) принципах, обеспечивающих единство конструкции такого механизма, которые, в свою очередь являются «отражением» общих принципов налогового права с учетом специфики правового регулирования отношений, связанных с исполнением налоговой обязанности.

В силу традиционно признаваемой в правовой науке стабильности общих принципов той или иной отрасли [14. С. 8] весьма изменчивыми являются способы их осуществления, что отражается именно на правовом регулировании отдельных институтов, обеспечиваемых собственными специальными принципами. Так, например, цифровой трансформации подвергается принцип самостоятельности исполнения различных налоговых обязанностей. В основе такой трансформации лежит подход, в соответствии с которым для налогоплательщика процедуру уплаты налога, а также иные налоговые процедуры (постановку на налоговый учет, сдачу налоговой и бухгалтерской отчетности, получение от налоговых органов информации и т.п.) следует сделать максимально комфортными и удобными. Фактически это обусловливает снижение самостоятельности налогоплательщиков за счет переложения их обязанностей на налоговые органы либо на лиц, являющихся посредниками в налоговых отношениях.

С другой стороны, в условиях цифровизации складываются новые налоговые отношения, связанные с исполнением налогов, что влечет за собой появление новых принципов соответствующего налогово-правового института, которые коррелируются с тем или иным этапом развития налоговых обязанностей. Например, применение технологии «блокчейн» обусловливает использование принципов безопасности, защищенности личных данных, децентрализации, прозрачности, доступности и консенсуса (доверия) [15. P. 703]. Формирование таких принципов позволит обеспечить последовательность развития правового регулирования налоговых отношений соответствующего этапа цифровизации.

В условиях цифровизации в отношении институциональных принципов налоговой обязанности наблюдается две тенденции: во-первых, «классические» принципы налогового права, обладающие институциональной спецификой, связанной с особенностями исполнения различных обязанностей налогоплательщиками, трансформируются с точки зрения своего содержания под воздействием процесса применения цифровых технологий, и, во-вторых, появляются новые принципы института налоговой обязанности в результате внедрения в сферу налогообложения и общественную жизнь автоматического обмена информацией, электронного документооборота, онлайн-сервисов, технологии «блокчейн», а также роботизированных систем и искусственного интеллекта.

Что касается периодов технологического развития, важно отметить, что различные виды цифровых технологий как элемент механизма исполнения налоговых обязанностей, реализуемого в условиях цифровизации, обеспечивают этапность развития правового регулирования отношений, связанных с уплатой налога, постановкой на налоговый учет и сдачей налоговой отчетности, выступая при этом «связующим звеном» такого механизма. Выделение трех этапов развития цифровых технологий, которые могут применяться к налоговым отношениям, – автоматизация, внедрение блокчейн-

технологии и роботизация – позволяет оценить закономерности и перспективы цифровой трансформации института налоговых обязанностей [16].

Таким образом, ценность исследования элементов цифрового механизма исполнения налоговой обязанности заключается, в частности, в выявлении необходимости корректировки положений налогового законодательства о налогово-правовом статусе самозанятого, уточнении полномочий УКО, а также в развитии теоретических представлений о классификации налоговых обязанностей и принципах института налоговой обязанности.

Список источников

1. Журавлева О.О. Налоговая декларация – элемент обеспечительного механизма исполнения налоговой обязанности // Налоговед. 2007. № 6. С. 1–3.
2. Садчиков М.Н. К вопросу об индивидуализации налоговой обязанности в сделках между взаимозависимыми лицами // Налоги. 2022. № 6. С. 13–16.
3. Титов А.С. Новеллы фискалитета: единый налоговый платеж // Финансовое право. 2023. № 5. С. 8–10.
4. Напсо М.Б. Актуальные проблемы нормотворчества в сфере регулирования налоговых правоотношений: специальный налоговый режим как механизм легализации (часть 3) // Налоги. 2022. № 3. С. 11–19.
5. Цифровая экономика: актуальные направления правового регулирования : науч.-практ. пособие / под ред. И.И. Кучерова, С.А. Синицына. М. : ИЗиСП, НОРМА, 2022. 376 с.
6. Мелехин А.В. Теория государства и права : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/melekhin_av_teorija_gosudarstva_i_prava/
7. Абрамова А.А. Эффективность механизма правового регулирования : дис. … канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. 202 с.
8. Шрамкова М.Н. Юридические факты в механизме процессуально-правового регулирования // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2012. № 2 (9). С. 66–68.
9. Винницкий Д.В. Субъекты налогового права. М. : НОРМА, 2000. 192 с.
10. Жилина С.Б. Правовое обеспечение исполнения коммерческими банками публичных функций в Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. 223 с.
11. Положение Банка России от 07.09.2007 № 311-П «О порядке сообщения банком в электронном виде налоговому органу об открытии или закрытии счета, вклада (депозита), об изменении реквизитов счета, вклада (депозита)» // Вестник Банка России. 2007. № 58.
12. Федеральный закон от 25.02.2022 № 17-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Автоматизированная упрощенная система налогообложения» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 9 (часть 1). Ст. 1249.
13. Агеев С.С. Эволюция правового института автоматического обмена информацией по налоговым вопросам // Налоги. 2021. № 5. С. 2–7.
14. Хабриева Т.Я. Конституция Российской Федерации: самобытность, стабильность и развитие (к 30-летию Основного Закона России) // Журнал российского права. 2023. № 12. С. 5–21.
15. Lyutova O.I., Fialkovskaya I.D. Blockchain technology in tax law theory and tax administration // RUDN Journal of Law. 2021. Vol. 25, № 3. P. 693–710.
16. Лютова О.И. Налоговые обязанности в цифровую эпоху: периодизация правового регулирования // Антиномии. 2024. Т. 24, № 1. С. 73–88.

References

1. Zhuravleva, O.O. (2007) Nalogovaya deklaratsiya – element obespechitel'nogo mekhanizma ispolneniya nalogovoy obyazannosti [Tax declaration as an element of the security mechanism for fulfilling tax obligations]. *Nalogoved*. 6. pp. 1–3.
2. Sadchikov, M.N. (2022) K voprosu ob individualizatsii nalogovoy obyazannosti v sdelkakh mezhdu vzaimozavisimymi litsami [On the issue of individualization of tax obligations in transactions between interdependent parties]. *Nalogi*. 6. pp. 13–16.
3. Titov, A.S. (2023) Novelly fiskaliteta: yedinyy nalogovyy platezh [Fiscal law innovations: single tax payment]. *Finansovoye pravo*. 5. pp. 8–10.
4. Napso, M.B. (2022) Aktual'nyye problemy normotvorchestva v sfere regulirovaniya nalogovykh pravootnosheniy: spetsial'nyy nalogovyy rezhim kak mekhanizm legalizatsii (chast' 3) [Current issues of rulemaking in the sphere of regulation of tax legal relations: special tax regime as a legalization mechanism (part 3)]. *Nalogi*. 3. pp. 11–19.
5. Kucherov, I.I. (eds) (2022) *Tsifrovaya ekonomika: aktual'nyye napravleniya pravovogo regulirovaniya* [Digital Economy: Current Directions of Legal Regulation: Research and Practical Work]. Moscow: IZiSP, NORMA.
6. Melekhin, A.V. (2009) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. 2nd ed. Moscow: Consultant Plus. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/melekhin_av_teorija_gosudarstva_i_prava/
7. Abramova, A.A. (2006) *Effektivnost' mekhanizma pravovogo regulirovaniya* [Efficiency of the legal regulation mechanism]. Law Cand. Diss. Krasnoyarsk.
8. Shramkova, M.N. (2012) Yuridicheskiye fakty v mekhanizme protsessual'no-pravovogo regulirovaniya [Legal facts in the mechanism of procedural-legal regulation]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskiye nauki*. 2 (9). pp. 66–68.
9. Vinnitskiy, D.V. (2000) *Sub"yekty nalogovogo prava* [Subjects of Tax Law]. Moscow: NORMA.
10. Zhilina, S.B. (2006) *Pravovoye obespecheniye ispolneniya kommercheskimi bankami publichnykh funktsiy v Rossiyskoy Federatsii* [Legal support for the performance of public functions by commercial banks in the Russian Federation]. Law Cand. Diss. Rostov-on-Don.
11. Vestnik Banka Rossii. (2007) Polozheniye Banka Rossii ot 07.09.2007 № 311-P "O poryadke soobshcheniya bankom v elektronnom vide nalogovomu organu ob otkrytii ili zakrytii scheta, vklada (depozita), ob izmenenii rekvizitov scheta, vklada (depozita)" [On the Procedure for a Bank to Notify the Tax Authority Electronically of the Opening or Closing of an Account (Deposit), or Changes to the Details of an Account (Deposit). Bank of Russia Regulation No. 311-P of September 7, 2007]. *Vestnik Banka Rossii.* 58.
12. SZ RF. (2022) Federal'nyy zakon ot 25.02.2022 № 17-FZ "O provedenii eksperimenta po ustanovleniyu spetsial'nogo nalogovogo rezhima "Avtomatizirovannaya uproshchennaya sistema nalogooblozheniya" [On Conducting an Experiment to Establish a Special Automated Simplified Taxation System Tax Regime Federal Law No. 17-FZ of February 25, 2022]. *SZ RF*. 9 (Part 1). Art. 1249.
13. Ageyev, S.S. (2021) Evolyutsiya pravovogo instituta avtomaticheskogo obmena informatsiyey po nalogovym voprosam [Evolution of the legal institution of automatic exchange of information on tax issues]. *Nalogi*. 5. pp. 2–7.
14. Khabriyeva, T.Ya. (2023) Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: samobytnost', stabil'nost' i razvitiye (k 30-letiyu Osnovnogo Zakona Rossii) [The Constitution of the Russian Federation: originality, stability, and development (on the 30th anniversary of the Basic Law of Russia)]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 12. pp. 5–21.
15. Lyutova, O.I. & Fialkovskaya, I.D. (2021) Blockchain technology in tax law theory and tax administration. *RUDN Journal of Law*. 3 (25). pp. 693–710.
16. Lyutova, O.I. (2024) Nalogovyye obyazannosti v tsifrovuyu epokhu: periodizatsiya pravovogo regulirovaniya [Tax obligations in the digital age: periodization of legal regulation]. *Antinomii*. 1 (24). pp. 73–88.

Информация об авторе:
Лютова О.И. – канд. юрид. наук, директор аспирантской школы по государственному и муниципальному управлению, доцент Департамента политики и управления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); доцент кафедры правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: olyutova@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
O.I. Lyutova, Cand. Sci. (Law), head of the Doctoral School of State and Municipal Administration, associate professor, HSE University (Moscow, Russian Federation); associate professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: olyutova@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.12.2024;
одобрена после рецензирования 03.10.2025; принята к публикации 10.10.2025.

The article was submitted 18.12.2024;
approved after reviewing 03.10.2025; accepted for publication 10.10.2025.

Научная статья
УДК 343.985
doi: 10.17223/15617793/519/26

Модели расследования наркоторговли в сети Darknet: опыт Российской Федерации, Китая и рекомендации по применению во Вьетнаме

Ван Хунг Тью[1], Тхи Хуен Чанг Нгуен[2]

[1] *Университет Тон Дык Тханг, Хошимин, Вьетнам, chuvanhung@tdtu.edu.vn*
[2] *Коллегия адвокатов города Хошимина, Федерация адвокатов Вьетнама, Хошимин, Вьетнам, tranglawyer72@gmail.com*

Аннотация. Рассматриваются и сравниваются модели расследования наркоторговли в Российской Федерации и Китае, выявляются их ключевые элементы и механизмы функционирования, а также анализируются факторы, обеспечивающие их эффективность. На основе полученных результатов формулируются рекомендации по применению и адаптации наиболее успешных элементов данных моделей к условиям Вьетнама. Исследование опирается на качественный метод, анализ нормативных и организационных документов, а также сравнительно-правовой подход, что позволяет не только выявить преимущества межведомственных моделей расследования в России и Китае, но и определить существующие ограничения правовой базы и технического потенциала Вьетнама.
Ключевые слова: Darknet, наркотики, расследование, анонимная сеть, блокчейн, криптовалюта, киберпреступность, Россия, Китай, Вьетнам

Для цитирования: Тью Ван Хунг, Нгуен Тхи Хуен Чанг. Модели расследования наркоторговли в сети Darknet: опыт Российской Федерации, Китая и рекомендации по применению во Вьетнаме // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 519. С. 211–223. doi: 10.17223/15617793/519/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/519/26

Models for investigating drug trafficking on the "darknet": Experience of the Russian Federation, China, and recommendations for application in Vietnam

Van Hung Chu[1], Thi Huyen Trang Nguyen[2]

[1] *Ton Duc Thang University, Ho Chi Minh City, Vietnam, chuvanhung@tdtu.edu.vn*
[2] *Vien An Law Firm, Ho Chi Minh City Bar Association, Vietnam Bar Federation, Ho Chi Minh City, Vietnam, tranglawyer72@gmail.com*

Abstract. This article investigates the issue of drug trafficking on the darknet in Vietnam and analyzes criminal investigation models in the Russian Federation and China for combating this type of crime. The study aims to highlight the current situation and challenges in investigating drug crimes on the darknet in Vietnam, while proposing solutions to improve the legal framework, enhance investigative capacity, and expand international cooperation. The article employs a comprehensive research approach, combining analytical methods, international comparison, case studies, and expert surveys. The study reveals that drug crime investigations on the darknet in Vietnam face significant limitations due to the absence of a complete legal framework, particularly concerning authority for collecting anonymous data and regulating cryptocurrency transactions. In contrast, the investigative models of the Russian Federation and China have proven effective in combating drug trafficking on the darknet, thanks to the application of advanced technologies such as blockchain analysis, Tor surveillance, and other digital forensic techniques. These measures not only facilitate tracing cryptocurrency flows but also support monitoring online criminal behavior. The article analyzes the difficulties Vietnam faces in investigating drug crimes on the darknet, including gaps in the legal system, limited technical capacity, and insufficient coordination among law enforcement agencies. The research indicates that while Vietnam has made significant efforts to dismantle large drug networks, the absence of specialized units for analyzing darknet criminal behavior data and experts in blockchain and Tor forensics has substantially diminished investigative effectiveness. Based on the research findings, the article proposes three main solution groups. First, Vietnam needs to refine its legal system by adding provisions for special investigative measures related to darknet crimes, such as monitoring blockchain financial transactions and authorizing access to personal data in exceptional cases. Second, specialized centers for analyzing darknet criminal behavior data should be established, equipped with advanced technical tools, and staff trained in forensic techniques. Third, international cooperation should be strengthened, particularly with organizations such as Interpol, Europol, and law enforcement agencies in the Russian Federation and China, to share information, learn advanced investigative methods, and participate in international anti-drug trafficking initiatives. The article concludes that to effectively combat drug trafficking on the darknet, Vietnam needs to establish a comprehensive investigative model combining a refined legal framework, advanced technical capacity, and international cooperation. Legal reforms, enhanced investigative capabilities, and improved coordination among authorities will help Vietnam better address the national security challenges posed by drug trafficking on the darknet.

© Тью Ван Хунг, Нгуен Тхи Хуен Чанг, 2025

Keywords: darknet, drugs, investigation, anonymous networks, blockchain, cryptocurrency, cybercrime, Russia, China, Vietnam

For citation: Chu Van Hung & Nguyen Thi Huyen Trang. (2025) Models for investigating drug trafficking on the "darknet": Experience of the Russian Federation, China, and recommendations for application in Vietnam. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 519. pp. 211–223. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/519/26

Введение

Стремительный прогресс информационных технологий и Интернета за последние два десятилетия создало огромные возможности для социально-экономического развития, но одновременно открыло новые пространства для преступной деятельности. Среди них незаконный оборот наркотиков в анонимной сети «Darknet» стал особенно серьёзным вызовом национальной безопасности, требующим от государств применения совершенно новых по сравнению с прошлым методов расследования и противодействия. Darknet с его децентрализованной структурой и высокой степенью анонимности, обеспечиваемой такими инструментами, как *Tor*, *I2P* или *ZeroNet*, превратился в идеальную среду для незаконной торговли наркотиками, где преступники могут осуществлять сделки без прямого контакта и с минимальной возможностью отслеживания [1].

Согласно докладу Управления Организации Объединённых Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН) за 2024 г., рынок наркотиков в Darknet растёт быстрыми темпами, а общий объём сделок ежегодно оценивается в 1 млрд долл. США. Особенно широкое использование криптовалют, таких как *Bitcoin* и *Monero*, в этих операциях значительно усложняет и затрудняет работу по расследованию и отслеживанию финансовых потоков, связанных с деятельностью наркосиндикатов и преступных группировок. Система так называемого *dead drop* (тайные закладки), заключающаяся в сокрытии наркотиков в общественных местах без личного контакта между продавцом и покупателем, стала одним из способов доставки, что делает выявление и пресечение подобных преступлений крайне затруднительным [2. С. 5–18].

Во Вьетнаме, несмотря на отсутствие полных официальных данных о масштабах наркоторговли в Darknet, недавние уголовные дела указывают на тревожную тенденцию к росту этой формы преступности. Так, в 2023 г. Главное таможенное управление Вьетнама зафиксировало и пресекло 543 нарушения таможенного законодательства, среди которых было немало дел, связанных с незаконным оборотом наркотиков, перевозимых почтовыми отправлениями с признаками заказов через онлайн-платформы. Особенно показательным стал случай транснационального наркопреступления в провинции Фу Тхо, Вьетнам, в 2024 г., когда к уголовной ответственности было привлечено 73 обвиняемых. Дело продемонстрировало высокий уровень изощрённости и опасности использования социальных сетей *Zalo*, *Messenger*, *Telegram* и других, для координации всей деятельности по сбыту наркотиков в сочетании с переводами денежных средств через банковские счета [3].

В условиях, когда преступники, занимающиеся наркоторговлей, постоянно меняют способы подготовки, совершения и сокрытия преступлений, изучение опыта государств, уже выработавших эффективные модели расследования, становится крайне необходимым. Так, Россия, успешно ликвидировавшая в 2022 г. крупнейший на тот момент наркорынок Darknet – Hydra (годовой оборот в 2020 г. составил 1,3 млрд долл. США, количество клиентов – 17 млн человек), наглядно продемонстрировала эффективность специализированной модели расследования [4]. Межведомственная система расследования в России, включающая Роскомнадзор, ФСБ, МВД и специализированные подразделения по борьбе с наркотиками, применяла современные технические меры, такие как система мониторинга «СОРМ-3», технология Oculus для автоматического анализа онлайн-контента, а также методы *blockchain*-аналитики для отслеживания движения криптовалют.

Аналогично Китайская Народная Республика выстроила интегрированную модель расследования с тесным взаимодействием Министерства общественной безопасности, Бюро по борьбе с наркотиками, Главного таможенного управления и криптографических технических подразделений. Применение искусственного интеллекта (ИИ) и технологий анализа больших данных *big data* для мониторинга онлайн-активности позволило КНР эффективно выявлять и пресекать деятельность сетей по производству и продаже прекурсоров наркотиков за криптовалюту. По данным TRM Labs, в 2023 г. китайские предприятия по производству прекурсоров получили свыше 26 млн долл. США в криптовалюте, что на 600% превышает показатели 2022 г. [5].

Во Вьетнаме, однако, система расследования наркопреступлений в Darknet всё ещё имеет существенные ограничения. По оценкам экспертов, одним из ключевых препятствий является отсутствие чёткой законодательной базы, регламентирующей расследование преступлений в анонимной сети и использование криптовалют. Ограниченные технические возможности, нехватка специализированных подразделений по цифровому профилированию преступников, а также недостаточно отлаженный механизм межведомственного взаимодействия между Министерством общественной безопасности, прокуратурой, Министерством информации и коммуникаций и таможенными органами приводят к тому, что фактическая эффективность борьбы остаётся ниже ожидаемого уровня. Примечательно, что из 102 крупных наркодель, раскрытых в 2024 г., 7 были связаны с Darknet, однако ни одно из них не было завершено на основе доказательств, полученных из сети *Tor*. Это наглядно указывает на серьёзный дефицит специализированных навыков и инструментов в данной сфере [6].

Практика показывает, что незаконный оборот наркотиков в Darknet – это не только техническая проблема, но и вызов для всей системы права, институтов и возможностей обеспечения законности. Быстрый рост и появление всё новых видов синтетических наркотиков на чёрном рынке, всё более сложное применение технологий шифрования и анонимизации, а также развитие новых моделей организации преступных сообществ требуют срочного совершенствования методов расследования. В условиях, когда Вьетнам переживает масштабную цифровую трансформацию и активно интегрируется в мировое сообщество, формирование эффективной модели расследования преступлений, связанных с незаконной торговлей наркотиками в Darknet, становится не только неотложной задачей органов правопорядка, но и стратегическим вопросом национальной безопасности.

Методология исследования

Исследование основано на комплексном подходе, включающем анализ, международно-сравнительный метод, кейс-стади и экспертные опросы, с целью оценить состояние наркопреступности в сети Darknet во Вьетнаме, изучить эффективные модели расследования, реализованные в России и Китае, выявить существующие проблемы и выработать предложения по их устранению.

Метод анализа правовых текстов применяется для оценки вьетнамской нормативной базы, регулирующей расследование преступлений в анонимной сети и использование криптовалют, с выявлением пробелов и сравнением с законодательством России и Китая. Особое внимание уделяется УПК Вьетнама 2015 г. с редакцией 2025 г. и его регулированию расследования, отслеживания преступлений в сети и операций с криптовалютой.

Метод кейс-стади используется для изучения уголовных дел, связанных с наркопреступлениями в Darknet, во Вьетнаме, России и Китае. Рассматриваются примеры ликвидации рынка Hydra и специальных операций в Китае для выявления эффективных технических и правовых мер, особенно в области отслеживания криптовалютных транзакций и онлайн-мониторинга.

Международно-сравнительный метод позволяет сопоставить модели расследования, определить передовые подходы и организационные решения, включая системы мониторинга, анализ blockchain и цифровые методы расследования, с формированием рекомендаций для Вьетнама.

Также анализируются статистические и отчетные данные компетентных органов для выявления тенденций и оценки текущего состояния преступности. Такой подход обеспечивает всестороннюю оценку ситуации и выработку рекомендаций по совершенствованию законодательства, повышению следственного потенциала и расширению международного сотрудничества.

Основная часть

Darknet, или так называемая тёмная сеть, представляет собой часть Интернета, недоступную через обычные браузеры и требующую специального программного обеспечения для подключения. В отличие от *Deep Web* – глубинного интернета, включающего веб-сайты, не индексируемые стандартными поисковыми системами, Darknet изначально создавался для обеспечения высокой анонимности и безопасности. Наиболее распространёнными в настоящее время сетями Darknet являются Tor *The Onion Router*, I2P *Invisible Internet Project* и *ZeroNet*, при этом Tor занимает абсолютно доминирующее положение – более 80% всего трафика Darknet в мире приходится именно на него [7. P. 2419–2440; 8. P. 14]. Механизм функционирования Darknet основан на принципе многоуровневой маршрутизации (*onion routing*), при которой данные шифруются в несколько слоёв и передаются через цепочку случайно выбранных узлов-ретрансляторов, прежде чем достигнуть конечного пункта назначения. Этот процесс делает крайне затруднительным отслеживание источника и получателя данных, создавая идеальную среду для противоправной деятельности. Согласно исследованию Манчестерского университета, Великобритания, в сети Tor в любой момент времени активно около 65 тыс. адресов «.onion», из которых, по оценкам, 15–20% обслуживают незаконную коммерческую деятельность.

В исследовании А.Г. Александрова и А.А. Сафронова [9. С. 156–160] отмечается, что «главная цель Darknet – предоставить пользователю возможность действовать в режиме “анонимности”, однако сами пользователи используют анонимную сеть для совершения противоправных деяний различными способами. К таковым относятся: торговля наркотическими средствами и психотропными веществами, оружием и боеприпасами; купля-продажа поддельных документов и торговля людьми; предоставление услуг по заказным убийствам; продажа персональных данных, незаконно полученных хакерами, в обмен на денежное вознаграждение. Следует отметить, что рынок наркотиков в Darknet функционирует по схеме, схожей с легальными электронными торговыми площадками, предоставляя такие возможности, как система отзывов о товарах, рейтинг продавцов, клиентское обслуживание и даже гарантийное обслуживание. Это создаёт серьёзную проблему для деятельности правоохранительных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков. Крупнейшие торговые площадки наркотиков в Darknet, такие как Hydra в России, Dream Market, Empire Market, имели сотни тысяч зарегистрированных пользователей и многомиллионные обороты. В частности, российская Hydra накануне своего закрытия в 2022 г. контролировала 80–90% всего объёма сделок по наркотикам в Darknet [10. P. 735–777].

Процесс купли-продажи наркотиков в Darknet, как правило, стандартизирован: покупатель заходит на торговую площадку через браузер Tor, создаёт учётную запись с вымышленными данными, просматривает каталог товаров, оформляет заказ и оплачивает его с помощью криптовалюты (в основном Bitcoin или Monero). Доставка осуществляется двумя основными способами: почтовыми отправлениями (наиболее распространены на западных рынках) или через систему

dead drop – главным образом в России и некоторых странах Восточной Европы. Последний метод особенно опасен, так как позволяет завершить сделку в течение нескольких часов без прямого контакта между продавцом и покупателем.

С географической точки зрения, активность в сфере наркоторговли в Darknet распределена неравномерно. Россия занимает второе место в мире по уровню использования Darknet, обеспечивая 15% всего мирового трафика Tor. Примечательно, что, в отличие от традиционной модели в западных странах, где Darknet остаётся вспомогательным каналом сбыта наряду с привычными уличными методами, в России система *dead drop* стала основным способом работы преступников – на практике продажа наркотиков непосредственно на улице практически исчезла.

Ситуация с наркопреступностью в Darknet в Юго-Восточной Азии, включая Вьетнам, демонстрирует тревожную тенденцию к росту. Уникальное географическое положение Вьетнама – близость к Золотому треугольнику, протяжённая граница с Китаем, Лаосом, Камбоджей и обширная береговая линия – превращает страну как в конечный пункт, так и в важный транзитный узел международной наркоторговли. Согласно отчёту УНП ООН, Вьетнам является не только рынком сбыта, но и центром транзита синтетических наркотиков из Золотого треугольника в Австралию, Новую Зеландию, Южную Корею, Японию и другие государства [11. P. 206–214].

Особую обеспокоенность вызывает появление новых методов сбыта наркотиков через Darknet во Вьетнаме. Так, в сентябре 2023 г. Департамент полиции по расследованию преступлений, связанных с наркотиками, в ходе операции в Ханое выявил использование биткойнов для покупки синтетического каннабиса в Китае с последующим добавлением его в жидкости для электронных сигарет с целью продажи через Интернет. Это указывает на опасную комбинацию новой технологии – криптовалюты, нового продукта – электронные сигареты, и нового канала сбыта – социальные сети, электронная коммерция, создающую беспрецедентные вызовы для борьбы с наркопреступностью во Вьетнаме [12].

Статистика правоохранительных органов Вьетнама за 2024 г. свидетельствует о росте масштабов и усложнении структуры наркопреступлений. Полиция по расследованию преступлений, связанных с наркотиками, пресекла около 30 тыс. преступлений, задержала более 51 тыс. лиц и изъяла тонны наркотических средств различных видов [13]. Характерной стала тенденция использования социальных сетей и зашифрованных мессенджеров для управления незаконным оборотом наркотиков – преступники активно используют *Zalo*, *Messenger*, *Telegram* для связи, а также банковские переводы для расчётов. Это размывает границы между традиционной наркопреступностью и киберпреступностью, требуя принципиально новых и более эффективных методов расследования.

Имея многолетний опыт борьбы с организованной наркопреступностью, особенно в условиях стремительного развития цифровых технологий, Россия выстроила достаточно полную правовую, техническую и организационную систему расследования, достигнув значительных успехов в выявлении, отслеживании и ликвидации крупных сетей сбыта наркотиков. Показательным является уголовное дело, связанное с транснациональной сетью наркоторговли через платформу Hydra [4], в рамках которого Московский областной суд приговорил С. Моисеева – признанного организатора и руководителя крупного преступного сообщества, занимавшегося производством и сбытом наркотиков через анонимную сеть, – к пожизненному лишению свободы. В период с 2015 по 2018 г. Моисеев организовал деятельность подпольных лабораторий в России и Белоруссии по производству синтетических наркотиков и создал систему распределения по схеме *dead drop*, обеспечивающую полную анонимность сделок.

Расследование, инициированное МВД России в 2016 г. при содействии компетентных органов Федеративной Республики Германия, позволило изъять более 1 т наркотиков и криптовалюту на сумму около 25 млн долл. США, а также получить данные с зарубежных серверов. Кроме Моисеева, 15 участников сети получили сроки от 8 до 23 лет лишения свободы. Дело наглядно демонстрирует высокий уровень технической оснащённости, организованности и транснационального масштаба наркопреступности в Darknet, а также значительные усилия российских правоохранительных органов по применению современных методов цифрового расследования и развитию международного сотрудничества для противодействия нетрадиционным угрозам безопасности в киберпространстве.

Россия разработала одну из наиболее передовых в мире моделей расследования наркопреступлений в Darknet, основанную на комплексной системе мониторинга Интернета и тесном взаимодействии правоохранительных органов. Модель не только отвечает техническим вызовам, но и создаёт особую правовую и институциональную базу для работы с анонимными сетями. Система расследования в России построена на межведомственном принципе с участием специализированных структур. Роскомнадзор – орган, контролирующий средства массовой информации и Интернет, – играет ключевую роль в мониторинге и выявлении противоправной активности в Darknet, эксплуатируя платформу *Oculus* – автоматизированную систему мониторинга, использующую искусственный интеллект и технологии компьютерного зрения для обнаружения незаконного контента, включая наркоторговлю. ФСБ РФ применяет систему *СОРМ-3* – национальный инструмент интернет-мониторинга, способный собирать и анализировать данные от всех интернет-провайдеров в стране. Эта система позволяет не только отслеживать трафик, но и анализировать метаданные, выявлять поведенческие модели и даже прогнозировать противоправные действия. Комбинация СОРМ-3 и инструментов *blockchain*-аналитики обеспечивает высокоточное отслеживание движения криптовалют, даже при использовании сервисов «микширования» для сокрытия источника транзакций. В составе МВД РФ действует специализированное подразделение по расследованию кибер- и наркопреступлений с сотрудниками, прошедшими специальную подготовку по *blockchain forensics*

и *Tor forensics*. Особенностью российской модели является интеграция технических специалистов непосредственно в следственные группы, что сокращает время обработки технической информации и повышает эффективность работы.

Наиболее значимым успехом стало закрытие наркорынка Hydra в апреле 2022 г. как результат многолетнего международного расследования. Hydra, начавшись как площадка для сбыта наркотиков в Darknet, быстро превратилась в многофункциональную незаконную платформу с более чем 19 тыс. аккаунтов продавцов и примерно 17 млн пользователей, активно использовавшуюся для сделок с поддельными документами и фальшивыми деньгами. В 2019 г. на платформе было зарегистрировано 2,5 млн аккаунтов, а годовой оборот достигал 1,4 млрд долл. США, что свидетельствует о колоссальном масштабе теневой экономики. Расследование «Hydra» велось одновременно в России, Германии и США. В 2022 г. российские следственные органы установили местонахождение серверов «интернет-магазинов – Hydra» на территории Германии [14]. В отличие от западных рынков Darknet, Hydra использовала стандартизированную систему *dead drop*, задействуя сеть кладменов – закладчиков, что позволило превратить покупку наркотиков в столь же простой процесс, как заказ еды через доставочный сервис [15].

В ходе расследования применялись передовые технические методы: *blockchain*-анализ для отслеживания движения средств с биткойн-кошельков Hydra до криптобирж, что позволило установить реальную личность многих участников, а также анализ метаданных трафика Tor, приведший к изъятию серверов в Германии при содействии полиции ФРГ. Hydra представляла собой многоуровневую преступную организацию: от производителей наркотиков, владельцев магазинов и закладчиков до спортсменов – силового крыла, маркетологов и специалистов по PR. Эту модель позднее переняли преемники Hydra – Mega, Kraken, Blacksprut.

После ликвидации Hydra на российском рынке появились новые, более мелкие, но гибкие платформы, что указывает на ограниченность традиционной модели расследования в борьбе с «регенерацией» рынков Darknet [15]. Важным элементом российской модели являются специальные правовые (оперативно-розыскные) меры. Законодательство РФ (ст. 6, 7 и 8 Федерального закона об оперативно-розыскной деятельности) позволяет правоохранительным органам получать доступ к персональным данным, включая компьютерную информацию, без сложных судебных процедур, что повышает скорость и эффективность расследований. Однако определённые ограничения всё же существуют.

В исследовании Ш.Х. Гонова и А.В. Милованова [16. С. 26–34] «Актуальные проблемы борьбы с преступностью в сети Darknet» подчёркивается, что децентрализованный характер, мощное шифрование и абсолютная анонимность Darknet крайне осложняют расследование преступлений, особенно в условиях постоянного технологического прогресса и роста профессионализма киберпреступников. Авторы указывают на пробелы в действующем законодательстве, включая отсутствие официального юридического определения термина «Darknet», задержки в обновлении методов цифрового расследования и недостаточную межведомственную координацию. Они предлагают закрепить в уголовном законодательстве чёткое определение сети Darknet, чтобы унифицировать правоприменительную практику, а также усилить контроль за использованием криптовалют и платформ *DeFi* как каналов отмывания средств и финансирования незаконной деятельности.

А.Г. Александров и А.А. Сафронов в работе «Использование сети Даркнет при подготовке и совершении преступлений» также отмечают отсутствие комплексного определения Darknet в уголовном законодательстве РФ, что осложняет квалификацию преступлений в этой среде. Они фиксируют недостаток технических ресурсов у правоохранительных органов, отсутствие у некоторых подразделений инструментов blockchain-аналитики, технологий отслеживания криптовалют и методов сбора информации в анонимных сетях, а также недостаточную межведомственную и международную координацию. В качестве решения предлагается: 1) закрепить официальное определение Darknet в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве; 2) повысить технический потенциал следственных органов путём обучения работе с анонимными «IP», анализу блокчейна и мониторингу глубоких слоёв сети; 3) создать действенный механизм межведомственного взаимодействия и расширить международное сотрудничество [9. С. 156–160].

С нашей точки зрения, российская модель расследования наркопреступлений в Darknet демонстрирует комплексный подход, интегрирующий технические, правовые и оперативные меры. Однако она не лишена ограничений, связанных с постоянной эволюцией наркорынка и более медленным обновлением законодательства по сравнению с практическими изменениями в характере преступности.

Это ставит вопрос о возможности адаптации данной модели в странах с иной политической и правовой системой. Данный аспект требует тщательного анализа при рассмотрении потенциала применения российской модели расследования в условиях Вьетнама с учётом институциональной и культурной совместимости, а также экономико-правовых и социальных особенностей страны.

Помимо значительного опыта России, Китай также выстроил модель расследования преступлений в анонимных сетях с рядом уникальных особенностей, особенно в условиях жёсткого контроля киберпространства и эффективного взаимодействия правоохранительных органов. Анализ китайского опыта позволяет глубже понять различные подходы к борьбе с этим видом преступности.

Китай разработал уникальную модель расследования наркопреступлений в киберпространстве, основанную на сочетании строгого контроля национальной интернет-инфраструктуры с применением передовых технических средств и широкого международного сотрудничества.

В отличие от модели РФ, сосредоточенной преимущественно на ликвидации уже сложившихся рынков Darknet, Китай реализует стратегию активной превенции, нацеленную на пресечение незаконной деятельности на стадии её формирования и строгий контроль за источниками поставок прекурсоров наркотиков.

Организационная структура расследований в Китае построена по принципу централизованного управления с Министерством общественной безопасности в качестве координирующего органа. В его системе Главное управление по борьбе с наркотиками выполняет функции общего координатора, а специализированные подразделения, такие как «Киберподразделение по противодействию наркотикам», ведут дела, связанные с киберпространством. Принципиальной особенностью китайской модели является тесная интеграция силовых структур с технологическими компаниями, что позволяет создать масштабную сеть мониторинга и оперативного вмешательства [17].

Одной из наиболее заметных черт китайской модели стало широкое использование искусственного интеллекта и анализа больших данных в следственной деятельности. Система мониторинга Китая способна анализировать поведение пользователей в сети, выявлять подозрительные транзакционные модели и даже прогнозировать незаконную активность. Особое значение имеет интеграция данных криптовалютных бирж с национальной системой идентификации личности, что обеспечивает высокую точность отслеживания операций даже при использовании методов анонимизации. В сфере blockchain-аналитики Китай инвестировал значительные ресурсы в разработку и внедрение передовых инструментов цифровой криминалистики. Согласно исследованию TRM Labs, с июня 2019 г. предприятия по производству прекурсоров наркотиков, базирующиеся в Китае, получили свои криптовалютные кошельки более 55,5 млн долларов США, причём основная часть этих средств была накоплена в 2022–2023 гг. [18]. Мониторинг и анализ этих финансовых потоков позволили китайским органам выявить и ликвидировать целый ряд сетей по торговле прекурсорами при содействии зарубежных партнёров.

Международное сотрудничество является ключевым элементом китайской стратегии. Так, программа «Оперативная группа – Taskforce Blaze» – совместная инициатива Федеральной полиции Австралии «AFP» и Государственного комитета по контролю за наркотиками Китая, действующая с 2015 г., привела к изъятию 28 т наркотиков и прекурсоров. Из этого объёма более 11 т наркотиков, предназначенных для отправки в Австралию, были перехвачены в Китае, что, по оценкам, спасло жизни около 592 гражданам Австралии [19]. Китай активно участвует и в международных учебных программах: в 2018 г. в Шанхае при содействии УНП ООН был проведён курс по расследованию и контролю за наркопреступностью в онлайн-среде с участием сотрудников Главного управления по контролю за наркотиками Министерства общественной безопасности Китая и представителей зарубежных антинаркотических органов. Это свидетельствует о том, что Китай не только перенимает международный опыт, но и делится собственными знаниями и компетенциями.

В правовой сфере Китай установил строгие правила обращения с криптовалютой, включая полный запрет на криптовалютные транзакции с 2021 г. Однако поставщики прекурсоров продолжают использовать зарубежные каналы для получения оплаты в криптовалюте. В ответ на это Китай разработал систему мониторинга и анализа трансграничных операций, а также усилила взаимодействие с международными правоохранительными структурами [20]. Согласно официальному отчёту Министерства общественной безопасности Китая, 2019 г. стал переломным моментом в борьбе с преступностью в Darknet: было выявлено и расследовано 16 уголовных дел, связанных с Darknet, задержано 25 подозреваемых, двое из которых были осуждены, а 23 человека находились под стражей. Несмотря на относительную малочисленность этих дел, они указывают на тревожный рост нового типа преступности, учитывая, что в целом по стране в 2019 г. было возбуждено 62 тыс. дел, изъято 49,1 т наркотиков и задержано 90 тыс. лиц [21].

По данным анализа Верховной народной прокуратуры Китая, наркопреступность в Darknet характеризуется следующими особенностями: высокая анонимность, затрудняющая контроль и отслеживание источников; разнообразие форм преступной деятельности – от торговли до отмывания средств; выраженная транснациональность с участием международных преступных сетей, а также значительная доля молодёжи среди правонарушителей – лица, рождённые после 1990 г., составляют 47%, а после 2000 г. – 8,6%. В ряде дел, зарегистрированных в 2019 г., самым молодым фигурантам было всего 14 лет, что отражает серьёзную угрозу для молодого поколения [22]. Газета «Жэньминь жибао» охарактеризовала Darknet как злокачественную опухоль интернета, подчёркивая необходимость глобального взаимодействия для его искоренения. Среди предлагаемых мер – развитие технологий противодействия Darknet, укрепление международного сотрудничества, использование больших данных для прогнозирования и анализа, а также жёсткий контроль за системой логистики и курьерских служб. Эти меры рассматриваются не только как задача Китая, но и как глобальный вызов, требующий согласованных действий государств [23. P. 8].

Тем не менее китайская модель имеет и определённые ограничения. В исследовании Ван Айчжи и Ли Цин [24. P. 1–8] из Синьцзянской полицейской академии дан комплексный анализ проблем, с которыми сталкивается китайская полиция при расследовании наркопреступлений в эпоху *big data*. Авторы отмечают, что развитие информационных технологий создало совершенно новый контекст для наркопреступности, в котором отсутствие физического контакта и виртуальный характер киберпространства выступают в роли мощного «катализатора», превращая интернет в идеальную среду для сбыта наркотиков. Указывается, что преступные группы формируют сложный «профессиональный сленг», постоянно меняют наименования

и кодируют виды наркотиков, чтобы избежать обнаружения, а также используют анонимность сети для сокрытия личности и регулярной смены IP-адресов. Одной из ключевых проблем является отслеживание денежных потоков, когда цифровые транзакции и системы «третьих сторон» полностью заменили традиционные наличные расчёты, создавая сложнейший лабиринт для отслеживания незаконных средств. Авторы предлагают комплекс мер, включающий повышение технологического потенциала следственных органов, создание интеллектуальной системы мониторинга сети, усиление межведомственного взаимодействия и формирование интегрированной базы данных о киберпреступности, а также подчёркивают необходимость углубленной подготовки следователей для своевременного реагирования на технологическое развитие преступности.

Учёный Чэнь Шусянь [25. P. 40–48] из Школы уголовного правосудия Чжуннаньского университета экономики и права выполнил комплексный SWOT-анализ управления «чёрно-серой» отраслевой цепочкой в наркопреступности Darknet. Особое внимание уделялось оценке сильных Strengths и слабых Weaknesses сторон, а также возможностей Opportunities и угроз Threats в борьбе с данным видом преступности. Автор подчёркивает, что анонимные технологии, в частности сеть Tor с многоуровневым шифрованием и ретрансляцией через многочисленные узлы, создают «непробиваемый щит», делающий определение реального IP-адреса преступника «почти невозможным». Отмечена тенденция омоложения субъектов преступлений, рост уровня секретности и постоянство преступной активности, что создаёт беспрецедентные трудности для надзора и судебного преследования. В институциональной плоскости Чэнь Шусянь указывает на недостаточный уровень международного сотрудничества, отсутствие эффективного обмена разведданными и слабую согласованность действий между странами, а также на ограниченные компетенции сотрудников, обрабатывающих дела, требующие глубоких знаний не только национальной правовой системы, но и правопорядка других государств. Предлагаемая модель управления включает расширение международного взаимодействия, повышение технического потенциала, совершенствование правовой базы и построение многоуровневой системы превенции.

Совместное исследование Гэна Цзяньфу [26. P. 125–139] «Полицейская академия провинции Юньнань» и Чжоу Цзяньцзюня «Школа права и социологии Юньнаньского педагогического университета» сосредоточено на анализе модели возложения ответственности за деяния, связанные с наркотиками, в условиях интернета и логистики. Авторы отмечают, что синергия интернета и современной логистической инфраструктуры породила новый тип преступности, при котором преступные группы маскируют наркотические грузы под легальные товары. В исследовании рассматриваются сложные правовые вопросы квалификации, в том числе в случаях трансграничной закупки психотропных препаратов для кого-то, когда грань между незаконной предпринимательской деятельностью и воспрепятствованием контролю за оборотом лекарственных средств становится размытой, что вызывает дискуссии в юридическом сообществе. Ещё одной серьёзной проблемой авторы называют установление субъективного умысла в виртуальной среде, где действия могут осуществляться через несколько посредников и с использованием поддельных личностей, что крайне затрудняет доказывание преступного намерения.

В части сбора доказательств исследование указывает на их высокую уязвимость к уничтожению и модификации: преступники легко удаляют цифровые следы, а временные разрывы при сборе информации, вызванные сложностью цепочки «интернет + платёж третьей стороны + логистика», создают окна возможностей для противоправной деятельности. Гэн и Чжоу также акцентируют внимание на барьерах в обмене информацией между различными силовыми структурами, отсутствии эффективного механизма межведомственного взаимодействия, а также на нежелании или пассивности ряда компаний в телекоммуникационном, банковском и логистическом секторах, что образует серьёзные уязвимости в системе противодействия преступности. Предложенная ими модель возложения ответственности предполагает многоуровневую систему, объединяющую юридическую ответственность физических лиц, бизнеса и государственных регуляторов, а также совершенствование правовой базы с учётом новых реалий цифровой преступности.

Исходя из анализа вышеуказанных исследований, мы полагаем, что эффективность китайской модели расследования данного вида преступности во многом зависит от способности государства осуществлять жёсткий контроль как киберпространства, так и частной жизни граждан, что невозможно воспроизвести во многих странах в силу ограничений, связанных с правами человека. С нашей точки зрения, китайская модель представляет собой целостный системный подход к проблеме наркопреступности в киберпространстве. Сочетание контроля источников прекурсоров, технического надзора ИИ, *big data*, международного сотрудничества и строгой правовой базы обеспечивает относительную эффективность этой модели. Однако возможность её применения в других странах во многом зависит от специфики их политической, правовой и культурной систем.

После изучения опыта России и Китая представляется необходимым проанализировать текущее состояние и трудности, возникающие при расследовании наркопреступлений в анонимных сетях во Вьетнаме, чтобы определить разрыв между теоретическими моделями и практическими возможностями, а также выявить внутренние вызовы и условия, необходимые для адаптации международных моделей к национальному контексту.

Вьетнам в настоящее время сталкивается с всё более сложными вызовами в расследовании и противодействии наркопреступности в киберпространстве, особенно в сети Darknet. Несмотря на значительные усилия, предпринимаемые компетентными органами, фактическое положение дел показывает, что в правовом, техническом и организационном аспектах всё ещё

существуют пробелы, которые требуют безотлагательного устранения.

1. *Вопросы правовой базы.* Во Вьетнаме отсутствуют детализированные и всеобъемлющие правовые нормы, регламентирующие расследование преступлений в анонимных сетях и использование криптовалют в незаконной деятельности. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс, хотя и содержит положения о сборе электронных доказательств, пока не в полной мере отвечает специфическим требованиям расследования преступлений в Darknet. Особенно проблемным является отсутствие чётких норм, определяющих полномочия по сбору данных о скрытом доступе, мониторингу финансовых блокчейновых цепочек и получению персональных данных в особых случаях. Это существенно снижает эффективность следственной работы. Исследования вьетнамских правоведов, таких как Нгуен Тхи Фыонг Хоа [27. P. 146–177] и Грегори Роуз, показывают, что, несмотря на ратификацию Вьетнамом трёх международных конвенций ООН по контролю над наркотиками, имплементация их положений в национальное законодательство и практику всё ещё недостаточна. В частности, отсутствие в законе нормы о преступлении «незаконное производство прекурсоров», как того требует Венская конвенция 1988 г., образует правовой пробел, который может использоваться преступниками.

2. Вопросы технического потенциала. Во Вьетнаме наблюдается серьёзный дефицит кадров и специализированного оборудования для расследования киберпреступлений. По данным Министерства общественной безопасности, из 102 крупных наркодель, выявленных в 2024 г., 7 были связаны с Darknet, однако ни одно из них не было завершено на основании доказательств, полученных из сети «Tor» [13]. Это демонстрирует острый недостаток компетенций в области глубокого технического анализа технологий анонимизации. Несмотря на значительные успехи Департамента полиции по расследованию преступлений, связанных с наркотиками, в ликвидации крупных наркосетей, пока не создано специализированного подразделения по анализу поведенческих данных преступников в Darknet. Недостаток экспертов в области *blockchain forensics*, *Tor forensics* и цифровой криминалистики существенно снижает возможности расследования сложных дел с применением высоких технологий.

3. *Вопросы межведомственного взаимодействия.* Механизмы координации между органами власти остаются ограниченными. Хотя взаимодействие между Министерством общественной безопасности, Главным таможенным управлением и Министерством информации и коммуникаций уже осуществляется, обмен информацией и совместные расследования пока не институционализированы в достаточной степени. Особенно это заметно в делах с трансграничным элементом, где требуется плотное взаимодействие между различными ведомствами и подразделениями. Согласно информации Главного таможенного управления, в период с 16 декабря 2022 г. по 15 февраля 2024 г. таможенными органами было изъято более 3 т различных видов наркотиков и задержано 365 лиц. В 2023 г. кетамин стал основным наркотическим средством, изымаемым во Вьетнаме, что отражает тенденцию роста синтетических наркотиков. Однако отсутствие детализированных данных о доле дел с участием Darknet в общем количестве выявленных преступлений свидетельствует о том, что система статистики и классификации преступности пока не успевает за развитием новых её форм [28].

4. *Социально-демографические аспекты.* Особую тревогу вызывает тенденция «омоложения» преступников, использующих технологии. По данным Министерства общественной безопасности Вьетнама, 60% впервые употребивших наркотики находятся в возрасте 15–25 лет, большинство из них – учащиеся и студенты. Эти лица хорошо разбираются в технологиях и легко получают доступ к онлайн-платформам для приобретения наркотиков. Особенно опасно, что продажа наркотиков через социальные сети и мессенджеры стала обычным явлением: в 94% дел о торговле людьми, «в том числе связанных с наркотиками», использовались социальные сети [29]. Показателен случай в провинции Фу Тхо в 2024 г., когда к уголовной ответственности было привлечено 73 лица, из которых 29 грозило наказание в виде смертной казни. Это дело отражает не только масштаб, но и высокий уровень технической оснащённости преступников. Для связи и координации действий использовались *Zalo*, *Messenger*, *Telegram*, а финансовые махинации осуществлялись через банковские счета, что позволяло избегать обнаружения правоохранительными органами.

6. *Географические особенности.* Особое положение Вьетнама – сухопутная граница протяжённостью 4 639 км с тремя государствами и береговая линия длиной 3 444 км – создаёт дополнительные сложности в вопросах контроля трансграничного оборота наркотиков [11. P. 206–214]. Ситуация осложняется тем, что преступники всё чаще комбинируют традиционные и современные методы, офлайн- и онлайн-форматы незаконной деятельности. Дополнительные трудности создаёт появление новых видов наркотиков, таких как «весёлая вода – *happy water*» [12], электронные сигареты с добавлением наркотических веществ, а также синтетические наркотики, заявленные как «не являющиеся наркотиками». Для маскировки используются кодовые слова, завуалированные изображения и изощрённые маркетинговые приёмы, что затрудняет автоматизированный мониторинг.

Мы полагаем, что современное расследование наркопреступлений в Darknet во Вьетнаме представляет собой сложное явление с множеством взаимосвязанных вызовов. Несмотря на предпринимаемые значительные усилия, отсутствие согласованности между правовой базой, техническим потенциалом и механизмами координации ограничивает эффективность следственной работы. Это требует комплексного и системного подхода, направленного на устранение текущих недостатков и создание эффективной модели расследования, адаптированной к социально-экономическим условиям Вьетнама.

Рекомендации для Вьетнама

Расследование наркопреступлений в сети Darknet требует наличия полноценной правовой базы, современного организационного и технического обеспечения, а также налаженного международного сотрудничества.

Для выполнения этих требований Вьетнаму необходимо дополнить и скорректировать национальное законодательство, укрепить организационный потенциал и развивать международное взаимодействие, что позволит повысить эффективность борьбы с наркопреступностью в анонимных сетях. Конкретно предлагаются следующие меры.

Во-первых, следует дополнить и усовершенствовать правовые нормы, регулирующие специальные следственные мероприятия, мониторинг финансовых блокчейновых цепочек и полномочия по доступу к персональным данным при расследовании наркопреступлений в Darknet, обеспечив баланс между эффективностью расследования и защитой права граждан на неприкосновенность частной жизни.

Совершенствование правовой базы является первоочередной и неотложной задачей для создания надёжной основы расследования наркопреступлений в Darknet во Вьетнаме. Опираясь на опыт России и Китая, а также на учёт национальной специфики, необходимо внести существенные дополнения и изменения в действующую систему законодательства. Прежде всего, УПК Вьетнама 2015 г. должен быть дополнен с учётом того, что Darknet представляет собой часть Интернета, не индексируемую обычными поисковыми системами, доступ к которой возможен только через специальные программы, протоколы или конфигурации, и которая часто используется как в законных целях, так и для противоправной деятельности, включая торговлю наркотиками, оружием, персональными данными и отмывание денег, а также положениями о специальных следственных мерах в отношении преступлений, совершаемых в данной среде.

В частности, следует чётко закрепить полномочия и процедуры сбора данных о скрытом доступе, включая мониторинг трафика Tor, анализ метаданных и установление личности пользователей с применением технологий *деанонимизации* (*de-anonymization*). При этом требуется обеспечить тонкий баланс между эффективностью расследования и защитой законных прав на неприкосновенность частной жизни, учитывая международные дискуссии по вопросам приватности.

Особое значение имеет формирование правовой базы для деятельности по отслеживанию и анализу финансовых блокчейновых цепочек blockchain forensics. Опыт Китая демонстрирует, что возможность отслеживания криптовалютных транзакций является ключевым фактором в раскрытии преступлений. Однако, в отличие от Китая, где криптовалютные операции полностью запрещены, Вьетнам нуждается в более сбалансированном подходе, предусматривающем легальное использование криптовалют при одновременном создании действенных механизмов контроля подозрительной активности. Следует ввести нормы о полномочиях по доступу к персональным данным в экстренных случаях, связанных с наркопреступлениями в анонимных сетях, с чётким определением условий, процедур и механизмов надзора, исключающих злоупотребления. Опыт России показывает, что наличие расширенных полномочий повышает эффективность расследования, однако во Вьетнаме такие полномочия должны сопровождаться гарантиями, соответствующими принципам правового государства.

Помимо корректировки УПК Вьетнама 2015 г., необходимо разработать специализированный подзаконный акт «Постановление правительства», детально регламентирующий расследование высокотехнологичных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. В нём должны быть чётко определены допустимые технические методы, порядок сбора и обработки электронных доказательств, а также требования к квалификации следственных работников. В документ следует включить нормы о взаимодействии с международными организациями и обмене технической информацией с государствами региона. В уголовное законодательство необходимо ввести новый состав преступления – «незаконное производство прекурсоров для изготовления наркотических средств» – в соответствии с Венской конвенцией 1988 г., на отсутствие которого во вьетнамском законодательстве указывали в своём исследовании Нгуен Тхи Фыонг Хоа и Грегори Роуз в 2016 г. Следует также рассмотреть возможность введения специальных отягчающих обстоятельств за действия, совершённые с применением высоких технологий, анонимных сетей или криптовалют.

Во-вторых, Вьетнаму необходимо создать центр анализа данных о преступлениях в Darknet, оснащённый современными техническими средствами, с подготовкой специализированных кадров и построением системы межведомственного обмена данными для эффективной борьбы с наркопреступностью в анонимных сетях.

Опираясь на успешный опыт межведомственных структур России и Китая, во Вьетнаме следует сформировать современную специализированную организацию, способную эффективно реагировать на угрозы наркопреступности в Darknet. Ключевое предложение – создание Центра анализа поведенческих данных о преступлениях в Darknet при Департаменте полиции по расследованию преступлений, связанных с наркотиками, функционирующего по модели, аналогичной подразделениям, уже доказавшим свою эффективность в России и Китае. Центр должен быть оснащён новейшими техническими средствами, включая системы блокчейн-аналитики, инструменты мониторинга Darknet, программное обеспечение для анализа метаданных и иное специализированное оборудование. Важнейшее направление работы – развитие возможностей forensics-анализа криптовалютных кошельков, эффективность которого была убедительно подтверждена в России и Китае. Так, в операции по ликвидации Hydra применение блокчейн-аналитики позволило изъять 25 млн долл. США в биткойнах и установить личности ряда участников.

В кадровом плане требуется внедрение системной программы углубленной подготовки следователей, включающей модули по *blockchain forensics*, *Tor forensics*, анализу цифровых следов, технологиям de-anonymization и другим современным методам расследования. Здесь целесообразно использовать опыт обучающих курсов УНП ООН, проведённых в Китае, где офицеры из разных стран проходили подготовку по методам онлайн-контроля за наркопреступностью.

Особое внимание следует уделить построению надёжной и защищённой системы межведомственного обмена данными. Такая система должна объединять Министерство общественной безопасности, Главное таможенное управление, Государственный банк Вьетнама и Министерство науки, технологий и коммуникаций, обеспечивая оперативный и точный обмен сведениями. Китайская модель интеграции правоохранительных структур и технологических компаний может служить ценным ориентиром, однако её необходимо адаптировать к правовым и культурным условиям Вьетнама. Требуется создать национальную базу данных о киберпреступности, включающую сведения об участниках, способах деятельности, используемых технологиях и международных связях. Эта база должна обладать возможностями аналитики и прогнозирования тенденций, опираясь на опыт Китая по применению ИИ и big data для выявления подозрительных моделей поведения, при строгом соблюдении норм о защите персональных данных и прав граждан.

В-третьих, Вьетнаму необходимо активно развивать международное сотрудничество, особенно с Интерполом, Европолом, Китаем и Россией, расширять обмен информацией и перенимать передовые методы расследования, параллельно укрепляя правовую базу и повышая квалификацию кадров для эффективного противодействия наркопреступности в Darknet.

Трансграничный характер наркопреступности в Darknet обусловливает необходимость активного участия Вьетнама в международных сетях обмена данными, таких как Интерпол «Директорат по киберпреступности» и Европол «Европейская многодисциплинарная платформа против преступных угроз», где государства делятся информацией и опытом борьбы с киберпреступностью. Членство в этих структурах обеспечит доступ к ценным разведданным и лучшим методам расследования.

Особое внимание следует уделить расширению двустороннего взаимодействия с Китаем и Россией через заключение соглашений о техническом и правовом обмене информацией. Эффективность подобного сотрудничества подтверждает опыт программы Оперативная группа – Taskforce Blaze между Австралией и Китаем, позволившей с 2015 г. изъять 28 т наркотиков и прекурсоров. Вьетнам может рассмотреть возможность создания аналогичных совместных инициатив, особенно с Китаем, в сфере контроля за источниками прекурсоров и синтетических наркотиков.

Необходимо изучить опыт применения европейской модели «совместного трансграничного расследования», при которой правоохранительные органы разных стран проводят согласованные действия в реальном времени и обмениваются оперативной информацией. Для Вьетнама, с его специфическим географическим положением и выраженной трансграничностью наркосетей, этот подход имеет особое значение. Следует также расширять обмен и совместную подготовку кадров с государствами, обладающими развитой практикой расследования подобных преступлений. Целесообразно направлять сотрудников на стажировки в специализированные учебные центры России, Китая или европейских стран, а также приглашать международных экспертов во Вьетнам для передачи технологий и практического опыта. Примером может служить обучающая программа УНП ООН в Шанхае 2018 г.

Таким образом, формирование прочной правовой базы, создание специализированных структур, развитие передовых технических средств и расширение международного сотрудничества станут ключевыми факторами, обеспечивающими способность Вьетнама эффективно противодействовать наркопреступности в Darknet, укреплять национальную безопасность и защищать права и законные интересы граждан.

Заключение

Итак, наркопреступность в сети Darknet становится нетрадиционным вызовом для национальной безопасности, требующим от Вьетнама применения передовых методов расследования. Опыт России и Китая показал, что успех в противодействии данному виду преступности зависит от трёх ключевых факторов: соответствующей правовой базы, передового технического потенциала и эффективного механизма межведомственного взаимодействия. Вьетнаму необходимо изучить и перенять эти модели, адаптировав их к специфическим условиям страны. В настоящее время Вьетнам сталкивается с целым рядом вызовов, включая отсутствие специализированной правовой базы и ограниченные технические возможности. Вместе с тем благодаря своему уникальному географическому положению и прочным традициям международного сотрудничества страна обладает потенциалом для формирования эффективной модели расследования, соответствующей принципам верховенства права. Следует подчеркнуть, что борьба с наркопреступностью в Darknet – это не только техническая задача, но и вопрос реформирования судебной системы и повышения потенциала органов, ведущих уголовный процесс.

Наркоторговля в анонимных сетях постоянно трансформируется, сопровождаясь появлением новых технологий, что требует от модели расследования гибкости и способности к постоянному развитию.

В конечном счёте, для повышения эффективности расследования данного вида преступлений Вьетнам должен тесно взаимодействовать с международным сообществом, участвовать в совместных инициативах и вносить вклад в выработку международных стандартов. Изучение международного опыта совместно с использованием собственных преимуществ позволит Вьетнаму выстроить действенную модель расследования, обеспечивающую соблюдение принципов верховенства права и защиту прав человека.

Список источников

1. Прохорова М., Михайлов А., Пикин И., Горшкова Н., Зезюлина Т., Иванова Е., Кудрявцев А., Тараканов И., Ткачук Т. Правовые и организационные основы борьбы с незаконным оборотом наркотиков. М. : ИНФРА-М, 2024. 298 с. doi: 10.12737/1900590

2. В фокусе: Торговля через даркнет / Управление Организации Объединённых Наций по наркотикам и преступности // Буклет 4. Всемирный доклад о наркотиках 2020. 2020. С. 5–18.
3. Вьетнам: 73 подозреваемых предстанут перед судом по крупному делу о транснациональной наркоторговле // VietnamPlus. 2025. URL: https://en.vietnamplus.vn/73-suspects-face-prosecution-in-major-transnational-drug-trafficking-case-post317845.vnp (дата обращения: 16.05.2025).
4. Организатор русскоязычного даркнет-рынка по продаже наркотиков Hydra осуждён пожизненно. Интерфакс // Интерфакс. 2024. URL: https://www.interfax.ru/russia/995517 (дата обращения: 16.05.2025).
5. The rise of cryptocurrency in the synthetic drug trade // TRM Labs. 2024. URL: https://www.trmlabs.com/resources/blog/the-rise-of-cryptocurrency-in-the-synthetic-drug-trade (дата обращения: 17.05.2025).
6. Vietnam country profile // The Organized Crime Index. Global Initiative Against Transnational Organized Crime. 2021. URL: https://ocindex.net/2021/country/vietnam (дата обращения: 10.06.2025).
7. Vijaykumar Bidv A., Waghmare A.S. Beyond the Onion Routing: Unmasking illicit activities on the dark web // International Journal of Innovative Science and Research Technology (IJISRT). 2024. Vol. 9, Is. 5. P. 2419–2440.
8. Beshiri A.S., Susuri A. Dark web and its impact in online anonymity and privacy: A critical analysis and review // Journal of Computer and Communications. 2019. Vol. 7(3). Art. 14.
9. Александров А.Г., Сафронов А.А. Использование сети даркнет при подготовке и совершении преступлений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1 (89). С. 156–160.
10. Goonetilleke P., Knorre A., Kuriksha A. Hydra: Lessons from the world's largest darknet market // Criminology & Public Policy. 2023. Vol. 22(4). P. 735–777. doi: 10.1111/1745-9133.12647
11. Huyen T.Q. International cooperation to prevent and combat transnational drug trafficking at border locations: A case study of Vietnam // Journal of Law, Policy and Globalization. 2019. Vol. 85. P. 206–214. doi: 10.7176/JLPG/85-24
12. Growing concern as youth and schools become targets of drug crimes // Vietnam News. 2024. URL: https://vietnamnews.vn/society/1657798/growing-concern-as-youth-and-schools-become-targets-of-drug-crimes.html (дата обращения: 27.05.2025).
13. Vu Diep. Large drug trafficking cases uncovered, many defendants face death penalty // Vietnamnet Global. 2025. URL: https://vietnamnet.vn/en/large-drug-trafficking-cases-uncovered-many-defendants-face-death-penalty-2400543.html (дата обращения: 28.05.2025).
14. Рубникович О. МВД бросило тень на «Гидру»: осуждены участники группировки интернет-наркоторговцев // Коммерсантъ. 2024. № 223. С. 4. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7344918 (дата обращения: 16.05.2025).
15. Daly M., Shortis P. Breaking Klad: Russia's dead-drop drug revolution // Global Initiative Against Transnational Organized Crime. 2024. URL: https://globalinitiative.net/wp-content/uploads/2024/11/Max-Daly-Patrick-Shortis-Breaking-Klad-Russias-dead-drop-drug-revolution-GI-TOC-November-2024.pdf (дата обращения: 7.06.2025).
16. Гонов Ш.Х., Милованов А.В. Актуальные вопросы противодействия преступности в сети даркнет // Полицейская и следственная деятельность. 2021. № 1. С. 26–34.
17. Govt policy moves from past week // State Council of the People's Republic of China. 2025. URL: https://english.www.gov.cn/policies/policywatch/202506/26/content_WS685cdf4ac6d0868f4e8f3a74.html (дата обращения: 10.07.2025).
18. Sanctions and terrorism: How the cartels use crypto to launder the proceeds of narcotics trafficking // Elliptic. 2025. URL: https://www.elliptic.co/blog/sanctions-and-terrorism-how-the-cartels-use-crypto-to-launder-the-proceeds-of-narcotics-trafficking (дата обращения: 12.07.2025).
19. AFP works with Chinese authorities to target illicit drug trafficking [Media release] // Australian Federal Police. News Centre. 2024. URL: https://www.afp.gov.au/news-centre/media-release/afp-works-chinese-authorities-target-illicit-drug-trafficking (дата обращения: 19.07.2025).
20. Gan C. PacNet #85 – How US-China cooperation can combat cryptocurrency in drug trafficking // Pacific Forum. 08.11.2024. URL: https://pacforum.org/publications/pacnet-85-how-us-china-cooperation-can-combat-cryptocurrency-in-drug-trafficking/ (дата обращения: 17.06.2025).
21. Why video-chat websites have become drug «boutiques» // Xinhua. 2020. URL: http://www.xinhuanet.com/zgjx/2020-10/16/c_139444359_2.htm (дата обращения: 13.07.2025).
22. "The Dark Web" is not a «haven for crime»: Report on the results of the "Net-cleaning 2019" campaign to combat darknet crime // Anquan Neican. 2019. URL: http://www.secrss.com/articles/15285 (дата обращения: 19.07.2025).
23. Diaoshifeng. The darknet is a malignancy that must be eradicated globally // People's Daily (Overseas Edition). 2019. P. 8. URL: http://www.xinhuanet.com/zgjx/2020-10/16/c_139444359_2.htm (дата обращения: 25.07.2025).
24. Wang A., Li Q. (2022). Investigation dilemmas and response strategies for darknet-related drug crimes in the era of big data // Journal of Yunnan Police Officer Academy. 2022. Vol. 1. P. 1–8 (на кит. яз.). URL: http://jhak.com/uploadfile/2022/0403/20220403093832394.pdf (дата обращения: 29.06.2025).
25. Chen S. Whole-chain governance of darknet drug crimes and the associated "black-gray" industry: A SWOT analysis // Criminal Justice Science & Governance. 2024. Vol. 5(1). P. 40–48 (на кит. яз.). URL: https://www.sciscanpub.com/index/index/show_article/id/5271.html (дата обращения: 30.06.2025).
26. Geng J., Zhou J. Attribution of «Internet + Logistics» drug-related behavior from the perspective of law and benefit // Business and Economic Law Review. 2023. Vol. 5. P. 125–139 (на кит. яз.). URL: http://jhak.com/uploadfile/2022/0403/20220403093832394.pdf (дата обращения: 15.07.2025).
27. Nguyen T.P.T., Rose G.L. Criminalization of drug trafficking in Vietnam: Developments and challenges // Columbia Journal of Asian Law. 2016. Vol. 29 (2). P. 146–177.
28. Over 3 tonnes of drugs seized in 14 months // VietnamPlus. 2024. URL: https://en.vietnamplus.vn/over-3-tonnes-of-drugs-seized-in-14-months-post283073.vnp (дата обращения: 27.07.2025).
29. Victims of human trafficking forced into online fraud: Border Guard // Vietnam News. 2025. URL: https://vietnamnews.vn/society/1693546/victims-of-human-trafficking-forced-into-online-fraud-border-guard.html (дата обращения: 30.07.2025).

References

1. Prokhorova, M. et al. (2024) *Pravovyye i organizatsionnyye osnovy bor'by s nezakonnym oborotom narkotikov* [Legal and Organizational Framework for Combating Illegal Drug Trafficking]. Moscow: INFRA-M. doi: 10.12737/1900590
2. United Nations Office on Drugs and Crime. (2020) V fokuse: Torgovlya cherez darknet [In Focus: Darknet Trafficking]. In: *Buklet 4. Vsemirnyy doklad o narkotikakh* [Booklet 4. World Drug Report 2020]. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime. pp. 5–18.
3. VietnamPlus. (2025) 73 suspects face prosecution in major transnational drug trafficking case. *VietnamPlus*. 22 April. [Online] Available from: https://en.vietnamplus.vn/73-suspects-face-prosecution-in-major-transnational-drug-trafficking-case-post317845.vnp (Accessed: 16.05.2025).

4. Interfaks. (2024) Organizator russkoyazychnogo darknet-rynka po prodazhe narkotikov Hydra osuzhden pozhiznenno [The organizer of the Russian-language darknet drug market Hydra was sentenced to life imprisonment]. *Interfaks*. 2 December. [Online] Available from: https://www.interfax.ru/russia/995517 (Accessed: 16.05.2025).
5. TRM Labs. (2024) The rise of cryptocurrency in the synthetic drug trade. *TRM Labs*. 26 September. [Online] Available from: https://www.trmlabs.com/resources/blog/the-rise-of-cryptocurrency-in-the-synthetic-drug-trade (Accessed: 17.05.2025).
6. Global Initiative Against Transnational Organized Crime. (2021) Vietnam country profile. *The Organized Crime Index*. [Online] Available from: https://ocindex.net/2021/country/vietnam (Accessed: 10.06.2025).
7. Vijaykumar Bidv, A. & Waghmare, A.S. (2024) Beyond the onion routing: unmasking illicit activities on the dark web. *International Journal of Innovative Science and Research Technology (IJISRT)*. 5 (9). pp. 2419–2440.
8. Beshiri, A.S. & Susuri, A. (2019) Dark web and its impact in online anonymity and privacy: A critical analysis and review. *Journal of Computer and Communications*. 7 (3). Art. 14.
9. Aleksandrov, A.G. & Safronov, A.A. (2021) Ispol'zovaniye seti darknet pri podgotovke i sovershenii prestupleniy [Use of the darknet in the preparation and commission of crimes]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 1 (89). pp. 156–160.
10. Goonetilleke, P., Knorre, A. & Kuriksha, A. (2023) Hydra: lessons from the world's largest darknet market. *Criminology & Public Policy*. 22 (4). pp. 735–777. doi: 10.1111/1745-9133.12647
11. Huyen, T.Q. (2019) International cooperation to prevent and combat transnational drug trafficking at border locations: a case study of Vietnam. *Journal of Law, Policy and Globalization*. 85. pp. 206–214. doi: 10.7176/JLPG/85-24
12. Vietnam News. (2024) Growing concern as youth and schools become targets of drug crimes. *Vietnam News*. 20 June. [Online] Available from: https://vietnamnews.vn/society/1657798/growing-concern-as-youth-and-schools-become-targets-of-drug-crimes.html (Accessed: 27.05.2025).
13. Vu, Diep. (2025) Large drug trafficking cases uncovered, many defendants face death penalty. *Vietnamnet Global*. [Online] Available from: https://vietnamnet.vn/en/large-drug-trafficking-cases-uncovered-many-defendants-face-death-penalty-2400543.html (Accessed: 28.05.2025).
14. Rubnikovich, O. (2024) MVD brosilo ten' na "Gidru": osuzhdeny uchastniki gruppirovki internet-narkotorgovtsev [The Ministry of Internal Affairs cast a shadow on Hydra: members of an online drug trafficking ring were convicted]. *Kommersant'*. 223. [Online] Available from: https://www.kommersant.ru/doc/7344918 (Accessed: 16.05.2025).
15. Daly, M. & Shortis, P. (2024) Breaking Klad: Russia's dead-drop drug revolution. *Global Initiative Against Transnational Organized Crime*. [Online] Available from: https://globalinitiative.net/wp-content/uploads/2024/11/Max-Daly-Patrick-Shortis-Breaking-Klad-Russias-dead-drop-drug-revolution-GI-TOC-November-2024.pdf (Accessed: 7.06.2025).
16. Gonov, Sh.Kh. & Milovanov, A.V. (2021) Aktual'nyye voprosy protivodeystviya prestupnosti v seti darknet [Current issues of combating crime on the darknet]. *Politseyskaya i sledstvennaya deyatel'nost'*. 1. pp. 26–34.
17. State Council of the People's Republic of China. (2025) Govt policy moves from past week. *State Council of the People's Republic of China*. [Online] Available from: https://english.www.gov.cn/policies/policywatch/202506/26/content_WS685cdf4ac6d0868f4e8f3a74.html (Accessed: 10.07.2025).
18. Elliptic. (2025) Sanctions and terrorism: How the cartels use crypto to launder the proceeds of narcotics trafficking. *Elliptic*. 28 April. [Online] Available from: https://www.elliptic.co/blog/sanctions-and-terrorism-how-the-cartels-use-crypto-to-launder-the-proceeds-of-narcotics-trafficking (Accessed: 12.07.2025).
19. Australian Federal Police. (2024) AFP works with Chinese authorities to target illicit drug trafficking [Media release]. *Australian Federal Police. News Centre*. [Online] Available from: https://www.afp.gov.au/news-centre/media-release/afp-works-chinese-authorities-target-illicit-drug-trafficking (Accessed: 19.07.2025).
20. Gan, C. (2024) PacNet #85 – How US-China cooperation can combat cryptocurrency in drug trafficking. *Pacific Forum*. 8 November. [Online] Available from: https://pacforum.org/publications/pacnet-85-how-us-china-cooperation-can-combat-cryptocurrency-in-drug-trafficking/ (Accessed: 17.06.2025).
21. Xinhua. (2020) Why video-chat websites have become drug "boutiques" [Why video chat websites have become drug "boutiques"]. *Xinhua*. 16 October. [Online] Available from: http://www.xinhuanet.com/zgjx/2020-10/16/c_139444359_2.htm (Accessed: 13.07.2025).
22. Anquan Neican. (2019) "The Dark Web" is not a "haven for crime": Report on the results of the "Net-cleaning 2019" campaign to combat darknet crime. *Anquan Neican*. 20 November. [Online] Available from: http://www.secrss.com/articles/15285 (Accessed: 19.07.2025).
23. Diaoshifeng. (2019) The darknet is a malignancy that must be eradicated globally. *People's Daily (Overseas Edition)*. P. 8. [Online] Available from: http://www.xinhuanet.com/zgjx/2020-10/16/c_139444359_2.htm (Accessed: 25.07.2025).
24. Wang, A. & Li, Q. (2022) Investigation dilemmas and response strategies for darknet-related drug crimes in the era of big data. *Journal of Yunnan Police Officer Academy*. 1. pp. 1–8. [Online] Available from: http://jhak.com/uploadfile/2022/0403/20220403093832394.pdf (Accessed: 29.06.2025). (In Chinese).
25. Chen, S. (2024) Whole-chain governance of darknet drug crimes and the associated "black-gray" industry: A SWOT analysis. *Criminal Justice Science & Governance*. 5 (1). pp. 40–48. [Online] Available from: https://www.sciscanpub.com/index/index/show_article/id/5271.html (Accessed: 30.06.2025). (In Chinese).
26. Geng, J. & Zhou, J. (2023) Attribution of "Internet + Logistics" drug-related behavior from the perspective of law and benefit. *Business and Economic Law Review*. 5. pp. 125–139. [Online] Available from: http://jhak.com/uploadfile/2022/0403/20220403093832394.pdf (Accessed: 15.07.2025). (In Chinese).
27. Nguyen, T.P.T. & Rose, G.L. (2016) Criminalization of drug trafficking in Vietnam: developments and challenges. *Columbia Journal of Asian Law*. 29 (2). pp. 146–177.
28. VietnamPlus. (2024) Over 3 tonnes of drugs seized in 14 months. *VietnamPlus*. 18 March. [Online] Available from: https://en.vietnamplus.vn/over-3-tonnes-of-drugs-seized-in-14-months-post283073.vnp (Accessed: 27.07.2025).
29. Vietnam News. (2025) Victims of human trafficking forced into online fraud: Border Guard. *Vietnam News*. 10 March. [Online] Available from: https://vietnamnews.vn/society/1693546/victims-of-human-trafficking-forced-into-online-fraud-border-guard.html (Accessed: 30.07.2025).

Информация об авторах:

Тью Ван Хунг – канд. юрид. наук, преподаватель кафедры публичного права Университета Тон Дык Тханг (Хошимин, Вьетнам). E-mail: chuvanhung@tdtu.edu.vn

Нгуен Тхи Хуен Чанг – канд. юрид. наук, адвокат юридической компании «Виен Ан», Коллегия адвокатов города Хошимина, Федерация адвокатов Вьетнама (Хошимин, Вьетнам). E-mail: tranglawyer72@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Chu Van Hung, Cand. Sci. (Law), lecturer, Ton Duc Thang University (Ho Chi Minh City, Vietnam). E-mail: chuvanhung@tdtu.edu.vn

Nguyen Thi Huyen Trang, Cand. Sci. (Law), lawyer, Vien An Law Firm, Ho Chi Minh City Bar Association, Vietnam Bar Federation (Ho Chi Minh City, Vietnam). E-mail: tranglawyer72@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.08.2025;
одобрена после рецензирования 01.10.2025; принята к публикации 10.10.2025.

The article was submitted 09.08.2025;
approved after reviewing 01.10.2025; accepted for publication 10.10.2025.

Научная статья
УДК 342.924, 351/354
doi: 10.17223/15617793/519/27

К вопросу об эффективности существующей системы обязательных требований

Константин Валерьевич Черкасов[1, 2, 3], *Алексей Михайлович Переседов*[4]

[1, 4] *Российский государственный гуманитарный университет (филиал в г. Домодедово), Домодедово, Россия*
[2] *Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Москва, Россия*
[3] *Вятский государственный университет, Киров, Россия*
[1, 2, 3] *CherkasovKV1978@yandex.ru*
[4] *peresedov.alexey@yandex.ru*

Аннотация. Исследуется правовое регулирование процесса разработки нормативных правовых актов, содержащих обязательные требования, а также анализируется результативность и эффективность реформы «регуляторной гильотины». Итогом проведенной научной работы явились рекомендации по разрешению существующих проблем в сфере регулирования обязательных требований, в том числе в части несовершенства обновленного законодательства, которым установлен порядок разработки нормативных правовых актов, содержащих требования, регулирующие предпринимательскую и иную экономическую деятельность.
Ключевые слова: обязательные требования, регуляторная гильотина, регулирование предпринимательской деятельности, контрольная (надзорная) деятельность

Для цитирования: Черкасов К.В., Переседов А.М. К вопросу об эффективности существующей системы обязательных требований // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 519. С. 224–235. doi: 10.17223/15617793/519/27

Original article
doi: 10.17223/15617793/519/27

On the effectiveness of the existing system of mandatory requirements

Konstantin V. Cherkasov[1, 2, 3], *Alexey M. Peresedov*[4]

[1, 4] *Russian State University for the Humanities, Domodedovo Branch, Domodedovo, Russian Federation*
[2] *All-Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation*
[3] *Vyatka State University, Kirov, Russian Federation*
[1, 2, 3] *CherkasovKV1978@yandex.ru*
[4] *peresedov.alexey@yandex.ru*

Abstract. This article presents the results of an analysis of normative legal acts regulating public relations in the establishment (modification) of mandatory requirements imposed on business and other economic activities, compliance with which is assessed within the framework of control (supervision), administrative liability, licensing and other permits, accreditation, product conformity assessment, and other forms of evaluation and expertise. The choice of topic is driven by several problems associated with the ongoing large-scale reform aimed at invalidating normative legal acts containing outdated mandatory requirements. Specifically, the selective nature of the acts subject to reform has raised legitimate questions regarding the expediency and effectiveness of the "regulatory guillotine" measures. Furthermore, updated legislation has introduced new rules for the development of normative legal acts containing mandatory requirements, along with legally established measures designed to prevent the emergence of new excessive mandatory requirements. However, the proposed toolkit is not novel, as it had already been regulated by by-laws and applied in practice for many years, which failed to prevent the appearance of numerous acts requiring repeal. The aim of the study was to identify current issues in understanding the term "mandatory requirements" and the application of the "regulatory guillotine," as well as to determine prospects for improving the process of normative regulation of business and other economic activities. Despite the term "mandatory requirements" appearing in norms from the Soviet period, the Russian legislator has yet to define the scope of public relations subject to the special rules governing mandatory requirements. This has led to numerous practical problems in implementing the mandatory requirements reform, including a significant narrowing of the range of acts affected by the "regulatory guillotine" and the absence of modern legislatively defined measures aimed at preventing new excessive mandatory requirements. The research employs the following methods of scientific inquiry: general scientific methods (analysis, synthesis, induction, generalization, comparison) and specialized methods (interpretation of legal norms, comparative legal analysis). The study concludes that the legislator has failed to establish a clear understanding of the term "mandatory requirements," as neither a definition nor specific characteristics of mandatory requirements have been established to date. Moreover, the "regulatory guillotine" reform has largely been formal in nature, ignoring a substantial body of acts and documents containing mandatory requirements. In conclusion, the author formulates recommendations.
Keywords: mandatory requirements, regulatory guillotine, regulatory impact assessment, control (supervisory) activities

© Черкасов К.В., Переседов А.М., 2025

For citation: Cherkasov, K.V. & *Peresedov, A.M.* (2025) On the effectiveness of the existing system of mandatory requirements. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 519. pp. 224–235. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/519/27

В 2021 г. в России была реализована масштабная реформа обязательных требований, получившая название «регуляторная гильотина». Основной целью данных преобразований было снижение административного давления на бизнес, которое проявлялось в требовании соблюдения предпринимателями множества избыточных (дублирующих, устаревших) обязательных требований. Предпосылок для данной реформы было множество. Некоторые из обязательных требований были приняты ещё в советское время и не актуализировались длительный срок. Дополнительно к этому отдельные требования к предпринимательской деятельности могли быть приняты разными публичными органами, но такие требования де-факто регулировали схожие правоотношения и вступали в противоречие друг с другом. Наконец, контрольные (надзорные) органы долгое время обладали правом устанавливать обязательные требования, которые впоследствии могли проверяться этими же контрольными (надзорными) органами без какого-либо контроля (надзора) за их действиями. Примером реализации такого «двойного» полномочия является принятие и последующая проверка Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека санитарных правил и норм. Как следствие, начало предпринимательской деятельности имело весьма сложный так называемый порог вхождения, переступить через который мог не каждый субъект, что в итоге приводило к возникновению коррупционной ситуации. Данные обстоятельства явились причиной не только масштабного пересмотра обязательных требований, но и разработки на будущее правил для предотвращения появления новых избыточных (дублирующих, противоречивых) обязательных требований (по сути, требований к требованиям).

Результатом диалога бизнеса и власти относительно необходимости решения обозначенных проблем стал перечень поручений Президента России от 26.02.2019 № Пр-294, принятый по итогам его ежегодного послания Федеральному собранию Российской Федерации, согласно которому Правительству России было вменено в обязанность при участии предпринимательского сообщества обеспечить разработку и внесение в законодательство изменений, предусматривающих отмену с 01.01.2021 всех нормативных правовых актов, устанавливающих требования, соблюдение которых подлежит проверке при осуществлении контроля (надзора). Параллельно Министерству экономического развития Российской Федерации (далее – Минэкономразвития России) и Министерству юстиции Российской Федерации (далее – Минюст России) было дано поручение разработать проект федерального закона, направленного на обеспечение реализации механизма «регуляторной гильотины» [1. П. 2]. Установление основополагающих начал (принципов) для новых обязательных требований на уровне федерального закона должно было служить цели недопущения роста административного давления в будущем. Сейчас, по прошествии достаточного времени и начала функционирования всех необходимых инструментов, можно определить, насколько они являются результативными и эффективными в рамках правовых конструкций, установленных в действующем (обновленном) законодательстве.

Следует отметить, что термин «обязательные требования» для российского законодательства является отнюдь не новым и встречается в нормативных правовых актах ещё советского периода [2. С. 20]. Вместе с тем сущность таких «обязательных требований» определена не была, в том числе отсутствовали понятие, признаки, принципы и правила принятия таких требований. В целом же обязательные требования употреблялись как синонимы схожих терминов (правил, нормативов, условий, критериев) и предъявлялись к какой-либо деятельности (объектам, документам, товарам, работам, услугам), а также должны были соблюдаться как предприятиями, так и органами власти [3. П. 7.4.7; 4. П. 4.2; 5. П. 60; 6]. Российский законодатель в части регулирования обязательных требований использовал тот же подход, что был применён и в советский период. Так, первые употребления термина «обязательные требования» не позволяли воспринимать его однозначно, а напротив, толковались по-разному. В частности, как условия, предъявляемые к договору оценки объекта или договора между добровольческой (волонтерской) организацией и добровольцем (волонтером) [7. Ст. 10; 8. П. 5, ст. 17.1].

Первые положения об обязательных требованиях как о составляющей контрольной (надзорной) деятельности были установлены в 2001 г. в утратившем на сегодня юридическую силу Федеральном законе от 08.08.2001 № 134-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)», в котором было определено, что обязательные требования могут быть установлены федеральными законами или принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами, исключая законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, а также указы Президента России [9. Ст. 2]. Позднее законодатель пересмотрел свой подход и в Федеральном законе от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (далее – Закон № 294-ФЗ) закрепил, что обязательные требования могут быть установлены не только в федеральных законах и принимаемых в соответствии с ними иных федеральных нормативных правовых актах, но и в законах и иных нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации [10. П. 1 ст. 2]. Законодательное упущение, что положения Указов Президента Россий-

ской Федерации не могут содержать обязательные требования, было устранено лишь в 2020 г. с принятием Федерального закона от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (далее – Закон № 247-ФЗ) [11. Ч. 1–4, ст. 2].

Закон № 294-ФЗ не решал и проблему отсутствия законодательного определения сущности обязательных требований. Единственным примером определения понятия обязательных требований со стороны Правительства Российской Федерации является документ рекомендательного характера. В 2016 году Правительственной комиссией по проведению административной реформы были подготовлены Методические рекомендации по составлению перечня правовых актов и их отдельных частей (положений), содержащих обязательные требования, соблюдение которых оценивается при проведении мероприятий по контролю в рамках отдельного вида государственного контроля (надзора). В данном документе дано конкретное определение обязательных требований – условия, ограничения, запреты, обязанности, предъявляемые к осуществлению гражданами и организациями предпринимательской и иной деятельности, совершению ими действий, результатам осуществления деятельности или совершения действий, использованию ими при осуществлении указанной деятельности, совершении действий производственных объектов, установленные в целях защиты охраняемых законом ценностей международными договорами Российской Федерации, актами органов Евразийского экономического союза, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законодательством России также нормативными правовыми актами органов государственной власти СССР и РСФСР, – нормативными правовыми актами органов исполнительной власти СССР и РСФСР и иными нормативными документами. Обязательные требования также могут содержаться в документах, не являющихся нормативными правовыми актами, если для неопределенного круга лиц обязанность соблюдать положения указанных документов предусмотрена законодательством России, законодательством субъекта Российской Федерации применительно к определенным видам государственного контроля (надзора) [12. П. 2.1].

Обращает на себя внимание противоречие, во многом свидетельствующее о непоследовательности действий законодателя и неопределённости в полной мере государства в вопросе о месте обязательных требований в системе государственного регулирования. Так, ещё в 2012 г. было определено, что обязательные требования могут быть установлены в области таможенного дела, а, следовательно, акты, применяемые в данной сфере, подлежат оценке регулирующего воздействия [13. Пп. «а», п. 1(1)]. Однако в 2020 г. в Законе № 247-ФЗ уже закреплено, что данный законодательный акт, а значит, и устанавливаемая им обязанность по проведению оценки регулирующего воздействия, не распространяется на отношения, связанные с установлением и оценкой применения обязательных требований в сфере действия законодательства России о таможенном деле в Российской Федерации [11. П. 4, ч. 2, ст. 1]. Данное противоречие федерального закона и правительственного подзаконного нормативного правового акта не устранено до настоящего времени. Несмотря на то что на протяжении длительного времени были определены правила установления и оценки применения обязательных требований, данные нормы не отличались единообразием их изложения, поскольку каждый новый акт предусматривал регулирование обязательных требований (в том числе обозначал перечень нормативных правовых актов, которые могут содержать такие требования) исключительно для целей отдельного акта. Лишь принятый в 2020 г. Закон № 247-ФЗ призван был не только установить единые правила к процессу разработки актов, содержащих обязательные требования, но и, наконец, конкретизировать природу данного института, уточнив, к каким сферам предъявляются обязательные требования, а также зафиксировать порядок актуализации устаревших (избыточных, дублирующих) обязательных требований.

Привнеся много нового, как ни парадоксально, Закон № 247-ФЗ, к сожалению, так и не установил ни конкретные инструменты по предотвращению новых избыточных (дублирующих, противоречивых) обязательных требований, ни даже понятие обязательных требований. Законодательным актом было лишь весьма ограничительно определено, что обязательные требования содержатся в нормативных правовых актах и связаны с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности и оценка соблюдения которых осуществляется в рамках контроля (надзора) (как государственного, так и муниципального), привлечения к административной ответственности, предоставления лицензий и иных разрешений, аккредитации, оценки соответствия продукции, иных форм оценки и экспертизы [11. Ч. 1, ст. 1].

Подвергая положения Закона № 247-ФЗ критическому анализу, О.В. Шмалий и Л.А. Душакова отмечают весьма важное обстоятельство: конструкция понятия обязательных требований на базе категорий ограничений, запретов, обязанностей позволяет отнести к обязательным требованиям практически любую императивную норму, что создает предпосылки «подчинения» правовому режиму обязательных требований любой нормотворческой (установление) и правоприменительной (оценка соответствия) деятельности, за исключением тех сфер, которые прямо исключены из юрисдикции Закона № 247-ФЗ [14. С. 53, 54]. Аналогичного мнения придерживается и А.Ф. Ноздрачев, который справедливо утверждает, что легального определения понятия «обязательные требования» в Законе № 247-ФЗ или в каком-либо другом нормативном правовом акте до настоящего времени просто не существует [15. С. 20]. Трудно не согласиться с обозначенной позицией, что к обязательным требованиям в настоящее время можно отнести любую законодательную (или подзаконную) норму, имеющую императив-

ный характер. Действительно, в силу отсутствия каких-либо внятных понятийных ориентиров к обязательным требованиям возможно отнести фактически любое требование (например, необходимость уплачивать налоги, соблюдать правила дорожного движения и т.д.). Закон № 247-ФЗ, по сути, не привнес в понимание обязательных требований никаких новых черт. В этой связи сомнительна как точка зрения отдельных авторов о том, что анализируемый законодательный акт предложил новое понятие [16. С. 64; 17. С. 4], так и формулирование ими собственного определения, основанного на формальном заимствовании законодательных норм [18. С. 33; 19. С. 5; 20. С. 20; 21. С. 53, 57]. Нельзя не отметить позицию Д.В. Осинцева, считающего, что если обязательные требования распространяются на предпринимательскую или иную экономическую деятельность (как это обозначено сегодня в Законе № 247-ФЗ), то такие требования распространяются на все виды деятельности, осуществляемые в стране, поскольку под экономическую деятельность формально подпадает любое занятие, которое, во-первых, имеет ценовую основу и, во-вторых, производно от некоторой продуктивной деятельности. Отсюда нормативный правовой акт, регламентирующий обязательные требования, исходя из существующего регулирования, стоило бы назвать законом об источниках административного права или даже шире – об источниках российского права [22. С. 34, 36, 37].

При этом ранее на этапе оценки регулирующего воздействия ещё будучи проектом Закон № 247-ФЗ устанавливал конкретное понятие обязательных требований: «Установленные нормативными правовыми актами или документами, не являющимися нормативными правовыми актами, в случае если для неопределенного круга лиц обязанность соблюдать положения указанных документов предусмотрена законодательством России, обязанности, выраженные в форме условий, ограничений, запретов, которые адресованы к действиям (бездействию), деятельности, результатам осуществления деятельности, объектам осуществления деятельности граждан и организаций и оцениваемые при проведении контрольной (надзорной) или разрешительной деятельности, или за несоблюдение которых установлена ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации» [23. Ч. 1, ст. 1]. Можно дискутировать относительно содержания данного определения, но при внесении на рассмотрение в Государственную Думу Федерального собрания Российской Федерации Закон № 247-ФЗ был подвергнут значительным изменениям, в том числе были исключены важнейшие положения, устанавливающие понятие обязательных требований. Закономерным в этой ситуации стало то, что уже после принятия Закона № 247-ФЗ отечественными правоведами предприняты попытки сформулировать собственное понимание обязательных требований, которое бы более отвечало уже сложившимся правоотношениям [24. С. 5; 25. С. 321], что несколько нивелировало данный пробел, но не позволило устранить его полностью в силу того, что термин «обязательные требования» так и не стал устоявшимся и общепризнанным в сфере государственного управления. Как итог – единообразное восприятие и использование данного термина отсутствует не только в законодательстве, но и в науке административного права [26. С. 104; 27. С. 148].

При этом пример обязательных требований является не единственным случаем, когда разработчики намеренно пренебрегают категориальными нормами. Так, в процессе реформы контроля (надзора) законодатель предусмотрел превентивные и профилактические мероприятия, применяемые контрольными (надзорными) органами, но самих понятий «превенция» и «профилактика» не определил [28. С. 239; 29. С. 257].

Законодательством закреплено, что оценка обязательных требований на предмет их соответствия принципам, установленным в Законе № 247-ФЗ, осуществляется при помощи правовой экспертизы проекта нормативного правового акта, устанавливающего обязательные требования, а также государственной регистрации нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, содержащих обязательные требования [11. Ч. 3 ст. 11]. Указанные процедуры в настоящее время осуществляет Минюст России. Однако данный подход вызывает критику по следующим причинам. Во-первых, сотрудники Минюста России объективно не могут иметь полноценное представление относительно того, какие издержки понесет бизнес в процессе исполнения принимаемых обязательных требований. Такое понимание может быть у предпринимателей, в том числе представителей крупнейших бизнес-объединений, чьё мнение здесь не запрашивается и учёту не подлежит. Во-вторых, правовая экспертиза и государственная регистрация нормативных правовых актов осуществляются Минюстом России в течение значительного периода времени (с 1992 и 1997 г. соответственно) [30. П. 11; 31. П. 1], что на практике так и не позволило создать действенное препятствие для появления множества избыточных, дублирующих и противоречащих требований.

Проект нормативного правового акта, который устанавливает (изменяет) обязательные требования, обязан проходить процедуру оценки регулирующего воздействия [11. Ч. 1 ст. 11], которая осуществляется при участии Минэкономразвития России с 2012 г. [13]. В отличие от административных процедур в Минюсте России при проведении оценки регулирующего воздействия всё иначе, и сторонние эксперты имеют возможность высказать свою позицию относительно проекта правового акта.

Однако такая оценка также не может служить барьером для появления излишних (дублирующих, противоречивых) обязательных требований по причине рекомендательного характера такой процедуры. Дело в том, что даже отрицательный результат, зафиксированный в акте оценки регулирующего воздействия, не является достаточным препятствием для последующего принятия нормативного акта, который содержит избыточные (дублирующие, противоречивые) обязательные требования. Более того, принятие окончательного решения о целесообразности и необходимости

проведения оценки регулирующего воздействия также осуществляется по усмотрению Минэкономразвития России, что может служить возможностью для злоупотребления со стороны разработчика [13. П. 29].

Примером наличия обозначенной возможности может служить принятие в 2018 г. Министерством природных ресурсов и экологии Российской Федерации Приказа от 18.04.2018 № 154 «Об утверждении перечня объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, относящихся к I категории, вклад которых в суммарные выбросы, сбросы загрязняющих веществ в Российской Федерации составляет не менее чем 60 процентов» (далее – приказ № 154), которым установлены объекты (предприятия), оказывающие, по мнению регулятора, наиболее негативное воздействие на окружающую среду и, следовательно, нуждающиеся в постоянном контроле (надзоре) [32]. Несмотря на то что приказ № 154 в значительный степени затрагивает правовое положение субъектов предпринимательства, в отношении последней редакции проекта этого акта оценка регулирующего воздействия не проводилась (при том что, как это ни парадоксально, процедура проводилась в отношении первой редакции) [33]. При этом требование о необходимости проведения повторной оценки регулирующего воздействия в отношении доработанного проекта нормативного правового акта была прямо определена ещё в 2012 г. [13. П. 22]. Как следствие, акт, который имеет весьма высокую степень регулирующего воздействия, был зарегистрирован Минюстом России без какой-либо общественной экспертизы в силу разрешения, полученного от Минэкономразвития России, что свидетельствует о необязательном характере процедуры. Другой пример. В 2024 г. в целях регулирования добычи цифровой валюты (далее – майнинг, майнинговая деятельность) Правительство России было наделено полномочиями по установлению: а) требований к лицам, которые осуществляют майнинг; б) ограничений (запрета) на осуществление майнинговой деятельности в отдельных субъектах Российской Федерации или на отдельных территориях [34]. В рамках реализации обозначенных полномочий был принят ряд «правительственных» актов, устанавливающих обязательные требования и имеющих серьезную степень регулирующего воздействия на деятельность хозяйствующих субъектов [35–37]. Однако, несмотря на свою значимость для бизнеса, ни одно из этих постановлений Правительства Российской Федерации не прошло процедуру оценки регулирующего воздействия [38]. Акты были негласно разработаны и бессрочно вступили в силу уже на следующий (или в тот же) день после дня своего официального опубликования. В итоге дополнительно были нарушены положения Закона № 247-ФЗ, фиксирующие необходимость установления срочного характера для актов, которые содержат обязательные требования, а также отлагательный срок их вступления в силу [11. Ч. 1, 4, ст. 3].

В Законе № 247-ФЗ также содержится положение, согласно которому обязательные требования устанавливаются при условии проведения их публичного обсуждения на этапе подготовки соответствующего проекта нормативного правового акта [11. Ч. 1 ст. 8].

Однако такая процедура является лишь одним из этапов оценки регулирующего воздействия, недостаточная эффективность которой в деле предотвращения появления избыточных (дублирующих, противоречивых) обязательных требований сегодня серьёзно не оспаривается [13. П. 7, пп. «б»; 39. П. 5.1]. Иное определение процедуры публичного обсуждения российское законодательство не предусматривает. Более того, Законом № 247-ФЗ установлены в том числе следующие принципы обязательных требований (требования к требованиям): содержание обязательных требований должно быть понятным как правоприменителю, так и иным лицам, и не приводить к противоречиям; обязательные требования должны быть исполнимыми. Затраты, которые возникают у контролируемых лиц в связи с исполнением обязательных требований, должны быть соразмерны рискам, предотвращаемым этими требованиями, при обычных условиях гражданского оборота [11. Ч. 1 ст. 7; ч. 1 ст. 9]. В то же время, повторимся, мнение субъектов, которые реально могут оценить оптимальность тех или иных требований, а также необходимость их принятия, носит исключительно рекомендательный характер. Однако без надлежащей оценки со стороны представителей общественности, в том числе из числа научных и отраслевых деловых кругов невозможно оценить положения разрабатываемых актов на предмет их целесообразности и эффективности, а также соответствия основополагающим началам, отмеченным ранее.

Подчеркнём, что предусматриваемые Законом № 247-ФЗ процедуры оценки нормативных правовых актов, в которых участвуют Минюст России и Минэкономразвития России, не являются чем-то новым, а существовали в Российской Федерации на протяжении долгого времени. Однако это не позволило предотвратить появление множества устаревших (избыточных, дублирующих, противоречивых) обязательных требований, что потребовало проведения особой реформы «регуляторной гильотины», которая представляет отдельный научный интерес. Установленный Законом № 247-ФЗ инструмент устранения уже принятых устаревших обязательных требований – «регуляторная гильотина» – предполагает признание утратившими силу нормативных правовых актов, содержащих обязательные требования, и вступивших в силу до 01.01.2020 [11. Ч. 1, 2 ст. 15]. В данном контексте следует обратить внимание на следующие проблемные моменты данной реформы.

Во-первых, «регуляторная гильотина» ориентирована исключительно на нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, правовые акты исполнительных и распорядительных органов государственной власти РСФСР и Союза ССР, содержащие обязательные требования, соблюдение которых оценивается при осуществлении отдельных видов контроля (надзора). При этом в этот перечень видов контроля (надзора) вошли не все виды контроля (надзора), в том числе из тех, которые регулируются едиными законами, регламентирующими контрольную (надзорную) деятельность, что вызывает справедливые недоумение

и вопросы, до настоящего времени не нашедшие ответа со стороны разработчиков «регуляторной гильотины».

Во-вторых, виды контроля (надзора), на которые распространяется «регуляторная гильотина», на наш взгляд, определены крайне непоследовательно. Согласно Закону № 247-ФЗ правила об обязательных требованиях, в том числе «регуляторная гильотина», распространяются на обязательные требования, содержащиеся в нормативных правовых актах, которые связаны с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности и оценка соблюдения которых осуществляется в рамках контроля (надзора), привлечения к административной ответственности, предоставления лицензий и иных разрешений, аккредитации, оценки соответствия продукции, иных форм оценки и экспертизы. При этом многие требования, подпадающие под определенные выше признаки, закреплены в актах органов, которые формально не относятся к регулирующим органам, например к Центральному банку Российской Федерации (далее – Банк России). Как следствие, «регуляторная гильотина» не была распространена ни на один акт банковского регулятора, хотя его указания отвечают всем признакам обязательных требований [40]. Существующий пробел, который не допускает установления обязательных требований нормативными актами Банка России, находится в определенном противоречии с правоприменительной практикой. Данное противоречие воспринимается ещё более неоднозначно потому, что обязательные требования, по своей сути, распространяются на все виды деятельности, осуществляемые в Российской Федерации [22. С. 36].

В-третьих, проведённая реформа не затронула множества обязательных требований, содержащихся в нормативных документах и нормативных правовых актах, установленных государственными органами субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления. С одной стороны, это логично и правомерно, так как Правительство России не обладает правом пересмотра нормативных актов субъектов Российской Федерации и муниципальных органов. С другой стороны, это обстоятельство не позволяет использовать весь потенциал проводимых в стране преобразований, в том числе посредством организации «регуляторной гильотины» на местах [41]. Такое положение дел весьма неоднозначно.

Отсутствие должной конкретизации обязательных требований на федеральном уровне, а также то, что в Законе № 247-ФЗ основное внимание уделено именно федеральным органам исполнительной власти, не могли остаться и без иных последствий. Так, проблемы в регулировании привели к тому, что ряд регионов был вынужден восполнить образовавшийся пробел относительно регулирования обязательных требований, содержащихся в нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации. Как следствие, эти регионы приняли собственные региональные законы об обязательных требованиях, в которых были конкретизированы правила установления обязательных требованиях, их действие, применение, разрешение возникающих коллизий и т.д. [42–49].

В-четвёртых, пересмотру не подверглись обязательные требования, установленные на уровне федерального закона. Данная позиция труднообъяснима и не согласуется с Законом № 247-ФЗ, прямо закрепляющим, что обязательные требования содержатся в федеральных законах.

Обозначенные аспекты закономерно не способствуют эффективности и результативности реформы «регуляторной гильотины». По мнению отдельных правоведов, имеющих непосредственное отношение к разработке и реализации анализируемых преобразований, «регуляторная гильотина» превратилась в своеобразную фикцию, поскольку в результате проведенной работы были отменены преимущественно «мертвые» нормы, не применявшиеся на практике длительное время [50, 51].

Обоснованность данной точки зрения не вызывает сомнений. Действительно, в 2020 г. контрольные (надзорные) органы осуществили значительный объём работ по переизданию нормативных правовых актов, вступивших в силу до 01.01.2020. Дополнительно был сформирован так называемый белый список – перечень нормативных правовых актов, на которые не распространяется действие «регуляторной гильотины» [52]. При этом сам процесс подготовки такого перечня не был прозрачным и носил скорее кулуарный характер, поскольку окончательная редакция была представлена уже после официального опубликования.

Отдельно стоит отметить, что значительная часть обязательных требований содержится не в подзаконных нормативных правовых актах органов исполнительной власти, а в федеральном законодательстве. Так, например, Трудовой кодекс Российской Федерации в значительной степени представляет собой свод обязательных требований, регулирующих деятельность работодателя. Вместе с тем Закон № 247-ФЗ предусматривает обязанность по проведению оценки регулирующего воздействия исключительно в отношении законодательных актов, которые разрабатываются федеральными органами исполнительной власти [11. Ч. 1, ст. 11], что освобождает от такой обязанности иных субъектов права законодательной инициативы, в частности, Президента Российской Федерации, депутатов и сенаторов соответствующих палат Федерального собрания России, органы законодательной (представительной) власти субъектов Российской Федерации.

Пробелом выступает и игнорирование возможности установления обязательных требований в виде поправок Правительства России, которые могут быть внесены ко второму чтению проектов федеральных законов в Государственной Думе Федерального собрания Российской Федерации.

Данный подход представлялся необоснованным, поскольку нередко проект федерального закона с учетом всех «правительственных» поправок ко второму чтению серьёзно изменяется и утрачивает своё соответствие не только пояснительной записке, но и зачастую целям первоначально разрабатываемого регулирования [53–55].

Примечательно, что изначально оценка регулирующего воздействия проводилась в отношении «правительственных» поправок, подготовленных ко второму чтению проектов федеральных законов, однако по тем или иным обстоятельствам (преимущественно по причине необходимости ускорения законодательного процесса) в 2017 г. данный инструмент был упразднён [56].

Всё это может привести к появлению у разработчиков обязательных требований мотивации игнорировать («обойти») многочисленные требования и процедуры, установленные Законом № 247-ФЗ.

Подытоживая, с сожалением мы вынуждены констатировать, что к настоящему времени Закон № 247-ФЗ так и не смог, по большому счёту, нивелировать проблему наличия значительного массива устаревших (избыточных, дублирующих) обязательных требований, поскольку многие нормативные правовые акты и нормативные документы, содержащие обязательные требования, выведены из-под действия установленной им «регуляторной гильотины». До сих пор не удалось выработать эффективный механизм, могущий стать непреодолимым барьером для появления избыточных (дублирующих, противоречащих) обязательных требований, а применяемые сегодня на практике меры и инструменты не смогли в полной мере продемонстрировать свою пригодность. Закон № 247-ФЗ так и не смог решить одну из главных своих задач – не отграничил обязательные требования от иных норм, призванных урегулировать общественные отношения в сфере гражданского, финансового права и т.д. [57. С. 162]. Отчасти данные проблемы обусловлены отсутствием закрепления исчерпывающего перечня критериев, на основании которых требования к бизнесу могут быть отнесены к обязательным, что закономерно предполагает и нормативное установление понятия «обязательные требования». Очевидно, обязательные требования нуждаются в более эффективных процедурах их оценки, чем те, которые существуют сейчас. Такие процедуры, кроме прочего, должны обеспечивать возможность учёта мнения представителей экспертного, делового и научного сообществ.

Список источников

1. План мероприятий («дорожная карта») по реализации механизма «регуляторной гильотины» (утверждены Правительством Российской Федерации 29.05.2019 № 4714п-П36) // Документ опубликован не был. Доступ из СПС КонсультантПлюс.
2. Переседов А.М. Ретроспективный анализ института обязательных требований // Административное право и процесс. 2024. № 10. С. 19–23.
3. Решение Министерства нефтяной промышленности СССР № 349, Президиума Центрального комитета профсоюза рабочих нефтяной и газовой промышленности № 44 от 20.06.1985 «Об утверждении и введении в действие «Единой системы управления охраной труда в нефтяной промышленности». М. : Недра, 1987.
4. Постановление Государственного комитета СССР по труду и социальным вопросам, Секретариата Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов от 03.12.1981 № 333/21-100 «Об утверждении Типового положения о вахтовом методе организации работ» // Бюллетень Госкомтруда СССР. 1982. № 6.
5. Инструкция Народного комиссариата труда СССР, Народного комиссариата водного транспорта СССР от 06.10.1931 № 274 «О порядке проведения мероприятий по оздоровлению условий труда на водном транспорте» // Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства. 1931. № 34.
6. Федеральный закон от 11.06.2021 № 170-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (ред. от 29.05.2024) // СЗ РФ. 2021. № 24 (ч. 1). Ст. 4188; 2024. № 23 (ч. 1). Ст. 3046.
7. Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (ред. от 14.02.2024) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3813; 2024. № 8. Ст. 1044.
8. Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3340; 2024. № 33 (ч. 1). Ст. 4961.
9. Федеральный закон от 08.08.2001 № 134-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)» // СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. 1). Ст. 3436; 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6227 (утратил силу).
10. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6249; 2023. № 31 (ч. 3). Ст. 5792.
11. Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (ред. от 24.09.2022) // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5006; 2022. № 39. Ст. 6541.
12. Методические рекомендации по составлению перечня правовых актов и их отдельных частей (положений), содержащих обязательные требования, соблюдение которых оценивается при проведении мероприятий по контролю в рамках отдельного вида государственного контроля (надзора) (утв. протоколом заседания Правительственной комиссии по проведению административной реформы от 18.08.2016 № 6) // Документ опубликован не был. Доступ из СПС КонсультантПлюс.
13. Постановление Правительства Российской Федерации от 17.12.2012 № 1318 «О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (ред. от 29.05.2023) // СЗ РФ. 2012. № 52. Ст. 7491; 2023. № 23 (ч. 1). Ст. 4167.
14. Шмалий О.В., Душакова Л.А. Юридическая конструкция обязательных требований в механизме реализации «регуляторной гильотины» // Актуальные проблемы науки административного и финансового права : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. «Лазаревские чтения – 2021». М., 2021. С. 51–57.
15. Ноздрачев А.Ф. Обязательные требования как новационный институт административного права: идеи, содержание, принципы и уровни правового регулирования (часть 1) // Административное право и процесс. 2022. № 3. С. 19–24.
16. Сурин И.М. Систематизация обязательных требований: современное состояние и пути совершенствования // Административное право и процесс. 2024. № 5. С. 64–66.
17. Ларин А.И. Количество обязательных нормативно-правовых требований в области гражданской обороны и защиты от чрезвычайных ситуаций будет сокращено // Гражданская оборона и защита от чрезвычайных ситуаций в учреждениях, организациях и на предприятиях. 2020. № 12.
18. Фесько Д.С. Административно-правовые гарантии обеспечения прав граждан и организаций при осуществлении государственного контроля (надзора): теория и практика. М. : Проспект. 2023. 224 с.

19. Дидикин А.Б. Обязательные требования и правовые средства их оценки в механизме регуляторной политики // Мониторинг правоприменения. 2021. № 1. С. 4–9.
20. Башлаков-Николаев И.В. Правовой институт обязательного представления информации о внебиржевых сделках в системе национальных ценовых индикаторов: вопросы теории и практики // Конкурентное право. 2025. № 3. doi: 10.18572/2225-8302-2025-3-15-23
21. Минич С.А. О понятии и формах выражения обязательных требований, предъявляемых к бизнесу // Динамика правоустановления и правореализации в сфере публично-правовых отношений : сб. науч. статей. Минск, 2023. С. 49–59.
22. Осинцев Д.В. Обязательные требования как предмет административно-правовых исследований // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 1. С. 31–45.
23. Проект федерального закона «Об обязательных требованиях» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=81764 (дата обращения: 01.03.2024).
24. Дидикин А.Б. Обязательные требования и правовые средства их оценки в механизме регуляторной политики // Мониторинг правоприменения. 2021. № 1 (38). С. 4–9.
25. Предпринимательское право: Правовое сопровождение бизнеса / отв. ред. И.В. Ершова. М.: Проспект, 2017. 848 с.
26. Кнутов А.В. Обязательные требования к хозяйственной деятельности в России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 1. С. 104–123.
27. Отнюкова Г.Д. Обязательные требования к предпринимательской деятельности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2022. № 7. С. 147–155.
28. Черкасов К.В., Домрачев Д.Г., Переседов А.М. Правовая превенция в контрольной (надзорной) деятельности федеральных органов исполнительной власти: понятие и классификация мер // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 493. С. 236–242. doi: 10.17223/15617793/493/26
29. Черкасов К.В., Домрачев Д.Г., Переседов А.М. Административная превенция в условиях моратория на контрольные (надзорные) мероприятия: состояние и перспективы // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 505. С. 254–260. doi: 10.17223/15617793/505/28
30. Постановление Правительства Российской Федерации от 13.08.1997 № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» (ред. от 15.11.2024) // СЗ РФ. 1997. № 33. Ст. 3895; 2024. № 47. Ст. 7146.
31. Постановление Правительства Российской Федерации от 08.05.1992 № 305 «О государственной регистрации ведомственных нормативных актов» (ред. 13.04.1993) // Российские вести. 1992. № 11; 1993. № 75.
32. Приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 18.04.2018 № 154 «Об утверждении перечня объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, относящихся к I категории, вклад которых в суммарные выбросы, сбросы загрязняющих веществ в Российской Федерации составляет не менее чем 60 процентов» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 20.09.2025).
33. Проект ведомственного акта «Об утверждении перечня объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, относящихся к I категории, вклад которых в суммарные выбросы, сбросы загрязняющих веществ в Российской Федерации составляет не менее чем 60 процентов». URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=47944 (дата обращения: 20.09.2025).
34. Федеральный закон от 08.08.2024 № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 33 (ч. 1). Ст. 4917.
35. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.10.2024 № 1463 «Об утверждении требований к деятельности оператора майнинговой инфраструктуры» (ред. 22.04.2025) // СЗ РФ. 2024. № 45. Ст. 6812; 2025. № 17. Ст. 2143.
36. Постановление Правительства Российской Федерации от 01.11.2024 № 1466 «Об обязанности лица, осуществляющего майнинг цифровой валюты (в том числе участника майнинг-пула), по предоставлению информации о получении цифровой валюты в случае выпуска (получения) цифровой валюты в результате майнинга цифровой валюты, а также об адресе-идентификаторе, включая адрес-идентификатор майнинг-пула» // СЗ РФ. 2024. № 45. Ст. 6815.
37. Постановление Правительства Российской Федерации от 01.11.2024 № 1469 «Об установлении лимита энергопотребления при осуществлении майнинга цифровой валюты (в том числе участии в майнинг-пуле) без включения в реестр лиц, осуществляющих майнинг цифровой валюты, физическими лицами – гражданами Российской Федерации, не являющимися индивидуальными предпринимателями, и о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2011 г. № 1178» // СЗ РФ. 2024. № 45. Ст. 6818.
38. Официальный сайт для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения. URL: https://regulation.gov.ru/ (дата обращения: 20.09.2025).
39. Постановление Правительства Российской Федерации от 25.08.2012 № 851 «О порядке раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения» (вместе с «Правилами раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения») (ред. от 29.05.2023) // СЗ РФ. 2012. № 36. Ст. 4902; 2023. № 23 (ч. 1). Ст. 4167.
40. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15.12.2020 № 3340-р «Об утверждении перечня видов государственного контроля (надзора), в рамках которых обеспечиваются признание утратившими силу, не действующими на территории Российской Федерации и отмена нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, правовых актов исполнительных и распорядительных органов государственной власти РСФСР и Союза ССР, содержащих обязательные требования, соблюдение которых оценивается при осуществлении государственного контроля (надзора)» (ред. от 23.01.2024) // СЗ РФ. 2020. № 52 (ч. 2). Ст. 8906; 2024. № 5. Ст. 750.
41. Андреечев И.С. Реализация «регуляторной гильотины» на региональном и муниципальном уровнях // Мониторинг правоприменения. 2021. № 4 (41). С. 21–30.
42. Закон Приморского края от 02.06.2022 № 126-КЗ «Об обязательных требованиях, устанавливаемых нормативными правовыми актами Приморского края» (ред. от 24.04.2023) // Приморская газета. Спецвыпуск. 2022. № 40(1979).
43. Закон Самарской области от 16.07.2021 № 62-ГД «Об обязательных требованиях, устанавливаемых нормативными правовыми актами Самарской области, и внесении изменений в статью 5.1 Закона Самарской области «О нормативных правовых актах Самарской области» (ред. от 24.06.2025) // Волжская коммуна. 2021. № 114(31113).
44. Закон Республики Мордовия от 25.06.2024 № 48-З «Об обязательных требованиях, устанавливаемых нормативными правовыми актами Республики Мордовия» (ред. от 25.06.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 20.09.2025).
45. Закон Ненецкого автономного округа от 02.12.2024 № 71-ОЗ «Об обязательных требованиях, устанавливаемых нормативными правовыми актами Ненецкого автономного округа» (ред. от 02.12.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 20.09.2025).
46. Закон Вологодской области от 07.12.2021 № 5017-ОЗ «Об обязательных требованиях, устанавливаемых нормативными правовыми актами Вологодской области» (ред. от 10.10.2023) // Красный Север. 2021. № 138.

47. Областной закон Ленинградской области от 15.06.2023 № 64-оз «Об обязательных требованиях, устанавливаемых нормативными правовыми актами Ленинградской области» (ред. от 26.06.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 20.09.2025).
48. Закон Брянской области от 02.02.2021 № 1-З «Об обязательных требованиях, устанавливаемых нормативными правовыми актами Брянской области» (ред. от 22.04.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 20.09.2025).
49. Закон Хабаровского края от 29.09.2021 № 211 «Об отдельных вопросах реализации Федерального закона «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (ред. от 25.04.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 20.09.2025).
50. Летуновский В.В., Агеев А.А. Некоторые проблемы реализации мероприятий «регуляторной гильотины» // Административное право и процесс. 2021. № 1. С. 34–42.
51. Румак В.Б. Регуляторную гильотину нельзя ставить во главу угла в административной реформе [Интервью с П.В. Крашенинниковым] // Закон. 2020. № 6. С. 8–12.
52. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.12.2020 № 2467 «Об утверждении перечня нормативных правовых актов и групп нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации, нормативных правовых актов, отдельных положений нормативных правовых актов и групп нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, правовых актов, отдельных положений правовых актов, групп правовых актов исполнительных и распорядительных органов государственной власти РСФСР и Союза ССР, решений Государственной комиссии по радиочастотам, содержащих обязательные требования, в отношении которых не применяются положения частей 1, 2 и 3 статьи 15 Федерального закона «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (ред. от 03.02.2024) // СЗ РФ. 2021. № 2 (ч. 2). Ст. 471; 2024. № 7. Ст. 957.
53. Проект федерального закона № 577665-8 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/577665-8 (дата обращения: 20.09.2025).
54. Проект федерального закона № 850621-7 «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/850621-7 (дата обращения: 20.09.2025).
55. Проект федерального закона № 682010-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/682010-7 (дата обращения: 20.09.2025).
56. Постановление Правительства Российской Федерации от 10.07.2017 № 813 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 29. Ст. 4374.
57. Минина А.А., Сердюкова Е.В., Перепадя О.А. Некоторые результаты реализации «отформатированного» института обязательных требований // Право и государство: теория и практика. 2023. № 4 (220). С. 161–164.

References

1. Consultant Plus. (2019) *Action plan ("roadmap") for the implementation of the "regulatory guillotine" mechanism (No. 4714p-P36, approved by the Government of the Russian Federation on May 29, 2019)*. Moscow: Consultant Plus. (Unpublished). (In Russian).
2. Peresedov, A.M. (2024) Retrospektivnyy analiz instituta obyazatel'nykh trebovaniy [A retrospective analysis of the institute of mandatory requirements]. *Administrativnoye pravo i protsess*. 10. pp. 19–23.
3. USSR. (1987) *Resheniye Ministerstva neftyanoy promyshlennosti SSSR № 349, Prezidiuma Tsentral'nogo komiteta profsoyuza rabochikh neftyanoy i gazovoy promyshlennosti № 44 ot 20.06.1985 "Ob utverzhdenii i vvedenii v deystviye "Edinoy sistemy upravleniya okhranoy truda v neftyanoy promyshlennosti"* [On Approval and Implementation of the 'Unified Occupational Health and Safety Management System in the Oil Industry'. Decision of the USSR Ministry of Oil Industry No. 349, Presidium of the Central Committee of the Trade Union of Oil and Gas Industry Workers No. 44 of June 20, 1985]. Moscow: Nedra.
4. Byulleten' Goskomtruda SSSR. (1982) Postanovleniye Gosudarstvennogo komiteta SSSR po trudu i sotsial'nym voprosam, Sekretariata Vsesoyuznogo tsentral'nogo soveta professional'nykh soyuzov ot 03.12.1981 № 333/21-100 "Ob utverzhdenii Tipovogo polozheniya o vakhtovom metode organizatsii rabot" [On Approval of the Model Regulations on the Shift Work Method of Organizing Work. Resolution of the USSR State Committee on Labor and Social Issues, Secretariat of the All-Union Central Council of Trade Unions No. 333/21-100 of December 3, 1981]. *Byulleten' Goskomtruda SSSR*. 6.
5. Byulleten' finansovogo i khozyaystvennogo zakonodatel'stva. (1931) Instruktsiya Narodnogo komissariata truda SSSR, Narodnogo komissariata vodnogo transporta SSSR ot 06.10.1931 № 274 "O poryadke provedeniya meropriyatiy po ozdorovleniyu usloviy truda na vodnom transporte" [On the Procedure for Improving Working Conditions in Water Transport. Instruction of the People's Commissariat of Labor of the USSR, People's Commissariat of Water Transport of the USSR No. 274 of October 6, 1931]. *Byulleten' finansovogo i khozyaystvennogo zakonodatel'stva*. 34.
6. SZ RF. (2021; 2024) Federal'nyy zakon ot 11.06.2021 № 170-FZ "O vnesenii izmeneniy v otdel'nyye zakonodatel'nyye akty Rossiyskoy Federatsii v svyazi s prinyatiyem Federal'nogo zakona "O gosudarstvennom kontrole (nadzore) i munitsipal'nom kontrole v Rossiyskoy Federatsii" (red. ot 29.05.2024) [On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of the Federal Law "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation". Federal Law No. 170-FZ of June 11, 2021 (as amended on May 29, 2024)]. *SZ RF*. 24 (Part 1). Art. 4188; 23 (Part 1). Art. 3046.
7. SZ RF. (1998; 2024) Federal'nyy zakon ot 29.07.1998 № 135-FZ "Ob otsenochnoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii" (red. ot 14.02.2024) [On Appraisal Activities in the Russian Federation. Federal Law No. 135-FZ of July 29, 1998 (as amended on February 14, 2024)]. *SZ RF*. 31. Art. 3813; 8. Art. 1044.
8. SZ RF. (1995; 2024) Federal'nyy zakon ot 11.08.1995 № 135-FZ "O blagotvoritel'noy deyatel'nosti i dobrovol'chestve (volonterstve)" (red. ot 08.08.2024) [On Charitable Activities and Volunteering. Federal Law No. 135-FZ of August 11, 1995 (as amended on August 8, 2024)]. *SZ RF*. 33. Art. 3340; 33 (Part 1). Art. 4961.
9. SZ RF. (2001; 2008) Federal'nyy zakon ot 08.08.2001 № 134-FZ "O zashchite prav yuridicheskikh lits i individual'nykh predprinimateley pri provedenii gosudarstvennogo kontrolya (nadzora)" [On the Protection of the Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs During State Control (Supervision). Federal Law No. 134-FZ of August 8, 2001]. *SZ RF*. 33 (Part 1). Art. 3436; 52 (Part 1). Art. 6227 (repealed).
10. SZ RF. (2008; 2023) Federal'nyy zakon ot 26.12.2008 № 294-FZ "O zashchite prav yuridicheskikh lits i individual'nykh predprinimateley pri osushchestvlenii gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) i munitsipal'nogo kontrolya" (red. ot 24.07.2023) [On the Protection of the Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs in the Exercise of State Control (Supervision) and Municipal Control. Federal Law No. 294-FZ of December 26, 2008 (as amended on July 24, 2023)]. *SZ RF*. 52 (Part 1). Art. 6249; 31 (Part 3). Art. 5792.
11. SZ RF. (2020; 2022) Federal'nyy zakon ot 31.07.2020 № 247-FZ "Ob obyazatel'nykh trebovaniyakh v Rossiyskoy Federatsii" (red. ot 24.09.2022) [On Mandatory Requirements in the Russian Federation. Federal Law No. 247-FZ of July 31, 2020 (as amended on September 24, 2022)]. *SZ RF*. 31 (Part 1). Art. 5006; 39. Art. 6541.
12. Consultant Plus. (2016) *Methodological recommendations for compiling a list of legal acts and their individual parts (provisions) containing mandatory requirements, compliance with which is assessed during control activities within the framework of a separate type of state control*

(supervision) (approved by the minutes of the meeting of the Government Commission for Administrative Reform No. 6 of August 18, 2016). Moscow: Consultant Plus. (Unpublished). (In Russian).
13. SZ RF. (2012; 2023) Postanovleniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 17.12.2012 № 1318 "O poryadke provedeniya federal'nymi organami ispolnitel'noy vlasti otsenki reguliruyushchego vozdeystviya proyektov normativnykh pravovykh aktov i proyektov resheniy Evraziyskoy ekonomicheskoy komissii, a takzhe o vnesenii izmeneniy v nekotoryye akty Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii" (red. ot 29.05.2023) [On the procedure for federal executive bodies to conduct regulatory impact assessments of draft regulatory legal acts and draft decisions of the Eurasian Economic Commission, as well as on amendments to certain acts of the Government of the Russian Federation. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1318 of December 17, 2012 (as amended on May 29, 2023)]. *SZ RF*. 52. Art. 7491; 23 (Part 1). Art. 4167.
14. Shmaliy, O.V. & Dushakova, L.A. (2021) [Legal Construction of Mandatory Requirements in the Mechanism for Implementing the "Regulatory Guillotine"]. *Aktual'nyye problemy nauki administrativnogo i finansovogo prava* [Current Problems of Administrative and Financial Law]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 10 February 2021. Moscow: Institute of State and Law RAS. pp. 51–57. (In Russian).
15. Nozdrachev, A.F. (2022) Obyazatel'nyye trebovaniya kak novatsionnyy institut administrativnogo prava: idei, soderzhaniye, printsipy i urovni pravovogo regulirovaniya (chast' 1) [Mandatory requirements as an innovative institution of administrative law: ideas, content, principles, and levels of legal regulation (part 1)]. *Administrativnoye pravo i protsess*. 3. pp. 19–24.
16. Surin, I.M. (2024) Sistematizatsiya obyazatel'nykh trebovaniy: sovremennoye sostoyaniye i puti sovershenstvovaniya [Systematization of mandatory requirements: current state and ways to improve]. *Administrativnoye pravo i protsess*. 5. pp. 64–66.
17. Larin, A.I. (2020) Kolichestvo obyazatel'nykh normativno-pravovykh trebovaniy v oblasti grazhdanskoy oborony i zashchity ot chrezvychaynykh situatsiy budet sokrashcheno [The number of mandatory regulatory requirements in the field of civil defense and emergency protection will be reduced]. *Grazhdanskaya oborona i zashchita ot chrezvychaynykh situatsiy v uchrezhdeniyakh, organizatsiyakh i na predpriyatiyakh*. 12.
18. Fes'ko, D.S. (2023) *Administrativno-pravovyye garantii obespecheniya prav grazhdan i organizatsiy pri osushchestvlenii gosudarstvennogo kontrolya (nadzora): teoriya i praktika* [Administrative and Legal Guarantees for Ensuring the Rights of Citizens and Organizations in the Implementation of State Control (Supervision): Theory and Practice]. Moscow: Prospekt.
19. Didikin, A.B. (2021) Obyazatel'nyye trebovaniya i pravovyye sredstva ikh otsenki v mekhanizme regulyatornoy politiki [Mandatory requirements and legal means of their assessment in the regulatory policy mechanism]. *Monitoring pravoprimeneniya*. 1. pp. 4–9.
20. Bashlakov-Nikolayev, I.V. (2025) Pravovoy institut obyazatel'nogo predstavleniya informatsii o vnebirzhevykh sdelkakh v sisteme natsional'nykh tsenovykh indikatorov: voprosy teorii i praktiki [The legal institution of mandatory submission of information on OTC transactions in the system of national price indicators: theoretical and practical issues]. *Konkurentnoye pravo*. 3. doi: 10.18572/2225-8302-2025-3-15-23
21. Minich, S.A. (2023) O ponyatii i formakh vyrazheniya obyazatel'nykh trebovaniy, pred"yavlyayemykh k biznesu [On the concept and forms of expressing mandatory requirements imposed on business]. In: *Dinamika pravoustanovleniya i pravorealizatsii v sfere publichno-pravovykh otnosheniy* [Dynamics of Legal Establishment and Law Enforcement in the Sphere of Public Law Relations]. Minsk: Kolorgrad. pp. 49–59.
22. Osintsev, D.V. (2021) Obyazatel'nyye trebovaniya kak predmet administrativno-pravovykh issledovaniy [Mandatory requirements as a subject of administrative-legal research]. *Elektronnoye prilozheniye k "Rossiyskomu yuridicheskomu zhurnalu"*. 1. pp. 31–45.
23. Federal'nyy portal proyektov normativnykh pravovykh aktov [Federal Portal of Draft Regulatory Legal Acts]. (2024) Proyekt federal'nogo zakona "Ob obyazatel'nykh trebovaniyakh" [Draft Federal Law "On Mandatory Requirements"]. *Federal'nyy portal proyektov normativnykh pravovykh aktov* [Federal Portal of Draft Regulatory Legal Acts]. [Online] Available from: https://regulation.gov.ru/projects#npa=81764 (Accessed: 01.03.2024).
24. Didikin, A.B. (2021) Obyazatel'nyye trebovaniya i pravovyye sredstva ikh otsenki v mekhanizme regulyatornoy politiki [Mandatory requirements and legal means of their assessment in the mechanism of regulatory policy]. *Monitoring pravoprimeneniya*. 1 (38). pp. 4–9.
25. Ershova, I.V. (ed.) (2017) *Predprinimatel'skoye pravo: Pravovoye soprovozhdeniye biznesa* [Business Law: Legal Support for Business]. Moscow: Prospekt.
26. Knutov, A.V. (2015) Obyazatel'nyye trebovaniya k khozyaystvennoy deyatel'nosti v Rossii [Mandatory requirements for economic activity in Russia]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. 1. pp. 104–123.
27. Otnyukova, G.D. (2022) Obyazatel'nyye trebovaniya k predprinimatel'skoy deyatel'nosti [Mandatory requirements for entrepreneurial activity]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina*. 7. pp. 147–155.
28. Cherkasov, K.V., Domrachev, D.G. & Peresedov, A.M. (2023) Legal prevention in the control (supervisory) activities of federal executive authorities: The concept and classification of measures. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 493. pp. 236–242. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/493/26
29. Cherkasov, K.V., Domrachev, D.G. & Peresedov, A.M. (2024) Administrative prevention in the context of a moratorium on control (supervisory) measures: status and prospects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 505. pp. 254–261. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/505/28
30. SZ RF. (1997; 2024) Postanovleniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 13.08.1997 № 1009 "Ob utverzhdenii Pravil podgotovki normativnykh pravovykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti i ikh gosudarstvennoy registratsii" (red. ot 15.11.2024) [On Approval of the Rules for the Preparation of Regulatory Legal Acts of Federal Executive Bodies and Their State Registration. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1009 of August 13, 1997 (as amended on November 15, 2024)]. *SZ RF*. 33. Art. 3895; 47. Art. 7146.
31. Rossiyskiye vesti. (1992; 1993) Postanovleniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 08.05.1992 № 305 "O gosudarstvennoy registratsii vedomstvennykh normativnykh aktov" (red. 13.04.1993) [On the State Registration of Departmental Regulatory Acts. Decree of the Government of the Russian Federation No. 305 of May 8, 1992 (as amended on April 13, 1993)]. *Rossiyskiye vesti*. 11; 75.
32. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Official Internet Portal of Legal Information]. (2018) Prikaz Ministerstva prirodnykh resursov i ekologii Rossiyskoy Federatsii ot 18.04.2018 № 154 "Ob utverzhdenii perechnya ob"yektov, okazyvayushchikh negativnoye vozdeystviye na okruzhayushchuyu sredu, otnosyashchikhsya k I kategorii, vklad kotorykh v summarnyye vybrosy, sbrosy zagryaznyayushchikh veshchestv v Rossiyskoy Federatsii sostavlyayet ne meneye chem 60 protsentov" [On Approval of the List of Facilities Having a Negative Impact on the Environment, Belonging to Category I, Whose Contribution to Total Pollutant Emissions and Discharges in the Russian Federation Is No Less Than 60 Percent. Order of the Ministry of Natural Resources and Environment of the Russian Federation No. 154 of April 18, 2018]. *Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii* [Official Internet Portal of Legal Information]. [Online] Available from: http://pravo.gov.ru (Accessed: 20.09.2025).
33. Federal'nyy portal proyektov normativnykh pravovykh aktov [Federal Portal of Draft Regulatory Legal Acts]. (2025) Proyekt vedomstvennogo akta "Ob utverzhdenii perechnya ob"yektov, okazyvayushchikh negativnoye vozdeystviye na okruzhayushchuyu sredu, otnosyashchikhsya k I kategorii, vklad kotorykh v summarnyye vybrosy, sbrosy zagryaznyayushchikh veshchestv v Rossiyskoy Federatsii sostavlyayet ne meneye chem 60 protsentov" [On approval of the list of facilities with a negative impact on the environment, belonging to Category I, whose contribution to total emissions and discharges of pollutants in the Russian Federation is at least 60 percent. Draft departmental act]. *Federal'nyy portal proyektov normativnykh pravovykh aktov* [Federal Portal of Draft Regulatory Legal Acts]. [Online] Available from: https://regulation.gov.ru/projects#npa=47944 (Accessed: 20.09.2025).
34. SZ RF. (2024) Federal'nyy zakon ot 08.08.2024 № 221-FZ "O vnesenii izmeneniy v otdel'nyye zakonodatel'nyye akty Rossiyskoy Federatsii" [On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation. Federal Law No. 221-FZ of August 8, 2024]. *SZ RF*. 33 (Part 1). Art. 4917.
35. SZ RF. (2024; 2025) Postanovleniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 31.10.2024 № 1463 "Ob utverzhdenii trebovaniy k deyatel'nosti operatora mayningovoy infrastruktury" (red. 22.04.2025) [On Approval of the Requirements for the Activities of a Mining Infrastructure Operator.

Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1463 of October 31, 2024 (as amended on April 22, 2025)]. *SZ RF*. 45. Art. 6812; 17. Art. 2143.

36. SZ RF. (2024) Postanovleniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 01.11.2024 № 1466 "Ob obyazannosti litsa, osushchestvlyayushchego mayning tsifrovoy valyuty (v tom chisle uchastnika mayning-pula), po predostavleniyu informatsii o poluchenii tsifrovoy valyuty v sluchaye vypuska (polucheniya) tsifrovoy valyuty v rezul'tate mayninga tsifrovoy valyuty, a takzhe ob adrese-identifikatore, vklyuchaya adres-identifikator mayning-pula" [On the Obligation of a Person Mining Digital Currency (Including a Mining Pool Participant) to Provide Information on the Receipt of Digital Currency in the Event of the Issue (Receipt) of Digital Currency as a Result of Digital Currency Mining, as well as on the Identifier Address, Including the Identifier Address of a Mining Pool. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1466 of November 1, 2024]. *SZ RF*. 45. Art. 6815.
37. SZ RF. (2024) Postanovleniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 01.11.2024 № 1469 "Ob ustanovlenii limita energopotrebleniya pri osushchestvlenii mayninga tsifrovoy valyuty (v tom chisle uchastii v mayning-pule) bez vklyucheniya v reyestr lits, osushchestvlyayushchikh mayning tsifrovoy valyuty, fizicheskimi litsami – grazhdanami Rossiyskoy Federatsii, ne yavlyayushchimisya individual'nymi predprinimatelyami, i o vnesenii izmeneniy v postanovleniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 29 dekabrya 2011 g. № 1178" [On Establishing an Energy Consumption Limit for Digital Currency Mining (Including Participation in a Mining Pool) Without Inclusion in the Register of Persons Mining Digital Currency by Individuals – Citizens of the Russian Federation Who Are Not Sole Proprietorship Entrepreneurs, and on Amending RF Government Resolution No. 1178 of December 29, 2011. RF Government Resolution No. 1469 of November 1, 2024]. *SZ RF*. 45. Art. 6818.
38. *Federal'nyy portal proyektov normativnykh pravovykh aktov* [Federal Portal of Draft Regulatory Legal Acts]. (2025) [Online] Available from: https://regulation.gov.ru/ (Accessed: 20.09.2025).
39. SZ RF. (2012; 2023) Postanovleniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 25.08.2012 № 851 "O poryadke raskrytiya federal'nymi organami ispolnitel'noy vlasti informatsii o podgotovke proyektov normativnykh pravovykh aktov i rezul'tatakh ikh obshchestvennogo obsuzhdeniya" (vmeste s "Pravilami raskrytiya federal'nymi organami ispolnitel'noy vlasti informatsii o podgotovke proyektov normativnykh pravovykh aktov i rezul'tatakh ikh obshchestvennogo obsuzhdeniya") (red. ot 29.05.2023) [On the Procedure for Disclosure by Federal Executive Bodies of Information on the Preparation of Draft Regulatory Legal Acts and the Results of Their Public Discussion. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 851 of August 25, 2012 (together with the Rules for Disclosure by Federal Executive Bodies of Information on the Preparation of Draft Regulatory Legal Acts and the Results of Their Public Discussion) (as amended on May 29, 2023)]. *SZ RF*. 36. Art. 4902; 23 (Part 1). Art. 4167.
40. SZ RF. (2020; 2024) Rasporyazheniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 15.12.2020 № 3340-r "Ob utverzhdenii perechnya vidov gosudarstvennogo kontrolya (nadzora), v ramkakh kotorykh obespechivayutsya priznaniye utrativshimi silu, ne deystvuyushchimi na territorii Rossiyskoy Federatsii i otmena normativnykh pravovykh aktov Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii, federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti, pravovykh aktov ispolnitel'nykh i rasporyaditel'nykh organov gosudarstvennoy vlasti RSFSR i Soyuza SSR, soderzhashchikh obyazatel'nyye trebovaniya, soblyudeniye kotorykh otsenivayetsya pri osushchestvlenii gosudarstvennogo kontrolya (nadzora)" (red. ot 23.01.2024) [On Approving the List of Types of State Control (Supervision) That Ensure the Recognition as Invalid, No Longer Effective in the Territory of the Russian Federation, and the Cancellation of Regulatory Legal Acts of the Government of the Russian Federation, Federal Executive Bodies, and Legal Acts of Executive and Administrative Bodies of State Power of the RSFSR and the USSR Containing Mandatory Requirements, Compliance with Which is Assessed During the Implementation of State Control (Supervision). Order of the Government of the Russian Federation No. 3340-r of December 15, 2020 (as amended on January 23, 2024)]. *SZ RF*. 52 (Part 2). Art. 8906; 5. Art. 750.
41. Andreyechev, I.S. (2021) Realizatsiya "regulyatornoy gil'otiny" na regional'nom i munitsipal'nom urovnyakh [Implementation of the "regulatory guillotine" at the regional and municipal levels]. *Monitoring pravoprimeneniya*. 4 (41). pp. 21–30.
42. Primorskaya gazeta. (2022) Zakon Primorskogo kraya ot 02.06.2022 № 126-KZ "Ob obyazatel'nykh trebovaniyakh, ustanavlivayemykh normativnymi pravovymi aktami Primorskogo kraya" (red. ot 24.04.2023) [On Mandatory Requirements Established by Regulatory Legal Acts of Primorsky Krai. Law of Primorsky Krai No. 126-KZ of June 2, 2022 (as amended on April 24, 2023)]. *Primorskaya gazeta. Spetsvypusk*. 40 (1979).
43. Volzhskaya kommuna. (2021) Zakon Samarskoy oblasti ot 16.07.2021 № 62-GD "Ob obyazatel'nykh trebovaniyakh, ustanavlivayemykh normativnymi pravovymi aktami Samarskoy oblasti, i vnesenii izmeneniy v stat'yu 5.1 Zakona Samarskoy oblasti "O normativnykh pravovykh aktakh Samarskoy oblasti" (red. ot 24.06.2025) [On Mandatory Requirements Established by Regulatory Legal Acts of Samara Oblast and Amendments to Article 5.1 of the Law of Samara Oblast "On Regulatory Legal Acts of Samara Oblast". Law of Samara Oblast No. 62-GD of July 16, 2021 (as amended on June 24, 2025)]. *Volzhskaya kommuna*. 114 (31113).
44. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Official Internet Portal of Legal Information]. (2024) Zakon Respubliki Mordoviya ot 25.06.2024 № 48-Z "Ob obyazatel'nykh trebovaniyakh, ustanavlivayemykh normativnymi pravovymi aktami Respubliki Mordoviya" (red. ot 25.06.2024) [On Mandatory Requirements Established by Regulatory Legal Acts of the Republic of Mordovia. Law of the Republic of Mordovia No. 48-Z of June 25, 2024 (as amended on June 25, 2024)]. *Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii* [Official Internet Portal of Legal Information]. [Online] Available from: http://pravo.gov.ru (Accessed: 20.09.2025).
45. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Official Internet Portal of Legal Information]. (2024) Zakon Nenetskogo avtonomnogo okruga ot 02.12.2024 № 71-OZ "Ob obyazatel'nykh trebovaniyakh, ustanavlivayemykh normativnymi pravovymi aktami Nenetskogo avtonomnogo okruga" (red. ot 02.12.2024) [On Mandatory Requirements Established by Regulatory Legal Acts of the Nenets Autonomous Okrug. Law of the Nenets Autonomous Okrug No. 71-OZ of December 2, 2024 (as amended on December 2, 2024)]. *Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii* [Official Internet Portal of Legal Information]. [Online] Available from: http://pravo.gov.ru (Accessed: 20.09.2025).
46. Krasnyy Sever. (2021) Zakon Vologodskoy oblasti ot 07.12.2021 № 5017-OZ "Ob obyazatel'nykh trebovaniyakh, ustanavlivayemykh normativnymi pravovymi aktami Vologodskoy oblasti" (red. ot 10.10.2023) [On Mandatory Requirements Established by Regulatory Legal Acts of the Vologda Oblast. Vologda Oblast Law No. 5017-OZ of December 7, 2021 (as amended on October 10, 2023)]. *Krasnyy Sever*. 138.
47. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Official Internet Portal of Legal Information]. (2023) Oblastnoy zakon Leningradskoy oblasti ot 15.06.2023 № 64-oz "Ob obyazatel'nykh trebovaniyakh, ustanavlivayemykh normativnymi pravovymi aktami Leningradskoy oblasti" (red. ot 26.06.2023) [On Mandatory Requirements Established by Regulatory Legal Acts of the Leningrad Oblast. Leningrad Oblast Law No. 64-oz of June 15, 2023 (as amended on June 26, 2023)]. *Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii* [Official Internet Portal of Legal Information]. [Online] Available from: http://pravo.gov.ru (Accessed: 20.09.2025).
48. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Official Internet Portal of Legal Information]. (2023) Zakon Bryanskoy oblasti ot 02.02.2021 № 1-Z "Ob obyazatel'nykh trebovaniyakh, ustanavlivayemykh normativnymi pravovymi aktami Bryanskoy oblasti" (red. ot 22.04.2023) [On Mandatory Requirements Established by Regulatory Legal Acts of the Bryansk Oblast. Bryansk Oblast Law No. 1-Z of February 2, 2021 (as amended on April 22, 2023)]. *Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii* [Official Internet Portal of Legal Information]. [Online] Available from: http://pravo.gov.ru (Accessed: 20.09.2025).
49. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Official Internet Portal of Legal Information]. (2025) Zakon Khabarovskogo kraya ot 29.09.2021 № 211 "Ob otdel'nykh voprosakh realizatsii Federal'nogo zakona "Ob obyazatel'nykh trebovaniyakh v Rossiyskoy Federatsii" (red. ot 25.04.2025) [On Certain Issues of Implementing the Federal Law "On Mandatory Requirements in the Russian Federation". Khabarovsk Krai Law No. 211 of September 29, 2021 (as amended on April 25, 2025)]. *Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii* [Official Internet Portal of Legal Information]. [Online] Available from: http://pravo.gov.ru (Accessed: 20.09.2025).
50. Letunovskiy, V.V. & Ageyev, A.A. (2021) Nekotoryye problemy realizatsii meropriyatiy "regulyatornoy gil'otiny" [Certain issues of implementing "regulatory guillotine" measures]. *Administrativnoye pravo i protsess*. 1. pp. 34–42.

51. Rumak, V.B. (2020) Regulyatornuyu gil'otinu nel'zya stavit' vo glavu ugla v administrativnoy reforme [Interv'yu s P.V. Krasheninnikovym] [The regulatory guillotine should not be the main administrative reform [Interview with P.V. Krasheninnikov]]. *Zakon*. 6. pp. 8–12.
52. SZ RF. (2021; 2024) Postanovleniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 31.12.2020 № 2467 "Ob utverzhdenii perechnya normativnykh pravovykh aktov i grupp normativnykh pravovykh aktov Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii, normativnykh pravovykh aktov, otdel'nykh polozheniy normativnykh pravovykh aktov i grupp normativnykh pravovykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti, pravovykh aktov, otdel'nykh polozheniy pravovykh aktov, grupp pravovykh aktov ispolnitel'nykh i rasporyaditel'nykh organov gosudarstvennoy vlasti RSFSR i Soyuza SSR, resheniy Gosudarstvennoy komissii po radiochastotam, soderzhashchikh obyazatel'nyye trebovaniya, v otnoshenii kotorykh ne primenyayutsya polozheniya chastey 1, 2 i 3 stat'i 15 Federal'nogo zakona "Ob obyazatel'nykh trebovaniyakh v Rossiyskoy Federatsii" (red. ot 03.02.2024) [On approval of the list of regulatory legal acts and groups of regulatory legal acts of the Government of the Russian Federation, regulatory legal acts, individual provisions of regulatory legal acts and groups of regulatory legal acts of federal executive bodies, legal acts, individual provisions of legal acts, groups of legal acts of executive and administrative bodies of state power of the RSFSR and the USSR, decisions of the State Commission on Radio Frequencies, containing mandatory requirements, to which the provisions of Parts 1, 2 and 3 of Article 15 of the Federal Law On Mandatory Requirements in the Russian Federation do not apply. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 2467 of December 31, 2020 (as amended on February 03, 2024)]. *SZ RF*. 2 (Part 2). Art. 471; 7. Art. 957.
53. Sistema obespecheniya zakonodatel'noy deyatel'nosti [Legislative Support System]. (2025) Proyekt federal'nogo zakona № 577665-8 "O vnesenii izmeneniy v chasti pervuyu i vtoruyu Nalogovogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i otdel'nyye zakonodatel'nyye akty Rossiyskoy Federatsii o nalogakh i sborakh" [On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation on Taxes and Fees. Draft Federal Law No. 577665-8]. *Sistema obespecheniya zakonodatel'noy deyatel'nosti* [Legislative Support System]. [Online] Available from: https://sozd.duma.gov.ru/bill/577665-8 (Accessed: 20.09.2025).
54. Sistema obespecheniya zakonodatel'noy deyatel'nosti [Legislative Support System]. (2025) Proyekt federal'nogo zakona № 850621-7 "O gosudarstvennom kontrole (nadzore) i munitsipal'nom kontrole v Rossiyskoy Federatsii" [On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation. Draft Federal Law No. 850621-7]. *Sistema obespecheniya zakonodatel'noy deyatel'nosti* [Legislative Support System]. [Online] Available from: https://sozd.duma.gov.ru/bill/850621-7 (Accessed: 20.09.2025).
55. *Sistema obespecheniya zakonodatel'noy deyatel'nosti* [Legislative Support System]. (2025) Proyekt federal'nogo zakona № 682010-7 "O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon "O kontraktnoy sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd" [On Amendments to the Federal Law "On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, and Services for Ensuring National and Municipal Needs". Draft Federal Law No. 682010-7]. *Sistema obespecheniya zakonodatel'noy deyatel'nosti* [Legislative Support System]. [Online] Available from: https://sozd.duma.gov.ru/bill/682010-7 (Accessed: 20.09.2025).
56. SZ RF. (2017) Postanovleniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 10.07.2017 № 813 "O vnesenii izmeneniy v nekotoryye akty Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii" [On Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 813 of July 10, 2017]. *SZ RF*. 29. Art. 4374.
57. Minina, A.A., Serdyukova, E.V. & Perepadya, O.A. (2023) Nekotoryye rezul'taty realizatsii "otformatirovannogo" instituta obyazatel'nykh trebovaniy [Some results of the implementation of the "formatted" institute of mandatory requirements]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 4 (220). pp. 161–164.

Информация об авторах:
Черкасов К.В. – д-р юрид. наук, зав. кафедрой юридических дисциплин Российского государственного гуманитарного университета (филиал в г. Домодедово) (Домодедово, Россия); профессор кафедры административного, финансового и информационного права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Москва, Россия); профессор кафедры конституционного, административного права и правового обеспечения государственной службы Вятского государственного университета (Киров, Россия). E-mail: CherkasovKV1978@yandex.ru
Переседов А.М. – канд. юрид. наук, доцент кафедры юридических дисциплин Российского государственного гуманитарного университета (филиал в г. Домодедово) (Домодедово, Россия). E-mail: peresedov.alexey@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
K.V. Cherkasov, Dr. Sci. (Law), professor, Russian State University for the Humanities, Domodedovo Branch (Domodedovo, Russian Federation); professor, All-Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation); professor, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: CherkasovKV1978@yandex.ru
A.M. Peresedov, Cand. Sci. (Law), associate professor, Russian State University for the Humanities, Domodedovo Branch (Domodedovo, Russian Federation). E-mail: peresedov.alexey@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.11.2024;
одобрена после рецензирования 01.10.2025; принята к публикации 10.10.2025.

The article was submitted 14.11.2024;
approved after reviewing 01.10.2025; accepted for publication 10.10.2025.